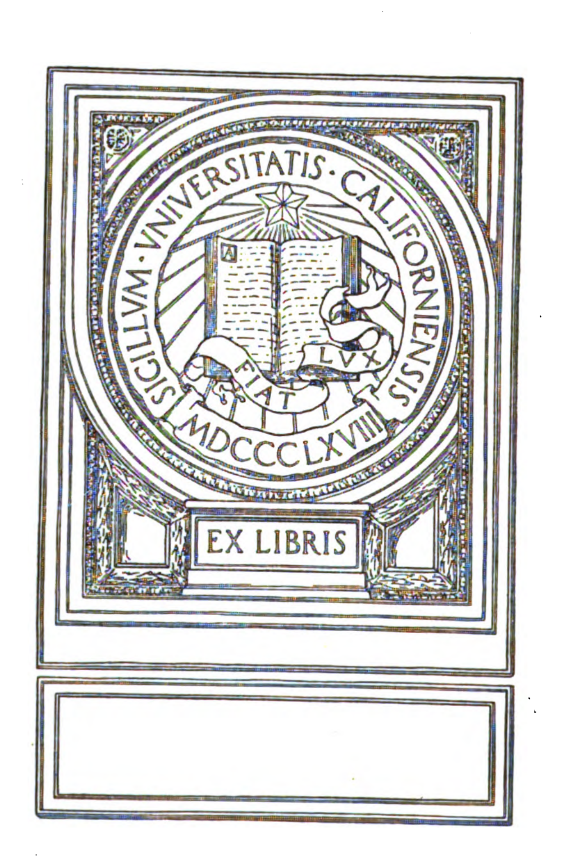
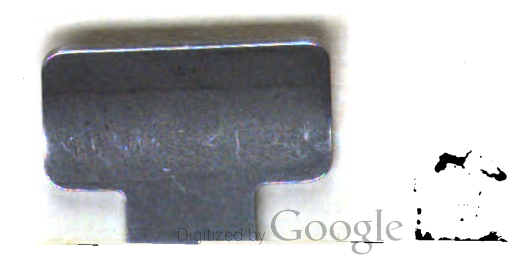
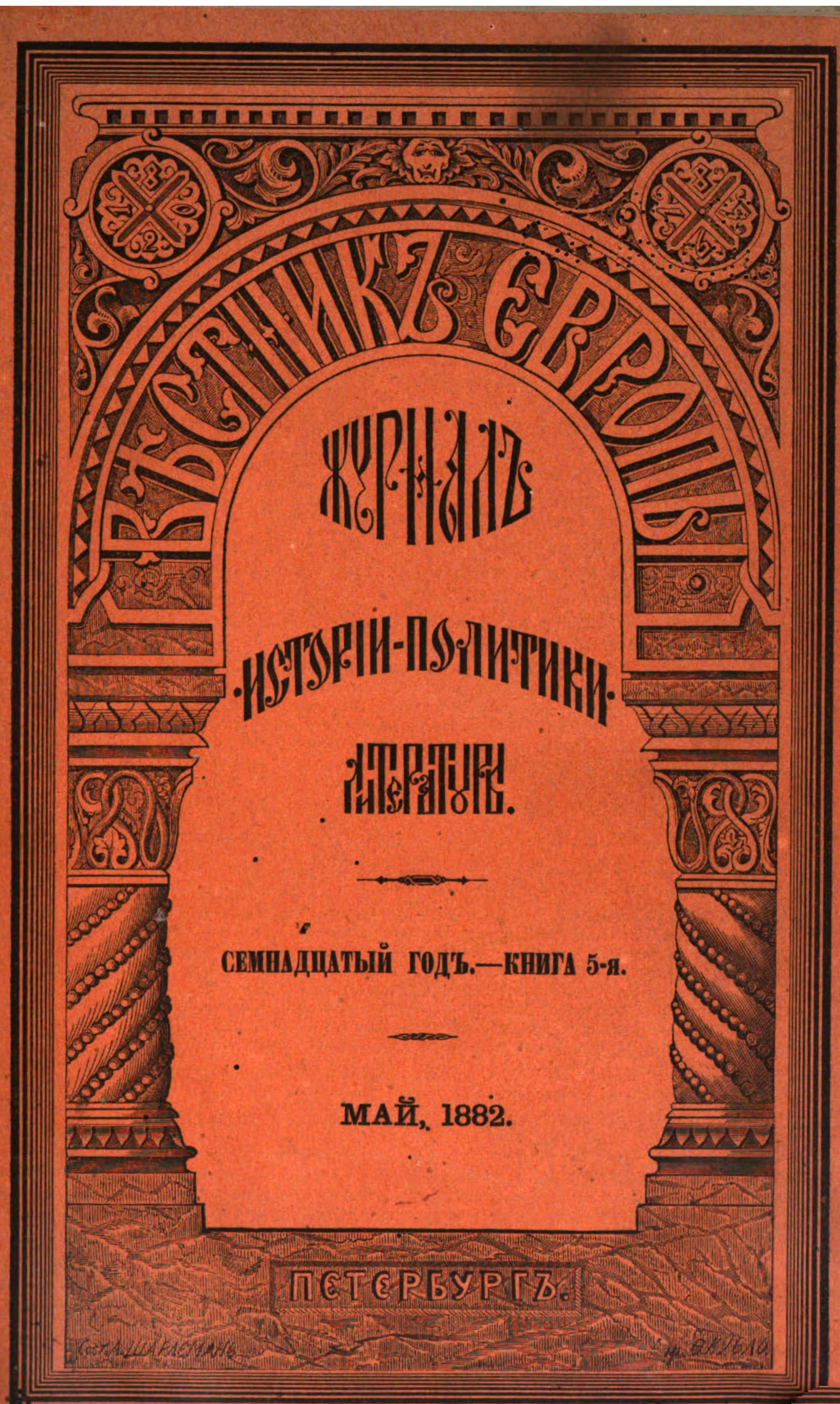

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT
LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS




ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.
МАЙ, 1882.
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1882.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I-XII стр.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ III.

ГОДЪ XLVI. — ТОМЪ CCLXIX. — 1/13 МАЯ, 1882

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕВЯНОСТО-ПЯТЫЙ ТОМЪ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1882

(692)

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

XVI *).

ОФИЦЕРША.

Я только-что пришелъ съ гумна, гдѣ у меня домолачивали гречиху (дѣло было въ сентябрѣ), и садился за самоваръ, сиротливо звенѣвшій на столѣ, какъ ко мнѣ въ комнату вошелъ, извѣстный уже читателю, Березовскій мужикъ, Василій Миронычъ. Совершивъ съ обычною своей степенностью крестное знаменіе и солидно поздоровавшись со мною, онъ вдругъ хлопнулъ по бедрамъ руками и воскликнулъ:

— Оказія, братецъ ты мой!

Тутъ только я замѣтилъ, что степенность, соблюденная Василіемъ Миронычемъ при входѣ, была напускная: онъ явно былъ возбужденъ и лицо его являло видъ недоумѣвающій.

— Оказія,—повторилъ онъ, принимаясь за чай.

— Что такое?

— Учительша у насъ замудрила!

— Офицерша?

— Она. Такъ то-есть замудрила—помирай! Ребятишки отъ рукъ отбились.

— Учитъ плохо?

— Чего плохо—въ отдѣлку бросила...

— Какъ бросила?

— Кинула и шабашъ!—Никакъ не учитъ.

— Что же это?..

— Подивись.

— Ну, дѣлаетъ она, что-нибудь?

*) См. выше: декабрь 1881, стр. 514.

— А ничего не дѣлаетъ. Лежитъ ничкомъ, только и дѣловъ-отъ ей...

— Больна?

Василій Мироньгчъ развелъ-было въ недоумѣніи руками, но затѣмъ поправилъ волосы и рѣшительно добавилъ:

— Замудрила.

— Не пойму...—сказалъ я.

— Замудрила,—повторилъ онъ настоятельно и, вынувъ клѣтчатый платокъ, старательно отеръ имъ лобъ.

— Отчего же ей мудрить-то?

Василій Мироньгчъ подумалъ и сразу утратилъ рѣшительность.

— Диво!—произнесъ онъ.—Мы ужъ ходили, ходили вокругъ ей... И такъ понимали, испорчена-то она: бабку приводили. Бабка поглядѣла, поглядѣла — плюнула. И умоляли-то ей: неладно, молъ, ребятишки безъ призору... И попрекать принимались: такая ты сякая, молъ... ты, молъ, деньги получаешь, ты уговоръ, какъ ни какъ, соблюдать должна, а не то что... И такъ говорили: ежели молъ, на счетъ прибавки — не постоимъ, получай, дѣло твое мы видимъ... Хошь убей — колода колодой! Ахъ ты...

Онъ сердито и скоро допилъ изъ блюдечка чай, и допивъ, снова началъ:

— Думали такъ: ругать ежели... пронять ее, оборвать... Хоть бы сердце-то она сорвала, думаемъ ужъ, осерчала бы на насъ... Да, признаться, и самихъ-то зло разобрало--суди самъ: лежитъ человѣкъ и хоть бы слово, тоже вѣдь люди мы... Тоже вѣдь, какіе ни на есть, а не въ родѣ какъ собаки, напримѣръ...

Василій Мироньгчъ какъ будто оправдывался и въ пылу этого оправданія началъ даже негодовать. Я прервалъ его.

— Ну?

— Пробовали. Рванетъ это ее, рванетъ... ажно передернетъ всю иной разъ — затрепыхается словно птица, и опять пластъ-пластомъ!

Онъ помолчалъ.

— Ума рѣшились. Бросить ежели, плюнуть—жалко! Первое дѣло—дѣться ей некуда,—отецъ-то идолъ вѣдь во всѣхъ статьяхъ... Другое—баба душевная... Мальчонокъ-то у меня какой? — вершокъ въ ёмъ.—Василій Мироньгчъ многозначительно посмотрѣлъ на меня и, переполнивъ тонъ свой благоговѣйностью, добавилъ: —пишетъ! Росписки пишетъ... Запись ведетъ!

— Да съ чего же это съ ней?—спросилъ я.

— Ума не приложимъ. Такъ жалко намъ, такъ жалко...

Ты подумай—даровая, почитай!.. А ужъ съ ребятишками вникала... Эхъ, какъ вникала сердешная! — И Василій Миронычъ тяжко вздохнулъ.

— Мы къ тебѣ, — сказалъ онъ немного спустя, вставая и кланяясь низко.

— На счетъ чего?

— Развяжи узелъ.

— Какой?

— На счетъ офицерши.

— Да что же я-то сдѣлаю?

— Тебѣ виднѣе... Темный мы народъ-то! Мы вѣдь въ родѣ какъ слѣпцы теперь: бродимъ ощупью да спотыкаемся... Уважь, провѣдай ее! Можетъ, у ней, правда, болѣсть какая—дѣло ваше барское, мудреное, намъ, дуракамъ, и не въ домекъ, глядишь... Аль обида ей отъ кого — дуроломы вѣдь мы, остолопы... Мы вѣдь радостью рады человѣка-то остолбить!.. Рѣчи-то наши извѣстныя: отъ слова отъ одного осатанѣешь... — Пріѣзжай! Мы, какъ ни какъ, услугу твою попомнимъ... — Ежели дохтура ей, такъ мы не токмо-что—городского приспособимъ... А ужъ обиды ежели—храни Богъ! Прямо говорю: глазъ не показывай такой человѣкъ... Такъ исполосуемъ такого человѣка—сѣсть станетъ невозможно. Вотъ!

И благодушное лицо Василія Мироныча внезапно изобразило сухую и жесткую злобу.

Я обѣщалъ.

Но прежде, чѣмъ разсказать о поѣздкѣ моей въ Березовку, нужно, я думаю, сообщить вамъ о томъ, какъ состоялось знакомство мое съ офицершей. Слушайте же.

Былъ мартъ. Солнце стояло высоко и сильно пригрѣвало. На поляхъ показались проталины. Среди дня, съ крышъ обильно падали капели и по тропинкамъ сочились ручьи. Снѣгъ пожелтѣлъ. Сугробы медленно опадали. Дороги тянулись по полямъ грязными лентами. Дали приблизились и засинѣли явственно и рѣзко. На дворахъ курился навозъ, переполняя воздухъ крѣпкимъ и прянымъ запахомъ. Въ деревняхъ хлопотливо кудахтали куры, и пѣтухи звонко оглашали окрестность торжественнымъ своимъ пѣніемъ.

Странное это время, читатель! Все обновляется, все готовится къ жизни, а между тѣмъ, какая-то тихая печаль непрестанно и томительно преслѣдуетъ васъ. Въ ушахъ—звонъ, нервы какъ-то расшатаны и болѣзненно чутки, сердце сжимается тоскливо...

Какъ будто кто-то невѣдомый зоветъ васъ. Вы не усидите въ комнатѣ, куда такъ тепло и такъ привѣтливо заглядываетъ мартовское солнце—вамъ скучно, васъ тянетъ оттуда. Но въ полѣ, лицомъ къ лицу съ воскресающей природой, васъ обнимаетъ грусть. Мягкіе тоны, облекающіе поле; мечтательное журчаніе ручейковъ, даль—голубая и влажная; ясное солнце, свѣтящее тихо и задумчиво; теплый и талый весенній воздухъ, сладко стѣсняющій дыханіе—все это щемитъ ваше сердце и переполняетъ вашу грудь какою-то мучительною нѣгой. Вамъ иногда кажется, что кто-то умираетъ вокругъ васъ, кроткою и безмолвной смертью. Вы какъ будто разстаетесь съ чѣмъ-то близкимъ и роднымъ, и безконечная жалость проникаетъ все ваше существо... И голубая даль неотступно манитъ васъ къ себѣ. Вамъ хочется суеты, шума, движенія... Вамъ мерещится толпа, жизнь... а вокругъ та же мертвая тишина, то же солнце, ясное и ласковое, тотъ же раздражающій воздухъ.

Такъ вотъ когда солнце свѣтило ужъ особенно ярко и тепло, и особенно грустно мнѣ было на моемъ хуторкѣ, вокругъ котораго звенѣли многочисленные ручейки, и гибкія ракиты колебались тихо и размѣренно, я проѣхалъ въ березовскую школу. Въ ней шли занятія. Насквозь пронизанная кроткими солнечными лучами, она была переполнена ребятами. Мнѣ, вошедшему туда прямо съ поля, гдѣ мертвое безмолвіе и глубокая тишина прерывались лишь слабымъ лепетомъ ручьевъ, сбѣгавшихъ въ ложбины, показалось тамъ шумно и весело. Но въ шумѣ замѣчалась стройность. Самая школа не походила на обычныя, патентованныя школы. Все въ ней было первобытно. Парты и скамейки отсутствовали; стѣны не украшались картинами изъ священной исторіи, въ углу не воздвигалась неизбѣжная черная доска, исполосованная мѣломъ. Книжекъ у ребятъ не было. Письменныхъ принадлежностей тоже не замѣчалось у нихъ. Толпились они безпорядочно и безъ всякаго страха. Иные изъ нихъ сидѣли на полу; иные занимали лавки или стояли; нѣкоторые же забрались на печку и бойко выглядывали оттуда живыми и смышлеными глазенками. Всѣ на перебой возглашали названія буквъ. (Какъ и все въ школѣ, методъ былъ первобытный: ребята хоромъ кричали: *Глаголь! Мыслете! Твердо!*). Посреди толпы стояла женщина, маленькая, худая, съ тонкими угловатыми плечами и впалой грудью. Это и была офицерша. Вся въ лучахъ яркаго солнца, она какъ бы сіяла. Блаженная улыбка лежала у ней на губахъ. Огромные глаза смотрѣли восторженно. Слабый голосокъ нервно напрягался и дрожалъ, переполненный

чувствомъ радости и веселаго, чисто дѣтскаго торжества. Поза—простая и важная (она высоко поднимала руку съ картонной буквой); свѣтлые волосы, безпорядочными прядями свѣсившіеся на лобъ; темный румянецъ, проступавшій на худомъ и некрасивомъ лицѣ; скромный сѣренькій костюмъ, ниспадавшій свободными складками вокругъ ея хрупкаго тѣла,—все въ ней было привлекательно. Она неудержимо влекла къ себѣ. Безконечная доброта, выступавшая въ ея взглядѣ—умиляла.

Она не обратила на меня вниманія до тѣхъ поръ, пока кончились занятія. Тогда мы познакомились. Вся она, казалось, была переполнена счастьемъ. Ребята привыкли къ ней и понимали быстро. Скоро вся эта толпа будетъ читать, будетъ вносить свѣтъ въ гнилыя избушки, полныя мрака и смрада. Душа офицерши, чистая и ясная какъ хрусталь, не поддавалась никакимъ опасеніямъ. Глаза смотрѣли впередъ смѣло и наивно.

Мы говорили съ ней долго и открыто. Да иначе и нельзя было: она не понимала фальши. Надо было видѣть, какъ изумленно открывались ея глаза и какое недоумѣніе изображалось на лицѣ ея, когда она убѣждалась, что ей *намѣренно* говорятъ неправду. И это даже тогда, если неправда преподносилась въ видѣ шутки. Свои мечты, свои поступки, мысли и намѣренія свои—ничего она не скрывала. Все съ полнѣйшей искренностью сообщила она мнѣ, лишь только увидала, что школа меня интересуетъ и что мнѣ не чужды интересы «высшаго порядка» (какъ, нѣсколько книжно, выразилась).

Она много натерпѣлась горя. Жизнь не даромъ наложила на нее какой-то страдальческій отпечатокъ, рѣзко выступавшій, чуть только она переставала говорить о школѣ и о теперешней своей дѣятельности. Тогда блаженная улыбка сбѣгала съ ея губъ, и онѣ принимали то выраженіе скорби, которое столь свойственно русскимъ крестьянкамъ; глаза померкали; румянецъ уступалъ мѣсто болѣзненной блѣдности; вся она какъ-то сжималась и дѣлалась жалкой и безпомощной.

Во время разговора нашего такая перемѣна совершилась съ ней, когда она отрывочно и неполно сообщила мнѣ свою біографію. Вотъ эта біографія. Училась она въ институтѣ, но курса тамъ не кончила. Затѣмъ попала въ родительскій домъ, гдѣ чахлая мать, тонная и нервозная, и здоровякъ-отецъ, плутъ и пройдоха, довершили ея образованіе. Мать внѣдряла романтическую сладость и въ сотый разъ заставляла ее читать «Аммалатъ-Бека», отецъ убѣждалъ сколачивать копѣйку и ловить жениха съ капиталомъ. Капиталистъ не явился, но въ деревню пришла

рота. Молодой офицерикъ, съ легкимъ сердцемъ проскользнувши по растрепаннымъ книжкамъ журналовъ, преподнесъ дѣвушкѣ, обезумѣвшей отъ лжи и тупости родительской, самовѣрнѣйшій рецептъ отъ всевозможныхъ бѣдствій. Въ заключеніе увлекъ ее... Отецъ проклялъ «негодницу», мать умерла отъ огорченія, сосѣди прозвали ее офицершей. Мало-по-малу она привыкла къ этой кличкѣ. И она была счастлива: завѣса открывалась передъ нею. Свѣтъ билъ въ глаза. Безконечныя перспективы любви, добра, свободы неудержимо влекли къ себѣ.

Это продолжалось не долго. Деньщики растаскали хорошія книжки на «цыгарки», и вмѣсто блистательныхъ перспективъ, для дѣвушки наступили безконечные переѣзды. Изъ Тамбова полкъ переходилъ въ Бѣлевъ, изъ Бѣлева въ Муромъ, изъ Мурома въ Елецъ, и повсюду попойки, карты, мелкія волокитства, вѣчные разговоры о производствѣ, о порціонахъ, о шагистикѣ... Тоска заѣдала ее пуще и пуще. Она училась въ винтъ и бросила. Пробовала пить и не могла. Къ счастью, она родила и ее покинули. Ребенокъ у ней умеръ. Измученная, изломанная, разбитая и больная, она возвратилась къ отцу.

Отецъ въ то время успѣлъ уже спустить на какихъ-то предпріятіяхъ имѣньице свое и теперь, наученный опытомъ, обнаглѣвшій и дерзкій, держалъ трактиръ. Хриплый органъ игралъ въ немъ аріи изъ «Травіаты» и привлекалъ публику. Трактиръ торговалъ бойко. Съ утра до ночи слышались въ немъ нестройныя рѣчи, пьяный бабій визгъ, дребезгъ посуды и проворное шмыганіе половыхъ. Запахъ сивухи и пара, овчинныхъ тулуповъ и сырости, каплями сочившейся съ потолка, отравлялъ воздухъ.

Здѣсь-то поселилась офицерша. Отецъ указалъ ей мѣсто за буфетомъ. И насмотрѣлась она, налюбовалась за этимъ буфетомъ! Пьянство, невѣжество, развратъ, буйство, — все прошло передъ ней отвратительной вереницей. И, Боже, какъ горѣло ея сердце... Отрезвить, научить, просвѣтить хотѣлось ей всѣхъ этихъ «несчастныхъ» (такъ она выразилась); но она была слабая, больная, подневольная. Что она дѣлала? — она ночи на пролетъ плакала и мечтала.

И, въ концѣ концовъ, во что бы то ни стало, рѣшила быть учительницей.

Долго это рѣшеніе таила она про себя. А когда сообщила о немъ отцу, онъ обозвалъ ее дурой. Но тутъ подвернулись Березовскіе мужики, и она совершенно внезапно очутилась учительницей.

Позваній у нея было очень мало. Все институтское давно

испарилось. Никакого понятія о педагогикѣ она не имѣла, о звуковомъ методѣ слышала смутно, книжекъ Корфа и Ушинскаго не видала никогда... Но все ея существо было переполнено страстнымъ желаніемъ: водворять грамоту въ селахъ. Въ грамотѣ она чаяла спасеніе. Этого было довольно.

— Какой же методъ у васъ?—спросилъ я.

Она не понимала, что такое: «методъ». И когда я объяснилъ ей—засмѣялась.

— А вы видѣли? — нарѣзала я кружочки изъ картонокъ и на нихъ нарисовала буквы. Вотъ показываю я эти буквы и говорю: это — мыслете! Они ужъ и знаютъ. Покажу всѣ, назову, а затѣмъ и спрашиваю—ну, отвѣчаютъ.—Это я сама выдумала, —наивно прибавила она и съ нѣкоторой гордостью посмотрѣла на меня, но тотчасъ же сконфуженно поникла головою и продолжала, какъ бы оправдываясь: — я долго думала, и думала сначала по азбукамъ... Но вѣдь это ужасно много нужно денегъ и неудобно же... И вотъ теперь отлично. О, какіе смышленые эти ребята!.. И вы не повѣрите, какъ они быстро понимаютъ... Есть уже такіе, что знаютъ склады, а вѣдь это ужасно удивительно...

Я ей сообщилъ о звуковомъ методѣ. Она сначала было задумалась, но немного спустя въ смущеніи сказала:

— Нѣтъ ужъ, знаете ли, я по своему. Я вѣдь ужасно глупая — я ничего не пойму! Мнѣ нужно долбить, долбить... А теперь я ужъ привыкла и мнѣ очень будетъ трудно, ежели отвыкать. И вы не подумайте—право же они отлично понимаютъ... О, это такіе умные!.. — А вотъ вы чему научите меня, гдѣ бы мнѣ найти такую книжку, чтобы все, все въ ней было означено: какъ учить, какъ говорить, какъ что... Право же я ничего не знаю. — И опять вотъ о чемъ: гдѣ бы купить такихъ книжекъ, чтобы онѣ были умныя, умныя и чтобы очень дешевыя?.. Я это для нихъ. Я вотъ о чемъ думаю: ну, выучу я ихъ, а что жъ они читать-то будутъ?.. И такъ придумала, что непремѣнно нужно найти книжки... Но самыя, самыя дешевыя! Я тутъ недавно купила...—она быстро вскочила и, порывшись въ сундучкѣ, подала мнѣ тоненькую жолтую книжку: — вотъ видите: «Какъ нужно жить, чтобы добро нажить». Это очень дешево. Но знаете ли штука какая,—она застѣнчиво потупила глаза и произнесла нерѣшительно: — не хорошо въ ней что-то, не правда... Можетъ, я и не понимаю, но право же странная она какая-то, эта книжка!.. Баринъ тутъ... и опять научается, чтобъ крестьянинъ особнякъ бы заводилъ... Я не знаю, но право же мнѣ

кажется, это не правда?.. Вотъ только дешева она и славная такая, чистая... — Она пристально посмотрѣла на меня, помолчала и затѣмъ, совсѣмъ опечаленная, добавила:—гдѣ же я возьму этихъ книжекъ?

Я посовѣтовалъ ей что могъ. Тогда, успокоенная, она снова пустилась въ разсказы о своихъ ученикахъ. Особенно восхищалъ ее десятилѣтній сынишка Василія Мироныча. По ея словамъ, онъ обладалъ изумительными способностями. Онъ уже читалъ и начиналъ писать. Были и еще такіе. Были такіе, что понимали грамоту какъ-то сказочно скоро и относились къ этой грамотѣ съ серьезнѣйшимъ и полнѣйшимъ благоговѣніемъ. При этомъ она указала на дѣвушку, постоянно жившую съ ней—строгую и задумчивую красавицу Алену.

И когда офицерша говорила о преуспѣяніи учениковъ своихъ, лицо ея какъ бы просвѣтлялось и его некрасивыя черты получали особую привлекательность.

Я пробылъ у ней до вечера. Мы пили чай, ѣли теплый черный хлѣбъ, посыпанный крупной солью, и уху изъ свѣжихъ окуней. А когда смерклось, она предложила мнѣ посидѣть на крылечкѣ.

На дворѣ едва морозило,—было тепло и тихо. Сѣрыя тучи заволокли небо. Съ юга тянулъ влажный и ласковый вѣтеръ. Ручейки однообразно булькали, нарушая тишину шорохомъ и звономъ. Грязныя проталины у крыльца медленно застывали. Лужи подергивались тоненькой пленкой. Сѣрое поле уходило въ даль, пустынное и печальное. На западѣ, тускло проникая сквозь тучи, желтѣла заря. И поле, и деревню, и крылечко наше озаряла она умирающимъ свѣтомъ, странно и задумчиво. Гдѣ-то, въ концѣ поселка блеяли овцы и пронзительный бабій голосъ раздавался явственно и протяжно:

— Ари-и-шка-а-а!..

И затѣмъ переходилъ въ быструю скороговорку:

— Аришка, песъ тебя закарябай, неси ведро!

Офицерша, плотно завернувшись въ поношенную шубку, съ бѣличьей опушкой, уже на половину повытертой, сидѣла на низенькой скамеечкѣ и, не сводя глазъ съ потухавшей зари, говорила возбужденно и радостно. Чувство какой-то свѣтлой и славной бодрости, казалось, набѣгало на нее непрерывными волнами, и какъ будто подмывало ее, какъ будто уносило куда-то... Иногда обращалась она въ упоръ вѣтру, и глубоко вдыхала воздухъ, мягкій и влажный... Счастливая улыбка почти не сходила съ ея губъ.

На перилахъ крылечка сидѣла Алена. Она тоже смотрѣла въ сторону зари. Но брови ея обычно были сдвинуты и темные глаза глядѣли сумрачно и строго. Она чутко прислушивалась къ словамъ офицерши. Иногда какое-либо незнакомое выраженіе вызывало недовольство на ея лицѣ и брови ея хмурились еще пуще, но черезъ мгновеніе она снова походила на изваяніе и сидѣла неподвижная, рѣшительная, внимательная. Ея грубыя руки, сложенныя кресть на крестъ, лежали на колѣняхъ. На указательномъ пальцѣ правой чернѣло чугунное колечко отъ св. Митрофанія.

— И какъ это не поймутъ люди, и какъ это люди не обсудятъ, что народъ — его непремѣнно надо учить! — говорила офицерша. — Вотъ вы научите его, посмотрите на него... Я все видѣла, я къ нему такъ приглядывалась... И право же все, все отъ невѣжества!.. Дайте-ка ему книжку въ руки!.. И стала я еще думать, стала я припоминать: ну, хорошо, ну съ благородными я жила... Что же, лучше они? Они вѣдь, вы думаете, лучше, благородные-то люди?.. Ахъ, разсказать бы вамъ, какіе они!.. — Она на мгновеніе было затуманилась, причемъ характерная страдальческая черточка появилась около ея губъ, но затѣмъ тряхнула головою и съ прежней бодростью въ тонѣ продолжала: — Ну, Богъ съ ними!.. А я вотъ лучше разскажу о пьяныхъ, о грязныхъ, о такихъ, которые вотъ въ родѣ дикихъ бываютъ, и вмѣсто всего-то этого, все жъ таки лучше благородныхъ...

Тутъ она всплеснула руками и съ увлеченіемъ воскликнула:

— О, Господи, да гдѣ же бы мнѣ быть-то, еслибы не они, не мужики-то крестьянскіе!.. Вѣдь я бы въ могилѣ давно лежала... Вѣдь я бы на свѣтъ-то Божій не глядѣла... Только и было офицершѣ вѣку, что засыпали бы землею... Вотъ я разскажу вамъ, какіе они.

Она глубоко вздохнула, прислушалась на мгновеніе къ ручьямъ, мѣрно и слабо звенѣвшимъ, и усмѣхнувшись счастливо, начала:

— Горе-то мое я вамъ все разсказала. А вотъ чего не разсказала. Рота наша въ деревушкѣ стояла, въ пензенской губерніи. Ну какъ пришло мнѣ время родить — бросили меня. И совсѣмъ, совсѣмъ я одна осталась. Ни денегъ у меня, ни вещей, сама я больная, слабая... О, какъ было тяжело и какъ грустно!.. Ну и что же, пропáсть мнѣ по настоящему-то, — ничего-то я не знала, ничего не умѣла: лежала да плакала... И думала еще, много думала. Я такъ думала, что почему это благородные люди

и такіе злые они, и чѣмъ я противъ нихъ провинилась. Если бы я виноватая была, ну такъ, пускай бы... Но, вмѣсто того, я совсѣмъ невинная. И опять я думала о книжкахъ: какъ это, думала, тамъ показано на счетъ любви—безъ стѣсненія, и гдѣ же счастье?.. И много плакала. И такъ пришло мнѣ время родить. А на поселкѣ не знали про меня, что я брошенная; думали, что воротится мужъ-то, возьметъ меня... И я скрывалась—стыдно мнѣ было.—Ну, только пришло такое время: не могла я скрываться; думаю: все равно—пропащая я... И сказалась. Такъ чтожъ бы вы думали—я отъ матери родной ласки такой не видала!.. И ни минуты, ни секунды не была я одна: видятъ—тяжело мнѣ, и ходятъ. То одна бабеночка прибѣжитъ, то другая... И какія умныя,—вѣдь не станутъ о горѣ объ моемъ говорить; вѣдь понимаютъ, что пуще у меня съ того сердце разрывается,—а такъ между собой болтаютъ: ругань заведутъ, споры, пѣсни играютъ... Мнѣ и хорошо, и покойно съ ними. А одна старушка была—что же это за любовь, что же это за нѣжность такая! Вся-то она сморщенная да маленькая, а сердце у ней золотое было... И вообразите, сижу я безъ денегъ и нѣтъ у меня никакихъ средствъ, а кормятъ меня, носятъ мнѣ бабы всего съѣдобнаго!.. Та пироги пекла—пирогъ несетъ; другая лапши или цыпленка, третья блинцы тащитъ... И все это съ радостью, съ лаской... И было мнѣ очень сытно. Ну, ребеночка, пожалуй, и онѣ у меня уморили... Бабка-то простая, грубая, мучила она меня, мучила, не знаю, какъ не смотала всю... А какъ родилось дитя, и пошли онѣ съ нимъ мудрить. Оно хворое—принялись лечить его. Въ печку сажали, водой ледяной обливали... Я же лежала безъ памяти и ничего не видала.—Ну, прошло время, оправилась я порядочно и начинаю думать. Думаю, какъ же мнѣ ѣхать теперь, куда же дѣться мнѣ?..—Она помолчала и немного спустя съ торжествующимъ видомъ обвела меня взглядомъ.—И все мнѣ справили!—Наладили мужичка со мной, міромъ повозку выправили, лошадокъ, набрали пищи всякой и проводили... Сколько заботъ было! Сколько ласки всякой! Ноги мнѣ накрывали, зацѣловали всю... Мужичку наказы дѣлали: беречь, не вывалить, покоить... Вотъ они какіе!

Она остановилась и перевела дыханіе.

Заря погасала. Поле облекалось сумракомъ. Въ избахъ появлялись огоньки.

— Хороши тоже! — вдругъ неожиданно и сурово произнесла Алена.

— Милая ты моя,—живо возразила офицерша:—да развѣ

же я не знаю? Я вѣдь все знаю, голубка. Я про одно говорю: сердце-то они у меня растворили. Вотъ про что! А ужъ какъ они темны да несчастны, я и сказать-то того не съумѣю... Я ли на нихъ не наглядѣлась. Бывало, сижу, сижу за буфетомъ-то и все примѣчаю, все думаю объ нихъ. И много я тутъ плохого увидала. А чего нѣтъ хуже—дружества нѣтъ у нихъ. Другъ-то противъ друга подкопы да подвохи, и всякій-то норовитъ обморочить другого!.. И вотъ торговля эта у нихъ развелась: всякому бы нажиться, да вылѣзть въ купцы; и объ одномъ думаетъ, нельзя ли брату своему на шею сѣсть... Ахъ, ужасно все это!.. И опять вино и драка... Все, все я видѣла!.. Но только я такъ думаю, все это отъ невѣжества отъ ихняго. Душа-то вѣдь, ахъ, какая золотая у нихъ!

Наступила пауза.

— И еще я вотъ что думала,—продолжала офицерша:—одна намъ дорога, благороднымъ-то людямъ,—народъ учить. Я вѣдь пожила. И я много видѣла. И вы не подумайте, что счастливы благородные-то люди: пусть у нихъ и деньги, и все, но только всежъ-таки они несчастные. Пустота у нихъ, вотъ что. Таскается-таскается благородный человѣкъ, живетъ-живетъ, и вдругъ видитъ—страшная-то скука въ жизни. И некуда ему дѣваться. Я по себѣ сужу. Ахъ, что же это я за несчастная была!.. И все-то, бывало, о себѣ думаешь, и какъ одѣться, и что сказать, и все... И выходило страсть какъ скучно!.. Иной разъ думаешь-думаешь такъ-то: Господи, да неужьто такъ и жить!.. И живешь. Вотъ звѣрей я видѣла въ клѣткѣ такъ-то маются... Ходитъ, ходитъ, сердечный, по клѣткѣ и думается ему, милому—дѣло онъ дѣлаетъ, а вмѣсто того, одна только неволя... Нехорошо такъ.

Она грустно опустила голову и задумалась.

Вдругъ въ концѣ деревни послышался дѣтскій плачъ, и раскатистая женская ругань явственно раздалась въ неподвижномъ воздухѣ. Офицерша встрепенулась.

— Что это?—воскликнула она тоскливо, и все лицо ея изобразило мучительную тревогу.

Алена встала и чутко прислушалась.

— Ахъ ты такой-сякой!—кричала баба.—Я тебя, родимца, куда спосылала, а?.. Я тебя къ теткѣ, дьяволенышъ, а ты замѣстъ того... на... на... на...

И здоровые шлепки звучно оглашали воздухъ. Мальчикъ плакалъ жалобно и безсильно.

— Мосевна Митрошку колотитъ,—равнодушно произнесла Алена и снова усѣлась на перила.

Мы помолчали нѣсколько минутъ. Офицерша нервно кусала губы. Наконецъ въ воздухѣ снова воцарилась тишина. Гдѣ-то вдали глухо и прерывисто залаяли собаки.

— Нѣтъ это прямо нечестно! — горячо и взволнованно заговорила офицерша:—нечестно видѣть кругомъ, что люди слѣпые какіе-то... Видѣть, что они бьютъ дѣтей и сами дерутся и опиваются... И знать, что есть спасеніе, есть свѣтъ... И сидѣть сложа руки... Никогда, никогда! О, неужели же бываетъ какое-нибудь дѣло важнѣе этого!—Ни за что не бываетъ... Ну какъ же это не счастье—слѣпцамъ глаза открыть, исцѣлить ихъ... Вы думаете, Мосевна—плохая баба? нѣтъ, она—хорошая баба!.. А за что же она бьетъ Митрошку?—темная она, слѣпая она, неразумная... Ну-ка, научите ее грамотѣ... Только научите!.. И не будетъ она больше бить Митрошку. И Митрошка своихъ дѣтей не будетъ бить... Ахъ, какъ же это не поймутъ, вѣдь это такъ просто, такъ...

Я не возражалъ офицершѣ. Мнѣ казалось нехорошимъ колебать эту фанатическую вѣру. И притомъ такъ было ясно, что вѣра эта есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственное спасеніе самой офицерши—всѣ ея мечты, всѣ ея идеалы покоились на ней. И она съ такой трогательной страстностью относилась къ этимъ идеаламъ, и такъ беззавѣтно отдавалась фантастическимъ грезамъ своимъ, что было больно. Чувствовалось, что опора у ней хрупкая... А между тѣмъ мнѣ было легко и хорошо съ ней. Обаяніе какой-то дѣвственной чистоты и высокой нравственной силы сказывалось невольно.

Было поздно, когда мы разошлись. Притомъ у офицерши разболѣлись зубы.

— Ахъ, постоянная это моя болѣзнь!—со вздохомъ сказала она, когда мы вошли въ комнату, и показывая мнѣ пузырекъ съ морфіемъ, улыбаясь, добавила:—вотъ чѣмъ спасаюсь—знакомый фельдшеръ удружилъ... Вѣдь вы знаете, это—ядъ, и очень сильный... Глотнуть и—брр... Она шутливо сморщилась, сдѣлала гадливую гримасу и начала осторожно наливать морфій на вату.

Мы простились.

Съ тѣхъ поръ мнѣ не довелось ее видѣть. Немного спустя послѣ нашего перваго знакомства я уѣхалъ и воротился въ степи только къ уборкѣ. Объ ней же слышалъ, что она учитъ по прежнему хорошо и старательно, и даже лѣтомъ не бросала занятій, обучая тѣхъ ребятъ, которымъ можно было увернуться

отъ страды; но вмѣстѣ съ тѣмъ говорили про нее, что она не весела и смотритъ больною. Я все собирался завернуть къ ней, какъ вдругъ неожиданно подвернулось это странное сообщеніе Василія Мироныча.

Утромъ я отправился въ Березовку. День былъ тихій и ясный. Золотистое солнце переполняло сверканіемъ прозрачный воздухъ и ярко озаряло дали косыми лучами своими. Гладкая, плотно убитая дорога блестѣла какъ покрытая лакомъ. Кругомъ расходились жнива, и веселыя озими убѣгали въ даль волнистою полосою. Въ высокомъ небѣ протяжно перекликались журавли. Серебристая паутина тянулась безконечными нитями, плавно и медлительно. Было сухо и прохладно. Лошадка моя бѣжала бодрою рысцею, звонко ударяя копытами о твердую землю. Колеса дрожекъ однообразно и мѣрно трещали.

Славное время этотъ погожій сентябрь! Дышется такъ вольно и такъ умиротворяются нервы глубокой тишиной безжизненнаго поля. Но когда я подъѣзжалъ къ Березовкѣ, у меня вдругъ, жутко и тревожно защемило сердце. Неясный шумъ добѣжалъ до моего слуха и въ этомъ шумѣ мнѣ почудились причитанія. Я погналъ лошадь.

У школы толпился народъ. Мужики стояли безъ шапокъ, недвижимо и строго, бабы плакали, дѣти растерянно сновали взадъ и впередъ и собирались кучками. Я бросилъ лошадь какому-то предупредительному мужику и подбѣжалъ къ толпѣ.

— Что случилось?

Никто не отвѣтилъ. Головы еще болѣе понурились и серьезное выраженіе лицъ усугубилось. Въ глубокомъ молчаніи дали мнѣ дорогу и я вошелъ въ школу.

Нѣсколько бабъ сидѣли въ первой комнатѣ и шопотомъ разговаривали, печально покачивая головами и безпрестанно утирая слезы концами платковъ. Когда я вошелъ, одна изъ нихъ поднялась и, пригорюнившись, подошла ко мнѣ.—«Тамъ, батюшка»...— сказала она и указала на перегородку.

Я вошелъ туда. На низкой желѣзной кроваткѣ, покрытой бѣлымъ, недвижимо лежала офицерша. Она была мертвая. Блѣдное лицо ея еще болѣе похудѣло теперь, щеки ввалились и подъ закрытыми глазами стояла синева. Та страдальческая черточка, которую довелось мнѣ нѣкогда примѣтить въ ней, выступила теперь рѣзко и явственно. Все лицо изображало мучительную скорбь и какъ бы застыло въ моментъ сильнѣйшей боли. И несмотря на солнце, обильно проникавшее въ комнатку и золо-

тистымъ свѣтомъ своимъ затоплявшее кроватку офицерши, съ лица этого не сходили угрюмыя тѣни. Сама она, хрупкая и маленькая, съ руками, судорожно стиснутыми на груди и въ неизмѣнномъ своемъ сѣренькомъ капотѣ, казалась спящею. И только каменная неподвижность ея тѣла говорила о смерти.

Я оглянулъ комнату. Трогательная скромность и умилительная простота царили въ ней. Маленькій комодикъ, покрытый бѣлоснѣжной скатертью, два-три табурета, нѣсколько фотографій въ простенькихъ рамкахъ, крошечное зеркальце, обвитое искусственными цвѣтами, темная икона Святой Дѣвы въ углу—составляли обстановку. На комодѣ валялась «Методика» Евтушевскаго, и бѣлѣлся большой пакетъ съ неяснымъ адресомъ. Тутъ же лежалъ пузырекъ, на днѣ котораго густо желтѣлась какая-то жидкость.

Недалеко отъ кроватки, недвижимая подобно статуѣ, сидѣла Алена. Блѣдная и печальная, она въ какомъ-то тоскливомъ отчаяніи сжала руки, и такъ и замерла въ этой позѣ, не спуская глазъ съ офицерши. Когда я подошелъ къ ней, она безучастно взглянула на меня и отвернулась.

— Алена,—сказалъ я,—Алена...

Она ничего не отвѣтила. Въ это время, проворно шмыгая ногами, къ ней подбѣжала какая-то старушка и, низко наклонившись надъ нею, быстро и порывисто зашептала:

— Аленка-а? Что ты, матушка... Господь съ тобою!.. Очнись... Ишь баринъ тебя кличетъ... Очнись, лебедка...

Я попросилъ оставить ее въ покоѣ, и вышелъ въ другую комнату. Бабы все также шептались и тихо всхлипывали.

— Что съ ней?—спросилъ я.

— И ума не приложимъ, — заговорили онѣ въ перебой, впрочемъ, не возвышая голоса и не переставая всхлипывать:— надо быть, согрѣшила, сердешная—извелась, руки на себя наложила...—Ноетъ у меня сердце, бабочки, говоритъ, бывало, вотъ какъ ноетъ—изорваться хочетъ... Вся бы я исплакалась, вся бы я слезами изошла... Были такія—слышали этакія рѣчи.—Ну, а тутъ какъ нашло на нее—ничего ужъ не гуторила...—Лежитъ, бывало, ѣсть не ѣстъ, пить не пьетъ...—И такая она стала въ родѣ какъ закаменѣлая...—Тутъ и рѣчей отъ ней не слыхали никакихъ...—Аленку на что любила—словечка съ ней не проронила, окромя: Аленушка, да голубушка...

Въ комнату, осторожно ступая кончиками громадныхъ сапоговъ своихъ, вошелъ староста. Онъ то-и-дѣло поправлялъ свою медаль, ярко блестѣвшую у борта кафтана, и озабоченно хму-

рился. Мы поздоровались. Онъ зашелъ за перегородку, внимательно посмотрѣлъ на трупъ и, возвратившись оттуда, погрозилъ бабамъ.

— Вы смотрите у меня,—сказалъ онъ,—чтобъ все на своемъ мѣстѣ было!—И сокрушительно вздыхая, сѣлъ около меня.

— Вотъ бѣда-то, Миколай Василичъ!

— Что же дѣлать!.. Видно на роду было ей написано,—попытался я его утѣшить.

— Объ ней-то ужъ что! — возразилъ староста: — извѣстно ужъ, Господь съ ней: такой ей видно предѣлъ... попущеніе Божіе!.. А ты вотъ погляди, какъ самимъ-то выпутаться... Первое дѣло судъ теперь наѣдетъ... Ну это еще туда-сюда, это не то что смертоубивство какое—человѣкъ въ своей смерти волёнъ. А вотъ школу-то, сказываютъ, мы не по закону держали!.. Ишь, говорятъ, не было у ней такихъ правовъ, чтобъ ребятъ обучать, и опять безъ начальства... Вотъ тутъ и подумай!..—Онъ почесалъ въ затылкѣ и снова вздохнулъ глубоко.

— Василій Мироньічъ гдѣ?—спросилъ я.

— Къ становому поѣхалъ. Ужъ упросили. У него дружба съ становымъ-то, авось какъ-ни-какъ застоитъ...

Въ это время за перегородкой раздался вопль. Сначала странный и слабый, онъ протянулся долгимъ и какимъ-то болящимъ звукомъ и затѣмъ перешелъ въ горькія и порывистыя рыданія. Я бросился за перегородку. У постели, наклонившись надъ трупомъ, билась и трепетала Алёна. Плечи ея судорожно вздрагивали; темные волосы безпорядочно распустились и покрыли изможденное лицо офицерши; руки крѣпко сжимали ея худенькое, оцѣпенѣвшее тѣло.

У двери столпились бабы. Староста подошелъ-было къ Аленѣ и попытался отвести ее отъ трупа, но затѣмъ махнулъ рукою и, какъ бы мимоходомъ смахнувъ слезы, выступившія на глаза, вышелъ на дворъ. Бабы всхлипывали все громче и громче. Нѣкоторыя изъ нихъ тихо причитали. Рыданья Алены становились глуше и протяжнѣе, въ нихъ начали прорываться слова, и безсвязныя восклицáнія понемногу переходили въ страстный и и невыразимо тоскливый монологъ.

— И что же ты надѣлала?.. На кого же ты покинула меня?..—причитала она:—печальница моя... радѣльница моя... побѣдная ты моя головушка!.. Я ли тебѣ не угождала... Я ли тебя не любила...

Силъ моихъ не было терпѣть болѣе... Спазмы сжали мое горло и душили меня. Сердце болѣло сосущею болью. Я быстро вышелъ изъ школы. Тонкій и ноющій звукъ колокольчика по-

слышался вдалекѣ. Вѣроятно, это спѣшилъ становой. Солнце по прежнему сіяло, и торжественно опрокинутое небо синѣло кротко и ласково.

Спустя нѣсколько дней, я получилъ приглашеніе отъ слѣдователя «пожаловать къ нему по дѣлу». Въ нѣкоторомъ недоумѣніи явился я въ его камеру. Слѣдователь оказался очень любезный человѣкъ, въ черепаховомъ pince-nez, съ брюшкомъ, выхоленный и подвижный. Онъ подалъ мнѣ распечатанный пакетъ.

— Что это?—спросилъ я.

— А это согласно волѣ Березовской учительницы... Извините, что распечатано: такъ было нужно... И къ слову добавлю—прелюбопытная вещь: вотъ психозъ-то изумительный!.. Это письмо чрезвычайно облегчило мнѣ слѣдствіе. Скажите, пожалуйста, вы съ ней хорошо были знакомы?

— Это допросъ?

— О, помилуйте! Слѣдствіе уже закончено; я уже разрѣшилъ и похоронить, какъ просила покойница, на курганѣ. Гдѣ-то тамъ курганъ у васъ есть Доворный, такъ на немъ. Препятствій къ тому не оказалось.

— Что же выяснилось изъ слѣдствія?

— А констатировано отравленіе морфіемъ. Самоубійство, конечно... Впрочемъ, позвольте, я прочту вамъ показаніе Елены Остаховой...

Онъ вынулъ изъ портфеля «Дѣло № 327», и быстро перевернувъ нѣсколько страницъ, началъ:

«Зовутъ меня Елена»...—ну это не важно,—«лѣтъ осьмнадцать... вѣроисповѣданія православнаго»...—а къ слову сказать, удивительно красивая и характерная дѣвка,—замѣтилъ онъ, съ пріятностью улыбаясь; но тотчасъ же, изобразивъ въ лицѣ своемъ серьезную сосредоточенность, воскликнулъ: — вотъ! — и началъ читать... «Дюже тосковала и, почитай, не говорила»... (Онъ сдѣлалъ удареніе на «дюже» и «почитай», и въ скобкахъ произнесъ: я всегда заношу подобныя слова, это, знаете ли, придаетъ колоритъ...) «почитай, не говорила. Лежала больше. Разъ встала ночью, сѣла писать. Обучать совсѣмъ кинула. Попрекали ей. Ходили мужики и бабы и попрекали. Говорили: ты деньги берешь, а учить не учишь. Она все молчала и вдругъ говоритъ: я не хочу вашихъ денегъ. И все говорила о какой-то кабалѣ. Потомъ опять молчала. Потомъ позвала меня и говоритъ: болятъ у меня зубы. И говорила тутъ ласково. Наказывала, какъ жить: чтобъ хорошо, честно. И потомъ сказала: не спится мнѣ, семъ-ка я выпью ле-

карства. Потомъ взяла зубное лекарство — выпила. Я смотрю какъ оглашенная... Какъ же, говорю, ты пьешь, нуко-сь умрешь съ того?—Пускай, говоритъ. И тутъ я испугалась. А она взяла меня за руки и говоритъ: «не бойся, я, молъ, въ шутку тебѣ сказала, что умрешь отъ того лекарства, оно—сонное» и опять наказывала мнѣ, какъ жить. Плакала. И потомъ сказала: кружится моя голова. И опять плакала и говорила. Ну, тутъ стало ее тошнить и ослабла. Я говорю: лягь, говорю, засни. Она легла... Вотъ и все. Больше я ничего не знаю».

Слѣдователь остановился и ласково поглядѣлъ на меня.

— Ну-съ, по анатомированіи оказалось отравленіе морфіемъ, — сказалъ онъ и затѣмъ съ живостью продолжалъ: — И что курьезнѣй,—представьте себѣ, никто и не зналъ, что въ Березовкѣ существуетъ школа! То-есть, оно, если хотите, и знали, становой даже слышалъ,—но по русской простотѣ не обращали вниманія... Удивительное дѣло, до чего распущенъ русскій человѣкъ! Что ты ни дѣлай, чужды ему принципы законности, да и шабашъ. Я ужъ говорю: господа, да вообразите вмѣсто невинной-то этой офицерши, другого рода какая-нибудь... Вѣдь невозможно же такъ!.. И это полиція наша, блюстители, столпы!.. Ахъ, Азія, Азія...

Я напился чаю у любезнаго слѣдователя и къ вечеру возвратился домой.

Погода перемѣнилась. Дождя хотя и не было, но ясное небо заволокли тучи, и длинныя, осеннія сумерки скучно и тоскливо повисли надъ полями. Крѣпкій вѣтеръ пронзительно завывалъ, предвѣщая дождливую погоду, и щетинилъ соломенныя крыши хуторскихъ построекъ. Ракиты на плотинѣ печально шумѣли, безпомощно простирая вѣтви свои, съ которыхъ уже начинала опадать листва. Прудъ синѣлъ и плескался, ударяя мелкими волнами въ голые берега, и колебалъ камышъ, наполнявшій воздухъ однообразнымъ шорохомъ. Было глухо и непріютно.

Я вошелъ въ комнату и остановился. Въ сыромъ полумракѣ четко и ясно качался маятникъ, и сверчокъ тянулъ назойливую свою пѣсню. Окна глядѣли подобно глазамъ чудовищъ — взглядомъ пристальнымъ и тяжелымъ. Я зажегъ свѣчу и развернулъ пакетъ. Въ немъ лежало нѣсколько листиковъ, исписанныхъ нетвердымъ, дѣтскимъ почеркомъ, и письмо офицерши. Впрочемъ, и послѣднее писала слабая рука. Косыя и неясныя строчки робко жались въ немъ другъ къ другу, непрерывно нарушая ороографію, безсовѣстно минуя точки и запятыя и изобилуя

кляксами. Кой-гдѣ среди нихъ расплывались желтоватыя пятна, слѣды влаги. Сѣрая бумага была смята и не отличалась чистотою.

Вотъ это письмо:

...«Вотъ ужъ пишу-то вамъ не знаю зачѣмъ! И не знаю, что толкаетъ меня: все равно вѣдь—дѣло покончено. Но все-таки не удержусь. Хочется мнѣ писать. Хочется сдѣлать такъ, чтобъ знали бы и видѣли, и чтобъ понимали, почему люди могутъ умирать. Вотъ въ чемъ дѣло: пусть вы не подумаете, что я совсѣмъ глупая. И не вы одни, а всѣ вы—люди. А я умираю не отъ глупости, но прямо вотъ—незачѣмъ мнѣ жить. И я, ахъ, какъ долго думала. Все-то мнѣ казалось, не болѣзнь ли во мнѣ какая, въ родѣ того, напримѣръ, какъ меланхолія бываетъ. И я со всѣхъ сторонъ глядѣла... Но вмѣсто того, все-таки приходится умирать. Ахъ, не подумайте вы, чтобъ я отъ тоски отъ своей, отъ того, что счастья мнѣ нѣтъ и ни въ чемъ удачи... О, совсѣмъ, совсѣмъ не то! Я вѣдь оторвалась отъ своихъ-то мечтаній и о себѣ почти не думала. Я только думала, что мнѣ дѣлать. И вотъ теперь такое пришло время, что нужно умирать.

«Силъ во мнѣ нѣтъ, вотъ что. Я какъ ослабла теперь, такъ и думаю: хорошо въ могилкѣ лежать. Ни о чемъ-то никакихъ думъ, и ничего-то у тебя не болитъ! И вотъ вамъ моя просьба: пусть Богъ меня судитъ, но только не могу я... А попъ *такихъ* не хоронитъ. Пусть же меня зароютъ на Дозорномъ курганѣ. Любила я его. А почему любила — разсказать? Теперь все равно, разскажу вамъ. Съ него далеко видно. И есть пахучая такая травка *чаборъ*—много ея тамъ. А на самой вышинѣ конскій щавель растетъ, высокій такой, тонкій и прямой, какъ стрѣла. И какъ ушла я съ моимъ офицеромъ, проходили мы полкомъ на Воронежъ. Я люблю пригорки. Я взбѣжала на курганъ и сѣла, и онъ на конѣ въѣхалъ, пустилъ коня и сѣлъ. А полкъ какъ туча какая развернулся и далеко ушелъ; я помню: солнце было, и штыки, какъ свѣчки, сіяли. И солдатики пѣсню пѣли: *Не одна то во полѣ дороженька*... А я сидѣла и плела вѣнокъ,— желтые, помню, цвѣточки нарвала и васильки. И онъ положилъ мнѣ голову на колѣни и говорилъ. Какъ насчетъ любви, насчетъ счастья... Много говорилъ. И какъ глянула я кругомъ: слезы, слезы у меня... Очень ужъ хорошо и далеко видно»...

Тутъ на письмѣ расплывалось желтое пятно, а дальше слѣдовало:

«... Господи, что-й-то я... И къ чему это я завела! Смѣшно даже. А не забудете мою просьбу?.. Все равно вѣдь закопать, такъ пусть закопаютъ на Дозорномъ.

«И дѣловъ мнѣ никакихъ не нашлось. Вся-то я какая-то пустая, порожняя, и вынули изъ меня душу. А ужъ кому было ее вынуть, и не придумаю. Жизнь моя проклятая вынула. Но только я ни въ чемъ не виновата.

«Помните, какъ говорила я вамъ насчетъ грамоты, и насчетъ того, что я счастлива? Ну, только счастью моему очень поспѣшный пришелъ конецъ и очень скорый. И я совсѣмъ теперь несчастная.

«Вотъ не умѣю-то я... Но разскажу вамъ вотъ что. Стало мнѣ замѣтно по деревнямъ, что большое есть желаніе у мужичковъ ребятъ учить. И такое даже желаніе, что готовы на всякія жертвы. И я это замѣчала и была очень рада. Я такъ думала: прискучила имъ темнота. И думала, что хорошо это. И какъ стала учить сама—сдѣлалась совсѣмъ довольная... Но только вмѣсто того—я несчастная. И на несчастье-то на мое натолкнуло меня вотъ что. Приноситъ мнѣ Василь-Миронычевъ сынишка листикъ и говоритъ:—Ну-ка прочти!—и улыбается. А онъ ужъ твердо пишетъ. — Что это? — «Батѣ росписку написалъ; Егоровъ Ѳомка ржи взялъ взаймы, такъ насчетъ ржи...»—Прочла я... И что же вы думаете?—и неустойка тамъ, и штрафъ, и проценты... Ужась, что такое!—Да гдѣ ты научился?—говорю ему. —«Видѣлъ, говоритъ, росписки барскія и насчетъ процентовъ видѣлъ»...—И даетъ мнѣ книгу.—«Посмотрико-сь»,—говоритъ. Смотрю я и не вѣрю. Всѣ долги у него записаны, проценты отмѣчены—да какіе проценты!—а въ концѣ-то концовъ, старательно переписанъ тарифъ до Москвы, на свиней и муку.— Это что? спрашиваю.—«А свиней скупаемъ и это чтобъ не прошибиться; а это по мукѣ разсчетъ,—батя было ошибся, а я по ариѳметикѣ разсчелъ и вышло: двѣ копѣйки на пудъ сложить у мужиковъ, потому при покупкѣ ежели передашь, барышу будетъ менѣе».—И тутъ же еще подаетъ листикъ.—«Вотъ еще разсчетъ», говоритъ... «Это ежели выгонъ снять у мужиковъ, да подъ просо ежели его, и сколько барыша. А вотъ про овецъ— ежели скупить по зимѣ, а къ Егорію собрать.—Это сало съ нихъ, это—овчины, а это, какъ у мужиковъ, подати, чтобъ потрафить. Вотъ Ѳомѣ Егорову за первую половину платить 17 р., Лукьяну Гришину 23 руб...—это я у сборщика списалъ».—И стоитъ, знаете ли, онъ предо мною и весь-то отъ радости краснѣетъ. Господи ты Боже мой, думаю, да что же это такое?.. И вдругъ на меня ужась напалъ.

«Отпустила я его и стала приглядываться. И все замѣчала. И стало мнѣ замѣтно, что ежели грамотный,—онъ не иначе,

какъ промышляетъ или находитъ должность. И вотъ еще что: кто понятливѣй, тотъ самый и есть опасный человѣкъ. А почему это такъ выходитъ, я не замѣчала. Только я вотъ что думала: ну, если я обучу и вмѣсто того разведу кулаковъ. И если кулаки будутъ знать ариѳметику и всякіе разсчеты, то неужели это будетъ лучше?.. Ахъ, вѣдь это совсѣмъ, совсѣмъ будетъ хуже!

«Но только вотъ еще что̀ случилось. Былъ у насъ мужикъ Агаѳонъ и умеръ. И что оставшее послѣ него, старики подѣлили по обычаю: какъ дочерямъ Агаѳона, такъ и сынамъ. Но вмѣсто того, Агаѳоновы дѣти остались недовольны и взяли адвоката. И, конечно, ихъ раздѣлили по закону. И вы знаете, какія крестьянскія дѣти: что на міру дѣлается, у нихъ уже толки — все знаютъ. Что же вы думаете, они? — еще больше стали стараться, чтобы понять, и прямо говорили: *Нонѣ старики не сильны; нонѣ всякій можетъ себя отстоять и подвесть подъ законъ.* И это, я вѣдь знаю, съ чьего голоса говорится — съ голоса тѣхъ же самыхъ стариковъ.

«И вотъ еще что. Дѣти — они чистыя. Но я вотъ что думаю: не одна темнота въ деревнѣ. Право же. Не только дружества нѣту, но *всякій* держитъ на умѣ, какъ бы подняться и лишиться крестьянства. И ежели онъ *темный*, и такое думаетъ, и такое говоритъ, то вѣдь дѣти-то неужели глупые какіе? И кромѣ того, прямо на глазахъ у нихъ: тотъ бѣденъ, тотъ богатъ, и кто ежели торгуетъ, тотъ получаетъ барыши. И никого нѣтъ, чтобъ идти за міръ и послужить. А если выищется такой человѣкъ, и надъ нимъ смѣются...

«Вотъ я что замѣчала. Нѣтъ для дѣтей занятнѣй задачи рѣшать. И если въ задачахъ товаръ, да прибыль, да ежели фунты и пуды и цѣны — большой это имъ интересъ. И опять разсказы... Какъ хорошій въ разсказѣ человѣкъ и добродѣтельный, и разное добро дѣлаетъ людямъ — и имъ скучно. Но напротивъ того — разсказъ житейскій. Очень они это любятъ. Я разъ про Николая Чудотворца говорила, и говорила, какъ онъ бѣднымъ дѣвушкамъ помогъ. И какъ потомъ стала спрашивать, что же показалось имъ въ разсказѣ, то прямо сказали насчетъ денегъ и насчетъ того, какъ безъ всякаго ожиданія дѣвушки получили золото.

«Я вотъ не умѣю описать, но я долго мучилась. И я не знаю — но только учить грамотѣ я не могу. И какъ же мнѣ ихъ учить, когда вмѣсто того такіе у нихъ помыслы (ежели вы не повѣрите — я листики Василь-Мироныча сына прилагаю), и ежели грамотному человѣку одинъ выходитъ просторъ —

грабить. Потому что я это понимаю, ежели въ мужикѣ и вдругъ оказывается кулакъ.

«Вотъ мнѣ и пришло на умъ: семъ-ка я перестану жить. Нельзя же мнѣ жить и мучиться. Потому, чувствую я,—нѣтъ мнѣ на этомъ свѣтѣ дѣла. А ужъ по прежнему, на *себя* жить, кормиться, я не могу, — силъ моихъ нѣту. И стало мнѣ тутъ казаться, какъ вотъ въ пословицѣ говорятъ: свѣтъ не клиномъ сошелся...—стало мнѣ показываться, что совсѣмъ, совсѣмъ онъ клиномъ сошелся, свѣтъ-то, и что какъ ни оглянешься, вездѣ-то одинъ холодъ... И что же я тутъ вспомнила. Вспомнила я— тетрадка у меня была, офицеръ мнѣ подарилъ, и были въ этой тетрадкѣ стихи одни: *Ахъ, усни, моя доля суровая! Крѣпко закроется крышка сосновая, плотно сырою землею придавится... Только однимъ человѣкомъ убавится... Убыль его никому не больна, память о немъ никому не нужна...*

«Господи, что-жъ это я дура за такая...

«Ахъ, похороните меня на Дозорномъ!»

Тутъ письмо оканчивалось, и опять желтѣлось пятно, въ которомъ безобразно расплылись послѣднія буквы.

На утро были похороны. Я не ходилъ. Я только видѣлъ, какъ небольшая толпа, въ которой изобиловали дѣти, чернѣясь на сѣренькомъ горизонтѣ, медлительно прошла къ кургану, и какъ маленькій гробъ мѣрно колыхался на плечахъ несущихъ.

Но на другой день я провѣдалъ офицершу. Могилка ея возвышалась на самой вершинѣ кургана, и оттуда, дѣйствительно, видно было далеко. День былъ сѣрый и пасмурный. Безконечныя вереницы свинцовыхъ тучъ низко ползли надъ пустынными полями. Вдалекѣ синѣлъ лѣсъ. Грязныя села чернѣлись тамъ и сямъ, и стройныя колокольни воздвигались темными силуэтами.

Я сѣлъ на могилу. Рыхлая земля, медленно шурша, осыпалась подо мною. Перекати-поле взлетѣло на курганъ и, на мгновеніе зацѣпившись за насыпь, тихо и задумчиво покатилось далѣе. Жосткій сѣверный вѣтеръ то буйно и дико завывалъ надъ моимъ ухомъ, то плакалъ жалобно и тонко. Мнѣ было грустно. Тоска сосала мое сердце, и печальная даль навѣвала горькія думы.

А. Эртель.

ЗАПАДНОЕ ВЛІЯНІЕ

въ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Сравнительно-историческіе очерки *).

Періодъ Гоголя и Бѣлинскаго.

Быстро рѣдѣлъ кружокъ второстепенныхъ поэтовъ, непосредственно близкихъ къ Пушкину,—тотъ кружокъ, который принято называть «пушкинской школой». Строго говоря, такой школы не было, и весь богатый запасъ художественныхъ силъ, выдвинувшихся въ ея предѣлахъ, какъ бы совмѣстился исключительно въ творчествѣ самого Пушкина; его спутникамъ удѣлена была лишь скромная доля вдохновенія. Два-три задушевныхъ стихотворенія Веневитинова обѣщали пробудить со временемъ въ этомъ мечтателѣ, воспитавшемся на нѣмецкой философіи и культѣ Гёте, недюжинное поэтическое дарованіе, — но смерть быстро похищаетъ его, и послѣднія его созданія полны уже загробныхъ видѣній. Дельвигъ, всю жизнь увлекавшійся западными поэтическими образцами и рѣдко позволявшій себѣ идти самостоятельнымъ путемъ, рано гибнетъ подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ бури, обрушившейся на него за то, что онъ осмѣлился замолвить слово за іюльскую революцію. Баратынскій, когда-то тоже

*) См. выше: мартъ, 5 стр.

не свободный отъ байроновскихъ увлеченій, потомъ смутно порывавшійся къ независимому творчеству [1]), постепенно смолкаетъ подъ давленіемъ житейскихъ дрязгъ; его извѣстная поэтическая тризна по Гёте является послѣднимъ серьезнымъ порывомъ его несомнѣннаго дарованія.

Наконецъ быстро падаетъ Языковъ. Онъ долго не замолкаетъ, но то, чтó выходитъ изъ-подъ его пера,—не только измѣна гуманному пушкинскому направленію, но часто даже вовсе и не поэзія. Безпечно относясь съ молоду къ наукѣ и развитію, онъ свои личные счеты съ Дерптомъ, столкновенія съ дерптскими профессорами и педелями рано научился переносить въ непріязненныя отношенія сначала только къ Германіи и нѣмцамъ вообще, потомъ и ко всему западному, возвеличивая въ то же время добрыя родныя начала, которыя грезились ему въ ухарствѣ, пирахъ и размашистомъ волокитствѣ. Въ началѣ все это было довольно безобидно и выкупалось бойкимъ и звонкимъ стихомъ. Извѣстный вакхическій жаръ даже сблизилъ на время молодого дерптскаго студента съ Пушкинымъ. Но, тогда какъ у Пушкина подобныя вспышки бывали мимолетными капризами и послѣ нихъ наставали цѣлыя полосы глубокихъ творческихъ думъ, Языковъ навсегда остался съ привычками и взглядами настоящаго бурша,— единственная уступка, которую онъ могъ сдѣлать ненавистной ему западной стихіи! Мало-по-малу онъ начинаетъ кичиться этою особенностью своею и поэтизировать презрѣніе къ новой образованности. Уже онъ сбирается «гордо бросить свой лавровый, *виномъ обрызганный* вѣнецъ», уже смотритъ на своихъ русскихъ товарищей въ Дерптѣ, какъ на «внуковъ могущественныхъ славянъ», которымъ приходится «отдавать свободныя руки въ оковы нѣмецкой вольности» и т. д. Когда же, избалованный легкими успѣхами въ извѣстныхъ кругахъ, онъ находитъ поддержку своей застарѣлой нелюбви къ Европѣ въ руссофильскихъ восторгахъ московскихъ друзей, онъ уже сбрасываетъ совсѣмъ маску и страстно отдается воспѣванью «веселонравной старины», «счастливыхъ бояръ», русскаго молодечества; за границей онъ пытается познакомиться съ новой нѣмецкой литературой, по собственному признанію читаетъ и Гейне и Ленау, но выноситъ изъ чтенья *мало толку*; сближеніе съ Гоголемъ, слабѣющимъ и больнымъ душою, довершаетъ это настроеніе. Тяжелое зрѣ-

---

[1]) Онъ совѣтовалъ высоко цѣнимому имъ Мицкевичу выйти изъ подражательности и проложить себѣ самостоятельный путь. „Возстань,—говоритъ онъ ему, видя его „у байроновскихъ ногъ",—возстань, вѣдь самъ ты богъ".

лище представляютъ оба они вмѣстѣ съ дряхлѣвшимъ Жуковскимъ, все глубже погружавшимся въ мистицизмъ, когда блуждаютъ по Европѣ наканунѣ 1848 года, присутствуютъ при тревогахъ и терзаніяхъ народныхъ, и не находятъ у себя въ отвѣтъ ничего, кромѣ непріязненныхъ выходокъ и глумленія! Языковъ умѣетъ называть нѣмцевъ, и въ письмахъ, и въ стихахъ, лишь «нехристью нѣмецкой, злою»; сочувствовать западу, для него значитъ «плевать на честныя могилы предковъ»; для женщинъ желать учиться, значитъ «лишиться благословенія и быть у Бога ни почемъ» [1]). Наконецъ, это охранительное усердіе приводитъ его къ апогею,—знаменитому стихотворенію «Къ не нашимъ», гдѣ лютая ненависть ко всей партіи Бѣлинскаго, возбудила въ такой честной натурѣ, какъ К. Аксаковъ, искреннее негодованіе и вызвала съ его стороны отвѣтное, примиряющее стихотвореніе.

Таковы могли быть иногда прямые побѣги отъ пушкинской школы. Не опираясь ни на серьезное изученіе русской народности, не зная, и горделиво не желая знать европейскаго развитія, люди, въ родѣ Языкова, хотѣли отстоять свое положеніе однимъ ухарствомъ и патріотическимъ жаромъ,—и съ ними носились, ихъ зачисляли въ число настоящихъ *народныхъ* поэтовъ, столповъ національной художественной школы...

Но многаго еще недоставало для того, чтобъ эту школу можно было считать упроченною, чтобъ искомый духъ народности въ поэзіи былъ найденъ,—и тому поэту, который одинъ только могъ развить далѣе лучшія пушкинскія традиціи и сдѣлать нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ на-встрѣчу самостоятельности, пришлось снова и въ теченіе долгаго времени испытать руководящее вліяніе европейской поэзіи. Этимъ поэтомъ былъ Лермонтовъ. Въ противоположность Пушкину, выступившему на литературномъ поприщѣ подъ эгидой беззаботныхъ мелкихъ французскихъ стихотворцевъ прошлаго вѣка, гораздо болѣе суровыя сосредоточенныя или же наоборотъ идеалистически-восторженныя лица обступили поэтическую колыбель Лермонтова. Сначала это—Шиллеръ, Гёте, Лессингъ, Шатобріанъ, потомъ Байронъ. Въ его юношескихъ поэмахъ и драмахъ всѣ главные мотивы и характеры являются постоянно отголосками чужихъ созданій: въ «Испанцахъ» находятъ [2]) сходство съ «Коварствомъ и Любовью»

[1]) „Московское Обозрѣніе" 1859, книга II: „Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина".

[2]) „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ", статьи г. Висковатова въ „Русской Мысли". 1881, XII, 1882, II.

и «Натаномъ Мудрымъ», въ поэмѣ «Корсаръ» вліяніе «Донъ-Карлоса»; эпиграфъ самъ собой ставится изъ гётевскаго стихотворенія; одной изъ драмъ Лермонтовъ даетъ нѣмецкое названіе «Menschen und Leidenschaften». Но во всемъ этомъ сказывается не ученически-неопытное благоговѣніе передъ колоссальными міровыми авторитетами, а сознаніе, что именно тутъ можно найти сочувственный отзвукъ того, что̀ поднималось въ душѣ юноши-поэта, рано начавшаго жить личною жизнью. Его индивидуальность именно воспитывалась на чтеніи любимыхъ западныхъ поэтовъ и подражаніи имъ. Связь его раннихъ набросковъ, которые даже нельзя назвать, какъ у другихъ столь же талантливыхъ людей, поэтическими шалостями,—съ личными его испытаніями и думами развивалась въ этомъ увлеченіи его западной поэзіею и въ драмѣ «Menschen und Leidenschaften», скомпонованной на нѣмецкій ладъ, не трудно увидать невеселую картину раннихъ лѣтъ самого Лермонтова,—этого страннаго дѣтства, безъ сказокъ, безъ няни, безъ матери, въ атмосферѣ родовой спѣси, съ барскими традиціями и безтолковымъ баловствомъ, порождавшими семейную драму. Съ этихъ поръ поэзія становилась уже для этой сосредоточенной и вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлительной натуры прибѣжищемъ и поправкой его хронически пошлой обстановки.

Но вскорѣ прежнихъ любимцевъ начинаетъ затемнять новый, который станетъ со временемъ неограниченнымъ властителемъ лермонтовскихъ думъ. Еще въ періодъ увлеченія шиллеровскими произведеніями мы видимъ на ряду съ этимъ у Лермонтова проблески живого интереса къ различнымъ русскимъ копіямъ байроновскихъ героевъ, къ Алеко, Кавказскому плѣннику, встрѣчаемъ попытки переводовъ изъ Байрона (Гяуръ, Беппо). Не сходясь и въ этомъ съ Пушкинымъ, для котораго байронизмъ насталъ лишь послѣ первыхъ столкновеній съ настоящею жизнью, Лермонтовъ постепенно воспитывается въ поклоненіи Байрону, — и оттого-то оно западаетъ такъ глубоко ему въ душу и такъ долго не остываетъ. И «безумный, страстный, дѣтскій бредъ», его демонъ, таинственно носящійся въ заоблачныхъ сферахъ, и его прямой потомокъ, одѣтый по послѣдней модѣ и изящно-скептическій Печоринъ, съ своими спутниками Арбенинымъ и Радинымъ, и кавказская варіація непризнанной натуры, — Мцыри,— и безчисленныя сравненія собственной судьбы поэта съ участью Байрона, и своеобразный тонъ его писемъ, и особая складка въ его отношеніяхъ къ людямъ, до сихъ поръ приводящая въ

недоумѣніе его біографовъ,—словомъ, и поэзія, и личная жизнь носятъ на себѣ густой слой принятыхъ извнѣ и страстно усвоенныхъ идей. Это лихорадочное увлеченіе неразлучно было съ крайностями; Лермонтовъ продвинулся на нѣсколько шаговъ впередъ, сравнительно съ Пушкинымъ, къ пониманію настоящей основы байроновскаго отрицанія, въ которомъ широкое мѣсто отведено было общечеловѣческимъ симпатіямъ, но все-таки остановился на полъ-пути. Взявъ для своего Демона нѣсколько эффектныхъ чертъ у байроновскаго Люцифера, онъ не вдохнулъ въ своего героя того духа мятежнаго протеста и внутренняго разлада, который въ блѣдномъ библейскомъ силуэтѣ заставляетъ ярко выступать черты многихъ *неудачниковъ* XIX вѣка. Онъ надѣлилъ своего Печорина недюжиннымъ образованіемъ (цитаты изъ Вальтеръ-Скотта, Гёте, фразы во вкусѣ французскихъ романтиковъ и т. п. у него не сходятъ съ устъ), тонкою, художественною любовью къ природѣ, симпатіями къ горской вольности и т. д.,—но остановилъ его на общемъ протестѣ противъ людской низости и продажности, на пресыщеніи любовью, наконецъ, на тонкихъ насмѣшкахъ надъ излишествомъ познаній, которымъ будто бы страдаетъ современное ему поколѣніе. Въ свою личную жизнь онъ внесъ сочувственныя ему байроновскія *слабости*; ими онъ могъ мучить и бѣсить своихъ противниковъ, окружать себя особымъ, искусственнымъ ореоломъ и этими мелочами тѣшить себя. Но на-ряду съ этой неполнотой пониманія идеаловъ и съ уступками свѣтскому тщеславію, байронизмъ Лермонтова можетъ сослаться на ту важную заслугу, что онъ сохранилъ намъ талантъ поэта, проведя его невредимо сквозь всякую житейскую тину. Онъ сберегъ его свѣжесть среди кавалерійскихъ попоекъ и всякой стихотворно-цинической болтовни, которую онѣ порождали; онъ внушилъ ему желѣзный стихъ его оды на смерть Пушкина; онъ былъ его прибѣжищемъ и въ петербургскомъ свѣтѣ, и въ ссылкѣ, гдѣ его окружали цѣлыми толпами товарищи во вкусѣ Грушницкаго. Поэзія, въ ту пору для него возможная лишь въ байроновскомъ духѣ, развила въ немъ своеобразную *личность*, рѣзко выдѣлявшуюся изъ николаевской общественной среды, гдѣ не терпѣли никакой личной иниціативы или самобытности. Наконецъ, въ чисто художественномъ отношеніи, байроновскій культъ вызвалъ въ неистощимо даровитой натурѣ поэта столько живыхъ образовъ, звучныхъ и глубоко искреннихъ строфъ, въ «Героѣ нашего времени» побудилъ его дать такой завлекательный образецъ новаго русскаго общественно-психологи-

ческаго романа [1]), а въ лирической поэзіи пріучилъ его къ свободному выраженію своихъ протестующихъ думъ,—что байроновскую школу слѣдуетъ признать въ его литературномъ развитіи высоко полезною. Сквозь байронизмъ, понятый въ его настоящемъ смыслѣ, у Лермонтова могли легко проступить черты опредѣленныхъ народныхъ симпатій, и задача всякой истинной поэзіи по отношенію къ родинѣ должна была установиться у него свѣтло и ясно.

Такимъ переходомъ на новую дорогу отмѣченъ краткій предсмертный періодъ творчества Лермонтова. Сознавая давно необходимость этого перехода, онъ не скрывалъ отъ себя, что онъ «не Байронъ, а другой, еще невѣдомый избранникъ;—какъ онъ, гонимый міромъ странникъ, но только съ *русскою* душой», — и пытался не разъ дать просторъ этому самостоятельному порыву. У него складывался постепенно тотъ взглядъ на значеніе поэзіи, который въ значительной степени превосходитъ точку зрѣнія Пушкина. Нѣтъ болѣе разлада между поэтомъ и чернью, и его голосъ, какъ вѣчевой колоколъ, долженъ раздаваться въ дни скорбей и радостей народныхъ. Это общественное призваніе поэта—тяжелый подвигъ; чтобъ не сгибать головы передъ сильными міра, онъ удаляется въ пустыню, а появляясь по временамъ въ городѣ съ прежними обличеніями, терпитъ всевозможныя оскорбленія. Борьба за извѣстный идеалъ начинаетъ вытѣснять у Лермонтова прежнее состояніе тревоги и разочарованія; русская природа, деревня, прошлое нашей земли, старая пѣсня или сказка, за душу хватающее зрѣлище общественной дряблости, активная любовь къ родинѣ,—вотъ что тѣснится отнынѣ въ его поэзію, вотъ что изумило Бѣлинскаго въ разговорѣ и взглядахъ поэта, когда онъ встрѣтился съ нимъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ. Лермонтовъ въ эту пору быстро возмужалъ и перерождался,—но въ этомъ перерожденіи руководителемъ оставался тотъ-же завѣтный его любимецъ — Байронъ. Не его ли голосъ звучалъ немолчно среди консервативныхъ оргій всей Европы, уподобляясь вѣчевому, набатному колоколу — и не онъ ли тотъ пророкъ, который не склонилъ главы передъ всесильными «лондонскими лавочниками», всю жизнь блуждалъ вдали отъ Англіи

[1]) Дѣйствительно, если тотъ оттѣнокъ русскаго романа, который въ особенности развитъ и упроченъ былъ Тургеневымъ въ его „Рудинѣ“, „Дворянскомъ гнѣздѣ“, „Наканунѣ“ и т. д. поставить въ прямую генеалогическую связь, то его родословную придется вести, конечно, не отъ повѣстей Бѣлкина, слабо обрисовывающихъ характеры и игнорирующихъ современность, и не отъ занимательной шумихи романовъ Марлинскаго, но, по прямой линіи, отъ „Онѣгина“ и „Героя нашего времени“.

и терпѣлъ оскорбленія отъ народа своего?.. Стóитъ рядомъ съ этимъ поставить извѣстныя стихотворно-политическія заявленія Пушкина или немногія стихотворенія Лермонтова, навѣянныя ему окружавшимъ его шовинизмомъ и дышавшія раздраженіемъ противъ новыхъ европейскихъ движеній (напримѣръ «Послѣднее Новоселье»), чтобъ ясно стало, *откуда* могла идти у него традиція общественной дѣятельности поэта. Перерожденіе это было замѣчено и оцѣнено лучшими приверженцами Лермонтова, кружкомъ «Отечественныхъ Записокъ», энергически поддержано Бѣлинскимъ. Но не придавали ли уже тогда этимъ людямъ, привѣтствовавшимъ стремленіе поэта быть *русскимъ*, прозвище *западниковъ*?

Выхваченный изъ житейскаго омута своею богатой натурой, воспитанный западной поэзіею въ твердомъ отстаиваніи своей личности, Лермонтовъ готовился самостоятельно выступить въ родной литературѣ, сблизивъ ее съ жизнью. Но смерть застала его въ приготовленіяхъ къ этому смѣлому шагу; изучая его дѣятельность, мы можемъ только догадываться, чтó *могла* дать со временемъ сила его таланта. Передъ нами только блестящее начало, великолѣпный входъ въ святилище, которое навѣки останется для насъ замкнутымъ,—и по всему этому порталу пестрыми гирляндами вьются цвѣты чужеземной поэзіи, оттѣняютъ его изящныя формы, придаютъ имъ небывалое разнообразіе.

Съ рѣдкой дальновидностью Бѣлинскій, при появленіи первыхъ-же гоголевскихъ повѣстей, высказалъ убѣжденіе, что отнынѣ вѣкъ лирической поэзіи миновалъ безвозвратно и что его должно смѣнить господство повѣствованія, романа. Послѣднія пѣсни Лермонтова дѣйствительно совпали съ колоссальнымъ успѣхомъ лучшихъ созданій гоголевской сатиры. Русская жизнь, вторгавшаяся уже въ широкихъ размѣрахъ въ лирику, развернулась тутъ въ необъятную бытовую картину и потребовала себѣ полнаго права гражданства въ литературѣ. Цѣлый міръ открывался тутъ впервые, вереницы вновь подмѣченныхъ характеровъ и ситуацій выставлены были на показъ передъ изумленнымъ читателемъ, согрѣтыя невѣдомымъ ему юморомъ, загадочнымъ смѣхомъ сквозь слезы. И увѣровали всѣ въ живучесть народившейся русской литературы, и самъ Бѣлинскій уже бралъ назадъ свое скептическое отрицаніе самаго существованія ея.

Но и этотъ несомнѣнный фактъ не долженъ мѣшать намъ приложить и къ такому, казалось бы, коренному русскому писателю нашъ обычный анализъ. Какъ ни странно звучитъ это по отношенію къ человѣку, чья непріязненность къ западу, особенно

въ послѣдніе годы, могла бы войти въ поговорку,—намъ слѣдуетъ опредѣлить и у Гоголя степень его *западничества*. Искреннимъ, глубокимъ знатокомъ европейской мысли онъ не могъ быть уже вслѣдствіе крайне скуднаго своего образованія, которое впослѣдствіи чрезвычайно туго пополнялось. Иностранные языки, кромѣ итальянскаго, плохо давались; особой охоты изучать жизнь тѣхъ народовъ, среди которыхъ приходилось проводить чуть не десятки лѣтъ, не было [1],—и, не имѣя возможности читать иностранныя произведенія ни въ подлинникѣ, ни въ переводахъ (число ихъ въ ту пору было крайне незначительно), Гоголь усвоилъ себѣ привычку къ огульнымъ, валовымъ осужденіямъ цѣлыхъ областей западной культуры, къ дешево-остроумнымъ выходкамъ насчетъ тяжеловѣсности нѣмецкаго ума, французской вѣтренности, птичьей внѣшности англичанъ и т. д., словомъ, къ тѣмъ жалкимъ общимъ мѣстамъ, которыя такъ больно видѣть въ его перепискѣ. Но это настроеніе окончательно сложилось лишь въ позднѣйшіе годы, подъ вліяніемъ одностороннихъ друзей и совѣтчиковъ,—и намъ необходимо отличить отъ нихъ болѣе гуманные взгляды того же Гоголя въ наиболѣе свѣжую пору его творчества. Въ Нѣжинѣ онъ, по собственному признанію, [2]), лишалъ себя всего необходимаго, чтобъ, скопивъ деньги, выписать себѣ изъ Львова собраніе сочиненій Шиллера; онъ «награжденъ съ излишкомъ» за претерпѣнныя лишенія и «нѣсколько часовъ въ день проводитъ съ величайшею пріятностью». То любимое поэтическое дѣтище его молодости, съ которымъ онъ понесся въ Петербургъ, ожидая, что оно создастъ ему блестящую будущность,—его несчастный *Гансъ Кюхельгартенъ*,—было передѣлано изъ нѣмецкой поэмы Фосса. Эти связи съ чужеземной поэзіей не помѣшали однако Гоголю, даже въ кружкѣ Пушкина, высказывать нѣкоторое презрѣніе къ ея корифеямъ; зная противоположные взгляды Пушкина, легко предугадать, какъ встрѣчены были имъ эти самодовольныя выходки. По показанію г. Анненкова, Пушкинъ пристыдилъ своего молодого друга полнымъ незнакомствомъ съ французской литературой указалъ Гоголю на высокій идеалъ комика въ лицѣ Мольера, заставилъ изучать его произведенія и внушилъ ему истинную любовь къ нему. Побуждая его перейти отъ мелкихъ сатирическихъ вещицъ къ широкому изображенію всей жизни, онъ указывалъ ему на Сервантеса; увлекаясь Вальтеръ-Скоттомъ, онъ передалъ это увле-

---

[1]) Воспоминанія г. Анненкова о Гоголѣ. „Воспом. и критич. очерки", кн. I.

[2]) Письмо отъ 6-го апрѣля 1827 г.—Сочин. Гоголя, изд. Кулиша, V, стр. 51.

ченіе, значительно усиленное, и Гоголю. Постоянно старался онъ разъяснить этому новичку, случайно избравшему поприще романиста, какъ одно изъ средствъ выйти изъ бѣдственнаго положенія (лишь неудачный экзаменъ помѣшалъ ему также легко сдѣлаться актеромъ),—высокое общественное призваніе сатирика-обличителя, и, при широкомъ своемъ знакомствѣ съ европейскими литературами, не могъ не указывать на великіе примѣры такого служенія въ жизни западныхъ народовъ.

Горе, звучащее въ извѣстныхъ заграничныхъ письмахъ Гоголя по поводу смерти Пушкина, потому такъ неподдѣльно и глубоко, что пишущій не могъ не чувствовать, что своимъ умственнымъ прозрѣніемъ онъ былъ всецѣло обязанъ вліянію высоко-талантливой и развитой личности, которая изъ него, учившагося на мѣдныя деньги литератора-дилеттанта, сдѣлала первенствующаго наставника народнаго. Въ частой разработкѣ вопроса о цѣляхъ сатиры у Гоголя мы видимъ живые отголоски этихъ раннихъ размышленій, — а въ «Театральномъ разъѣздѣ,» этой оригинальной попыткѣ сосчитаться со всѣми толками, поднявшимися въ обществѣ изъ-за «Ревизора», и заявить свою писательскую profession de foi, образцомъ какъ будто послужило такое-же произведеніе Мольера, *Критика на школу женщинъ*, которымъ великій французскій комикъ отвѣчалъ на придирчивое осужденіе его «Ecole des femmes» и выставилъ новую эстетическую теорію, поразившую своей свободой [1]). Вскорѣ у Гоголя устанавливается небывалое уваженіе къ лучшимъ представителямъ западной литературы, и онъ не затрудняется высказывать его печатно. Въ «Петербургскихъ замѣткахъ», которыя онъ помѣстилъ въ «Современникѣ» 1837 года, онъ называетъ нѣмцевъ «народомъ основательнымъ, склоннымъ къ глубокому эстетическому наслажденію»; во всеобщемъ увлеченіи Байрономъ видитъ «даже что-то утѣшительное», и отваживается на слѣдующее историческое обращеніе: «О Мольеръ, великій Мольеръ! ты, который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои ха-

[1]) „Театральный разъѣздъ“ гораздо обширнѣе и развитѣе полемической пьесы Мольера, и вмѣсто пяти-шести лицъ даетъ пеструю картину всего общества, но общій пріемъ одинаковъ въ обѣихъ пьесахъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что любимое Гоголемъ уподобленіе сатиры зеркалу, гдѣ видитъ себя общество и не хочетъ себя узнать (начиная съ искусно подобраннаго эпиграфа къ „Ревизору“, оно встрѣчается довольно часто), можно бы поставить въ параллель съ выраженіемъ Мольера въ названной пьесѣ: „ce sont miroirs publics ou il ne faut jamais témoigner qu'on se voie“. О томъ, что Мериме находилъ сходство между сценой чтенія письма въ пятомъ актѣ „Ревизора“ и такою же сценой въ „Мизантропѣ“, мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ.

рактеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ, ты, строгій, осмотрительный Лессингъ, и ты, благородный, пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинства человѣка! взгляните, что́ дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ» и т. д. И нѣсколько лѣтъ еще спустя, онъ все еще держится довольно сходныхъ взглядовъ; хотя онъ уже боится, какъ бы не сочли его приверженцемъ новизны и увлеченія модой, онъ видимо волнуется при мысли, какъ бы его не причислили къ лику старовѣровъ. Онъ отрицаетъ, чтобъ была въ немъ та набожность, которою дышетъ наша добрая Москва, «*не думая о томъ, чтобы быть лучшею*»; пусть не думаютъ, что питаетъ онъ «слѣпую вѣру во всѣ безъ различія обычаи предковъ, не разбирая, на лжи, или на правдѣ они основаны» [1]).

Но его обстановка мѣнялась. Не было уже болѣе около него Пушкина, чей предостерегающій голосъ могъ бы всегда остановить его передъ ложнымъ шагомъ; друзьями его были Языковъ, находившійся тогда въ лютомъ пароксизмѣ презрѣнія ко всему европейскому, Жуковскій, постепенно охватываемый мистицизмомъ, различные московскіе знакомые, уже развертывавшіе знамя непримиримаго славянофильства, поодаль виднѣлись отецъ Матвѣй и старцы Оптиной пустыни. И, на смѣну только-что приведенныхъ похвалъ западу, въ извѣстномъ отвѣтѣ на письмо Бѣлинскаго по поводу «Переписки съ друзьями», онъ уже видитъ въ европейской цивилизаціи только «разрушающія, уничтожающія начала» и приходитъ къ убѣжденію, что «пустой призракъ явился въ видѣ этой цивилизаціи»... И чѣмъ болѣе усиливается въ немъ это постоянное опасеніе, чѣмъ одностороннѣе, клерикальнѣе становится его умственная пища за эти годы, тѣмъ рѣзче дѣлается тонъ его отзывовъ. Еще разъ повторился въ исторіи русской сатиры тотъ поразительный фактъ, что радикальнѣйшій обличитель на склонѣ дѣятельности можетъ (повторимъ выраженіе кн. Вяземскаго о фонъ-Визинѣ) проповѣдывать выгоду невѣжества. Въ данномъ случаѣ разница въ томъ, что у фонъ-Визина презрѣніе вызывалось жаждой насмѣшки надъ чѣмъ бы то ни было, у Гоголя же, въ послѣдніе годы громившаго западъ съ набожно-консервативной точки зрѣнія, нелюбовь къ нему сначала окрашивалась особымъ художественнымъ колоритомъ,—и, странное дѣло, она поддержана была и развита одною изъ сторонъ того же неотвязнаго запада.

---

[1]) Письмо къ С. Т. Аксакову, 1842. Собраніе сочин., изд. Кулиша, V, 488.

Точно врожденная въ немъ страсть къ Италіи [1]) привела его въ Римъ, который мало-по-малу сдѣлался для него обѣтованной землей; онъ полюбилъ его на всю жизнь. Но какой именно Римъ привлекалъ его къ себѣ? Не пробуждающійся отъ долгаго порабощенія, но заснувшій, со всѣми старыми его учрежденіями, которыя вскормило папство. Ему нравилось все то, что свѣжему человѣку должно было казаться архаическимъ; папскій церемоніалъ, безконечныя процессіи по улицамъ, и самыя улицы, узкія, грязныя, и полуграмотное населеніе, и дикое воспитаніе римскаго дворянства, и дѣтскія наслажденія римскихъ жителей, и карнавалъ, на время оживлявшій погруженныхъ въ спячку римлянъ. Все это было картинно, заслуживало описанія, но слишкомъ шло въ разрѣзъ съ духомъ новаго времени. Но Гоголь любилъ Римъ, какъ онъ есть, и съ этой стороны долгое житье въ немъ было для него неблагопріятно въ нравственномъ отношеніи. Этотъ застой мало-по-малу затягивалъ его; онъ тутъ снова привыкаетъ брезгливо относиться къ вліяніямъ новѣйшей цивилизаціи, насколько имъ удалось проникнуть сквозь папскія заставы,—и только блистательно-одаренная его натура брала верхъ надъ этимъ складомъ мыслей, и среди подобной обстановки, порождала художественно-правдивыя сцены «Мертвыхъ Душъ».

И такъ, даже въ процессѣ развитія его тревожнаго консерватизма играетъ не малую роль вліяніе одного изъ западныхъ общественныхъ теченій, впослѣдствіи удесятеренное мѣстными, русскими условіями,—и Гоголь и тутъ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть названъ западникомъ. Но кромѣ того болѣе или менѣе внѣшняго вида европеизма, который мы попытались признать за нимъ, Гоголю свойственно было въ безконечно обширнѣйшей долѣ внутреннее содержаніе того прогресса, который привитъ былъ русскому уму его общеніемъ съ Европой. Пока, въ дни меланхолическаго раздумья, онъ не подведетъ итоговъ своей дѣятельности и не захочетъ подложить въ нее заднимъ числомъ опредѣленную, положительную программу, онъ, повинуясь влеченію своего таланта, служитъ ту службу перевоспитанія общества, которую несли всегда лучшіе изъ нашихъ сатириковъ. Онъ, этотъ коренной русскій писатель, наименѣе заимствовавшій у кого бы то ни было, выдвинутый самою русскою жизнью и создававшій, ей въ отвѣтъ, самостоятельную русскую литературу, вы-

---

[1]) Его стихотвореніе „Италія", гдѣ онъ съ энтузіазмомъ воспѣваетъ эту страну, написано имъ еще въ ту пору, когда онъ не видалъ ея вовсе и потому изображалъ собственныя грёзы объ ней.

ступилъ съ кореннымъ *отрицаніемъ* этой жизни и ему исключительно обязанъ всею своей славой. Камня на камнѣ не осталось послѣ его натиска,—и не только въ бюрократическомъ мірѣ, но и во всѣхъ закоулкахъ русскаго быта. Сейчасъ видѣли мы, какъ категорически отказывается онъ во что бы то ни стало признавать добрыми всѣ порядки старины; въ «Театральномъ разъѣздѣ» онъ беретъ подъ свою защиту здравый смыслъ народный и доказываетъ, что народъ видитъ насквозь тѣ низости, которыя надъ нимъ чинятся. Въ этой страшной картинѣ недостаетъ только послѣдняго штриха, въ этихъ обличеніяхъ недосказано только одно слово: это слово — *реформа*, *преобразованіе*, которое сдѣлаетъ невозможнымъ міръ Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Ноздревыхъ, Земляникъ, различныхъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ съ ихъ чернильными героями, и полчища Чичиковыхъ, хозяевъ-пріобрѣтателей, со всѣхъ ступеней общественной лѣстницы. Но это слово вó-время не договаривается; когда же съ годами является потребность въ положительныхъ заявленіяхъ, фонъ-визинскій Правдинъ, скроенный на западный ладъ резонера, надѣваетъ мундиръ благонамѣреннаго генералъ-губернатора и произноситъ крылатыя рѣчи, отъ которыхъ совѣсть начинаетъ трепетать у чиновниковъ; еще шагъ, и вся прежняя лютая борьба противъ народныхъ язвъ будетъ самому сатирику казаться тяжкимъ грѣхомъ.

Но если это слово не было досказано, если великій непосредственный талантъ увлекъ Гоголя дальше того, чтó онъ могъ потомъ сознательно одобрить, это не можетъ заслонить отъ насъ настоящаго смысла всего его общественнаго служенія. Вѣра въ будущность русской земли, въ народныя силы, скрытыя до времени, но крѣпкія и надежныя,—таковъ единственный компромиссъ его съ русской жизнью, и, быть можетъ, не умѣя подробно указать, *какія* новыя формы должны возродить ее, онъ каждою строчкой своихъ лучшихъ произведеній твердитъ читателю, что *такъ* жить нельзя. Такимъ образомъ онъ являлся надежнымъ союзникомъ всѣхъ, кто только стоялъ за культурный подъемъ русскаго общества и, стало быть, прежде всего союзникомъ тѣхъ кружковъ, которыхъ впослѣдствіи любили корить западничествомъ. Оттого между нимъ и этими людьми нашлось такъ много точекъ соприкосновенія, оттого они такъ долго могли его считать своимъ; въ началѣ своего обличительнаго письма по поводу «Выбранныхъ Мѣстъ», Бѣлинскій съ глубокой грустью вспоминаетъ, какъ онъ «любилъ Гоголя со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страной, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на

пути сознанія, развитія, прогресса». Въ этихъ симпатіяхъ на первомъ планѣ стоятъ соціальныя основы гоголевской сатиры, тогда какъ въ противоположномъ лагерѣ цѣнилась главнымъ образомъ художественная сторона ея, и молодые энтузіасты изъ славянофиловъ въ особенности возвеличивали небывалый подъемъ эпическаго творчества и ставили «Мертвыя Души» наряду съ «Одиссеей».

О Гоголѣ большинство привыкло почему-то судить по мнѣніямъ и взглядамъ послѣдняго его періода, когда его гораздо болѣе окружали разныя сердобольныя дамы и постники, чѣмъ представители живыхъ общественныхъ слоевъ,—и эти сужденія какъ бы присвоиваются всей его жизни. Но, возвращаясь къ лучшей его порѣ, мы встрѣтимъ характеристическое признаніе, которое подтверждаетъ только-что сказанное нами. «Ѣду за границу,—пишетъ онъ послѣ неудачи «Ревизора»,—чтобы размыкать тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ, долженъ быть подальше отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ своемъ отечествѣ». Отвергнутый, оттолкнутый тою жизнью, которую правдиво изображалъ, онъ не могъ въ ту пору идеализировать ее, отъ нея одной ждать возрожденія. Къ старинѣ (какъ мы сейчасъ видѣли) онъ расположенъ былъ относиться болѣе чѣмъ критически; своей сатирой онъ, по мѣткому выраженію одного изъ историковъ гоголевскаго періода, уничтожилъ въ русской жизни *маниловщину*, т.-е. прежде всего національное самообольщеніе. Не ясно ли, въ виду всего этого, на сторонѣ какого развитія было его сочувствіе въ цвѣтущій періодъ его сатирической дѣятельности?

Въ то время, какъ талантъ Гоголя окончательно привилъ новой нашей литературѣ живой и гуманный интересъ къ человѣку, какъ онъ есть, начиная съ высшихъ и кончая самыми низменными слоями общества, и приблизилъ эту литературу къ реальной народной жизни,—въ смежныхъ съ реалистическимъ романомъ сферахъ журнальной и научной работы развивалась небывалая на Руси отвлеченно-философская дѣятельность. Рядъ европейски-развитыхъ людей отдавалъ свои лучшіе годы на безконечные догматическіе споры, дробился на различные оттѣнки, проникалъ въ университетскія аудиторіи, на страницы журналовъ и становился силою немаловажною. Старые философскіе кумиры замѣнялись новыми, и въ этомъ исканіи истины дилеттанты изъ общества соперничали съ учеными спеціалистами. Старикъ Елагинъ, отецъ позднѣйшихъ славянофиловъ, вывезъ изъ

походовъ «Критику чистаго разума» и былъ поклонникомъ Канта, а впослѣдствіи, благодаря петербургскому профессору Велланскому, изучилъ систему Шеллинга и сталъ его усерднымъ почитателемъ. Весь кружокъ «Московскаго Вѣстника» поклонялся Шеллингу; изгнанная, въ видахъ безопасности, изъ университетовъ философія, избравъ себѣ покровителемъ *сельское хозяйство*, входила снова въ свои права, и М. Г. Павловъ горячо и убѣдительно знакомилъ своихъ слушателей съ философіей Окена,— правда, подъ прикрытіемъ ученія о плугахъ и удобреніи. Надеждинъ старался придать эстетикѣ научно-философское основаніе. Наконецъ Шеллингова философія получила разнообразнѣйшее примѣненіе въ оригинальной дѣятельности кн. Одоевскаго, отражаясь то въ ученомъ разсужденіи, то въ критической статьѣ, то въ повѣсти. Почва для широкаго знакомства съ новыми явленіями европейской мысли была готова, и это знакомство вскорѣ разростается чрезвычайно. Сначала хотятъ изучать только нѣмецкую философію, затѣмъ присматриваются къ литературному движенію «молодой Германіи», первымъ дебютамъ Гейне и Бёрне, наконецъ наступаетъ очередь новѣйшихъ политическихъ и литературныхъ ученій Франціи.

Эта пора возроставшаго интереса къ жизни запада отмѣчена прежде всего основаніемъ двухъ новыхъ органовъ, служившихъ его распространенію. Первымъ изъ нихъ является «Московскій Вѣстникъ» Веневитинова, вторымъ «Европеецъ» Ив. Кирѣевскаго. Въ кружкѣ, группирующемся около перваго изъ этихъ журналовъ, мы находимъ будущаго вождя славянофиловъ, Хомякова; имя издателя «Европейца» блистаетъ впослѣдствіи въ рядахъ той же школы,—но въ эту пору они раздѣляютъ общее увлеченіе и не обособились еще въ отдѣльный толкъ. Оба журнала съ честью служатъ избранной задачѣ, и въ особенности журналъ Кирѣевскаго. По единственнымъ вышедшимъ двумъ книжкамъ его можно было уже составить себѣ недурное представленіе о томъ, чтó происходило въ данную минуту въ Европѣ. Мы находимъ тутъ корреспонденцію изъ Берлина, гдѣ передаются новости о Гансѣ, Боппѣ, замѣщеніи каѳедры Гегеля,—переводъ статьи Эмиля Дешана о Бальзакѣ, съ сочувственной оцѣнкой его дѣятельности и слабымъ упрекомъ въ излишней мизантропіи,—отрывокъ изъ писемъ Бёрне и изъ парижскаго письма Гейне по поводу выставки картинъ, гдѣ проводится мысль, что новое время породитъ новое искусство, которое будетъ идти съ жизнью «въ стройномъ, вдохновенномъ созвучіи, которое символику свою *не*

станетъ занимать у поблекшаго минувшаго» [1]). Наконецъ находимъ, очевидно, не безъ умысла помѣщенную картину Испаніи, необыкновенно близко подходящую къ тогдашней Россіи, съ ея слабымъ образованіемъ, массою нищаго народа, самоуправствомъ властей и неисполненіемъ закона. Прямо редакціонныя заявленія ставятъ категорически вопросъ о пользѣ или вредѣ заимствованій и, опираясь на только-что появившееся тогда на сценѣ «Горе отъ ума», рѣшаютъ этотъ вопросъ въ трезвомъ грибоѣдовскомъ духѣ: «мы смѣшны (говорится тутъ), подражая иностранцамъ, но только потому, что подражаемъ *неловко и неполнѣ*: что изъ-подъ европейскаго фрака выглядываетъ остатокъ русскаго кафтана и что, обривъ бороду, мы еще не умыли лица». Тотъ же критикъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (Обозрѣніе русской словесности, 1829) открыто признавалъ, что «польская литература, *какъ и русская*, не только была отраженіемъ другихъ, но и существовала единственно силою чуждаго вліянія». Ввести извѣстную норму, сознательную программу въ это общеніе съ западомъ становилось, такимъ образомъ, главною цѣлью журнала Кирѣевскаго.

Кружокъ «Московскаго Вѣстника» также исходилъ изъ сочувственной западу точки зрѣнія, но, въ то время какъ «Европеецъ» готовъ былъ слѣдить за всѣми проявленіями современнаго движенія, Веневитиновъ и его друзья замыкались въ сферѣ философіи и чистаго искусства. Тутъ упивались гётевскимъ «Фаустомъ», зачитывались Шеллингомъ; въ отвлеченныхъ сферахъ отдыхали отъ окружавшей ихъ пошлости и равнодушія. Веневитиновъ наименѣе всѣхъ способенъ былъ отчудиться отъ жизненныхъ вопросовъ; у него тоже была пора восхищенія Байрономъ, на смерть котораго онъ написалъ искреннее стихотвореніе; онъ увлекался либеральнымъ движеніемъ двадцатыхъ годовъ на западѣ и приходилъ въ негодованіе при видѣ смѣнявшей его реакціи. Въ краткую жизнь свою онъ успѣлъ пережить всѣ фазы, черезъ которыя проходили тогда представители молодого поколѣнія, и, не порывая съ прежнимъ уваженіемъ къ европейской мысли, закончилъ кругъ своего развитія оригинальной мыслью о необходимости пріостановить движеніе отечественной словесности, заставивъ ее глубже выяснить свое внутреннее содержаніе, побудивъ ее «болѣе думать, чѣмъ производить». «Для сей цѣли,—говоритъ онъ,—надлежало бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть

[1]) „Европеецъ", 1832, стр. 139.

отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея вниманіе, и, опираясь на твердыя начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой она видѣла бы свое собственное предназначеніе» [1]).

Въ этой юношеской грёзѣ человѣка, благоговѣющаго передъ великими созданіями міровой литературы, негодуя на слабость мысли и легкую производительность родной словесности и желая искусственно привить ей недостающую широту цѣлей, тѣмъ не менѣе уже кроется зародышъ будущаго славянофильскаго воззрѣнія. Оно не получило еще здѣсь оттѣнка исключительности; для русскаго общества считаютъ необходимымъ дать «полную картину развитія ума человѣческаго», гдѣ каждой народности отведено равноправное мѣсто, гдѣ каждая получаетъ «свое собственное предназначеніе». Нѣтъ еще и слѣда горделиваго самовозвышенія; каждый вноситъ въ общую сокровищницу, чтò можетъ, однимъ словомъ, это — русское отраженіе той оригинальной для своего времени теоріи Гердера, которая высказана была впервые (1784) въ его «Ideen zur Geschichte der Menschheit», и съ тѣхъ поръ долго держалась въ философіи исторіи.

Какъ бы то ни было, на развалинахъ двухъ названныхъ журналовъ, служившихъ съ большей или меньшей опредѣленностью цѣлямъ общеевропейской культуры, изъ обломковъ стараго кружка «Московскаго Вѣстника» и новыхъ, подошедшихъ къ нему лицъ, постепенно складывалась немногочисленная, но дружная школа славянофильская. Младшіе ея дѣятели въ эту пору подходили къ дѣлу съ еще болѣе серьезной подготовкой въ западническомъ смыслѣ, чѣмъ ихъ предшественники, московскіе дилеттанты философіи. Оба брата Кирѣевскіе воспитались въ Германіи; Иванъ Кирѣевскій былъ ученикомъ и послѣдователемъ Шеллинга; Петръ К. переводилъ Байрона (*Вампиръ*, изд. 1828); самая мысль основать въ Москвѣ свой журналъ зародилась у нихъ подъ свѣжими впечатлѣніями заграничной жизни, связи съ которой они не хотѣли порвать, и пытались внести подобное ей оживленіе и въ русскіе мыслящіе кружки.

Въ виду этой непосредственной связи между сочувствіемъ къ Европѣ и ученіемъ, которое должно было въ концѣ своего развитія дойти до отрицанія жизненности всей европейской культуры, необходимо остановиться нѣсколько дольше на генезисѣ

[1]) „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала". Сочин. Веневитинова, 1862.

славянофильства и попробовать ввести его въ подобающія историческія рамки.

Масса читающей публики привыкла считать зарожденіе славянофильства явленіемъ чисто-русскимъ, самобытнымъ; для сторонниковъ этого ученія утѣшительно думать, что въ немъ сказались здоровые народные соки, не задавленные въ конецъ европеизмомъ и обѣщающіе пышно развиться въ небывалой самостоятельности. Много, если, говоря о происхожденіи этой школы, вспомнятъ о ея предшественницѣ, научно-патріотической школѣ чешской, двинувшей славянское возрожденіе текущаго вѣка. Но этого сличенія слишкомъ недостаточно. Культурная исторія Европы за послѣднія два столѣтія показываетъ намъ, что *почти ни одна страна* не обошлась въ свое время безъ движенія, вполнѣ схожаго съ нашимъ славянофильствомъ. Сантиментальное поклоненіе одной лишь старинѣ, исканіе въ ней одной величайшихъ доблестей, мистическій оттѣнокъ національной гордости, и рядомъ съ этимъ пробужденіе интереса къ народной жизни, поэзіи, повѣрьямъ и т. д., такова программа всѣхъ этихъ разнообразныхъ сектъ.

Отцы чешскаго движенія,—Юнгманъ, Добровскій, Шафарикъ, Челяковскій,—перешли отъ ветхихъ хартій къ пламенному энтузіазму въ честь старины, который, пробуждая умы, въ то же время грозилъ удержать ихъ надолго въ состояніи болѣзненнаго лиризма. Только событія 1848 года и послѣдовавшая борьба съ вѣнскимъ деспотизмомъ придала чешскому движенію реальную почву, отучила его отъ замкнутости, показала способы, которыми оно можетъ освѣжиться общечеловѣческой цивилизаціей, и дало ему наконецъ рѣдкій характеръ полнаго національнаго воскресенія. Современная Чехія, съ ея безчисленными народными школами, политическою печатью, разнообразными ассоціаціями и долгимъ, послѣдовательнымъ отстаиваніемъ своихъ правъ, далеко отошла отъ романтической грусти или самовосхваленія, процвѣтавшаго въ началѣ столѣтія, и можетъ только гордиться этимъ. То же видимъ мы и въ польской литературѣ нынѣшняго столѣтія. Подобно Пушкину, Мицкевичъ, Одынецъ, Словацкій увлекаются сначала Байрономъ. «Конрадъ Валленродъ» и «Дзяды» написаны подъ его вліяніемъ. Затѣмъ (опять параллельно такому же переходу въ пушкинской школѣ, у Веневитинова и т. д.) они перешли къ поклоненію Гёте, и поэма его «Германъ и Доротея» явилась первообразомъ «Пана Тадеуша» [1]). Еще шагъ дальше,—

[1]) Сравн. брошюру „Zwei Polen in Weimar", v. J. Bratranek, гдѣ изображено настоящее паломничество польскихъ писателей въ Веймаръ на свиданіе съ Гёте.

и подъ вліяніемъ личныхъ испытаній и крушенія національныхъ надеждъ, въ томъ же передовомъ кружкѣ складывается мистико-политическое направленіе, которому служатъ и ученыя изслѣдованія Лелевеля, стихотворенія, лекціи и памфлеты Мицкевича и фантастическій «мессіанизмъ» Товянскаго. Всѣ силы напрягаются, чтобъ открыть въ тайникахъ польскаго національнаго характера невѣдомыя міру освободительныя начала, и передъ очами носится обольстительное представленіе той міровой роли, которая когда-нибудь выпадетъ народу. Въ этомъ крайнемъ напряженіи патріотической фантазіи основа вполнѣ понятна и возбуждаетъ соболѣзнованіе,—но большинство историковъ общественнаго движенія польскаго смотритъ на это, постепенно угасшее направленіе, какъ на одностороннее и болѣзненное отклоненіе людей даровитыхъ отъ реальной почвы.

Если отъ этихъ двухъ примѣровъ, взятыхъ изъ міра славянскаго, обратимся къ Германіи, то увидимъ еще продолжительнѣйшую исторію германофильства, которая насчитываетъ уже около полутораста лѣтъ. Оды Клопштока, увлеченнаго съ одной стороны величавой поэзіею Оссіана, съ другой—эффектными дѣяніями Фридриха Великаго, вводятъ въ нѣмецкую лирику образы давно минувшихъ богатырскихъ личностей; Арминій и Туснельда окружены необычайнымъ ореоломъ, поэты наперерывъ стараются подражать древнимъ бардамъ и среди просвѣтительнаго XVIII вѣка идетъ цѣлая полоса археологическихъ увлеченій. Они переживаютъ рядъ поколѣній, и у Гердера находятъ новый, несравненно болѣе широкій и поэтическій смыслъ. Гердеръ поднимаетъ изъ забвенія народную поэзію, энергически распространяетъ вездѣ интересъ къ разслѣдованію пѣсеннаго творчества, и ставитъ безъискусственное народное вдохновеніе выше созданій отдѣльныхъ личностей. Но его точка зрѣнія широка и гуманна; въ его восторгахъ найдется мѣсто и для нѣмецкой баллады, и для литовской пѣсенки, и для малорусской думки; законность безконечнаго разнообразія національныхъ и мѣстныхъ оттѣнковъ въ жизни и поэзіи стала для него истиннымъ догматомъ,—и онъ не разъ зло подсмѣивается надъ ограниченностью тѣхъ нѣмецкихъ патріотовъ, которые не хотятъ знать ничего на свѣтѣ, кромѣ своей родины, и презрительно относятся къ быту другихъ странъ, точно китайцы, для которыхъ небесная имперія—весь міръ, и иноземцы—что-то въ родѣ отвратительныхъ злыхъ духовъ, пытающихся ворваться въ безмятежное царство солнца. Но подобный взглядъ вымираетъ съ прекращеніемъ неутомимой дѣятельности этого оригинальнаго мыслителя; его наслѣдіе присвои-

ваетъ себѣ романтическая школа и спѣшитъ замкнуться въ узкіе предѣлы нѣмецкой народной старины. Она идеализируетъ ее, скорбитъ объ утраченной народомъ свѣтлой порѣ; натуръ-философы, съ Шеллингомъ [1]) во главѣ, подаютъ руку романтикамъ и въ своихъ капризно построенныхъ объясненіяхъ историческаго процесса принимаютъ существованіе ранняго, совершеннѣйшаго періода исторіи, вмѣстѣ съ которымъ «сошла со сцены благороднѣйшая часть человѣчества»; этотъ періодъ является поэтому настоящимъ золотымъ вѣкомъ въ памяти народной, и «возвращеніе его на землю остается предметомъ вѣчныхъ, неутолимыхъ желаній». Въ этомъ прошломъ уже вполнѣ выяснилась та основная идея, выразителемъ которой призванъ быть извѣстный народъ, если онъ заявляетъ притязанія на всемірно-историческую роль, и все его дальнѣйшее существованіе должно быть отдано на служеніе этой идеѣ. Такимъ образомъ, соединенными усиліями романтической поэзіи и философіи намѣчены были всѣ составные элементы германофильскаго движенія: идеализація старины упрочила элементъ археологическій; господство религіознаго начала въ сказаніяхъ и бытѣ прошлаго выдвинуло впередъ стихію болѣзненной, мистической набожности; исканіе завѣтной *идеи*, положенной судьбою въ основу нѣмецкаго народнаго быта, подняло принципъ горделивой національности, пріучая рѣзко осуждать все, что не подходитъ къ высотѣ этой идеи. Прежняя, гердеровская точка зрѣнія утрачена; вмѣсто необъятнаго круга общечеловѣческаго развитія, мысль замыкается въ опредѣленныя рамки и въ нихъ трепещетъ и бьется точно въ оковахъ, глумясь надъ неизмѣннымъ закономъ поступательнаго движенія жизни и ставя свои идеалы позади. И послѣдствія этого извращенія понятій не заставили себя долго ждать. Если побочные, практическіе результаты романтическаго движенія принесли значительную пользу, придавъ особенное развитіе научному изученію старины и народности, которое создало плодотворную школу братьевъ Гриммовъ, — то съ другой стороны слишкомъ извѣстно, къ какому печальному концу пришли романтики, какимъ религіознымъ и политическимъ фанатизмомъ прониклись они, становясь вѣрными слугами любого реакціоннаго правительства и зачинщиками всякихъ гоненій на современную мысль, не преклонявшуюся передъ ихъ національно-археологическими теоріями. Весь періодъ трид-

[1]) Вслѣдствіе тѣснаго общенія между романтиками и школою Шеллинга, самъ онъ вовлеченъ былъ въ поэтическія упражненія, участвовалъ въ „Альманахѣ Музъ" Шлегеля и Тика и перелагалъ въ стихи различныя философскія построенія.

цатыхъ годовъ въ Германіи полонъ этихъ печальныхъ дѣяній школы, которая нѣкогда выступала на свое поприще съ идеальными стремленіями, напутствуемая благословеніемъ и Шиллера, и Гёте!

Но у насъ есть, наконецъ, въ запасѣ и новый, еще болѣе свѣжій примѣръ, который мы возьмемъ изъ жизни странъ менѣе извѣстныхъ,—именно изъ современной исторіи Даніи и Норвегіи. Талантливому Брандесу удалось первому обратить вниманіе европейскаго общественнаго мнѣнія на борьбу старой патріотической партіи въ Даніи съ свободномыслящей оппозиціей, борьбу столь сильную, что она принудила и самого Брандеса оставить каѳедру въ копенгагенскомъ университетѣ и искать убѣжища въ Берлинѣ. Со времени его остроумной характеристики умственнаго движенія въ Даніи [1]), въ Европѣ хорошо знають, что и тамъ дѣло не обошлось безъ того же неотвязнаго романтизма, безъ того же увлеченія стариной и мистико-пророческаго отношенія къ исторіи; и въ датскомъ обществѣ выдвинулись люди недюжинные, въ родѣ Грундтвига, нерѣдко прямо даровитые, которые всею душою отдавались нетерпимому фанатизму и быстро переходили къ излишествамъ послѣднихъ нѣмецкихъ романтиковъ. Эта консервативная школа, благодаря тѣсной связи скандинавскихъ государствъ, охватила и Норвегію. Въ новѣйшей книгѣ Брандеса [2]), представляющей рядъ превосходныхъ портретовъ, отчасти уже извѣстныхъ нашей публикѣ, мы находимъ живую характеристику одного изъ первоклассныхъ норвежскихъ писателей, Бьёрнштерна-Бьёрнсона, въ настоящее время чрезвычайно популярнаго въ Германіи. Онъ сразу сталъ знаменитъ своими деревенскими разсказами, въ которыхъ свѣжесть поэтическаго колорита связывалась съ нѣкоторою идеализаціею народной жизни. Эти разсказы пришлись по вкусу старой норвежской партіи, которая самодовольно называетъ себя «интеллигенціею страны» (иногда даже національно-либеральной партіею) и вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ упорную вражду противъ всѣхъ нововведеній. «Для нея все европейское является подозрительнымъ,—*только на крайнемъ сѣверѣ сохранилась нравственная чистота и свѣжесть, которая призвана обновить дряхлую культуру Европы*,—что же касается современности въ строгомъ смыслѣ этого слова, то она не существуетъ вовсе для счастливаго невѣдѣнія». Въ пору появленія разсказовъ Бьёрнсона, говоритъ Брандесъ, эти люди были еще друзьями

[1]) „Das geistige Leben in Dänemark", von G. Brandes, übers. v. A. Strodtmann.
[2]) „Moderne Geister", Frankfurt, 1882.

народа. «Они любили абстрактнаго крестьянина, настоящаго же, конкретнаго они еще не вѣдали. Мужику они дали избирательныя права, надѣясь, что онъ всегда будетъ выбирать тѣхъ, кто далъ ему эту вольность; тогда крестьянство называли не иначе какъ здоровымъ зерномъ народа, въ немъ видѣли потомство героевъ древности, его воспѣвали, ему льстили». Но въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ средѣ крестьянства проявилось сильное, самостоятельное движеніе, шедшее одновременно съ зарожденіемъ въ культурныхъ слояхъ Даніи новой поэтической и критической школы, сочувственной обще-европейскому прогрессу. Бьёрнсонъ, уже избалованный успѣхомъ, поддался этому знаменію времени, порвалъ съ своимъ прошлымъ,—и съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ на новую дорогу, его имя стало популярнѣйшимъ во всемъ крестьянскомъ людѣ, онъ взялъ въ свои руки все литературное движеніе,—и сталъ ненавистенъ стариннымъ «друзьямъ народа».

Небольшое отступленіе, которое мы позволили себѣ, дало, какъ намъ кажется, нѣкоторые практическіе результаты. Обнаружилась повсемѣстность разновременныхъ школъ съ одинаковой программой, измѣняемой лишь сообразно національнымъ оттѣнкамъ. Для однихъ героической порой является вѣкъ Любуши, Премысла и Забоя, для другихъ—вѣкъ Святослава и Владиміра, для третьихъ—старое нѣмецкое рыцарство, для четвертыхъ, наконецъ,—богатырское царство, воспѣтое въ сказаніяхъ Эдды. Мѣняется и религіозная основа: поэзія стародавняго католицизма встрѣчается тутъ съ протестантской богобоязненностью, подобно тому какъ въ русской національно-романтической школѣ перевѣсъ будетъ на сторонѣ православнаго вѣроученія. Затѣмъ мы видѣли, что каждая школа по своему понимаетъ тотъ общій имъ догматъ, въ силу котораго должна быть торжественно водружена великая идея, имѣющая освободить все человѣчество и излечить его отъ ранъ цивилизаціи. Одни утверждаютъ, что эта идея залегла въ польскомъ народномъ характерѣ, другіе ждутъ мессіи изъ Германіи, третьи указываютъ на «дальній сѣверъ», т.-е. поочередно на Данію, Швецію, Норвегію.

Русская школа, стало быть, найдетъ легко свое мѣсто въ этой цѣпи обще-европейскихъ явленій, — тѣмъ болѣе, что она имѣетъ непосредственныя связи съ двумя изъ своихъ западныхъ сверстницъ, съ чешскою національной реставраціей, и съ нѣмецкимъ романтизмомъ и его спутницей—философіей. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣдкое зрѣлище возрожденія народнаго чешскаго самосознанія, благодаря усиліямъ нѣсколькихъ кабинетныхъ ученыхъ, произвело значительное впечатлѣніе на первыхъ дви-

гателей нашего славянофильства, — хотя разница религіи тогда уже была немалою помѣхой тѣсному сближенію съ чехами. Подобно чешскимъ вождямъ, и основатели русскаго кружка исходили изъ точки зрѣнія книжной, кропотливой, кабинетной работы и келейныхъ споровъ, и мало-по-малу перешли къ попыткамъ усвоить болѣе широкую общественную роль въ журналистикѣ, войти прямо въ жизнь. Окружающая дѣйствительность въ обоихъ случаяхъ была слишкомъ неудовлетворительна, выражаясь или въ русскомъ бюрократизмѣ, или въ австрійскомъ военно-полицейскомъ гнетѣ; и мысли сами обратились къ старинѣ. Но связи съ пробуждавшимся славянствомъ окончательно установились у московскаго кружка нѣсколько позднѣе, а до той поры нѣмецкая мысль помогла ему въ трудномъ дѣлѣ выработки основныхъ своихъ догматовъ. Историки славянофильства не отрицаютъ сами извѣстныхъ обязательствъ школы къ Шеллингу и Гегелю [1]). Представленіе о миновавшей свѣтлой порѣ высказано было, какъ мы видѣли, еще въ началѣ столѣтія Шеллингомъ; романтическія прикрасы этой старины находятъ отзвукъ въ изображеніи «древней, свѣтлой Руси, озаренной,—по словамъ молодого Ю. Самарина,—какимъ-то веселымъ, праздничнымъ сіяніемъ». Тамъ господствовала «какая-то непринужденность и свобода въ отношеніяхъ людей, внутреннее единство жизни, всеобщее стремленіе освятить всѣ отношенія религіознымъ началомъ, не было вовсе ни тѣсной исключительности, ни суроваго невѣжества позднѣйшихъ временъ»,—и такіе безпристрастные судьи, какъ Хомяковъ, находили эту идеализацію слишкомъ несоотвѣтствовавшею дѣйствительности [2]). Мечты Веневитинова объ изолированіи Россіи отъ обще-европейскаго движенія, объ ея самоуглубленіи и опредѣленіи ея предназначенія, эти мечты, навѣянныя уже Шеллингомъ, развились у дальнѣйшихъ дѣятелей школы въ болѣе опредѣленныя исканія завѣтной идеи или жизненнаго строя, который призванъ осуществить народъ нашъ. Дальнѣйшее примѣненіе этой основной задачи, конечно, носило отпечатокъ самостоятель-

---

[1]) „Славянофильство, какъ философское ученіе", ст. И. Панова, Журн. мин. нар. просвѣщ. 1880, ноябрь, стр. 4—6. „Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ", статьи г. Ор. Миллера, „Русская Мысль", 1880, вторая статья, стр. 12.

[2]) Когда И. Кирѣевскій утверждалъ разъ, что христіанское ученіе выражалось въ чистотѣ и полнотѣ во всемъ объемѣ общественнаго и частнаго нашего быта, Хомяковъ спросилъ его, когда же это было: не въ эпоху ли кроваваго спора Олеговичей и Мономаховичей, безнравственныхъ смутъ Галича, подкупа русскимъ золотомъ татаръ, при Иванѣ III и его сынѣ двуженцѣ? „Нѣтъ, велико это слово,—говорилъ Хомяковъ,—и, какъ ни дорога мнѣ родная Русь въ ея славѣ современной и прошедшей, сказать его объ ней я не могу и не смѣю".—О. Миллеръ, статья II, стр. 28.

ности; пришлось обратиться къ чисто русскимъ матеріаламъ, къ исторіи, богословію, преданіямъ, приниматься за конструкцію идеальной христіанской общины, сбереженной въ нѣдрахъ русской жизни, и т. д. Но исходная точка и способы первыхъ доказательствъ были даны нѣмецкой философіей. Даже въ 1846 году Константинъ Аксаковъ въ своей диссертаціи о Ломоносовѣ «доказывалъ всемірно-историческое значеніе русскаго народа при помощи гегелевской терминологіи». Еще понятнѣе близость къ нѣмецкимъ философскимъ пріемамъ у старшаго поколѣнія, которое, какъ братья Кирѣевскіе, усвоило ихъ въ Германіи, изъ первыхъ рукъ. Да и невозможно было уберечься отъ вліянія нѣмецкой мысли въ тогдашней Москвѣ, мало-по-малу охваченной ея потокомъ до того, что сама чуть не превратилась въ одинъ изъ «губернскихъ городовъ нѣмецкой философіи», наряду съ Берлиномъ, Іеной, Лейпцигомъ.

Эта несомнѣнная связь съ западомъ объясняетъ намъ ту примѣчательную особенность первыхъ славянофиловъ, которую мы готовы бы назвать слабостью къ Европѣ, остаткомъ симпатіи къ ней, сбереженнымъ несмотря на обострившіяся потомъ отношенія къ ея приверженцамъ. У первыхъ славянофильскихъ писателей мы никогда не встрѣтимъ тѣхъ грубыхъ, нетерпимыхъ выходокъ, которыми щеголяетъ ихъ выродившееся потомство,— напротивъ, при каждомъ случаѣ сказывается уваженіе къ почтнѣйшимъ именамъ западной науки и литературы. Вотъ нѣсколько примѣровъ тому, взятыхъ на удачу изъ подлинныхъ сочиненій Хомякова, И. Кирѣевскаго, К. Аксакова. Кирѣевскій называетъ Лейбница *великимъ*, Спинозу и Декарта *знаменитыми*, Юма безпристрастнымъ; онъ благодаритъ Вронченка за наслажденіе, доставленное ему переводомъ Фауста; Сентъ-Бёвъ, по его мнѣнію, замѣчательный писатель; онъ съ интересомъ прочелъ его книгу о Поръ-Роялѣ и сочувственно относится къ личности Паскаля. Хомяковъ называетъ «геніальными дѣятелями восемнадцатаго вѣка» Вольтера и Руссо, удивляется Шелли, хотя жалѣетъ о его заблужденіяхъ. Аксаковъ въ названной сейчасъ диссертаціи находитъ возможнымъ замолвить доброе слово за «просвѣщеніе запада, ибо результатомъ этого просвѣщенія, при настоящемъ его пониманіи, было необходимое сознательное возвращеніе къ себѣ». Кирѣевскій находилъ въ свое время, что «образованность европейская, какъ зрѣлый плодъ всечеловѣческаго развитія, оторванный отъ стараго дерева, должна служить питаніемъ для новой жизни, явиться новымъ, возбудительнымъ

средствомъ къ развитію нашей умственной дѣятельности» (Сочиненія, II, 45).

Эти разнообразныя оцѣнки и лестные эпитеты, правда, теряются среди массы суровыхъ приговоровъ и невыгодныхъ для Европы сравненій съ русской жизнью, но въ то же время они показываютъ, что первоначальный складъ развитія не могъ изгладиться совсѣмъ, а у такого человѣка, какъ Ив. Кирѣевскій, не сгладился никогда. Гораздо дальше заходила въ нетерпимости побочная фракція славянофильства, представляемая редакціей «Москвитянина»; тамъ произнесена была дикая фраза о гніеніи запада, которую никто изъ руководителей школы не могъ бы выставить своимъ девизомъ,—но страннѣе всего то, что произнесъ ее Шевыревъ, репутацію котораго въ университетѣ составилъ курсъ исторіи поэзіи, принимаемой въ ея общечеловѣческомъ развитіи, поклонникъ Гёте (его «Гёца» онъ обстоятельно объяснялъ на своихъ лекціяхъ) и Данта, любитель итальянской живописи и музыки, неистощимый на лирическіе порывы каждый разъ, когда соприкасался съ итальянской жизнью и природою, наконецъ почти передъ смертью переводившій Шиллерова «Валленштейна» [1]). Признавать великія достоинства западной мысли и, подъ вліяніемъ непонравившагося направленія европейской современности, утверждать, что въ ней *все*—тлѣнъ и гніеніе, было такъ же непослѣдовательно, какъ выраженіе К. Аксакова, воспитавшагося на западной наукѣ и поэзіи, будто «западъ весь проникнутъ ложью внутренней, фразой и эффектомъ»; такія заявленія могутъ быть объяснены лишь раздраженіемъ и далеко зашедшей полемикой партій.

Извѣстно, что это раздраженіе—черта позднѣйшая, и что первоначально школа славянофиловъ имѣла характеръ мирнаго, мечтательнаго кружка съ солидною нѣмецко-философской подкладкой. Сходясь съ людьми имъ дорогими [2]), но различныхъ съ ними убѣжденій, они спорили часто съ бо́льшимъ оживленіемъ о Гегелѣ, чѣмъ о вопросахъ домашнихъ; какъ бы напоминая Шеллинга, который пытался сочетать умозрительныя разысканія

---

[1]) Другой издатель „Москвитянина“ Погодинъ съ рѣдкимъ удовольствіемъ, особенно въ послѣдніе годы, предпринималъ заграничныя путешествія и питалъ особенныя симпатіи къ французамъ. Живо помнимъ одно его выраженіе въ разговорѣ съ нами: „французы—такой милый народъ, что слышать отъ нихъ грубость пріятнѣе, чѣмъ отъ русскаго—любезность“.

[2]) Недавно напечатанныя въ газетѣ „Русь“ письма Бѣлинскаго къ К. Аксакову проникнуты большою нѣжностью, которая едва свыкается съ необходимостью разойтись. Извѣстенъ грустный отзывъ Герцена по поводу смерти Аксакова.

съ философскими стихотвореніями, Хомяковъ перелагалъ въ стихи свои любимыя доктрины. Лишь со временемъ, благодаря слишкомъ услужливымъ друзьямъ и крайнимъ приверженцамъ, искусственно проведена была непримиримая грань, оторвавшая этихъ людей отъ симпатичныхъ имъ вождей западничества. Тогда пришлось часто нарушать свою завѣтную программу и люди, бывало вѣровавшіе, что въ ихъ идеальную христіанскую общину будутъ входить только тѣ, кто можетъ сдѣлать это вполнѣ сознательно, ибо «только то имѣетъ цѣну, чтó дѣлается искренно и свободно», научились осыпать укоризнами тѣхъ, чьи убѣжденія не позволяли имъ подобное искреннее общеніе.

Если вліяніе западное обнаружилось и въ такомъ, казалось, чисто-національномъ ученіи, какъ славянофильство, то переходя отъ него къ противоположному стану, мы вступаемъ сразу въ широкое, быстро развѣтвляющееся теченіе. Въ короткій промежутокъ двѣнадцати-пятнадцати лѣтъ идетъ лихорадочная смѣна увлеченій различными философскими, политическими и литературными школами. И кружокъ Станкевича, съ его пристрастіемъ къ вопросамъ философіи и эстетики, и кружокъ приверженцевъ политическаго прогресса, съ Герценомъ во главѣ, съ одинаковымъ жаромъ отдавались этому дѣлу. Любимцы ихъ часто смѣняли другъ друга: въ повѣствовательной литературѣ это были то Жанъ-Поль, то не въ мѣру превознесенный Гофманъ, Куперъ, увлекавшій описаніями своеобразнаго американскаго быта, Диккенсъ, наконецъ Жоржъ-Зандъ. Въ поэзіи друзья одинаково благоговѣли передъ Шекспиромъ и расходились въ поклоненіи Гёте, чья вторая часть «Фауста» наводила одниxъ на безконечныя размышленія, и Шиллеру, чей энтузіазмъ къ свободѣ увлекалъ молодыхъ политиковъ. Извѣстно живое описаніе той клятвы, которую, словами Донъ-Карлоса и Позы, дали другъ другу два подобныхъ мечтателя, стоя на Воробьевыхъ Горахъ, въ виду живописной панорамы Москвы. На Шиллерѣ воспитались цѣлыя поколѣнія, особенно благодаря Мочалову и превосходно разыгранной «Kabale und Liebe», смѣлыя выходки которой противъ рабства людей и продажи ихъ въ Германіи прошлаго вѣка примѣнялись къ крѣпостнымъ русскимъ порядкамъ [1]). Та кровавая трагедія изъ помѣщичьяго быта, которая была главною причиной удаленія Бѣлинскаго изъ университета, создалась подъ обая-

[1]) Шиллеромъ увлекалось тогда и молодое поколѣніе славянофильства, и Константинъ Аксаковъ печаталъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ свои переводы его стихотвореній.

ніемъ этого протеста. Наконецъ, въ философіи царилъ и здѣсь надъ умами Гегель.

Эти увлеченія, съ виду имѣющія характеръ исключительно абстрактный, книжный, не могли обойтись безъ своихъ слабыхъ сторонъ. Дилеттантизмъ въ философіи,—особенно такой, какъ система Гегеля,—всегда неразлученъ съ забавными излишествами; мы ихъ найдемъ и на родинѣ нѣмецкой философіи. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ Шиллеръ, отдавшись въ сравнительно зрѣломъ возрастѣ изученію Канта, пристрастился до такой степени къ философскимъ пріемамъ, что вводилъ ихъ всюду, и даже брался доказать точность Гётевскаго «ученія о цвѣтахъ» (Farbenlehre) на основаніи кантовскихъ категорій! Неудивительно, если въ московскомъ молодомъ кружкѣ привыкли въ каждый шагъ свой вносить тонкое философское распознаваніе и, по мѣткому выраженію одного изъ современниковъ, не могли просто пойти за городъ на гулянье въ Сокольники, а вступали въ эту минуту въ пантеистическое общеніе съ космосомъ, во встрѣчѣ съ солдатомъ или подгулявшей бабой видѣли опредѣленіе субстанціи народной въ непосредственномъ и случайномъ явленіи, навернувшуюся на глазахъ слезу относили къ *гемюту*, а дома спорили о Sein и Nichtsein. Гамлетъ щигровскаго уѣзда слишкомъ хорошо передалъ эту забавную сторону кружка, связанную въ то же время съ тягостной дисциплиной партіи,—и въ добавленіе къ этому стоитъ вспомнить потуги бѣднаго Кольцова, который, стараясь не отстать отъ своихъ умныхъ друзей, тоже пускался съ грѣхомъ пополамъ толковать объ абсолютѣ и писалъ свои туманныя *думы*. Но эта среда, складываясь подъ вліяніемъ западной поэзіи и философіи, не только не научилась горделивому презрѣнію къ скудной прозѣ русской дѣйствительности или исключительному витанію въ отвлеченныхъ сферахъ, но въ эту же пору на дѣлѣ доказала всю силу своихъ жизненныхъ связей съ русскимъ литературнымъ и общественнымъ прогрессомъ,—и это не только въ политической вѣтви московскаго западническаго кружка, всегда предпочитавшаго вѣдаться съ реальными нуждами человѣчества, но и у друзей Станкевича, которые съ виду какъ-будто не свободны были отъ упрека въ предпочтеніи вопросовъ отвлеченныхъ. Тутъ впервые пригрѣли, оцѣнили и вывели въ свѣтъ такого чисто-русскаго поэта, какъ Кольцовъ, чья поэзія, свободная отъ постороннихъ примѣсей, такъ тѣсно связана была съ природой и бытомъ южной степи. Здѣсь восторженно встрѣчали каждый новый шагъ гоголевской сатиры, и, подобно

Лермонтову [1]), Гоголь нашелъ именно здѣсь своего лучшаго объяснителя. Общее, развивающее знакомство съ широкимъ теченіемъ міровой литературы,—которымъ онъ обязанъ былъ еще болѣе своимъ друзьямъ, чѣмъ первоначальному вліянію Надеждина, побудило Бѣлинскаго подвергнуть безпощадному пересмотру наличное имущество русской литературы, свергнуть массу старыхъ боговъ, объявить упорную войну всякому идолопоклонству и въ юношески-задорныхъ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ» дать впервые образецъ настоящей русской критики.

Этимъ связямъ съ русской жизнью суждено было годъ отъ году развиваться. Послѣ непродолжительнаго періода *крайняго* увлеченія историко-политическими взглядами Гегеля (притомъ односторонне понятыми), того увлеченія, которое въ жизни Бѣлинскаго производитъ впечатлѣніе тяжелаго болѣзненнаго пароксизма,—послѣ этихъ натянутыхъ попытокъ убѣдиться въ разумности всего существующаго строя, петербургская дѣятельность передового критика, выставленнаго старымъ московскимъ кружкомъ, вся идетъ на-встрѣчу народнымъ нуждамъ, полна искренней любви къ родинѣ и сочувствія къ каждому успѣху ея развитія. Прежнее вліяніе запада, предпочтительно нѣмецкое (слѣды его остались и потомъ въ переходѣ Бѣлинскаго къ такъ-называемой лѣвой либеральной сторонѣ гегельянства), замѣняется въ новой обстановкѣ горячимъ интересомъ къ новѣйшимъ общественнымъ теоріямъ, выдвигавшимся во французской жизни; онѣ помогли Бѣлинскому опредѣлить точнѣе свои обязанности по отношенію къ русскому народу и вызвали откровенныя, иногда почти покаянныя признанія, которыми полны превосходныя письма его послѣднихъ лѣтъ. Это окончательное перерожденіе Бѣлинскаго, поднявшее въ его натурѣ весь богатый запасъ гуманности, которою онъ былъ одаренъ, сдѣлало его сочувственнымъ объяснителемъ всѣхъ новыхъ явленій въ русской литературѣ, знакомившихъ съ положеніемъ народа, внушавшихъ сочувствіе ко всякимъ униженнымъ и оскорбленнымъ,—первыхъ очерковъ Тургенева, романовъ Достоевскаго, стиховъ Некрасова. Чисто-лирическіе восторги, которые возбуждало въ немъ появленіе каждой подобной новинки, достаточно характеризуютъ степень той живой пользы, принесенной ему *западническими* симпатіями, дорогими ему до конца дней.

---

[1]) „Пока еще не назовемъ его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ,—говорилъ Бѣлинскій,—и не скажемъ, чтобъ изъ него со временемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ; ибо мы убѣждены, что изъ него не выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—Лермонтовъ“.

Тѣ новыя личности, которыя сгруппировались довольно быстро около этого вождя, выходили на свое поприще съ такими же задатками. Въ то время, какъ въ славянофильскомъ станѣ только еще сбирались доказать свои народныя симпатіи въ формѣ беллетристической, противники выставили блестящій рядъ произведеній, говорившихъ о знаніи народнаго быта. Берлинскій студентъ, Тургеневъ не могъ не быть открытымъ западникомъ; въ раннемъ своемъ разсказѣ «Андрей» онъ сильными штрихами намѣчаетъ рознь между старымъ и новымъ поколѣніемъ, между сторонниками прадѣдовской морали и приверженцами прогресса; въ близости къ Тургеневу Бѣлинскій нашелъ какъ бы позднее воздаяніе за всѣ утраты, понесенныя имъ послѣ выселенія изъ Москвы; съ нимъ онъ снова могъ толковать о западной философіи, которою когда-то такъ интересовался, и изъ свѣжаго источника могъ получать вѣсти о новыхъ оттѣнкахъ, усвоенныхъ ею. И этотъ же новичокъ въ литературѣ, которому простительно было бы и въ нее перенести значительную долю только-что усвоеннаго имъ европеизма, выступилъ съ своими «Записками Охотника», гдѣ деревенская, народная жизнь, почти вовсе не затронутая Гоголемъ, предстала впервые въ неподдѣльно-правдивой, трезвой картинѣ, согрѣтой истинной гуманностью. Реализмъ Некрасова, основанный на раннихъ и тяжкихъ столкновеніяхъ съ жизнью, былъ точно также поддержанъ и развитъ сочувствіемъ всего кружка, (особенно съ появленія стихотвореній «Въ дорогѣ», «Огородникъ», и друг.), а намѣченные уже Тургеневымъ счеты между новою Русью и старымъ поколѣніемъ должны были развиться впослѣдствіи у Гончарова, воплотившись въ крупныхъ фигурахъ Обломова и Штольца, задуманныхъ впервые объ эту же пору.

Для всѣхъ этихъ писателей хорошею поддержкой была всегда дѣятельность лучшихъ иностранныхъ романистовъ. Для цѣлей художественнаго реализма они обращались или къ Бальзаку или къ Диккенсу. Англійскій романистъ въ особенности подходилъ къ русскимъ требованіямъ отъ романа, такъ какъ у него находили много сходства съ гоголевскою манерой. Бѣлинскій сначала относился къ Диккенсу рѣзко и несочувственно, говоря, что онъ въ первыхъ своихъ романахъ не съумѣлъ подняться надъ уровнемъ буржуазнаго направленія, но со времени появленія его крупныхъ произведеній, особенно съ романа «Домби и сынъ», отношенія Бѣлинскаго къ Диккенсу мѣняются; онъ не въ состояніи говорить о немъ спокойно, и радуется тому, что есть еще страна, гдѣ преобладаетъ живое реалистическое направленіе, и

что русская литература отнынѣ участвуетъ въ общемъ движеніи. Рядомъ съ Диккенсомъ научились цѣнить Гейне и необыкновенно высоко ставили Жоржъ-Зандъ; въ ней находили сочувственные пріемы и романисты-психологи, и люди съ живыми симпатіями къ народу, любовавшіеся ея опытами повѣстей изъ народной жизни, «François Le Champi», «La mare au diable», «La petite Fadette» и друг. Сочувствіе къ Жоржъ-Зандъ встрѣчается въ біографіи каждаго изъ выдававшихся тогда нашихъ писателей и у Гончарова, и у Тургенева, и у Достоевскаго,—и даже въ ненапечатанномъ по сю пору началѣ автобіографіи Писемскаго [1]) мы видимъ наряду съ любимѣйшими его писателями и высоко цѣнимую имъ Жоржъ-Зандъ. Такимъ образомъ, если широко развивавшійся тогда русскій романъ имѣлъ прямыя связи съ русскими же предшественниками, Гоголемъ, Лермонтовымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ значительной степени обязанъ былъ успѣхами своего развитія поддержкѣ и примѣру писателей европейскихъ.

Широко подвинувшійся жизненный анализъ наводилъ въ то же время людей, давно уже привыкшихъ интересоваться вопросами общественными и политическими, на массу новыхъ мыслей. Еще въ Москвѣ для нихъ явилось откровеніемъ ученіе Сенъ-Симона, потомъ симпатіи ихъ перенесены были на Пьера Леру, о которомъ они таинственно переписывались между собой, скрывая его подъ наивнымъ псевдонимомъ Петра Рыжаго; «Revue indépendante», издававшаяся Леру вмѣстѣ съ Жоржъ-Зандъ, служила какъ бы центральнымъ источникомъ, откуда можно было извлечь вѣрныя свѣдѣнія о современномъ прогрессѣ мысли. Бѣлинскаго одновременно знакомятъ съ дѣятельностью Леру и его журналомъ такой свѣтскій человѣкъ, какъ Панаевъ, и серьезный Грановскій. Очередь переходитъ потомъ на нѣкоторое время къ Фурье, котораго система увлекла весь молодой кружокъ Достоевскаго; соціальное движеніе, поднятое во Франціи революціею 1848 года, начинаетъ могущественно привлекать умы русской молодежи. А тѣмъ временемъ чуть не каждая новая книжка «Отечественныхъ Записокъ», и потомъ «Современника», приносила общественные этюды, письма или главы романа Искандера,—и всѣ эти разнородныя проявленія интереса къ вопросамъ реальной жизни полагаютъ основу позднѣйшей русской публицистикѣ.

Оживало и достигло высшей степени и культурное значеніе

---

[1]) Она начата была Писемскимъ по просьбѣ французскаго переводчика его сочиненій, и недавно читана была публично въ Москвѣ. Портретъ Ж.-Зандъ хранился у него, говорятъ, какъ святыня.

московскаго университета, принимавшаго на себя руководство научнымъ движеніемъ. И здѣсь это оживленіе должно быть приписано сильному вліянію запада, откуда возвращались съ свѣжимъ запасомъ знаній талантливыя личности, счастливо сошедшіяся и удачно выбранныя. На смѣну недавней метафизики выступала положительная наука; раздалась гуманная проповѣдь Грановскаго, который, въ глазахъ большинства, скоро раздѣлилъ съ Бѣлинскимъ руководство надо всѣмъ уже обширнымъ западническимъ лагеремъ, и цѣлый рядъ поколѣній воспитался въ духѣ этой проповѣди. Такъ гармонически довершился недостававшею ему чертою широкій кругъ дѣятельности первенствующей литературной школы. Она неутомимо шла впередъ, не смущаясь тѣмъ, что въ числѣ ея приверженцевъ встрѣчались иногда такіе поклонники звучной фразы, какъ Рудинъ, или слишкомъ раздражительные въ полемикѣ бойцы, которые, отвѣчая на вызывающія нападки застрѣльщиковъ славянофильства, впадали сами въ крайности и излишества, затемнявшія въ глазахъ массы серьёзныя цѣли школы.

Вся дальнѣйшая литературная жизнь наша намѣчена уже въ эту пору въ главныхъ своихъ чертахъ. Между поколѣніемъ сороковыхъ годовъ и его преемниками могли быть недоразумѣнія, даже охлажденіе,—но, не желая, быть можетъ, даже сознаться въ этомъ, новое поколѣніе оставалось вѣрнымъ *основнымъ* традиціямъ своихъ предшественниковъ. Беллетристика научилась, болѣе чѣмъ когда-либо, тѣсно сближаться съ жизнью, осуществляя старый идеалъ лучшихъ современниковъ Бѣлинскаго [1]); стремленіе слѣдить за всѣми сколько-нибудь важными результатами развитія европейской мысли развѣтвилось и обобщилось, распространившись на нетронутыя прежде области, въ особенности на прогрессъ точныхъ наукъ и естествознанія, — и эти разнообразныя точки соприкосновенія съ обще-европейской культурой осуществили завѣтныя мечты старинныхъ *западниковъ*, все далѣе уходящихъ отъ насъ въ сумракъ своей тяжелой и безрадостной поры, когда каждая подобная мечта являлась чуть не преступленіемъ.

На этой естественно проложившейся у насъ грани мы остановимъ нашъ обзоръ; входить въ разборъ непосредственной современности значило бы ввести въ него массу животрепещущихъ интересовъ и столкновеній, въ которыхъ трудно еще разобраться.

[1]) Любопытно припомнить при этомъ слова Ив. Кирѣевскаго, сказанныя полъвѣка тому назадъ въ журналѣ „Европеецъ“: „потребность сближенія съ жизнью, можетъ быть, и мечта,—но вѣра въ нее составляетъ основаніе господствующаго характера нашего времени“.

Но для освѣщенія поставленной нами задачи мы располагаемъ уже, кажется, достаточнымъ запасомъ матеріала. Много лицъ, системъ и направленій прошло передъ нами въ этомъ обзорѣ двухъ вѣковъ русской жизни. Личныя свойства, измѣнчивыя общественныя теченія, борьба мнѣній,—всѣ эти случайныя вліянія являлись иногда затемнить общій ходъ литературнаго развитія, но среди всего этого лабиринта путеводною нитью было всегда вліяніе старѣйшей, европейской цивилизаціи, которая являлась залечивать наши раны, выводила на настоящую дорогу и формировала людей. Оставляя въ сторонѣ немногія, уродливо-каррикатурныя излишества подражательности, безъ которыхъ не обошлась ни одна страна,—это двухвѣковое общеніе прививало намъ не чужебѣсіе, а серьёзное отношеніе къ нашей домашней работѣ. Въ завершеніе каждаго, сколько-нибудь толково воспринятаго у насъ, европейскаго умственнаго движенія, стоялъ очевидный прогрессъ русскаго самостоятельнаго творчества. Ломоносовъ, Радищевъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій—не менѣе *русскіе* передовые дѣятели оттого, что всѣмъ своимъ развитіемъ обязаны были Европѣ. Въ исторіи нашего романа, лирической поэзіи, драмы, мы вездѣ видѣли художественные первообразы; связи съ западомъ нашлись и у такого самороднаго писателя, какъ Гоголь, и у такой національной школы, какъ славянофильство. Этихъ фактовъ не скроешь, ничѣмъ не вырубишь,— все это *дѣйствительно было*, и съ этимъ должна примириться слишкомъ щепетильная національная гордость. Но въ этомъ зрѣлищѣ судебъ нашей образованности кроется иное чувство, гораздо болѣе здоровое: сознаніе незначительности достигнутыхъ результатовъ въ виду необъятной, только еще намѣченной, работы освѣщенія всей русской жизни, съ многоразличными вопросами, ею выставленными,—энергическій задоръ совладать съ этой работой,—признательность къ тѣмъ, кто цѣлыхъ двѣсти лѣтъ помогалъ намъ продвигаться изъ мрака къ свѣту.

Алексѣй Веселовскій.

КИТАЙ-ГОРОДЪ

РОМАНЪ.

КНИГА ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ [1]).

I.

Вторая недѣля поста. На улицахъ оттепель. Желтое небо не шлетъ ни дождя, ни снѣга. Лужи и взломанные, темнобурые куски уличнаго льду—вотъ что видѣла Любаша Кречетова изъ окна гостиной Анны Серафимовны.

Любаша пріѣхала рано для нея. Она вставала въ одиннадцатомъ часу; а сегодня ей удалось быть одѣтой въ десять, чаю напилась она наскоро. Въ четверть двѣнадцатаго она входила уже въ сѣни дома Станицыныхъ.

— Анна Серафимовна выѣхали,—сказалъ ей швейцаръ.

Что-нибудь экстренное заставило ея двоюродную сестру выѣхать утромъ. Обыкновенно она выѣзжала послѣ двухъ. Но Любаша все-таки прошла на верхъ, завернула въ дѣтскую, гдѣ бонна-англичанка играла съ дѣтьми въ какую-то поучительную игру, и справилась у Авдотьи Ивановны, въ которомъ часу приходитъ новая «компаньонка».

Авдотья Ивановна доложила ей, что «барышня приходятъ» разно—какъ условятся съ Анной Серафимовной—иной разъ днемъ, къ полудню, а то и вечеромъ «сидятъ». Весь день никогда не «остаются».

---

1) См. выше: апрѣль, стр. 539.

— Ты что же,—оборвала ее Любаша:—объ ней говоришь, точно она Милитриса Кирбитьевна какая: остаются, сидятъ?

— А какъ же, матушка?—степенно и кротко спросила Авдотья Ивановна.

— Не велика фря! Мамзель!

— Генеральскаго роду. Сразу видно.

— Въ надзирателяхъ, слышь, отецъ-то, въ акцизныхъ.

— Чтожъ, матушка,—возразила Авдотья Ивановна,—это несчастіе, Господь попустилъ. А сейчасъ видно, барышня... обращеніе одно. И добрѣйшей души. Гордости никакой.

— Еще бы! Изъ милости!.. Чего тутъ гордиться?

Любаша и рвала, и метала. Она не хотѣла даже и продолжать разговора о «мамзели», который сама же начала. Все это оттого, что наканунѣ Рубцовъ сидѣлъ у нихъ и говорилъ о Тасѣ Долгушиной съ сочувствіемъ. Любаша нѣсколько разъ перебивала его возгласомъ:

— Губы!

— Что такое губы?—далъ онъ ей окрикъ уже не въ первый разъ.

— Губы у вашей милости особенныя, когда вы объ этомъ генеральскомъ потрохѣ изволите расписывать.

Рубцовъ вскочилъ съ кресла.

— Глупо и грубо!—выговорилъ онъ, поводя презрительно губами...—Вамъ, сестричка, до такого потроха далеко, хоть онъ и генеральскій!

Съ тѣмъ и ушелъ. Любаша бросилась-было догонять его, да остановилась посрединѣ залы.

— Наплевать!—вслухъ сказала она и пошла въ свою комнату, стащила съ себя платье, порвала на лифѣ три пуговицы, раздѣлась вплоть до рубашки и начала хохотать со злости.

Что за чудо-юдо, эта генеральская дочь? Отчего это Семенъ Тимоѳеичъ изволятъ, говоря о ней, на особый маперъ губами поводить? Надо «обнюхать» ее. Завтра же она на цѣлый день отправится къ Станицыной спозаранокъ; туда явится навѣрно, и «мериканецъ», умѣющій только поддразнивать ее, какъ негодную дѣвчонку-птичницу или судомойку!

Такъ она и сдѣлала. Туалетомъ своимъ она, хоть и второпяхъ, но занялась больше обыкновеннаго, вымыла руки старательно, вычистила ногти, волосы завернула на затылкѣ и заткнула модной шпилькой.

— А Семенъ Тимоѳеичъ,—не утерпѣла, спросила она Авдотью Ивановну,—когда бываетъ больше?

— Да тоже разно,—продолжала докладывать та, не мѣняя своего истоваго и благодушнаго тона:—частенько и днемъ... Сегодня навѣрно будутъ: Анна Серафимовна посылали за нимъ и приказывали просить подождать.

Любаша выслушала это немного поспокойнѣе; но внутри у ней продолжало клокотать. «Навѣрно тутъ были разныя «миндальности». Эта генеральская мамзель подъ шумокъ начала лебезить съ купеческимъ братомъ. Думаетъ: у него милліоны! А онъ только черезъ край о себѣ воображаетъ; а никогда изъ него настоящаго негоціанта не выдетъ. Анна Серафимовна вотъ что-то директоромъ-то не беретъ... И шельма же эта тетя, чтобъ у ней побольше мущинъ бывало, такъ она дѣвицу наняла,—читать, изволите видѣть, занимать пріятными разговорами... Сама она по-французски-то съ грѣхомъ пополамъ, да и на «онъ» отшибаетъ ея говоръ. Такъ подъ прикрытіемъ тонковоспитанной барышни—оно будетъ куда превосходнѣе!..»

Надоѣло Любашѣ стоять у окна и хлопать глазами на уличную слякоть. Она подошла къ зеркалу, вдѣланному въ стѣну. И вся эта гостиная съ золоченой мебелью, ковромъ, лѣпнымъ потолкомъ раздражала ее.

«Черти, дьяволы!» бранилась она изъ себя... «И за какимъ шутомъ, прости Господи, чертоги такіе вывели? Мужъ съ женой не живутъ вмѣстѣ. Она скаредъ, дѣлами заправляетъ, надъ каждой копѣйкой дрожитъ... Такъ и жила бы на своей фабрикѣ... А то лектрису ей понадобилось. На-ко, поди!.. На Волгѣ-то тамъ тятька за косы таскалъ; а здѣсь барыню изъ себя корчитъ и подъ предлогомъ благочестія шашни со всѣми заводитъ»...

II.

Тася вошла такъ тихо въ гостиную, что Любаша увидала ее только въ зеркало и круто повернулась на одномъ каблукѣ.

«Такъ вотъ эта Милитриса Кирбитьевна?.. Этакая пиголица: носъ съ пуговку, голова комочкомъ, волосики жидкіе; дѣвчоночка изъ пріютскихъ; только что талія узка; да и манеръ никакихъ не видно».

Анна Серафимовна уже говорила Тасѣ про свою двоюродную сестру. Тася видѣла ее въ театрѣ, въ тотъ бенефисъ, когда познакомилась съ Станицыной. Сверху, изъ своихъ купоновъ, она замѣтила лицо и фигуру Любаши, когда та говорила, на-

гнувшись къ Станицыной. Ея размашистыя манеры она также замѣтила и спросила еще тогда Пирожкова:

— Будто-бы это купчиха?

— А что? откликнулся онъ.

— Да она отзывается... какъ бы это сказать.

— Должно быть, изъ купеческихъ дарвинистокъ. Нынче и такія есть.

Вотъ уже недѣля, какъ Тася ходитъ къ Станицыной. Она все еще присматривалась къ этому, совсѣмъ новому для нея міру... Ей было гораздо ловчѣе, чѣмъ она думала. Анну Серафимовну она сразу поняла, почувствовала въ ней характеръ, заинтересовалась ею, какъ оригинальнымъ типомъ. Въ головѣ Таси сидѣло множество лицъ изъ купеческихъ комедій. Она все и сравнивала. Анна Серафимовна ни подъ какое лицо не подходила. Съ Рубцовымъ они уже разговаривали. И его она прикидывала къ разнымъ «Ванямъ», «Андрюшамъ» и «Митямъ» изъ пьесъ Островскаго, но и онъ отзывался совсѣмъ не тѣмъ; только въ говорѣ былъ слышенъ иногда купеческій братъ... Въ немъ все прочно сложилось. Онъ много жилъ, много видалъ за границей, работалъ, говорилъ грубовато, смѣло, безъ утайки и съ какимъ-то «себѣ на умѣ» въ глазахъ, которое ей нравилось. На счетъ Любаши Анна Серафимовна ее предупредила, сказала ей даже:

— Ужъ вы, пожалуйста, извините ей—для нея законъ не писанъ, юродство на себя напустила; а дѣвушка недурная и съ мозгомъ.

Тася протянула Любашѣ руку и выговорила:

— Я васъ знаю. Вы—кузина Анны Серафимовны... Садитесь, пожалуйста.

Любаша на рукопожатіе отвѣтила; но внутренно опять обругала ее: какъ смѣетъ изъ себя хозяйку представлять? Сейчасъ: «садитесь»—точно она къ ней пришла въ гости.

Но тихій и веселый тонъ Таси посмягчилъ ее немножко. Она сѣла и закурила папиросу. Тася положила принесенную съ собой книгу на столъ и подсѣла къ ней.

— Тетя загуляла?—спросила Любаша.

— Какое-нибудь спѣшное дѣло,—замѣтила Тася...—Анна Серафимовна всегда дома въ это время.

«Да ты что меня, мать моя, занимаешь?»—начала опять обрывать про себя Любаша.

Лицо у ней стало злое, глаза потемнѣли. Она ихъ отводила въ сторону; но нѣтъ, нѣтъ, да и обдастъ ими Тасю. Той сдѣ-

лалось вдругъ тяжело. Эта дарвинистка принесла съ собой какое-то напряженіе, что-то грубое и безцеремонное. На лицѣ такъ и было написано, что она никому спуску не дастъ и на все человѣчество смотритъ—какъ на скотовъ.

— Что теперь читаете съ тетей?—спросила Любаша...—романъ, небось, какой французскій?

— Нѣтъ, статью одну критическую.

— Ишь ты!

Въ залѣ по паркету приближались шаги. Любаша покраснѣла. Она узнала шаги Рубцова. Тася тоже подумала: не онъ ли? Ей бы теперь очень пріятенъ былъ его приходъ. Она просто начинала побаиваться Любашу.

Обѣ дѣвушки обернулись разомъ, когда вошелъ Рубцовъ.

Любаша сейчасъ же отмѣтила, про себя, что «Сеня» одѣтъ гораздо франтоватѣе обыкновеннаго. Къ нимъ онъ ходитъ въ «похожалкѣ»—сѣренькій сюртучекъ у него такой, затрапезный. Тутъ же, извольте полюбоваться, пиджакъ темносиній и галстухъ новый, и воротнички особенные. А главное, усы началъ отпускать, не хочетъ, видно, смахивать на голландца-машиниста съ парохода.

Рубцовъ уже два-три раза разговаривалъ съ Тасей. Онъ подошелъ къ ней съ протянутой рукой и совсѣмъ не такъ, какъ онъ поздоровался потомъ съ Любашей. И это рѣзнуло Любашу по сердцу. Въ первый разъ, когда онъ обѣдалъ съ Тасей у Анны Серафимовны, въ началѣ онъ высматривалъ «генеральскую дочь», какъ-то она еще поведетъ себя. Но Тася начала разсказывать про свою страсть къ сценѣ, про отца и мать, про старушекъ—онъ размякъ. Послѣ обѣда онъ самъ уже присѣлъ къ ней. Она читала какую-то новую повѣсть. Ея голосокъ повѣялъ на него пріятной теплотой. И такъ бойко передавала она разговорную рѣчь, чувствовался юморъ и пониманіе.

— Барышню вы хорошую пріобрѣли, сестричка,—сказалъ онъ Станицыной черезъ три дня.

— Пришелъ ее послушать, небось?—спросила Анна Серафимовна.

— Чтица толковая... И такая субтильненькая, дворянское дитя, а безъ важничанья. Хвалю!

Во второй вечеръ Рубцовъ заговорилъ съ Тасей безъ всякихъ прибаутокъ и угловатостей, такъ что Станицына диву далась.

— Нѣтъ Анны Серафимовны,—встрѣтила его Тася.

Любаша сейчасъ же вмѣшалась въ разговоръ.

— Тетя-то ненасытная какая,—заговорила она, напуская на себя передъ Рубцовымъ еще большую развязность.

— Почему такъ?—суховато спросилъ онъ.

— Къ дѣламъ ненасытная... На Макарьевской, видно, въ этомъ году хочетъ полмилліона зашибить! Вонъ какъ ее спозаранку по городу носитъ...

Тася чуть замѣтно усмѣхнулась. Рубцовъ понялъ значеніе этой усмѣшки.

— Сестричку-то извините,—сказалъ ей Рубцовъ, мотнувъ какъ-то особенно головой.

— Что такое? а?—закричала Любаша и встала.

— Очень ужъ, для великаго поста, удержу себѣ не имѣете.

— Это что еще?

Въ другое бы время Любаша начала браниться. А тутъ она точно чѣмъ подавилась, замолчала и съежилась.

— Великій, небось, постъ идетъ,—все съ тѣмъ же спокойнымъ балагурствомъ сказалъ Рубцовъ.—Говѣете, поди?

— Отстань!—вырвалось у Любаши.

Она рѣзко встала и отошла къ окну. Тася вопросительно поглядѣла на Рубцова и тотчасъ же улыбкой какъ бы замѣтила ему: «зачѣмъ вы ее дразните?»

— Вы позволите васъ послушать?—обратился къ ней Рубцовъ, сѣлъ поближе и потеръ руки.

— Сегодня беллетристики не будетъ... критическая статья.

— Тѣмъ пріятнѣе-съ.

Любаша у окна не проронила ни одного слова... Ей дѣлалось невыносимо. И гдѣ это рыщетъ «мерзкая» тетя? Вотъ разлетѣлась сама компаньонку высматривать. И радуйся теперь!

III.

Станицына быстро вошла въ гостиную и остановилась въ двухъ шагахъ отъ двери. Она была очень блѣдна.

— Извините, Таисія Валентиновна, заждались вы меня. Любаша, здравствуй... Сеня! Спасибо. На минутку пожалуй сюда.

Она не подошла къ нимъ здороваться и жестомъ показала Рубцову.

— Сейчасъ,—обратилась она къ дѣвицамъ.—Сеня, на два слова!

Рубцова она увела черезъ залу въ свою уборную, небольшую комнату, около дѣтской.

Ни шляпы, ни пальто съ мѣховой отдѣлкой она не снимала.

— Дѣла, Сеня!—заговорила она отрывисто.—Викторъ Миронычъ угостилъ на этотъ разъ изрядно!.. Сто тысячъ франковъ, срокъ послѣ завтра.

— Ловко!—вырвалось у Рубцова.

— И на фабрикѣ не ладно.

— Что такое?

— Дѣло дойдетъ, пожалуй, до стачки... А я этого не хочу. Нѣмца я разочту... Неустойку плачу.

— Сколько?

— Десять тысячъ!.. Но это важнѣе. Ты идешь ко мнѣ?

Рубцовъ помолчалъ.

— Скорѣй говори.

— Да мы, сестричка, вдругъ какъ не поладимъ?

— Это почему?

— Такъ, я замѣчаю.

— Полно...

Она вскинула на него рѣсницы.

— Вы привыкли теперь къ другимъ людямъ...

— Не болтай пустого, Сеня,—строго сказала она...—Ты знаешь, что я тебя разумѣю за честнаго человѣка. Дѣло ты смыслишь.

— Ну ладно, ну ладно,—шутливо заговорилъ онъ и взялъ ее за руку.

Рука дрожала.

— Сестричка, милая,—почти нѣжно вымолвилъ онъ:—что же это вы какъ разстроились? Стоитъ ли? Все уладимъ. А отъ Виктора Мироныча и надо было ждать этого. Ваша воля носить ядро-то каторжное!..

— Что же мнѣ дѣлать?—почти съ плачемъ воскликнула она и опустилась на стулъ.

— Извѣстное дѣло—что!

— Говори.

— Оставить его на вѣки вѣчные.

— Я не хочу, чтобъ дѣти...

— Полноте,—остановилъ ее Рубцовъ,—къ чему жадничать?

— Я не жадничаю.

— Анъ, жадничаете. У васъ свое состояніе большое. Хватитъ на двоихъ. Ну, хотѣли поддержать имя, фирму, что ли, опытъ произвели. Ничего вы не подѣлаете! Купить у него мануфактуру... Достанетъ ли у васъ на это собственнаго капитала или кредита?.. Да онъ и не продастъ. Онъ безъ продажи

съ молотка не кончить. А вы не пожелаете покупать съ аукціона, пока онъ вашъ мужъ; да и не нужно вамъ.

— Я не жадничаю,—повторила она, задѣтая его словами.

— Это все отчего идетъ? Гдѣ корень?

— Развестись надо!—обронила она.

— Правильно!

— Шутка сказать!

— И совсѣмъ не трудно... Что же пятнадцати тысячъ цѣлковыхъ, что ли, не найдется?

— Дешевле будетъ,—точно про себя выговорила Станицына.

— И дешевле... Такіе доки есть по этой части.

Рубцовъ понизилъ голосъ и опять взялъ ее за руку.

Анна Серафимовна закрыла на минуту глаза. «Вѣдь вотъ и онъ—честный малый и умница—говоритъ то же, что и она себѣ уже не разъ твердила... Разореніе и срамъ считаться женой Виктора Мироныча!..»

— Не знаю, Сеня,—промолвила она.

— Да вѣдь это, сестричка, все равно что когда зубъ гнилой заведется. Одно малодушіе эликсирами его разными смачивать, ковырять, пломбу вкладывать. Дайте дернуть хорошенько. И конченое дѣло!..

— Это дѣло длинное, а выйдти теперь-то какъ...

— По векселю? Заплатить—извѣстно.

— Оградить себя чѣмъ ни есть?

— Ничѣмъ не оградите. Ужъ позвольте вамъ замѣтить, что тогда вы сгоряча такую сдѣлку предложили супругу-то... Онъ парень не глупъ, сейчасъ же смекнулъ, что ему это на руку... Ступай на всѣ четыре стороны, вотъ тебѣ, батюшка, пенсіону триддать тысячъ, долги твои всѣ покроемъ, а если тебѣ заблагоразсудится, голубчикъ, еще навыпускать документиковъ, мы съ полнымъ удовольствіемъ...

— Полно, Сеня,—остановила Анна Серафимовна...—Ну да, глупость великую сдѣлала въ тѣ поры, каюсь...

— А теперь тѣмъ же манеромъ желаете?

— Охъ, не знаю!

Но она застыдилась самой себя. Точно она какая дѣвочка-подростокъ... И такъ, и этакъ...

Лицо у ней приняло сейчасъ же степенный видъ.

— Ты, что же, Сеня, идешь ко мнѣ?

— Да, коли у васъ никого нѣтъ, не стоять же дѣлу...

— Спасибо... Ну, я сейчасъ... поди къ барышнямъ, я приду... Ты у насъ на цѣлый день?

— На цѣлый, коли милости вашей будетъ угодно.

Она усмѣхнулась и ласково кивнула ему головой.

IV.

Оставшись одна, Анна Серафимовна опустила голову—она забыла, что была въ шляпкѣ и пальто—и сидѣла такъ минуть съ пять.

Прошло больше десяти дней съ того, чтò случилось въ каретѣ. Она видѣла Палтусова всего разъ, мелькомъ, въ Большомъ театрѣ. Она возила дѣтей въ балетъ, въ утренній спектакль, въ концѣ масляницы. Онъ подошелъ къ бенуару; а потомъ въ слѣдующій антрактъ вошелъ и въ ложу. Такъ долженъ былъ поступить умный, тонко чувствующій человѣкъ. Никакой перемѣны въ тонѣ, разговорѣ. Да и какъ же ему было вести себя? Даже, если бы онъ и готовъ былъ полюбить ее? Вѣдь она вела себя, какъ безумная... Она замужемъ, желаетъ жить «въ законѣ», блюдетъ свое достоинство, гордость, и хочетъ оставить дѣтямъ имя добродѣтельной матери...

А въ каретѣ кинулась!.. И онъ хоть бы взглядомъ сказалъ ей: «что же вы ломаетесь, позвольте и дальше пойдти, я такъ дурачить себя не позволю!» Не любить. Равнодушенъ? Противна она ему? Кто это сказалъ? Чего же она-то ждетъ? Зачѣмъ не высвободить себя? Вотъ Сеня Рубцовъ и тотъ прямо говоритъ: «скиньте вы съ себя это каторжное ядро»!

Она встала, сняла пальто и шляпу, начала стягивать перчатки, потомъ поправила волосы передъ зеркаломъ. На лбу ея не пропадала морщина. Изъ гостиной доносились молодые голоса. Вотъ эти «юнцы» не знаютъ, небось, ея заботы. И между ними что-нибудь тоже будетъ. Люба и теперь ужъ гоняется за Рубцовымъ. Ахъ! Зачѣмъ ей самой не восемнадцать, не двадцать лѣтъ?

Любаша все еще стояла у окна, когда Анна Серафимовна вернулась въ гостиную. Рубцовъ снова разговаривалъ съ Тасей.

— Извините, Таисія Валентиновна,—сказала съ особенной вѣжливостью Станицына,—я васъ заставила даромъ просидѣть.

«Вотъ какія нѣжности»,—думала Любаша,—«все меня хочетъ поразить своими «учливостями».

— Да вы сегодня, кажется, очень утомлены, не до чтенія.

— Дѣйствительно.. Сеня,—обратилась къ Рубцову Станицына—вѣдь надо бы намъ на фабрику съѣздить.

— Когда угодно.

— Да хоть сегодня.

— Я свободенъ.

— Это далеко? — спросила Тася.

— Нѣтъ, за Бутырками, въ полчаса можно долетѣть,—отвѣтила Станицына.

— Я никогда не бывала ни на одной фабрикѣ,—сказала Тася.

— Не хотите ли?—предложила Станицына и поглядѣла на Рубцова.

Тотъ одобрительно кивнулъ головой.

— Очень бы интересно, — выговорила Тася серьезно и наивно.

— Вотъ и будущій директоръ фабрики,—указала Станицына на Рубцова.

— Семенъ Тимоѳеичъ?—весело вскричала Тася.

Любаша сейчасъ же отошла отъ окна.

— Честь имѣю проздравить, ваше степенство,—сошкольничала она и присѣла.

Анна Серафимовна подумала въ эту минуту, что вѣдь Долгушина—кузина Палтусова. Вотъ она увидитъ фабрику. Онъ узнаетъ отъ нея, какъ ведется дѣло... Заинтересуется и самъ, быть можетъ, попросится посмотрѣть.

«Показать ей школу, порядокъ на фабрикѣ. Пускай же она ему все разскажетъ»...

— Славно, тетя! — крикнула Любаша. — Возьмите и меня.

За эту поѣздку она схватилась. Дорогой и тамъ, на фабрикѣ, можно будетъ какъ-ни-какъ поддѣть эту барышню-чтицу. Она ничего навѣрно не читала стоющаго, только пьески, да романы... Въ естественныхъ наукахъ—навѣрняка—ни бельмеса. Вотъ она и поразспроситъ ее, такъ, между прочимъ, и на счетъ химіи и разнаго другого. Случаи будутъ.

— А тетенька заволнуется?

— Эка важность! Ну пошлите, что къ обѣду не буду...

— Обѣдать у меня. Мы вернемся къ шести часамъ... Вамъ занятно будетъ,—обратилась Станицына къ Тасѣ.

— Какъ же! какъ же! — весело откликнулась та и даже захлопала въ ладоши.

«Актерка поганая»,—выбранилась Любаша, — «все—нарочно, егозитъ передъ Сенькой».

— Да у насъ нѣмецкая масляница будетъ! — оживленно вы-

говорилъ Рубцовъ и потеръ руки...—Вѣдь мы на тройкѣ, небось, сестричка?

Рѣшили ѣхать на тройкѣ. Пока привели сани—всѣ трое закусили. Анна Серафимовна была разсѣяна. Любаша нѣсколько разъ пробовала поддѣвать Тасю. Рубцовъ каждый разъ не давалъ ей разойтись. Тася старалась не смотрѣть на то, какъ Любаша дѣйствуетъ ножемъ и вилкой, и не понимала еще, чего отъ нея хочетъ эта купеческая «злюка».

V.

Тройка миновала Бутырки. Погода прояснилась. Тасю посадили рядомъ съ Анной Серафимовной. Противъ нея сѣлъ Рубцовъ. Рядомъ съ нимъ—на передней же скамейкѣ — Любаша. Она сама предложила Тасѣ помѣститься на задней скамейкѣ, но ей было очень непріятно, что Рубцовъ «угодилъ» напротивъ «мамзели».

Тася ѣхала и вспоминала другую тройку, когда они скакали разъ въ паркъ къ Яру, съ Грушевой. Опять она съ купцами. Должно быть, изъ этого ужъ не высвободишься. Все купцы! И ѣдетъ она не къ цыганамъ, а на фабрику, въ первый разъ въ жизни. Что-то такое крѣпко-жизненное входило въ сердце Таси. Ея теперешняя «хозяйка»—милліонщица—настоящій человѣкъ, управляетъ двумя фабриками, сколько народу подъ командой! И какая у ней выдержка! Всегда ровна, привѣтлива, а на душѣ у ней навѣрно не ладно... Даже эта Любаша—нужды нѣтъ, что она вульгарна—все-таки характеръ. Что чувствуетъ, то и говоритъ. И у ней навѣрно сто тысячъ приданаго, и она будетъ тоже завѣдывать большой торговлей или фабрикой, если мужъ попадется плохенькій. Глаза Таси перешли къ Рубцову. Онъ сидѣлъ молодцовато, въ мѣховой шапкѣ... Отложной куній воротникъ красиво окладывалъ овалъ его лица. Похожъ, разумѣется, на прикащика, если посмотрѣть дворянскими глазами... А тоже—натура. Вотъ директоромъ цѣлой фабрики будетъ... Все дѣло, работа... Не то, что въ ихъ дворянскихъ переулкахъ...

Сани ныряли въ ухабы. Любаша вскрикивала... Всѣмъ сдѣлалось веселѣе. Рубцовъ раза два спросилъ Тасю:

— Не безпокою ли я васъ?

Взяли влѣво. Кругомъ забѣлѣло поле. Вдали виднѣлся лѣ-

сокъ. Кирпично-красный ящикъ фабрики стоялъ на дворѣ за низкимъ заборомъ.

Директора не было на фабрикѣ. Станицына имѣла съ нимъ объясненіе утромъ въ амбарѣ. Онъ не возвращался еще изъ города.

Ихъ встрѣтилъ въ сѣняхъ его помощникъ, коренастый остзейскій нѣмецъ въ курткѣ и безъ шапки. Лицо у него было красное, широкое, съ черной, подстриженной бородкой. Анна Серафимовна поклонилась ему хозяйскимъ поклономъ. Тася это замѣтила.

Они вошли въ помѣщеніе, гдѣ лежали груды грязной шерсти. Воздухъ былъ пресыщенъ жирными испареніями. Рядомъ промывали.—Въ чанахъ прѣла какая-то каша и выходила оттуда въ видѣ чистой желтоватой шерсти. Рабочіе кланялись хозяйкѣ и гостямъ. Они были всѣ въ однихъ рубашкахъ. Анна Серафимовна хранила степенное, чисто-хозяйское выраженіе лица. Любаша какъ-то все подмигивала. Ей хотѣлось показать и Станицыной и Рубцову, что они «кулаки».

— Здѣсь ужъ такое мѣсто,—обратилась Станицына къ Тасѣ,—чистоту трудно наблюдать.

— Что вы оправдываетесь, тетя! Сами увидимъ,—вмѣшалась Любаша.

Заглянули и туда, гдѣ печи и котлы. Тасѣ жаль сдѣлалось кочегаровъ. Запахъ масла, гари, особый жаръ, смѣшанный съ парами, обдали ее. Рабочіе смотрѣли на нихъ добродушно своими широкими потными лицами. У одного кочегара воротъ рубашки былъ разстегнутъ и ноги босыя.

— Такъ легче!—съострила Любаша...—Добровольная каторга,—прибавила она громко.

Анна Серафимовна посмотрѣла на нее съ укоризной. Рубцовъ сказалъ ей насмѣшливо:

— Не хотите ли по верхней вонъ галлереѣ пройтись? Тамъ градусовъ сорокъ. Пользительно будетъ.

Въ нижнихъ топленыхъ сѣняхъ и на чугунной лѣстницѣ показалось очень холодно послѣ паровиковъ. Они поднялись на верхъ.

Прядильныя машины всего больше заняли Тасю. Въ огромныхъ залахъ ходило взадъ и впередъ, двигая длинныя штуки на колесахъ, по пяти, по шести мальчиковъ. Хозяйка говорила съ ними, почти каждаго знала въ лицо. Рубцовъ шелъ позади дамъ, подробно объяснялъ все Тасѣ; отвѣчалъ и на вопросы Любаши, но гораздо кратче.

— А что вотъ этакій мальчикъ получаетъ?—позволила себѣ спросить Тася, понизивъ голосъ.

— Извѣстно, малость!—вмѣшалась Любаша.

— Рублей шесть,—сказалъ Рубцовъ.

— Да,—подтвердила Анна Серафимовна.

— Не разорительно!—подхватила Любаша.

Тася не знала, много это или мало.

На окнахъ за развѣшанными кусками сукна сидѣли дѣвушки, въ ситцевыхъ капотахъ, повязанныя цвѣтными платками, больше босыя.

— Что онѣ дѣлаютъ?—спросила Тася.

— Пятнышки красятъ—пояснила сама Анна Серафимовна.

Дѣвушки прикладывались кисточками къ чуть замѣтнымъ бѣлымъ пятнышкамъ сукна. Онѣ смотрѣли бодро, отвѣчали бойко.

— Небось, рублика три жалованья?—сказала Любаша и поморщилась.

— Пять рублей,—сухо сообщила Станицына.

Она рѣшительно сожалѣла, что взяла съ собой свою кузину. Ей пріятно было показать Тасѣ, какое у ней благоустройство на фабрикѣ; а эта Любаша разстраивала все впечатлѣніе своими неумѣстными окриками и выходками.

Минутъ съ двадцать проходили они по другимъ заламъ, гдѣ ткацкіе паровые станки стояли плотнымъ рядомъ и шелъ несмолкаемый гулъ колесъ и машинныхъ ремней. Побывали и въ самомъ верхнемъ помѣщеніи со старыми ручными станками.

VI.

Въ большой комнатѣ, гдѣ лежали всякія вещи: металлическіе прессы, образчики, бракованные куски сукна, Любаша остановила Рубцова. Анна Серафимовна еще не сходила съ Тасей съ верхняго этажа. Рубцову захотѣлось курить.

— Сеня,—начала Любаша,—ты идешь къ ней въ директоры?

Она не сказала даже къ «тетѣ».

— Иду.

— Есть охота... Въ наймиты!

— Это почему?

Рубцовъ прислонился къ столу, взялъ въ руку пачку образчиковъ и, наморщивая одинъ глазъ, сталъ ихъ разсматривать.

— Да все какъ въ услуженіе.

— Все вы зря...

— И не вѣрю я ей ни на грошъ!—заговорила горячо Любаша и заходила взадъ и впередъ между двумя шкапами.

— Кому ей?—спросилъ Рубцовъ.

— Да хозяйкѣ твоей, Аннѣ Серафимовнѣ. Зачѣмъ она насъ сюда притащила?

— Сами напросились.

— Точно мы не понимаемъ. Выставить себя хочетъ благодѣтельницей рода человѣческаго: какъ у ней все чудесно на фабрикѣ! И рабочихъ-то она ублажаетъ! И дѣтей-то ихъ учитъ!.. А все едино, что хлѣбъ, что мякина... Такая же каторжная работа... Постой-ка такъ двѣнадцать часовъ около печки или покряхти за станкомъ...

— Какъ же быть?

— Ахъ, ты, американецъ! Какъ же быть?!.. Прежде ваша милость что-то не такъ изволила разсуждать?

— Эхъ!..—вырвалось у Рубцова.

— Да, извѣстно, испортился ты!—почти крикнула Любаша и подскочила къ нему. Разсуди ты одно: рабочій полтинникъ въ день получаетъ...

— И до трехъ рублей.

— Ну до трехъ... На своихъ харчахъ, небось? А бабы, а дѣвки? Пять цѣлковыхъ, и копти цѣлый день! А барыши идутъ, изволите ли видѣть, па уплату долговъ Виктора Мироныча и на чечеревятъ Анны Серафимовны... Сколотитъ лишній милліончикъ, тогда откупиться можно... Развестись... Госпожей Палтусовой быть!

— Это почему?

— Смотрите, какая мудрость догадаться, что она, какъ кошка, врѣзамшись... Все господа дворяне соблазняютъ... Такая ужъ у насъ теперь болѣзнь купеческая...

Она вызывающе-насмѣшливо взглянула на него. Рубцовъ чуть замѣтно покраснѣлъ.

— Слушать тошно!

— Это отчего?—уже совсѣмъ разсердилась Любаша, близко подошла къ нему и взяла его за руку...—Это отчего? или и у вашей милости рыльце-то въ пушку?..

Рубцовъ отвелъ ее движеніемъ руки.

— Вы бы, Любовь (онъ въ первый разъ ее такъ назвалъ), лучше на себя оглянулись. Другіе люди живутъ какъ люди—кто какъ можетъ, а вы только бранитесь, да безъ толку болтаете.— Книжки читали, да разума ихъ не уразумѣли. Нѣтъ, этотъ товаръ-то дешевый!... А угодно другимъ въ носъ тыкать ихъ ку-

лачествомъ, такъ такъ бы и поступали... Не трудно это сдѣлать... Подите къ тѣмъ, кому ваши деньги понадобятся... Отдайте ихъ...

Любаша вся раскраснѣлась сразу; повела глазами и стала противъ Рубцова.

— И отдамъ, когда мнѣ захочется. Когда онѣ у меня будутъ!—глухо крикнула она, но тотчасъ же ея голосъ зазвучалъ по другому, глаза мигнули разъ, другой, и какъ будто подернулись влагой...—У меня теперь ничего нѣтъ,—продолжала она уже не гнѣвно, а искренне:—а когда меня выдѣлятъ, я съумѣю употребить съ толкомъ деньгу, какая у меня будетъ. Я и хотѣла... по душѣ съ тобой говорить... Устроили бы не кулачесвое заведеніе... Коли ты другой человѣкъ, не промышленникъ, вотъ бы и могъ...

Она не досказала, обернулась и отошла къ окну, испугалась, что заплачетъ и выкажетъ ему свою слабость...

— Эхъ вы!—задорно крикнула она прежнимъ тономъ, оборачиваясь лицомъ къ Рубцову.—Всѣ-то вы на одну статъ!.. Ну васъ!

Любаша готова была бы «оттаскать» его въ эту минуту. И зачѣмъ это она въ «чувствіе» вдалась съ этакимъ «чурбаномъ», съ «шельмой-парнишкой»... Ему дворянка нужна — видимое дѣло. Сколотить себѣ капиталъ и разъѣзжать съ женой, генеральской дочерью, по заграницамъ!..

— Желаю вамъ всякаго успѣха! — сухо сказалъ Рубцовъ, бросилъ на полъ окурокъ папиросы и затопталъ его.

Очень ужъ она ему надоѣла въ послѣднія двѣ недѣли.

— Слышишь!—крикнула Любаша.—Я тебѣ ничего не говорила... ничего!

Дверь отворилась. Станицына вошла первая. Любаша опять отскочила къ окну. Лицо Таси сдѣлалось ей въ эту минуту такъ ненавистно, что она готова была броситься на нее.

— По домамъ?—спросилъ Рубцовъ.

— Вотъ Таисіи Валентиновнѣ желательно на школу поглядѣть...

— Да,—подтвердила Тася.

— И то дѣло,—сказалъ Рубцовъ и двинулся за ними.

Любаша пошла, кусая ногти, послѣдней.

VII.

Отправились сначала въ «казарму». Аннѣ Серафимовнѣ хотѣлось, чтобы родственница Палтусова видѣла, какъ помѣщены рабочіе. Побывали и въ общихъ камерахъ и въ квартиркахъ женатыхъ рабочихъ. Въ одной изъ камеръ стоялъ очень спертый воздухъ. Любаша зажала себѣ съ гримасой носъ и крикнула:

— Ну, вентиляція!..

Она же подбѣжала къ одной изъ коекъ и также громко крикнула:

— Насѣкомыхъ-то сколько! Батюшки!

Анна Серафимовна покраснѣла и тотчасъ же сказала, обращаясь къ Тасѣ и Рубцову:

— Директоръ съ рабочими изъ-за чистоты тоже воевалъ. Не очень-то любитъ ее... нашъ народецъ...

— Вентилировать можно бы,—замѣтилъ Рубцовъ.

— Да и постельки-то другія завести,—подхватила Любаша.

Тася только слушала. Она не могла судить—хорошо ли содержать рабочихъ или нѣтъ. У нихъ въ людскихъ, куда она иногда заходила, и грязи было больше, совсѣмъ никакихъ коекъ, а ужъ о тараканахъ и говорить нечего!..

Въ казармѣ женатыхъ рабочихъ воздухъ былъ тоже «не перваго сорта», по замѣчанію Любаши; нумера смотрѣли веселѣе, въ нѣкоторыхъ стояли горшки съ цвѣтами на окнахъ, коегдѣ кровати были съ ситцевыми занавѣсками. Но малые ребятишки оставались безъ призора. Ихъ матери всѣ почти ходили на фабрику.

— Кто побольше — учатся, — замѣтила Анна Серафимовна.

Любаша замолчала. Она только взглядывала на Рубцова. Всѣхъ троихъ: и его, и Тасю, и Станицыну она посылала «ко всѣмъ чертямъ».

Въ школѣ они застали послѣобѣденный классъ. Дѣвочки и мальчики учились вмѣстѣ. Довольно тѣсная комната была набита дѣтьми. И тутъ стоялъ спертый воздухъ. Учитель — черноватый молодой человѣкъ съ чахоточнымъ лицомъ—и весь классъ встали при появленіи Станицыной.

— Пожалуйста, садитесь,—сказала она, немного стѣсненная.

Лишнихъ стульевъ не было. Посѣтители сѣли на окнахъ. Анна Серафимовна попросила учителя продолжать урокъ.

Учитель, стоя на каѳедрѣ, говорилъ громко и раздѣльно

фразы и заставлялъ классъ схватывать ихъ на память. Послѣ каждой фразы онъ спрашивалъ:

— Кто можетъ?

И десятокъ дѣвочекъ и мальчиковъ подскакивали на своихъ мѣстахъ и поднимали руку.

— Откуда учитель?—тихо спросила Тася у Анны Серафимовны.

— Изъ учительской семинаріи.

Раза два-три выходили «осѣчки». Вскочитъ мальчуганъ, начнетъ и напутаетъ; классъ тихо засмѣется. Учитель сейчасъ остановитъ. Одна дѣвочка и два мальчика отличались памятью: повторяли отрывки изъ басенъ Крылова въ три-четыре стиха. Тасю это очень заняло. Она тихо спросила у Рубцова, когда онъ пододвинулся къ ихъ окну:

— Это все на счетъ Анны Серафимовны?

— Какъ же,—съ удовольствіемъ отвѣтилъ онъ.

Станицына улыбнулась и сказала Тасѣ:

— А къ осени хочу два класса устроить... тѣсно; а можетъ быть, и ремесленную школу заведу.

— Благое дѣло!—подтвердилъ Рубцовъ.

Любаша молчала. Она подошла къ каѳедрѣ, когда остальные посѣтители уходили, и спросила учителя:

— Жалованья что получаете?

Учитель быстро поглядѣлъ на нее недоумѣвающими глазами и тихо отвѣтилъ:

— Шесть сотъ рублей-съ.

— Съ харчами?

— Квартира и дрова.

Она кивнула головой и пошла съ перевальцемъ.

Анна Серафимовна спускалась молча съ лѣстницы. Она была недовольна посѣщеньемъ фабрики. Правда, въ рабочихъ она не нашла большой смуты. О стачкѣ ей наговорилъ директоръ. Его она разочтетъ на дняхъ. Съ Рубцовымъ она поладитъ.

Разговоръ съ Любашей немного разстроилъ Рубцова. Его мужская гордость была задѣта! Не этой «шалой озорной дѣвчонкѣ» учить его благородству. Не кулакъ онъ! И не станетъ онъ потакать—хотя бы и въ директоры пошелъ—хозяйской скаредности. Его «сестричка»—баба хорошая. Нѣмецъ былъ плутъ, зналъ свой карманъ, ненавистничалъ съ фабричными. Можно все на другую ногу поставить. Только зачѣмъ ему такія палаты, какія выведены тутъ на дворѣ для директора? Онъ — одинъ...

Глядѣлъ онъ вслѣдъ Тасѣ. Она семенила ножками по рыхлому снѣгу... Такая милая дѣвушка—въ мамзеляхъ!

Лицо Рубцова вдругъ просвѣтлѣло. Что-то заиграло у него въ головѣ.

А Тася шла задумавшись. Она чувствовала, что ей, генеральской дочери, придется долго-долго жить съ купцами... даже если и на сцену поступитъ.

VIII.

Мертвенно тихо въ домѣ Нѣтовыхъ. Два часа ночи. Евлампій Григорьевичъ вернулся вчера съ вечера, объ эту же пору и нашелъ на столѣ депешу отъ Марьи Орестовны. Депеша пришла изъ Петербурга и въ ней стояло: «Буду завтра съ курьерскимъ. Приготовить спальню». Больше ничего. Послѣднее письмо ея было еще съ юга Франціи. Она не писала около трехъ мѣсяцевъ.

Депеша его не обрадовала и не смутила. Прежнихъ чувствъ Евлампій Григорьевичъ что-то не находилъ въ себѣ. Вотъ на вчерашнемъ вечерѣ онъ жилъ настоящей жизнью. Тамъ ему хоть и дѣлалось по временамъ жутко, за то подмывали разныя вещи. Богатый и литературный баринъ пригласилъ его на свой понедѣльникъ. Его хотѣли опять залучить. Вспоминали покойнаго Лещова, предостерегали, видимо добивались, чтобы онъ опять плясалъ по ихъ дудкѣ. Тамъ были и его родственнички— Краснoперый и Взломцевъ. Краснoперый много болталъ, Взломцевъ отмалчивался. Хозяинъ сладко такъ говорилъ. Въ немъ, значитъ, нуждаются. Извѣстно, что: денегъ дай на газету... А онъ ихъ отбрилъ! Они думали, что онъ не можетъ ходить безъ помочей; анъ вышло, что очень можетъ. Ни въ правыхъ, ни въ лѣвыхъ, ни въ какихъ онъ не желаетъ быть! Хотѣлъ онъ вынуть изъ кармана свое «жизнеописаніе» и прочесть вслухъ. Онъ три мѣсяца его писалъ и напечатаетъ отдѣльной брошюрой, когда подойдутъ выборы, чтобы всѣ знали—каковъ онъ есть человѣкъ.

Вернулся онъ сильно возбужденный, въ головѣ зароилось столько мыслей. И вдругъ эта депеша... Марья Орестовна отставила его отъ своей особы сразу и навѣщать себя за-границей запретила. Потосковалъ онъ вначалѣ, да что-то скоро забывать сталъ. Казалось ему минутами, что онъ и женатъ никогда не бывалъ. Любовь куда-то ушла... Боялся онъ ея; а теперь не боится... Все-таки она женскаго пола. Попросту сказать—баба!

Куда же ей противъ него? Вотъ онъ всю зиму и думалъ, и говорилъ, и даже писалъ самъ... Можетъ, ей непріятно бы было, чтобы онъ ее встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ. Онъ и не поѣхалъ. Послалъ карету съ лакеемъ.

Ее привезли. Изъ кареты вынесли. Пріѣхалъ съ ней и братъ. Понесли и по лѣстницѣ. Она совсѣмъ зеленая; но голосъ не измѣнился... Первымъ дѣломъ язвительно сказала ему:

— На вокзалъ-то не пожаловали... И хорошо сдѣлали...

Братъ шепнулъ ему, что надо сейчасъ же за докторомъ. Евлампій Григорьевичъ распорядился, но безъ всякой тревоги и суетливости.

Только-что ее уложили въ постель, онъ ушелъ въ кабинетъ и не показывался. Это очень покоробило брата Марьи Орестовны. Евлампій Григорьевичъ, когда тотъ вошелъ къ нему въ кабинетъ, встрѣтилъ его удивленно. Онъ опять засѣлъ за письменный столъ и поправлялъ печатные листки.

— Братецъ... — началъ полушопотомъ Леденщиковъ: вы видите, въ какомъ она положеніи.

— Кто-съ?—спросилъ разсѣянно Нѣтовъ.

— Мари.

— Да!.. Докторъ сейчасъ будетъ.

— Я думаю, нужно консиліумъ... Я боюсь назвать болѣзнь...

Нѣтовъ не слушалъ. Глаза его все возвращались къ листкамъ, лежавшимъ на столѣ.

— Я долженъ васъ предупредить...

— А что-съ?

— Да какъ же... Мари вѣдь опасна...

— Опасна-съ?

Евлампій Григорьичъ оставилъ свои листки и повыше приподнялъ голову.

Братъ Марьи Орестовны, при всей своей сладости, сжалъ губы на особый ладъ. Такая безчувственность просто изумляла его, казалась ему совершенно неприличной.

— А вотъ докторъ что скажетъ... Я ничего не могу... Не обучали-съ...

Глаза Нѣтова бѣгали. Онъ почти смѣялся. Леденщиковъ даже сконфузился и пошелъ къ сестрѣ. Она его прогнала.

Пріѣхалъ годовой докторъ. Евлампій Григорьевичъ поздоровался съ нимъ, потирая руки, съ веселой усмѣшкой, проводилъ его до спальни жены и тотчасъ же вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Леденщиковъ въ кабинетѣ сестры прислушивался къ

тому, что въ спальнѣ. Минутъ черезъ десять вышелъ докторъ съ разстроеннымъ лицомъ и быстро пошелъ къ Нѣтову. Леденщиковъ догналъ его и остановилъ въ залѣ.

— Серьезно?—проквартавилъ онъ.

— Очень, очень!—кинулъ докторъ.

Онъ сказалъ Нѣтову, что надо призвать хирурга; а онъ будетъ ѣздить для общаго леченья, намекнулъ на то, что понадобится, быть можетъ, и консиліумъ.

Нѣтовъ слушалъ его въ позѣ дѣлового человѣка и все повторялъ:

— Такъ-съ... такъ-съ...

Докторъ раза два поглядѣлъ на него пристально и, уходя, на лѣстницѣ сказалъ Леденщикову:

— Вы ужъ займитесь уходомъ за больной. Евлампій Григорьичъ очень пораженъ.

— Пораженъ?—переспросилъ Леденщиковъ...—Не знаю, мы его нашли такимъ же... страннымъ...

Братъ Марьи Орестовны желалъ одного: чувствительной сцены съ своей «безцѣнной» Мари.

IX.

Въ спальнѣ Марьи Орестовны тяжелый воздухъ. У ней на груди—язва. Перевязывать ее мучительно-больно. Она лежитъ съ закинутой головой. Ее оскорбляетъ ея болѣзнь—карбункулъ. Съ этимъ словомъ Марья Орестовна примирилась... Мазали, мазали. Она ослабла,—это показалось ей подозрительнымъ. Это былъ ракъ. Доктора сказали ей, наконецъ, обиняками.

Собралась она тотчасъ же въ Москву—умирать. Такъ она и рѣшила про себя. Братъ повезъ ее. Она этого не желала. Онъ присталъ. Довезли бы и такъ, довольно было ея толковой и услужливой горничной-нѣмки. За границей братъ ей еще больше опротивѣлъ. Имѣла она глупость сказать ему, что у ней есть свое состояніе... Онъ, хотя и глупъ, а по легоньку многое отъ нея выпыталъ. Вотъ теперь и будетъ канючить, приставать, чтобы она завѣщаніе написала въ его пользу... А она не хочетъ этого. Будь Палтусовъ съ ней понѣжнѣе... Она бы оставила ему половину своихъ денегъ. Писалъ онъ аккуратно и мило, почтительно, умно... Но къ ней самъ не собрался, даже и намека на это не было... Гордъ очень... Насильно милой не будешь! Все-таки она посовѣтуется съ нимъ... Довольно этому тошному

братцу—«клянчѣ»—и ста тысячъ рублей... Камеръ-юнкерства-то ему что-то не даютъ; да и мало ли болтается камеръ-юнкеровъ совсѣмъ голыхъ?

«Не встану»,—говоритъ про себя больная,—«нечего и волноваться». И минутами точно пріятно ей, что другіе боятся смерти, а она—нѣтъ... Заново жить?.. Какая сладость! За-границей она —ничего. Здѣсь опостылѣло ей все... Одинъ человѣкъ есть стоющій, да и тотъ не любитъ...

Да, сдѣлать бы его своимъ наслѣдникомъ, дать ему почувствовать, какъ она выше его своимъ великодушіемъ, такъ и сказать въ завѣщаніи, что: «считаю-молъ васъ достойнымъ поддержки, вѣрю, что вы съумѣете употребить даруемыя мною средства на благо общественное; а я почитаю себя счастливой, что открываю такому энергическому и талантливому молодому человѣку широкое поле дѣятельности»...

Въ головѣ ея эти фразы укладываются такъ хорошо. Голова совсѣмъ чиста, и останется такой до послѣдней минуты—она это знаетъ.

А то можно по другому распорядиться. Ну, оставить ему что-нибудь, тысячъ пятьдесятъ, что ли, да столько же брату, или побольше, чтобы не ходилъ по добрымъ людямъ и не жаловался на нее... Да и то сказать, гдѣ же ему остаться безъ добавочнаго дохода къ жалованью. Да и удержится ли онъ еще на своемъ консульскомъ мѣстѣ? Она даетъ ему три тысячи въ годъ, иногда и больше. И надо оставить столько, чтобы проценты съ капитала давали ему тысячи три, много четыре.

Остальное связать со своимъ именемъ. Завѣщать двѣсти тысячъ—цифра эффектная—на какое-нибудь заведеніе, напримѣръ, хоть на профессіональную школу... Никто у насъ не учитъ дѣвушекъ полезнымъ вещамъ. Все науки, да литература, да контрапунктъ, да идеи разныя... Вотъ и ее, Марью Орестовну, заставь скроить платье, нарисовать узоръ, что-нибудь склеить или устроить, дать рисунокъ мастеру—ничего она не можетъ сдѣлать. А въ такой школѣ всему этому будутъ учить.

Два часа продумала Марья Орестовна. И боли утихли и про смерть забыла... Завѣщаніе все у ней въ головѣ готово... Вотъ пріѣдетъ Палтусовъ, она ему сама продиктуетъ, назначитъ его душеприкащикомъ, исполнителемъ ея воли... Онъ выхлопочетъ, чтобы школа называлась ея именемъ...

Лежитъ она съ закрытыми глазами, и ей представляется красивый двухъ-этажный домъ, гдѣ-нибудь въ сторонѣ Сокольниковъ или Нескучнаго, на дворѣ за рѣшеткой... И ярко играютъ

на солнцѣ золотыя слова вывѣски: «Профессіональная школа— имени Маріи Орестовны Нѣтовой». И каждый годъ панихида въ годовщину ея смерти: генералъ-губернаторъ, гражданскій губернаторъ, попечитель, всѣ власти, самыя сановныя дамы. Сколько простоитъ заведеніе, столько будетъ и панихидъ. Но этого еще мало... Палтусовъ составитъ ея жизнеописаніе. Выйдетъ книжка къ открытію школы... Ее будутъ раздавать всѣмъ даромъ, съ ея портретомъ. Надо, чтобы сняли хорошую фотографію съ того портрета, что виситъ у Евлампія Григорьевича въ кабинетѣ. Тамъ у ней такое умное и пріятное выраженіе лица... Палтусовъ съумѣетъ сочинить книжку...

И желаніе его видѣть стало рости въ Марьѣ Орестовнѣ съ каждымъ часомъ. Только она не приметъ его въ спальнѣ... Тутъ такой запахъ... Она велитъ перенести себя въ свой кабинетъ... Онъ не долженъ знать, какая у нея болѣзнь. Строго на-строго накажетъ она брату и мужу ничего ему не говорить... Лицо у ней блѣдно; но то же самое, какъ и передъ болѣзнью было.

Она такъ мало интересовалась леченьемъ, что отвѣтила брату, сказавшему ей насчетъ консиліума:

— Пускай!.. Все равно!

X.

На консиліумѣ смертный исходъ былъ научно установленъ. Операціи дѣлать нельзя, антоновъ огонь уже образовался и будетъ разъѣдать, сколько бы ни рѣзали.

Годовому доктору поручили сказать Евлампію Григорьичу, что надо приготовить Марью Орестовну.

Онъ это принялъ такъ равнодушно, что докторъ поглядѣлъ на него.

— Приготовить? — переспросилъ Евлампій Григорьичъ и улыбнулся.—Извольте. Я скажу-съ. Всѣ смертны. Оно, знаете, и лучше, чѣмъ такъ мучиться.

Докторъ съ этимъ согласился.

А больная лежала въ это время съ высоко-поднятой грудью —иначе боли усиливались, и съ низко опущенной головой и глядѣла въ лѣпной потолокъ своей спальни... По лицамъ докторовъ она поняла, что ждать больше нечего...

— Ахъ бы, поскорѣе!—вырвалось у ней со вздохомъ, когда они всѣ вышли изъ спальни.

Въ который разъ она перебирала въ головѣ ходъ болѣзни,

и конецъ ея—не то ракъ, не то гангрена... Не все ли равно... А умъ не засыпаетъ, свѣтелъ, голова даже почти не болитъ... Скоро, должно быть, и забытье начнется. Поскорѣе бы!

Противны сдѣлались ей осенью Москва, домъ, погода, улица, мужъ, все... А за границей болѣзнь нашла и умирать тамъ не захотѣлось... Сюда пріѣхала... Только бы никто не мѣшалъ... Хорошо, что горничная нѣмка ловко служитъ...

За изголовьемъ кашлянули.

«Что ему?» подумала съ гримасой Марья Орестовна. Она узнала покашливанье мужа... Съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь опять, онъ ей какъ-то меньше мозолитъ глаза... Только въ немъ большая перемѣна... Не любитъ она его; а все же ей сдѣлалось странно и какъ будто обидно, что онъ все улыбается, ни разу не всплакнулъ, ободряетъ ее какимъ-то небывалымъ тономъ.

— Это ты?—спросила Марья Орестовна.

Она ему говоритъ «ты», онъ ей «вы», какъ и прежде, только не тотъ звукъ.

Евлампій Григорьевичъ подошелъ, потирая руки.

— Какъ себя чувствуете? — спросилъ онъ и присѣлъ на стулъ, въ ногахъ кровати.

— Что тутъ спрашивать?—оборвала она его.

— Конечно-съ,—вздохнулъ онъ...—Сами изволите разумѣть... Кто подъ колею попадетъ... А кто и такъ.

Марья Орестовна начала всматриваться въ него и подниматься. Улыбка глупѣе прежней, а по теперешнему настроенію— жена умираетъ — и совсѣмъ точно безумная, глаза разбѣгаются.

Она еще приподнялась и молча глядѣла на него.

— Всѣ подъ Богомъ-съ,—выговорилъ онъ, всталъ и началъ, потирая руки, скоро ходить по комнатѣ.

«Да онъ помутился», подумала она и ей жаль стало вдругъ. «Не отъ любви ли къ ней? Кто его знаетъ! Просто отъ того, что безъ указки остался и не совладалъ съ своей душонкой».

— Сядь!—строго сказала она ему.

Онъ присѣлъ на край постели.

— Ты видишь, мнѣ не долго жить, — выговаривала она твердо и поучительно: — ты останешься одинъ. Брось ты свои должности и званія разныя... Не твоего это ума. Лещовъ умеръ, у дяди своего дѣла много, Красноперый тебя же будетъ вездѣ въ шуты рядить... Брось!.. Живи такъ — въ почетѣ, ну добрыя дѣла дѣлай, давай стипендіи, картины, что ли, покупай. Только не торчи ты во фракѣ, съ портфелемъ подъ мышкой, если желаешь, чтобы я спокойно въ могилѣ лежала. Совѣтуйся

съ Палтусовымъ, съ Андреемъ Дмитріевичемъ... И по торговымъ дѣламъ... А лучше бы всего, чтобъ тебя прикащики не обворовывали, живи ты на капиталъ, обрати въ деньги... Ну домъ-то этотъ держи... угощай, что ли, Москву... Дадутъ и за это генерала... Числись какимъ-нибудь почетнымъ попечителемъ... А дашь покрупнѣе взятку, такъ и Станислава повѣсятъ черезъ плечо...

Евлампій Григорьевичъ не дослушалъ жены. Онъ всталъ, подошелъ къ ея изголовью, разставилъ какъ-то странно ноги, щеки его покраснѣли, глаза загорѣлись и гнѣвно, почти злобно уставились на нее.

— Не ваша сухота, не ваша сухота! — заговорилъ онъ обиженнымъ тономъ:—мы не въ малолѣтствѣ... Вы о себѣ лучше бы, Марья Орестовна... напутствіе, и отъ всѣхъ прегрѣшеній... А я на своихъ ногахъ, изволите меня слышать и понимать? На своихъ ногахъ!.. И теперь какую въ себѣ чувствую силу, и что я могу, и какъ хочу отдать себя, значитъ, обществу и всему гражданству — я это довольно ясно изложилъ... И брошура моя готова... Только, можетъ, страничку—другую...

Онъ махнулъ рукой и опять заходилъ.

— Сядь!..—приказала она ему.

Но онъ не послушался и заговорилъ съ такимъ же волненіемъ.

— Оставь меня!—утомленно сказала она.

Нѣтовъ ушелъ.

Ей было все равно. Поглупѣлъ онъ или собирается совсѣмъ свихнуться. Не стоитъ онъ и ея напутствія... Пусть живетъ, какъ хочетъ... Хоть гаремъ заводи въ этихъ самыхъ комнатахъ... Авось Палтусовъ не дастъ совсѣмъ осрамиться.

XI.

Два раза посылала она на квартиру Палтусова. Мальчикъ и кучеръ отвѣчали, каждый разъ, одно и тоже, что Андрей Дмитричъ въ Петербургѣ, «адреса не оставляли, а когда будутъ назадъ—неизвѣстно». Кому телеграфировать? Она не знала. Ея братъ придумалъ, послалъ депешу къ одному сослуживцу, чтобы отыскалъ Палтусова въ отеляхъ... Ждали четыре дня. Пришла депеша, что Палтусовъ стоитъ у Демута. Туда телеграфировали, что Марья Орестовна очень больна, «при смерти» велѣла она сама прибавить. Полученъ отвѣтъ: «буду черезъ два дня».

Прошли сутки... А его нѣтъ... Что же это такое?.. Онъ довѣренное лицо, у него на рукахъ все ея состояніе, ему шлютъ отчаянную депешу, онъ отвѣчаетъ: «буду черезъ два дня», и—ничего.

Сколько ей жить? Быть можетъ, два дня, быть можетъ, недѣлю — не больше... Она хотѣла распорядиться по его совѣту, оставить на школу тамъ, что ли, или на что-нибудь такое. Но нельзя же такъ обращаться съ ней!..

Ну, не нравится она ему, какъ женщина, такъ, по крайней мѣрѣ, покажи вниманіе. Вотъ они — тонкіе, воспитанные мужчины... За ея ласку, довѣріе... — такая расплата!! Его только она и отличала изо всей Москвы. Его мнѣніемъ только и дорожила, въ послѣдній годъ особенно... Пропади пропадомъ все ея состояніе! Не хочетъ она никакого завѣщанія писать. Еще утомляться, подписывать, слушать, братецъ будетъ канючить, съ Евлампіемъ Григорьевичемъ надо будетъ говорить... Кто наслѣдникъ, тотъ пускай и будетъ наслѣдникъ. Мужу четвертая часть опять вернется, остальное тому... глупому, долговязому.

Досадно ей, горько... Но оставить на школу: кому поручить? Украдутъ, растащутъ, выдетъ глупо. А то еще братецъ процессъ затѣетъ, будетъ доказывать, что она завѣщаніе писала не въ своемъ умѣ. Его сдѣлать душеприкащикомъ?.. Онъ только самъ станетъ величаться... Довольно съ него.

На другой день съ утра Марья Орестовна почувствовала себя легко... Пришелъ братецъ. Она поглядѣла на него съ насмѣшливой улыбкой и спросила:

— Ты что же не просишь меня?..

— О чемъ, Мари?

— Да чтобъ побольше денегъ тебѣ оставила?

Онъ опустилъ глаза и покраснѣлъ.

— Ахъ, полно... Безцѣнная моя,—началъ было онъ.

— Сладокъ ты очень, дружокъ, — перебила она его... — Не обижу.

— Твоя воля, Мари, священна для меня... Но еслибъ ты желала...

Марья Орестовна тихо разсмѣялась.

— Завѣщанія, хочешь ты сказать? Для тебя невыгодно будетъ.

Леденщиковъ глупо и испуганно поглядѣлъ на нее.

Она расхохоталась и тотчасъ же поморщилась отъ боли. Онъ наклонился къ ней.

— Мари, дорогая...

— Ступай, ступай!

Очень ужъ сдѣлались ей противны его лицо, голосъ, фигура, полу-фальшивая сладость его тона.

Тутъ въ головѣ у нея пошла муть, жаръ сталъ подступать къ мозгу, въ глазахъ зарябило. Она подняла было голову и безпомощно опустила на подушку.

— Ступай, ступай!—повторила она еще разъ.

И захотѣлось ей умереть сегодня же, но одной, совсѣмъ одной, чтобы ее заперли.

Подъ вечеръ Евлампію Григорьевичу доложилъ камердинеръ, что «Марья Орестовна кончаются».

Онъ и это принялъ холодно и только спросилъ:

— Въ памяти?

Послали за священникомъ. Леденщиковъ не зналъ еще точно суммы сестрина состоянія. Но ему надо было теперь распорядиться, какъ законному наслѣднику, — Евлампій Григорьичъ въ какомъ-то странномъ разстройствѣ. И онъ долго не протянетъ.

Марья Орестовна, хоть и умирала въ полузабытьѣ, но никого не пускала къ себѣ, кромѣ своей камеристки Берты.

Дорогія хоромы коммерціи совѣтника Нѣтова замирали вмѣстѣ съ той женщиной, которая создала ихъ... Лѣстница, салоны съ гобленами, столовая съ рѣзнымъ потолкомъ стояли въ полутьмѣ кое-гдѣ зажженныхъ лампъ. Въ кабинетѣ сидѣлъ за письменнымъ столомъ повихнувшійся выученикъ Марьи Орестовны. По залѣ ходилъ другой ея воспитанникъ, глупый и ничтожный...

Къ ночи началась суета, поднимающаяся въ домѣ богатой покойницы... Но Евлампій Григорьевичъ съ суевѣрнымъ страхомъ заперся у себя въ кабинетѣ. Онъ чувствовалъ еще обиду напутственныхъ словъ своей жены. Вотъ снесутъ ее на кладбище, и тогда онъ будетъ самъ себѣ господинъ и покажетъ всему городу, на что онъ способенъ и безъ всякихъ помочей... Еще нѣсколько дней—и его «брошура» готова, прочтутъ ее и увидятъ, «каковъ онъ есть человѣкъ!»

XII.

Петербургскій поѣздъ опоздалъ на двадцать минутъ. Послѣднимъ изъ вагона перваго класса вышелъ пассажиръ въ бобровой шапкѣ и пальто съ куньимъ воротникомъ.

Это былъ Палтусовъ. Лицо его осунулось. Съ обѣихъ сто-

ронъ носа легли рѣзкія линіи. Сказывалась не одна плохо проведенная ночь. Онъ еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни. Депеша брата Нѣтовой застала его въ постели. Наканунѣ ночью онъ проснулся съ ужасными болями въ печени. Припадки длились пять дней. Докторъ не пускалъ его. Но онъ настаивалъ на рѣшительной необходимости ѣхать... Боли такъ захватили его, что онъ забылъ и о депешѣ, и объ опасной болѣзни Нѣтовой... Какъ только немного отпустило, онъ всталъ съ постели и, сгорбившись, ходилъ по комнатѣ, послалъ депешу, написалъ нѣсколько городскихъ писемъ. У него было два-три человѣка съ дѣловыми визитами.

Въ Москвѣ у себя онъ не оставилъ петербургскаго адреса. Его удивило то, что депеша отъ Нѣтовой, подписанная ея братомъ, пришла къ нему прямо въ отель Демутъ... Всю дорогу онъ былъ встревоженъ. Дома мальчикъ доложилъ ему, что отъ Нѣтовыхъ присылали три раза; а вотъ уже три дня, какъ никто больше не приходилъ.

Это усилило его безпокойство. Онъ велѣлъ сейчас же приготовить одѣваться и закладывать лошадь. Былъ первый часъ.

Въ передней позвонили.

— Никого не принимать!—крикнулъ онъ мальчику.

Тотъ пошелъ отпирать. Изъ кабинета слышно было, какъ кто-то вошелъ въ калошахъ.

— Господинъ Леденщиковъ,—доложилъ, показываясь въ дверяхъ, мальчикъ:—требуютъ-съ... я не впускалъ.

— Проси,—поспѣшно приказалъ Палтусовъ.

Онъ замѣтно поблѣднѣлъ.

Братъ Марьи Орестовны остановился въ дверяхъ—въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ крепомъ на рукавѣ и съ плерезами на воротникѣ.

— Марья Орестовна?—первый спросилъ Палтусовъ и подалъ руку.

— Моя сестра скончалась вчера, въ ночь...

Въ голосѣ не слышно было слезъ; но глаза тревожно смотрѣли на Палтусова.

— Вчера ночью?—переспросилъ Палтусовъ и подался назадъ.

Онъ забылъ попросить гостя сѣсть, но тотчасъ же спохватился.

— Прошу,—указалъ онъ Леденщикову на кресло у стола.

Въ одинъ мигъ сообразилъ онъ — зачѣмъ тотъ пріѣхалъ и что̀ отвѣчать ему.

— М-г Палтусовъ,—началъ Леденщиковъ, немного пожимаясь,—сестра моя скончалась, не оставивъ завѣщанія.

— Да?—переспросилъ Палтусовъ.

— Безъ завѣщанія, — повторилъ Леденщиковъ. — Но она сообщила мнѣ еще задолго до кончины, что вы завѣдывали ея дѣлами.

— Точно такъ,—сухо отвѣтилъ Палтусовъ.

— Состояніе, предоставленное ей мужемъ, все было, сколько мнѣ извѣстно, въ бумагахъ?

— Въ бумагахъ.

«Не тяни, животное!» выбранился про себя Палтусовъ.

— Такъ вотъ я бы и просилъ васъ покорнѣйше привести въ извѣстность всю наличную сумму. Она должна быть въ пятьсотъ тысячъ капитала. Я обращаюсь къ вамъ, какъ братъ и наслѣдникъ... за выдѣломъ четвертой части Евламнію Григорьевичу...

Леденщиковъ переложилъ шляпу—и она уже была съ крепомъ—съ праваго колѣна на лѣвое.

Палтусовъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ уголъ комнаты и вернулся. Лицо его оставалось блѣднымъ.

— Очень хорошо-съ, — заговорилъ онъ глуше обыкновеннаго...—Но вы вѣроятно знаете, что сестра ваша поручила мнѣ свой капиталъ въ полное распоряженіе?

— Я имѣю копію съ довѣренности.

— Поэтому часть этихъ денегъ находится... какъ бы вамъ это сказать... въ оборотѣ...

— Въ какомъ оборотѣ?—уже съ явной боязнью въ голосѣ спросилъ Леденщиковъ.

— Въ оборотѣ,—повторилъ Палтусовъ.

— Вы отдали ихъ подъ залогъ движимости? Въ такомъ случаѣ у васъ есть закладная или другіе документы.

— Словомъ,—перебилъ его Палтусовъ,—сто тысячъ рублей, даже нѣсколько больше, я не могу реализовать сейчасъ же.

— Но я васъ не понимаю, monsieur Палтусовъ, — болѣе сладкимъ тономъ началъ Леденщиковъ.—Эти деньги должны же быть гдѣ-нибудь... Какъ вы ими распоряжались—въ интересахъ вашей довѣрительницы — я не знаю, но онѣ должны быть на лицо.

— Я прошу васъ дать мнѣ сроку нѣсколько дней, недѣлю. Вѣдь я же не могъ предвидѣть внезапной кончины вашей сестры?

— Мы вамъ нѣсколько разъ телеграфировали.

— Я самъ заболѣлъ въ Петербургѣ.

— Но, cher monsieur Палтусовъ, я вѣдь не требую, чтобы вы мнѣ сію минуту выложили весь капиталъ Мари. Онъ въ

банкѣ, въ бумагахъ... это само собой понимается... Но надо привести въ извѣстность сейчасъ же.

— Къ чему?—возразилъ болѣе спокойнымъ, дѣловымъ тономъ Палтусовъ.—Ваша сестра умерла безъ завѣщанія. Вы и мужъ ея—наслѣдники... Извѣстно, что я занимался ея дѣлами... Мировой судья будетъ дѣйствовать охранительнымъ порядкомъ.

— Но почему же этого не сдѣлать просто, домашнимъ образомъ? Вы пожалуете къ намъ и привезете всѣ эти цѣнности.

— Да, конечно, но я прошу васъ дать мнѣ срокъ.

— Срокъ? Губы Леденщикова начали блѣднѣть.

— Я распоряжался самостоятельно.

— Да-съ, monsieur Палтусовъ, — перебилъ Леденщиковъ и всталъ: — но я долженъ васъ предупредить, что если вамъ неугодно будетъ до вечера послѣ завтра пожаловать къ намъ со всѣми документами... я долженъ буду...

— Хорошо-съ,—сухо отрѣзалъ Палтусовъ.

— Послѣ завтра,—повторилъ Леденщиковъ и подалъ Палтусову руку.

Къ передней онъ отретировался задомъ. Палтусовъ проводилъ его до дверей.

Кровь сразу прилила къ его лицу, какъ только онъ остался одинъ.

Этотъ глупый и сладкій гостинодворческій дипломатъ не дастъ ему передышки... Не дастъ! Все было у него такъ хорошо разсчитано. И вдругъ смерть Нѣтовой!.. Просить, каяться передъ двумя купчишками?! Никогда! Надо выиграть время... Будь это не такой купеческій «братецъ» — они бы столковались... Но тутъ трусливая алчность: хочется поскорѣе пощупать свой капиталъ, свалившійся съ неба.

Первый, кто пришелъ на мысль Палтусову, былъ Осетровъ. Вотъ къ кому надо ѣхать... сію минуту. Если и не будетъ успѣха, то хоть что-нибудь дѣльное вынесешь изъ разговора съ нимъ.

А если онъ откажетъ?.. — Палтусовъ закусилъ губу и въ глазахъ его мелькнула рѣшимость особаго рода.

Черезъ десять минутъ онъ летѣлъ къ Осетрову.

XIII.

Осетровъ былъ у себя. Онъ нанималъ цѣлый этажъ, на бульварѣ, въ домѣ разорившихся милліонеровъ, которымъ и остался только этотъ домъ. Палтусовъ не былъ у него на квартирѣ и не видалъ его больше трехъ мѣсяцевъ.

Онъ шелъ за лакеемъ по высокимъ комнатамъ увѣренно; но внутри тревога росла. Надо было сохранить на лицѣ выраженіе дѣловой и немного свѣтской развязности; надо показать, что съ того дня, когда они познакомились въ конторѣ, утекло не мало воды въ его пользу. — Тогда онъ отрекомендовался какъ фактотумъ подрядчика изъ офицеровъ; теперь онъ долженъ явиться самостоятельной личностью, дѣловой единицей, дѣйствующей на свой страхъ... Съ Осетровымъ онъ, кажется, умѣетъ говорить, попадать въ тонъ... Въ его предпріятіи у него три пая, по тысячѣ рублей... Со своимъ пайщикомъ, хотя бы и на такую малость, не станетъ тотъ разыгрывать набоба; слишкомъ онъ уменъ для этого, да и съумѣлъ давно оцѣнить, что въ его пайщикѣ есть кое-что, стоющее и вниманья, и поддержки, и довѣрія...

Слово «довѣріе» не смутило Палтусова и въ эту минуту. Почему же не довѣріе? Развѣ Осетровъ знаетъ, что сейчасъ произошло между нимъ и Леденщиковымъ?.. Да хоть бы, какимъ нибудь чудомъ, и догадался? Надо предупредить его, говорить прямо, безъ утайки, какъ было дѣло. Онъ человѣкъ практики... Ему постоянно поручались куши чужими людьми, да и воротилой-то онъ сдѣлался только на однѣ чужія деньги... Что онъ такое былъ? Учитель...

— Пожалуйте-съ,—пригласилъ лакей и остановился передъ темной дверью съ глубокой амбразурой.

Палтусовъ не замѣтилъ, черезъ какія комнаты прошелъ до кабинета.

Осетровъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ такой же позѣ, какъ въ конторѣ, когда Палтусовъ въ первый разъ явился къ нему отъ Калакуцкаго.

Разсматривать обширный кабинетъ некогда было. Палтусовъ перешелъ къ дѣлу.

— Поддержите меня, — сказалъ онъ Осетрову безъ обиняковъ,—мое положеніе очень крутое. Вы сами человѣкъ, разбогатѣвшій лично энергіей... У меня была довѣрительница—поручила мнѣ свое денежное состояніе. Я распоряжался имъ по своему усмотрѣнію. Она скоропостижно умерла. Наслѣдникъ требуетъ—вынь, да положь—всего капитала... А у меня нѣтъ цѣлой четверти...

Палтусовъ остановился.

— Гдѣ же онъ у васъ?—спросилъ Осетровъ, мягко поглядывая на него.

— Я пустилъ его въ оборотъ...

— На свое имя?

— Нѣтъ... на чужое...

— Въ какой же это оборотъ?

— Я далъ бумаги въ залогъ.

— Ну такъ что же за бѣда? Вы такъ и объявите наслѣднику... Это не пропащія деньги...

— Я не могу этого сдѣлать,—рѣшительно выговорилъ Палтусовъ.

— Почему же?

— Потому что наслѣдникъ—скупой дурачекъ. Онъ сочтетъ это за растрату...

— Да...

Осетровъ закурилъ папиросу и прищурилъ глазъ.

— Что же я-то могу для васъ сдѣлать?

— Дайте мнѣ ваше поручительство... Я выдамъ векселя...

— Мое поручительство... нѣтъ, любезный Андрей Дмитричъ, я не могу этого.

Палтусовъ опустилъ глаза.

Они оба молчали.

— Я заслужу вамъ,—началъ Палтусовъ...—Въ моемъ поступкѣ вы, дѣловой человѣкъ, не должны видѣть что-нибудь особенное... Отчего же я не могъ воспользоваться случаемъ? Дѣло шло о прекрасной операціи... Она удалась бы черезъ два-три мѣсяца... Я возвращаю капиталъ мой довѣрительницѣ и сразу пріобрѣтаю хорошее денежное положеніе.

— Почему же вы такъ не поступили?

— Надо было сейчасъ же дѣйствовать. Она жила въ Ниццѣ... Я вамъ уже сказалъ, что она имѣла ко мнѣ полное довѣріе. Ея смерть—неудача. И больше ничего!

— Это растяжимые дѣловые принципы,—выговорилъ Осетровъ.

— Но вамъ,—уже горячо возразилъ Палтусовъ,—развѣ не довѣряли сотни тысячъ безъ росписокъ? Вы ихъ пускали въ оборотъ отъ своего имени. Стало, рисковали чужимъ достояніемъ.

— Совершенно вѣрно,— остановилъ Осетровъ, — но я возвращалъ сейчасъ же, сейчасъ, все, что у меня было, при первомъ требованіи или указывалъ—во что у меня всажены деньги. Сдѣлайте тоже и вы.

— Но я вамъ говорилъ, что наслѣдникъ скупердяй, дуракъ... съ нимъ это невозможно, бумаги представлены въ заемъ другимъ лицомъ! Какое же я обезпеченіе могу дать такому трусливому и алчному наслѣднику?

— Напрасно съ такимъ народомъ дѣло имѣете...

На лицѣ Осетрова Палтусовъ прочелъ рѣшительный отказъ.

— Вадимъ Павловичъ,—выговорилъ онъ,—я ожидалъ отъ васъ другого...

— И получили бы другое, — отвѣтилъ Осетровъ, приподнимаясь надъ столомъ...—Наживать можно и должно, но только не такъ, какъ вы задумали.

Это было сказано серьезно, безъ всякаго вызова. — Оставалось—удалиться.

— У васъ есть наши акціи?—спросилъ Осетровъ, какъ бы спохватившись.—Если вамъ угодно, я куплю у васъ ихъ по полторы тысячи—больше вамъ не дадутъ...

Палтусова охватило такое злобное чувство, что онъ съ усиліемъ сдержалъ себя на порогѣ кабинета.

XIV.

«Ѣхать къ Станицыной?» мелькнуло у него. Онъ вышелъ на крыльцо и глядѣлъ на обширный дворъ. Кучеръ еще не замѣтилъ его и не подавалъ. Такъ простоялъ онъ минуты двѣ...

Станицына! Она выручитъ! Кто это сказалъ? Въ ней теперь женское чувство расходилось. Она увидала, пожалуй, въ томъ—какъ онъ повелъ съ ней себя—прямое оскорбленіе? Да, другой бы упалъ на колѣни и, долго не думая, предложилъ бы ей сожительство, довелъ бы до развода съ мужемъ, прибралъ бы къ своимъ рукамъ ея фабрику и наличныя деньги. Полно, есть ли онѣ, наличныя-то?.. Она должна была, въ эту зиму, заплатить за мужа нѣсколько сотъ тысячъ... безъ этого она не подняла бы кредиту. А коли наличныхъ нѣтъ, или есть только на оборотъ, на поддержку текущихъ дѣлъ по обѣимъ фабрикамъ, такъ изъ-за чего же онъ будетъ соваться?

Да и не хочетъ онъ ей говорить правды. Ее на мякинѣ не проведешь. Она все-таки кулакъ-баба... Позволить ей заподозрить его, и такъ, въ глаза... Ни за что!

Съ женщинами у него—неизмѣнная мораль. Такъ онъ поступалъ, такъ и будетъ поступать. Что-то поднимаетъ внутри его гордость, чувство мужского превосходства, когда онъ думаетъ о своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ. Обязаннымъ имъ онъ ничѣмъ не хочетъ быть. Сначала онъ перепробуетъ все.

Но что же?

Въ ту минуту, когда Палтусовъ крикнулъ: «подавай!», голова его освѣтилась новой фигурой ярко и отчетливо и тотчасъ

вспомнилъ онъ свой визитъ къ родственнику Долгушина—къ тому «ископаемому», что сидитъ въ птичникѣ... у него есть деньги. Онъ навѣрно тайный ростовщикъ. Но что же предложить ему въ залогъ? Одну половину бумагъ? Такъ это будетъ Тришкинъ кафтанъ. Нелѣпо!

Почему-то, однакожъ, онъ схватился за эту мысль.

Онъ вспомнилъ адресъ стараго барина, но не приказалъ кучеру ѣхать туда, а взялъ извощика.

Баринъ принялъ его. Онъ вышелъ къ Палтусову совершенно такъ же одѣтый, какъ и въ тотъ разъ, и такъ же попросилъ его во вторую комнату. Старикъ помнилъ о его визитѣ, опять сказалъ, что служилъ когда-то съ однимъ Палтусовымъ. Про Долгушина освѣдомился въ шутливомъ тонѣ и когда Палтусовъ сообщилъ ему, что генералъ служитъ акцизнымъ надзирателемъ на табачной фабрикѣ—выговорилъ:

— И это для него большой постъ. Свистунъ!

Палтусовъ сидѣлъ такъ, что ему была видна часть стѣны, гдѣ онъ въ первый разъ замѣтилъ несгараемый шкапъ. Глаза его остановились на продольной, чуть замѣтной щели. Опять разглядѣлъ онъ и маленькое отверстіе для ключа.

— Чѣмъ могу?—спросилъ баринъ и поправилъ паричекъ.

— На этотъ разъ,—началъ Палтусовъ,—я къ вамъ отъ себя.

Онъ пристально поглядѣлъ на старика.

— Чѣмъ могу?—повторилъ тотъ.

— Не найдете ли возможности дать мнѣ подъ обезпеченіе?..

Губы барина слегка пошевелились и что-то мелькнуло въ глазахъ.

— Я знаю, что вы ссужаете, — рѣшительно выговорилъ Палтусовъ, и даже похвалилъ себя внутренно за такую проницательность.

— Вы изволите говорить,—не мѣняя тона, переспросилъ старикъ,—подъ обезпеченіе?

— Цѣнностями... разныхъ наименованій.

— И какую сумму?

«А! ты ростовщикъ!» — вскрикнулъ про себя Палтусовъ.

— Сто тысячъ рублей.

— Сто тысячъ рублей?.. Такой свободной суммы я не имѣю...

— Ну, сколько имѣете...

Старикъ поглядѣлъ на Палтусова косвеннымъ взглядомъ.

— А почему же вы, государь мой, не желаете заложить ваши цѣнности въ любомъ банкѣ?

Вопросъ этотъ уже побывалъ въ головѣ Палтусова, когда онъ подъѣзжалъ къ его дому.

— Это фамильныя вещи,—уже солгалъ Палтусовъ.

— Брилліанты?—быстро спросилъ старикъ.

— Разныя цѣнности.

Въ головѣ Палтусова разыгрывалась сцена. Вотъ онъ привозитъ свои бумаги. Это будетъ сегодня вечеромъ. Старикъ приготовитъ сумму... Она у него есть—онъ вретъ. Онъ увидитъ процентныя бумаги вмѣсто брилліантовъ, но можно ему что-нибудь наговорить... Не все ли ему равно? Онъ пойдетъ за деньгами... Броситься на него... Разъ! два!.. А собаки? А люди? Развѣ такъ покончилъ со старикомъ недавно, въ Петербургѣ, саперный офицеръ? То было въ квартирѣ. Даже кухарку услалъ... Да и то поймали.

Все это пронеслось въ мозгу Палтусова и заставило его мгновенно покраснѣть. И вдругъ его визитъ къ этому барину, разговоръ, разсчеты представились ему во всей ихъ глупости и гадости. Какъ могъ онъ остановиться хоть минуту на такой мысли?.. А просто заложить бумаги можно въ первомъ попавшемся банкѣ... Да какой же толкъ въ этомъ?..

Онъ долженъ былъ сознаться, что голова его ослабѣла. Устыдившись, онъ тотчасъ же всталъ и протянулъ руку хозяину.

— Позвольте заѣхать къ вамъ на дняхъ,—сказалъ онъ, любезно улыбаясь.—Вы во всякомъ случаѣ не прочь? О процентахъ мы тогда переговоримъ...

— Милости прошу,—кратко отвѣтилъ ему немного удивленный старикъ, и пошелъ провожать его черезъ комнату съ птицами.

Собаки тоже провожали Палтусова. Онъ сбѣжалъ съ лѣстницы, чувствуя, что щеки его горятъ. Въ первый разъ онъ подумалъ о томъ, какъ можно придушить живого человѣка... изъ-за денегъ.

XV.

Звонили ко всенощной... Мартовскій воздухъ смякъ. Днемъ сильно таяло. Солнце повертывало на лѣто. Путь лежалъ Палтусову со Знаменки Кремлемъ. Онъ извощика не взялъ, пошелъ пѣшкомъ.

Миновалъ онъ ворота съ прорѣзными бойницами, проѣздной башни «кутафьи», бѣлѣющей, точно шатеръ, безъ крыши. Зажигалась яркая ночь. Вокругъ полнаго мѣсяца, не поднявшагося

еще кверху, отъ утренняго тумана шла круглая пелена, открывающая посрединѣ овалъ—посинѣе, безоблачный, глубокій. И одна только звѣзда внизу и сбоку отъ мѣсяца ярко мерцала. Другихъ звѣздъ еще не было замѣтно.

Палтусовъ остановился у перилъ моста черезъ Александровскій садъ и засмотрѣлся на него. Это позволило ему уйти отъ тревогъ сегодняшняго дня. Внизу темнѣли голыя аллеи сада, мигали фонари. Сбоку на горѣ уходилъ въ небо бельведеръ Румянцевскаго музея съ его стройными павильонами, точно повисшій въ воздухѣ надъ обрывомъ. Чуть слышно доносилась ѣзда по оголяющейся мостовой...

Палтусовъ пошелъ дальше, мостомъ и Троицкими воротами, поднялся въ Кремль. Слѣва сухо и однообразно желтѣлъ корпусъ арсенала, справа выдвигался рядъ косопоставленныхъ пушекъ, а внизу пирамиды ядеръ. Гулъ соборныхъ колоколовъ разливался тонкою заунывною струей. Ему захотѣлось туда, за рѣшетку, откуда золоченыя главы всплывали въ матовомъ сіяніи луны. Онъ скорыми шагами перешелъ поперегъ площади, повернулъ вправо и взялъ въ узкій коррридорчикъ, откуда входятъ въ Успенскій соборъ.

Темные расписанные столбы собора, полусвѣтъ, лики иконостаса, ладонъ и тихое мельканіе молящагося народа навели на Палтусова родъ дремы... Онъ сначала совсѣмъ забылъ про себя. Ему нужно было за чѣмъ-нибудь слѣдить глазами, что-нибудь слушать... Въ соборъ не попадалъ онъ много лѣтъ, даже и не помнитъ, когда это было. Теперь его занимала служба, какъ ребенка. Идетъ архіерей въ длинной ризѣ, ее поддерживаетъ сзади иподьяконъ, впереди дьяконъ со свѣчей. Архіерей кадитъ передъ образами... Такого облаченья и всего этого шествія Палтусовъ не видалъ еще никогда... Онъ глядѣлъ ему вслѣдъ. Служба перешла на средину собора. Долго онъ не могъ слушать ее. Кровь прилила къ головѣ, сдѣлалось душно, напала тревожность, столбы и иконостасъ точно давили его.

Онъ вышелъ на воздухъ. И разомъ все вернулось къ нему... Онъ воръ!.. Хотѣлъ разжиться на чужія деньги. Могъ сегодня,—когда братъ Нѣтовой явился къ нему,—прямо сказать: «я вложилъ въ такое-то дѣло сто тысячъ... Вотъ кѣмъ представлены залоги... Вотъ документъ, обезпечивающій эту сдѣлку... на-те».—И какъ ни жаденъ этотъ идіотъ, онъ все-таки пошелъ бы на соглашеніе. А не пошелъ бы?.. Пускай начиналъ бы процессъ, даже уголовное дѣло. Такъ нѣтъ!.. Захотѣлось вынырнуть съ чужимъ капиталомъ!

Машинально двигался Палтусовъ къ Ивану Великому, поднялся кверху, на площадку, гдѣ ходъ въ церковь... Тамъ только онъ очнулся.

Гадость сдѣлана. Леденщиковъ не дастъ ему передышки, еслибъ и разсказать ему все на чистоту, покаяться... Будетъ дѣло. Оно ужъ и теперь началось... Умышленное присвоеніе чужой собственности уже совершено, въ глазахъ *настоящихъ* честныхъ людей онъ уже погибъ...

Вспомнилъ онъ своего недавняго «принципала»—Калакуцкаго. Черепъ съ чернѣющей ранкой представился ему... И курносое лицо околодочнаго... Вотъ застрѣлился же! Отъ уголовнаго суда самъ ушелъ. А не Богъ знаетъ какой великой души былъ человѣкъ...

Зазвонили. Палтусовъ поднялъ голову и поглядѣлъ вверхъ, на колокольню. Чего же стоитъ забраться вонъ туда, откуда идетъ звонъ? Дверь теперь отперта... Звонарь не доглядитъ. Дать ему рубль. А потомъ легонько подойти къ периламъ. Одинъ скачекъ... и кончено!.. Въ Лондонѣ бросаются же каждый годъ съ колонны на Трафальгаръ-скверѣ, и съ колокольни св. Павла цѣлыми дюжинами бросаются...

Онъ зажмурилъ глаза и открылъ ихъ черезъ нѣсколько секундъ. Внизу плиты уже обнажились отъ снѣга, кое-гдѣ просохли и свѣтились. Его схватило за сердце. Но онъ не успѣлъ испугаться. Новое чувство уже залегло ему на душу...

«Воръ!» — думалъ онъ и началъ чуть замѣтно улыбаться. «Пускай! Смерть отъ своей руки еще не ушла. Лучше пистолетъ, чѣмъ такой прыжокъ съ колокольни. Сдѣлать это приличнѣй и скромнѣй».

Онъ началъ спускаться по ступенькамъ. Ему стало вдругъ легко. Ни къ кому онъ больше не кинется, никакихъ депешъ и писемъ не желаетъ писать въ Петербургъ; поѣдетъ теперь домой, заляжетъ спать, хорошенько выспится и будетъ поджидать. Все пойдетъ своимъ чередомъ... Не завтра, такъ послѣ завтра явится и слѣдователь. Не поѣдетъ онъ и на похороны Нѣтовой. Не напишетъ и Пирожкову. Успѣетъ... Никогда не рано отправиться на тотъ свѣтъ изъ этой Москвы!..

Благовѣстъ продолжался. Выйдя за рѣшетку, Палтусовъ провалился въ рыхломъ снѣгѣ. Это его разсмѣшило.

XVI.

Пирожковъ не хотѣлъ вѣрить слуху, что Палтусовъ «арестованъ». Ему кто-то сказалъ это наканунѣ вечеромъ. Онъ вскочилъ съ постели въ девятомъ часу—торопливо одѣлся—и поѣхалъ къ пріятелю. Мальчика, отворившаго ему дверь, онъ ни о чемъ не разспрашивалъ. Тотъ принялъ его со словами:

— Пожалуйте-съ, баринъ—у себя.

Квартирка смотрѣла такъ же чисто и нарядно, какъ и въ тотъ разъ, когда онъ заѣхалъ къ Палтусову попросить за мадамъ Гужб. Ничто не говорило про бѣду.

— Дома!—вслухъ выговорилъ Иванъ Алексѣевичъ въ передней.

Значитъ—вздоръ, вранье, никакого ареста не было.

Палтусова онъ нашелъ на кушеткѣ.

— Что съ вами, нездоровится?—спросилъ его Пирожковъ и сильно потрясъ ему руку.

Лицо Палтусова показалось ему и желтымъ, и осунувшимся.

— Да вотъ съ пріѣзда не могу поправиться,—откликнулся Палтусовъ, и всталъ съ кушетки.

На немъ былъ халатъ, чего Пирожковъ никогда не видалъ.

— Вы въ Петербургѣ заболѣли?

— Да, чуть не воспаленіе въ печени схватилъ.

Въ глазахъ пріятеля Палтусовъ прочелъ причину его прихода.

— Иванъ Алексѣичъ,—началъ онъ простымъ задушевнымъ тономъ:—вамъ навѣрно сказали уже, что меня схватили?

— Дѣйствительно.

— Этого еще нѣтъ; но можетъ быть сейчасъ. Я не знаю. Пока, я далъ подписку.

Онъ на одну секунду опустилъ голову и добавилъ съ тихой усмѣшкой:

— Попаду въ кутузку—это вѣрно.

— Но за что же?—искренней нотой крикнулъ Иванъ Алексѣичъ.

— За что? За растрату чужого имущества...

Пирожковъ ничего не сказалъ на это, а только усмѣхнулся отрицательно.

— Право!—подтвердилъ Палтусовъ и опять сѣлъ на кушетку, подложилъ подъ себя ноги.

— Да объясните!

— Дѣло самое простое... Получилъ довѣренность на распоряженіе капиталомъ.

— Большимъ?

— Въ нѣсколько сотъ тысячъ.

— И что же?

— Распорядился по своему усмотрѣнію... на это имѣлъ право... Довѣрительница умерла въ мое отсутствіе... Наслѣдникъ присталъ къ горлу—давай ему всѣ деньги... А у меня ихъ нѣтъ.

— Какъ же нѣтъ?—изумленно переспросилъ Пирожковъ.

— Такъ, въ наличности нѣтъ...

— Но вы можете доказать.

— Вотъ что, дорогой Иванъ Алексѣичъ, — началъ горячѣе Палтусовъ и подался впередъ корпусомъ:—взбѣсился я на этихъ купчишекъ, вотъ на умытыхъ-то, что въ баре лѣзутъ, по-англійски говорятъ! Еслибъ вы видѣли гнусную, облизанную физіономію братца моей довѣрительницы, когда онъ явился ко мнѣ съ угрозой ареста и уголовнаго преслѣдованія. Я хотѣлъ-было повести дѣло просто, по-человѣчески. А потомъ озорство меня взяло!.. Никакихъ объясненій!.. Пускай арестуютъ!

— Но зачѣмъ же? — Пирожковъ присѣлъ къ нему на кушетку и взялъ его за руку: — зачѣмъ же такъ, Палтусовъ? Что за бравада? Вы же говорили мнѣ вотъ въ этомъ самомъ кабинетѣ, что купецъ—сила, все прибралъ къ своимъ рукамъ...

— Посмотримъ, кто кого пересилитъ... Тутъ умъ надо, а не капиталы.

— Умъ!.. Но, Андрей Дмитричъ,... къ чему же доводить себя?..

— Да вѣдь я уже подъ сюркупомъ... Обязался подпиской о невыѣздѣ...

— Что же вы теперь дѣлаете? Какія мѣры?

Пирожковъ разстроенно глядѣлъ на Палтусова. Тотъ пожалъ ему руку.

— Добрая вы душа, сочувственная. Не бойтесь. Я волноваться не желаю. Съ адвокатомъ я видѣлся. Выбралъ не краснобая, а честнаго чудака... Я вижу... вамъ хочется подробностей. Зачѣмъ копаться въ этихъ дрязгахъ? Для меня это партія въ шахматы... На одномъ осѣкся, на другомъ выплыву!..

Что-то новое слышалось Пирожкову въ звукахъ голоса Палтусова. Ему сдѣлалось не по себѣ. Точно онъ попалъ въ болото и нога ступаетъ на зыбкую кочку.

— Ха, ха, ха!—разразился Палтусовъ.—Полноте... Говорю, выплыву. А если вы увидите, что я въ этой кулаческой Москвѣ, самъ позапылился—вы забудете, что у васъ былъ такой пріятель.

— Ну вотъ, ну вотъ!—возразилъ Пирожковъ, всталъ и въ недоумѣніи заходилъ по кабинету.

Палтусовъ посмотрѣлъ на стѣнные часы.

— Иванъ Алексѣичъ! — окликнулъ онъ...—Знаете что, не засиживайтесь. Я, по моимъ соображеніямъ, жду сегодня архангеловъ.

— Какихъ?

— Слѣдователя или полицію. Уходите. Коли надо будетъ куда-нибудь съѣздить, къ адвокату, что ли—дамъ вамъ знать;—только не стѣсняйтесь... Прямо откажите.

— Полноте!—вырвалось у Пирожкова теплой нотой.

Онъ рѣшительно не зналъ, какъ ему говорить съ пріятелемъ. Черезъ пять минутъ онъ вышелъ.

На улицѣ онъ перебиралъ про себя: какое чувство возбуждаетъ въ немъ Палтусовъ и не могъ отвѣтить, не могъ сказать: «нѣтъ, онъ честенъ, это—разъяснится».

Ему показалось, на поворотѣ къ Чистымъ Прудамъ, что въ пролеткѣ проѣхалъ полицейскій офицеръ со статскимъ.

XVII.

Больше трехъ недѣль, какъ Анна Серафимовна ничего не слыхала о Палтусовѣ. Она спрашивала Тасю. Та знала только, что онъ куда-то уѣхалъ... Надо было рѣшиться—разрывать или нѣтъ съ мужемъ. Рубцовъ продолжалъ стоять за разрывъ. Голова уже давно говорила ей, что она промахнулась, что она только себя разоритъ, если будетъ завѣдывать дѣлами Виктора Мироныча.

Но не одни дѣла. Когда же наступитъ полная законная воля? Неужели обречь себя на вѣчное вдовство или махнуть на все и жить себѣ съ «дружкомъ». Да гдѣ онъ, этотъ дружокъ? И его нѣтъ!

За эти дни она исхудала, подъ глазами круги, во рту гадко, всю поводитъ. Но она не хочетъ поддаваться никакой «лихой болѣсти». Не таковская она!

Анна Серафимовна собралась ѣхать въ амбаръ. Вошла Тася въ шляпѣ и кофточкѣ. Это не былъ еще ея часъ.

— Вы слышали,—выговорила она съ разстановкой:—Андрей Дмитричъ?..

Станицына поблѣднѣла. Сердце у ней точно совсѣмъ пропало.

— Что?

— Посадили его.

— Посадили!..

Анна Серафимовна не могла придти въ себя.

— За политическое?

— Нѣтъ.

Тася замялась.

— По какому же дѣлу?

— Я не знаю хорошенько... Говорятъ про... растрату какую-то!.. Послѣ смерти Нѣтовой открыли...

— Послѣ Нѣтовой?

Она все сообразила. Но быть не можетъ. Это не такой человѣкъ!

Рука ея протянулась къ Тасѣ. Онѣ обнялись. Анна Серафимовна поцѣловала ее горячо.

— Это такъ что-нибудь,—порывисто заговорила она.—Онъ не могъ...

Обѣ сѣли.

Тася прильнула къ ней. Ей захотѣлось признаться этой «купчихѣ» въ томъ, чтò до тѣхъ поръ она считала неловкимъ разсказывать.

Анна Серафимовна узнала, что Палтусовъ помогалъ семейству Долгушиныхъ еще при жизни матери. Про себя Тася умолчала.

— Вотъ видите,—успокоивала и самое себя Станицына:— Такой человѣкъ не могъ! Гдѣ же онъ сидитъ?

— Я не знаю,—пристыженно отвѣтила Тася.

— Надо узнать...

Анна Серафимовна разспросила, гдѣ живетъ Палтусовъ, и приказала подавать экипажъ.

— Вы оставайтесь,—сказала она Тасѣ: — подождите меня...

— Мнѣ бы надо,—тихо выговорила Тася.

Она чувствовала, какъ «барышня» проснулась въ ней въ эту минуту. Боится она разыскивать, гдѣ сидитъ ея родственникъ, боится полиціи совершенно такъ, какъ ея старушки, чуть дѣло запахнетъ хоть городовымъ. А вотъ такая купчиха не боится... Она любитъ... она можетъ и спасти его,—пожалуй, и въ Сибирь бы пошла за нимъ... Но стòитъ ли онъ этого? Поручиться нельзя.

Тася покраснѣла. Что же это такое? Онъ помогаетъ ей и старушкамъ; а она точно сейчасъ же готова выдать его.

— Анна Серафимовна,—придержала она Станицыну въ залѣ: —вы не подумайте, что я такая гадкая... безсердечная... Вотъ вы—посторонняя, и такъ тепло къ нему относитесь... А мнѣ бы слѣдовало...

— Я узнаю, я узнаю,—повторяла Станицына, идя къ лѣстницѣ.

По лѣстницѣ поднимался Рубцовъ. Онъ заѣхалъ больше для Таси, отправляясь на фабрику.

— Сеня,—сказала ему Станицына,—побудь съ Таисіей Валентиновной—мнѣ къ спѣху...

Онъ замѣтилъ большую перемѣну въ ея лицѣ и успѣлъ спросить у ней на лѣстницѣ:

— Что, иль опять отъ муженька супризецъ?

— Нѣтъ, не то,—отвѣтила она и быстро начала сходить внизъ.

— Что такое?—спросилъ Рубцовъ Тасю.

Рубцовъ и Тася проходили залой.

Тася не знала, говорить ли ей... Это можетъ повредить Палтусову... Но вѣдь она сказала уже Станицыной. А Рубцовъ—добрый, въ эти двѣ недѣли они сошлись, точно родные.

Въ гостиной она сѣла на то мѣсто, гдѣ обыкновенно читала Аннѣ Серафимовнѣ, и состроила принужденную улыбку.

— Да, вы полноте-съ,—началъ шутливо Рубцовъ:—мы хоть лыкомъ шиты, а понимаемъ... не томите.

Тася передала «слухъ» про арестъ Палтусова.

— И сестричка кинулась куда жё-съ?

— Не знаю!

— Вотъ что,—значительно выговорилъ Рубцовъ и отошелъ къ окну.

Тася молчала. Онъ нѣсколько разъ поглядѣлъ на нее.

Ей тяжело было начинать разговоръ о Палтусовѣ.

XVIII.

Рубцовъ все еще стоялъ у окна, за штофной портьерой.

Тася сидѣла на пуфѣ, въ трехъ шагахъ отъ него.

— Вамъ-то что же особенно убьваться?

— Семенъ Тимоѳеичъ... вы не знаете...

Она не договорила.

— Что же такое именно не знаю?

— А то, что...

Опять у нея слово стало въ горлѣ.

— На счетъ этого... Палтусова? Что же тутъ знать?.. И предвидѣть, мнѣ кажется, было возможно. Человѣкъ крупнаго мѣста не имѣлъ. Довѣріе къ себѣ внушилъ именитой коммерціи-совѣтницѣ, денежками ея поживился... Такая нынче мода... вы

извините, что я такъ про вашего родственника... А, можетъ, и понапрасну.

— По напрасну?—повторила Тася и подбѣжала къ нему.— Вы думаете?

— Какъ же я могу знать въ точности, Таисія Валентиновна?.. Повѣтріе это... всѣ этимъ занимаются. И господа дворяне, и предсѣдатели земскихъ управъ, и адвокаты... а о кассирахъ такъ и говорить совѣстно!

— Вотъ видите, Семенъ Тимоѳеичъ, — начала смущенно Тася...—Я бы должна была ѣхать къ нему...

— Да, пожалуй, онъ въ секретѣ сидитъ, такъ и не пустятъ.

— Анна Серафимовна поѣхала же.

— Ужъ это ихъ дѣло...

— Я—должна была, — повторила Тася. — Но очень ужъ мнѣ показалось гадко... еслибъ еще онъ что-нибудь другое...

— Зарѣзалъ бы, примѣрно.

— Ахъ, вы все шутите... Чтожъ, страсть можетъ такъ налетѣть на человѣка... а то вѣдь... это все равно что... украсть!

— Не далеко лежитъ отъ кражи.

— Вотъ видите... Только мнѣ бы не надо было такъ говорить. Вѣдь Палтусовъ—она понизила голосъ — поддерживалъ меня...

— Васъ?—переспросилъ Рубцовъ.

— И не меня одну, Семенъ Тимоѳеичъ, и старушекъ моихъ...

Ей уже не было стыдно изливаться передъ купчикомъ. Она разсказала ему всю свою исторію... Старушки живутъ теперь въ одной комнаткѣ, въ нумерахъ; содержаніе ихъ обходится рублей въ пятьдесятъ... эти деньги давалъ Палтусовъ. Да платилъ еще за ея уроки.

— Да вы чему же учитесь?—освѣдомился Рубцовъ и опустилъ голову.

Онъ уже сидѣлъ около Таси.

Она ему разсказала опять про свою «страсть» къ театру. Въ консерваторію поступать было уже поздно, сначала она ходила къ актрисѣ Грушевой; но Палтусовъ и его пріятель Пирожковъ отсовѣтовали. Да она и сама видѣла, что въ обществѣ Грушевой ей не слѣдуетъ быть. Беретъ она теперь уроки у одного пожилого актера. Онъ женатый, держитъ себя съ ней очень почтительно, человѣкъ начитанный, обѣщаетъ сдѣлать изъ нея актрису.

Глаза Таси заискрились, когда она заговорила о своемъ «призваніи». Рубцовъ слушалъ ее, не поднимая головы, и все

покручивалъ бороду. Голосокъ ея такъ и лѣзъ ему въ душу... Дѣвчурочка эта не даромъ встрѣтилась съ нимъ. Нравится ему въ ней всё... Вотъ только «театральство» это... Да пройдетъ!.. А кто знаетъ: оно-то самое, быть можетъ, и дѣлаетъ ее такой «трепещущей»... Сердца добраго, въ бѣдности, тяготится теперь тѣмъ, что и поддержка, какую давалъ родственникъ, оказалась не изъ очень-то чистаго источника.

— Послушайте, голубушка,—Рубцовъ въ первый разъ такъ назвалъ ее и взялъ ее за руку.—Вы не тормошите себя... Вы видите, какъ сестричка васъ полюбила... Что же съ нами чиниться... Понимаю, я «дворянское дитё».

И онъ тихо разсмѣялся.

— Была, Семенъ Тимоѳеичъ, была. А теперь ничего мнѣ не надо. Только бы старушкамъ моимъ кусокъ хлѣба и...

— Театръ?—подсказалъ Рубцовъ.

— Да, да!—точно вдохнувъ въ себя выговорила Тася.

— А вы вотъ что мнѣ скажите,—почти шопотомъ спросилъ Рубцовъ:—какъ этотъ вашъ родственникъ, можетъ ли воспользоваться хоть бы теперь увлеченіемъ сестрички? А она таки увлечена, это вѣрно.

— Я не знаю, Семенъ Тимоѳеичъ, вотъ въ томъ-то и бѣда, что мы въ нашемъ барскомъ кругу ничего не знаемъ... Никто насъ не учитъ людей разбирать... Деньги-то его, что́ онъ намъ давалъ... были, пожалуй, чужія...

— Ну это еще неизвѣстно. Вѣдь онъ навѣрно получалъ не мало... агентомъ, кажется, былъ у того Калакуцкаго, подрядчика, что застрѣлился не давно.

— Все-таки...

Тасѣ сдѣлалось еще тяжелѣе.

— Полноте,—громко и весело сказалъ Рубцовъ.—Не обижайте насъ! Что, въ самомъ дѣлѣ, все дворянскій-то свой гоноръ соблюдаете... Мы друзья ваши... это лучше родственниковъ. Только чуръ ужъ не считаться ни съ сестричкой, ни со мной... А жалко вамъ этого Палтусова, повидайтесь съ нимъ, посмотрите, почувствуйте: каковъ онъ на самомъ дѣлѣ.

Рубцовъ всталъ и еще разъ протянулъ ей руку. Тася, слушая его, притихла. Да, съ этимъ человѣкомъ стыдно считаться. Генеральская дочь давно умерла въ ней.

XIX.

Въ частномъ домѣ ***—ской части наступили послѣобѣденные сумерки.

Шестой часъ. Въ узкой комнаткѣ, съ однимъ окномъ, на волосяной кушеткѣ, лежитъ Палтусовъ. Третій день проводитъ онъ подъ арестомъ. Наканунѣ, утромъ онъ писалъ Пирожкову и просилъ его побывать у адвоката, Пахомова, считавшагося, кромѣ своей уголовной практики, и хорошимъ «цивилистомъ». Передъ обѣдомъ адвокатъ былъ у него. Они проговорили больше часа. Прощаясь, адвокатъ сказалъ ему:

— Не знаю, могу ли я взять на себя ваше дѣло. Не замедлю дать отвѣтъ.

Палтусовъ изложилъ ему свою систему защиты. Тотъ отмалчивался или издавалъ неопредѣленные звуки. Это совѣщаніе не удовлетворило арестанта.

Арестантъ!.. Онъ довольно спокойно думалъ о томъ, гдѣ онъ «содержится», что̀ ожидаетъ его въ недальнемъ будущемъ: —дѣло перешло уже въ руки обвинительной власти. Допросъ слѣдователя завтра утромъ. Къ нему онъ приготовленъ.

Комнатка, гдѣ онъ лежитъ,—дворянская. Собственно тутъ дежурятъ квартальные. Но въ настоящей арестантской камерѣ все и безъ того занято. Съ утра передъ нимъ проходила жизнь «съѣзжей». Онъ слышалъ изъ своей камеры голоса письмоводителя, околодочныхъ, городовыхъ, просителей. Какая-то баба, должно быть, въ передней, выла добрыхъ два часа. Частный приходилъ раза три. Съ Палтусовымъ онъ обошелся мягко. Они оказались въ шапочномъ знакомствѣ по Большому театру. Указывая на него дежурному квартальному, онъ употребилъ выраженіе «онѣ». Квартальный—бывшій драгунскій поручикъ—пришелъ покурить, заспанный, даже не полюбопытствовалъ, по какому дѣлу сидитъ Палтусовъ.

Зала квартиры частнаго примыкала къ канцеляріи. Палтусовъ слышалъ, какъ маіоръ ходилъ, звякая шпорами, и напѣвалъ изъ «Корневильскихъ колоколовъ»:

„Взгляните здѣсь, смотрите тамъ:
„Нравится-ль все это вамъ?“

Когда умолкла вся утренняя суета, Палтусовъ заглянулъ въ опустѣлую канцелярію. У одного изъ столовъ сидѣлъ худой блондинъ, прилично одѣтый, вѣжливо ему поклонился, всталъ и

подошелъ къ нему. Онъ самъ сказалъ Палтусову, что содержится въ томъ же частномъ домѣ; но приставъ предоставилъ ему письменныя занятія и ему случается за отсутствіемъ квартальнаго или околодочнаго распоряжаться.

— А по какому вы дѣлу?—спросилъ его Палтусовъ.

— Я—литографъ... Привлеченъ... по подозрѣнію на счетъ билетовъ, оказавшихся подложными.

И онъ сейчасъ же протянулъ Палтусову руку и сказалъ:

— Позвольте быть знакомымъ.

Надо было пожать руку. Литографъ вызвался заботиться о томъ, чтобы Палтусову служилъ получше солдатъ, во-время носилъ самоваръ и ѣду. Пришлось еще разъ пожать руку товарищу-арестанту.

На кушеткѣ, въ надвигающихся сумеркахъ, Палтусовъ лежалъ съ закрытыми глазами, но не спалъ. Онъ не волновался. Фактъ на лицо. Онъ въ части, слѣдствіе начато, будетъ дѣло. Его оправдаютъ или пошлютъ въ «Сибирь тобольскую», какъ острилъ одинъ студентъ, съ которымъ онъ когда-то читалъ лекціи уголовнаго права.

Палтусовъ впервые проходилъ въ головѣ свою собственную исторію и спрашивалъ себя: полно, было ли у него когда въ душѣ хоть что-нибудь завѣтное? Кто ему могъ передать нехитрую, ограниченную честность? Отецъ—игрокъ и женолюбъ. Про мать всѣ знали, что она никѣмъ не пренебрегала... даже изъ дворовыхъ... Еще удивительно, какъ изъ него вышелъ такой «порядочный человѣкъ». Да, онъ порядочный!.. И съ сердцемъ, и не трусъ... Увлекался же Сербіей, и тамъ велъ себя куда лучше многихъ. На войнѣ въ Болгаріи не сдѣлалъ же ни одной гадости. Возмущался и воровствомъ, и нагайками, и адъютантскимъ шелопайствомъ, и безсердечіемъ разныхъ пошляковъ къ солдату... Не можетъ безъ слезъ вспомнить обмороженныя ноги цѣлыхъ батальоновъ...

А вотъ теперь ему не стыдно своего «случая», а просто досадно. Если его что можжитъ, такъ—неудача, сознаніе, что какой-нибудь купеческій «gommeux», глупенькій господинъ Леденщиковъ, столкнулся съ нимъ, заставляетъ его теперь готовиться къ уголовному процессу, губитъ, хоть и на время, его кредитъ.

И все горче и горче дѣлалось ему только отъ этого. За себя онъ не боялся. Но, быть можетъ, съ процесса-то и пойдетъ онъ полнымъ ходомъ?.. Сначала строгіе люди будутъ сторониться... За то масса... Кто же бы на его мѣстѣ изъ людей, бойкихъ и

чуткихъ, не воспользовался? Въ комъ заложенъ несокрушимый фундаментъ?.. Даже и разбирать смѣшно!..

Къ нему постучались. Изъ полуотворенной двери показалась бѣлокурая голова «литографа».

— Къ вамъ посѣтительница.

Палтусовъ быстро всталъ съ кушетки.

— Дама?—спросилъ онъ и подумалъ: «вѣрно, Тася».

— Да-съ, вы не извольте безпокоиться. Приставъ приказалъ.

— Благодарю васъ.

Голова скрылась. Изъ-за двери слышался легкій шорохъ.

XX.

Палтусовъ вышелъ въ канцелярію. У стола, ближайшаго къ его двери, сидѣла дама. Онъ не сразу въ полу-темнотѣ узналъ Станицыну.

— Анна Серафимовна!—тихо вскрикнулъ онъ.

Она встала въ большомъ смущеніи. Палтусовъ нагнулся, взялъ ее руку и поцѣловалъ.

Вуалетки Станицына не поднимала. Сквозь нее, въ сумеркахъ, виднѣлось милое для нея лицо Палтусова. По туалету онъ былъ тотъ же: и воротнички чистые, короткій моднаго покроя пиджакъ. Только блѣденъ, да глаза потеряли половину прежняго блеска.

— Хворали?—спросила она и голосъ ея дрогнулъ.

— Въ Петербургѣ, да... Садитесь, пожалуйста... Только... здѣсь такъ темно.

— Ничего,—сказала она.

Онъ не смущенъ. Лицо тихо улыбается. Ему совсѣмъ не стыдно, что его посадили на «съѣзжую». Такъ она и ожидала. Не можетъ быть, чтобы онъ былъ виноватъ!..

Въ эту минуту она и думать забыла про то, что̀ случилось въ каретѣ, послѣ бала Рогожиныхъ. Ей все равно, что̀ бы и какъ бы онъ объ ней ни думалъ. Не могла она не пріѣхать. А ее не сразу пустили. Да и самой-то не очень ловко было упрашивать пристава.

— Онъ вамъ родственникъ, сударыня?—спрашиваетъ.

Лгать она не хотѣла. Приставъ усмѣхнулся.

Долго держалъ Палтусовъ ея руку. Она тихо высвободила и спросила:

— Зачѣмъ же васъ сюда? Нешто нельзя было на поруки?

— Залогъ надо...—спокойно отвѣтилъ онъ,—а слѣдователь требуетъ тридцать тысячъ. У меня такихъ денегъ нѣтъ...

— Андрей Дмитричъ... — чуть слышно вымолвила Станицына...—позвольте мнѣ...

Она сидитъ почти безъ капитала. Но такія-то деньги сейчасъ найдутся. Ни одной секунды она не колебалась... Вся разсчетливость вылетѣла.

Онъ молча пожалъ ей руку. Когда онъ заговорилъ, голосъ его дрогнулъ отъ искренняго чувства.

— Славная вы, Анна Серафимовна, я вамъ всегда это говорилъ... Вы думали, быть можетъ, что я такъ только, чувствительными фразами отдѣлывался?.. Спасибо.

— Скажите,—продолжала она въ большомъ смущеніи:—куда поѣхать, кому внести?

— Полноте, не нужно, — остановилъ онъ ее и выпустилъ ея руку. — Залогъ можно бы было найдти. Я было и думалъ сначала, да разсудилъ, что не стоитъ...

— Какже не стоитъ?

Она подняла голову и оглянулась.

— Мнѣ это зачтется.

— Какъ зачтется, Андрей Дмитричъ?

— Послѣ... когда кончится дѣло.

— Дѣло!—повторила Станицына.

Его голосъ такъ и лился къ ней въ душу, и стало его нестерпимо жаль.

— Андрей Дмитричъ... скажите... сколько вся сумма... Можно будетъ достать... скажите.

Щеки ея пылали.

Палтусовъ взялъ ее за обѣ руки.

— Спасибо!—горячо выговорилъ онъ. — Ничему это теперь не поможетъ... Дѣло началось... уголовнымъ порядкомъ... Внесу я или нѣтъ, что́ слѣдуетъ, прокурорскій надзоръ не прекратитъ дѣла... Да еслибъ и не поздно было... Анна Серафимовна, я бы...

Онъ немного помолчалъ; но потомъ разсказалъ ей, что ему пришла мысль ѣхать къ ней послѣ визита Леденщикова... Онъ зналъ, что она способна помочь ему.

— Не могу я отъ женщинъ, даже отъ такихъ, какъ вы, принимать денежныхъ услугъ.

Эти слова не удивили ее. Такой человѣкъ и долженъ этакъ говорить и чувствовать. Ей сдѣлалось вдругъ легко. Она вѣрила, что его оправдаютъ. Украсть онъ не можетъ. Просто захотѣлъ выдержать характеръ и выдержитъ.

Лицо ея Виктора Мироныча представилось ей. Тотъ—на волѣ—именитый коммерсантъ, съ принцами крови знакомъ; а этотъ—въ части сидитъ «колодникомъ»... А нешто можно сравнивать? Будь она свободна, скажи онъ слово, она пошла бы за нимъ въ Сибирь...

— Вы довольны Тасей?—спросилъ онъ ее, видимо желая перемѣнить разговоръ.

— Очень!

Анна Серафимовна начала ее расхваливать и намекнула Палтусову, что ей извѣстно, кто поддерживалъ Тасю и ея старушекъ.

— Вотъ что, голубушка,—сказалъ ей Палтусовъ.—Она дѣвушка хорошая; но дворянское-то худосочіе все-таки въ ней сидитъ. Теперь ей непріятно будетъ принимать отъ меня... Сдѣлайте такъ, чтобы она у васъ побольше заработала... Окажите ей кредитъ... А всего лучше выдайте замужъ... Это будетъ вѣрнѣе сцены... А потомъ счетецъ мнѣ представьте,—кончилъ онъ весело,—когда я опять полноправнымъ гражданиномъ буду!..

И это тронуло ее. Она встала и начала прощаться съ нимъ.

— Пускай Тася не волнуется—ѣхать ей ко мнѣ или нѣтъ,—сказалъ Палтусовъ, провожая Станицыну до передней:—ко мнѣ ей не надо ѣздить... Это еще успѣется. Только такія, какъ вы,—прибавилъ онъ и крѣпко пожалъ ей руку,—умѣютъ навѣщать «бѣдныхъ заключенныхъ».

И онъ тихо разсмѣялся. Станицына уѣхала, глубоко тронутая.

XXI.

— Обождите,—сказала Пирожкову горничная, смахивающая на гувернантку, вводя его въ кабинетъ присяжнаго повѣреннаго Пахомова.

Онъ уже во второй разъ заѣзжалъ къ нему—все по просьбѣ Палтусова. Въ первый разъ онъ не засталъ адвоката дома и передалъ ему въ запискѣ просьбу Палтусова: быть у него, если можно, въ тотъ же день. Теперь Палтусовъ опять поручилъ ему добиться отвѣта: беретъ онъ на себя дѣло или нѣтъ?

Жутко себя чувствуетъ Иванъ Алексѣичъ. Всего непріятнѣе ему то, что онъ самъ не можетъ разъяснить себѣ, какъ онъ собственно относится къ своему пріятелю? Считаетъ ли его жертвой или подозрѣваетъ, или просто увѣренъ въ растратѣ? Палтусовъ говорилъ съ нимъ въ такомъ тонѣ, что нельзя было

не подумать о растратѣ. Только пріятель его смотрѣлъ на нее по своему.

Но какъ отвернуться отъ него, не исполнить его просьбы, не заѣхать лишній разъ къ адвокату?..

Пирожковъ осмотрѣлся. Онъ стоялъ у камина въ небольшомъ, довольно высокомъ кабинетѣ, кругомъ установленномъ шкапами съ книгами. Все смотрѣло необычайно удобно и размѣренно въ этой комнатѣ. На свободномъ кускѣ одной изъ боковыхъ стѣнъ висѣло нѣсколько портретовъ. За письменнымъ узкимъ столомъ—видимо дѣланнымъ по вкусу хозяина—помѣщался родъ шкапчика съ перегородками для разныхъ бумагъ. Комната дышала уютомъ тихаго рабочаго уголка, но мало походила на кабинетъ адвоката-дѣльца.

Въ каминѣ тлѣли угли. Иванъ Алексѣичъ любитъ грѣться. Онъ стоялъ спиной къ огню, когда вошелъ хозяинъ кабинета, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, средняго роста. Свѣтлорусые волосы, опущенные широкими прядами на виски, удлинняли лицо, смотрѣвшее кротко своими скучающими глазами. Большой носъ и подстриженная бородка были чисто русскіе; но держался адвокатъ, въ длинноватомъ темно-сѣромъ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ, точно иностранецъ докторъ.

— Покорно прошу,—пригласилъ онъ Пирожкова на диванъ высокимъ теноровымъ голосомъ.

Пирожковъ попросилъ отвѣта по дѣлу Палтусова.

— Видите ли,—заговорилъ адвокатъ искренно и точно разсуждая съ самимъ собой:—я бы взялся защищать господина Палтусова, еслибы онъ не насиловалъ мою совѣсть.

— Вашу совѣсть?

— Да-съ, мою совѣсть. Мнѣ вовсе не нужно проникать въ глубину души подсудимаго. Это метода опасная... Скажетъ онъ мнѣ всю правду—хорошо. Не скажетъ—можно и безъ этого обойтись. Но если онъ мнѣ разсказалъ факты, то мнѣ же надо предоставить и освѣщать ихъ; такъ ли я говорю?—кротко спросилъ онъ.

— Безусловно,—подтвердилъ Пирожковъ.

— Вашъ знакомый можетъ служить типическимъ знаменіемъ времени...

— Въ какомъ же смыслѣ?—спросилъ Пирожковъ.

— Онъ смотритъ на себя, какъ на героя... У него нѣтъ ни малѣйшаго сознанія... неблаговидности его поступка... Онъ требуетъ отъ меня солидарности съ его очень ужъ широкимъ взглядомъ на совѣсть.

Отъ этихъ словъ адвоката Ивана Алексѣича начало коробить.

— Знаменіе времени,—повторилъ Пахомовъ.—Жажда наживы, злость бѣдныхъ и способныхъ людей противъ купеческой мошны... Это неизбѣжно; но нельзя же выставлять себя на судѣ героемъ потому только, что я на чужія деньги пожелалъ составить себѣ милліонное состояніе...

— А если онъ будетъ оправданъ?—полувопросительно выговорилъ Пирожковъ.

— Очень можетъ быть, но только при моей системѣ защиты—врядъ-ли.

«Странный адвокатъ», подумалъ Пирожковъ.

— Можно добиться легкаго наказанія, да и то софизмами, на которые я не пойду... Вашъ знакомый обратился не къ тому, къ кому слѣдовало.

По унылому лицу адвоката прошла улыбка.

— Какъ общественный симптомъ,—продолжалъ онъ,—это меня нисколько не удивляетъ. Такъ и слѣдуетъ быть среди той нравственной анархіи, въ какой мы живемъ... Господинъ Палтусовъ вовсе не испорченнѣе другихъ... Вы, вѣроятно, и сами это знаете... У него есть даже много... разныхъ points d'honneur... Онъ вѣдь бывшій военный?

— Да, служилъ въ кавалеріи,—кратко отвѣтилъ Пирожковъ,—потомъ слушалъ лекціи.

— На юридическомъ?—не безъ ироніи освѣдомился Пахомовъ.

— На юридическомъ.

— Самая опасная смѣсь... Послѣ практики въ законномъ убійствѣ людей—хаосъ нелѣпыхъ теорій и казуистики... Естественныя науки дали бы другой оборотъ мышленію. А впрочемъ, у насъ и онѣ ведутъ только къ первобытной естественности правилъ.

Онъ тихо разсмѣялся, молча потеревъ руки.

Пирожковъ всталъ и, пожавъ ему руку, у дверей спросилъ:

— Такъ и передать Палтусову?

— Такъ и передайте-съ... Насиловать свою совѣсть—не допускаю.

Съ педантической вѣжливостью проводилъ онъ Пирожкова до лѣстницы.

XXII.

Арестанта Пирожковъ засталъ за обѣдомъ, передъ грязнымъ столикомъ у окна.

Ему принесли ѣду изъ сосѣдняго трактира. Она состояла изъ широкаго, во всю тарелку, бифштекса, съ жирной подливкой, хрѣномъ и большими картофелинами, подоваго пирога и пары огурцовъ. На столѣ стояла бутылка вина.

Палтусовъ начиналъ поправляться въ лицѣ.

— Сплю, какъ сурокъ,—встрѣтилъ онъ Пирожкова:—и странное дѣло—совсѣмъ нѣтъ охоты къ книгѣ... Читать просто не хочется!.. Ну, что-же?

Пирожковъ замялся.

— Отказывается?

— Да.

— Недосугъ?

По мягкости, Иванъ Алексѣевичъ хотѣлъ было солгать; но что-то его точно подтолкнуло.

— Нѣтъ,—мягко, но безъ уклончивости отвѣтилъ онъ.

— Противъ его принциповъ?—уже не тѣмъ голосомъ спросилъ Палтусовъ.

— Да... онъ говоритъ, что не можетъ принять вашей системы защиты.

— А другой я не могу допустить.

— Однако, позвольте, Андрей Дмитріевичъ,—заговорилъ Пирожковъ, подсаживаясь къ нему и понизивъ голосъ,—одно изъ двухъ: или вы признаете фактъ, или нѣтъ.

— Какой фактъ?

— Фактъ... который вамъ вмѣняютъ?

— Я сказалъ адвокату то же, что и вамъ,—горячѣе продолжалъ Палтусовъ.—А ему я прибавилъ: если бъ я былъ и виноватъ, то предварительнаго заключенія—вѣдь меня могутъ и въ острогъ перевести—одного достаточно, чтобы произвести уравненіе—слишкомъ даже достаточно!..

Иванъ Алексѣевичъ показалъ своей миной, что онъ не совсѣмъ согласенъ.

— Да какъ же?..—спросилъ, поднимая голову, Палтусовъ.—Вѣдь я могу быть оправданъ!.. И буду оправданъ. Но еслибъ и была признана нѣкоторая моя виновность,.. развѣ мало просидѣть нѣсколько мѣсяцевъ?

Палтусовъ бросилъ салфетку на столъ, всталъ и заходилъ

въ другомъ углу узкой комнаты. Пирожковъ поглядывалъ на него и прислушивался къ звукамъ его голоса. Въ нихъ пробивалось больше вѣры, чѣмъ раздраженія.

— Добрѣйшій Иванъ Алексѣевичъ,—продолжалъ Палтусовъ,—вы человѣкъ святой, знаете своихъ моллюсковъ, или этнографію Фиджійскихъ острововъ; а я человѣкъ дѣла. Позвольте хоть разъ въ жизни на чистоту открыться вамъ... А потомъ вы можете и плюнуть на меня, сказать: «воръ Палтусовъ и больше ничего!» Не могу я не бороться съ купеческой мошной!.. Безъ этого въ моей жизни смыслу нѣтъ.

— Будто... вставилъ Пирожковъ.

— Что-же!.. Вамъ пріятнѣе было бы, чтобъ я пошелъ въ чинушки, губернатора добился черезъ десять лѣтъ? Тутъ я идею провожу... не улыбайтесь—идею... Все дѣло въ томъ: замараюсь или не замараюсь. Если не замараюсь—ладно!.. И заставлю купецкую утробу признать сметку, какая у меня здѣсь значится.

Онъ ударилъ себя по лбу, послѣ чего подошелъ къ Пирожкову и сѣлъ на кушетку.

— Какъ вамъ угодно, Иванъ Алексѣевичъ, такъ и принимайте то, чтó я вамъ сейчасъ сказалъ... Я васъ безпокоить не стану... Будетъ вашей милости угодно—онъ весело улыбнулся—зайдете иногда за справочкой... А этому квакеру—вотъ какіе нынче адвокаты завелись—я самъ напишу, что въ услугахъ его не нуждаюсь... Возьму какого-нибудь замухрышку... Вѣдь это я на первыхъ порахъ только поволновался... Въ законѣ не твердъ... А теперь мнѣ и не нужно уголовной защиты.

— Какъ же не нужно?—наивно воскликнулъ Пирожковъ.

— Меня незаконно арестовали. Поусердствовали слѣдователь и прокуроръ. Они меня подвели подъ статью тысячу семьсотъ одиннадцатую... А тутъ простой гражданскій искъ.

— Такъ вы надѣетесь... попасть на свободу?

— Положительно надѣюсь... Мнѣ хорошій цивилистъ нуженъ, кляузникъ... Пахомовъ плохъ... Все это я обработаю... Ну, подержатъ меня еще недѣльку, но не больше... Судебная палата не допуститъ... У меня уже былъ здѣсь одинъ баринъ... А разъ дѣло—на гражданской почвѣ, я выплылъ. Это несомнѣнно. Тогда я въ правѣ требовать времени для реализаціи того, чтó я пустилъ въ оборотъ, выгодный для моей покойной довѣрительницы...

По лицу Пирожкова видно было, что онъ плохо понимаетъ все это. Палтусовъ взялъ его за руку и потрясъ.

— Для васъ это тарабарская грамота!.. Видите—я трусу

не праздную... Не судите меня очень строго: я чадо своего вѣка. Каждому своя дорога, Иванъ Алексѣевичъ!..

Продолжать разговоръ Пирожкову сдѣлалось неловко. Палтусовъ и это понялъ и самъ выпроводилъ его черезъ нѣсколько минутъ. Арестанта жалѣть было нечего: онъ увѣренъ въ томъ, что его выпустятъ... Можетъ, и такъ! «Статья 1711» осталась въ памяти Ивана Алексѣевича. Онъ даже позавидовалъ пріятелю, видя въ немъ такую бойкость и увѣренность въ «идеѣ» своей житейской борьбы.

XXIII.

Въ два часа Пирожковъ долженъ былъ попасть въ университетъ, на диспутъ. Сколько времени не заглядывалъ онъ на университетскій дворъ... Своей жизнью онъ рѣшительно пересталъ жить... Зима прошла поразительно скоро... И въ результатѣ ничего!... Работалъ ли онъ въ кабинетѣ счетомъ десять разъ? Врядъ-ли... Даже чтеніе не шло по вечерамъ... Безпрестанныя помѣхи!..

Этотъ диспутъ служилъ ему горькимъ напоминаніемъ. Онъ встрѣчалъ магистранта въ одномъ студенческомъ кружкѣ... По крайней мѣрѣ лѣтъ на пять старше онъ его, по выпуску... И вотъ сегодня его магистерскій диспутъ... И книгу написалъ по политической наукѣ. А это беретъ больше времени, чѣмъ работа по точной наукѣ, гдѣ не такъ велика литература, не нужно столько корпѣть надъ матерьялами.

И магистрантъ—изъ купцовъ. Вотъ и подите! Дворяне, культурные люди, люди расы, съ другимъ содержаніемъ мозга, и не могутъ стряхнуть съ себя презрѣнной инертности... А тутъ—тятенька торговалъ рыбой или «пунцовымъ» товаромъ какимъ-нибудь, или пастилу мастерилъ, а сынокъ пишетъ монографіи о средневѣковыхъ цехахъ или объ ученіи Гуго Гроція.

Обидно!

На дворѣ новаго университета, съ боку, у подъѣзда стояло три кареты и штукъ десять господскихъ саней. Вся шинельная уже была переполнена, когда Пирожковъ вошелъ въ нее. Знакомый унтеръ снялъ съ него пальто и сказалъ ему:

— Не пущаютъ!.. Набито—страсть... Вотъ нешто кругомъ...

Онъ шепнулъ швейцару. Тотъ провелъ Пирожкова кругомъ, по боковой лѣстницѣ, черезъ корридоръ, ведущій въ физическую аудиторію и тихонько впустилъ въ дверь. За колоннами уже было все полно. На скамьяхъ стояли студенты и молодыя дѣ-

вушки. Весь помостъ, поднимающійся амфитеатромъ, усыпали головы. Ни публики передъ эстрадой, ни оппонентовъ не было видно. Позади эстрады—бѣлый большой подвижной щитъ для демонстрацій по физикѣ. На немъ выдѣлялась фигура магистранта—румянаго, коренастаго блондина, съ бородкой. Онъ уже говорилъ свою рѣчь, покачиваясь передъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. На столѣ—графинъ и стаканъ.

Пирожковъ оглянулся во всѣ стороны—мѣста нѣтъ. Съ трудомъ взобрался онъ на помостъ и сталъ тутъ, держась за уголъ «парты». Поглядѣлъ онъ на верхъ,—хоры тоже усѣяны головами. Сводчатый потолокъ, расписанный поблѣднѣвшими малярными фресками, полукруглое окно, впускавшее сѣроватый свѣтъ дня, позади помоста—рѣшетка, изъ-за которой видны шкафы и разные приводы. На рѣшетку взобралось нѣсколько человѣкъ. Аудиторія неспокойна. То сзади что-нибудь упадетъ и затрещитъ, то хлопаютъ дверью, то слышится щелкъ замка, то гулъ раздается съ большой площадки, гдѣ толпа требуетъ входа, а «субъ» съ сторожами не пускаютъ.

Женщинъ очень много. Пирожковъ узналъ нѣкоторыхъ въ лицо, хоть и не зналъ ихъ фамилій... На скамьяхъ помоста, между студентами, сидѣли больше «курсистки»—такъ казалось Ивану Алексѣевичу. Внизу на креслахъ—для гостей—около самыхъ профессорскихъ вицмундировъ—дамы въ туалетахъ. Пирожковъ узналъ разныхъ господъ, извѣстныхъ всей Москвѣ: двухъ славянофиловъ, одного бывшаго профессора, трехъ-четырехъ адвокатовъ, толстую даму-писательницу, другую—худую, въ короткихъ волосахъ, ученую дѣвицу съ докторскимъ дипломомъ. Заглядывая внизъ, онъ разглядѣлъ и двоихъ оппонентовъ и декана, сидѣвшаго лѣвѣе.

Рѣчь магистранта затянулась. Онъ видимо заучилъ ее наизусть и произносилъ тономъ проповѣдника, съ умышленными паузами и съ примѣсью какого-то акцента. Пирожковъ вспомнилъ, что этого купчика воспитывали по-нѣмецки.

Рѣчи похлопали, но не очень сильно. Первымъ оппонировалъ молодой толстый доцентъ, въ черномъ фракѣ. Онъ началъ мягко и держался постоянно джентльменски вѣжливыхъ выраженій; но насмѣшливая нота зазвучала, когда онъ сталъ доказывать магистранту, что тотъ пропустилъ самый важный источникъ, не зналъ, откуда писатель, изученный имъ для диссертаціи, взялъ половину своихъ принциповъ. Доказательства полились обильно, прерываемыя взрывами короткаго смѣха самого же оппонента. Все притихло. По аудиторіи разносился только его

жирный голосъ въ перемежку съ этимъ короткимъ смѣхомъ. Студенты переглядывались. Лица стали оживляться. Духота еще усилилась. Тихо спрашивали у сосѣдей тѣ, кто плохо разслышалъ, что сказалъ оппонентъ. Гулъ на площадкѣ смолкъ. Возбужденіе умственной игры засвѣтилось на молодыхъ лицахъ. Пирожковъ почувствовалъ, что и онъ молодѣетъ. Онъ обрадовался такому настроенію.

Магистрантъ не мѣнялъ выраженія лица, только краснѣлъ и часто мигалъ. Всѣ видѣли, что въ работѣ его большой промахъ. Но онъ началъ возражать увѣренно, доказывалъ, что настоящаго пропуска нѣтъ, что матерьялы, приводимые имъ, достаточно указываютъ на его начитанность. Оппонентъ опять началъ «донимать» его, какъ выразился одинъ студентъ около Пирожкова. Огрызаться магистрантъ не смѣлъ и сдѣлался тихенькимъ. Аудиторія поняла это. Оппонентъ кончилъ нѣсколькими любезными фразами, похвалилъ изложеніе и «способность къ синтезу». Ему сильно и долго хлопали. Второй оппонентъ ограничивался мелкими замѣтками и больше смѣшилъ слушателей. Но и онъ пощипалъ магистранта.

Диспутъ кончился въ половинѣ пятаго. Провозглашеніе степени подняло рукоплесканія. Захлопали гораздо сильнѣе, чѣмъ ожидалъ Пирожковъ. У него внутри закопошилось недоброе чувство къ этому «купчику», удостоенному степени магистра. Развѣ онъ, Пирожковъ, не развитѣе его? А вотъ стоитъ въ толпѣ, ничѣмъ себя не заявляетъ, слушаетъ апплодисменты такому купчику, посидѣвшему лишній годъ надъ иностранными книжками. Говоритъ этотъ купчикъ туго и напыщенно, діалектики нѣтъ, таланта нѣтъ, будетъ весь свой вѣкъ пережовывать факты, добытые другими. А поди, каѳедру дадутъ. Уже кругомъ говорили студенты, что онъ куда-то приглашенъ. Каѳедра давно стоитъ пустая, а никто видно не разчелъ... въ адвокаты всѣ идутъ.

Туго расходились. Разомъ прорвался гулъ разговоровъ, раздались оклики, молодой смѣхъ, захлопали дверьми, застучали большими сапогами по помосту, хоры очищались. Знакомыхъ студентовъ у Пирожкова не было. Да и отсталъ онъ отъ студентства. Ему кажется, что онъ другой совсѣмъ человѣкъ. Лица, длинные волосы, рубашки съ цвѣтными воротами, говоръ, балагурство: все это стѣсняло его. Онъ точно совѣстился обратиться къ кому-нибудь съ вопросомъ.

На площадкѣ, съ чугуннымъ поломъ, передъ спускомъ по лѣстницѣ, Пирожковъ, въ густой еще толпѣ, гдѣ скучились больше дамы, столкнулся съ рослымъ блондиномъ въ большой

окладистой бородѣ; тотъ велъ подъ руку плотную даму, лѣтъ подъ тридцать, въ черномъ, съ энергическимъ лицомъ.

Встрѣчѣ съ ними Пирожковъ обрадовался. Это были мужъ и жена, близко стоявшіе къ университету по своимъ связямъ.

— Гдѣ вы пропадали?—спросилъ его блондинъ.

Иванъ Алексѣевичъ кратко и безпристрастно изложилъ повѣсть своего хожденія по Москвѣ. Мужъ и жена посмѣялись и пригласили его въ этотъ же вечеръ посидѣть. Магистранта они оба пощипали. Пирожкову пріятно было слышать съ какой интонаціей жена выговорила:

— Купчикъ!

А мужъ сдѣлалъ презрительную мину и сказалъ:

— Не ахтительный!..

Они взяли съ него слово быть у нихъ вечеромъ и пошли подъ руку внизъ по двору, покрытому лужами и кучами еще не растаявшаго снѣга.

Съ годъ не бывалъ Пирожковъ въ этомъ семействѣ. Онъ зналъ, что у нихъ собирается хорошій кружокъ; кое съ кѣмъ изъ ихъ друзей онъ встрѣчался. Ему давно хотѣлось поближе къ нимъ присмотрѣться. Теперь случай выпалъ отличный.

Опять почувствовалъ себя Иванъ Алексѣевичъ университетскимъ. Съѣлъ онъ скромный рублевый обѣдъ въ Эрмитажѣ, вина не пилъ, удовольствовался пивомъ. Машина играла, а у него въ ушахъ все еще слышались пренія физической аудиторіи. Ничто не даетъ такого чувства, какъ диспутъ, и здѣсь, въ Москвѣ, особенно. Вотъ сегодня вечеромъ, онъ по крайней мѣрѣ очутится въ воздухѣ идей, расшевелитъ свой мозгъ, вспомнитъ, какъ слѣдуетъ, что и онъ вѣдь магистрантъ.

Но вечеръ скорѣе разстроилъ его, чѣмъ одушевилъ. Собралось человѣкъ шесть-семь, больше профессора изъ молодыхъ, одинъ учитель, два писателя. Были и дамы. Разговоръ шелъ о диспутѣ. Смѣялись надъ магистрантомъ, потомъ пошли пересуды и анекдоты. За ужиномъ было шумно, но главной нотой было все-таки сознаніе, что кружки развитыхъ людей—капля въ этомъ морѣ московской бытовой жизни... «Купецъ» раздражалъ всѣхъ. Иванъ Алексѣевичъ искренно излился и позабавилъ всѣхъ своими на видъ шутливыми, но внутренно горькими соображеніями.

«Магистрантъ» въ немъ не воспрянулъ и послѣ этой вечеринки. О работахъ никто не говорилъ. Совсѣмъ не о томъ мечталъ онъ. Поужиналъ онъ плотно и слишкомъ много пилъ пива.

XXIV.

Весь городъ ждетъ — остается десять минутъ до полночи. По площади Большого театра проѣхала карета въ шесть лошадей съ форейторомъ и кучеромъ въ треугольныхъ шляпахъ. Везли митрополита. Извощиковъ мало, прогудитъ барская или купеческая коляска, продребезжатъ дрожки и опять станетъ тихо. По троттуарамъ спѣшатъ пѣшеходы: чуйки, пальто мастеровыхъ и прикащиковъ, мелькаютъ подолы платьевъ и накрахмаленныхъ юбокъ мѣщанокъ и горничныхъ. Несутъ пасхи и куличи. Въ воздухѣ потянуло запахомъ плошекъ и шкаликовъ. Колокольни освѣщены. Ихъ арки выглядываютъ въ темнотѣ и трепещутъ веселымъ розовымъ свѣтомъ.

Ждутъ удара въ колоколъ на Иванѣ Великомъ. Но вотъ гдѣ-то въ Замоскворѣчьѣ ударили раньше минуты на три, еще гдѣ-то ближе къ Кремлю, за храмомъ Спаса, въ Яузской части, и пошелъ гулъ, еще мягкій и прерывающійся, а потомъ залилось и все Замоскворѣчье. Густая толпа ждала этой минуты у перилъ обрыва.

Иванъ Великій облитъ свѣтомъ плошекъ и шкаликовъ по всѣмъ своимъ выступамъ и пролетамъ. Головы усыпали и выемы большой колокольни, и парапетъ первой площадки, гдѣ церковь и арки бокового корпуса. Изъ-подъ средняго колокола выглядываютъ также лица. Они ярко освѣщены плошками. Легкій вѣтерокъ въ засвѣжѣвшемъ воздухѣ и паръ отъ дыханія относитъ къ низу и въ сторону чадъ горящаго сала. Стѣна Успенскаго собора, обращенная къ Ивану, вся бѣлѣетъ отъ свѣта иллюминаціи и свѣчей, мелькающихъ полосами и кучками въ темной толпѣ. Она дѣлается всего скученнѣе вокругъ Успенскаго Собора — ждетъ хода. Можно еще слышать негромкій, переливающійся шелестъ голосовъ. Сквозь большія стеклянныя двери собора, внутренность церкви—точно пылающій костеръ. Свѣтъ паникадилъ играетъ на золотѣ иконостаса: снопы огненныхъ лучей внизу, вверху, со всѣхъ сторонъ. Многоэтажный фасъ зданія Крестовой палаты также свѣтелъ. На него падаютъ разноцвѣтные огни чугунной рѣшетки. Въ полусвѣтѣ мощеной плитами площади выступаетъ менѣе массивный византійскій ящикъ Архангельскаго Собора.

На Благовѣщенскомъ, по ту сторону воротъ, позолота крыши, такая яркая днемъ, скрыта ея изгибами. На крыльцѣ сплошной

стѣной стоитъ народъ, но свѣчъ меньше, чѣмъ въ толпѣ, ожидающей хода вокругъ Успенскаго Собора.

Ровно двѣнадцать. Пронизываетъ воздухъ ударъ въ сигнальный «серебряный» колоколъ. И вотъ съ высоты Ивана поплылъ и точно густой волной сталъ опускаться низкій трепетный гулъ. Онъ покрылъ всѣ звуки тысячной толпы, трескъ подъѣзжающихъ экипажей, отдаленный звонъ Замоскворѣчья, ближайшій благовѣстъ другихъ кремлевскихъ церквей. На гауптвахтѣ заиграли горнисты. Красное крыльцо лѣвѣе стоитъ въ темнотѣ. Изъ-за толпы не видно солдатъ. Слышны только скачущіе рѣзкіе звуки рожковъ на фонѣ все той же спокойной, ласкающей ухо волны большого колокола. Поближе къ Ивану можно распознать, что колоколъ надтреснутъ. При каждомъ ударѣ языка слышно звяканье, оно сливается съ основной нотой могучаго гудѣнья и придаетъ музыкѣ колокола что-то болѣе живое.

Проходитъ еще минутъ десять. Первой вышла процессія изъ церкви Ивана Великаго, заиграло золото хоругвей и ризъ. Народъ поплылъ изъ церкви вслѣдъ за ними. Двинулись и изъ другихъ соборовъ, кромѣ Успенскаго. Опять сигнальный ударъ, и разомъ рванулись колокола. Словно водоворотъ ревущихъ и плачущихъ нотъ завертѣлся и сталъ все захватывать въ себя, расширять свои волны, потрясать слои воздуха. Жутко и весело дѣлалось отъ этой бури расходившагося металла. Показались хоругви изъ-за угла Успенскаго Собора.

Въ толпѣ, съузившей оставленную, аршина въ два, дорожку,— пробѣжала дрожь, всѣ подались впередъ. Два квартальныхъ прошли скорымъ шагомъ, приглашая податься. Головы обнажились.

Впереди два молодца, одинъ въ черной чуйкѣ, другой въ пальто, несли факелы. Хоругви держало каждую по нѣскольку человѣкъ за подвижныя, идущія въ разныя стороны, древки. Хоругвеносцы въ галунныхъ кафтанахъ, съ позументомъ на крестцахъ. Одинъ изъ нихъ, съ широчайшей спиной, на ходу какъ-то особенно изгибался подъ тяжестью кованной хоругви. Пѣвчіе не въ очень свѣжихъ кунтушахъ—красное съ синимъ—шли по-парно, со свѣчами. Въ колеблющемся яркомъ свѣтѣ мелькали стриженныя головы и худощавыя лица дискантовъ и альтовъ. Рукава кунтушей закинуты у нихъ вокругъ шеи. Псаломщики со свѣчами, діаконы, священники и архимандриты шагали попарно, потомъ группами. Заблестѣли дикиріи и трикиріи... Проплыла сѣдая борода «владыки», съ глубоко надѣтой митрой подъ возвышающимися надъ нею золотыми кованными кругами. Головой выше другихъ прошелъ молодой, еще не ожирѣлый,

протодіаконъ, переваливаясь слегка на правый бокъ. Шитые мундиры генераловъ искрились поверхъ красныхъ лентъ... А тамъ повалилъ, въ плотную, народъ, раздвинулъ дорожку и заставилъ стоявшихъ на пути податься назадъ.

Обошли кругомъ. Взвилась въ небо ракета... И съ кремлевской стѣны раздался грохотъ пушки. Нѣсколько минутъ не простылъ воздухъ отъ сотрясеній мѣди и пороха... Толпа забродила по площади, начала кочевать по церквамъ, спускаться и подниматься на Ивана Великаго, заслышался гулъ разговоровъ, какъ только смолкъ благовѣстъ.

У высокаго парапета площадки Ивана Великаго стояли Рубцовъ и Тася Долгушина. Они забирались и подъ колокола. Тасю сначала оглушило, но вскорѣ она почувствовала какое-то дикое удовольствіе. Глаза ея блестѣли. Съ Рубцовымъ у нихъ шло на ладъ. Они совсѣмъ ужъ спѣлись.

— Посмотрите, Семенъ Тимоѳеичъ,—напрягаясь говорила она ему:—какъ это красиво...—Вотъ свѣчи стали гасить, скоро и совсѣмъ погаснутъ

— А вы думаете, внизу-то тамъ, кто больше? Православный народъ?..

— Разумѣется!..

— Сойдемте, увидите, что больше нѣмчура. Контористы, ґезеля всякіе... Сойдемте—сами увидите.

Они начали спускаться. У Таси немного закружилась голова отъ крутой лѣстницы, чада плошекъ и снующаго вверхъ и внизъ народа. Рубцовъ взялъ ее подъ руку и сказалъ подъ шумокъ:

— Вотъ и видно, что дворянское дитя: нервы-то надо укрѣпить,—сбираетесь вѣдь ими дѣйствовать.

— Гдѣ?—наивно спросила Тася.

— Вотъ тебѣ разъ! А на сценѣ-то?

Такъ они и остались подъ ручку и внизу. Толпы расползлись уже по площади. Стало темнѣе. Кучки гуляющихъ, побольше и поменьше, останавливались, кочевали съ мѣста на мѣсто. Безпрестанно слышались возгласы: «Ахъ, здравствуйте! Христосъ воскресе!.. Вы давно?.. Куда теперь?..» Видно было, что сюда съѣзжаются, какъ на гулянье, ищутъ знакомыхъ, дѣлаютъ другъ другу визиты. Не мало пріѣзжихъ изъ Петербурга, изъ губернскихъ городовъ, явившихся утромъ по желѣзнымъ дорогамъ. Имъ много говорили про эту ночь въ Москвѣ. Они осматривались съ бо́льшимъ напряженіемъ, чѣмъ туземная масса.

Рубцовъ былъ правъ. Обиліе нѣмецкаго языка удивило Тасю.

Ее прежде никогда не возили въ Кремль, въ эту ночь. Нѣмцы и французы пришли какъ на зрѣлище. Многіе добросовѣстно запаслись восковыми свѣчами. То-и-дѣло слышались смѣхъ или энергическія восклицанія. Трещалъ и настоящій французскій языкъ толстыхъ модистокъ и перчаточницъ изъ Столешникова переулка и съ Рождественки.

Молоденькій комми и аптекарскіе ученики увивались за парами «нѣмокъ» съ Кузнецкаго.

— А гдѣ же наши?—спросила Тася Рубцова.

— Должно быть, на паперти Благовѣщенскаго. Хотите посмотрѣть на пасхи съ куличами, тамъ вонъ, гдѣ церковь-то Двѣнадцати Апостоловъ, на-верху?..

— Предложимте имъ...

Въ полусвѣтѣ паперти Тася узнала Анну Серафимовну и Любашу. Уже больше двухъ недѣль, какъ Любаша почти перестала кланяться съ «компаньонкой». Тасю это смѣшило. Она не сердилась на крутую купеческую дѣвицу, видѣла, что Рубцовъ на ея сторонѣ.

— Куда же это провалились?—встрѣтила ихъ Любаша и вся вспыхнула, увидавъ, что Рубцовъ подъ руку съ Тасей.

— Похристосуемся,—сказалъ Аннѣ Серафимовнѣ Рубцовъ.

— Дома,—проговорила она ласково и грустно, протягивая руку Тасѣ.—Вы ко мнѣ... Пора уже... Сыро дѣлается...

— А съ вами?—насмѣшливо спросилъ Рубцовъ Любашу.

— Не желаю...

— Какъ угодно...

— Вы ко мнѣ, Люба?—пригласила Анна Серафимовна.

— Нѣтъ, мать дожидается. Прощайте,—рѣзко обратилась ко всѣмъ Любаша и пошла.

Ее дожидалась своя коляска. На ночь свѣтлаго Воскресенья Любаша почему-то возлагала тайныя надежды. Но Рубцовъ даже не предложилъ ей подняться на Ивана Великаго. Да она бы и не поѣхала, если бы не надѣялась на какой-нибудь разговоръ.

Разговора не вышло. Она видѣла, что дворянка отбила у нея того, кого она прочила себѣ въ мужья.

«И наслаждайся!» выразилась она мысленно, садясь въ коляску.

Рубцовъ повелъ Станицыну и Тасю смотрѣть куличи и пасхи. Анна Серафимовна была особенно молчалива. Тася взяла ее за руку и прижалась къ ней.

— Тяжело вамъ, голубушка?—полушопотомъ спросила она на ходу.

Анна Серафимовна поцѣловала ее въ лобъ. Рубцовъ замѣтилъ это.

Когда они сходили съ лѣстницы, собираясь домой, Рубцовъ взялъ Станицыну за руку, повыше кисти, и сказалъ, заглядывая ей въ лицо:

— И на нашей, сестричка, улицѣ праздникъ будетъ!

— На твоей-то и скоро,—шепнула она, и пропустивъ впередъ Тасю, прибавила:—что плошаешь?.. вотъ тебѣ дѣвушка... На красную бы горку...

Онъ тихо разсмѣялся.

XXV.

На розговѣнье внезапно явился Викторъ Миронычъ. Станицына только-что сѣла за столъ съ Тасей и Рубцовымъ—больше никого не было,—какъ вошелъ ея мужъ, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, улыбающійся своей нахальной усмѣшкой,—поздоровался съ ней англійскимъ рукопожатіемъ, попросилъ познакомить его съ Тасей, съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на Рубцова, и когда Анна Серафимовна назвала его, протянулъ ему два пальца.

Появленіе мужа сначала разсердило Станицыну, но она тотчасъ же сообразила, что это не спроста и внутренно обрадовалась. Она даже не спросила его, гдѣ же онъ остановился, почему не въѣхалъ къ себѣ и не занялъ свою половину? Ему и прежде случалось жить въ гостинницѣ, а числиться въ Петербургѣ или Парижѣ.

— Были въ Кремлѣ?—спросилъ онъ, оглядывая ихъ всѣхъ. —Нанюхались шкаликовъ! . Все одно и тоже.

Онъ пополнѣлъ. Его шея не такъ вытягивалась. Манеры сдѣлались какъ бы попроще. Тася незамѣтно оглядывала его. Рубцовъ кусалъ губы и презрительно на него поглядывалъ, чего, впрочемъ, Викторъ Миронычъ не замѣчалъ. У всѣхъ точно отшибло аппетитъ. Пасхальная баба, въ видѣ толстаго ствола, вся въ цукатахъ и заливныхъ фигурахъ, стояла непочатой. До прихода Станицына поѣли немного пасхи и по одному яйцу. Ветчина и разные коместибли стояли также не тронутыми.

— Какая охота портить желудокъ! — замѣтилъ брезгливо Викторъ Миронычъ, ни къ чему не прикасаясь; но налилъ себѣ полстакана лафиту, выпилъ, поморщился и съѣлъ корочку хлѣба.

Рубцовъ и Тася скоро ушли. На лѣстницѣ они условились осматривать вмѣстѣ картинную галлерею Третьякова на третій день праздника.

— Что это значитъ?—шопотомъ спросила его Тася, надѣвая свое пальто.

— Скоро конецъ всему будетъ... я это чую.

Они пожали другъ другу руку и ласково переглянулись...

Въ столовой жена сидѣла на углу стола; мужъ прошелся раза два по комнатѣ, потомъ подошелъ къ ней и положилъ руку на столъ.

— Annette,—заговорилъ онъ, поглядывая на нее бокомъ:— вамъ мой пріѣздъ непріятенъ?

— Мнѣ все равно, вы знаете,—сухо и твердо произнесла Анна Серафимовна. Она замѣтно поблѣднѣла.

— Я пріѣхалъ вотъ зачѣмъ: хотите свободу?

— Какую?—точно машинально спросила она.

— Полную... Я предлагаю вамъ раздѣлъ имущества и разводъ. Вину я беру на себя.

— Вамъ это нужно?

— Конечно, иначе бы я не предлагалъ вамъ. А то, что̀ вы надумали—извините меня,—очень плохая сдѣлка. Вы, я думаю, и сами это видите?

Она только повела головой.

— Сколько же вы желаете?

— Какъ это вы спросили! Кажется, я съ вами джентльменомъ поступаю... Я беру свое состояніе, у васъ останется свое. Дѣтей я у васъ не отниму. Согласенъ давать на ихъ воспитаніе.

— Не надо!—вырвалось у нея.

Она помолчала.

— Вы женитесь?—спросила она и подняла голову.

— Зачѣмъ вамъ знать? Довольно того—я беру вину на себя. Если и обвѣнчаюсь, такъ не въ Россіи.

Она все поняла. Наскочилъ, значитъ, на какую-нибудь прелестницу... И нельзя иначе, какъ законнымъ бракомъ... А знаетъ, что жена вины на себя не приметъ. Ну и пускай его разоряется. Неужели же жалѣть его?

Дѣтей она не отдастъ, да и требовать онъ не посмѣетъ, коли беретъ на себя вину.

Вдругъ ей стало такъ весело, что даже духъ захватило. Свобода! Когда же она и была нужнѣе, какъ не теперь? И представилась ей комнатка въ части. Лежитъ теперь арестантъ на кушеткѣ одинъ, слышитъ звонъ колоколовъ, а разговѣться не съ кѣмъ, рядомъ храпитъ хожалый, крыса скребется. Захотѣлось ей полетѣть туда, освободить, оправить, сказать ему еще разъ, что она готова на все.

— Подумайте, — раздался въ просторѣ высокой комнаты женоподобный голосъ Виктора Мироныча.—Я остановился въ Славянскомъ Базарѣ. Теперь уже поздно. Буду ждать отвѣта. Если вамъ непріятно меня видѣть—пришлите адвоката.

Она отошла къ окну, постояла съ минуту, быстро обернулась и, сдерживая волненіе, сказала громко:

— Согласна.

Черезъ три минуты Станицынъ уѣхалъ. Въ бѣломъ пасхальномъ платьѣ сидѣла Анна Серафимовна въ опустѣлой столовой, одна, еще съ четверть часа. Свѣчи въ двухъ канделябрахъ ярко горѣли. Пасхальная ѣда переливала яркими красками. Тишина точно испугала ее. Она подперла рукой голову и взоръ ея еще долго уходилъ въ одинъ изъ угловъ комнаты. Рѣшеніе было принято безповоротно. Арестантъ выйдетъ изъ своего заключенія. Онъ не можетъ быть воромъ! Вотъ онъ на свободѣ. Дѣло рѣшится въ его пользу. Выпишетъ она ему адвокатовъ изъ Петербурга, если здѣшніе плохи. Не пройдетъ и полугода...

Румянецъ покрылъ ея щеки. Пора ей сбросить съ себя тяжесть постылой жизни: пришелъ и для нея свѣтлый праздникъ!..

XXVI.

О Третьяковской галлереѣ Тася часто слыхала, но никогда еще не попадала въ нее.

Она доѣхала одна. Ее везли по Замоскворѣчью, переѣхали два моста, повернули на-право, потомъ въ какой-то переулокъ. Извощикъ не сразу нашелъ домъ.

Тася прошла нижней залой съ нѣсколькими перегородками. У лѣстницы во второй этажъ ждалъ ея Рубцовъ.

Въ первый разъ она немного смутилась. Онъ жалъ ей руку и ласково оглядывалъ ее.

— Какъ много картинъ...—выговорила она тономъ дѣвочки.

— На верху еще больше. Тамъ новѣйшіе мастера. А тутъ старые. Все—русское искусство. Видѣли по дорогѣ, какая богатая коллекція ивановскихъ этюдовъ?..

Она должна была сознаться, что про Иванова слыхала что-то очень смутно, никогда даже не видала его большой картины.

— Вѣдь она здѣсь, въ Румянцовскомъ музеѣ виситъ,—сказалъ Рубцовъ:—какъ же вы?

— Да я, — чистосердечно призналась она:—ничего не знаю. Люблю красивыя картинки... а хорошенько ничего не видала.

Ей легче стало послѣ того, какъ она повинилась Рубцову въ своей неразвитости по этой части.

— Очень ужъ въ театръ ушли,—пріятельски замѣтилъ онъ и повелъ ее опять къ выходу.

Онъ все зналъ, началъ указывать ей на портреты, работы старыхъ русскихъ мастеровъ. И фамилій она такихъ никогда не слыхала. Постояли они потомъ передъ этюдами Иванова. Рубцовъ много ей разсказывалъ про этого художника, про его жизнь въ Италіи, спросилъ: помнитъ ли она воспоминанія о немъ Тургенева? Тася вспомнила и очень этому обрадовалась. Также и про Брюллова говорилъ онъ ей, когда они стояли передъ его вещами.

«Вотъ онъ все знаетъ», думала Тася, «даромъ, что купеческій сынъ; а я круглая невѣжда—генеральская дочь!»

Но это ее не раздражало. Она сказала ему почти то же вслухъ, когда они поднялись наверхъ. Рубцовъ разсмѣялся.

— Всякому свое,—замѣтилъ онъ:—большой премудрости тутъ нѣтъ... захаживалъ, почитывалъ кое-что...

Присѣли они на диванъ у перилъ лѣстницы. Справа, и слѣва, и противъ нихъ глядѣли изъ золотыхъ и черныхъ рамъ портреты, ландшафты, жанры съ русскими лицами, типами, видами, колоритомъ, освѣщеніемъ. Весь этотъ трудъ и талантъ говорили Тасѣ, чтó можно сдѣлать, если идти по своей настоящей дорогѣ. Рубцовъ точно угадалъ ея мысль.

— Таисія Валентиновна, — началъ онъ въ полголоса: — вы въ себѣ истинное призваніе чувствуете на счетъ сцены?

— О да! — вырвалось у нея.—А вы какъ на это смотрите, что я въ актерки идти хочу?

— Какъ слѣдуетъ смотрю. Еслибъ дѣвушка, какъ вы, была моей женой и захотѣла бы этому дѣлу себя посвятить—я бы всей душой поддержалъ ее.

Щеки Таси загорѣлись. Рубцовъ изъ подлобья поглядѣлъ на нее.

— Я не думала, что вы такъ широко смотрите на вещи,—выговорила она.

— Не обижайте. Ежовый у меня обликъ. Такимъ ужъ воспитался. А внутри у меня другое. Не все же господамъ понимать, чтó такое талантъ, любить художество. Вотъ смотрите, купеческая коллекція-то... А какъ составлена! Съ любовью-съ... И писатели русскіе всѣ собраны. Не одни тутъ деньги—и любви не мало. Такъ точно и на счетъ театральнаго искусства. Неужли хорошей дѣвушкѣ или женщинѣ не идти на сцену оттого, что

въ актерскомъ званіи много соблазну? Идите съ Богомъ! — онъ взялъ ее за руку.—Я васъ отговаривать не стану.

Они поглядѣли другъ на друга, Тася отняла свою руку и сидѣла молча.

— Таисія Валентиновна, — окликнулъ ее Рубцовъ:—можно ли намъ столковаться, а?

— Отчего же нельзя?—спросила она, отводя немного голову.

— Ой-ли?

Рубцовъ радостно вздохнулъ и всталъ.

Съ низу показались двѣ барыни съ дѣвочкой.

Еще съ полчаса оставалась молодая пара въ верхней залѣ. Рубцовъ продолжалъ все разсказывать Тасѣ. Многихъ писателей она не узнавала по портретамъ. Картины были для нея новизной. Ее никогда не возили на выставки. И эта галлерея стала ей мила. Здѣсь что-то началось новое. Она нашла прочнаго человѣка, способнаго поддержать ее. Онъ ее любитъ просить ея руки, соглашается сразу на то, чтобы она была актрисой. Офицеръ или камеръ-юнкеръ заставилъ бы сойти со сцены, еслибъ и влюбился да и родня каждаго жениха «хорошей фамиліи». А это люди новые, ни отъ кого не зависятъ, кромѣ самихъ себя.

Вотъ и она купчихой будетъ. И славно!.. Они сходили по лѣстницѣ подъ руку. Еще разъ постояли они внизу, передъ эскизами Иванова и передъ портретами Брюллова и Тропинина.

— Мы побываемъ здѣсь еще разъ,—сказала Тася на крыльцѣ.

— Хоть каждое воскресенье. Я вѣдь теперь на фабрикѣ.

У ней было такое чувство, точно онъ ея давнишній другъ, назначенный ей въ мужья и покровители.

«Купчиха и артистка. Славно», рѣшила про себя Тася.

XXVII.

— Васъ господинъ Нѣтовъ желаетъ видѣть,—доложилъ Палтусову солдатикъ.

Евлампій Григорьевичъ вошелъ скорыми шагами, во фракѣ, съ портфелемъ подъ мышкой и съ крестомъ на груди. На лицѣ его игралъ румянецъ; волосы онъ отпустилъ.

Палтусовъ принялъ его точно у себя дома, въ кабинетѣ, безъ всякой неловкости.

— Милости прошу,—указалъ онъ ему на кушетку.

Нѣтовъ сѣлъ и положилъ портфель рядомъ съ собой.

— Я къ вамъ-съ,—торопливо заговорилъ онъ и тотчасъ же оглянулся.—Мы одни?

— Какъ видите,—отвѣтилъ Палтусовъ и сразу рѣшилъ, что мужъ его довѣрительницы въ разстройствѣ.

— Узналъ я, что братъ моей жены... вы знаете, она скончалась... Да... такъ братъ... Николай Орестовичъ началъ противъ васъ дѣло... И вотъ вы находитесь теперь... я къ этому всему не прикосновененъ. Это, съ позволенія сказать, — гадость... Вы человѣкъ, въ полной мѣрѣ достойный. Я васъ давно понялъ, Андрей Дмитріевичъ, и если бы я раньше узналъ, то, конечно, ничего бы этого не было.

— Благодарю васъ,—сказалъ Палтусовъ, ожидая, что́ дальше будетъ.

— Вы одни во всей Москвѣ-съ... человѣкъ съ понятіемъ. Помню я превосходно одинъ нашъ разговоръ... у меня въ кабинетѣ. Съ той самой поры, можно сказать, я и всталъ на собственныя ноги... три мѣсяца трудился я... да-съ... три мѣсяца, а вы какъ бы изволили думать... вотъ сейчасъ...

Онъ взялъ портфель, отперъ его и досталъ оттуда брошюрку въ свѣтленькой обертвѣ, въ восьмую долю.

— Ваше произведеніе?.. — совершенно серьёзно спросилъ Палтусовъ.

— Брошура-съ... мое жизнеописаніе: пускай видятъ, какъ человѣкъ дошелъ до полнаго понятія... Я съ самаго своего малолѣтства беру-съ... когда мнѣ отецъ по гривеннику на пряники давалъ. Но я не то, что для восхваленія себя, а открыть глаза всему нашему гражданству... народу-то православному... куда идутъ, кому довѣряютъ! Жалости подобно!.. Тутъ у нихъ подъ бокомъ люди ничего не желающіе, окромя общаго благоденствія... Да вотъ вы извольте соблаговолить просмотрѣть...

Нѣтовъ совалъ въ руки Палтусова свою брошюру.

Съ первой же страницы Палтусовъ увидалъ, что писано это человѣкомъ не въ своемъ умѣ. Онъ не подалъ никакого вида и съ серьёзной миной перелистовалъ всѣ шестьдесятъ страницъ.

— Вы мнѣ позволите,—сказалъ онъ,—на досугѣ просмотрѣть?

— Сдѣлайте ваше одолженіе... И позвольте явиться къ вамъ... Мнѣ ваше сужденіе будетъ дорого... А то, что вы здѣсь находитесь, это ни съ чѣмъ не сообразно и, можно сказать, очень для меня прискорбно... И я сейчасъ же къ господину прокурору...

— Нѣтъ, ужъ вы этого не дѣлайте, Евлампій Григорьевичъ,— остановилъ его Палтусовъ.—Я буду оправданъ... все равно...

И въ то же время онъ думалъ:

«Ловко бы можно было воспользоваться душевнымъ состояніемъ этого коммерсанта. Онъ еще на волѣ гуляетъ».

Но онъ на это неспособенъ. Это хуже чѣмъ выѣзжать на увлеченіи женщинъ.

Долго сидѣлъ у него Нѣтовъ, самъ принимался читать отрывки изъ своей брошюры, но какъ-то сердито, ядовито поминалъ про покойную жену, называлъ себя «подвижникомъ» и еще чѣмъ-то... Потомъ сталъ торопливо прощаться, разсмѣялся и ухорски крикнулъ на порогѣ:

— Не намъ, не намъ, а имени твоему!

Палтусову стало еще легче отъ сознанія, что деньги Марьи Орестовны, и какъ разъ четвертая часть—наслѣдство человѣка, повихнувшагося умомъ. Его не нынче, завтра запрутъ, а состояніе отдадутъ въ опеку.

Это такъ и вышло. Нѣтовъ поѣхалъ къ своему дядѣ. Тотъ догадался, задержалъ его у себя и послалъ за другимъ родственникомъ, Красноперымъ. Они отобрали у него брошюру, отправили домой съ двумя артельщиками и отдали приказъ прислугѣ не выпускать его никуда. Евлампій Григорьевичъ сначала бушевалъ, но скоро стихъ и опять сѣлъ что-то писать и считать на счетахъ.

Красноперый привезъ того доктора, съ которымъ Палтусовъ говорилъ на балѣ, у Рогожиныхъ.

Психіатръ объявилъ, что «прогрессивный параличъ» имъ давно замѣченъ у Нѣтова, что болѣзнь будетъ идти все въ гору, но медленно.

— Куда же его?—спросилъ Красноперый,—въ преображенскую или къ вамъ въ заведеніе?

— Можно и въ домѣ держать.

— Да вѣдь онъ одинъ, урвется, будетъ по городу чертить... срамъ!..

— Тогда помѣщайте у меня.

Черезъ недѣлю опустѣлъ совсѣмъ домъ Нѣтовыхъ. Братецъ Марьи Орестовны уѣхалъ на службу, оставивъ дѣло о наслѣдствѣ въ рукахъ самаго дорогого адвоката. Въ заведеніи молодого психіатра въ веселенькой комнатѣ сидѣлъ Евлампій Григорьевичъ и все писалъ.

XXVIII.

По одной изъ полукруглыхъ лѣстницъ окружного суда спускался Пирожковъ. Онъ приходилъ справляться—по дѣлу Палтусова.

Иванъ Алексѣевичъ замѣтно похудѣлъ. Дѣло его «пріятеля» выбило его окончательно изъ колеи. И безъ того, онъ не мастеръ скоро работать; а тутъ ужъ и совсѣмъ потерялъ всякую систему... И дома у него скверно. Пансіонъ мадамъ Гужо́ рухнулъ. Купецъ-каменьщикъ, котораго просилъ Палтусовъ, далъ отсрочку всего на два мѣсяца; мадамъ Гужо́ не свела концовъ съ концами и очутилась «sur la paille». Комнаты сняла какая-то нѣмка, табльдотомъ овладѣли глупые и грубоватые комми́ и пріѣзжіе коммисіонеры. Онъ съѣхалъ, помѣстился въ нумерахъ, гдѣ ему было еще хуже.

Дѣло пріятеля измучило Ивана Алексѣевича. Бросить Палтусова мерзко!.. Кто-жъ его знаетъ?.. Можетъ быть, онъ по своему и правъ?.. Чувствуетъ свое превосходство надъ «обывательскимъ міромъ» и хочетъ, во что бы то ни стало, утереть носъ всѣмъ этимъ коммерсантамъ. Что-жъ!.. Это законное чувство!.. Иванъ Алексѣичъ, въ послѣдніе два мѣсяца, набилъ себѣ душевную оскомину отъ купца... Вездѣ купецъ и во всемъ купецъ! Днями его тошнитъ въ этой Москвѣ... И хорошо, въ сущности, сдѣлалъ Палтусовъ, что прикарманилъ себѣ сто тысячъ. Онъ ихъ возвратитъ—если его оправдаютъ и удастся ему составить состояніе—навѣрное возвратитъ. Самъ онъ вполнѣ увѣренъ, что его оправдаютъ...

«Купецъ» (Пирожковъ такъ и выражался про себя — собирательно) какъ-то заволокъ собою все, что́ было для Ивана Алексѣича милаго въ томъ городѣ, гдѣ прошли его молодые годы. Вотъ уже три дня, какъ въ немъ сидитъ гадливое ощущеніе послѣ одного обѣда.

Встрѣтился онъ съ однимъ знакомымъ студентомъ изъ очень богатыхъ купчиковъ. — Тотъ зазвалъ его къ себѣ обѣдать. Женатъ, живетъ бариномъ, держитъ при себѣ товарища по факультету, кандидата правъ, и потѣшается надъ нимъ при гостяхъ, называетъ его «ярославскимъ дворяниномъ». Позволяетъ лакею обносить его зеленымъ горошкомъ; а кандидатъ ему вдалбливаетъ въ голову тетрадки римскаго права... Постоянная мечта — быть черезъ десять лѣтъ вице-губернаторомъ, и пускай всѣ знаютъ, что онъ изъ купеческихъ дѣтей!

Такъ стало скверно Ивану Алексѣичу на этомъ обѣдѣ, что онъ не выдержалъ, при всемъ своемъ благодушіи, отвелъ «ярославскаго дворянина» въ уголъ и сказалъ ему:

— Какъ вамъ не стыдно унижаться передъ этакой дрянью?

Цѣлыя сутки послѣ того и во рту было скверно... отъ зеленаго горошка, которымъ обнесли кандидата.

Теплый, яркій день игралъ на золотыхъ главахъ соборовъ. Пирожковъ прошелъ къ набережной, поглядѣлъ на Замоскворѣчье, вспомнилъ, что онъ больше трехъ разъ стоялъ тутъ со святой... По бульварамъ гулять ему было скучно; нѣтъ еще зелени на деревьяхъ; пыль, вонь отъ домовъ... Куда ни пойдешь, все очутишься въ Кремлѣ.

Возвращался онъ мимо Ивана Великаго, поглядѣлъ на царь-пушку, поискалъ глазами царь-колоколъ и остановился.

Нестерпимую тоску почувствовалъ онъ въ эту минуту.

— Ба! кого я зрю?... Царь-пушку созерцаете?... Ха, ха, ха!.. раздалось позади Пирожкова.

Онъ почти съ испугомъ обернулся. Какой-то брюнетъ съ просѣдью, въ очкахъ, съ бородкой, въ пестромъ лѣтнемъ костюмѣ помахиваетъ тростью и ухмыляется.

— Не узнали?.. А?..

Пирожковъ не сразу, но узналъ его. Ни фамиліи, ни имени не могъ припомнить, да врядъ ли и зналъ хорошенько. Онъ хаживалъ въ нумера на Срѣтенку, въ «Ѳиваиду», пописывалъ что-то и зашибался хмѣльнымъ.

— Ха, ха!.. Дошли видно до того въ матушкѣ бѣлокаменной, что основы московскаго величія созерцаете? Дойдешь! Это точно!.. Я, милый человѣкъ, не до этого доходилъ.

Въ другой разъ Ивану Алексѣевичу такая фамильярность очень бы не понравилась; но онъ радъ былъ встрѣчѣ со всякимъ—только не съ купцомъ.

— Да,—искренно откликнулся онъ,—вонъ надо! Засасываетъ!

— А подъ ложечкой у васъ какъ?... Закусить бы!.. Хотите въ Саратовъ?

— Въ Саратовъ?—переспросилъ Пирожковъ.

— Да, тамъ меня компанія дожидается... Журнальчикъ, батенька, сооружаемъ... сатирическое изданіе. На общинномъ началѣ... Довольно намъ батраками-то быть... Вотъ я тутъ былъ у купчины... На крупчаткѣ набилъ милліончикъ... Такъ мы у него заимообразно... Только кряжистъ, животное!.. Ѣдемте?

Куда угодно поѣхалъ бы Иванъ Алексѣичъ. Царь-пушка испугала его. Послѣ того одинъ шагъ—и до загула.

Литераторъ съ комическимъ жестомъ подалъ ему руку и довелъ до извощика.

XXIX.

На перекресткѣ, у Срѣтенскихъ воротъ, низменный, двухъэтажный домъ загнулся на бульваръ. Вдоль бокового фасада, наискось отъ тротуара, выстроился рядъ лихачей. Къ боковому подъѣзду и подвезъ ихъ извощикъ.

— У насъ тутъ—кабинè-партикюльè,—пригласилъ Пирожкова его спутникъ.

Иванъ Алексѣевичъ помнилъ, что когда-то кутилы изъ его пріятелей отправлялись въ Саратовъ съ женскимъ поломъ. Традиція эта сохранялась. И лихачи стоятъ тутъ до глубокой ночи по той же причинѣ.

Литераторъ ввелъ его въ особую комнату изъ коррядора. Пирожковъ замѣтилъ, что Саратовъ обновился. Главной залы въ прежнемъ видѣ уже не было. И машина стояла въ другой комнатѣ. Все смотрѣло почище.

Въ «кабинè-партикюльè» уже засѣдало человѣка четыре. Пирожковъ оглядѣлъ ихъ быстро. Фамиліи были ему неизвѣстны. Одинъ бѣлокурый, лохматый, въ красномъ галстухѣ, говорилъ сипло и поводилъ воспаленными глазами. Двое другихъ смотрѣли выгнанными со службы мелкими чиновниками. Четвертый, толстенькій и красный, коротко стриженый господинъ, подбадривалъ половыхъ, составлялъ душу этого кружка.

Когда литераторъ усадилъ Пирожкова, онъ обратился къ остальной компаніи.

— Братцы,—сказалъ онъ,—нашъ гость—ученый мужъ. Но мы и его привлечемъ... А теперь Шурочка—какъ закусочка?

Шурочкой звали краснаго человѣчка.

— А вотъ вашей милости дожидались. Ерундопель соорудить надо.

— Ерундопель?—спросилъ удивленно Пирожковъ.

— Не разумѣете?—спросилъ Шурочка.—Это драгоцѣнное снадобье... Вотъ извольте прислушать, какъ я буду заказывать.

Онъ обратился къ половому, уперъ одну руку въ бокъ, а другой началъ выразительно поводить.

— Икры салфеточной четверть фунта, масла прованскаго, уксусу, горчицы, лучку накрошить, сардинки четыре очистить, свѣжій огурецъ и пять вареныхъ картофелинъ—счетомъ. Живо!..

Половой удалился.

— Ерундопель,—продолжалъ распорядитель,—выдумка привозная, кажется, изъ Питера, и какой-то литературный гене-

ралъ его выдумалъ. Послѣ ерундопеля—соорудимъ лампопб—моего изобрѣтенія.

Про «лампопо» Пирожковъ слыхалъ.

Начали пить водку. Всѣ выпили рюмокъ по пяти, кромѣ Пирожкова... Его сталъ уже пробирать страхъ отъ такихъ «сочинителей». Они дѣйствительно затѣвали сатирическій журналъ.

— Савва Евсеичъ долженъ быть,—повторялъ все толстенькій, размѣшивая въ глубокой тарелкѣ свой «ерундопель».

Пріѣхалъ и Савва Евсеичъ, молодой купчикъ, совсѣмъ крупичатый, съ кроткимъ пухлымъ лицомъ и масляными глазами.

Всѣ вскочили, стали жать ему руку, посадили на диванъ. Пирожкова представили ему уже какъ «сотрудника». Онъ ужаснулся, хотѣлъ браться за шляпу, но сообразилъ, что голоденъ, и остался.

Черезъ десять минутъ ѣли ботвинью съ бѣлорыбицей. Купчикъ вступилъ въ бесѣду съ двумя другими «сочинителями» о голубиной охотѣ. До слуха Пирожкова долетали все неслыханныя имъ слова: «турманà, гонные, дутыши, трубастые, водные, козырные», какіе-то «грачи-простячки». Это его даже заинтересовало немного; но компанія сильно выпила... Кто-то ползетъ съ нимъ цѣловаться...

Купчикъ уже перемѣнилъ бесѣду. Пошли любительскіе толки о протодьяконахъ, о регентахъ, разсказывалось, какъ такой-то церковный староста тягался съ регентомъ басами, заспорили о томъ, чтó такое «подголосокъ».

Ужасъ овладѣлъ Иваномъ Алексѣевичемъ. Вѣдь и онъ, если поживетъ еще въ этой Москвѣ, очутится на иждивеніи вотъ у такого любителя гонныхъ турмановъ и партеснаго пѣнія.

Онъ собрался уходить. Литераторъ (Пирожковъ такъ и не вспомнилъ его фамиліи) удерживалъ его, обнималъ, потомъ началъ ругать его «дрянью, ученой важнюшкой, аристократишкой». Компанія гоготала; купчикъ пустилъ ему въ догонку;

— Прощайте-съ, безъ васъ веселѣй!

Иванъ Алексѣичъ на улицѣ выбранилъ себя энергически. И по дѣломъ ему! Зачѣмъ идетъ въ трактиръ съ первымъ попавшимся проходимцемъ? Но «купецъ» дѣлался просто какимъ-то кошмаромъ. Никуда не уйдешь отъ него... И на сатирическій журналъ даетъ онъ деньги; не будетъ самъ бояться попасть въ каррикатуру; у него въ услуженіи—голодные мелкіе литераторы. Они ему и пасквиль напишутъ, и каррикатуру нарисуютъ на своего брата, или изъ думскихъ на кого нужно, и до «господъ» доберется.

«Вонъ! вонъ!» повторилъ Пирожковъ спускаясь по Рождественскому бульвару. День разгулялся на славу. Всю линію бульваровъ продѣлалъ Иванъ Алексѣевичъ и только на Никитскомъ бульварѣ немного отдохнулъ. Но пошелъ и дальше.

XXX.

Пречистенскій бульваръ пестрѣлъ гуляющими.

Говорили про дѣло Палтусова, про сумасшествіе Нѣтова, про разводъ Станицыной. Толки эти шли больше между коммерсантами. Дворянскія семьи держались особо. Бульваръ уже нѣсколько лѣтъ какъ сдѣлался моднымъ. — Высыпала публика симфоническихъ концертовъ.

Пирожковъ столкнулся съ парой: маленькая фигурка въ черномъ и блондинъ съ курчавой головой въ длинномъ темносѣромъ «дипломатѣ».

— Иванъ Алексѣичъ!—окликнули его.

Ему улыбалась Тася. Ее велъ подъ руку Рубцовъ.

— Вотъ мой женихъ,—представила она его.

Рубцовъ молча протянулъ ему руку. Его лицо понравилось Ивану Алексѣичу.

Онъ повеселѣлъ.

— Вотъ какъ!—вскричалъ онъ.—А сцена?

— Сцена впереди,—выговорила съ увѣренностью Тася.—Я съ этимъ условіемъ и шла...

Рубцовъ тихо улыбнулся.

— Васъ это не пугаетъ?—спросилъ его Пирожковъ.

— Авось пройдетъ, — сказалъ съ усмѣшкой Рубцовъ:—а не пройдетъ, такъ и слава Богу!

«Купецъ», подумалъ Пирожковъ, «такъ и есть... И тутъ безъ него не обошлось».

Тася немного потупилась.

— Андрея Дмитрича давно не видали?.. Я хотѣла къ нему поѣхать, но онъ передавалъ... (она промолчала, черезъ кого), что не надо...

Ей было совѣстно. Пирожковъ продолжалъ глядѣть на нее добродушно.

— Онъ надѣется...

— Выгоритъ его дѣло? — купеческомъ тономъ спросилъ Рубцовъ.

Звукъ этого вопроса покоробилъ Пирожкова.

— Онъ говоритъ, — продолжалъ уже барскими нотами Пирожковъ,—что его незаконно арестовали.

— Будто-съ?—переспросилъ съ усмѣшкой Рубцовъ.

— Хорошо, кабы!.. — вырвалось у Таси... — А вы знаете... бабушка здѣсь... вонъ тамъ черезъ три скамейки направо.

— Пойду раскланяться... очень радъ повидать Катерину Петровну... А вы еще погуляете?

— Да, еще немножко,—отвѣтила Тася и поглядѣла на Пирожкова.

Въ ея взглядѣ было: «вы не думайте, что я стыжусь своего жениха, я очень счастлива».

«И слава Богу», подумалъ Иванъ Алексѣичъ, приподнимая шляпу. Онъ чувствовалъ все приливающее раздраженіе.

Старушки сидѣли однѣ на скамейкѣ.

Катерина Петровна держалась еще прямо, въ старушечьей кацавейкѣ и въ шляпѣ съ длиннымъ вуалемъ. На Фифинѣ было свѣтлое пальто, служившее ей уже больше пяти лѣтъ.

Иванъ Алексѣичъ подошелъ къ рукѣ Катерины Петровны. Она усадила его рядомъ.

— Видѣлъ сейчасъ вашу внучку, — заговорилъ онъ, — и поздравилъ ее...

— Ахъ, вы знаете, милый мой!.. И слава Богу!

Катерина Петровна оглянулась на обѣ стороны и продолжала:

— Такое время, mon cher monsieur, такое время. La noblesse s'en va... Посмотрите вотъ, какіе туалеты... все вѣдь это купчихи... Куда бы она дѣлась?.. А онъ—директоръ фабрики. Немного мужиковатъ, но умный... Въ Америкѣ былъ... Что дѣлать!.. Намъ надо потише...

Она понизила голосъ. Фифина приниженно улыбалась.

— Съ нами почтителенъ,—добавила Катерина Петровна.

«И кормитъ васъ будетъ», подумалъ Пирожковъ.

Онъ бы съ охотой посидѣлъ еще. Старушка всегда ему нравилась. Но Ивана Алексѣича защемило дворянское чувство. Онъ долженъ былъ сознаться въ этомъ. Ему стало тяжело за Катерину Петровну: Засѣкина и на хлѣбахъ у купчика, жениха ея внучки!..

Посмотрѣлъ онъ черезъ бульваръ и взглядъ его уперся въ богатыя хоромы съ башней, съ галлереей, настоящій замокъ. И это — купеческій домъ! А дальше и еще, и еще... Началъ онъ стыдить себя: — изъ-за чего же ему-то убиваться, что его

сословіе бѣднѣетъ и глохнетъ? Онъ—любитель наукъ, мыслящій человѣкъ, свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ, демократъ...

А на сердцѣ все щемило, да щемило.

— У насъ не побываете?—спросила его глупенькая Фифина.

— Гдѣ же, mon ange... онѣ заняты, — сказала Катерина Петровна.

«Онѣ»! чуть не съ ужасомъ повторилъ про себя Пирожковъ. «Точно мѣщанка или купчиха... Бѣдность-то что значитъ».

Ему положительно не сидѣлось. Онъ простился съ старушками и скорыми шажками пошелъ къ выходу въ сторону храма Спасителя. По обѣимъ сторонамъ бульвара проносились коляски. Одна коляска заставила его поглядѣть вслѣдъ... Показалась ему знакомой фигура мужчины. Цвѣтное перо на шляпѣ дамы мелькнуло красной полосой.

«Точно Палтусовъ»,—подумалъ онъ и пересталъ глядѣть по сторонамъ.

— Вотъ и опять встрѣтились,—остановилъ его голосъ Таси.

Пришлось еще разъ остановиться.

— Какъ нашли бабушку?..—спросила Тася.

— Бодра!

— Старушки у насъ будутъ жить, — сказала съ удареніемъ Тася и поглядѣла на Пирожкова.

Этотъ взглядъ значилъ: «ты не думай, мой будущій мужъ все сдѣлаетъ, что я желаю».

— А генералъ какъ поживаетъ?—спросилъ Пирожковъ.

— Онъ—при мѣстѣ... Жалуется... Можно будетъ его иначе пристроить.

«На купеческіе хлѣба»,—прибавилъ мысленно Пирожковъ.

Въ эту минуту прогремѣла коляска. Они стояли почти у перилъ бульвара и разомъ обернулись.

— Анна Серафимовна! —вскрикнула Тася...—Съ кѣмъ это?

— Да это Палтусовъ!—вскрикнулъ и Пирожковъ.

— Вашъ пріятель-съ?—спросилъ его съ улыбкой Рубцовъ.

— Да-съ,—отвѣтилъ ему въ тонъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Стало, его выпустили!—искренно воскликнула Тася.—Ну вотъ видите,—обратилась она къ Рубцову.—Разумѣется, онъ не виновенъ!

Тотъ только выпустилъ воздухъ подъ носъ, скосивъ губу.

— Третьяго дня онъ еще сидѣлъ,—сказалъ Пирожковъ,—но для него это не сюрпризъ... Все доказывалъ, что статья 1711-я къ нему не примѣнима.

— Какая-съ?—полюбопытствовалъ Рубцовъ.

— Тысяча-семьсотъ-одиннадцатая,—повторилъ Пирожковъ и раскланялся.

— Все устроится!..—крикнула ему вслѣдъ Тася.

«Все устроится», думалъ Иванъ Алексѣевичъ. «И Палтусовъ на свободѣ, катается съ купчихой: она его и спасетъ, и женитъ на себѣ... Теперь онъ—Пирожковъ—никому не нуженъ... Пора въ деревню—скопить деньжонокъ—и на долго, на долго за-границу... работать».

Вдругъ у него заныло подъ ложечкой. Онъ опять голоденъ... И вспомнилъ онъ сейчасъ же, что сегодня надо ѣхать въ «Московскій».

XXXI.

Противъ Воскресенскихъ воротъ справлялось торжество — Московскій трактиръ праздновалъ открытіе своей новой залы. На томъ мѣстѣ, гдѣ еще три года назадъ доживало свой вѣкъ «заведеніе Гурина»—длинное, замшаренное, двухъ-этажное зданіе —гдѣ неподалеку процвѣтала «Печкинская кофейная», повитая воспоминаніями о Мочаловѣ и Щепкинѣ — половые-общники, составивши компанію, заняли четырехъ-этажную громадину.

Эта глыба кирпича, еще не получившая штукатурки, высилась пестрой стѣной, тяжелая, лишенная стиля, построенная для ѣды и попоекъ, безконечнаго питья чаю, трескотни органа и для «нумерныхъ» помѣщеній съ кроватями, занимающихъ верхній этажъ. Надъ третьимъ этажемъ лѣвой половины дома блестѣла синяя вывѣска съ аршинными буквами: «ресторанъ».

Вотъ его-то и открывали. Зала—въ два свѣта, подъ бѣлый мраморъ, съ темнокрасными диванами. Уже отслужили молебенъ. Половые и мальчики, въ туго выглаженныхъ рубашкахъ съ малиновыми кушаками, празднично суетились и справляли торжество открытія. На столахъ лежали только-что отпечатанныя карточки «горячихъ» и разныхъ «новостей» — съ огромными цѣнами. Изъ залы рядъ комнатъ ведетъ отъ большой машины къ другой — поменьше. Длинный корридоръ съ кабинетами заканчивался отдѣленіемъ подъ свадьбы и вечеринки, съ нишей для музыкантовъ. Чугунная лѣстница, устланная коврами, поднимается наверхъ въ «нумера», ожидавшіе уже своей особой публики. Вѣшалки обширной швейцарской — съ служителями въ сибир-

кахъ и высокихъ сапогахъ — покрывались верхнимъ платьемъ. Стоящій при входѣ малый то-и-дѣло дергалъ за ручки. Шелъ все больше купецъ. А потомъ стали подъѣзжать и господа... У всѣхъ лица сіяли... Справлялось чисто-московское торжество.

Площадь передъ Воскресенскими воротами полна была дребезжанія дрожекъ. Извощики-лихачи выстроились въ рядъ, поближе къ рельсамъ желѣзноконной дороги. Вагоны ползли вверхъ и внизъ, грузно останавливаясь передъ станціей, издали похожей на большой птичникъ. Изъ-за нея выставляется желтое зданіе старыхъ присутственныхъ мѣстъ, скучное и плотно-сколоченное, навѣвающее память о «ямѣ» и первобытныхъ приказныхъ. Лавченки около Иверской идутъ въ гору. Снопъ зажженныхъ свѣчей выдѣляется на солнечномъ свѣтѣ въ глубинѣ часовни. На паперти въ два ряда выстроились монахини съ книжками. Поднимаются и опускаются головы отвѣшивающихъ земные поклоны. Томительно тащатся пролетки вверхъ подъ ворота. Двѣ остроконечныя башни съ гербами пускаютъ яркую ноту въ этотъ хоръ впечатлѣній глаза, уха и обонянія. Минареты и крыши историческаго музея даютъ ощущеніе настоящаго востока. Справа рѣшетка Александровскаго сада и стѣна Кремля съ цѣлой вереницей желтыхъ, свѣтло бирюзовыхъ, персиковыхъ, желтыхъ стѣнъ. А тамъ, правѣе, огромный золотой шишакъ Храма Спасителя. И пыль, пыль гуляетъ во всѣхъ направленіяхъ, играя въ солнечныхъ лучахъ.

Куда ни взглянешь, вездѣ воздвигнуты хоромины для необъятнаго чрева всѣхъ «хозяевъ», прикащиковъ, артельщиковъ, молодцовъ. Сплошная стѣна, идущая до угла Театральной площади —вся въ трактирахъ... Рядомъ съ громадиной «Московскаго»— «Большой Патрикѣевскій». А подальше, на перекресткѣ Тверской и Охотнаго ряда — опять каменная многоэтажная глыба, недавно отстроенная: «Большой Новомосковскій трактиръ». А въ Охотномъ свой, благочестивый трактиръ, гдѣ въ общей залѣ не курятъ. И тутъ же внизу Охотный рядъ развернулъ линію своихъ вонючихъ лавокъ и погребовъ. Мясники и рыбники въ запачканныхъ фартукахъ молятся на свою заступницу «Прасковею-Пятницу»:—красное пятно церкви мечется издали въ глаза, съ свѣтло-синими пятью главами.

Гости все прибываютъ въ новооткрытую залу. Селянки, растегаи, ботвиньи чередуются на столахъ. Все блеститъ и ликуетъ. Желудокъ растягивается... Все вмѣститъ въ себя этотъ

луженый котелъ: и русскую, и французскую ѣду, и ерофеичъ и шато-икемъ.

Машина загрохотала съ какимъ-то остервенѣніемъ.—Захлебывается трактирный людъ. Колокола зазвенѣли поверхъ разговоровъ, ходьбы, смѣха, возгласовъ, сквернословія, поверхъ дыма папиросъ и чада котлетъ съ горошкомъ. Оглушительно трещитъ машина побѣдный хоръ:

«Славься, славься, святая Русь»!

П. Боборыкинъ.

8/20 мая, 81. Москва.

ЦЕНЗУРНАЯ РЕФОРМА

ВЪ 1862 ГОДУ.

Историческій очеркъ.

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, управленіе дѣлами печати перешло у насъ въ первый разъ изъ рукъ министерства народнаго просвѣщенія въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ. Чтобы понять значеніе этой важной перемѣны, долженствовавшей повліять на все будущее нашей печати, и тѣ причины, которыя побудили произвести такой переворотъ, — необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на предшествовавшій тому періодъ. Для болѣе отдаленнаго времени намъ будутъ служить матеріаломъ документы, отчасти уже изданные, оффиціально или неоффиціально; а для эпохи, близкой къ намъ, мы воспользуемся также и личными воспоминаніями изъ нашей собственной журнальной дѣятельности, приводившей насъ въ частое соприкосновеніе съ цензурой того времени.

I.

Еще въ 1811 году былъ изданъ весьма характерный наказъ министру полиціи, а съ уничтоженіемъ министерства полиціи перешедшій на министра внутреннихъ дѣлъ [1]), гдѣ было сказано, что цензура всѣхъ издаваемыхъ книгъ и періодическихъ изданій въ

---

[1]) Законъ 23-го іюня 1811 г. (№ 24.687 по Полн. Собр. Зак.).

имперіи, хотя и принадлежитъ министерству народнаго просвѣщенія, но «если министръ внутреннихъ дѣлъ усмотритъ, что въ книгахъ и сочиненіяхъ, даже и съ одобреніемъ цензуры изданныхъ, допущены мѣста и выраженія, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ, таковыя министръ внутреннихъ дѣлъ обязанъ немедленно, съ замѣчаніями своими, вносить на высочайшее усмотрѣніе и ожидать повелѣнія». Получивъ такимъ образомъ по закону, съ закрытіемъ министерства полиціи, наблюдательную и преслѣдовательную власть надъ произведеніями печати, министры внутреннихъ дѣлъ фактически, однако, ею не пользовались, а съ образованіемъ бывшаго третьяго отдѣленія собственной Е. В. канцеляріи, это наблюденіе на дѣлѣ перешло отъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ послѣднему учрежденію, хотя упомянутый законъ 1811 г. (ст. 1,366) и не былъ отмѣненъ. Наблюдательная власть третьяго отдѣленія усилилась послѣ 1831 года, когда, вслѣдствіе возникшихъ «нѣкоторыхъ недоразумѣній» при примѣненіи цензурнаго устава 1828 года, разсмотрѣніе этихъ недоразумѣній поручено было императоромъ Николаемъ Павловичемъ князю Васильчикову, графу Нессельроду, тайному совѣтнику Дашкову и генералъ-адъютанту Бенкендорфу. Въ поданной ими запискѣ они изъяснили, что «вникая въ причины нѣкоторыхъ недоразумѣній и противорѣчій въ исполненіи устава, они не могутъ не отнести ихъ отчасти къ недостатку, въ главномъ управленіи цензуры, свѣдѣній о настоящемъ расположеніи умовъ и о соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ». Поэтому тогда же, для предупрежденія подобнаго неудобства, въ главное управленіе цензуры, сверхъ членовъ отъ министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, опредѣленъ былъ еще членъ со стороны шефа жандармовъ [1]).

Февральскія событія 1848 года породили мысль о необходимости новаго усиленія надзора за печатью. Подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова былъ учрежденъ особый комитетъ для того,—какъ собственноручно положилъ резолюцію императоръ,—«чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура, и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы. Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, то-есть министерства народнаго просвѣщенія». Вслѣдствіе доклада

1) Съ этою цѣлью членомъ главнаго управленія цензуры былъ назначенъ управлявшій тогда III отдѣленіемъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мордвиновъ.

князя Меншикова по исполненію имъ возложеннаго на него порученія, учрежденъ былъ, 2-го апрѣля 1848 года, постоянный «негласный комитетъ», подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, для высшаго надзора, въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, за духомъ и направленіемъ книгопечатанія. Комитетъ, не касаясь предварительной цензуры, долженъ былъ разсматривать только то, что уже появилось въ печати, и о всѣхъ наблюденіяхъ и замѣчаніяхъ своихъ долженъ былъ доводить до высочайшаго свѣдѣнія. Всѣ его заключенія, какъ установленія неоффиціальнаго, вступали въ силу лишь по высочайшемъ утвержденіи ихъ. Когда императоръ Николай лично передалъ членамъ комитета свою волю, то онъ, между прочимъ, объяснилъ, что «какъ его величеству нельзя самому читать всего выходящаго у насъ въ печати, то они, члены, будутъ его глазами, пока это дѣло иначе устроится».

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ негласнаго комитета 2-го апрѣля, установилась новая наблюдательная власть надъ печатью, вмѣстѣ съ такою же третьяго отдѣленія, гдѣ существовала отдѣльная экспедиція изъ чиновниковъ, обязанность которой была пересматривать всѣ выходящія произведенія печати и представлять свои замѣчанія о нихъ подлежащему начальству. Надзоръ же министра внутреннихъ дѣлъ былъ по прежнему фактически устраненъ.

Комитетъ 2-го апрѣля былъ упраздненъ 6-го декабря 1855 г. вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада тогдашняго предсѣдателя его, статсъ-секретаря барона Корфа, который доказывалъ, что этотъ «комитетъ, существовавшій всегда лишь въ видѣ изъятія изъ общаго порядка, окончательно совершилъ свое назначеніе и съ минованіемъ вызвавшихъ оный чрезвычайныхъ обстоятельствъ становится отнынѣ совершенно излишнимъ въ цензурной администраціи звеномъ».

Съ конца 1856 года и особенно съ начала 1857 года печать, и при существованіи цензуры, стала выработывать новыя воззрѣнія и мнѣнія; осилить ихъ, или остановить, цензура не была въ состояніи, да и не могла, отчасти потому, что сами цензоры принадлежали къ тому же образованному обществу, которое своимъ вниманіемъ поддерживало журналистику и литературу. Число читателей стало увеличиваться во всѣхъ классахъ населенія государства, не ограничиваясь, какъ то было до крымской войны, извѣстными сословіями. Искусственныя преграды не въ силахъ были остановить такого быстраго развитія. Въ печати стали

появляться журнальныя и газетныя статьи и отдѣльныя сочиненія, которыя до того времени были у насъ не мыслимы. Но не послабленіе цензуры, или снисходительныя мѣры взысканія дали возможность къ тому. То былъ ростъ государственнаго организма, почувствовавшаго новыя потребности, при ожидавшихся и наступавшихъ для него «освободительныхъ» реформахъ. И общество, и печать, и даже сама цензура—были одновременно увлечены начинавшимся своимъ обновленіемъ.

Высшая администрація не могла также оставаться безучастною къ такому движенію въ обществѣ. Если бы она ему не сочувствовала, то, вѣроятно, была бы принята та или другая стѣснительная мѣра. Напротивъ того, изъ распоряженія по цензурному вѣдомству, отъ 3-го апрѣля 1859 года, видно, напримѣръ, что вопросъ о гласности въ печати былъ уже тогда предметомъ обсужденія въ высшемъ правительственномъ учрежденіи. Въ томъ распоряженіи было сказано: «Нынѣ, при сужденіи въ совѣтѣ министровъ [1]) о гласности въ печатныхъ сочиненіяхъ и журналахъ вообще и о статьяхъ, касающихся гласности судопроизводства, въ особенности, найдено, что оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о существующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезно въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ предоставляется правительству возможность получать свѣдѣнія независимо отъ оффиціальныхъ источниковъ и нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній могутъ служить поводомъ къ повѣркѣ свѣдѣній оффиціальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ. Но гласность можетъ быть и вредною, когда она касается важныхъ предметовъ управленія, правительствомъ окончательно необсужденныхъ или непризнанныхъ имъ заслуживающими вниманія, и когда напечатанныя сужденія о такихъ предметахъ, не вполнѣ доступныя, по неполнотѣ свѣдѣній, читающей публикѣ, могутъ быть принимаемы въ видѣ истинъ, не подлежащихъ сомнѣнію, а не въ видѣ вопросовъ, подлежащихъ еще обсужденію и допускающихъ возможность опроверженія. Когда предметомъ подобныхъ сужденій дѣлаются вопросы, касающіеся основныхъ государственныхъ постановленій, тогда гласность становится опасною и въ такомъ случаѣ необходимо предупредить послѣдствія вредныхъ заблужденій». Въ этомъ убѣжденіи, полагалось возможнымъ допускать оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о предметахъ правительственныхъ въ такомъ случаѣ, когда изложеніе подобныхъ статей будетъ заклю-

[1]) Совѣтъ министровъ собственно учрежденъ въ ноябрѣ 1861 года.

чаться въ предѣлахъ, согласныхъ съ постановленіями, охраняющими неприкосновенность самодержавнаго правленія и государственныхъ учрежденій. «Такимъ образомъ, все, не противное основнымъ началамъ нашихъ государственныхъ учрежденій, представляемое въ видѣ разсужденій или предположеній, допускающихъ разсмотрѣніе и, слѣдовательно, опроверженіе, можетъ быть допущено къ обнародованію, тогда какъ, напротивъ того, безусловное утвержденіе порядка государственнаго устройства, несогласнаго въ основаніяхъ съ существующимъ въ нашемъ отечествѣ, или изложеніе рѣшительныхъ заключеній о вопросахъ государственнаго устройства, не признанныхъ еще правительствомъ подлежащими его обсужденію, или по коимъ не послѣдовало распоряженій, обнаруживающихъ намѣреніе верховной власти подвергнуть пересмотру какую-либо часть нашего законодательства, къ печатанію допускаемо быть не можетъ. Руководствуясь сими указаніями, благонамѣренные писатели будутъ имѣть возможность обнаруживать всякаго рода злоупотребленія, не допуская личностей, какъ это предписано высочайшими повелѣніями, и содѣйствовать правительству развитіемъ мыслей, полезныхъ относительно предположеній, коими достигнуты могутъ быть улучшенія въ ходѣ управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнята будетъ возможность увлекать общественное мнѣніе въ заблужденія, относительно истинной цѣли и видовъ правительства. Государь императоръ соображенія сіи, въ 26-й день минувшаго марта, высочайше утвердить соизволилъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ прочія правила о цензурѣ оставались въ своей силѣ».

Вслѣдствіе возбужденія правительствомъ важныхъ принципіальныхъ государственныхъ вопросовъ, печать и стала высказывать независимыя мнѣнія по всѣмъ вопросамъ, которые начали возникать въ то время, иногда и помимо почина административной власти, и притомъ, преодолѣвать препятствія со стороны цензуры. Такъ какъ вопросъ объ отмѣнѣ предупредительной цензуры не былъ еще довольно усвоенъ, то родилась мысль, чтобы правительство само давало направленіе общественному мнѣнію при посредствѣ особаго учрежденія. Тогда же явилось и предположеніе о необходимости изданія правительственнаго органа въ видѣ газеты. Въ такихъ же видахъ, 24-го января 1859 года, состоялось, по высочайшему повелѣнію, учрежденіе «негласнаго комитета по дѣламъ книгопечатанія». Комитетъ обязанъ былъ имѣть неоффиціальный надзоръ за направленіемъ нашей литературы соотвѣтственно видамъ правительства. Комитету предоставлено было, въ случаѣ надобности, для необходимыхъ объясненій и совѣщаній,

требовать личной явки въ комитетъ цензоровъ, журналистовъ и литераторовъ, и печатать въ журналахъ статьи, подъ рубрикою «сообщено», которыя, какъ исходящія отъ правительства, должны были служить цензорамъ указаніемъ и руководствомъ для ихъ дѣйствій.

Негласный комитетъ 24-го января былъ составленъ изъ гр. А. В. Адлерберга, генералъ-маіора А. Е. Тимашева и профессора и академика А. В. Никитенко. Комитетъ существовалъ не долго; по тогдашнимъ слухамъ, графъ Адлербергъ не сочувствовалъ этому дѣлу и отказывался принять въ немъ дѣятельное участіе. Въ октябрѣ 1859 года, члены комитета во всеподданнѣйшей запискѣ представили свое мнѣніе о необходимости измѣненія въ его устройствѣ. Они предложили соединить комитетъ съ главнымъ управленіемъ цензуры, усиливъ послѣднее нѣсколькими новыми членами. По словамъ записки, комитетъ въ самомъ началѣ сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, въ которой ему надлежало дѣйствовать. Онъ получилъ видъ какого-то чрезвычайнаго, контролирующаго, и, по его уединенности, видъ устрашающаго постановленія. Призванный дѣйствовать на ходъ и направленіе печати, на подобіе французскаго bureau de la presse (бюро печати), комитетъ оказался несовмѣстнымъ съ порядкомъ вещей, гдѣ существуетъ предупредительная цензура.

Почти одновременно съ этимъ докладомъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій, представилъ по поводу цензуры всеподданнѣйшую записку, въ которой, между прочимъ, выразился такъ: «По организаціи нынѣшняго цензурнаго управленія, единственными дѣятелями и отвѣтчиками являются цензоры, а за ними непосредственно слѣдуетъ, какъ лицо отвѣтственное de facto, министръ народнаго просвѣщенія. Правда, между ними находятся еще мѣстные цензурные комитеты и главное управленіе цензуры; но первые состоятъ изъ тѣхъ же цензоровъ подъ предсѣдательствомъ попечителей учебныхъ округовъ, не имѣющихъ ни времени, ни возможности слѣдить за ихъ дѣйствіями. Еще менѣе можетъ исполнить это — главное управленіе цензуры, состоящее, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, изъ лицъ, обремененныхъ другими государственными занятіями, для которыхъ цензура есть обязанность почти посторонняя. Дѣла въ этомъ управленіи производятся съ соблюденіемъ установленныхъ формъ. Между тѣмъ литература идетъ быстрыми шагами; безпрерывно возникаютъ по цензурѣ вопросы, сомнѣнія, уклоненія. Надобно кому-либо дѣйствовать, и также быстро, а для собранія присутствія, для разсмотрѣнія дѣла, по-

становленія заключенія и приведенія его въ исполненіе—потребно много времени. Это положеніе обратило, по необходимости, министра народнаго просвѣщенія въ личнаго исполнителя по цензурѣ. А какъ, при существенныхъ его занятіяхъ по министерству, ему невозможно со всею точностью лично исполнять безпрерывно умножающуюся обязанность по цензурѣ, то за нимъ остается—одна только отвѣтственность. Между тѣмъ, распоряженія, исходящія не отъ присутственнаго мѣста, а отъ лица, какъ бы они добросовѣстны ни были, всегда сопровождаются недовѣріемъ. Можетъ быть, отъ этого и происходитъ, что тогда какъ нѣкоторые въ обществѣ обвиняютъ министра народнаго просвѣщенія въ послабленіи цензурѣ, журналисты вопіютъ противъ стѣсненій. По моему крайнему убѣжденію, одно только средство къ выходу изъ этого ненормальнаго положенія: подчинить цензуру такимъ образомъ организованному правленію, чтобы президентъ и члены его, не отвлекаясь многими посторонними занятіями, имѣли всю возможность слѣдить систематически за ходомъ литературы, направлять ее, сколько возможно, къ истинной цѣли просвѣщенія и государственной пользы, наблюдать постоянно за дѣйствіями цензоровъ, руководить ихъ, взыскивать съ нихъ по мѣрѣ вины и награждать по заслугамъ».

Эта записка Е. П. Ковалевскаго была вызвана поколебленнымъ его положеніемъ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе того, что цензура не удовлетворяла ни ожиданіямъ высшаго правительства, ни надеждамъ печати. Е. П. Ковалевскій желалъ избавиться окончательно отъ цензуры, но не успѣлъ въ томъ и долженъ былъ уступить свое мѣсто адмиралу графу Путятину.

Обѣ записки—негласнаго комитета и министра народнаго просвѣщенія, были разсмотрѣны въ совѣтѣ министровъ, и 12-го ноября 1859 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отдѣленіи главнаго управленія цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія и объ образованіи изъ него особаго оффиціальнаго государственнаго учрежденія для исключительнаго и непосредственнаго завѣдыванія цензурою въ имперіи и царствѣ польскомъ. Статсъ-секретарю барону Корфу было поручено составить соображенія о такомъ новомъ государственномъ учрежденіи. Онъ представилъ предположеніе о «Главномъ управленіи книгопечатанія», въ видѣ отдѣльнаго и самостоятельнаго государственнаго учрежденія, причемъ его предсѣдателю принадлежали бы тѣ же права и обязанности, какія присвоены были министру народнаго просвѣщенія. Только цензоры духовнаго вѣдомства не подчинялись

этому главному управленію. Предположенія барона Корфа были одобрены, и были бы, вѣроятно, осуществлены, если бы, какъ то извѣстно, онъ не находилъ притомъ безусловно необходимымъ покупкою пріобрѣсти для «Главнаго управленія книгопечатанія» особый домъ (Шишмарева, на Фонтанкѣ, гдѣ теперь помѣщается мировой съѣздъ) и притомъ съ уплатою за него стоимости «золотомъ, но не кредитными билетами». Послѣднее условіе дало такую окраску всему предположенію, что оно было оставлено.

Реформа цензуры ограничилась въ 1860 году назначеніемъ въ главное управленіе цензуры трехъ членовъ, которые, не отвлекаясь посторонними занятіями, имѣли бы возможность слѣдить за ходомъ и направленіемъ литературы, и съ тѣмъ вмѣстѣ въ петербургскій и московскій цензурные комитеты опредѣлены были особые предсѣдатели, вмѣсто предсѣдательствовавшихъ въ нихъ до того времени попечителей учебныхъ округовъ. Комитетъ же по дѣламъ книгопечатанія,—24-го января 1859 года,—былъ упраздненъ.

Между тѣмъ, положеніе третьяго отдѣленія и отношенія его къ печати измѣнились. Шефъ-жандармовъ и главный начальникъ третьяго отдѣленія, князь В. А. Долгоруковъ, назначенный на этотъ постъ, въ апрѣлѣ 1856 года, на мѣсто князя Орлова, устраняя произволъ въ своихъ дѣйствіяхъ и стараясь оставаться на почвѣ закона, ослабилъ значеніе этого всемогущаго, при его предшественникѣ, учрежденія. Князь Долгоруковъ два раза входилъ съ всеподданнѣйшими докладами о необходимости упраздненія III отдѣленія, но каждый разъ получалъ въ отвѣтъ, что такая мѣра еще преждевременна. Онъ не вмѣшивался въ дѣла печати, предоставивъ эту обязанность начальнику штаба корпуса жандармовъ, А. Е. Тимашеву, который былъ съ тѣмъ вмѣстѣ членомъ главнаго управленія цензуры. А. Е. Тимашевъ, съ своей стороны, понимая, что наблюденіе за произведеніями печати установилось за третьимъ отдѣленіемъ только фактически, ходомъ дѣлъ въ предшествовавшемъ царствованіи, но что по закону (ст. 1366) эта обязанность принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ, желалъ выйти изъ такого ненормальнаго положенія, и съ этою цѣлью, по его почину и по его настояніямъ, былъ учрежденъ вышеупомянутый неудавшійся комитетъ по дѣламъ книгопечатанія 24-го января 1859 года.

Вслѣдъ за реформою 19-го февраля 1861 года, послѣдовали значительныя перемѣны въ составѣ высшей администраціи. Въ апрѣлѣ 1861 года, министромъ внутреннихъ дѣлъ на мѣсто графа Ланского былъ назначенъ статсъ-секретарь П. А. Валуевъ.

Одновременно съ тѣмъ, А. Е. Тимашевъ оставилъ свой постъ, и на его мѣсто управляющимъ третьимъ отдѣленіемъ и начальникомъ штаба корпуса жандармовъ былъ опредѣленъ графъ П. А. Шуваловъ. Назначенъ былъ новый военный министръ, Д. А. Милютинъ, а 25-го декабря 1861 года, управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ, на мѣсто адмирала графа Путятина, статсъ-секретарь А. В. Головнинъ.

Графъ П. А. Шуваловъ, по вступленіи въ новую должность, сопряженную съ званіемъ члена главнаго управленія цензуры, менѣе всего сталъ заниматься вопросами или дѣлами, возбуждавшимися тѣмъ или другимъ произведеніемъ печати. Онъ, какъ въ то время говорили,ересталъ даже ѣздить въ засѣданія главнаго управленія цензуры и тѣмъ фактически устранился отъ наблюденія за ходомъ литературы. Съ другой стороны, новый министръ внутреннихъ дѣлъ, съ перваго же времени вступленія своего въ эти обязанности, обратилъ вниманіе на важное значеніе печати въ государствѣ и въ обществѣ и на ту силу, какую она въ состояніи дать тому государственному человѣку, который приметъ на себя быть ея руководителемъ и законодателемъ, при помощи цензуры, или при посредствѣ высшаго за нею наблюденія. Добровольное устраненіе себя третьимъ отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи отъ наблюденія за произведеніями печати, въ видѣ невмѣшательства въ это дѣло графа Шувалова, могло способствовать П. А. Валуеву возвратить министру внутреннихъ дѣлъ права, предоставленныя ему закономъ 23 іюня 1811 года, и которыми это лицо высшаго управленія не пользовалось въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ. За нимъ сверхъ того было обезпечено согласіе и содѣйствіе князя В. А. Долгорукова, когда былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи цензуры, въ смыслѣ передачи наблюдательной и преслѣдовательной власти министерству внутреннихъ дѣлъ, а цензурно-предупредительной обязанности—министерству народнаго просвѣщенія.

Еще до вступленія А. В. Головнина въ министры народнаго просвѣщенія, въ высшихъ сферахъ уже рѣшался вопросъ о пользѣ сосредоточенія всего наблюденія за печатью въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Предшественникъ его, адмиралъ графъ Путятинъ, во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ, ходатайствуя въ 1861 году объ установленіи залоговъ для повременныхъ изданій, какъ средствѣ «для предупрежденія злоупотребленій печати», доказывалъ притомъ необходимость передачи въ министерство внутреннихъ дѣлъ изъ своего министерства цензуры, какъ получающей значеніе карательной полицейской власти. Вслѣдствіе того и по докладу обоихъ

министровъ, графа Путятина и статсъ-секретаря Валуева, была учреждена, въ ноябрѣ 1861 года, особая коммиссія изъ чиновъ обоихъ министерствъ, для пересмотра цензурныхъ постановленій. Въ этой коммиссіи члены отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ истолкователи мысли своего министра, заявили о необходимости сосредоточенія въ ихъ вѣдомствѣ исключительнаго наблюденія за печатью, съ упраздненіемъ главнаго управленія цензуры при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Главнымъ мотивомъ такой передачи наблюденія за печатью выставлено было «распространеніе произведеній тайной печати, русской и заграничной», прекращеніе которой полагалось возможнымъ только при передачѣ всего дѣла въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Цѣль, очевидно, была исключительно полицейская.

Самая передача министерству внутреннихъ дѣлъ одной наблюдательной обязанности состоялась чрезъ два съ половиною мѣсяца по назначеніи А. В. Головнина министромъ народнаго просвѣщенія. По его предположенію слѣдовало — отмѣнить предварительную цензуру, и затѣмъ, составивъ уставъ о книгопечатаніи, передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ обязанность преслѣдовать нарушеніе закона, но не право цензуры рукописей, съ своей точки зрѣнія, помимо закона. Вышло иначе, а потому согласившись на раздвоеніе цензуры въ началѣ 1862 года, А. В. Головнинъ менѣе чѣмъ черезъ годъ долженъ былъ и совсѣмъ отказаться отъ участія въ ней, такъ какъ наблюдательная власть въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ успѣла убѣдить высшее правительство, что только въ сосредоточеніи въ однихъ рукахъ цензура можетъ достигнуть цѣлей, къ которымъ тщетно до тѣхъ поръ стремилась высшая администрація.

Раздвоеніе цензуры между двумя министерствами образовало между ними немедленно обширную переписку, которая между прочимъ характеризуетъ господствовавшіе двадцать лѣтъ тому назадъ взгляды на упущенія цензуры и на редакторовъ повременныхъ изданій.

II.

Раздвоеніе цензуры между министерствами народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ совершилось 8-го марта 1862 г. Какъ выражено было въ циркулярномъ предложеніи по цензурному вѣдомству, отъ 12-го марта, «государь императоръ призналъ необходимымъ, для болѣе успѣшнаго исполненія цензурнаго устава, преобразовать цензурное управленіе». Въ этихъ видахъ, повелѣно

было упразднить главное управленіе цензуры, причемъ возложить на министерство внутреннихъ дѣлъ наблюденіе, чтобы въ произведеніяхъ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, а прочія затѣмъ обязанности главнаго управленія цензуры оставить за министромъ народнаго просвѣщенія, съ предоставленіемъ ему правъ этого учрежденія, съ подчиненіемъ ему цензурныхъ комитетовъ и съ отмѣною всѣхъ спеціальныхъ цензуръ отдѣльныхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ духовной цензуры и цензуры министра императорскаго двора по статьямъ, касающимся государя императора и особъ царской фамиліи. Только въ сомнительныхъ случаяхъ министерству народнаго просвѣщенія предоставлено было право обращаться къ другимъ вѣдомствамъ по всѣмъ прочимъ предметамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, съ отмѣною существовавшихъ пятнадцати (если не двадцати-двухъ) отдѣльныхъ спеціальныхъ цензуръ, разсмотрѣніе и пропускъ къ печати статей и извѣстій политическаго содержанія оставлено было на обязанности общей цензуры, безъ всякаго участія и отвѣтственности за нихъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Министръ народнаго просвѣщенія, сообщая циркулярно цензурнымъ комитетамъ новое высочайшее повелѣніе, просилъ, чтобы каждый «комитетъ, имѣя въ виду новую обязанность, возложенную на министерство внутреннихъ дѣлъ о наблюденіи за произведеніями книгопечатанія, усугубилъ свою бдительность, исполняя строго правила цензурнаго устава». Въ этомъ отношеніи, новый министръ народнаго просвѣщенія рѣшился держаться неуклонно почвы закона. Еще за два мѣсяца передъ тѣмъ, 12-го января, онъ сообщалъ цензурнымъ комитетамъ Петербурга и Москвы: «Замѣчая въ послѣднее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ явныя упущенія со стороны гг. цензоровъ, которые весьма слабо исполняютъ обязанности, возложенныя на нихъ цензурнымъ уставомъ, и приписывая это обстоятельство ожиданію скорой перемѣны дѣйствующихъ въ отношеніи къ цензурѣ правилъ, я прошу немедленно объявить гг. цензорамъ, что предполагаемыя измѣненія въ цензурномъ уставѣ, какъ и всякая ожидаемая перемѣна закона, не слагаетъ обязанности исполнять законъ существующій. Посему предлагаю строжайше предписать гг. цензорамъ исполнять нынѣшнія цензурныя правила безъ малѣйшаго послабленія, подъ личною ихъ отвѣтственностью».

Но не прошло и трехъ дней какъ отпечатанъ былъ высочайшій указъ правительствующему сенату, 10-го марта, объ уничтоженіи главнаго управленія цензуры и о предоставленіи наблюденія за произведеніями печати министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ это вѣдомство, въ отношеніи своемъ, отъ 13-го марта, потребовало не-

допущенія на будущее время къ печати статей, подобной появившейся въ № 51 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», мирового посредника одесскаго уѣзда Албранда, подъ заглавіемъ: «Образчикъ рѣшенія одного изъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу». Въ статьѣ содержалось порицаніе постановленій губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія касательно требованія повинностей въ пользу помѣщиковъ съ временно-обязанныхъ крестьянъ, надѣленныхъ одною усадебною землею. Министерство внутреннихъ дѣлъ находило неудобнымъ печатать въ газетахъ такого рода протесты со стороны мировыхъ посредниковъ.

Вслѣдъ затѣмъ, 15-го марта, министерство внутреннихъ дѣлъ, обративъ вниманіе на появленіе въ періодическихъ изданіяхъ статей, гдѣ, на основаніи будто бы историческихъ разслѣдованій, высказывалась мысль, что помѣщичьи земли нѣкогда принадлежали и должны бы принадлежать крестьянамъ, усмотрѣло въ нихъ выводы и заключенія, несогласныя съ сущностью высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 г. Положеній и истекающихъ изъ нихъ правительственныхъ распоряженій. Поэтому оно просило министерство народнаго просвѣщенія возбудить вопросъ: не слѣдуетъ ли дать соотвѣтственныя указанія цензурному вѣдомству? Министерство народнаго просвѣщенія вошло по этому вопросу съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ государю императору въ совѣтѣ министровъ и, по волѣ его императорскаго величества, предложило цензурнымъ комитетамъ сдѣлать распоряженіе: «1) чтобы въ газетахъ и литературныхъ журналахъ не допускалось вовсе статей о правѣ будто бы собственности крестьянъ на землю, состоящую только въ ихъ пользованіи, и 2) чтобы въ книгахъ и чисто ученыхъ періодическихъ изданіяхъ подобныя статьи дозволялись не иначе, какъ ученыя разсужденія». Это распоряженіе было прочитано всѣмъ тогдашнимъ редакторамъ и цензурнымъ комитетамъ, между тѣмъ какъ замѣчаніе о статьѣ Албранда было сообщено только къ свѣдѣнію цензуры. Послѣдней участи подверглось первоначально и новое замѣчаніе министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 7 апрѣля, на статью въ № 88 «Сѣверной Пчелы», подъ заглавіемъ «Уѣздныя сберегательныя кассы», въ которой было найдено «безразличное обвиненіе цѣлаго сословія» (чиновничества), по поводу фразъ, что въ уѣздныхъ сберегательныхъ кассахъ деньги и билеты выдаются скоро «безъ чиновничьихъ прижимокъ и проволочекъ, нынѣ встрѣчаемыхъ въ казначействахъ», или что «мужикъ принужденъ отъ придирокъ чиновничьихъ откупаться» и т. под. Но впослѣдствіи, и эти оставленныя въ началѣ безъ особеннаго

вниманія замѣчанія министерства внутреннихъ дѣлъ были сообщены для прочтенія редакторамъ, какъ вообще дѣлалось въ последствіи со всѣми указаніями по «наблюденію» за статьями, появлявшимися въ произведеніяхъ печати.

Еще въ январѣ 1862 года, въ чрезвычайномъ губернскомъ собраніи петербургскаго дворянства прочитана была записка М. Павловича «о выкупномъ учрежденіи». Появившись первоначально въ газетѣ «Промышленность», она была перепечатана 7-го апрѣля въ «Сѣверной Пчелѣ», и только тогда эта статья вызвала замѣчаніе министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ доказывала невозможность осуществленія выкупной операціи и взаимнаго соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами: «если упомянутая записка и была прочтена въ сословномъ собраніи, имѣвшемъ право обсуждать свои интересы съ своей точки зрѣнія, то ее никакъ не слѣдовало допускать въ печати для публики»—говорилось въ отношеніи отъ 11 апрѣля. Тоже было высказано и по поводу разбора отчета министерства юстиціи за 1860 годъ, появившагося въ № 196 «Сѣверной Пчелы». Хотя само министерство юстиціи не сдѣлало никакого замѣчанія по поводу этой статьи, однако министерство внутреннихъ дѣлъ, въ своемъ отношеніи къ министру народнаго просвѣщенія, отъ 13-го апрѣля, нашло, что авторъ статьи «большею частью бездоказательно и голословно, и притомъ въ самыхъ неприличныхъ и желчныхъ выраженіяхъ, обвиняетъ нашу юстицію (до-реформенную) въ крайнихъ злоупотребленіяхъ, и приведенные изъ отчета факты подвергаетъ отчасти несправедливой критикѣ, оскорбительной для судебныхъ мѣстъ и нарушающей уваженіе къ нимъ и вообще къ нашимъ законамъ по судебной части. Предпосылая общее сужденіе о томъ, что юстиція, допускающая незаконные поборы, не стóитъ ни гроша, только развращаетъ народъ, растлѣваетъ нравы и т. д., авторъ очевидно мѣтитъ на нашу юстицію, потому что далѣе описываетъ именно тѣ злоупотребленія, которыя заслуживали бы подобнаго порицанія, и признаетъ нашу систему (т.-е. до-реформенную) никуда негодною. Хотя авторъ и утѣшается предстоящимъ вскорѣ преобразованіемъ нашего судопроизводства, но это скорѣе усиливаетъ, чѣмъ ослабляетъ ѣдкое поруганіе вообще настоящаго судебнаго устройства и въ особенности служащихъ по этой части».

Между тѣмъ, въ то время уже рѣшена была въ принципѣ наша судебная реформа, и не прошло полгода, какъ состоялось обнародованіе высочайше утвержденныхъ «главныхъ основаній предстоявшаго преобразованія судебной части». Предъ этимъ обнародованіемъ министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Голов-

нинъ, писалъ цензурнымъ комитетамъ, что по этому случаю «будутъ вѣроятно появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ разсужденія по этому предмету. Имѣя въ виду, что подобныя разсужденія могутъ быть весьма полезны при составленіи самого проекта преобразованія, и что авторы ихъ, конечно, желали бы, чтобы коммиссія, которая будетъ заниматься этимъ предметомъ, воспользовалась ихъ мыслями, я обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою къ гг. редакторамъ, если признаютъ для себя незатруднительнымъ, присылать ко мнѣ по десяти экземпляровъ каждой изъ подобныхъ статей (отпечатанныхъ), съ тѣмъ, что я буду передавать ихъ въ помянутую коммиссію. Я увѣренъ вполнѣ, что учрежденіе это будетъ весьма благодарно за такое содѣйствіе его трудамъ».

Въ томъ же апрѣлѣ министерство внутреннихъ дѣлъ писало министерству народнаго просвѣщенія: «Въ № 105 «Сѣверной Пчелы», 20-го апрѣля, помѣщена статья за подписью Дмитрія Телепнева, подъ заглавіемъ: «Провинціальная хроника». Въ этой статьѣ описываются злоупотребленія и продѣлки предсѣдателя К — ой уголовной палаты, П. А. С—ва, брата его А. А. С—ва, бывшаго прежде въ К. уѣздѣ земскимъ исправникомъ, а нынѣ состоящаго судебнымъ слѣдователемъ въ г. К—мѣ, становаго пристава К. уѣзда Н—ра, к—го губернскаго правленія и судебныхъ мѣстъ той же губерніи. Авторъ утверждаетъ своею подписью вѣрность изложенныхъ имъ фактовъ и грозитъ чиновникамъ, что не оставитъ ихъ дѣйствій безъ вниманія и будетъ сообщать ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Полагая, что означенной статьи въ настоящемъ ея видѣ не слѣдовало бы допускать въ печати, потому что, вопреки высочайшему повелѣнію 26-го марта 1859 года [1]), въ ней слишкомъ явственно обозначены лица, обвиняемыя въ злоупотребленіяхъ, и притомъ подвергаются горькой укоризнѣ правительственныя учрежденія», и т. д. Черезъ два мѣсяца послѣ того, 3-го іюля 1862 г., министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало, наконецъ, слѣдующее распоряженіе по петербургскому цензурному комитету: «Въ журналѣ «Искра» помѣщается постоянно, въ продолженіе уже довольно долгаго времени, особый отдѣлъ, подъ названіемъ «Намъ пишутъ», въ которомъ разсказываются, подъ вымышленными именами мѣстъ и лицъ, случившіяся будто бы въ нашихъ губерніяхъ происшествія, большею частію въ служебномъ мірѣ, причемъ какъ лица, такъ и происшествія, выставляются въ самомъ каррикатурномъ и часто со-

[1]) О пользѣ гласности и о допущеніи ея въ печати на извѣстныхъ условіяхъ.

вершенно ложномъ видѣ. Названія мѣстъ и лицъ въ этихъ статейкахъ употребляются въ разныхъ нумерахъ «Искры» для каждой мѣстности тѣ же самыя, такъ что читатели, слѣдящіе внимательно за симъ журналомъ, легко могутъ найти нить приводимымъ разсказамъ; такимъ образомъ, дѣйствительно въ публикѣ составился полный ключъ симъ названіямъ, и всѣ читатели знаютъ, что, напримѣръ, вмѣсто Грязнославля, Крутогорска, Чернилина, должно читать: Екатеринославъ, Вятка и Черниговъ. Появленіе въ печати такого рода доносовъ, такъ - сказать привилегированныхъ, ибо оклеветанное и опозоренное въ нихъ лицо не имѣетъ никакой возможности ни оправдаться, ни защищаться противъ взводимыхъ на него обвиненій, составляетъ безпримѣрный въ исторіи литературы фактъ злоупотребленія печатнымъ словомъ». Вслѣдствіе того, найдено было необходимымъ запретить на будущее время печатаніе въ «Искрѣ» отдѣла «Намъ пишутъ» и вообще всякихъ обличительныхъ статей подобнаго рода.

Между тѣмъ, замѣчанія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ слѣдовали одно за другимъ: «Въ № 12 «Акціонера» (24-го марта), въ статьѣ подъ заглавіемъ: «О нашихъ среднеазіятскихъ дѣлахъ», нѣкто В. Григорьевъ, приведя нѣсколько фактовъ неудавшагося будто бы поселенія русскихъ на низовьяхъ Сыра заключаетъ: «Теперь уже дѣло испорчено, а лѣтъ десять тому назадъ, несмотря на всѣ неудобства, можно еще было колонизировать Сыръ людьми русской крови. Надобно только было приняться не казеннымъ образомъ, а какимъ именно? Мы указали; но планъ нашъ не былъ принятъ, какъ несообразный съ господствовавшими тогда, да и теперь еще господствующими, административными понятіями». Далѣе, на страницѣ 92, столб. 3, объясняетъ, что «удержаніе въ покорности коканскаго ханства, въ случаѣ завоеванія его, стоило бы огромныхъ издержекъ, которыя и падутъ всею своею тяжестью на чисто русскія области, и безъ того отдувающіяся за всѣ финансово-филантропическія затѣи нашихъ бюрократовъ»; а на стр. 93, столб. 1, увѣряетъ, что онъ пишетъ это «въ поученіе, между прочимъ, и *нѣкоторымъ военнымъ людямъ*, которые въ стремленіи нахватать чиновъ и украситься разною кавалеріею, весьма не прочь втянуть правительство въ кровавое и совершенно безполезное дѣло завоеванія Ташкента». Министерство полагало, что «означенныя выраженія не слѣдовало бы допускать въ печати по тому уваженію, что они заключаютъ въ себѣ укоръ частію правительству, частію правительствующимъ лицамъ».

«Акціонеръ», выходившій разъ въ недѣлю, издавался тогда въ Москвѣ подъ редакціею Ѳ. В. Чижова и И. К. Бабста, извѣстныхъ дѣятелей-руководителей въ московскомъ мірѣ финансово-промышленныхъ предпріятій. «Нѣкто В. Григорьевъ», какъ онъ названъ въ отношеніи министерства внутреннихъ дѣлъ, впослѣдствіи былъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, жилъ въ то время въ Оренбургѣ, откуда и прислалъ свою статью, оставивши постъ губернатора киргизской области. В. В. Григорьевъ принужденъ былъ подать увольненіе отъ этой должности, вслѣдствіе своего столкновенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Ни послѣднее, ни самъ «нѣкто В. Григорьевъ» не знали тогда, что черезъ десять лѣтъ этотъ нецензурный писатель, «нѣкто», будетъ рѣшителемъ судебъ русской печати. Но, занявши мѣсто начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, и В. В. Григорьевъ забылъ, что въ 1862 году въ «Акціонерѣ», а затѣмъ въ «Сѣверной Пчелѣ», онъ дозволялъ себѣ «укоры частію правительству, частію правительствующимъ лицамъ», за которые самъ преслѣдовалъ потомъ неумолимо періодическія изданія. Роли перемѣнились, а съ ними мнѣнія и взгляды, какъ, напримѣръ, уваженіе, которое впослѣдствіи оказывалъ В. В. Григорьевъ М. Г. Черняеву, покорителю Ташкента; а въ 1862 году, онъ печатно сознавался, что завоеваніе Ташкента—«кровавое и совершенно безполезное дѣло». Въ означенной статьѣ онъ писалъ, 5-го марта 1862 года, что «лѣтъ черезъ десять, пятнадцать мы вынуждены будемъ занять дельту Аму-Дарьи и утвердиться тамъ, какъ утвердились на низовьяхъ Сыръ-Дарьи», и почти безъ ошибки предсказалъ, такимъ образомъ, хивинскій походъ 1873 года.

Все въ томъ же апрѣлѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ сообщало министру народнаго просвѣщенія еще слѣдующія замѣчанія: «Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», 10-го минувшаго марта, № 26 (стр. 204 и 205) помѣщенъ цѣликомъ, въ переводѣ на польскомъ языкѣ, отвѣтъ графа Росселя лорду Кернарвону, въ засѣданіи верхней палаты, о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Въ отвѣтѣ этомъ, между прочимъ, графъ Россель: 1) говоря о гимнахъ, пѣтыхъ поляками въ Варшавѣ по церквамъ, выражался, что гимны эти возвышаютъ народный духъ, воспламеняютъ поляковъ къ сохраненію знамени народности, выражаютъ тоскливое ожиданіе той минуты, въ которую пробьетъ часъ независимости; 2) неодобрительно отозвался о дѣйствіяхъ варшавскаго правительства противъ возмутительныхъ манифестацій, выразившихся въ Варшавѣ въ уличныхъ скопищахъ и въ пѣніи гимновъ по церквамъ, прибавивъ, что дѣйствія эти имѣли

пагубныя послѣдствія, усилили и возвысили народный духъ (поляковъ); и 3) объяснилъ, по дошедшимъ до него слухамъ, о какихъ-то совѣтахъ графа Велепольскаго русскому правительству, относительно учрежденія въ царствѣ польскомъ національнаго гражданскаго управленія, выразивъ въ заключеніе надежду, что въ недальнемъ будущемъ поданный маркизомъ Велепольскимъ совѣтъ будетъ услышанъ».—Признавая, съ своей стороны, допущеніе такихъ извѣстій въ печати in extenso, особенно на польскомъ языкѣ, неудобнымъ, по тому уваженію, что они заключаютъ въ себѣ такія подробности, которыя могутъ только еще болѣе развивать и усиливать въ читателяхъ раздраженіе, и безъ того существующее, и повести къ возбужденію неосновательныхъ надеждъ на измѣненіе существующаго порядка, министерство внутреннихъ сообщало о томъ на усмотрѣніе высшаго цензурнаго начальства.

Вскорѣ затѣмъ, министерство внутреннихъ дѣлъ писало, что «въ № 15 «Русскаго Міра», на стр. 326, говорится о поведеніи тринадцатилѣтняго юноши императора Петра II. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ ссылается на сочиненіе, едва ли кому доступное въ Россіи по своему одностороннему и пошлому взгляду на прошедшее Россіи съ 1725 по 1783 г.: «La cour de la Russie il y a cent ans». Самый фактъ и цитата должны были обратить вниманіе цензора, на основаніи высочайшаго повелѣнія, отъ 8-го марта 1860 года. Журналъ «Русскій Міръ» даже не ученое, а чисто популярное изданіе, въ которомъ разработка новѣйшей исторіи Россіи послѣ Петра Великаго, со стороны взгляда иностранныхъ пословъ и скандальныхъ мемуаровъ, безъ всякой критической оцѣнки, конечно, не можетъ ничего принести, кромѣ вреда».

Означенное высочайшее повелѣніе отъ 8-го марта 1860 года, состоялось по слѣдующимъ мотивамъ: «Государь Императоръ, по выслушаніи въ совѣтѣ министровъ соображеній о развитіи законовъ, ограждающихъ честь частныхъ и должностныхъ лицъ противъ оскорбленій посредствомъ печати, между прочимъ высочайше повелѣть соизволилъ: строго подтвердить по цензурному вѣдомству, чтобы не были допускаемы въ печать сочиненія и журнальныя статьи, а равно изображенія и каррикатуры: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія въ государствѣ къ другому; б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями и должностями гражданской и военной службы, надъ военнымъ мундиромъ и занятіями по фронтовой части въ мирное время и т. п.; в) въ

которыхъ, вопреки § 3 (пунктъ 4) уст. ценз., хотя не прямо съ названіемъ фамиліи, а бо́льшею частію подъ такимъ прозрачнымъ замаскированіемъ, что легко узнать можно, о комъ и о чемъ идетъ дѣло, оглашаются обстоятельства, относящіяся до нравственности и частной жизни разнаго званія лицъ, до преступленія ихъ родителей, до происхожденія или дурного поведенія членовъ семействъ и т. д. А какъ въ цензурномъ уставѣ нѣтъ особенной статьи, которая бы положительно воспрещала распространеніе извѣстій неосновательныхъ и по существу своему неприличныхъ къ разглашенію о жизни и правительственныхъ дѣйствіяхъ августѣйшихъ особъ царствующаго дома, уже скончавшихся и принадлежащихъ исторіи, то, съ одной стороны, чтобы подобныя извѣстія не могли приносить вреда, а съ другой, чтобы не стѣснять отечественную исторію въ ея развитіи—періодомъ, до котораго не должны доходить подобныя извѣстія, принять конецъ царствованія Петра Великаго».

Когда, нѣсколько мѣсяцевъ позже, въ томъ же 1860 году, изъ цензурнаго комитета препровождено было къ министру императорскаго двора на его разсмотрѣніе сочиненіе Рафаила Михайловича Зотова, подъ заглавіемъ: «Пятилѣтіе царствованія императора Александра II», то 27-го сентября 1860 г. графъ Адлербергъ сообщилъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, что «Государь Императоръ не соизволилъ на напечатаніе сего сочиненія и высочайше повелѣлъ: не допускать впредь къ печати никакихъ историческихъ сочиненій о настоящемъ и слишкомъ близкомъ къ настоящему времени царствованіи» [1]).

Въ концѣ апрѣля послѣдовало первое отношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ къ министерству народнаго просвѣщенія съ замѣчаніями на журналъ «Современникъ», за которыми послѣдовали затѣмъ и другія, окончившіяся позже запрещеніемъ этого періодическаго изданія: «Въ № 3-мъ «Современника», за мартъ мѣсяцъ текущаго года, помѣщены двѣ статьи, относящіяся до предполагаемаго преобразованія цензуры: 1) «Письмо по дѣлу преобразованія цензуры» (Совр. обозрѣніе, стр. 59) и 2) «Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія». Обѣ онѣ, по увѣренію авторовъ, написаны вслѣдствіе объявленія Высочайше учрежденной для сего коммиссіи, приглашающей литературу къ участію въ уясненіи возникающихъ вопросовъ по сему предмету. Въ первой статьѣ обра-

1) См. „Сборн. постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ". (изд. 1862 года).

щаетъ на себя вниманіе одно мѣсто, стр. 63, строка 4, гдѣ высказана мысль объ освобожденіи отъ всякой отвѣтственности авторовъ по довольно странному предположенію, что они, во время сочиненія, логическою послѣдовательностью мысли могутъ быть увлечены за предѣлы, указанные распоряженіемъ правительства. Во второй статьѣ, послѣ чрезвычайно натянутой попытки доказать, что книгопечатаніе, какъ и всякое другое ремесло, можетъ вообще обойтись безъ спеціальныхъ законовъ и управляться одними общими (стр. 141, 142), авторъ находитъ, что для тѣхъ государствъ, гдѣ эта спеціальность признавалась бы нужною, французское законодательство представляетъ самый полный примѣръ. Поэтому въ статью свою онъ включилъ въ переводѣ текстъ важнѣйшихъ постановленій, изданныхъ тамъ съ 1814 г. по настоящее время; за текстомъ слѣдуетъ подробный разборъ этихъ законовъ по эпохамъ ихъ изданія и по современнымъ видамъ и нуждамъ каждаго изъ правленій, смѣнявшихся въ семъ періодѣ во Франціи. Разборъ этотъ составляетъ рядъ комментаріевъ, довольно искусно подобранныхъ къ основной мысли автора, заключающейся въ томъ, что каждому изъ различныхъ правленій Франціи (кромѣ республики, когда не было цензуры) общественное мнѣніе было противно; что къ каждому изъ нихъ большинство народа питало враждебное чувство, и что поэтому каждое имѣло необходимость стѣснять все болѣе и болѣе выраженіе общественной мысли. Придя къ такому общему выводу, авторъ оправдывается, что не будетъ разбирать теперь вопросъ, до какой степени нужны были бы у насъ спеціальные законы по дѣламъ печати, и оканчиваетъ такъ: «Мы опасаемся, что добросовѣстное изслѣдованіе привело бы насъ къ отвѣту: «да, они нужны». По соображенію этого съ предыдущимъ, заключеніе вытекаетъ само собою, и отвѣтъ на вопросъ, почему авторъ такъ думаетъ,—очень простъ: именно, что цензура у насъ нужна для того, чтобы не давать высказываться общественному мнѣнію, неблагопріятному будто бы для правительства. Но, чтобы вполнѣ уразумѣть смыслъ и тенденцію этихъ статей, нужно прочитать помѣщенную въ томъ же нумерѣ «Современника», въ отдѣлѣ литературы (стр. 177), какъ бы пріуготовительную къ общему заключенію статью: «Журналистика во Франціи во время консульства и имперіи», гдѣ подробно и въ рѣзкихъ чертахъ описаны мѣры, которыя принималъ Наполеонъ I къ подавленію всякаго выраженія общественной мысли, высказана безуспѣшность этихъ мѣръ и пагубныя ихъ послѣдствія для него же самого. Всѣ эти статьи взаимно объясняются и дополняются, и въ одной,

именно статьѣ о журналистикѣ, можно было сказать и сказано много такого, что въ двухъ другихъ не было бы пропущено. Связь, существующая между ними, ведетъ къ заключенію, что это сопоставленіе ихъ въ одномъ нумерѣ не есть дѣло случайности. Нельзя также оставить безъ вниманія, что авторъ послѣдней статьи сгруппировалъ и высказалъ такія стороны французской исторіи, которыя весьма близко подходятъ къ современнымъ обстоятельствамъ Россіи, и представляя ихъ, болѣе или менѣе въ неблагопріятномъ свѣтѣ, возбуждаетъ такимъ образомъ въ читателяхъ чувство неудовольствія и духъ порицанія прямо противъ нашихъ правительственныхъ дѣйствій. Принимая во вниманіе, что развитая въ упомянутыхъ статьяхъ «Современника» общая мысль, очевидно, имѣетъ въ виду выставить въ невыгодномъ свѣтѣ ту цѣль, какую имѣетъ правительство въ виду, предполагая издать новыя постановленія о цензурѣ, и можетъ заранѣе поселить въ читателяхъ предубѣжденіе противъ мѣръ, какія будутъ приняты въ этомъ отношеніи, и, находя, что если не выраженіе, то мысль и направленіе означенныхъ статей противны нынѣ дѣйствующимъ цензурнымъ постановленіямъ», и т. д.

Въ маѣ 1862 года, продолжались подобныя же отношенія министерства внутреннихъ дѣлъ къ министерству народнаго просвѣщенія: «Въ № 85-мъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» [1]), подъ рубрикой изъ Москвы, перепечатана статья изъ «Акціонера», въ которой наше безденежье приписывается неповоротливости, неловкости и тяжелой излишней формальности въ характерѣ государственнаго банка и его конторъ, да и не одного его, а всѣхъ

---

[1]) До 16-го мая 1862 г., „Биржевыя Вѣдомости“ подлежали общей цензурѣ, не смотря на пунктъ IV высочайшаго повелѣнія 8-го марта о томъ, чтобы не подвергать вовсе разсмотрѣнію общей цензуры всѣ изданія правительственныхъ учрежденій и губернскія вѣдомости., „Биржевыя Вѣдомости“ были въ то время какъ бы органомъ министерства финансовъ, образовавшись изъ оффиціальной „Коммерческой Газеты“ и „Журнала для акціонеровъ“. 10 мая, государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ совѣтѣ министровъ, о предположеніяхъ о порядкѣ цензированія изданій ученыхъ обществъ и учрежденій, между прочимъ, высочайше повелѣлъ, 12-го мая: „всѣ изданія, какъ періодическія, такъ и непеоріодическія разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, существующихъ съ разрѣшенія правительства, не подвергать общей цензурѣ, если отвѣтственность за соблюденіе въ нихъ цензурныхъ постановленій, примутъ на себя предсѣдательствующіе въ сихъ обществахъ или учрежденіяхъ, или секретари, и если министръ народнаго просвѣщенія признаетъ возможнымъ предоставить этимъ лицамъ цензированіе ихъ изданій“. На основаніи этого повелѣнія и при согласіи на то управляющаго министерствомъ финансовъ, М. Х. Рейтерна, „Биржевыя Вѣдомости“ съ 16-го мая были освобождены отъ общей цензуры. Просмотръ этой газеты былъ возложенъ на чиновника особыхъ порученій министра финансовъ Н. И. Юханцова.

вообще нашихъ финансовыхъ учрежденій, гдѣ приходится мѣнять, получать или платить деньги. Нѣсколько примѣровъ такой формальности, даже злоупотребленій, какъ наприм., объявленіе, что размѣна на серебро нѣтъ, а знакомые мѣнялы получаютъ сотни мѣшковъ, какъ будто доказываютъ правильность произнесеннаго приговора надъ нашимъ государственнымъ банкомъ. Такая статья въ «Акціонерѣ» и перепечатка ея, безъ опроверженія, въ биржевой газетѣ, оффиціальной для всѣхъ торговыхъ дѣятелей, роняетъ авторитетъ государственнаго учрежденія. Министерство финансовъ само вызвало писателей на критику только своихъ проектовъ, но не законнаго хода уже дѣйствующихъ постановленій. Циркуляромъ, отъ 29-го августа 1861 г., по высочайшему повелѣнію, предписано: «не допускать къ печати статей по тѣмъ изъ государственныхъ вопросовъ, которые уже поступили на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учрежденій или получили окончательное рѣшеніе», и т. д.

На этотъ разъ министерство народнаго просвѣщенія совсѣмъ не согласилось съ такимъ взглядомъ министерства внутреннихъ дѣлъ на возможность большей гласности при обсужденіи коммерческихъ вопросовъ и торговыхъ дѣлъ, и препроводило замѣчаніе къ статсъ-секретарю Рейтерну (23-го января 1862 года только-что назначенному управляющимъ министерствомъ финансовъ на мѣсто А. М. Княжевича). Послѣдній отвѣчалъ министру народнаго просвѣщенія, 25-го мая: «На отношеніе отъ 13-го мая, коимъ изволите требовать моего мнѣнія, слѣдовало ли допускать въ печати помѣщенную въ «Акціонерѣ» и перепечатанную въ № 85-мъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» статью, въ которой порицаются нѣкоторыя дѣйствія государственнаго банка, имѣю честь васъ, милостивый государь, увѣдомить, что возникшее по сему предмету сомнѣніе, по моему мнѣнію, разрѣшается бывшимъ въ совѣтѣ министровъ сужденіемъ о гласности, коимъ признано, что оглашеніе о существующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезнымъ въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ предоставляется правительству возможность получать свѣдѣнія независимо отъ оффиціальныхъ источниковъ, и нѣкоторыя изъ сихъ свѣдѣній могутъ служить поводомъ къ повѣркѣ свѣдѣній оффиціальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ (распоряженіе по цензурѣ 3-го апрѣля 1859 г.). Въ настоящемъ случаѣ, въ помянутой статьѣ описываются дѣйствія нѣкоторыхъ членовъ государственнаго банка и уѣзднаго казначейства, выказывающія недостатокъ пониманія своихъ обязанностей и нѣкоторую небрежность въ исполненіи оныхъ, которыя, безъ означен-

ной статьи, остались бы неизвѣстны высшему, а можетъ быть и непосредственному начальству. Я не полагаю, чтобы такое обличеніе частныхъ недостатковъ могло бы поколебать довѣріе и кредитъ банка, но думаю, что оно послужитъ острасткою тѣмъ, до кого касается, и побудитъ ихъ къ болѣе рачительному исполненію обязанностей; притомъ, и вы весьма справедливо изволили замѣтить, что запрещеніе подобныхъ статей могло бы возбудить въ публикѣ мнѣніе, что правительство потворствуетъ безпорядкамъ. По симъ соображеніямъ, я полагаю, что помянутая статья могла быть пропущена; но въ ней слѣдовало бы исключить употребленныя въ началѣ рѣзкія и неприличныя выраженія и ограничиться фактами, противъ которыхъ обвиняемымъ открывается къ оправданію тотъ же путь гласности».

Этотъ отзывъ министра финансовъ былъ препровожденъ министромъ народнаго просвѣщенія, 2-го іюня, къ руководству цензорамъ петербургскаго цензурнаго комитета.

Всѣ эти отношенія министерства внутреннихъ дѣлъ къ министерству народнаго просвѣщенія въ первые уже мѣсяцы обнаружили непреодолимыя затрудненія, порожденныя раздвоеніемъ цензурнаго дѣла между двумя вѣдомствами.

III.

Высочайшее повелѣніе 12-го марта, о преобразованіи цензурнаго вѣдомства, вызвано было желаніемъ министерства народнаго просвѣщенія привести въ ясность цензурныя постановленія и цензурную практику; составить новый уставъ о книгопечатаніи для введенія его въ то время, когда состоится судебная реформа, а до того времени ввести мѣры переходныя. Главною цѣлью было идти къ большему простору печатнаго слова, причемъ преступленія его карались бы судомъ и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры; но произошли событія, заставившія измѣнить эти предположенія. Прокламаціи, напечатанныя въ тайныхъ типографіяхъ, революціонная пропаганда въ разныхъ мѣстахъ Россіи, особенно въ царствѣ польскомъ, побудили правительство обратить вниманіе на періодическую литературу. Сверхъ того оказалась невозможность скораго осуществленія судебной реформы, да и самый новый уставъ о печати не могъ быть оконченъ къ тому сроку, который былъ для того предположенъ. Такимъ образомъ, необходимость поставить цензуру, по отношенію къ произведеніямъ печати, на болѣе твердую почву

и дать ей въ руководство положительныя указанія, вмѣсто спутанныхъ множествомъ новыхъ высочайшихъ повелѣній и министерскихъ распоряженій, вызвала «Временныя правила по цензурѣ», 12-го мая, сообщенныя циркуляромъ № 7 по цензурному вѣдомству, отъ 17-го мая. Въ этомъ циркулярѣ было сказано: «Вы получите вмѣстѣ съ симъ одобренныя государемъ императоромъ «Временныя правила» для дѣйствія цензоровъ. Предлагаю вамъ назначить неотлагательно чрезвычайное собраніе цензурнаго комитета, и, прочитавъ въ ономъ помянутыя правила, объявить гг. цензорамъ: 1) что отнынѣ должно прекратиться то слабое цензированіе, которое имѣло слѣдствіемъ, что наши періодическія изданія наполнялись статьями, въ которыхъ систематически постоянно охуждалось все, что дѣлаетъ правительство, и которыя имѣли явною цѣлію возбужденіе въ обществѣ неудовольствія противъ правительства, и 2) что за симъ г. цензоръ, который будетъ нѣсколько разъ замѣченъ въ упущеніяхъ, будетъ уволенъ отъ службы».

«Временныя правила» были обнародованы 14-го іюня [1]) въ № 128 «Сѣверной Почты», тогдашней «газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ». Въ этой газетѣ новое распоряженіе по цензурѣ начиналось слѣдующими словами: «Государь Императоръ, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ министровъ, высочайше повелѣть соизволилъ принять въ руководство по цензурѣ нижеслѣдующія «Временныя правила», впредь до пересмотра всѣхъ постановленій по дѣламъ книгопечатанія». Въ циркулярѣ же № 7 по цензурному вѣдомству, министръ народнаго просвѣщенія объявилъ: «Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему въ совѣтѣ министровъ о замѣчаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ упущеніяхъ цензоровъ, одобривъ предположенныя мною мѣры, высочайше повелѣть соизволилъ: не ожидая окончанія работъ коммиссіи по дѣламъ книгопечатанія, предписать на время, до приведенія къ окончанію трудовъ коммиссіи, слѣдующее», и т. д.

Изъ этого видно, что «Временныя правила» имѣли исключительною оффиціальною цѣлью «прекращеніе слабаго цензированія», а не предоставленіе печати большей свободы. Но на дѣлѣ «Временныя правила», хотя съ оговорками и разными условіями, облегчали до извѣстной степени эту свободу. Такъ, въ III пунктѣ было постановлено: «При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ

[1]) Высочайшее повелѣніе объ обнародованіи ихъ чрезъ правительствующій сенатъ состоялось только 9-го іюля.

постановленій, дозволять въ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, написанныя тономъ, приличнымъ предмету, и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ уже обнаружились на опытѣ». IV-ый пунктъ «Временныхъ правилъ» указывалъ: «Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій»; а по пункту V-му: «разсужденія, указанныя въ предъидущихъ двухъ пунктахъ, дозволять только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою не менѣе семи рублей въ годъ». За то, VI-мъ пунктомъ введена была въ «Временныя правила» карательная мѣра, при существованіи цензуры, слѣдующаго рода: «Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предоставляется, по взаимному ихъ соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія, причислять оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ пунктахъ III и IV и прекращать каждое періодическое изданіе на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ».

Къ «Временнымъ правиламъ» (въ тринадцати пунктахъ) слѣдовали два приложенія: первое—съ «особымъ постановленіемъ при цензированіи статей», касающихся военно-сухопутной части, судебной части, финансовой части и по предметамъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ; и второе приложеніе—съ постановленіями и распоряженіями по цензурѣ, не отмѣненными «Временными правилами». Такихъ постановленій и распоряженій, начиная съ 17-го декабря 1828 года (о цензированіи афишъ и мелкихъ объявленій) и кончая 17-мъ марта 1860 года, оказалось двадцать два.

«Временныя правила» просуществовали три года—до закона 6-го апрѣля 1865 года, но не положили окончанія замѣчаніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, поступавшимъ къ министру народнаго просвѣщенія по поводу разныхъ произведеній печати, и преимущественно появлявшимся въ періодическихъ изданіяхъ. Эти замѣчанія имѣли послѣдствіемъ пріостановленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, увольненіе отъ службы цензоровъ, «строгія внушенія» редакторамъ, и доводили дѣло до пререканій между обоими вѣдомствами, взявшими подъ свою опеку печать. Такое положеніе печати указывало съ каждымъ мѣсяцемъ осязательнѣе невозможность дальнѣйшаго существованія предварительной цензуры въ ея тогдашнемъ видѣ, такъ какъ она, несмотря на всѣ ея усилія,

на перемѣну нѣсколько разъ ея личнаго состава, все-таки не удовлетворяла тѣмъ требованіямъ, которыхъ ожидало отъ нихъ правительство въ лицѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Даже когда, наконецъ, 1-го марта 1863 года, всѣ цензурные комитеты перешли изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, то и тогда подобная централизація предварительной цензуры въ органѣ высшей полиціи не достигла цѣли, которую имѣло въ виду правительство. Общество, не только съ высшимъ образованіемъ, но и въ лицѣ представителей низшаго ценза въ этомъ отношеніи, переросло сферу предварительной цензуры и въ своемъ поступательномъ движеніи невольно увлекало за собою печать и даже тѣхъ правительственныхъ чиновниковъ, которые назначались для замедленія подобнаго осязательнаго развитія.

Надобно полагать, что «Временныя правила» причинили только новыя заботы министерству народнаго просвѣщенія, потому что въ циркулярѣ своемъ, отъ 19-го мая, за № 8, оно разомъ сообщило, для руководства цензорамъ и для прочтенія редакторамъ, семь отношеній, полученныхъ имъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ періодъ времени съ 6-го по 13-е мая, съ замѣчаніями на разнаго рода упущенія при цензированіи произведеній печати. «Въ февральской книжкѣ «Современника» (писало министерство внутреннихъ дѣлъ) помѣщена статья Ю. Жуковскаго, подъ заглавіемъ: «Уравненіе поземельнаго налога», весь смыслъ которой заключается въ находящейся на стр. 332 фразѣ: «вопросъ объ уравненіи налога сталкивается такимъ образомъ съ вопросомъ объ уравненіи доходовъ, и здѣсь достигаетъ геркулесовскихъ столбовъ европейской практики». Развивая во всей статьѣ эту основную мысль, авторъ ставитъ уравненіе налоговъ въ исключительную зависимость отъ уравненія доходовъ, и, не находя этой аксіомы въ нашей финансовой системѣ, заключаетъ о невозможности справедливаго распредѣленія налоговъ въ нашемъ отечествѣ, доказывая, что сельская промышленность и жизнь остаются у насъ закрѣпощенными, такъ какъ въ казну вносится вся получаемая крестьянами рента. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей представляется, по мнѣнію автора, совершенная невозможность выкупа полевыхъ угодій. Авторъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «все, что̀ можетъ уплатить земля, уплачивается ею въ фискъ косвенными налогами; болѣе взыскивать нечего». Принимая въ соображеніе: 1) что распространеніе въ печати противо-государственной теоріи соціализма о необходимости уравненія доходовъ, колеблетъ не-

прикосновенность правъ гражданской собственности, свято охраняемой нашими законами; 2) что эта теорія примѣняется въ статьѣ г. Жуковскаго непосредственно къ нашей системѣ, и 3) что авторъ взводитъ на правительство бездоказательное и несправедливое обвиненіе въ поглощеніи фискомъ всего поземельнаго дохода крестьянъ, возбуждая съ тѣмъ вмѣстѣ преграды къ поощряемому правительствомъ выкупу полевыхъ угодій» и т. д.

Отъ 7 мая, министерство внутреннихъ дѣлъ сообщало министру народнаго просвѣщенія: «Въ № 15-мъ «Искра», на стр. 225, въ отдѣлѣ, подъ заглавіемъ «Искорки», напечатанъ циркуляръ попечителя виленскаго учебнаго округа, князя Ширинскаго-Шихматова, съ надписью: «Замѣчательный циркуляръ». Въ концѣ статьи сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «Вамъ нравится этотъ циркуляръ? Намъ очень нравится, потому что мы вообще шума и огласки не любимъ». Тутъ прямой намекъ на то, что правительственныя лица у насъ не любятъ, будто бы, огласки своихъ распоряженій, и очевидная насмѣшка надъ циркуляромъ виленскаго попечителя; даже отдѣлъ «Искорки» ясно показываетъ намѣреніе редакціи «Искры» поглумиться надъ оффиціальною бумагою. Полагая, что такого рода намеки и насмѣшки вполнѣ предосудительны и не должны бы быть допускаемы въ печати», и т. д.

На другой же день, 8-го мая, министерство внутреннихъ дѣлъ писало опять министру народнаго просвѣщенія: «Въ газетѣ «St. Petersburger Zeitung», № 88, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Censur und Universität» (цензура и университетъ) подвергнуты осужденію дѣйствія почтовой цензуры. Цензура сія, по отзыву той статьи, до сего времени дѣйствуетъ, будто бы, съ невѣроятною грубостію. Вмѣсто того, чтобы покрывать запрещенныя мѣста черными пятнами, вырѣзываютъ цѣлыя страницы, не обращая вниманія на то, что на нихъ находится начало или конецъ другихъ невинныхъ статей. Такимъ образомъ, по высокомѣрію или небрежности, портятъ и то, что̀ дозволено. Признавая со своей стороны столь рѣзкій отзывъ о почтовой цензурѣ совершенно неумѣстнымъ въ печати», и т. д.

По поводу этого замѣчанія министерства внутреннихъ дѣлъ о почтовой цензурѣ, можно дополнить, что она еще въ 1855 году перестала вырѣзывать запрещаемыя ею мѣста изъ иностранныхъ газетъ и стала покрывать ихъ типографскою краскою. Такое «усовершенствованіе» не укрылось изъ вида тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, и онъ предписалъ въ томъ же году комитету по просмотру иностранныхъ книгъ послѣдовать этому примѣру почтовой цензуры. До чего доходила строгость

при цензурѣ иностранныхъ книгъ и газетъ (при императорѣ Павлѣ привозъ изъ-за границы въ Россію иностранныхъ книгъ былъ и вовсе запрещенъ), видно, напримѣръ, изъ слѣдующей резолюціи императора Николая. На всеподданнѣйшей докладной запискѣ министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго-Шихматова (смѣнившаго графа Уварова), отъ 25-го ноября 1850 года, какъ поступать съ иностранными книгами, выписываемыми изъ-за границы для особъ императорской фамиліи, должны ли онѣ подлежать общему съ прочими цензурному разсмотрѣнію, императоръ положилъ слѣдующую резолюцію: «не исключать изъ цензуры, но при выдачѣ прописывать, какія мѣста сочиненія цензурою не пропущены». Только 18-го декабря 1850 года высочайше дозволено было и безусловно запрещенныя иностранныя книги получать предсѣдателю и членамъ государственнаго совѣта, министрамъ, и главноуправляющимъ (на правахъ министровъ), съ подпискою никому не выдавать этихъ книгъ. Между тѣмъ, редакторъ-издатель «Сѣверной Пчелы», Н. И. Гречъ, пользовался этимъ правомъ, съ высочайшаго соизволенія, уже съ 1840 года.

На слѣдующій день, 9-го мая, министерство внутреннихъ дѣлъ обратило вниманіе министра народнаго просвѣщенія на то, что «въ помѣщенномъ въ № 16 «Русскаго Міра» продолженіи романа Виктора Гюго «Отверженные» (les Misérables), въ разговорѣ сенатора и епископа, развиты основныя мысли матеріализма. «Такое опопулизированіе идей матеріализма, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, уступаетъ только одному роману Евгенія Сю: «Mystères du peuple», который признанъ вреднѣе всѣхъ атеистическихъ сочиненій Штраусса и другихъ, запрещенныхъ во Франціи и Германіи. Такой же демократизмъ господствуетъ въ романѣ Гюго, какъ и въ романѣ Сю. Такое пренебреженіе господствующихъ началъ всякаго благоустроеннаго общества въ романѣ Гюго должно было обратить вниманіе цензора. Здѣсь ясно высказывается одностороннее стремленіе автора-демократа подорвать религію и монархію, что противорѣчитъ основнымъ положеніямъ нашей цензуры», и т. д.

Другое сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ того же числа, указывало на слѣдующее: «Въ № 14 «Гудка», подъ рубрикою «Погудки» (стр. 111), помѣщенъ разсказъ о пріѣздѣ въ городъ Ветлугу одного изъ ученыхъ и о томъ, что, вслѣдствіе рекомендаціи губернскаго начальства оказывать пріѣзжему вѣжливость и содѣйствіе въ его нуждахъ, мѣстные уѣздные чины исполняли такое приказаніе начальства тѣмъ, что явля-

лись къ пріѣзжему въ мундирахъ. Полагая, съ своей стороны, что такого разсказа вовсе не слѣдовало допускать къ печати, по тому уваженію, что онъ не имѣетъ въ виду никакой другой цѣли, кромѣ публичной насмѣшки надъ лицами служащими, съ указаніемъ даже мѣста служенія ихъ, отчего насмѣшка становится еще болѣе оскорбительною для тѣхъ, противъ кого направлена», и т. д..

День спустя, министерство внутреннихъ дѣлъ опять писало министру народнаго просвѣщенія: «Въ «Сѣверной Пчелѣ», 1-го мая, № 116, въ перепечатанной изъ «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» статьѣ, подъ заглавіемъ: «Самарская Пристань», авторъ, разсказавъ объ убыткахъ, причиненныхъ судохозяевамъ нынѣшнимъ ледоходомъ на рѣкѣ Самарѣ, и упомянувъ о предположенномъ мѣстнымъ начальствомъ устройствѣ рѣчной пристани на этой рѣкѣ, продолжаетъ: «были составлены на мѣстѣ изысканія и проектъ и представлены куда слѣдуетъ. Но въ главномъ управленіи, говорятъ, нашли какія-то препятствія. Вотъ завидное положеніе нашей внутренней торговли! Одно и то же дѣло на мѣстѣ занимаетъ всѣхъ, и администрацію, и сторону заинтересованную, занимаетъ понятно почему: нужды на глазахъ, ихъ настоятельность очевидна, мертвая бумага и разсчеты самолюбій еще не коснулись ихъ своимъ тлетворнымъ духомъ... Но коль скоро дѣло перешло на бумагу, исчезаетъ понемногу, со всею дѣйствительностью красокъ, и ожидаемая надежда». Принимая во вниманіе, что въ означенной статьѣ взводится обвиненіе, очевидно, на главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій въ остановкѣ будто бы удовлетворенія неотлагательныхъ мѣстныхъ нуждъ и въ помѣхѣ внутренней торговлѣ, съ намекомъ, что это дѣлается изъ какихъ-то разсчетовъ самолюбія, и вообще указывается на вредъ нашего дѣлопроизводства»,—министерство съ своей стороны полагало, что подобныхъ статей, какъ подрывающихъ довѣріе къ правительственнымъ учрежденіямъ, вовсе не слѣдовало бы допускать въ печать.

13-го мая, министерство внутреннихъ дѣлъ снова сдѣлало слѣдующее сообщеніе министру народнаго просвѣщенія: «Въ «Сѣверной Пчелѣ» (7-го мая, № 122), въ передовой статьѣ, перепечатано изъ «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» постановленіе тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по просьбѣ четырехъ временно-обязанныхъ крестьянъ имѣнія помѣщика Лопухина, ходатайствовавшихъ о возвратѣ внесенныхъ ими въ вотчинную контору денежныхъ суммъ, взамѣнъ поставки съ ихъ семействъ рекрутъ, или о выдачѣ зачетныхъ

для семействъ ихъ рекрутскихъ квитанцій. Губернскимъ присутствіемъ отказано въ удовлетвореніи настоящаго ходатайства крестьянъ на томъ основаніи, что, за силою 2 примѣч. къ 24 ст. общ. полож., бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ воспрещены иски и тяжбы по такимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ помѣщиковъ, кои совершились до обнародованія Положенія. Вслѣдъ за текстомъ означеннаго постановленія говорится: «подобнаго рода заявленій со стороны обманутыхъ крестьянъ было множество въ разныхъ великороссійскихъ губерніяхъ». Далѣе, высказавъ, между прочимъ, мысль, что прикащикъ Лопухина или вотчинная контора сознались, по удостовѣренію крестьянъ, въ полученіи съ нихъ денегъ, но не хотятъ ихъ возвращать только потому, что не обязаны буквою положенія, авторъ прибавляетъ: «категорическій отказъ присутствія ставитъ насъ въ рѣшительное недоумѣніе. Вѣдь прошеніе крестьянъ не жалоба на прошлое, а гражданскій искъ». Въ заключеніе статьи приведенъ слѣдующій случай: «Тамъ (въ Ярославлѣ) разсматривалась жалоба крестьянъ помѣщика Черткова, что онъ, взявъ съ троихъ крестьянъ по 600 рублей и выдавъ имъ собственноручныя росписки, послѣ застращалъ мужиковъ и отобралъ отъ нихъ документы. Но крестьянамъ губернское присутствіе отказало только потому, что помѣщикъ Чертковъ отъ такого гнуснаго поступка отрекся и положительно объявилъ, что денегъ съ мужиковъ не бралъ». Не входя въ разсмотрѣніе того, справедливы или нѣтъ сужденія «Сѣверной Пчелы» о постановленіи псковскаго присутствія, слѣдуетъ остановиться въ настоящемъ случаѣ только на томъ, что пока еще не установились окончательно отношенія бывшихъ крѣпостныхъ людей къ помѣщикамъ, необходимо было бы воздерживаться, на основаніи высочайшаго повелѣнія 8-го марта 1860 года (не допускать въ печать журнальныхъ статей, въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія въ государствѣ къ другому), отъ такого рода сужденій и разсказовъ, которые могутъ возбуждать опасное нерасположеніе вновь возникающаго сословія свободныхъ крестьянъ противъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ».

По поводу всѣхъ этихъ семи отношеній министерства внутреннихъ дѣлъ, состоялось слѣдующее циркулярное предложеніе (№ 8) министра народнаго просвѣщенія по цензурному вѣдомству: «Препровождая при семъ извлеченіе изъ отношеній ко мнѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, по поводу цензурныхъ упущеній, замѣченныхъ имъ въ періодическихъ изданіяхъ, покорнѣйше прошу васъ сообщить это извлеченіе гг. цензорамъ къ руководству и

прочесть оное гг. редакторамъ журналовъ и газетъ, обративъ особое вниманіе гг. цензоровъ на то, что многія изъ замѣченныхъ упущеній весьма важны, что повтореніе подобныхъ случаевъ подвергнетъ ихъ отвѣтственности, и что цензору, допустившему къ печати указанный отрывокъ изъ романа Гюго «Отверженные», объявленъ былъ мною, по высочайшему повелѣнію, выговоръ».

Съ 13-го марта по 23-е апрѣля, министръ народнаго просвѣщенія не находилъ нужнымъ оповѣщать циркулярами цензурное вѣдомство объ упущеніяхъ, замѣчаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; но съ 23-го апрѣля онъ сталъ сообщать ихъ для «руководства цензорамъ и для прочтенія редакторамъ газетъ и журналовъ», а въ циркулярѣ своемъ, отъ 19-го мая (№ 8), даже указалъ, что «многія изъ замѣченныхъ упущеній весьма важны». Романъ же Виктора Гюго «les Misérables» обратилъ на себя большое вниманіе со стороны цензуры въ 1862 году. Такъ, 29-го іюня сообщено было министромъ народнаго просвѣщенія петербургскому цензурному комитету, что «по случаю изданія отдѣльною книгою перевода романа Виктора Гюго «les Misérables», высшему правительству угодно, чтобы цензура съ особеннымъ вниманіемъ и строгостью пересматривала этотъ переводъ». Іюля 6-го, состоялось слѣдующее предложеніе того же министра тому же комитету: «вслѣдствіе представленія, отъ 3-го іюля, имѣю честь увѣдомить, чтобы цензура не дозволяла продолжать печатать переводъ романа Виктора Гюго: «les Misérables», такъ какъ послѣдніе томы этого сочиненія имѣютъ самое вредное направленіе»,—а отъ 10-го іюля, вновь слѣдующее: «Въ послѣдствіе сообщеннаго запрещенія продолжать печатаніе въ повременныхъ изданіяхъ перевода романа Виктора Гюго «les Misérables», я не нахожу возможнымъ изданіе нынѣ отдѣльными книжками тѣхъ частей этого романа, которыя уже были помѣщены въ журналахъ и газетахъ».

Послѣ двухнедѣльнаго перерыва, министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ, 19-го мая 1862 г., для руководства московскому цензурному комитету слѣдующее отношеніе, полученное имъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «Въ №: 31-мъ «Дня», подъ рубрикою «Смѣсь» (стр. 20), перепечатанъ изъ «Русскаго Инвалида» текстъ оффиціальнаго извѣстія о наказаніяхъ, которымъ подвергнуты лица, произведшія, 10-го апрѣля сего года, безпорядки въ одной изъ варшавскихъ церквей, именно: «изъ числа арестованныхъ въ Варшавѣ за безпорядки, произведенные 10-го апрѣля н. ст. въ церкви св. Іоанна, по приказанію г. исправ-

ляющаго должность намѣстника царства польскаго, одинъ отданъ подъ военный судъ, какъ главный виновникъ, двѣнадцать человѣкъ опредѣлены на службу рядовыми; остальные же, менѣе виновные, посажены на нѣсколько недѣль подъ арестъ въ казематъ». Вслѣдъ за симъ редакція, высказавъ предположеніе, что русскій переводъ этого извѣстія не вѣренъ, или что самый подлинникъ написанъ неправильно, дозволила себѣ на этомъ основаніи строго осуждать распоряженія главнаго мѣстнаго начальства по этому дѣлу. Редакція жалѣетъ, что «можетъ распространиться въ Европѣ мнѣніе, будто у насъ и въ самомъ дѣлѣ можно, схвативши людей на улицѣ, по подозрѣнію въ безпорядкахъ, отдавать ихъ въ солдаты безъ суда, безъ допроса, не разбирая ни возраста, ни званія, ни обстоятельствъ жизни и самаго дѣла». Переводъ «Инвалида» дѣйствительно не вполнѣ точенъ; но редакція «Дня», получающая и варшавскія газеты, знала одинаково и польскій текстъ, и текстъ русскаго перевода. Подобнаго рода журнальныя хитрости не должны бы быть терпимы, ибо, при предположеніи лишь невѣрности опубликованнаго текста, могли бы подвергаться всякаго рода нападкамъ и даже рѣшительному осужденію въ печати не только правительственныя распоряженія, но и самые законы и изъявленія высочайшей воли. Означенная статья газеты «День» представляется еще предосудительнѣе и неумѣстнѣе въ печати по тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится царство польское. Кромѣ усиленія раздраженія умовъ, она можетъ еще поселить мнѣніе, что русское общество, или, по крайней мѣрѣ, журналистика сочувствуетъ виновникамъ повторяющихся тамъ безпорядковъ. По этимъ причинамъ, признавая, со своей стороны, допущеніе упомянутой статьи въ печати важнымъ упущеніемъ со стороны цензуры, тѣмъ болѣе, что ей должно быть не безъизвѣстно о томъ, чтобы политическія извѣстія разсказываемы были въ періодическихъ изданіяхъ просто, избѣгая, сколь возможно, всякихъ разсужденій», и т. д.

Это сообщеніе, впрочемъ, не было оставлено безъ отвѣта министерствомъ народнаго просвѣщенія (отъ 2-го іюня), какъ то видно изъ отношенія къ нему министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 8-го іюня, переданнаго для руководства предсѣдателямъ петербургскаго и московскаго цензурныхъ комитетовъ: «На сообщеніе мое о помѣщенномъ въ № 82-мъ «Русскаго Инвалида» невѣрномъ, или правильнѣе, неточномъ переводѣ оффиціальнаго текста извѣстія о варшавскихъ безпорядкахъ, вы изволили отозваться, что по цензурѣ не существуетъ никакого правила, по которому цен-

зоры, при одобреніи къ печати въ періодическихъ изданіяхъ переводовъ оффиціальныхъ статей, должны бы были требовать отъ редакцій сихъ изданій удостовѣренія въ точности и полнотѣ перевода, и что вы не признаете возможнымъ возлагать на цензоровъ обязанность наблюденія за вѣрностью печатаемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ переводовъ, указывая при этомъ на ст. 6 ценз. уст. [1]). Долгомъ считаю увѣдомить (сообщало министерство внутреннихъ дѣлъ), что въ цензурномъ уставѣ хотя и не заключается буквальнаго указанія на обязанность цензора требовать отъ редакціи удостовѣренія въ правильности переводовъ, но статьею 89-ю того же устава именно постановлено, что цензоры должны отправлять свою должность не только по словамъ, но и по разуму устава, конечно, имѣющаго главнымъ образомъ цѣлью предупредить всякаго рода вредныя послѣдствія отъ печатнаго слова. Впрочемъ, сообщая на ваше благоусмотрѣніе мои мысли по сему предмету, я имѣлъ преимущественно въ виду не букву цензурнаго устава, которою, не нося званія цензора, я вообще не признаю себя обязаннымъ безусловно руководствоваться, и не буквальное исполненіе гг. цензорами возложенныхъ на нихъ уставомъ обязанностей, но то высшее обобщенное наблюденіе за дѣйствіями прессы и то особое попеченіе о направленіи ея дѣятельности, о которыхъ вы неоднократно изволили упоминать въ изустныхъ со мною объясненіяхъ, и которыя, между прочимъ, подробно объяснены въ представленной вами Государю Императору докладной запискѣ предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета [2]). Въ этой запискѣ упоминается о его «частыхъ бесѣдахъ съ редакторами журналовъ». Мнѣ казалось, что указанные мною пропуски въ переводѣ, помѣщенномъ въ «Инвалидѣ, могли безъ неудобства войти въ кругъ подобныхъ бесѣдъ, какъ съ гг. редакторами, такъ и гг. цензорами, и что свойство этихъ пропусковъ могло обратить на себя особое вниманіе, помимо ст. 6 ценз. устава».

Еще 30-го апрѣля министерство внутреннихъ дѣлъ обращало свое вниманіе на тенденціи журнала «Вѣкъ» (№№ 9-10, 13-14, 15-16). «Если въ журналѣ «Вѣкъ», говорилось въ отношеніи,

---

[1]) На основаніи этой статьи, цензура „въ сужденіяхъ своихъ принимаетъ всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ другую сторону".

[2]) Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія, 13 марта 1862 г., предсѣдателемъ петербургскаго цензурнаго комитета, на мѣсто генералъ-лейтенанта барона Медема, назначенъ былъ директоръ канцеляріи государственнаго контроля, В. А. Цеэ, съ производствомъ его въ тайные совѣтники.

встрѣчается и немного такихъ выраженій и отдѣльныхъ мыслей, которыя бы, на основаніи существующихъ цензурныхъ правилъ, подлежали безусловному запрещенію, то, съ другой стороны, его общее отрицательное направленіе и совокупность помѣщенныхъ статей требуютъ особенной внимательности цензуры». Это замѣчаніе министерства внутреннихъ дѣлъ вызвало слѣдующее письмо министра народнаго просвѣщенія къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту князю Суворову, отъ 22-го мая: «Министерство внутреннихъ дѣлъ, обращая вниманіе мое на неодобрительное, по его мнѣнію, общее направленіе журнала «Вѣкъ», указало, въ числѣ другихъ предосудительныхъ статей, не заслуживавшихъ цензурнаго одобренія, на помѣщенную въ № 13-14 означеннаго журнала статью, подъ заглавіемъ «С.-петербургскіе городскіе выборы» [1]). Усмотрѣвъ же, изъ доставленнаго мнѣ г. предсѣдателемъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета отношенія вашей свѣтлости къ тайному совѣтнику Цеэ, что статья эта, предварительно дозволенія къ печати, находилась на вашемъ разсмотрѣніи, и что вы не встрѣчали препятствій къ ея напечатанію, я счелъ долгомъ о семъ, для оправданія цензора, довести до свѣдѣнія Государя Императора».

Но иногда несогласіе между двумя вѣдомствами, раздѣлявшими между собою управленіе по дѣламъ печати, приводило къ необходимости строгихъ мѣръ, и такимъ образомъ, 15-го іюня, министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ петербургскому цензурному комитету, что «на основаніи § VI-го высочайше утвержденныхъ 12-го мая 1862 г. «Временныхъ правилъ» по цензурѣ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ и я, по взаимному соглашенію, признали нужнымъ прекратить на восемь мѣсяцевъ изданіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово».

Но и такая мѣра строгости не облегчила дѣла. Не далѣе, какъ 2-го іюля того же года, министерство внутреннихъ дѣлъ препроводило къ министру народнаго просвѣщенія новое отношеніе: «Въ № 168-мъ «Сѣверной Пчелы», въ передовой статьѣ, между прочимъ, говорится: «Александръ II сдѣлалъ шагъ къ дарованію Россіи возможности дышать свободнѣе по праву. Такіе шаги: освобожденіе крѣпостныхъ людей. скорое введеніе гласнаго судо-

---

[1]) Въ 1862 году, вышло всего семнадцать нумеровъ „Вѣка", и послѣдній появился 29-го апрѣля. Послѣ появленія статьи „С.-Петербургскіе городскіе выборы" цензоромъ журнала вмѣсто Бекетова назначенъ былъ г. Де-Роберти. Редакція журнала, съ № 5—6, если не ошибаюсь, перешла окончательно отъ г. Вейнберга къ г. Елисѣеву.

производства, желаніе расширить свободу печатнаго слова, терпимость религіознаго раскола и готовность даровать народу мѣстное самоуправленіе». Принимая во вниманіе, что указаніе на предполагаемую въ настоящее царствованіе особую терпимость религіознаго раскола можетъ подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и даже къ проявленію небезопасныхъ стремленій со стороны тѣхъ, до кого это дѣло относится, цензору, знакомому съ современнымъ настроеніемъ у насъ умовъ, и въ особенности съ настроеніемъ умовъ и обычными кривотолками раскольниковъ, вовсе не слѣдовало бы пропускать означеннаго указанія въ печати», и т. д.

Вмѣстѣ съ этимъ, министерство внутреннихъ дѣлъ заявляло, съ своей стороны, слѣдующее: «Если журналы «Современникъ» и «Русское Слово» подверглись временному запрещенію, вслѣдствіе замѣченнаго въ нихъ систематически-вреднаго направленія и постоянныхъ усилій къ распространенію вредныхъ, противурелигіозныхъ и противуправительственныхъ теорій, то въ настоящее время кажется, что ту же самую мѣру надлежало бы принять въ отношеніи къ газетѣ «Современное Слово» [1]). Поводомъ къ самому возникновенію ея было неблагонамѣренное направленіе, данное ея издателемъ оффиціальной военной газетѣ «Русскій Инвалидъ». Изданіе «Современнаго Слова» разрѣшено съ тѣмъ, чтобы, не нарушая заключеннаго на счетъ изданія «Русскаго Инвалида» контракта, отдѣлить, по крайней мѣрѣ, вредныя литературныя писанія отъ неоффиціальной части газеты. Съ тѣхъ поръ направленіе этихъ писаній не только не измѣнилось, но обнаруживаетъ еще болѣе систематическое стараніе противодѣйствовать видамъ правительства и возбуждать умы противъ настоящаго общественнаго порядка. Достаточно указать на статью по вопросу о поджогахъ, на статью въ № 22-мъ, о духѣ прусской конституціи, и на другую статью, гдѣ говорится, подъ предлогомъ сравненія Америки съ Франціею, о томъ, что политическіе преступники не должны подлежать казни, потому что въ ихъ преступленіяхъ всегда есть доля самоотверженія. Цѣль подобныхъ заявленій, послѣ покушенія на жизнь великаго князя намѣстника, и въ виду высочайшаго повелѣнія судить военнымъ судомъ подстрекателей къ безпорядкамъ, слишкомъ очевидна, чтобы оставаться незамѣченною. То же самое относится и къ

[1]) Газета „Русскій Инвалидъ“ перешла къ редактору-издателю Н. Г. Писаревскому съ 1-го сентября 1861 года; съ 1-го іюня 1862 года, какъ объявлено было въ этой газетѣ,—неоффиціальная часть „Русскаго Инвалида“ вошла въ особую газету „Современное Слово“.

статьѣ о прусской конституціи, и если цензоръ можетъ не замѣчать попытокъ оправдывать разнаго рода злодѣйства, или прикрывать наименованіемъ какого-нибудь иностраннаго государства то, чтó не могло бы быть выражено на счетъ Россіи, то подобныя попытки не должны ускользнуть отъ вниманія министерствъ, наблюдающихъ за дѣйствіями прессы. Нельзя также не принять въ соображеніе, что ежедневная газета должна подлежать еще болѣе строгому наблюденію, чѣмъ ежемѣсячный журналъ».—Въ заключеніе предлагалось прекратить изданіе «Современнаго Слова» на срокъ примѣрно пяти или шести мѣсяцевъ.

Министерство народнаго просвѣщенія не согласилось на временное прекращеніе газеты «Современное Слово» и 4-го іюля отвѣчало министерству внутреннихъ дѣлъ: «Въ отвѣтъ на сообщеніе отъ 2-го іюля и вслѣдствіе личнаго объясненія, имѣю честь увѣдомить, что я объявилъ редактору «Современнаго Слова», что газета его подвергнется неминуемо временному прекращенію, въ случаѣ продолженія нынѣшняго направленія помѣщаемыхъ въ ней статей, и предписалъ цензирующему оную цензору усилить внимательность свою и строгость при просмотрѣ статей».

Но отъ 4-го іюля министерство внутреннихъ дѣлъ прислало министру народнаго просвѣщенія новое сообщеніе: «Въ № 5 журнала «Время», въ статьѣ подъ заглавіемъ «Законы о печати во Франціи», авторъ говоритъ о безполезности, даже о вредѣ, цензуры вообще, между прочимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «можетъ возникнуть предположеніе, что общественное мнѣніе можетъ быть истреблено, подавлено дѣятельными запретительными мѣрами, если это будетъ признано удобнымъ въ административномъ отношеніи. Но въ нашемъ вѣкѣ даже на минуту подумать это—неблагопристойно, непотребно, и если Луи-Наполеонъ это дѣлаетъ, то всякій сколько-нибудь опытный машинистъ скажетъ, что это неблагоразумно. Стѣнки всякаго пароваго котла устроены такъ, что могутъ выдержать большое давленіе запертаго внутри пара; но всему есть мѣра, и если плотно запереть всѣ предохранительные клапаны, то котелъ нѣсколько времени продержится, а потомъ, неизвѣстно въ какую именно минуту, неожиданно лопается и откидываетъ трупъ неосторожнаго машиниста на груду труповъ всѣхъ его друзей и попутчиковъ» (стр. 175 и 176). Разсуждая о постановленіяхъ карательной цензуры во Франціи, авторъ называетъ эту цензуру веревкою удавленника, распущенною настолько, чтобы паціентъ задохнулся не сейчасъ же (стр. 178 и 179). Цензура предупредительная, по словамъ статьи, ни для религіи, ни для мо-

рали, ни для власти не оказала никакихъ услугъ; въ прошломъ столѣтіи она не умѣла ничего предупредить (стр. 183). Столь рѣзкія сравненія и сужденія имѣютъ цѣлью вооружить читающую публику противъ существующаго и у насъ порядка цензуры, а также заранѣе поселить въ обществѣ предубѣжденіе противъ тѣхъ мѣръ, какія будутъ приняты правительствомъ въ предполагаемомъ къ изданію новомъ цензурномъ уставѣ.

«Въ фельетонѣ № 167 «Сѣверной Пчелы», корреспондентъ съ юга Россіи объявляетъ, что въ этомъ году на югѣ Россіи, на всемъ протяженіи, въ восточной и западной Украйнахъ, въ Новороссіи и въ Крыму, суждено разыграться самому полному кризису во всѣхъ отношеніяхъ. Вслѣдъ за симъ, разсказавъ, что тамъ всѣ шелковичныя деревья, всѣ тутовыя плантаціи вымерзли до корня, громадные парки шелковичныхъ садовъ представляютъ теперь сплошную массу безлистаго изсохшаго хвороста... всѣ персиковыя, абрикосовыя и другія нѣжныя плодовыя растенія, а также травы и хлѣба, погибли окончательно,—корреспондентъ продолжаетъ: «паническій ужасъ объялъ наше народонаселеніе». Въ довершеніе картины указывается на застой въ торговлѣ, безденежье, отсутствіе кредита и недостатокъ рабочихъ рукъ. При современномъ настроеніи у насъ умовъ и вообще при настоящемъ положеніи Россіи, а также при народныхъ движеніяхъ въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ государствахъ, распространеніе свѣдѣній о бѣдственномъ будто бы положеніи южныхъ областей имперіи не только не принесетъ никакой пользы, но еще можетъ быть опаснымъ. Хотя въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ нѣтъ положительнаго указанія на то, что подобныя выше приведеннымъ статьи подлежатъ запрещенію, но такъ какъ онѣ могутъ сопровождаться болѣе или менѣе вредными послѣдствіями, слѣдовало бы признать полезнымъ предписать гг. цензорамъ, чтобы они, при пропускѣ статей къ печати, обращали вниманіе и на соотношеніе оныхъ съ направленіемъ умовъ и другими обстоятельствами въ данное время и не дозволяли бы тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ быть вредны въ этомъ отношеніи».

Дней черезъ десять появилось опять новое отношеніе: «Въ № 41 «Кіевскаго Телеграфа», во внутреннихъ извѣстіяхъ, подъ заглавіемъ «Странныя вещи» помѣщенъ разсказъ о слѣдующихъ двухъ случаяхъ на мировомъ съѣздѣ въ екатеринославской губерніи: 1) 10-го февраля текущаго года, четыре депутата отъ временнообязанныхъ крестьянъ одного помѣщика екатеринославской губерніи явились въ мѣстный мировой съѣздъ и жаловались на неправильное составленіе уставной грамоты; ихъ встрѣтили шумомъ,

гамомъ и угрозами, и въ заключеніе обѣщали взыскать съ нихъ за такую дерзость; и 2) въ тотъ же мировой съѣздъ принесена была частная жалоба председателю о томъ, что былъ побитъ человѣкъ и на вопросъ—кѣмъ и гдѣ? былъ отвѣтъ, что побилъ господинъ помѣщикъ на мировомъ съѣздѣ. Объясненіе этого дѣла слѣдующее: во время засѣданія мирового съѣзда, въ домѣ, гдѣ оно происходило, пожаловали четыре помѣщика, потребовали вина и начали пить и шумѣть, такъ что пришлось затворить дверь въ гостиную, гдѣ бываетъ засѣданіе. Гости однако же не угомонились, и дѣло дошло до упомянутой жалобы, принесенной человѣкомъ, который служитъ за буфетомъ. Порѣшена эта исторія такъ: во избѣжаніе впредь подобныхъ недоразумѣній, закрыть буфетъ, а во избѣжаніе огласки, такъ какъ это можетъ компрометировать помѣщиковъ, оставить дѣло безъ вниманія. Буфетчикъ лишился доходовъ; сверхъ того остался съ побитымъ лицомъ безъ удовлетворенія. Признавая, съ своей стороны, что оба эти разсказа, доказывающіе, что привилегированнымъ сословіямъ все позволительно и, напротивъ, низшіе слои общества нигдѣ не могутъ оградить права свои, нарушаютъ статью VII высочайше утвержденныхъ 12-го мая правилъ для руководства по цензурѣ, какъ возбуждающіе ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ», и т. д.

Министерство народнаго просвѣщенія отвѣчало на это сообщеніе слѣдующимъ образомъ, 15-го іюля: «Вслѣдствіе отношенія отъ 13-го іюля, о двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ № 41 «Кіевскаго Телеграфа», имѣю честь увѣдомить, что я затрудняюсь подвергнуть какому-либо взысканію цензора, допустившаго къ печати эти статьи, такъ какъ, на основаніи статьи IV правилъ по цензурѣ 12-го мая, дозволяются статьи о злоупотребленіяхъ администраціи, съ условіемъ не допускать только печатанія имянъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій, такъ какъ цензура не должна потворствовать злоупотребленіямъ, скрывая ихъ отъ справедливаго негодованія со стороны общества. Что же касается до возбужденія ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ, то я полагаю, что не статьи «Кіевскаго Телеграфа», который крестьянами не читается, а самые поступки помѣщиковъ, описанные въ № 41-мъ этого изданія, поведутъ неминуемо къ возбужденію этого чувства. Обнародованіе этихъ поступковъ принесетъ, напротивъ того, пользу помѣщикамъ, ибо воздержитъ ихъ отъ повторенія оныхъ въ другихъ мѣстностяхъ и тѣмъ самымъ уничтожитъ самую причину ненависти».

Въ тотъ же день, 13-го іюля, послѣдовало еще и другое отношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ къ министру народнаго просвѣщенія: «Въ № 171-мъ «Сѣверной Пчелы», подъ рубрикою «Мнѣніе газеты «Times» о люцернскомъ конгрессѣ» (стр. 634), помѣщена статья, въ которой порицаются дѣйствія бурбонской династіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Французы, прибывшіе въ этотъ иностранный городъ (Люцернъ), собрались для того, чтобы оплакивать настоящее положеніе той французской королевской фамиліи, которая, въ лицѣ Генриха IV, будучи возведена на престолъ, по гласу французскаго народа, причинила Франціи страшнѣйшее зло и ввергла страну въ ужаснѣйшую революцію. Когда эта фамилія была вновь возведена на престолъ, при содѣйствіи чужеземныхъ завоевателей, то, тридцать два года тому назадъ, она вновь была изгнана, послѣ тщетной попытки совершить революцію противъ правъ, которыя она была обязана защищать и противъ льготъ, которыя она сама торжественно признала». Далѣе: «есть много людей, которые полагаютъ, что послѣднія лица, которыхъ слѣдуетъ желать видѣть на престолѣ Франціи, суть именно тѣ, которыя имѣютъ притязанія на него въ силу божественнаго права и что судьба націи гораздо надежнѣе въ чьихъ-либо другихъ рукахъ, нежели въ рукахъ того, который управляетъ націею на основаніи титула, не подлежащаго отвѣтственности ни передъ какимъ человѣческимъ судомъ».

«Заключающееся въ приведенной статьѣ заявленіе противъ божественнаго права, на которомъ опирается верховная власть, и противъ самодержавія вообще, противузаконно и не только не должно быть допущено къ печати (ст. I правила 12-го мая по цензурѣ), но преслѣдуемо по закону», и т. д.

Министръ народнаго просвѣщенія, препровождая это отношеніе петербургскому цензурному комитету, 16-го іюля, къ руководству, присовокупилъ: «прошу объявить выговоръ цензору за допущеніе этой статьи (о люцернскомъ конгрессѣ) къ печати».

Не ограничиваясь всѣми вышеприведенными многократными замѣчаніями о разныхъ упущеніяхъ со стороны цензуры, несмотря на новыя «Временныя правила», министерство внутреннихъ дѣлъ представило въ іюлѣ того же 1862 г., особую записку «о неблагонамѣренномъ направленіи значительнѣйшей части нашей литературы и неосновательности сужденій, произносимыхъ въ публикѣ на счетъ дѣйствій и распоряженій правительства».

Записка эта была выслушана въ совѣтѣ министровъ 15-го іюля, и вслѣдствіе того министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ, 31-го іюля, цензурному вѣдомству о высочайшемъ одобреніи выраженной въ запискѣ общей мысли, а именно, «что, для устраненія, по мѣрѣ возможности, проистекающихъ отъ того и другого (отъ направленія литературы и неосновательности сужденій въ публикѣ) неблагопріятныхъ послѣдствій, надлежало бы распространять въ печати точныя свѣдѣнія о принятыхъ по разнымъ вѣдомствамъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, общеполезныхъ, законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ и противодѣйствовать печатными статьями, написанными въ благонамѣренномъ духѣ, вліянію статей, болѣе или менѣе явно направленныхъ противъ правительства. Въ отношеніи къ способамъ практическаго примѣненія къ дѣлу вышеозначенной общей мысли, принимая во вниманіе необходимость предупредительнаго содѣйствія со стороны цензуры и неудобство явной полемики между оффиціальными журналами правительства и частными изданіями, высочайше повелѣно было: 1) подтверждать къ исполненію, со стороны цензуры, какъ общей, такъ и духовной, и всѣхъ вообще вѣдомствъ, цензурныя правила о недопущеніи къ печати статей, явно вредныхъ по своему направленію, или по неприличію изложенія; 2) поставить въ обязанность всѣмъ вѣдомствамъ и управленіямъ, имѣющимъ свои журналы, болѣе часто указывать, какъ въ этихъ изданіяхъ, въ статьяхъ оффиціальныхъ, такъ и въ полуоффиціальныхъ статьяхъ, печатаемыхъ въ частныхъ журналахъ и газетахъ, на принятыя по разнымъ отраслямъ администраціи законодательныя и административныя мѣры, направленныя къ улучшенію этихъ отраслей государственнаго управленія; и 3) возбуждать частныя повременныя изданія къ болѣе справедливому и благонамѣренному направленію въ отношеніи къ религіи, нравственности и дѣйствіямъ правительства, съ цѣлью водворенія въ читающей публикѣ болѣе правильныхъ понятій о дѣйствіяхъ правительства и о нашихъ современныхъ потребностяхъ».

Но еще ранѣе означенной записки министерства внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе многократныхъ сообщеній и отношеній, министръ народнаго просвѣщенія не разъ указывалъ цензурному вѣдомству на непріятное для правительства направленіе печати. Такъ, 1-го іюня, въ циркулярѣ его по цензурѣ, было выражено: «Государь Императоръ, обративъ вниманіе на то, что во многихъ статьяхъ, появившихся въ послѣднее время въ журналахъ и газетахъ, замѣтна цѣль возбудить недоброже-

лательство и недовѣріе къ правительству, причемъ постоянно даются правительству наставленія, высочайше повелѣть соизволилъ: возложить на особую отвѣтственность гг. цензоровъ и самихъ предсѣдателей цензурныхъ комитетовъ, чтобы подобныя статьи не допускались въ печати и чтобы всякія разсужденія, касающіяся правительства, дозволялись только въ выраженіяхъ приличныхъ и умѣренныхъ». Отъ 8-го іюля, сообщалось сверхъ того, по цензурному вѣдомству: «Государь Императоръ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, изволилъ приказать мнѣ не допускать къ печати никакихъ статей, написанныхъ съ враждебнымъ къ правительству направленіемъ, такъ какъ статьи подобнаго рода имѣли въ послѣднее время весьма вредное вліяніе, особенно на молодыхъ людей, которыхъ вводили въ заблужденіе насчетъ видовъ и намѣреній правительства».

Что же касается до записки министерства внутреннихъ дѣлъ, читанной въ совѣтѣ министровъ 15-го іюля, то нѣтъ сомнѣнія, что она была поводомъ къ слѣдующему отношенію, отъ 7-го августа, министра народнаго просвѣщенія къ министру юстиціи, графу Панину: «Государь Императоръ, обративъ вниманіе на статью: «Судъ надъ членами тайнаго общества въ Парижѣ», которая не допущена цензурою къ печати, и признавая такое запрещеніе правильнымъ, высочайше повелѣть соизволилъ сообщить вашему сіятельству, что Его Императорское Величество, въ виду производящагося нынѣ слѣдствія въ С.-Петербургѣ, признавалъ бы полезнымъ напечатаніе благонамѣренной статьи, составленной опытными юристами, о судѣ, произведенномъ въ Парижѣ. Во исполненіе сей высочайшей воли, имѣю честь доставить при семъ вашему сіятельству помянутую статью».

Точно также, этою же запиской министерства внутреннихъ дѣлъ можно объяснить слѣдующее распоряженіе, изложенное въ отношеніи, отъ 13-го августа, министра народнаго просвѣщенія къ главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ: «Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему о просвѣщенномъ направленіи нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданій и неоспоримомъ талантѣ редакторовъ ихъ, высочайше соизволилъ разрѣшить въ Москвѣ: редактору журнала «Русскій Вѣстникъ» и современной при немъ лѣтописи, М. Каткову, участнику въ семъ изданіи М. Леонтьеву, и редактору газеты «Наше Время», Н. Павлову, а въ С.-Петербургѣ редакторамъ: «Отечественныхъ Записокъ» А. Краевскому, «Сѣверной Пчелы»

П. Усову, и «Сына Отечества» А. Старчевскому, —получать безъ цензуры выходящія за границею на русскомъ и иностранныхъ языкахъ всякія книги, брошюры и періодическія изданія, въ увѣренности, что означенные редакторы воспользуются этимъ дозволеніемъ, чтобы, согласно ихъ убѣжденіямъ, опровергать тѣ ученія, которыя они признаютъ ложными, и которыя, проникая тайными путями въ Россію и оставаясь безъ возраженій, имѣютъ вредное вліяніе на людей молодыхъ и недоучившихся». Съ 1-го января 1863 г., такое же право было предоставлено новой редакціи «Спб. Вѣдомостей».

Пав. Усовъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТРЕХЪ

Разсказъ Джесси Фотергилль.

Окончаніе.

Глава X.—Пѣніе.

На другой день Маргарита провела утро съ своей ученицей. До завтрака она не видала ни Руперта, ни мистриссъ Лассель. Когда они сошлись въ столовой, туда явилась одна мистриссъ Лассель, безъ Руперта. Кроткіе темные глаза этой дамы подернулись слезами, когда она сказала:

— Дорогая моя, мнѣ кажется, что вы сдѣлаетесь ангеломъ-хранителемъ этого дома. Я не умѣю благодарить васъ, какъ бы слѣдовало, но мистеръ Бальдвинъ говоритъ...

— Что говоритъ мистеръ Бальдвинъ?—спросила Маргарита, на лицѣ которой выразился испугъ.

— О, ничего, кромѣ хорошаго, — съ улыбкой сказала мистриссъ Лассель. — Что онъ считаетъ вліяніе, которое вы пріобрѣли надъ Рупертомъ, чѣмъ-то почти магическимъ, т.-е. мало уступающимъ его собственному, чтó одно и тоже.

Маргарита улыбнулась тревожной улыбкой. Она какимъ-то образомъ остановилась на мысли, что Луисъ Бальдвинъ смотритъ на нее не съ чувствомъ полнаго одобренія; хотя,—спѣшила она себя увѣрить,—ей все равно, одобряетъ ли онъ ее или нѣтъ.

— Вы давно знаете мистера Бальдвина? — спросила она, когда они сѣли за столъ.

— Съ его рожденія, могу сказать.

— Ахъ, я теперь вспомнила, — сказала Маргарита: — мистеръ Маллабаръ говорилъ вчера, что вы были очень добры къ нему и къ другимъ, «къ Луису Бальдвину, напримѣръ». Это были его слова.

— Я ласкала ихъ какъ умѣла. Они оба очень рано остались безъ матери; оба не имѣли близкихъ родныхъ. Отцы ихъ были короткими пріятелями моего отца, оба часто совѣтовались со мной относительно воспитанія своихъ мальчиковъ. Оба вышли хорошими людьми. Я положительно горжусь Джономъ Маллабаромъ, онъ такой славный малый. Но онъ не былъ для насъ тѣмъ, чѣмъ былъ Луисъ Бальдвинъ.

— Мистеръ Бальдвинъ живетъ въ томъ старомъ домѣ, который виденъ изъ окна моей спальни, не такъ-ли?

— Да; нѣсколько поколѣній его семьи тамъ жило. Они вовсе не богаты, хотя вполнѣ обезпечены. У Луиса всегда была страсть «пачкать», какъ мы говорили, онъ убѣдилъ отца позволить ему изучать медицину и добиться диплома. По окончаніи курса онъ вернулся домой и тотчасъ пріобрѣлъ нѣкоторую практическую опытность, такъ какъ прежній докторъ Бенбриджъ съ трудомъ справлялся съ своимъ дѣломъ и страшно отсталъ отъ науки. Луисъ безвозмездно помогалъ ему, чисто изъ любви къ дѣлу, и скоро пріобрѣлъ искреннее расположеніе и даже горячую привязанность простого народа. Когда старикъ докторъ Бенбриджъ умеръ, годъ или два тому назадъ, Луисъ взялъ на свои руки паціентовъ доктора Бенбриджа. Тогда умеръ его отецъ, ему уже не было особенной надобности продолжать работать, но онъ полюбилъ свое дѣло. Онъ говоритъ, что благодаря этому дѣлу у него есть цѣль въ жизни, что оно заставляетъ его слѣдить за наукой. Въ свободное время его любимое занятіе — біологія. Мы, конечно, считаемъ его идеаломъ «цѣлителя». Тутъ отчасти, можетъ быть, играетъ роль наше пристрастіе.

— Мнѣ кажется, что такъ, — сказалъ мистеръ Лассель: — во время моихъ разъѣздовъ я часто слышу толки о докторѣ; оказывается, что на его счетъ существуютъ очень разнообразныя мнѣнія. Иные вѣруютъ въ него, почти поклоняются ему, какъ нашъ бѣдный мальчикъ и его мать; другіе ненавидятъ, положительно ненавидятъ его.

— Неужели, за что же?

— Да если поразспросить ближе, то по бóльшей части оказывается, что любятъ его честные люди, а ненавидятъ дурные. У него странные взгляды, и такъ какъ онъ обезпеченъ, если не богатъ, и отъ практики своей не зависитъ, то онъ позволяетъ

себѣ откровенно ихъ высказывать; замѣтьте, что при всемъ своемъ здравомъ смыслѣ Луисъ—человѣкъ, способный умереть за идею. Напримѣръ, онъ умѣетъ говорить очень рѣзкія вещи очень спокойно, но такимъ тономъ, что точно бичемъ васъ стегнетъ. Онъ умѣетъ говорить языкомъ такимъ неизысканнымъ, что его свободно понимаютъ наши рыбаки, мелкіе фермеры и рабочіе. Онъ иной разъ донимаетъ ихъ на счетъ пьянства, мотовства, дурного обращенія съ женами, и пр., да такъ—это мнѣ самому случалось видѣть,—что какой-нибудь рыбакъ Геркулесъ, который могъ бы искрошить его, еслибъ имъ пришлось помѣряться силами, крался къ себѣ домой точно высѣченная собака, поджавши хвостъ.

— Боюсь, что у него незавидная способность браниться.

— О, это не брань. Онъ обыкновенно говоритъ самыя злыя вещи съ улыбкой на лицѣ. Но всего дальше заходятъ его причуды, когда дѣло коснется какой угодно лжи — лжи во всякомъ видѣ или формѣ. Ничего подобнаго онъ не прощаетъ, не допускаетъ смягчающихъ обстоятельствъ. Мнѣ не хотѣлось бы, хотя я ему въ отцы гожусь, встрѣтить его взглядъ, еслибъ моя совѣсть была нечиста.

— Право,—сказала Маргарита, довольно равнодушно. Она откинулась на спинку стула и поднесла стаканъ къ губамъ.

— Да, онъ—чудакъ, большой чудакъ. Его ненависть ко лжи доходитъ до маніи.

Маргарита почувствовала облегченіе, когда мистриссъ Лассель перемѣнила разговоръ, сказавъ:

— Рупертъ настолько поправился, что собирается прокатиться сегодня къ морю и посидѣть тамъ съ часокъ, если вы поѣдете съ нимъ.

— Буду очень рада. Я сама жажду взглянуть на море,— сказала Маргарита.

Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе тотчасъ послѣ завтрака. Шарабанъ-корзинка подъѣхалъ къ крыльцу. При видѣ его Маргарита, забывшись, воскликнула:

— О, позвольте мнѣ править этимъ пони!

— Вы умѣете править?—отрывисто спросилъ Рупертъ.

— Да. Я... я часто катала дѣтей мистриссъ Пирсъ,—сказала Маргарита, что́ было совершенно справедливо. Рупертъ охотно согласился. Джонъ, слуга, сопровождавшій его въ подобныхъ экскурсіяхъ, помѣстился на заднемъ сидѣніи съ цѣлой грудой пледовъ. Мальчикъ, какъ съ глубокимъ состраданіемъ замѣтила Маргарита, былъ блѣденъ и изможденъ, но казался веселымъ,

и даже не намекалъ на событія минувшей ночи. Когда они выѣхали изъ дому, спустились съ горы, направляясь къ каменному мосту, онъ сказалъ въ-полголоса.

— Проѣзжайте скорѣй черезъ мостъ, Маргарита, а я закрою глаза. Я никогда не смотрю на него, если могу этого избѣжать. Ему я обязанъ моимъ несчастіемъ, мнѣ часто приходитъ въ голову, что тутъ мнѣ будетъ и конецъ, хотя не знаю, какой.

— Вы должны отбросить эти болѣзненныя фантазіи, пока вы со мной,—отвѣчала она, ударивъ пони бичемъ. Быстро пронеслись они черезъ мостъ и поднялись до половины пригорка по ту сторону его. Тогда только Рупертъ открылъ глаза, и началъ показывать ей, какой дорогой ѣхать въ городъ. Она замѣтила, что онъ знаетъ каждую пядь этой дороги, и, повидимому, любитъ ее. Они проѣхали извилистую, странную, старую улицу, и вышли изъ экипажа у плотины. Сильный, молодой рыбакъ, которому, казалось, все было о нихъ извѣстно и который привѣтствовалъ ихъ дружескимъ кивкомъ, подошелъ и держалъ лошадь, пока Джонъ помогалъ Руперту добраться до конца плотины. Это была небольшая, старая, каменная набережная, въ концѣ которой виднѣлся низенькій, старый маякъ. Рѣка неслась къ морю между этой и другою набережной, на противоположной сторонѣ. Онѣ какъ бы составляли ворота гавани, въ которыхъ безпрестанно сновали взадъ и впередъ рыбачьи лодки. Джонъ, позаботившись какъ умѣлъ объ удобствахъ своего молодого господина, оставилъ ихъ однихъ. Въ эту минуту возлѣ нихъ никого не было. Они сидѣли спиной къ берегу и, слегка повернувшись, могли видѣть тянувшійся къ сѣверу длинный рядъ скалъ, которыя сверкали въ серебристомъ туманѣ и какъ будто слегка касались поверхности моря, тогда какъ ихъ гигантскія основанія уходили въ его сокровеннѣйшую глубину. Это была дивная панорама, голубое море, еще болѣе яркое голубое небо, скалы разнообразныхъ оттѣнковъ, по мѣрѣ удаленія постепенно переходившихъ въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ; морской вѣтерокъ, мягкій, но живительный, плескъ воды, голоса мужчинъ и ребятъ, перекликавшихся на набережной, мелодичный бой часовъ, пробившихъ три, на башнѣ старой церкви, миръ, тишина, уединеніе, которые природа, и она одна, можетъ даровать и даруетъ сердцамъ любящихъ ее.

Послѣ нѣкотораго молчанія Рупертъ сказалъ:

— Вы говорили, что немного поете, Маргарита, хоть бы вы спѣли что-нибудь.

— Какъ, здѣсь?

— Отчего же нѣтъ? Слушателей нѣтъ, а хоть бы они и были, это не критики. Спойте! Но спойте что-нибудь простое, мелодичное, а не оперную арію съ фіоритурами.

— О Боже, какъ мы взыскательны! Ну, вотъ вамъ ирландская пѣсня.

Она запѣла прелестную пѣсенку Самуила Ловера: «What would you do, Love» (Чтó бы ты дѣлала, голубка, еслибъ я уѣхалъ за море, распустивъ бѣлый парусъ).

— Это мнѣ нравится, — сказалъ Рупертъ, когда она кончила. — У васъ прелестный голосъ, свѣжій какъ горный ручеекъ. Продолжайте, пожалуйста, если можно.

Самой Маргаритѣ становилось пріятно оглашать воздухъ и воду звуками своего голоса. Она была какъ разъ такъ настроена, чтобы «продолжать», и запѣла снова.

Когда она кончила, Рупертъ объявилъ ей:

— Здѣшній народъ любитъ музыку, да и не каждый день удается имъ слышать здѣсь даровой концертъ. Обернитесь, взгляните на вашихъ слушателей.

Маргарита быстро обернулась и увидала, въ небольшомъ отъ себя разстояніи, человѣкъ шесть рыбаковъ. Они стояли полукругомъ, совершенно безмолвно, и внимательно слушали; ихъ загорѣлыя, суровыя лица картинно оттѣнялись плотно-обхватывавшими ихъ станъ синими и красными jersey. Они съ нѣкоторымъ смущеніемъ поглядывали другъ на друга, видя, что присутствіе ихъ обнаружено. Одно ихъ присутствіе, конечно бы, не смутило Маргариту; но присутствіе Луиса Бальдвина смутило ее. Онъ также, очевидно, слушалъ ея пѣніе и, съ легкой улыбкой на лицѣ, стоялъ прислонясь къ столбу рядомъ съ однимъ изъ рыбаковъ. Когда глаза ихъ встрѣтились, онъ снялъ шляпу, вѣжливо поклонился и, взглянувъ на одного изъ рыбаковъ, сказалъ:

— Ты такъ смотришь, будто тебѣ хочется что-то сказать, Джэкъ, — можетъ быть, поблагодарить эту даму. Я увѣренъ, что она охотно тебя выслушаетъ.

Джэкъ, на котораго теперь было обращено общее вниманіе, скорчилъ чрезвычайно глупую физіономію, переминался съ ноги на ногу, ухватился одной рукой за локоть другой, которою застѣнчиво закрылъ себѣ ротъ.

— Ну? — съ невозмутимой серьёзностью повторилъ Бальдвинъ.

— Да ничего, а только, что мы вовсе не желали обидѣть... Мы надѣемся, что миссъ все равно, что мы слушали, — пробормоталъ онъ наконецъ.

— Все равно... — нѣтъ! — сказала Маргарита, улыбаясь. — Я очень рада, если это доставило вамъ удовольствіе.

— Доставило, и большое, миссъ,—сказалъ Джэкъ, ободренный любезностью, съ какой отнеслись къ его рѣчи. Среди его товарищей пронесся сочувственный шопотъ.—Если вы не очень устали, миссъ, и захотѣли бы еще намъ пѣсенку спѣть, мы сказали бы вамъ большое спасибо,—продолжалъ онъ, становясь еще смѣлѣе.

— Не отказывайтесь, Маргарита,—шепнулъ Рупертъ.—Они, право, любятъ пѣніе.

Она съ минуту колебалась; но потомъ, сказала себѣ: «Я много разъ пѣла въ гостиныхъ, биткомъ набитыхъ безцвѣтными, скучными незнакомцами, которые болтали все время, пока я пѣла; отчего-жъ не спѣть этимъ слушателямъ, которые будутъ мнѣ дѣйствительно благодарны?»

Кромѣ того она чувствовала, что Бальдвинъ наблюдаетъ за нею, какъ наблюдалъ съ минуты ихъ первой встрѣчи; она не намѣрена была дать напугать себя этимъ надзоромъ. Скорѣй, такъ какъ ей уже удалось его мистифировать, она еще больше его озадачитъ, и возьметъ надъ нимъ верхъ, спѣвши такъ, что ему ничего больше не останется, какъ похвалить. А потому она улыбнулась собравшимся рыбакамъ и отвѣчала:

— Ну, еще одну, если хотите, но только одну.

Не ожидая отвѣта, она громко запѣла: «Auld hobin Gray», со всей энергіей, со всей патетичностью, на какія только была способна. Эту пѣсню она пѣла хорошо, болѣе чѣмъ хорошо. Если ей хотѣлось маленькаго торжества, что́ и совершенно понятно, то оно ей досталось. Луисъ, который сначала пристально смотрѣлъ на нее, какъ бы желая дать ей понять, что онъ слушаетъ и критикуетъ, мало-по-малу отвелъ отъ нея глаза и сталъ смотрѣть вдаль, на море. Грубыя лица всѣхъ рыбаковъ были обращены къ ней и выражали напряженное вниманіе. Для нея было совершенной новостью пробуждать этотъ сильный, свѣжій, непритворный интересъ. Это побуждало ее всячески стараться удовлетворить ихъ. Ея мелодичный голосъ сладко звучалъ въ чистомъ воздухѣ. Когда послѣднія ноты замерли, она почувствовала, что у нея слезы на глазахъ—слезы сочувствія и волненія. Бальдвинъ молчалъ. Джэкъ, на этотъ разъ уже безъ подталкиваній, сказалъ:

— Сердечно благодаримъ васъ, миссъ, и желаемъ вамъ добраго дня.

— Очень рада, что вамъ понравилось,—отвѣчала Маргарита,

съ тѣмъ безъискусственнымъ добродушіемъ, которое чувствуется и цѣнится «народомъ» гораздо живѣе, чѣмъ воображаетъ большинство. Рыбаки побрели своей дорогой, засунувъ руки въ карманы, и когда они были уже довольно далеко, изъ ихъ группы раздался баритонъ, повторявшій, точно глухое эхо, послѣднюю строфу пѣсни.

Рупертъ протянулъ руку своему другу, безъ словъ приглашая его подойти. Маргарита сидѣла молча, не желая, почему-то, заговорить первой. Бальдвинъ при дневномъ свѣтѣ, думалось ей, почти тотъ же какъ Бальдвинъ при свѣтѣ лампы. Маргарита нашла, что ея первое впечатлѣніе было довольно вѣрно. Онъ положительно не могъ имѣть претензіи на красоту. Лицо его было блѣдно, черты грубы и почти некрасивы. У него былъ прекрасный, умный лобъ, каріе глаза, не отличавшіеся особенно энергическимъ или умнымъ выраженіемъ, но спокойные, ясные и нѣсколько насмѣшливые. Фигура его, несмотря на высокій ростъ, была довольно неуклюжая, движенія лишены особаго изящества. Но онъ внушалъ довѣріе; чувствовалось, что все, что онъ скажетъ, будетъ правда, что образъ дѣйствій его всегда будетъ добросовѣстный,—быть можетъ, до излишества. Были ли въ его характерѣ особое благородство, великодушіе, склонность къ самопожертвованію, никто изъ мало его знавшихъ не могъ бы заключить, изучая его физіономію, которая не отличалась ничѣмъ, кромѣ развѣ выраженія особеннаго равнодушія. Въ то время Маргарита не понимала подавляющаго, хотя и отрицательнаго вліянія, которымъ отличаются нѣкоторые изъ этихъ людей съ незначительной наружностью и равнодушнымъ выраженіемъ. Тѣмъ не менѣе она сразу поняла многое; она совершенно уяснила себѣ, напримѣръ, что Джонъ Маллабаръ и этотъ молодой докторъ представляютъ такой контрастъ, какой только можно себѣ представить. Въ присутствіи Джона Маллабара она не испытывала никакого тревожнаго ощущенія, а теперь, въ присутствіи Луиса Бальдвина, испытывала его. Прогуливаясь по саду съ мистеромъ Маллабаромъ, она сознавала, что они отлично понимаютъ другъ друга, и что отношенія, которыя возникнутъ между ними, совершенно зависятъ отъ ея воли и желанія. Теперь она съ недоумѣніемъ спрашивала себя, поладятъ ли они съ Луисомъ Бальдвиномъ, и не безъ тревоги, но ясно сознавала, что это будетъ зависѣть отъ его, а не отъ ея усмотрѣнія. Сознаніе это заставляло ее принимать личину равнодушія, тогда какъ другое чувство смутно подсказывало ей, что иногда осторожность лучшее мужество, а въ глубинѣ души таилось непріятное сознаніе, что

она занимаетъ свое настоящее положеніе, такъ-сказать, «подъ чужимъ флагомъ».

Пока она это думала, до нея донесся его голосъ, говорившій:

— Надѣюсь, что вы не разгнѣвались за то, что я слушалъ вмѣстѣ съ другими.

— Это для меня совершенно безразлично, — отвѣчала она. — Мнѣ прежде случалось пѣть передъ многочисленными слушателями, и это не принесло мнѣ никакого вреда. Я пѣла, чтобы доставить удовольствіе Руперту... А вы часто находите время прогуливаться въ этихъ мѣстахъ по утрамъ?

— Я могъ бы отвѣтить *никогда*, — сказалъ онъ, пытливо смотря на нее.—Но я заѣхалъ въ Блэкфордъ Грэнджъ навѣстить нашего пріятеля,—ты молодцомъ смотришь, Руперть, — и когда мистриссъ Лассель узнала, что я не могу повторить свой визитъ вечеромъ, она попросила меня побывать здѣсь, такъ какъ ей не хотѣлось, чтобъ я совсѣмъ не видалъ его сегодня. Этому приказанію вы обязаны удовольствіемъ видѣть меня здѣсь въ настоящую минуту. Я счелъ своимъ долгомъ не мѣшать, когда засталъ васъ поющей, съ цѣлымъ сонмомъ слушателей позади васъ. Неприлично было бы прервать васъ просьбой дать мнѣ пощупать пульсъ Руперта,—ты позволишь мнѣ сдѣлать это теперь, голубчикъ,—прибавилъ онъ, взявъ руку Руперта.

Маргарита принуждена была сидѣть смирно, пока онъ считалъ пульсъ мальчика, и обсуждала положеніе.

— Заснули вы вчера вечеромъ, миссъ Персиваль, послѣ того какъ я васъ видѣлъ? — спросилъ онъ, вкладывая часы въ карманъ, безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.

— Нѣтъ; уже давно разсвѣло, когда я заснула. Вы правду сказали, это было въ первый разъ. Я была немного взволнована и возбуждена.

— Понятно. Что до меня, я уснулъ въ креслѣ у постели Руперта и не просыпался, пока слуги не заходили. Тогда я ушелъ.

— Да.

— Надо мнѣ какъ-нибудь на дняхъ переговорить съ вами объ этомъ мальчикѣ,—продолжалъ Бальдвинъ.

— Да,—спокойно сказалъ Руперть,—переговорите; и тогда же, Маргарита, я съ нимъ потолкую о васъ, какъ обѣщалъ.

— Вы уже называете другъ друга по имени? — спросилъ Луисъ съ легкимъ смѣхомъ.—Будь онъ юный французъ, миссъ Персиваль, онъ началъ бы ужъ теперь говорить вамъ ты; будь онъ нѣмецъ, онъ заставилъ бы васъ пить съ нимъ брудершафтъ, или швестершафтъ, если это существуетъ.

— Но такъ какъ онъ англичанинъ, онъ очень разумно называетъ меня по имени, даннымъ мнѣ при крещеніи моимъ крестнымъ отцомъ и крестной матерью.

— Одно могу сказать, — что его послѣдняя наставница, миссъ Флинтъ, прожила здѣсь полгода, и я увѣренъ, что ему никогда въ голову не приходило позволить себѣ съ ней такую вольность. Боюсь, что вы не строги на счетъ дисциплины.

— Онъ не позволяетъ себѣ никакой вольности, — сказала Маргарита, вспыхнувъ отъ досады. — Еслибъ онъ или *кто-нибудь другой*, — она пріостановилась, — позволилъ бы себѣ со мной вольность, я съумѣла бы остановить его.

— Это чрезвычайно полезный талантъ, — отвѣчалъ онъ, любезно улыбаясь.

— Это признакъ добраго расположенія, не правда ли, Рупертъ? — сказала она.

— Конечно, — рѣшительно отвѣчалъ Рупертъ. — Миссъ Флинтъ! Ну можно ли вообразить, чтобы кто-нибудь называлъ миссъ Флинтъ по имени! Если оно у нея и было, я его не зналъ. Маргарита не похожа на миссъ Флинтъ; она — не машина для медленнаго вколачиванія въ людей ужасныхъ, никому ненужныхъ свѣдѣній. Маргарита — мой другъ.

— Драгоцѣнное преимущество! — отвѣчалъ Луисъ. Маргариту разбирала досада, хотя онъ говорилъ тихимъ, кроткимъ, ему одному свойственнымъ тономъ, безъ всякихъ признаковъ насмѣшки или недоброжелательства. — Можетъ быть, — продолжалъ онъ, — къ тому времени, когда миссъ Персиваль проработаетъ столько, сколько работала миссъ Флинтъ, и она будетъ больше походить на машину и меньше на друга. — Онъ взглянулъ на нее съ легкой улыбкой, точно сказалъ что-нибудь скорѣй лестное, чѣмъ наоборотъ.

Первой мыслью Маргариты, подъ вліяніемъ гнѣва, было возразить, что ей нѣтъ никакой надобности быть другомъ, или машиной, или чѣмъ бы то ни было, вопреки своему желанію; но къ счастью, или къ несчастью, она во время прикусила язычокъ. Она сказала только:

— Ну, на этотъ счетъ мнѣ ничего неизвѣстно.

— А я любилъ миссъ Флинтъ, — продолжалъ Бальдвинъ. — Она была энергическая старушка. Она считала дисциплину главнымъ двигателемъ вселенной, порядокъ — первымъ ея закономъ; въ этомъ заключались для нея законъ и пророки! Пожалуй, она была и права въ томъ отношеніи, что требуя строгой дисциплины, она обезпечивала себѣ maximum удобствъ, при минимумѣ

треволненій, какія только совмѣстимы съ ея образомъ жизни. Но ей не удалось завоевать сердце этого неблагодарнаго юноши.

— Изъ чего слѣдуетъ заключить, что, если мнѣ и удалось заполонить его сердце, я не умѣю эксплуатировать одержанной побѣды,—невольно вырвалось у Маргариты.

— Изъ чего ровно ничего заключать не слѣдуетъ. Я думалъ о миссъ Флинтъ, а не о васъ, миссъ Персиваль, если вы можете допустить подобную вещь въ вашемъ присутствіи.

— Онъ невыносимъ!—думала Маргарита. Лицо ея пылало. Никогда прежде не смѣялись надъ ней изъ-подъ-тишка, ощущеніе это было положительно ненавистно,—тѣмъ болѣе, что въ душѣ ея таилось желаніе, котораго она не могла совершенно подавить, быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Луисомъ. Какъ могъ Рупертъ питать къ нему преданность, о которой говорилъ? Она холодно и гордо отвѣчала:

— Вѣроятно, еслибъ я имѣла счастіе знать миссъ Флинтъ, мнѣ было бы совершенно ясно, что мысли ваши иногда не могутъ не обращаться къ ней.

Луисъ расхохотался.

— Скажите лучше, что вы имѣете благополучіе ее не знать, —сухо поправилъ ее Рупертъ.—Мы съ докторомъ Луисомъ вовсе не сходимся во мнѣніяхъ относительно миссъ Флинтъ.

— Мнѣ кажется, что ея таланты втунѣ пропали для тебя.

— Знаю, что ея таланты выводили меня изъ себя. Я никакъ не могу отдѣлить ее отъ Ричарда III, и вотъ почему. Разъ я не учился, а она занималась съ Дамарисъ исторіей Англіи, въ вопросахъ и отвѣтахъ—по методѣ, которая теперь, кажется, оставлена. Дамарисъ ничего не могла запомнить. Миссъ Флинтъ уставилась на нее черезъ книгу. «*Что можете вы сказать мнѣ о Ричардѣ Третьемъ?* приставала она, останавливаясь на каждомъ словѣ. Дамарисъ сидѣла съ страшно виноватымъ видомъ. Она прошептала, что у него былъ горбъ. Миссъ Флинтъ выпрямила свой и сказала, что это не имѣетъ особаго значенія, а что она спрашиваетъ о его характерѣ. Невѣжество Дамарисъ было полное и безнадежное. Миссъ Флинтъ, наконецъ, пришлось сказать ей,—и она сдѣлала это съ очевиднымъ наслажденіемъ и такимъ тономъ, будто каждое слово начиналось съ большой буквы: «*Король Этотъ Дошелъ До Престола По Крови Ближайшихъ Своихъ Родственниковъ*». Дамарисъ—она удивительно мягкосердая—смотрѣла на нее, какъ очарованная, приговаривая:—О, миссъ Флинтъ!—Тутъ я встрѣтился глазами съ миссъ Флинтъ, и расхохотался. Она никогда мнѣ не простила.

— Теперь васъ болѣе не удивитъ мое къ ней уваженіе, —вскользь замѣтилъ Бальдвинъ.—Рупертъ, если ты повернешься, то увидишь, что твой экипажъ стоитъ въ концѣ набережной, а Джонъ направляется къ намъ.

— Ахъ, тоска какая!—сказалъ Рупертъ.—Мнѣ не хочется ѣхать.

Но Бальдвинъ всталъ, замѣтивъ, что Рупертъ уже достаточно сидѣлъ на открытомъ воздухѣ.

— Что-жъ, пусть Джонъ несетъ плэды, а вы помогите мнѣ идти, — сказалъ Рупертъ, заглядывая ему въ лицо, съ выраженіемъ глубокой и горячей преданности. Теперь Маргарита видѣла ее во-очію. Сердце ея сжалось отъ чего-то похожаго на ревность, отъ мысли, что до нея никому нѣтъ дѣла. Вмѣсто отвѣта Бальдвинъ приподнялъ полу-лежавшаго Руперта и обнялъ его за талью, когда Джонъ подошелъ. Слуга собралъ плэды, складные стулья и пр. и возвратился къ экипажу. Рупертъ попробовалъ-было стать на хромую ногу и поморщился отъ боли. Онъ крѣпче ухватился за руку друга; теперь Маргарита поняла, за что Рупертъ такъ горячо любилъ Луиса. Выраженіе сострадація, глубокой, хотя сдержанной нѣжности, озарившее все лицо молодого человѣка, совершенно преобразило его.

— Мой бѣдный мальчикъ!—донеслось до ея слуха.—Подожди минутку. Ты слишкомъ долго сидѣлъ, тебя всего свело.

Да, Рупертъ страдалъ. Онъ закрылъ глаза и прислонился усталой головой къ плечу Луиса, пока не прошла первая, сильная боль; тогда онъ медленно заковылялъ дальше. Маргарита чувствовала себя почти лишней, но вскорѣ Рупертъ попросилъ и ее дать ему руку, и сказалъ, медленно подвигаясь съ двумя своими ассистентами:

— Зачѣмъ, когда у меня выдастся нѣсколько часовъ спокойныхъ и пріятныхъ, я долженъ такъ расплачиваться за это?

Они дошли до экипажа. Бальдвинъ помогъ Руперту сѣсть, Маргарита взяла возжи; теперь она готова была совершенно дружески отнестись къ Луису. Но это любезное настроеніе пропало безъ слѣда, когда онъ сказалъ съ загадочной улыбкой:

— У васъ разнообразные таланты, миссъ Персиваль,—вы поете и правите лошадьми. Миссъ Флинтъ совсѣмъ не умѣла править.

— Мнѣ рѣшительно все равно, что миссъ Флинтъ умѣла или чего не умѣла. До свиданія.

Они покатили. Рупертъ прислонился къ подушкамъ и казался очень утомленнымъ. Маргарита спросила его, не усталъ ли онъ?

— Да, очень,—томно отвѣчалъ онъ.—Но онъ говоритъ, что я долженъ стараться какъ можно больше ходить. Когда его нѣтъ и я очень страдаю, я иногда даю себѣ поблажку. Но при немъ я готовъ ходить, хоть бы мнѣ пришлось умереть отъ этого.

Маргарита молчала, Рупертъ закрылъ глаза, и они не обмѣнялись ни однимъ словомъ, пока не остановились у дверей своего дома.

Глава XI.—По теченію.

Блэкфордъ Грэнджъ былъ довольно тихій домъ, въ немъ мало бывало гостей; но, какъ вскорѣ убѣдилась Маргарита, посѣтители, хотя и немногочисленные, были постоянны. Это главнымъ образомъ были Луисъ Бальдвинъ и Джонъ Маллабаръ. Эти молодые люди было связаны съ хозяйкой дома исключительными узами благодарности и расположенія. Оба чтили ее какъ мать. Но часто бывая въ домѣ, они рѣдко являлись въ одно время, хотя иногда встрѣчались, и въ этихъ случаяхъ, по замѣчанію Маргариты, ни тотъ, ни другой не отличался такой полной свободой и непринужденностью, какъ обыкновенно... По характеру ихъ занятій и по разстоянію ихъ жилищъ отъ Грэнджа, обыкновенно случалось, что Джонъ Маллабаръ бывалъ днемъ, а Луисъ Бальдвинъ вечеромъ. Маллабаръ, когда жилъ въ деревнѣ, являлся три или четыре раза въ недѣлю къ Ласселямъ, рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы Луисъ не зашелъ.

Естественно было, что Маргарита Баррингтонъ была заинтересована этими двумя почти единственными посѣтителями, нарушавшими однообразіе ихъ жизни. Незамѣтно для самой себя, она привыкла наблюдать за ними и сравнивать ихъ характеры.

При общей имъ обоимъ любви ко всему честному, правдивому въ теоріи и на практикѣ, благородномъ пристрастіи ко всему, что есть въ жизни человѣческой чистаго и хорошаго, и не менѣе благородномъ презрѣніи ко всему низкому и грязному, которыми отличались и Маллабаръ и Бальдвинъ, едва ли существовали двѣ натуры болѣе противуположныя. Бальдвинъ былъ ученый, удалялся отъ людей, отличался крайней сдержанностью. Юморъ его былъ злой и циническій. Ему пріятнѣе было озадачить врага, чѣмъ радоваться съ другомъ. Не то, чтобы онъ равнодушно относился къ счастію друзей своихъ. Онъ радовался ему, но имъ приходилось принимать его ликованіе по поводу ихъ благополучія на вѣру, не ожидая отъ него выраженія ра-

дости. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя при полной способности глубоко чувствовать, отличаются такой почти болѣзненной сдержанностью, что выраженіе этихъ чувствъ, горестныхъ или радостныхъ, все равно, причиняетъ имъ чуть не физическое страданіе. Натура Маллабара на-оборотъ, была экспансивная. Восторгъ Маллабара, когда онъ его чувствовалъ, — а это случалось нерѣдко,—вырывался наружу, выражался въ его словахъ или дѣйствіяхъ. Бальдвинъ скрывалъ свой, какъ нѣчто постыдное. Маллабаръ былъ нетерпѣливъ, любилъ видѣть непосредственныя послѣдствія, готовъ былъ отдать сюртукъ съ плечъ или лошадь, на которой ѣхалъ, если этимъ могъ тотчасъ принести пользу, удалить съ пути своего какое-нибудь препятствіе. Бальдвинъ былъ методиченъ и терпѣливъ, способенъ долго, упорно преслѣдовать данную цѣль. Маллабаръ умѣлъ черезъ день или два забыть вещи, изъ-за которыхъ волновался сильнѣе, чѣмъ могъ бы волноваться Луисъ, еслибъ дѣло шло о самомъ задушевномъ его желаніи. Когда Маргарита покороче узнала ихъ обоихъ, она говорила, что впечатлѣніе, оставляемое присутствіемъ и бесѣдой перваго, — его Wesen, употребляя непереводимое нѣмецкое выраженіе,—можно сравнить съ ощущеніемъ, которое испытываешь въ яркій, солнечный день, глядя на морской приливъ; впечатлѣніе, оставляемое другимъ, напоминало ей то ощущеніе — когда стоишь у какого-нибудь бездоннаго озерка, въ темномъ лѣсу, въ тихій осенній вечеръ. Сравненіе было удачно. Къ счастью, никто не спросилъ ее, чему она склонна оказать предпочтеніе, неподвижному ли озерку, или быстро несущимся волнамъ океана.

— Они часто мнѣ напоминаютъ старинные стишки, которые я зналъ наизусть, будучи мальчикомъ, — сказалъ однажды мистеръ Лассель, когда они толковали о «двухъ молодцахъ», какъ онъ называлъ ихъ.

— Какіе это стишки?—спросила Маргарита.

— Что-то въ такомъ родѣ: «Said Tweed to Till» и пр. [1]).

— Ужасно,—сказала Маргарита, содрогаясь.

— О папа, ты какъ будто хочешь сказать, что Луисъ предатель,—горячо и съ негодованіемъ воскликнулъ Рупертъ.

— Вовсе нѣтъ, голубчикъ! А только тихій Тилль могъ, пожалуй, и удивить, тогда какъ Твидъ былъ весь наружу, когда

---

[1]) Шотландская пѣсенка. „Говоритъ Твидъ Тиллю: Что ты такъ тихо бѣжишь? Говоритъ Тилль Твиду: Хоть ты и скоро бѣжишь, а я тихо струюсь, но если ты утопишь одного, я утоплю двоихъ.“

быстро проносился мимо. Но такіе споры всегда даютъ не полное представленіе о предметѣ.

Маргарита молча согласилась.

Съ самаго начала, какъ-то само-собой, положеніе, занимаемое Маргаритой въ Грэнджѣ, пришлось ей совершенно по нраву. Различныя причины способствовали этому. Будь мѣсто не такое, какимъ оно было, почти навѣрное можно сказать, что не прошло бы и двухъ недѣль, какъ Маргарита сняла бы маску. При всемъ ея желаніи видѣть жизнь въ ея настоящемъ свѣтѣ съ точки зрѣнія бѣдной гувернантки, моя героиня была бы совершенно неспособна примириться съ второстепеннымъ мѣстомъ, которое должна занимать обыкновенная гувернантка. Мистриссъ Лассель не знала, чѣмъ побаловать особу, которая вызвала такую чудесную перемѣну въ ея болѣзненномъ и вообще несчастномъ мальчикѣ. Будь Маргарита самой неинтересной молодой дѣвушкой по манерамъ и наружности, любящая мать имѣла бы къ ней всевозможное вниманіе. Но будучи тѣмъ, чѣмъ она была, красавицей, очаровательной въ глазахъ пожилой женщины такъ же, какъ и избалованнаго, больного мальчика, настоящей лэди по манерамъ, умной и пріятной въ обществѣ, Маргарита вскорѣ заняла въ домѣ положеніе старшей дочери. Съ ней мистриссъ Лассель совсѣмъ не испытывала неловкости, которую испытывала прежде, въ сношеніяхъ съ чопорной и суровой миссъ Флинтъ, или съ другими болѣзненно-впечатлительными молодыми особами, которыя считали, что ихъ оскорбляютъ, если у нихъ просили ничтожной услуги, не входившей въ ихъ классную рутину. Много разъ говорила она Маргаритѣ:

— Дорогая, вы—истинный нашъ другъ. Я не могу видѣть въ васъ что-нибудь другое. Вы—моя благодѣтельница, я на-вѣкъ останусь у васъ въ долгу.

Въ такихъ случаяхъ Маргарита, съ непріятнымъ чувствомъ на сердцѣ, сознавала, что находится въ фальшивомъ положеніи, но никогда еще не находила въ себѣ необходимаго мужества, чтобы выйти изъ него. Во-первыхъ, эта ласка и благодарность были ей необыкновенно пріятны, тѣмъ пріятнѣе, что тутъ и вопроса быть не могло о томъ, ей ли самой оказывалось такое вниманіе или ея положенію. Этимъ людямъ ничего не было извѣстно объ ея положеніи, ея состояніи. Атмосфера лести съ одной стороны, предостереженій и подозрѣній съ другой, съ которой она свыклась, какъ-будто растаяла, предоставивъ ей возможность дышать болѣе свѣжимъ и чистымъ воздухомъ. Она, Маргарита Баррингтонъ, нашла въ жизни практическую задачу;

она приносила нѣкоторую пользу, нѣкоторое облегченіе тѣмъ, кто сильно нуждался въ помощи и утѣшеніи. Сколько времени могло продолжиться настоящее положеніе вещей, еслибъ обнаружилось ея дѣйствительное общественное положеніе? Ни одного дня—она хорошо это знала. Скажи она мистриссъ Лассель правду, эта дама постоянно бы мучилась, воображая, что Маргарита живетъ у нея противъ воли, что единственно изъ доброты она жертвуетъ собой и своими удовольствіями ей и ея сыну. Во всѣхъ отношеніяхъ молодой дѣвушкѣ было удобнѣе выдавать себя за Маргариту Персиваль, гувернантку по необходимости, чѣмъ признаться, что она—Маргарита Баррингтонъ, богатая и независимая, играющая въ сестры милосердія изъ каприза, втирающаяся въ чужіе дома для удовлетворенія минутной фантазіи. Теперь ужъ это былъ не капризъ, не фантазія, не шутка. Чѣмъ дальше, тѣмъ она дѣлалась необходимѣе Руперту, тѣмъ искреннѣе сама привязывалась къ нему. Среди его несчастія иногда мелькали такіе теплые лучи, такія нѣжныя, милыя, симпатичныя черты, которые дѣлали его все дороже для нея. Она не могла рѣшиться говорить съ нимъ о разлукѣ. Онъ льнулъ къ ней; даже его здоровье такъ улучшилось подъ вліяніемъ ея общества, что она боялась мысли порвать такую связь. А между тѣмъ она знала, что когда-нибудь она должна быть порвана. Пока она избѣгала задумываться надъ этимъ вопросомъ, оставалась въ прежнихъ условіяхъ, съ каждымъ днемъ сильнѣе привязываясь къ окружающимъ, и дѣлаясь имъ все болѣе и болѣе необходимой.

Мы сказали уже, что Джонъ Маллабаръ и Луисъ были постоянные посѣтители дома. Маллабаръ заѣзжалъ нѣсколько разъ послѣ своего перваго посѣщенія, передъ отъѣздомъ въ городъ. При каждомъ изъ этихъ случаевъ, случайно или преднамѣренно съ его стороны, Маргарита оставалась съ нимъ наединѣ. Онъ говорилъ съ ней серьезнѣе, менѣе небрежно, чѣмъ обыкновенно, касаясь не совсѣмъ обыденныхъ вопросовъ, точно не желая болтать съ ней о пустякахъ въ теченіи тѣхъ немногихъ минутъ, которыя они проводили вмѣстѣ.

Разъ онъ спросилъ:—Не страдаетъ ли ваше здоровье, миссъ Персиваль, отъ постояннаго дежурства при бѣдномъ Рупертѣ?

— Нисколько, благодарю васъ. Я никогда не была такъ здорова.

— Ни ваше расположеніе духа?

— Нѣтъ. Я не подвержена припадкамъ меланхоліи. Обязанность моя мнѣ по душѣ.

— Мнѣ кажется, что вы подвержены припадкамъ доброты и самопожертвованія. Никто, кромѣ женщины, и чрезвычайно доброй женщины, не нашелъ бы эту обязанность пріятной.

— Вы страшно преувеличиваете мои заслуги. Глаза Руперта, всякій разъ, какъ я подойду къ нему, замѣтно оживляются. Все его существо оживаетъ. Послѣ мистера Бальдвина я, мнѣ кажется, имѣю надъ нимъ болѣе сильное вліяніе, чѣмъ кто бы то ни было. Необыкновенная женщина была бы та, которую не радовали бы подобные признаки.

— Послѣ мистера Бальдвина! Вы приносите такія жертвы и очень довольны, что стойте *послѣ* кого бы то ни было въ привязанности того, кому онѣ приносятся!—воскликнулъ Маллабаръ, сверкнувъ своими темными глазами.—Быть можетъ, я не болѣе, какъ холодный, свѣтскій человѣкъ, такъ какъ вы сами не приписываете этому, кажется, никакого значенія,—но мнѣ думается, что еслибъ кто-нибудь былъ такъ добръ ко мнѣ и я нуждался въ этой добротѣ, вся душа моя поклонялась бы ей—моей благодѣтельницѣ, кто бы она ни была.

Онъ говорилъ горячо, Маргарита казалась серьёзной. Джонъ Маллабаръ уже не разъ, въ разговорахъ съ нею, впадалъ въ подобный тонъ. Въ другой разъ:

— Я завтра ѣду въ городъ, миссъ Персиваль.

— Неужели! надолго?

— Не имѣю даже смутнаго понятія. Знаю, что когда буду тамъ шататься въ духотѣ и болтать пустяки съ пустыми людьми, мнѣ не разъ вспомнится эта прохладная комната, занавѣски которой шевелитъ морской вѣтерокъ, и вы, поддерживающая рукою больную голову Руперта, разговаривающая съ нимъ или читающая ему, и я пожалѣю, что не съ такой пользой употребляю свое время.

— Не думаю, чтобы по вашей части было служить подушкой больнымъ,—сказала Маргарита, съ невольной улыбкой.

— Вы думаете, что для меня будетъ болѣе пріятнымъ занятіемъ болтать пустяки?—сказалъ онъ, съ напускной шутливостью, но улыбка его была принужденная.

— Вы совершенно ошибаетесь,—сказала Маргарита.—Я не могу представить себѣ васъ болтающимъ пустяки, мистеръ Маллабаръ; вы несомнѣнно обижаете дамъ, о которыхъ говорите. Не всѣ же непремѣнно—пустые люди, кто ѣздитъ въ городъ на сезонъ и разговариваетъ съ друзьями, которыхъ тамъ встрѣтитъ.

— Быть можетъ, и нѣтъ,—сказалъ онъ, и лицо его прояснилось, по замѣчанію Маргариты, съ той самой минуты, когда

она сказала, что не можетъ представить себѣ его болтающимъ пустяки.

Маргаритѣ и прежде воздавалось поклоненіе въ разнообразныхъ видахъ. Она была слишкомъ опытна, чтобы не понять, что Маллабаръ, по меньшей мѣрѣ, увлеченъ ею, и по этому-то поводу она, въ первый разъ, ясно и отчетливо сказала себѣ: «Я очень рада, что мистеръ Маллабаръ ѣдетъ въ Лондонъ, надѣюсь, что онъ останется тамъ до конца сезона. Желала бы я, чтобъ онъ нашелъ нѣкоторыхъ изъ этихъ *пустыхъ* барынь невыразимо привлекательными и письменно сообщилъ мистриссъ Лассель, что надѣется вскорѣ представить ей будущую мистриссъ Маллабаръ».

Джонъ Маллабаръ уѣхалъ на другой день. Должно полагать, что онъ нашелъ пустоту людей, съ которыми встрѣчался, совершенно невыносимой, такъ какъ черезъ двѣ недѣли онъ возвратился домой. Причины, приведенныя имъ въ объясненіе такого короткаго пребыванія въ столицѣ, не отличались особой убѣдительностью.

Въ теченіи этихъ двухъ недѣль Луисъ Бальдвинъ несомнѣнно бывалъ въ Грэнджѣ гораздо чаще прежняго. Его умѣренная любезность и солидныя манеры сдѣлались, въ понятіяхъ Маргариты, необходимымъ дополненіемъ къ преданности Руперта. Много разъ у нея съ Луисомъ бывали бесѣды, сцены, стычки, даже болѣе энергическія чѣмъ та, которая происходила на берегу. Рѣдкая встрѣча ихъ обходилась безъ спора. Крайняя сдержанность Луиса мучила Маргариту; онъ всегда какъ будто чего-то не договаривалъ—чего именно, она опредѣлить не могла, но изъ-за чего предавалась безконечнымъ размышленіямъ и догадкамъ, пока ею, наконецъ, не овладѣло страстное, хотя и безмолвное желаніе, узнать эту тайну его характера. Она была убѣждена, что если только онъ захочетъ открыть ее, она окажется прекрасной—не менѣе прекрасной, чѣмъ тѣ райскія розы, въ поискахъ за которыми многіе изъ насъ проводятъ цѣлую жизнь. Она перестала думать о Маллабарѣ, ей казалось, что его сильныя и слабыя стороны ей извѣстны, но въ Луисѣ постоянно чувствовалась какая-то скрытая сила, какое-то качество, которое при случаѣ скажется и приметъ величавые размѣры. Для такой дѣвушки, какъ она, эта таинственная сторона его характера обладала неизъяснимой прелестью. Ея жизнь походила на сонъ. Она не видѣла, какъ проходило время. Случайные отголоски изъ внѣшняго міра—письма отъ миссъ Персиваль, отъ мистриссъ Пирсъ, отъ ея вѣрнаго друга Тома, готоваго ради ея даже под-

вергнуть себя пыткѣ—написать письмо, скорѣй возбуждали въ ней досаду, чѣмъ доставляли ей удовольствіе. Она не нуждалась въ письмахъ, не нуждалась въ отголоскахъ изъ внѣшняго міра; ей хотѣлось только, чтобъ ей позволили мѣрно плыть по теченію, среди всѣхъ этихъ мечтателей,—всѣ они болѣе или менѣе мечтали. Ей пріятно было видѣть, что глаза Руперта не отрываются отъ нея, что онъ всѣмъ сердцемъ льнетъ къ ней, чувствовать себя окруженной любовью его матери, искреннимъ расположеніемъ сквайра и его горячей благодарностью. Послѣдняя однажды выразилась поднесеніемъ ей роскошнаго, чернаго шелковаго платья и любезнымъ комплиментомъ. Подарокъ этотъ страшно смутилъ Маргариту. Благодаря всему этому и благодаря—да, въ этомъ-то все дѣло—взгляду, который бросалъ на нее Луисъ Бальдвинъ при ихъ ежедневныхъ встрѣчахъ, его рукопожатію, отъ котораго по ея пальцамъ пробѣгали мурашки, тихимъ, мѣрнымъ, кроткимъ звукамъ его мягкаго голоса, Маргарита ничего не желала.

Однажды, въ концѣ іюня, Рупертъ, Маргарита и Луисъ сидѣли одни въ классной. Мистриссъ Ласседь отправилась дѣлать визиты, что съ ней не часто случалось и взяла съ собой Дамарисъ. Луисъ завтракалъ съ ними и, по возвращеніи въ классную, принялся объяснять Руперту, отличавшемуся неутомимой жаждой познаній, новую геологическую теорію. Они съ Маргаритой слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ, тогда какъ Луисъ громоздилъ книги въ различныхъ направленіяхъ, чтобъ обозначить положеніе слоевъ, о которыхъ говорилъ. Маргарита наслаждалась прелестью этой минуты. Одно горячее желаніе, которое когда-либо выражалъ Луисъ въ ея присутствіи, было имѣть средство способствовать развитію нѣкоторыхъ отраслей научнаго изслѣдованія, и она въ эту минуту думала: «Какъ бы я могла помочь ему! Какъ бы пріятно это было!»

Луисъ стоялъ на колѣняхъ, Маргарита помогала ему, поддерживая одну книгу, пока онъ прислонялъ къ ней другія, она для этого немного наклонилась съ низкаго стула, на которомъ сидѣла. Пока они всѣ трое были погружены въ свое занятіе, дверь отворилась, чьи-то шаги остановились, голосъ сказалъ:

— Боюсь, что помѣшалъ, мистриссъ Ласседь нѣтъ дома?

Маргарита сильно вздрогнула и измѣнилась въ лицѣ. Нельзя было того же сказать о Бальдвинѣ.

— Ахъ, Джэкъ, это ты? Я думалъ, ты въ Лондонѣ,—рѣшительно проговорилъ онъ.

— Мистеръ Маллабаръ! Я, я также думала, что вы въ Лондонѣ,—только и нашлась сказать Маргарита.

Маллабаръ остановился на порогѣ со шляпой и хлыстомъ въ рукѣ. Онъ смотрѣлъ олицетвореніемъ изящнаго молодого англійскаго джентльмена — гордаго, стройнаго, красиваго, но улыбки, которая часто оживляла его смуглое лицо, не было. Брови его были нахмурены, выраженіе страданія, горя, смущенія отражалось въ его глазахъ, ноздри были слегка расширены, голова откинута назадъ. Маргарита никогда не видала его такимъ, это выраженіе сильно смутило ее; но, овладѣвъ собой, она сказала:

— Не войдете ли вы, не присядете ли? Мистриссъ Ласселъ дѣйствительно нѣтъ дома, но, можетъ быть, она скоро вернется, ей будетъ очень досадно, если она не увидитъ васъ.

Маллабаръ съ минуту колебался, бросилъ на Маргариту не совсѣмъ понятный для нея взглядъ и наконецъ, почти вяло, сказалъ:

— Такъ какъ я уже здѣсь, то на всякій случай подожду немного.

Онъ положилъ шляпу и хлыстъ на столъ, стоявшій у стѣны, провелъ рукой по волосамъ и сѣлъ возлѣ кушетки Руперта.

— Ну, старина, какъ поживаешь? — спросилъ онъ тономъ, въ которомъ слышалось утомленіе. Фразу свою онъ закончилъ вздохомъ.

— О, я, какъ обыкновенно,—апатично сказалъ Рупертъ.— Изучаю геологію, при помощи книгъ, изображающихъ слои. Но что заставило васъ такъ скоро вернуться? Мнѣ казалось, вы такъ любите Лондонъ.

Онъ не могъ предложить вопроса болѣе непріятнаго для ушей своихъ трехъ взрослыхъ собесѣдниковъ. Маллабаръ отвѣтилъ не тотчасъ. Маргарита сидѣла неподвижно и упорно смотрѣла въ окно, но яркій румянецъ, надъ которымъ она была не властна, возбуждалъ ея досаду и былъ прекрасно видѣнъ Луису Бальдвину, хотя онъ казался поглощеннымъ дальнѣйшими опытами надъ своими передвижными слоями. Наконецъ Джонъ сказалъ:

— Я любилъ Лондонъ, когда былъ молодъ. Теперь мнѣ вездѣ тоска. Тамъ я до смерти стосковался, а потому уѣхалъ.

— Ну такъ здѣсь вы еще сильнѣе соскучитесь, — отвѣчалъ Рупертъ, не особенно обрадованный возвращеніемъ Маллабара, а потому говорившій съ досадой.

Джонъ слегка засмѣялся, и отвѣтилъ:

— Можетъ быть. Въ такомъ случаѣ, могу отправиться въ другое мѣсто. Удивляюсь, что вы не на воздухѣ въ такой чудный день.

— И были бы, не будь вы здѣсь.

— Рупертъ!—воскликнула Маргарита.

— Чтожъ, я хотѣлъ сказать, что миссъ Персиваль обѣщала мнѣ отправиться со мной, какъ только Луисъ уйдетъ.

— Въ первый разъ слышу о такомъ обѣщаніи,—рѣшительно замѣтилъ Луисъ, тогда какъ лицо Маргариты снова вспыхнуло.— Принимаю твой намекъ къ свѣдѣнію, да мнѣ давно и идти пора. Я не воображалъ, что время такъ быстро пролетѣло.

— Оно, въ иныхъ мѣстахъ, очень скоро идетъ, — сказалъ Маллабаръ, закинувъ голову и прилежно изучая узоръ изъ цвѣтныхъ брусьевъ и лѣпную работу на потолкѣ.

— Ты также уходишь, или будешь ждать мистриссъ Лассель? — спросилъ Луисъ, и въ голосѣ его, казалось, слышалось нѣчто ему несвойственное — тѣнь сарказма, насмѣшки, чего-то въ этомъ родѣ. Маллабаръ, обыкновенно самый веселый, живой и рѣшительный изъ людей, нѣсколько затруднился отвѣтомъ на этотъ вопросъ; онъ откашлялся, взглянулъ въ окно, былъ въ нерѣшимости. Маргарита, не въ силахъ болѣе сидѣть смирно, пока продолжалась эта тайная ссора, вскочила, собрала книги, разбросанныя по полу, и занялась устанавливаніемъ ихъ на мѣсто въ маленькій книжный шкапъ, стоя къ молодымъ людямъ спиной. Луисъ стоялъ и спокойно смотрѣлъ на Маллабара, тѣнь улыбки носилась вокругъ его губъ. Маллабаръ поймалъ его взглядъ и вдругъ сдѣлался мраченъ какъ ночь.

— Такъ какъ ты уходишь и Рупертъ идетъ гулять, я думаю, что и я отправлюсь,—холодно отвѣтилъ онъ.

— Хорошо,—сказалъ Луисъ, — только у меня въ гостиной остались нѣкоторыя бумаги, надо пойти за ними. До свиданія, миссъ Персиваль.

— До свиданія, — отвѣтила Маргарита, не поворачиваясь даже, чтобы взглянуть на него.

Луисъ вышелъ.

Маллабаръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, подошелъ къ шкапу и сказалъ:

— Миссъ Персиваль!

Она вздрогнула, выронила книгу. Они одновременно наклонились поднять ее и руки ихъ встрѣтились. Когда онъ опять заговорилъ, голосъ его былъ совсѣмъ кроткій.

— Не потрудитесь ли вы передать мой привѣтъ мистриссъ

Лассель и сказать ей, что я доставлю себѣ удовольствіе опять заѣхать какъ-нибудь на дняхъ? Скажите ей, пожалуйста, что мнѣ очень надоѣлъ Лондонъ и я вернулся домой.

— Я передамъ ей,—сказала Маргарита, лицо которой еще сохраняло очень озабоченное выраженіе.

— Были ли вы здоровы? веселы? — спросилъ онъ, тихимъ голосомъ.

— Да, совершенно, — отвѣчала Маргарита; но не могла прибавить: «главнымъ образомъ потому, что васъ здѣсь не было».

— Очень этому радъ. И такъ до свиданія. Можно пожать вашу ручку?

Маргарита молча исполнила его желаніе; и хотя знала, что онъ выразительно на нее смотритъ, не подняла на него глазъ.

На-скоро простившись съ Рупертомъ, онъ вышелъ изъ комнаты, и вскорѣ они съ Луисомъ вышли изъ дому.

Глава XII.—Богатыя невѣсты.

Около половины іюля мистриссъ Лассель однажды озадачила Маргариту, сказавъ: — Дорогая, намъ слѣдуетъ условиться насчетъ вашихъ каникулъ. Нужны же вамъ каникулы.

У захваченной врасплохъ Маргариты не нашлось тотчасъ благовиднаго предлога къ отказу, и она поспѣшно проговорила.

— Какъ, вы хотите, чтобъ я оставила васъ, мистриссъ Лассель?

— Сохрани Богъ, мое дорогое дитя. Но вамъ, вѣроятно, хочется сколько-нибудь отдохнуть отъ этой однообразной жизни.

— Этого-то именно я и не хочу,—горячо отвѣчала она.— Можетъ быть, около Рождества я попрошу у васъ отпуска. Повѣрьте, что теперь я гораздо охотнѣе останусь здѣсь, и... Рупертъ не захочетъ отпустить меня.

— Всѣмъ намъ тяжело было бы съ вами разстаться. Но ваши друзья, ваши родные...

— У меня почти нѣтъ родныхъ и совсѣмъ нѣтъ друзей,— отвѣчала Маргарита, съ крайнимъ неудовольствіемъ думая о свиданіи съ Пирсами, о шутливыхъ комментаріяхъ и безсмысленныхъ шуткахъ, которымъ ей пришлось бы подвергнуться изъ-за своей «фантазіи». Мысль, что объ ея теперешнихъ друзьяхъ станетъ судить и рядить, что надъ ними будетъ смѣяться семейство Пирсъ, была слишкомъ ужасна; еще съ бóльшей неохотой отворачивалась она мысленно отъ Бекбриджскаго Аббатства,

оживленнаго обществомъ обѣихъ миссъ Персиваль, съ Морисомъ Биддульфомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ.

— Нѣтъ,—продолжала она, — позвольте мнѣ пока остаться здѣсь, если вы ничего не имѣете противъ этого. Я могу воспользоваться отпускомъ во всякое время, когда представится удобный случай.

Мистриссъ Лассель очень обрадовалась такому разрѣшенію вопроса. Маргарита осталась и въ тайнѣ упрекала себя въ недостаткѣ мужества, увѣряя себя, что ей слѣдовало уѣхать и, какъ она выражалась, «порвать чары». Она осталась и чары продолжали дѣйствовать.

Лѣто пролетѣло, время проходило, а она по прежнему оставалась въ Блэкфордъ Грэнджѣ, все еще не сказала ничего рѣшительнаго, не пришла ни къ какому заключенію относительно своихъ будущихъ плановъ, но была менѣе счастлива въ концѣ сентября, чѣмъ въ половинѣ іюля, иногда даже чувствовала себя очень несчастной. Обстоятельства все болѣе и болѣе усложнялись; тайная власть, пріобрѣтенная надъ нею однимъ изъ дѣйствующихъ въ этой исторіи лицъ, парализовала ея разсудокъ, ея чувство долга, указанія разума и справедливости. Общество одного человѣка, и только одного, доставляло ей истинное удовольствіе — это было общество Руперта. Въ его глазахъ, все, что она дѣлала или говорила, было хорошо и всегда останется хорошимъ. Но она мучилась изъ-за мистриссъ Лассель. Она такъ нѣжно полюбила ее, что сказать ей, что она ее обманула, было ей положительно тяжело: она еще не нашла въ себѣ мужества это исполнить. Странно сказать, теперь она всего свободнѣе чувствовала себя съ Луисомъ Бальдвиномъ — когда-то онъ болѣе другихъ стѣснялъ ее. Она съ такимъ безграничнымъ довѣріемъ относилась къ его характеру, ко всей его личности, къ его сужденіямъ, она такъ слѣпо полагалась на его прямоту, что уже одно то, что онъ обращался съ нею теплѣе, задушевнѣе прежняго, повидимому, безъ всякой подозрительности, заставляло ее отдыхать душою. Она не могла отдать себѣ отчета въ этомъ ощущеніи. Ей казалось, будто Луисъ видитъ ее насквозь, знаетъ всѣ ея хорошія и дурныя стороны — она не въ силахъ была себѣ представить, что онъ не можетъ знать всей правды о ней. Положеніе было очень искусственное, очень натянутое...

Она вообще находила его сноснымъ. Но бывали минуты, когда оно становилось почти невыносимымъ. Во снѣ, среди котораго протекала ея жизнь, съ ужасающей реальностью выдѣлялась одна фигура, безпощадно обращалъ на себя ея вниманіе

одинъ фактъ. Она пыталась отрицать его, иногда ей удавалось забывать о немъ на время, но въ присутствіи Джона Маллабара отрицаніе становилось невозможнымъ. Онъ былъ кротокъ съ нею, кротокъ и спокоенъ, но натура его не измѣнилась. Онъ былъ горячаго характера, пылкій, порывистый, онъ былъ влюбленъ въ нее и, какъ истый мужчина, рано или поздно переломаетъ жалкія преграды, которыя она силилась воздвигнуть между ними, разрушитъ ихъ однимъ ударомъ, предложитъ свой вопросъ и потребуетъ отвѣта. Мысль объ этой минутѣ подавляла ее точно кошмаръ; тѣмъ болѣе ужасала она ее, что она отдавала ему полную справедливость, не находила въ немъ и тѣни грубости или мелочности, ничего кромѣ мужества, доброты, прекрасныхъ, благородныхъ качествъ.

Она допускала, что онъ, говоря вообще, человѣкъ лучшаго закала, чѣмъ Луисъ Бальдвинъ, потому что его благородные поступки были самопроизвольны; тогда какъ даже сильныя стороны характера Луиса имѣли своимъ источникомъ нѣчто въ родѣ злобы. Онъ рѣдко особенно дорожилъ чѣмъ-нибудь, пока не убѣдится, что это трудно узнать, получить или сдѣлать; тогда во что бы то ни стало, оно должно принадлежать ему, онъ долженъ обладать имъ, сдѣлать это, добыть, и, чѣмъ болѣе встрѣчалось препятствій на его пути, тѣмъ упорнѣе стремился онъ ихъ удалить. Маргарита это знала; она знала, что у Джона Маллабара добрые, рыцарскіе поступки являлись сами собой, тогда какъ у Луиса великодушные поступки часто проистекали изъ положительнаго разсчета, имѣвшаго цѣлью не выгоду, но достиженіе того, чтó хорошо, похвально, справедливо. Маллабаръ всегда угадывалъ это инстинктивно, и радостно исполнялъ. Она все это знала, но могла бы сказать о Луисѣ какъ въ поэмѣ мистриссъ Броунингъ говорилъ поклонникъ Авроры: «Не стану утверждать, чтобъ у тысячи женщинъ глаза не были больше. Довольно, что она одна взглянула на меня глазами, которые, велики они или малы, заполонили мою душу».

Не радостно ожидала она дня, когда Джонъ Маллабаръ порветъ путы этикета и пожелаетъ узнать, отчего она не можетъ любить его.

Отчетъ о времени между іюлемъ и сентябремъ можетъ быть пропущенъ. Оно было однообразно въ самой быстротѣ своего теченія. Лѣто въ этомъ году было длинное и чудное. Они почти жили на воздухѣ, до такой степени, что Маргарита, благодаря близкому знакомству, совершенно свыклась съ страннымъ садомъ. Больше всего она любила стоять на каменномъ мосту, смотрѣть

на домъ, за который великолѣпно садилось солнце, озарявшее страннымъ, неземнымъ свѣтомъ, непохожимъ ни на дневной ни на вечерній, всѣ окружающіе предметы. Рупертъ необыкновенно хорошо себя чувствовалъ; съ нимъ не бывало болѣе внезапныхъ, мучительныхъ припадковъ; онъ началъ ходить немного больше, и, поддерживаемый Маргаритой и Луисомъ, даже добрался до моста и назадъ. Они надѣялись, что этимъ путемъ удастся побѣдить суевѣрный ужасъ, который внушало ему это мѣсто, но опытъ оказался неудачнымъ. Онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ, глядя на быстро-несущійся ручей, катившій свои шумныя и прозрачныя воды по темному, каменистому дну.

— Позвольте мнѣ уйти,—сказалъ онъ.—Конечно, я вовсе не могу помнить этого событія, но я знаю, что жизнь моя была загублена на этомъ мосту. Иные люди рано переходятъ Рубиконъ. Ненавижу я это мѣсто.

Маргарита вспомнила, что въ день своего пріѣзда сказала себѣ, что это ея Рубиконъ; она начинала думать, что была права. По крайней мѣрѣ жизнь никогда болѣе не могла быть для нея такою, какой нѣкогда была, никогда, съ той минуты, когда она въ первый разъ переѣхала этотъ мостикъ.

Они увели его, и впослѣдствіи старались ограничивать его прогулки другой стороной сада. Въ началѣ октября пошли вѣтра и дожди; пришлось сидѣть въ комнатѣ. Здоровье Руперта снова измѣнило ему. Маргарита безъ устали за нимъ ухаживала, онъ почти не отпускалъ ее отъ себя. Его страданія и безпомощность не создали, но обнаружили безконечное терпѣніе и состраданіе, скрывавшіяся въ глубинѣ ея женскаго сердца. Она не жалѣла для него ни времени, ни заботъ, ни силъ. Она была вознаграждена, когда голова его, наконецъ, нашла отдыхъ на ея груди, когда онъ прижалъ свои дрожащія губы къ ея рукѣ и прерывисто прошепталъ:—Маргарита, какъ я жилъ безъ васъ? Я вѣрно чувствовалъ, самъ того не сознавая, что вы приближаетесь ко мнѣ.

Джонъ Маллабаръ опять былъ вызванъ въ городъ по дѣламъ, правда, только на нѣсколько дней, но его отсутствіе позволило Маргаритѣ вздохнуть свободно, избавило ее отъ давленія тяжелаго предчувствія. Раза два или три въ недѣлю она съ положительнымъ страхомъ смотрѣла на его гнѣдую лошадь, когда онъ на ней въѣзжалъ рысью по аллеѣ и переѣзжалъ мостъ, въ то время какъ они сидѣли въ сумерки въ гостиной. Со страхомъ ждала она его появленія, пять минутъ спустя, слѣдила за нимъ, когда онъ цѣловалъ руку у мистриссъ Лассель и спрашивалъ, не дастъ ли она ему чашку чаю послѣ дневныхъ трудовъ. Затѣмъ

обсуждались различные случаи, происшедшіе на охотѣ. Если сквайръ появлялся въ то же время, дѣло было еще хуже, такъ какъ онъ былъ ярый охотникъ и любилъ распространяться о событіяхъ дня. Въ такихъ случаяхъ Маллабаръ неизбѣжно подходилъ къ Маргаритѣ, предлагалъ ей какой-нибудь вопросъ, можетъ быть, самъ по себѣ и пустой, но такимъ тихимъ голосомъ, съ такимъ краснорѣчивымъ взглядомъ, по которымъ можно было заключить, что ему не до шутокъ. Наконецъ онъ уѣхалъ, за что она была очень благодарна.

Выше было сказано, что она питала глупую, ни на чемъ не основанную мысль, что Луисъ разгадалъ ее, но что, будучи самъ скрытенъ и щадя чужую скрытность, онъ ничего объ этомъ не говорилъ. Ей казалось, что онъ все знаетъ и что она въ его власти. Ей пришлось разочароваться вполнѣ.

Луисъ заѣхалъ какъ-то утромъ и остался завтракать. За столомъ мистриссъ Лассель сказала:

— Мистриссъ Пьерпонтъ привезетъ ко мнѣ сегодня свою племянницу, миссъ Бэкенгамъ; вы должны видѣть ее, Маргарита. Говорятъ, у нея великолѣпный голосъ. Можетъ быть, намъ удастся убѣдить ее спѣть что-нибудь. Я много слышала о ея красотѣ: Джонъ Маллабаръ говоритъ, что она была одной изъ первыхъ красавицъ этого сезона. Я спросила его, отчего онъ не позволилъ ей воцариться въ его сердцѣ, и глупый мальчикъ какъ будто разсердился.

Маргарита, чувствуя на себѣ пристальный взглядъ Луиса и мучительно сознавая, кто царитъ въ сердцѣ Джона Маллабаръ, проговорила:

— А—богата она, эта миссъ Бэкенгамъ?

— Самая богатая наслѣдница въ своихъ краяхъ,—сказалъ мистеръ Лассель.—Луисъ, вамъ не худо бы остаться и взглянуть на нее,—прибавилъ онъ простодушно и безъ всякой задней мысли.—Она могла бы быть лакомымъ кусочкомъ.

— Для меня, хотите вы сказать? Въ качествѣ чего?

— Жены, конечно.

Луисъ слегка засмѣялся.

— Я видѣлъ миссъ Бэкенгамъ,—сказалъ онъ,—и издали воздалъ ей дань поклоненія. Могу себѣ представить ея взглядъ горделиваго удивленія, еслибъ кто-нибудь подалъ ей подобную мысль; какъ бы она поднесла лорнетъ къ глазамъ, чтобъ однимъ взглядомъ уничтожить меня и мой старый домъ. Она удивительно красива, и кромѣ того горда. Но еслибъ я восхищался ею въ

десять разъ больше, чѣмъ восхищаюсь,—ея громадное состояніе было бы непреодолимымъ препятствіемъ.

— Фантазіи!—сказалъ сквайръ.

— Для меня,—продолжалъ Луисъ, наливая себѣ бордо и выпивая его,—есть что-то необыкновенно вульгарное въ самой фразѣ: о, онъ прекрасно устроился, женился на богатой наслѣдницѣ. Я считаю такіе браки унизительными.

— Для кого, для мужа или для жены?—спросилъ сквайръ.

— Для обоихъ.

— Можетъ быть, и есть что-нибудь вульгарное въ самой фразѣ,—сказалъ мистеръ Лассель, съ снисходительнымъ, добродушнымъ смѣхомъ.—Въ доказательство же того, что въ самой вещи нѣтъ ничего дурного, позвольте мнѣ указать вамъ на особу, сидящую во главѣ моего стола. Э, Бесси?—Онъ бросилъ ласковый взглядъ на жену, и прибавилъ:—Вы, Луисъ, мелете возвышенную чепуху. Неужели вы воображаете, что еслибъ у моей жены гроша не было, я любилъ бы ее на одну іоту меньше? Да, Господь надъ нею! она всегда бы обвила меня вокругъ пальчика, чѣмъ бы она ни была. И изъ-за того только, что у нея было свое приличное состояніе, мнѣ по вашему слѣдовало бы растерзать свое и ея сердце, не найдя въ себѣ силъ стать выше ея денегъ?

— Милый мой, ты такъ сильно выражаешься!—съ улыбкой замѣтила она.

— Это дѣло совсѣмъ другое,—сказалъ Луисъ.—Я знаю, что у мистриссъ Лассель было состояніе, но ваше было еще больше. Лишь бы средства жены моей не превышали моихъ собственныхъ.

— Полноте! Точно для такихъ случаевъ могутъ существовать твердыя, незыблемыя правила. Предположите, что вы влюблены въ милую, хорошую женщину. Вы узнаете, что у нея втрое больше денегъ, чѣмъ у васъ. Чтожъ изъ этого?

— Мнѣ было бы очень прискорбно,—рѣшительно сказалъ Луисъ,—но я счелъ бы своимъ долгомъ надѣть шляпу и раскланяться съ ней. Такіе браки слишкомъ неравны. Кромѣ того, мужчина не долженъ подвергать себя даже возможности быть принятымъ за авантюриста.

— За авантюриста! Вы, вѣроятно, хотите сказать, что жена ваша, пожалуй, стала бы выражать собственное мнѣніе о многомъ и всякій разъ, какъ это случилось бы, вы воображали бы, что играете вторую скрипку, и не въ силахъ были бы этого вынести. Чепуха, мой милый!

— Я, кажется, оговорился, что это у меня манія. Всѣ мы

подвержены маніямъ и находимся въ сильной зависимости отъ нашихъ субъективныхъ ощущеній.

— Къ чорту субъективныя ощущенія! Это зависитъ отъ сердечной теплоты. По моему, если ваша любовь къ женщинѣ не можетъ стать выше ея денегъ, такъ она должна благодарить Бога, что избавилась отъ васъ, и все тутъ!—Бальдвинъ только слегка засмѣялся.

— Очевидно, что мы съ вами не сходимся во мнѣніяхъ,—сказалъ онъ.

Въ этотъ день Маргарита, сидя въ сторонѣ, смутно слышала разговоръ Луиса съ Рупертомъ, не сознавая, что̀ они говорятъ или хотятъ сказать.

«Джонъ Маллабаръ никогда бы не держался такого холоднаго, ужаснаго взгляда», говорила она себѣ. «Зачѣмъ подвергаюсь я этимъ униженіямъ? Зачѣмъ не стряхну съ себя этой галлюцинаціи. Я увѣрена, что это ничто иное, какъ галлюцинація. Такія понятія не обнаруживаютъ благородства души. О, нѣтъ. А между тѣмъ, какъ только онъ взглянетъ на меня, или заговоритъ со мною, я все это забываю. Развѣ я обязана выбрать лучшее?.. Отчего не могу я всегда помнить, что онъ никому не раскрываетъ своего сердца, не даритъ своего довѣрія, какъ товарищу и равному? Это ужасно! Я стряхну съ себя эти чары, и все разскажу мистриссъ Лассель. Она будетъ добра ко мнѣ. Ей я могу довѣриться. Что до остальнаго, я должна пойти ему на-встрѣчу. Будетъ страшно тяжело, если все не устроится какъ... какъ... ну да все равно. Надо рѣшиться».

Такъ сидѣла она и долго размышляла, пока голосъ Бальдвина не вывелъ ее изъ задумчивости. Онъ сидѣлъ возлѣ нея и говорилъ:

— Обѣщаете ли вы мнѣ выйти завтра, какая бы ни была погода? Вы слишкомъ много сидѣли дома, это начинаетъ на васъ дѣйствовать. Говоря: *выйти*, я хочу сказать, что вамъ надо пройтись. Вамъ необходимы движеніе и свѣжій воздухъ.

— Я... да, о, да! Я завтра какъ-нибудь выйду,—отвѣчала она, глядя на него съ выраженіемъ испуга. Луисъ вѣроятно замѣтилъ ея впалыя, блѣдныя щеки, ея глаза, казавшіеся неестественно большими, необыкновенно темными и печальными. Онъ несомнѣнно видѣлъ все это, хотя невозможно рѣшить, приписалъ ли онъ эту перемѣну только ея неутомимому ухаживанью за Рупертомъ и сидѣнью взаперти.

— Я говорилъ съ Рупертомъ,—продолжалъ онъ.—Я сказалъ ему, что, даже съ эгоистической точки зрѣнія, ему не мѣшаетъ

отъ времени до времени отпускать васъ отъ себя, такъ какъ въ противномъ случаѣ вы у насъ заболѣете и вамъ придется уѣхать, чтобъ отдохнуть. Вы были бы этому рады?

Маргарита взглянула на него едва дыша. «Я права», подумала она. «Онъ что-то знаетъ или о чемъ-то догадывается. Вслухъ она поспѣшно проговорила:—*Совсѣмъ нѣтъ*,—и Луисъ съ долгимъ взглядомъ и полу-улыбкой отошелъ отъ нея.

Глава XIII.—Огромный призъ миссъ Персиваль.

На слѣдующее утро Маргарита нашла на чайномъ столѣ письмо на свое имя. Взглянувъ на конвертъ, она узнала, что письмо отъ настоящей миссъ Персиваль. Она распечатала его, слабо заинтересованная его содержаніемъ, но вскорѣ, вопреки самой себѣ, заинтересовалась имъ.

«Дорогая миссъ Баррингтонъ, давно не получала я отъ васъ извѣстій и нѣсколько разъ собиралась писать вамъ; но я была увѣрена, что еслибъ вы были нездоровы или оставили Блэкфордъ Грэнджъ, вы бы меня объ этомъ извѣстили, а потому все откладывала. Теперь, я хочу сообщить вамъ новость, и чувствую, что не должна болѣе откладывать своего письма. Не думала я, когда вы сдѣлали мнѣ и сестрѣ моей ваше доброе и великодушное предложеніе, къ какимъ результатамъ оно приведетъ. Я должна благодарить васъ за многое, и косвенно за то, что, кажется, составитъ счастіе моей жизни.

«Я писала вамъ нѣсколько времени тому назадъ, что мистеръ Биддульфъ нѣсколько разъ былъ у себя въ имѣніи и что во время своего тамъ пребыванія онъ оказывалъ всякаго рода вниманіе Фанни и мнѣ. Въ началѣ октября онъ пріѣхалъ на болѣе продолжительное время, для охоты. Мы очень часто видали, или вѣрнѣе, *видимъ* его, такъ какъ онъ еще здѣсь и на-дняхъ просилъ меня быть его женой. Признаюсь, что мнѣ всегда чрезвычайно нравился мистеръ Биддульфъ, съ перваго раза, когда я съ нимъ встрѣтилась у мистриссъ Пирсъ. Съ тѣхъ поръ какъ я такъ часто видалась съ нимъ здѣсь, моя симпатія превратилась въ болѣе теплое чувство. Онъ мнѣ кажется такимъ безукоризненнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, такимъ утонченнымъ джентльменомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ умнымъ, развитымъ человѣкомъ. Можетъ быть, это мечта любящаго сердца, но я считаю его совершенствомъ, достойнымъ любви и поклоненія женщины».

Тутъ чувства Маргариты прорвались наружу; она почти

гнѣвно воскликнула: «Этотъ-то фатъ!» Восклицаніе заставило Дамарисъ спросить, чтó съ ней случилось.

«Я такъ счастлива, что онъ меня выбралъ; это показываетъ его благородную самоотверженную натуру. Я такъ мало имѣла правъ быть избранной, во мнѣ такъ мало привлекательнаго для такого человѣка, какъ онъ. Но онъ говоритъ, что симпатія и антипатія вещи, которыя невозможно логически объяснить».

«Это правда. Господи! подумать, что у *этого* человѣка нашлась поклонница!» размышляла Маргарита.

«Вы поймете мои чувства, и я не стану утомлять васъ, распространяясь о нихъ. Свадьба наша будетъ очень скоро, такъ какъ онъ не желаетъ промедленія, а его желанія для меня законъ. Надѣюсь, дорогая миссъ Баррингтонъ, что вы пріѣдете къ намъ на свадьбу, и тѣмъ довершите длинный рядъ одолженій, который вы мнѣ уже оказали. Я должна еще разъ благодарить васъ за великое счастіе, которое доставили мнѣ вы и никто другой, и просить васъ вѣрить, что я всегда останусь

«Искренне вамъ преданной Маріонъ Персиваль».

Маргарита принуждена была положить это письмо въ карманъ и заняться другими вещами до послѣ-обѣда. Ей еще предстояло прочесть второе письмо—письмо отъ Лоры, которая также узнала новость и писала въ тонѣ страстнаго негодованія противъ этой негодной маленькой интриганки, миссъ Персиваль. Помолвка эта служила ей предлогомъ горячо и почти безсвязно умолять Маргариту возвратиться къ нимъ: «вернись къ твоимъ друзьямъ и все будетъ прощено»,—подумала Маргарита, съ насмѣшливой улыбкой! Дѣйствительно, письмо мистриссъ Пирсъ выражало и почти говорило: «Ты до сихъ поръ такъ глупо вела свои дѣла, упустила такой великолѣпный случай, отдала такую прекрасную птицу, которую уже держала въ рукѣ, въ когти ничтожной авантюристки, къ которой должна была бы относиться съ презрѣніемъ; вообще поступала такъ дико и неблагоразумно, что единственное, и меньшее, чтó ты можешь сдѣлать, это вернуться ко мнѣ и дать мнѣ руководить тобою въ будущемъ».

Смыслъ этого письма выводилъ Маргариту изъ себя. Увѣренность Лоры въ томъ, что Маргарита съ радостью вышла бы за Биддульфа, еслибъ онъ предоставилъ ей къ тому возможность, возмущала ее, такъ какъ она смотрѣла на него даже съ бóльшимъ презрѣніемъ, чѣмъ слѣдовало. Въ числѣ мелкихъ невзгодъ этой жизни ничто такъ не раздражаетъ, какъ необходимость часто молчать, при страшной внутренней досадѣ, когда наши лучшіе

друзья и доброжелатели дѣлаютъ изъ мухи слона, непремѣнно хотятъ придавать такой-то личности или такому-то обстоятельству особенную важность, увѣряя, что ихъ жертва раздѣляетъ ихъ мнѣніе. Какую сколько-нибудь умную дѣвушку, въ тотъ или другой періодъ ея жизни, не мучили, поддразнивая ее какимъ-нибудь господиномъ, къ которому она совершенно равнодушна, который несравненно ниже ея, но вниманіе котораго почему-то считается для нея особенно лестнымъ? Таково, въ усиленной степени, было настоящее положеніе Маргариты. Письмо Лоры не только не убѣдило ее подумать о возвращеніи къ ней, но породило въ душѣ Маргариты упорную рѣшимость и именно противуположнаго свойства.

— Я поѣду въ Бекбриджъ, — рѣшила она. — Я *все* скажу мистриссъ Лассель. Я докажу Лорѣ, что *презираю* ея вульгарныя понятія; я займу свое мѣсто хозяйки въ собственномъ домѣ. Маріонъ Персиваль выйдетъ замужъ отъ меня, какъ еслибъ она была мнѣ родная сестра. Вотъ, что я сообщу Лорѣ въ отвѣтъ на ея письмо. Это все, что она успѣла рѣшить въ умѣ прежде, чѣмъ пошла къ Руперту и посвятила ему все утро. Не ранѣе какъ послѣ полудня была она свободна.

Глава XIV.—Я—она.

Послѣ завтрака Маргарита промѣшкала нѣсколько времени. Она жаждала быть одной; къ этой жаждѣ присоединилось воспоминаніе о приказаніи Луиса пойти прогуляться и о ея обѣщаніи исполнить его. Она одѣлась для прогулки и вышла, хотя день былъ сѣрый и ничего не обѣщавшій. На грозно-нависшемъ небѣ было много мрачныхъ облаковъ, которыя могли сулить, что угодно—отъ «кроткой небесной росы» до изморози или снѣга, служащихъ признаками зимы и измѣнчивой погоды.

Она уже теперь хорошо изучила всѣ окрестныя тропинки, и, погруженная въ размышленія по поводу полученнаго въ это утро извѣстія, оживленная чистымъ, хотя холоднымъ воздухомъ, незамѣтно шла все дальше и дальше, пока не очутилась въ разстояніи мили или двухъ отъ Грэнджа, на большой дорогѣ, пролегавшей по нагорной равнинѣ. Она не переставала думать о своихъ двухъ письмахъ, объ отрывкахъ изъ нихъ, которые постоянно приходили ей на память, точно неотвязная мелодія, отъ которой отдѣлаться нельзя.. Она испытывала странную смѣсь ощущеній—удовольствія и огорченія; огорченія изъ-за того, что люди

воображали, что помолвка эта въ какомъ бы то ни было отношеніи можетъ быть для нея разочарованіемъ; удовольствія потому, что миссъ Персиваль хорошо, прилично, по своему вкусу пристроилась.

«Она, вѣроятно, считаетъ это приличной партіей», подумала она, и сильное презрѣніе примѣшалось къ ея удовольствію. Потомъ презрѣніе взяло верхъ надъ остальными чувствами.

«Они,—пара», думала она. «Поклонница и кумиръ, господинъ и служанка. О, я чувствую себя униженной при мысли, что особа одного со мной пола смотритъ на этого человѣка какъ на своего *героя!*» Щеки ея пылали, глаза сверкали. «Значитъ, женщины достойны установившагося о нихъ мнѣнія. Достоинъ любви и поклоненія женщины. Отчего, желала бы я знать? А еще такъ недавно онъ просилъ меня полюбить его, поклоняться ему. Какой образецъ постоянства. Вѣроятно, это дѣлается въ наказаніе мнѣ. Лора также думаетъ, что я наказана. Фи! Всякій, кто имѣетъ о насъ какое-нибудь понятіе, засмѣется при мысли, что Маріонъ предпочли мнѣ. Можетъ быть, это оскорбительно для такого суетнаго существа, какъ я, но я дамъ на это единственный отвѣтъ, какой могу дать. Я должна занять свое мѣсто, она должна выйти замужъ изъ моего дома, какъ еслибъ она была моимъ самымъ близкимъ другомъ.

Маргарита нашла лучъ утѣшенія въ этой рѣшимости. Ей пріятно было думать, что она поступитъ такъ великодушно, трижды заплатитъ жалкій долгъ, соберетъ горящіе уголья на головы тѣхъ, кто хочетъ привести ее въ смущеніе. Она знала, что миссъ Персиваль, при всѣхъ своихъ изъявленіяхъ благодарности, торжествуетъ. Она знала, что Морисъ Биддульфъ позволяетъ миссъ Персиваль торжествовать, позволяетъ ей воображать, что она отбила его у Маргариты, въ увѣренности, что послѣдняя никогда, ни подъ какимъ видомъ не скажетъ, что она отказала ему и вдобавокъ осмѣяла его.

Тутъ-то обнаружилось рыцарство Маргариты. На ея склонность къ подобнымъ поступкамъ и намекалъ Томъ Пирсъ, говоря, что Маргарита «не умѣетъ пробираться украдкой». Ее странно возмущало фальшивое положеніе, въ которое она была поставлена. Но ей даже въ голову не приходило написать Лорѣ и сказать: «Молчи, я отказала человѣку, котораго, по твоему, у меня отбили»; или отправить миссъ Персиваль любезное посланіе, намекнувъ въ немъ, что ея властелинъ не всегда былъ такъ безкорыстенъ, какъ теперь казался. Ей хотѣлось отмстить. Она была склонна къ борьбѣ, и неспособна подставить правую щеку, когда ее уда-

рили по лѣвой. Она просто мстила иначе, чѣмъ отомстило бы большинство женщинъ. Двѣ холодныя капли на щекѣ наконецъ вывели ее изъ задумчивости. Она подняла голову. Были сумерки. Море, которое передъ тѣмъ было еще видно ей вдали, все сѣровато-багровое, теперь совершенно скрылось благодаря надвигавшимся сумеркамъ и густому сѣрому туману, холодному морскому туману, составляющему частое явленіе на восточномъ берегу и представляющему истинное бѣдствіе для обитателей его. Накрапывалъ дождь. Вѣтеръ, по временамъ, печально завывалъ; буря приближалась, ей слѣдовало сейчасъ же повернуть назадъ, если она не желала, чтобы ее застигла ночь. У нея не было зонтика, защитой ей служилъ только длинный, темный плащъ съ капюшономъ, да мягкая шляпа для дурной погоды.

Она повернула назадъ; оказалось, что вѣтеръ дуетъ вкось съ сѣверо-запада. Наклонивъ голову, въ развѣвающемся по вѣтру плащѣ шла она къ дому, и такъ какъ вѣтеръ завывалъ у нея въ ушахъ, до нея не долетало никакихъ звуковъ, она не знала, есть ли вблизи кто-нибудь, пока Луисъ Бальдвинъ не осадилъ лошадь положительно возлѣ нея, и она услышала его голосъ.

— Миссъ Персиваль, вы совершаете прогулку съ тою же энергіей, какой отличаются остальныя ваши дѣйствія.

Она подняла голову. На лицѣ ея отражался испугъ, оно еще оставалось мрачнымъ отъ мыслей, тѣснившихся въ ея головѣ; она сказала:

— Какъ видите, меня застигла буря. Но я не хочу васъ задерживать. Пожалуйста, поѣзжайте дальше.

— Конечно, не поѣду, — отвѣчалъ онъ и, быстро сойдя съ лошади, перекинулъ поводья на руку и пошелъ рядомъ съ ней.

— Руперту лучше сегодня?—спросилъ онъ, и тутъ она въ первый разъ замѣтила въ его тонѣ что-то особенное. Онъ говорилъ отрывисто, какъ давно не говорилъ съ нею.

— Да, благодарю,—отвѣчала она почти машинально. Мракъ сгущался быстрѣе, дождь зачастилъ. «Меня застигла буря»,—сказала Маргарита. Словамъ ея суждено было оправдаться, и оправдаться вполнѣ. Слѣдующій вопросъ его былъ:

— Что побудило васъ идти такъ далеко въ такой грозный день?

— Мнѣ хотѣлось быть одной; я почти не замѣчала, куда иду. Я думала объ извѣстіи, которое получила сегодня утромъ.

— Неужели! Странно, я также сегодня утромъ получилъ извѣстіе, о которомъ много думалъ.

— Право? Это странное совпаденіе.

— Да. Я подѣлюсь съ вами моими новостями. Вы, конечно, сами разсудите, сдѣлать ли вамъ то же, или нѣтъ. Я получилъ письмо отъ товарища по университету. Онъ сообщаетъ мнѣ, что нашъ бывшій знакомый, очень не-короткій знакомый, — по имени Морисъ Биддульфъ, — женится.

— Да! — слабо сказала Маргарита. Сердце ея замерло, она была совершенно поражена его тономъ.

— Да, и что дѣлаетъ это совпаденіе еще болѣе замѣчательнымъ, такъ это — то, что онъ женится на особѣ, у которой одна фамилія съ вами — на нѣкоей миссъ Маріонъ Персиваль.

— О!

— Слыхали ли вы когда-нибудь о мистерѣ Биддульфѣ, или объ *этой* миссъ Персиваль?

— Да.

— Вы, можетъ быть, даже знали ихъ?

— Да, я ихъ очень хорошо знаю.

— Можетъ быть, миссъ Персиваль вамъ родня?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Это странно. Оказывается, что она гостила въ домѣ пріятельницы, въ ближайшемъ сосѣдствѣ мистера Биддульфа. Хозяйку дома зовутъ миссъ Баррингтонъ — Маргарита Баррингтонъ.

— Знаю. Я — Маргарита Баррингтонъ.

— Съ той минуты, когда я дочиталъ письмо моего друга, я былъ въ этомъ увѣренъ, такъ какъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что вы не миссъ Персиваль. Вы, значитъ, миссъ Баррингтонъ — богатая наслѣдница, недавно достигшая совершеннолѣтія, молодая дѣвушка, фантазіи которой также необъяснимы, какъ красота ея замѣчательна; рѣшимость которой, осуществлять свои фантазіи, такъ сильна, что заставляетъ ее пренебрегать всякими препятствіями и сомнѣніями; которая нисколько не задумывается надъ средствами, лишь бы достигнуть цѣли.

— Можетъ быть, она и такая; для меня это безразлично. Я — она! — отвѣчала Маргарита, вскинувъ голову, какъ могла выше. Ее больше раздражалъ его тонъ, чѣмъ слова. Горделивой красавицей смотрѣла она съ своимъ вызывающимъ выраженіемъ. Если ему угодно выражаться въ такомъ тонѣ, пусть его! Она была рада, что онъ сразу взялъ на себя иниціативу, прежде чѣмъ она унизилась, произнеся хотя бы одно слово извиненія. Теперь у нея его не вырвутъ. Она не сдастся до горькаго конца, и если онъ, говоря языкомъ мистера Ласселя, «растерзаетъ» ея сердце, то и его собственное будетъ растерзано въ то же время, такъ какъ даже и теперь, среди сгущавшихся

сумерекъ, она видѣла, что, когда онъ пытливо взглянулъ на нее послѣ своихъ послѣднихъ словъ, лицо его было мертвенно блѣдно, глаза искали встрѣтиться съ ея глазами, выраженіе ихъ было почти молящее. Глядя на него, она сознавала, что любитъ его страстно, что худшій ли онъ или лучшій изъ этихъ трехъ ея обожателей, онъ одинъ заполонилъ ея сердце. Она любила его, но—ей вспомнилась миссъ Персиваль и ея властелинъ и повелитель — не той любовью, которая позволитъ топтать себя ногами, оттолкнуть не выслушавъ, обвинить несправедливо. Быть можетъ, Луисъ забылъ, быть можетъ, при всемъ своемъ умѣ, онъ даже не догадывался, что скажи онъ нѣсколько нѣжныхъ словъ, спроси ее шопотомъ: «не удерживалъ ли я васъ здѣсь сколько-нибудь?» онъ могъ бы направить ее куда бы захотѣлъ, могъ бы услыхать съ устъ ея желанное признаніе. А въ отвѣтъ на такія слова, какія были имъ сказаны, она, конечно, должна была придать лицу своему каменное выраженіе, закалить свое сердце, и, побуждаемая единственно горемъ и страданіемъ, дать волю презрѣнію и негодованію. Какъ бы то ни было, онъ сыгралъ свою роль и самъ все испортилъ, да еще съ необыкновеннымъ тупоуміемъ, составляющимъ отличительную черту мужчинъ въ подобныхъ кризисахъ, теперь принялся подливать масло въ огонь, говоря:

— Не стану отрицать, что я уже нѣсколько времени былъ увѣренъ, что вы не та, за кого себя выдаете; но я уважалъ ваше инкогнито, въ силу убѣжденія, что какая-нибудь тяжкая нужда или какое-нибудь великое горе...

— А можетъ, быть, и что-нибудь позорное? Продолжайте, пожалуйста.

— Какая-нибудь тяжкая нужда или какое-нибудь великое горе могли заставить васъ принять его. Но когда я сегодня утромъ получилъ письмо пріятеля, имена, обстоятельства, многое забытое мною, разомъ вспомнились мнѣ. Я былъ почти подавленъ, но не могъ сомнѣваться въ томъ, что заключеніе, къ которому я пришелъ, правильно. Вы не только не знаете нужды или горя, но вы, по вашему собственному сознанію, богаты, независимы, у васъ множество друзей.

— Это неправда. Никто, никогда отъ меня не слыхалъ, чтобъ у меня было множество друзей. Будь у меня друзья, которымъ я могла бы довѣрять...

Она оборвала рѣчь, досадуя на себя за то, что снизошла до чего-то похожаго на объясненіе.

— Ничѣмъ не загладить того, что вы сначала прибѣгли къ

этому обману, не изъ какихъ-нибудь высокихъ или священныхъ побужденій, а просто для забавы, для препровожденія времени.

— «Для штуки», какъ говорятъ школьники. Да, по этой именно причинѣ я и надѣлала все это, и потому еще что мои *друзья* запрещали мнѣ это. Такъ что-же?

— Такихъ вещей нельзя дѣлать безнаказанно. Вы, можетъ быть, не думали объ уплатѣ, но она еще должна быть внесена до послѣдняго пенни.

— Какая уплата, желала бы я знать?

— Пока вы забавлялись, другимъ было вовсе не до забавы. Вы позволили двумъ людямъ, съ которыми встрѣчались почти ежедневно, влюбиться въ васъ; вы это прекрасно видѣли, и не пытались вывести ихъ изъ заблужденія.

Маргарита вдругъ задрожала. Она не успѣла обрадоваться— не успѣла удивиться, такъ какъ онъ продолжалъ суровымъ, дѣловымъ тономъ:

— Вы дали мнѣ урокъ, котораго я никогда не забуду. Послѣдствія его сойдутъ со мной въ могилу. Женщина, которая говоритъ неправду, теряетъ для меня всякую прелесть. Вѣроятно, вамъ это совершенно все равно; когда вамъ наскучитъ Фаульгавенъ, вы уѣдете и будете забавляться въ другомъ мѣстѣ. Что же до бѣднаго Джэка Маллабара, — понятно, что до такого незначительнаго доктора, какъ я, и до его чувствъ, вамъ нѣтъ никакого дѣла,—позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на то, что, съ свѣтской точки зрѣнія, вамъ могли бы представиться худшія партіи, чѣмъ Джонъ Маллабаръ. Когда-нибудь вамъ придется отвѣчать ему, если онъ предложитъ вамъ одинъ вопросъ. Онъ во многихъ отношеніяхъ беззаботный малый, но онъ слишкомъ хорошій человѣкъ, чтобы служить игрушкой эгоисткѣ, а вы его больно затронули.

Маргарита засмѣялась горькимъ смѣхомъ и гнѣвно сказала:

— Мнѣ все равно, больно-ли я его затронула, и васъ также. Со времени моего пріѣзда въ Блэкфордъ Грэнджъ, моей обязанностью было сдѣлать жизнь бѣднаго Руперта меньшимъ бременемъ для него; надѣюсь, что я въ этомъ успѣла. Что же касается до васъ и до мистера Маллабара, ни одинъ изъ васъ не можетъ сказать, чтобъ я когда-нибудь сказала слово, бросила взглядъ, или двинула пальцемъ, съ цѣлью возбудить привязанность кого-либо изъ васъ. Совѣсть моя чиста. А такъ какъ мы у воротъ Грэнджа, я пожелаю вамъ добраго вечера. Нѣтъ, ни шагу далѣе, если вы не желаете оскорбить меня. Я предпочитаю идти одна.

Едва замѣтно наклонивъ голову, она вошла въ садъ, оста-

вивъ его у воротъ на проливномъ дождѣ, предоставляя ему оправиться, какъ умѣетъ, послѣ только-что полученной души.

Глава XV.—Свадьба или похороны?

Незадолго до Рождества, Маргарита Баррингтонъ сидѣла одна въ гостиной своего Бекбриджскаго аббатства и предавалась отнюдь не пріятнымъ размышленіямъ.

Былъ холодный мрачный день. Зима настала рано, послѣ короткой и бурной осени. Сильный морозъ безъ снѣгу заковалъ землю въ желѣзныя цѣпи. Небо было сѣро и печально, шаги рѣзко звучали по замерзлой землѣ; любители катанья на конькахъ въ теплыхъ и яркихъ костюмахъ тѣснились на всѣхъ свободныхъ прудахъ. Маргарита была одѣта не для прогулки. Роскошный туалетъ ея отличался торжественнымъ характеромъ, плохо гармонировавшимъ съ временемъ дня и ея собственнымъ настроеніемъ. Платье изъ бархата и атласа, дорогое кружево у ворота и на рукавахъ, брильянты на груди, браслеты на рукахъ—все доказывало, что какое то торжество или состоялось, или предстояло.

Торжество, отпразднованное въ это утро, была свадьба Маріонъ Персиваль, свадьба, о которой Маргарита рѣшила, что она будетъ у нея въ домѣ.

Она привела свое рѣшеніе въ исполненіе. Невѣста была очень рада вѣнчаться съ подобающимъ блескомъ изъ дома миссъ Баррингтонъ. Женихъ охотно согласился. Быть можетъ, онъ чувствовалъ себя нѣсколько во власти миссъ Баррингтонъ; не могъ же онъ совершенно забыть сцену, которая произошла между ними, въ одну майскую ночь, при свѣтѣ звѣздъ и китайскихъ фонариковъ, въ саду мистера Пирса. Какъ бы то ни было, онъ уступилъ, свадьба была блестящая, если не многолюдная. Не смотря на то, что Маріонъ Персиваль была очень красива, очень мила, очень задумчива въ своемъ подвѣнечномъ нарядѣ, Маргарита Баррингтонъ была олицетвореніемъ владѣлицы замка, прелестной хозяйки, и играла первенствующую роль. Молодые отправились въ путь почти тотчасъ послѣ свадебнаго завтрака. Маргарита не давала вечера, послѣдніе изъ не особенно многочисленныхъ гостей съ полъ-часа какъ разъѣхались. Больная миссъ Персиваль пошла къ себѣ въ комнату отдохнуть; трудно было ожидать, чтобъ она появилась въ гостиной въ этотъ вечеръ.

У Маргариты былъ еще гость—а именно Томъ Пирсъ, ко-

торый пріѣхалъ къ ней на рождественскіе праздники, такъ какъ она отказалась провести ихъ съ его отцомъ, матерью и ихъ семьей въ Иркфордѣ. Томъ въ эту минуту находился внѣ дома.

Сказавъ вторую, имѣвшую огромный успѣхъ, рѣчь на свадебномъ завтракѣ, онъ поспѣшно вышелъ, и теперь забавлялся на одномъ изъ упомянутыхъ прудовъ. Нельзя было ожидать его возвращенія домой прежде, чѣмъ неодолимый призывъ голода не напомнитъ ему объ обѣдѣ.

Миссъ Баррингтонъ оставила Блэкфордъ Грэнджъ черезъ два дня послѣ своей ссоры съ Луисомъ Бальдвиномъ. До настоящей минуты ей удавалось найти себѣ столько дѣла, быть такъ постоянно занятой, что у нея не оставалось вовсе времени для размышленій о прошломъ. Теперь, въ минуту нежданнаго одиночества, на нее разомъ нахлынули воспоминанія. Вспомнилось ей, какъ она вошла въ домъ въ этотъ несчастный вечеръ, разставшись съ Луисомъ, какъ она съ трудомъ дождалась, чтобы съ нея сняли мокрое платье—такъ велико было ея нетерпѣніе видѣть мистриссъ Лассель, сказать ей все, умолять эту даму простить ее, если не ради ея самой, то ради Руперта.

Она описала мистриссъ Лассель свою печальную, полную недовольства, жизнь въ насимпатичной обстановкѣ; говорила, никого не называя, о предложеніи Мориса Биддульфа, о томъ, какъ его видимое желаніе обладать ею изъ-за того только, что она богатая невѣста и хорошаго происхожденія, а вовсе не изъ-за того, чтобъ онъ видѣлъ въ ней любимую женщину, охладило ея сердце, пробудило въ ней цинизмъ, заставило ее оттолкнуть и осмѣять его. Она разсказала,какъ она пріѣхала въ Грэнджъ, недовольная цѣлымъ свѣтомъ и своей судьбой, и какъ первыя слова мистриссъ Лассель пріятно зазвучали въ ушахъ ея; какъ она нашла здѣсь любовь и миръ, и знала, что любовь эта относилась къ ней самой, а миръ возникъ изъ свободнаго общенія съ благородными и самоотверженными натурами.

— Я не могла отъ этого отказаться,—сказала Маргарита.—Я не могла порвать этихъ чаръ. Гоните меня, если хотите! Вините меня, я не посмѣю васъ упрекнуть за это. Но постарайтесь простить меня, ради Руперта.

Мистриссъ Лассель сдалась бы на эту мольбу, еслибъ въ этомъ была надобность, но ея не было. Она сжала Маргариту въ объятіяхъ, назвала ее своимъ ребенкомъ, своей милой дочерью, своей самоотверженной благодѣтельницей. Даже среди своего горя дѣвушка нашла утѣшеніе въ этой глубокой и безкорыстной привязанности. Во время разговора съ мистриссъ Лассель, пытаясь

объяснить ей свое внезапное огорченіе и сильное волненіе, Маргарита невольно открыла ей больше, чѣмъ намѣревалась. Сначала она слегка колебалась, но потомъ, съ горемъ, котораго скрыть не умѣла, разсказала обо всемъ, что произошло между нею и Луисомъ. Она высказала мистриссъ Лассель, какъ ее поразила его суровость и узкость его понятій, подѣлилась съ ней своимъ негодованіемъ, сказала, что не хочетъ никогда болѣе его видѣть. Мистриссъ Лассель была слегка озадачена, ее удивляли суровыя и невеликодушныя слова Луиса. Наконецъ она сказала:

— Онъ золъ отъ природы, Маргарита, но онъ любилъ васъ. Я разъ его въ этомъ уличила, и онъ не въ силахъ былъ этого отрицать. Онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться, по своей странной сдержанности, но онъ не могъ, глядя мнѣ въ глаза, отрицать этого. Если онъ васъ любитъ, онъ никогда не полюбитъ другую. Онъ, вѣроятно, былъ страшно разстроенъ, если наговорилъ вамъ такихъ вещей. Вы не должны забывать, какъ сильно сказывается въ немъ то, что французы называютъ les défauts de ses qualités. Я часто бранила его за его болѣзненную гордость и впечатлительность. Ему не по силамъ было потрясеніе, испытанное имъ, когда оказалось, что вы, которую онъ считалъ бѣдной и вынужденной скрывать самое имя свое, богаты и независимы.

— Такъ пусть и остается ему не по силамъ,—сказала Маргарита.—Я никогда и говорить съ нимъ не буду, пока онъ не извинится передо мной, а онъ этого никогда не сдѣлаетъ. Вы, вѣроятно, хотите сказать, дорогая мистриссъ Лассель, что еслибъ я въ дѣйствительности была бѣдной, неимущей гувернанткой, которая бы всѣмъ была обязана ему—пріютомъ, любовью, положеніемъ, всѣмъ, онъ женился бы на мнѣ въ увѣренности, что всегда будетъ на первомъ планѣ, что ему, во всякомъ случаѣ, не придется обязываться, никогда не придется унизиться, сказать: благодарю васъ. Но когда онъ убѣдился, что съ свѣтской точки зрѣнія я имѣю передъ нимъ преимущество, что ему пришлось бы измѣнить свой образъ жизни, свои условія, рѣшительно все, и все изъ-за жены... Ахъ, это ужасно! Онъ не предполагаетъ во мнѣ никакого великодушія, онъ не довѣряетъ мнѣ, онъ нападаетъ на меня, упрекаетъ меня, насмѣшливо издѣвается надъ моими фантазіями—я знаю, что имъ нѣтъ числа, но я бы ихъ всѣ подавила въ угоду хорошему человѣку, который полюбилъ бы меня—и говорить со мной такимъ тономъ, котораго я бы не снесла отъ самаго лучшаго и самаго мудраго человѣка въ мірѣ. Не такъ ли это?

— Боюсь, что такъ. Но вы не должны слишкомъ строго судить о немъ. Вы должны простить его.

— Я пожму ему руку, когда онъ извинится передо мной, не прежде. Но простить его—никогда! Не прощу я человѣку, который ищетъ себѣ въ жены комнатную собачку, и сердится, убѣдившись, что женщина, которую онъ хотѣлъ-было выбрать, не такова. Онъ долженъ уважать мою личность, или я никогда болѣе не обращу на него никакого вниманія.

Мистриссъ Ласседь не старалась поколебать эту рѣшимость. Можетъ быть, она надѣялась, что время поколеблетъ ее; быть можетъ, находила, что суровость Луиса заслуживаетъ наказанія. Тяжело было прощаніе Маргариты съ Рупертомъ, который плакалъ и не хотѣлъ утѣшиться. Рыдая, онъ сказалъ Маргаритѣ:

— Ахъ, даже Луисъ не замѣнитъ мнѣ васъ.

Сердце Маргариты запрыгало при этихъ словахъ. Значитъ, Луисъ не всегда могъ уничтожить ея положительное вліяніе силой своего отрицательнаго совершенства. Что же побудило Маргариту шепнуть мальчику:

— Не говори ему этого. Это огорчитъ его.

Она обѣщала вскорѣ возвратиться къ нему, и взяла съ мистриссъ Ласседь слово, что она вызоветъ ее, еслибъ здоровье мальчика сколько-нибудь ее встревожило. Потомъ она уѣхала, вырвалась изъ Фаульгавена до возвращенія Джона Маллабара изъ Лондона, не видавшись болѣе съ Луисомъ. Гордость дала ей силу все это спокойно пережить, но воспоминаніе о несчастной ссорѣ съ Луисомъ не переставало ее мучить; ничто не могло изгладить тупой, ноющей боли, соединенной съ этимъ воспоминаніемъ—боли, которая смѣнялась иной разъ болѣе острымъ ощущеніемъ—мыслью: «Онъ любитъ меня, я люблю его, и мы другъ для друга не существуемъ». Когда миссъ Персиваль спросила ее о причинѣ ея внезапнаго отъѣзда изъ Фаульгавена, она небрежно отвѣтила, что ей все это надоѣло и что письмо миссъ Персиваль послужило для нея желаннымъ предлогомъ возвратиться домой.

— Такъ они узнали ваше настоящее имя?

— О, да! Я все объяснила мистриссъ Ласседь. Мы разстались самыми лучшими друзьями, я какъ-нибудь поѣду къ ней гостить. А теперь, моя милая, мы займемся приготовленіями къ вашей свадьбѣ.

Приготовленія шли своимъ чередомъ; свадьба была отпразднована и мистриссъ Биддульфъ простилась съ Маргаритой покровительственнымъ тономъ замужней женщины, какъ бы желая

увѣрить ее въ своемъ дальнѣйшемъ расположеніи и доброжелательствѣ, чѣмъ сильно разсмѣшила владѣлицу Бекбриджскаго замка.

Все это Маргарита быстро перебирала въ умѣ, пока немного отдыхала, прежде чѣмъ подняться наверхъ и раздѣться. Пламя камина играло, то на темно-коричневомъ атласѣ и бархатѣ ея платья, то на желтоватыхъ, старыхъ кружевахъ, то на сверкающихъ бриллiантахъ, то на блестящей діадемѣ ея красновато-золотистыхъ волосъ. Она закрыла глаза и откинулась на спинку стула. Эта прелестная дѣвушка, въ цвѣтѣ молодости и красоты, думала:

— Какъ мало прошло времени со дня моего совершеннолѣтія, а между тѣмъ сколько событій. Вѣроятно, Морисъ Биддульфъ воображаетъ, что наказалъ меня, предпочтя мнѣ эту дѣвушку. Чтожъ, пускай его! Это его радуетъ, а мнѣ не вредитъ. Луисъ,—она измѣнилась въ лицѣ, вздохъ вырвался изъ груди ея:—съ нимъ кончено. Джонъ Маллабаръ—знаю, что его слѣдовало бы мнѣ полюбить, по всѣмъ правиламъ. Если это долженъ быть одинъ изъ трехъ, изъ этихъ трехъ—это долженъ быть онъ. Но развѣ необходимо, чтобъ это былъ одинъ изъ нихъ?

Дверь отворяется, слуга докладываетъ.

— Къ вамъ джентльменъ, сударыня.

Глава XVI.—Больно затронула.

Маргарита открыла глаза, окинула комнату медленнымъ взглядомъ и убѣдилась, что пока она сидѣла съ закрытыми глазами, совершенно стемнѣло. Въ каминѣ по прежнему горѣлъ яркій огонь, освѣтившій высокую фигуру, красивое, доброе, честное лицо, темные глаза, которые пытливо смотрѣли на нее, словомъ, фигуру Джона Маллабара, о которомъ она только-что думала.

— Мистеръ Маллабаръ!—воскликнула она, поднимаясь съ мѣста.

Онъ подошелъ, протянулъ ей руку и сказалъ:

— Да, это я. Вы не ожидали меня видѣть.

Она пыталась выговорить: «Нѣтъ, но я вамъ очень рада», но не могла, да и онъ, казалось, не ожидалъ никакихъ подобныхъ увѣреній.

Онъ положилъ свою шляпу на столъ, сталъ на коврѣ у

камина и молча смотрѣлъ на нее. Маргарита замѣтила въ немъ большую перемѣну. Сердце ея замерло подъ вліяніемъ печальнаго предчувствія. Сердце ея было мягкое, ей тяжело было оскорбить или обидѣть кого бы то ни было. Мысль, что ей придется подвергнуть такое благородное существо величайшей нравственной пыткѣ, уже заранѣе терзала ее. Никогда не былъ онъ такъ красивъ, какъ въ настоящую минуту, съ этимъ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, по которому она догадывалась, что онъ приготовился къ борьбѣ и уступитъ не легко. Слова Луиса Бальдвина были слишкомъ справедливы. Маллабара, дѣйствительно, «больно затронули». Пока онъ молчалъ, Маргаритѣ пришла въ голову безумная мысль. Въ сущности, ея инстинктъ также, какъ ея разсудокъ, говорилъ ей, что онъ лучшій изъ этихъ трехъ людей, которые всѣ, въ такое короткое время, любили ее и говорили ей о своей любви—онъ благороденъ, чистосердеченъ и великодушенъ. Послѣ того, какъ она получила понятіе о суровой и неподдающейся на компромиссы сторонѣ характера Луиса, она его боялась. Не рѣшиться ли ей все разомъ поставить на карту, не сказать ли «да» Джону Маллабару? Онъ увезетъ ее такъ далеко отъ Фаульгавена, какъ только она пожелаетъ, на столько времени, на сколько она захочетъ, и она, если не сойдетъ съ ума или не окажется очень дурной женщиной, должна будетъ со временемъ хоть сколько-нибудь къ нему привязаться.—«Ужасныя соображенія»!—говоритъ чопорность,—«неприличныя, безстыдныя». Вы достойны всякихъ похвалъ, милая чопорность, вы, безъ сомнѣнія, прекрасный другъ тѣмъ, кто нуждается въ вашемъ покровительствѣ; но вы не можете отрицать, что такія ужасныя соображенія ежедневно приходятъ въ голову женщинамъ и приличнымъ, и скромнымъ, и что онѣ очень часто разрѣшаются въ благопріятномъ смыслѣ. Прежде чѣмъ Маргарита могла придти къ какому-нибудь заключенію, Джонъ Маллабаръ заговорилъ и она вынуждена была прислушаться къ его словамъ:

— Повѣрите ли, что я почти все это время былъ въ Лондонѣ. У меня было очень много дѣла. Ничего не зная о томъ, что происходило въ Фаульгавенѣ, я спокойно оставался въ городѣ. Я вернулся домой третьяго дня, вчера навѣстилъ мистриссъ Лассель, спросилъ о васъ, гдѣ вы, и она мнѣ сказала...

— Что давала у себя пріютъ обманщицѣ.

— Обманщица! вы!—повторилъ онъ съ досадой.—Это доказываетъ, какія ложныя понятія вамъ внушены на счетъ вашей ангельской доброты. Она говорила о васъ съ восторгомъ, съ са-

мой горячей дружбой. Она сказала, что до вашего отъѣзда они и представить себѣ не могли, до какой степени вы были солнцемъ ихъ дома; что вы возвратились домой, потому что ваша пріятельница должна вѣнчаться изъ вашего дома, а также—извините мою откровенность, но отъ нея зависитъ многое,—потому, что у васъ кажется произошла ссора съ Луисомъ Бальдвиномъ, который сказалъ что-то, чего не имѣлъ права говорить вамъ. Она сказала мнѣ это по секрету, говоря, что ей такъ грустно, что она чувствуетъ себя такой одинокой, что Луисъ ихъ совсѣмъ оставилъ.

Маллабаръ остановился и бросилъ на нее серьезный, задумчивый взглядъ. Передъ этимъ взглядомъ Маргарита не могла ни отрицать, ни вдаваться въ діалектическія тонкости. Она чувствовала, что теперь не до деликатничанья, не до сомнѣній, не до препирательствъ. Она отвѣчала ему съ насильственнымъ спокойствіемъ:

— Мистриссъ Лассель была права. Онъ наговорилъ мнѣ такихъ вещей, которыхъ я не простила бы никому. Я не могла оставаться въ домѣ, гдѣ рисковала часто видѣть его.

— Я не сообщалъ мистриссъ Лассель моего намѣренія. Я видѣлъ, что она огорчена, и не хотѣлъ огорчать ее еще сильнѣе. Она не имѣетъ никакого понятія о томъ, что́ у меня было на умѣ.

— Какъ я рада!—шопотомъ сказала Маргарита.

— Я сказалъ, что сожалѣю о происшедшей ссорѣ. Быть можетъ, сказалъ я, она скоро обойдется.

— Никогда,—сказала Маргарита, нахмуривъ брови.

— Тогда,—сказалъ онъ, послѣ паузы, очень спокойно и кротко:—скажите, Маргарита, не будетъ ли когда-нибудь надежды для меня, я не говорю теперь, но когда-нибудь?

Пауза. Она сидѣла съ блѣднымъ лицомъ и высоко вздымающейся грудью, крѣпко сжавъ руки. Потомъ она призвала на помощь всю свою рѣшимость, и выговоривъ одно слово: *нѣтъ*, попыталась твердо взглянуть на него, но взглядъ, который она встрѣтила, потрясъ ее до глубины души. «Больно затронула» было слабое выраженіе для описанія раны Джона Маллабара. Но разъ произнеся это *нѣтъ*, хотя самымъ мягкимъ тономъ, она держалась за это слово, какъ за свою единственную надежду.

Безполезно описывать эту сцену въ подробностяхъ. Прежде чѣмъ она кончилась, Маргарита была подавлена и измучена, болѣе потрясена, если менѣе огорчена, чѣмъ онъ. Ничто не могло быть для нея ужаснѣе этого. Было истинной пыткой быть вынужден-

ной видѣть его сердце открытымъ передъ ней, понимать всю силу страсти, которую она внушила ему, видѣть его поблѣднѣвшее лицо, слышать его страдальческій голосъ, видѣть передъ собой полное разрушеніе всего, твердости, гордости, всего, среди его мучительной мольбы. Это не была быстро вспыхнувшая страсть мальчика. Это было глубокое чувство глубокой натуры. «Это была», какъ онъ сказалъ ей въ теченіи этого свиданія, «такая любовь, которую можно испытать только разъ; двѣ подобныхъ страсти въ жизни способны убить человѣка». Она по прежнему повторяла *нѣтъ*, не возражая ни на какіе аргументы, не отвѣчая ни на какіе вопросы; не въ силахъ понять ничего, кромѣ того, что она обязана отказать.

Наконецъ она встала съ дивана, на который бросилась, и взглянула на него, шопотомъ повторяя то же слово въ двадцатый разъ, и сопровождая его взглядомъ, походившимъ на мольбу о пощадѣ. Никто никогда тщетно не взывалъ къ Джону Маллабаръ о пощадѣ, никакая женщина, никакой ребенокъ. Взглядъ сдѣлалъ то, чего ея голосъ сдѣлать не могъ. Онъ замолчалъ, взглянулъ на нее блуждающими глазами и сказалъ:

— Можетъ быть, я забылся, я не совсѣмъ ясно сознаю, что̀ дѣлаю; но мнѣ кажется, я не долженъ болѣе настаивать.

Съ этимъ, не прибавивъ болѣе ни звука, безъ прощальныхъ взглядовъ и рѣчей, онъ повернулся, опустивъ голову на грудь, и вышелъ изъ комнаты, не оглядываясь. Маргарита оперлась руками о каменную доску, опустила на нихъ голову и такъ простояла нѣсколько времени, слишкомъ обезсилѣвъ нравственно, чтобы двинуться съ мѣста.

«Я хотѣла видѣть жизнь,—устало думала она.—Если это часть жизни, лучше вовсе не родиться!» Она, наконецъ, собралась съ силами, чтобы позвать горничную, и объявила ей, что больна и никого болѣе въ этотъ вечеръ видѣть не желаетъ. Потомъ она дотащилась наверхъ, заперлась въ своей комнатѣ и бросилась на диванъ, чтобы проплакать всю ночь, думая о Маллабарѣ, который ушелъ отъ нея вомракъ ночи, безъ тѣни надежды, человѣкомъ, надломленнымъ на всю остальную жизнь изъ любви къ ней.

«Я когда-то мечтала,—думала она,—что никто, кто меня полюбитъ, никогда не будетъ отъ этого несчастнѣе, но счастливѣе; а теперь, что сталось съ Джономъ, что съ Луисомъ? Да что и со мной самой? я, несчастное яблоко раздора!»

Глава XVII.—Опять Блэкфордъ Грэнджъ.

Нѣсколько дней спустя Маргарита получила отъ Руперта письмо, въ которомъ онъ писалъ:

«Все стало печально со времени отъѣзда моей дорогой Маргариты. Луисъ такъ грустенъ; вы не можете себѣ представить, какъ грустенъ. Джонъ Маллабаръ уѣхалъ за границу. Онъ пріѣзжалъ сюда проститься. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ больнымъ, и почти не говорилъ. Я думаю, что онъ поѣхалъ лечиться, хотя странно подумать, чтобы съ *нимъ* могло что-нибудь приключиться, не правда ли? Я спросилъ его, отчего онъ ѣдетъ, и онъ сказалъ оттого, что въ Маллабаръ-кортѣ завелось привидѣніе, и по совѣщаніи съ самыми свѣдущими магиками о томъ, какъ бы отъ него освободиться, они всѣ согласились съ нимъ, что краска и бумага для замазыванія и заклейки дверей будутъ лучшими средствами для заклинанія его. Онъ говоритъ, что намѣренъ на-глухо задѣлать множество комнатъ, но, кажется, самъ еще не зналъ, на что рѣшиться. Потомъ я спросилъ, куда онъ ѣдетъ, но онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, что онъ собирается совершить то, что нѣмцы называютъ: eine Reise in's Blaue, что́ значитъ путешествіе неизвѣстно куда, причемъ цѣль его всего меньше извѣстна самому путешественнику. Я никогда прежде не слыхалъ отъ Джона такихъ рѣчей, и къ довершенію всего онъ уѣзжаетъ до окончанія охотничьяго сезона! Онъ—членъ здѣшняго общества охоты, такъ что мой отецъ замѣнитъ его до его возвращенія».

Этого было довольно для Маргариты: «ѣдетъ за границу»—легко могла она себѣ представить, что́ означали эти слова для Джона Маллабара, какъ уныло они звучали въ его ушахъ. Быть можетъ, если бы пришла Маллабару мысль вторично съѣздить въ Бекбриджское аббатство, и войти неожиданно къ Маргаритѣ, пока она сидѣла, пробѣгая письмо Руперта влажными глазами, съ сердцемъ переполненнымъ раскаяніемъ и состраданіемъ,—и одно слово, одинъ взглядъ, въ которомъ душа сказалась бы душѣ, могли бы иначе все устроить, измѣнить всю его и ея жизнь. Но, случилось, что онъ въ эту самую минуту былъ въ Лондонѣ, на станціи желѣзной дороги, гдѣ бралъ билетъ для себя и своей собаки въ Парижъ, съ смутной мыслью, что изъ этого города можно потомъ попасть во всѣ страны земного шара. Онъ говорилъ себѣ также, что еслибъ онъ и не почувствовалъ склонности къ путешествіямъ, этотъ городъ снабженъ болѣе разнообразными и весе-

лыми средствами убить время и топить горе, чѣмъ всякій другой въ цѣломъ мірѣ.

Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, января и февраля, время медленно тянулось, а Маргарита все еще оставалась въ своемъ старомъ, деревенскомъ домѣ, не чувствуя желанія оставить его. Ей удалось убѣдить мистриссъ Лассель обѣщать ей, что, когда погода станетъ теплѣе и весна установится, она пріѣдетъ въ Бекбриджъ и привезетъ съ собою Руперта; но однажды утромъ она получила отъ мистриссъ Лассель письмо, въ которомъ та писала:

«Не сочтете ли вы меня большой эгоисткой, если я попрошу васъ пріѣхать къ намъ, хотя бы на короткое время? Рупертъ чувствуетъ себя далеко не хорошо, онъ тоскуетъ по васъ, по крайней мѣрѣ онъ воображаетъ, что будь вы только здѣсь, ему было бы лучше. Можетъ быть, это заблужденіе, Богъ вѣсть! но мнѣ хотѣлось бы дать ему возможность осуществиться. Постарайтесь пріѣхать. Вамъ будетъ страшно скучно — даже скучнѣе прежняго. Вы знаете, какъ невеликъ нашъ кружокъ. Рупертъ, конечно, сообщилъ вамъ, что Джонъ Маллабаръ уѣхалъ, никто не имѣетъ и смутнаго понятія о времени его возвращенія. Мы думаемъ, что тутъ замѣшана любовь, вѣроятно къ кому-нибудь, съ кѣмъ онъ встрѣчался въ Лондонѣ, когда пробылъ тамъ такъ долго; но его оживляющее присутствіе не будетъ разнообразить вашего пребыванія здѣсь. Вы можете даже не видать Луиса Бальдвина. Онъ не бываетъ здѣсь такъ часто, какъ бывалъ. Я не могла одобрить его поступка съ вами, мнѣ пришлось высказать ему это. Все это очень странно, дорогая, для такой молодой дѣвушки, какъ вы, не правда ли? А все же я прошу васъ — пріѣзжайте ради моего мальчика, если не ради меня»!

Черезъ нѣсколько дней Маргарита была въ Блэкфордъ Грэнджѣ. Съ чувствомъ, похожимъ на грусть, оглянулась она вокругъ, выходя изъ вагона, увидала мистера Ласселя, который стоялъ на платформѣ — онъ выѣхалъ ей на встрѣчу — и живо представила себѣ всю разницу между настоящимъ пріѣздомъ и первымъ, между этимъ печальнымъ и холоднымъ днемъ въ концѣ февраля и тѣмъ свѣтлымъ денькомъ въ началѣ мая. Она молчала почти во все время пути ихъ до Грэнджа; трудно было бы ей рѣшить, что преобладало въ душѣ ея: горе или радость, когда они вошли, и мистриссъ Лассель сжала ее въ объятіяхъ, и Дамарисъ стремительно бросилась ей навстрѣчу. Но когда она склонилась надъ кушеткой Руперта и замѣтила на его ис-

худаломъ и холодно-озабоченномъ лицѣ слезы и улыбку, услыхала его слова: «теперь я доволенъ», тогда она почувствовала и сказала себѣ: «я также довольна».

Былъ конецъ февраля; погода стояла непостоянная, бурная. Когда бури стихали, наступалъ жестокій морозъ; когда морозъ спадалъ, буря снова разражалась, «бездна звала бездну», вѣтеръ завывалъ, отъ неба вѣяло холодомъ.

Маргарита нашла въ состояніи здоровья Руперта явную перемѣну къ худшему. Хотя онъ нѣсколько оживился послѣ ея пріѣзда, любилъ, чтобы она сидѣла съ нимъ, разговаривала, читала ему, онъ былъ однако такъ слабъ и немощенъ, что нуждался въ постоянныхъ попеченіяхъ Луиса Бальдвина. Но Луисъ и Маргарита никогда не встрѣчались. Она какъ будто инстинктивно угадывала, когда онъ бывалъ въ домѣ, и когда знала, что онъ тамъ, обыкновенно уходила въ свою комнату. Рупертъ былъ въ отчаяніи отъ ихъ разрыва, но даже въ угоду ему Маргарита не соглашалась уступить.

— Нѣтъ, милый, — сказала она, — есть вещи, которыхъ нельзя простить, а мистеръ Бальдвинъ наговорилъ мнѣ такихъ вещей. Мы не будемъ объ этомъ говорить. — Джона Маллабара, конечно, не было. Маргарита была очень рада узнать, что никто и не подозрѣвалъ о его путешествіи въ Бевбриджъ. Она рѣшила, что никто никогда не узнаетъ объ этомъ отъ нея.

Она не боялась встрѣчи съ Луисомъ; она ни въ какомъ отношеніи не опасалась ея; но все-таки не желала даже видѣть его, а тѣмъ болѣе быть вынужденной говорить съ нимъ, или слушать его. Человѣкъ, котораго колесовали, хотя бы онъ оправился отъ ранъ своихъ, едва ли почувствуетъ сильное желаніе взглянуть на орудіе своей пытки. Слова Луиса растерзали душу Маргариты тѣмъ сильнѣе, что она сознавала, что, не смотря ни на что, уваженіе ея къ нему еще существуетъ и всегда будетъ существовать. Она никогда не говорила о немъ, никогда не упоминала его имени, и даже Рупертъ, послѣ одной или двухъ тщетныхъ попытокъ, пересталъ говорить съ ней о немъ. А между тѣмъ, однажды, возвращаясь съ короткой прогулки, она увидала у крыльца лошадь Луиса, изъ чего, конечно, заключила, что онъ сидитъ у Руперта. Въ эту минуту она все забыла. Этотъ гнѣдой Безстрашный, съ лоснящейся шерстью, былъ ей старый другъ, она погладила его и воскликнула:

— Что, старина, узнаешь меня?

Лошадь ее узнала, это было очевидно, и по своему выразила, что очень рада этой встрѣчѣ. Она стояла возлѣ нея, про-

должая ласкать ее. Легкій звукъ заставилъ Маргариту вздрогнуть, оглянуться съ сильно бьющимся сердцемъ и поспѣшно войти въ домъ. Ни за что въ мірѣ не хотѣла бы она, чтобы владѣлецъ лошади зналъ о ихъ дружеской встрѣчѣ.

Глава XVIII.—Requiescat in pace.

Былъ совершенно ясный день въ концѣ марта. Погода наконецъ измѣнилась. Въ воздухѣ чувствовалась весна. Птицы пѣли. Первые ранніе цвѣты бѣлой буквицы выглядывали изъ своихъ листочковъ на поросшихъ травою скатахъ. Весело смотрѣли яркіе цвѣты шафрана и снѣжнянки изъ бордюра, окаймлявшаго, въ видѣ ленты, аллею; они какъ будто улыбались, когда сквайръ и Маргарита Баррингтонъ, верхомъ, медленно отъѣхали отъ дому, направляясь къ большой дорогѣ. Онъ давно обѣщалъ прогуляться съ нею по полямъ въ первый, дѣйствительно хорошій день, а въ прелести этого дня сомнѣнія быть не могло.

Мистриссъ Лассель и дочь ея ѣхали кататься въ другую сторону. Рупертъ, когда его спросили, что онъ намѣренъ дѣлать, объявилъ, что вѣроятно останется дома или, если будетъ расположенъ, позоветъ Джона и пройдется по саду. Съ тѣмъ они и оставили его, предполагая, что Луисъ Бальдвинъ, вѣроятно, заѣдетъ.

Пріятная это была прогулка по окаймленнымъ изгородями дорожкамъ, когда во всемъ чувствовалось пробужденіе весны, въ воздухѣ, въ чириканьи птицъ, въ ярко-голубомъ небѣ, въ морѣ, ослѣпительно сверкавшемъ вдали. А между тѣмъ часто въ такіе-то именно дни и пробуждаются въ умѣ нашемъ самыя грустныя мысли, а въ сердце прокрадываются самыя печальныя предчувствія.

Таковы были ощущенія Маргариты Баррингтонъ, пока она ѣхала рядомъ съ мистеромъ Ласселемъ, и, глядя черезъ темныя изгороди, на которыхъ начинали появляться первые, прелестные, желтовато-зеленые побѣги, видѣла, за поросшими травою дюнами, море. Не смотря на яркую веселую картину, ей невольно приходили на умъ странныя, печальныя строфы одного стихотворенія.

Ей вспомнился жаркій лѣтній день, въ который, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ прошедшія, счастливыя времена, Луисъ прочелъ это стихотвореніе ей и Руперту, и она вздохнула.

Прогулка ихъ была такъ продолжительна, что было болѣе шести часовъ и сумерки почти наступили, когда они, наконецъ,

въѣхали въ ворота Грэнджа. Медленно поднялись они на пригорокъ, и, когда остановились у дверей, одинъ изъ грумовъ подошелъ взять лошадей. Несмотря на сумерки Маргарита замѣтила, что лицо грума было серьёзно, даже уныло. Когда мистеръ Лассель снималъ ее съ лошади, грумъ сказалъ своему господину:

— Приказано сказать вамъ, сэръ, что мистеръ Бальдвинъ здѣсь и желаетъ васъ видѣть. Съ мистеромъ Рупертомъ несчастіе.

— Что?—воскликнулъ мистеръ Лассель и поблѣднѣлъ, тогда какъ Миргарита, сердце которой переполнилось внезапнымъ и ужаснымъ страхомъ, молча смотрѣла на грума и уловила на лицѣ его нѣчто такое, чтó заставило ее порадоваться что мистеръ Лассель поспѣшилъ въ домъ. Она послѣдовала за нимъ. Когда они вошли въ залу, дверь классной отворилась, Луисъ Бальдвинъ вышелъ изъ нея, притворилъ ее за собою, и движеніемъ руки попросилъ ихъ войти въ гостиную. Даже тутъ — даже въ эту минуту сильнаго страха — Маргарита, съ внезапной острой болью замѣтила перемѣну, происшедшую въ лицѣ Луиса. Невозможно, чтобъ этотъ изможденный видъ, эта худоба и блѣдность, этотъ грустный взглядъ были вызваны однимъ сегодняшнимъ несчастіемъ.

— Что случилось? Что съ моимъ сыномъ? Жена вернулась? поспѣшно спросилъ мистеръ Лассель.

— Я право не знаю, какъ и сказать вамъ, чтó случилось,— сказалъ Луисъ,—но мнѣ кажется, лучше не тянуть. Пока васъ никого дома не было, Рупертъ объявилъ Джону, что сегодня не намѣренъ выходить и что, если Джонъ хочетъ, то можетъ идти со двора, чтó тотъ и сдѣлалъ. Но Рупертъ, должно быть, почему-то измѣнилъ потомъ свое намѣреніе. Можетъ быть, прелестная погода соблазнила его. Во всякомъ случаѣ онъ вышелъ изъ дому и отправился въ садъ. Онъ добрался до моста...

— До моста!—повторила Маргарита.

— Они думаютъ... Джонъ думаетъ—онъ уходилъ не надолго, онъ-то и нашелъ его—что онъ вѣроятно пытался нарвать цвѣтовъ на берегу, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ воду. Онъ, бѣдный мальчикъ, утонулъ, умеръ,—сказалъ Луисъ, въ голосѣ котораго слышалось страшное горе. Къ счастію, они внесли его въ домъ и позвали меня до возвращенія его матери.

— Ахъ, его мать!—простоналъ сквайръ, который все время стоялъ прислонившись къ стѣнѣ и весь дрожалъ.—Жена, гдѣ она?

— Они внесли его въ классную, — сказалъ Луисъ.—Она

тамъ и никто не можетъ заставить ее двинуться съ мѣста. Я былъ тамъ, но она не взглянула на меня, не сказала ни слова.

Но мистера Ласселя уже не было. Луисъ не докончилъ своей фразы. Рыданіе заглушило его голосъ. Онъ отвернулся къ окну, прислонился къ нему головой и смотрѣлъ на садъ, на террасу, на отлогій зеленый скатъ, на быстро несущійся ручей и на мостъ изъ сѣроватаго камня.

— Ахъ!—воскликнулъ онъ, наконецъ:—теперь имъ будетъ здѣсь невыносимо тяжело. Какъ имъ жить здѣсь, когда этотъ видъ у нихъ постоянно передъ глазами?

Онъ ходилъ по комнатѣ, глотая слезы, которыя продолжали подступать къ горлу. Жизнь его была не слишкомъ веселая за послѣднее время, мысли—не слишкомъ утѣшительныя для его самолюбія. Да онъ и любилъ Руперта любовью друга, брата, благодѣтеля, съ того времени, какъ сдѣлался его опорой въ страданіи и болѣзни.

Маргарита, собираясь выйти изъ комнаты, нарушила свой обѣтъ. Она сказала, что не заговоритъ съ Луисомъ Бальдвиномъ, пока онъ не извинится передъ ней.

— Какъ вы думаете, скоро онъ умеръ?—спросила она?

— Полагаю, что такъ,—былъ отвѣтъ, причемъ онъ внезапно прекратилъ свою прогулку и стоялъ неподвижно, глядя на нее.—Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—очень быстро,—и—стараясь не встрѣчаться съ ней глазами — можете утѣшаться мыслью, что онъ избавленъ отъ долгой томительной болѣзни, отъ страданій, которыя могли бы тянуться до безконечности, исходомъ которыхъ была бы только смерть. Ему было уже гораздо хуже, но самое худшее было еще впереди. Онъ этого избѣгъ. Любимцы боговъ умираютъ въ молодости.

— Радуюсь слышать это,—сказала Маргарита, выходя изъ комнаты.—Да почіетъ онъ въ мирѣ,—прошептала она, поднимаясь на лѣстницу.—Въ мирѣ наконецъ!

Глава XIX.—Ради его, если не ради меня.

Позднимъ утромъ, спустя два дня, Маргарита вошла въ классную. Руперта такъ и не выносили оттуда. Гробъ его стоялъ на низкой подставкѣ среди полутемной комнаты, которую всегда считали исключительно его комнатой и въ которой находились всѣ его книги и другіе любимые имъ предметы: его маленькія коллекціи камней, минераловъ, растеній, все, съ по-

мощью чего онъ коротал, или старался коротать часы утомленія и страданія. Рыданіе подступило къ горлу Маргариты, когда она вошла, замѣтила, въ какомъ все порядкѣ, и поняла, что его жалкія маленькія блѣдныя ручки никогда болѣе не дотронутся до этихъ предметовъ. Вечеромъ должны были закрыть на вѣки это его послѣднее тѣсное ложе, и ей хотѣлось положить ему на грудь цвѣты, и еще разъ, на прощанье, коснуться губами его лба. Она держала въ рукѣ букетъ бѣлыхъ и желтыхъ нарциссовъ—его любимыхъ цвѣтовъ. Какъ часто они вмѣстѣ смѣялись надъ миѳомъ о прекрасномъ юношѣ, который смотрѣлъ на собственное отраженіе въ темной водной глубинѣ до тѣхъ поръ, пока не умеръ отъ любви къ собственной красѣ.

— Мнѣ отъ этого не умереть, Маргарита,—говаривалъ онъ ей, съ своимъ полу-насмѣшливымъ полу-веселымъ смѣхомъ.

Долго смотрѣла она на холодное и спокойное лицо мальчика, потомъ медленно принялась раскладывать свои цвѣты на его груди въ видѣ грубаго, простого креста. Слезы ея ручьемъ лились на нихъ, пока она продолжала свою работу, такъ что почти ослѣпили ее, и ей пришлось остановиться на минуту. Она нѣсколько времени плакала, закрывъ лицо платкомъ. А когда снова подняла голову, то замѣтила, что она не одна. Луисъ стоялъ по другую сторону неподвижной фигуры, и молча смотрѣлъ на нее.

— Вы также пришли сказать послѣднее: *прости*?—почти шопотомъ спросила Маргарита.

— Да, я не могъ бы отпустить его безъ этого. Радуюсь, что вы еще прибавляете цвѣтовъ.

Быстрымъ порывистымъ движеніемъ Маргарита протянула ему цвѣты, которые еще оставались у нея въ рукахъ.

— Не докончите ли вы?—спросила она.

Онъ взялъ у нея цвѣты, ихъ руки и глаза встрѣтились. Глаза Луиса были темнѣе обыкновеннаго, въ нихъ отражалось волненіе, глаза Маргариты были отуманены слезами. Онъ расположилъ остальные цвѣты, а потомъ, сложивъ руки, снова взглянулъ на нее и сказалъ тихимъ, не совсѣмъ твердымъ голосомъ:

— Маргарита, я согрѣшилъ противъ васъ, но я раскаялся съ полнымъ смиреніемъ. Можете ли вы простить меня ради его, если не ради меня?

Слова эти были знакомы Маргаритѣ. Она сама ихъ говорила. Мать его просила ее пріѣхать къ нимъ: «если не ради меня, то ради Руперта». Теперь Луисъ употребилъ ихъ. Многое

дѣлалось, многое прощалось «ради Руперта». Она протянула ему руку и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Ради обоихъ, Луисъ, и отъ всей души, если вы окажете мнѣ ту же милость.

— Если вы думаете, что нуждаетесь въ ней, да,—отвѣчалъ онъ.

. . . .

Рупертъ мирно спитъ послѣ бурной лихорадки своей молодой жизни. Между Маргаритой Баррингтонъ и Луисомъ Бальдвиномъ, послѣ этого ихъ примиренія, никогда болѣе не происходило крупной ссоры. А между тѣмъ въ послѣдующіе годы ихъ брачной жизни, хотя они льнули другъ къ другу, бывали минуты почти страшнаго разочарованія. Это не идеальный бракъ— да и много ли такихъ браковъ! Но это бракъ изъ довольно удачныхъ, говоря вообще.

Много прошло времени прежде, чѣмъ Джонъ Маллабаръ возвратился въ домъ своихъ предковъ. Много было въ его жизни событій въ позднѣйшія времена, но здѣсь не мѣсто говорить о нихъ.

Мистриссъ Пирсъ всегда утверждаетъ и всегда будетъ утверждать, что она знала, что Маргарита Баррингтонъ надѣлаетъ глупостей, какъ только будетъ предоставлена собственному благоразумію, что она несомнѣнно могла бы получить Мориса Биддульфа, еслибъ вела игру свою, какъ слѣдуетъ, и что во всякомъ случаѣ могла бы сдѣлать блестящую партію.

Бальдвины и Биддульфы находятся и вѣроятно останутся въ хорошихъ, если не дружескихъ отношеніяхъ. Мистриссъ Биддульфъ такъ свыклась съ блескомъ своего новаго положенія, что ей становится досадно, когда мужъ любезно-покровительственнымъ тономъ говоритъ ей, что она добрая жена и представляетъ прекрасный образецъ «успѣховъ по заслугамъ». Луисъ Бальдвинъ никогда не могъ окончательно примириться съ состояніемъ жены, ни она съ его ненавистью къ этому состоянію.

О. П.

РОССІЯ и ПРУССІЯ

при

ЕКАТЕРИНѢ II.

Изъ исторіи нашихъ международныхъ отношеній.

Исторія международныхъ отношеній, по весьма распространенному мнѣнію, есть не что иное, какъ повѣствованіе о всевозможныхъ дипломатическихъ проискахъ и продѣлкахъ, которые въ большей или меньшей степени удавались тѣмъ или другимъ государственнымъ дѣятелямъ. Говорятъ, что въ области внѣшней политики господствуютъ только произволъ и счастливыя случайности, воспользоваться которыми есть задача способнаго политика. Ссылаются на авторитетъ англійскаго историка Бокля, чтобъ повторять, что—международный трактатъ есть попытка одного правительства надуть другое.

Но при ближайшемъ и болѣе основательномъ изученіи взаимныхъ отношеній государствъ приходится убѣдиться въ томъ, что тамъ, гдѣ, кажется, господствуетъ произволъ, въ дѣйствительности управляетъ неумолимый законъ; тамъ, гдѣ, повидимому, была одна «счастливая случайность», въ самомъ дѣлѣ—проявляется дѣйствіе того же неумолимаго историческаго закона; наконецъ, тамъ, гдѣ будто всѣ чудеса въ области внѣшней политики совершены одною находчивостью и смѣлостью государственнаго человѣка, на дѣлѣ—мы видимъ прежде всего глубокое пониманіе этимъ государственнымъ человѣкомъ законныхъ стремленій народа и историческихъ задачъ національной его жизни.

Съ этой точки зрѣнія, область международныхъ отношеній далеко не представляется сферою господства однихъ дипломатическихъ интригъ и произвола, и направленіе внѣшней политики государства не есть, при нормальныхъ условіяхъ, результатъ личныхъ увлеченій и мимолетнаго чувства. Напротивъ, цѣли національной политики опредѣляются столько же географическимъ положеніемъ государства, богатствомъ и національнымъ характеромъ народа, сколько внутреннимъ соціальнымъ и политическимъ строемъ. Дружеская близость или непримиримая враждебность народовъ зависятъ въ значительной степени отъ солидарности общихъ промышленныхъ, духовныхъ и культурныхъ интересовъ, которая заставляетъ ихъ одинаковымъ образомъ опредѣлять взаимныя свои права и обязанности и соединять свои силы для достиженія общихъ цѣлей. Понятно, что чѣмъ больше эта солидарность, чѣмъ осязательнѣе общность основъ соціальнаго строя и государственнаго порядка,—тѣмъ ближе стоятъ другъ къ другу народы, и тѣмъ меньше международный миръ будетъ предметомъ личнаго произвола того или другого государственнаго дѣятеля.

Вотъ, почему внутренніе государственные порядки проявляютъ такое роковое вліяніе на направленія внѣшней политики и международныя отношенія. Если этотъ порядокъ не основанъ на незыблемыхъ устояхъ, если онъ не зиждется на сознательномъ довѣріи къ нему со стороны всего народа, если онъ становится въ разрѣзъ со всѣми условіями поступательнаго развитія гражданственности и законныхъ стремленій подданныхъ, то и внѣшняя политика никакой твердой почвы подъ собою не имѣетъ—и будетъ служить ареною для всевозможныхъ экспериментовъ и личнаго тщеславія. Потому, въ принципѣ, можно положительно утверждать, что степень культурнаго развитія народа опредѣляетъ его международные идеалы, между тѣмъ какъ устойчивость и цѣлесообразность государственнаго строя—направленіе и успѣхъ внѣшней политики правительства. При отсутствіи необходимой устойчивости государственнаго порядка, нѣтъ довѣрія со стороны иностранныхъ державъ къ обѣщаніямъ и обязательствамъ правительства. Благодаря нецѣлесообразности государственныхъ учрежденій, нѣтъ одинаковаго пониманія разумныхъ цѣлей международныхъ сношеній съ тѣми государствами, которыя находятся въ этомъ отношеніи въ лучшемъ положеніи.

Понятно, что если именно область международныхъ отношеній отличается отсутствіемъ внѣшнихъ гарантій для исполненія даннаго обѣщанія, если именно внѣшняя политика государ-

ства должна поддерживать единство направленія и нравственное его обаяніе,—отсутствіе этихъ условій можетъ привести только къ запутанности правительственныхъ дѣйствій и неминуемой катастрофѣ. Недостатокъ единства въ направленіи внѣшней политики и отсутствіе довѣрія къ устойчивости внутренняго государственнаго порядка въ особенности опасны въ отношеніи такого народа, котораго соціальныя и культурныя стремленія значительно отличаются отъ идеаловъ, обычаевъ и развитія другихъ народовъ.

На эти мысли навело насъ изученіе международныхъ отношеній Россіи къ западно-европейскимъ народамъ. Въ особенности наглядно выступаетъ эта зависимость международной политики отъ внутренне-государственныхъ порядковъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Пруссіи, начиная съ перваго момента ихъ возникновенія вплоть до настоящаго времени. На этотъ разъ мы ограничимся краткою характеристикою этихъ отношеній обѣихъ державъ въ эпоху царствованія великой императрицы Екатерины II. Для своего очерка мы воспользуемся почти исключительно свѣдѣніями, извлеченными изъ нашихъ архивовъ и нигдѣ еще необнародованными.

I.

«Пруссія,—сказалъ одинъ современный намъ политическій мыслитель,—есть великая, замѣчательная историческая работа. Эта страна—родина строгой дисциплины и твердаго внутренняго порядка». Въ этихъ словахъ очень много правды, и они объясняютъ намъ тѣ замѣчательные результаты, которыхъ достигла Пруссія въ прошломъ, и въ особенности въ настоящемъ столѣтіи. Бранденбургскіе курфирсты и прусскіе короли неуклонно шли впередъ по намѣченному ими пути: они обезпечивали внутренній порядокъ и условія благосостоянія своихъ подданныхъ, зная, что только подъ этимъ условіемъ они въ состояніи будутъ разрѣшить задачу своей международной политики: расширить предѣлы своихъ владѣній и обезпечить полную политическую свою самостоятельность. По мѣрѣ того, какъ вырабатывался въ Пруссіи внутренній строй, согласный съ законными понятіями подданныхъ, и по мѣрѣ того, какъ развивалось матеріальное благосостояніе и интеллектуальное развитіе народа, прусское правительство все болѣе и болѣе настойчиво выступаетъ въ роли державы съ рѣшающимъ голосомъ въ дѣлахъ Германіи, и съ правомъ голоса при рѣшеніи всѣхъ обще-европейскихъ дѣлъ. При Фридрихѣ Великомъ,

значеніе Пруссіи, какъ великой германской державы, рядомъ съ Австріей, утверждается многими блестящими побѣдами героя семилѣтней войны и обезпечивается навсегда прогрессивнымъ развитіемъ гражданственности и цивилизаціи самого прусскаго народа.

Первоначальныя сношенія между Россіей и Пруссіей были вызваны сознаніемъ обѣихъ державъ, что онѣ имѣютъ общихъ враговъ и нѣтъ имъ причинъ для взаимной вражды. Этими общими врагами были тогда Польша и Швеція, которыя постоянно угрожали то прусскимъ, то русскимъ владѣніямъ. Но были также любопытныя общія черты въ историческомъ развитіи обоихъ государствъ. Подобно бранденбургскимъ курфирстамъ, московскіе великіе князья и цари съ неутомимою послѣдовательностью преслѣдовали дѣло «собиранія земли» около созданнаго ими государственнаго центра. Какъ въ Пруссіи, такъ и въ Россіи, внутренніе порядки вырабатываются подъ вліяніемъ сложившихся международныхъ потребностей и укрѣпляются неограниченною властью монарховъ. «Исторію Англіи, — говоритъ профессоръ Трейтчке,—можно себѣ объяснить безъ Вильгельма III, исторію Франціи безъ кардинала Ришельё; но понять развитіе прусскаго государства, помимо его государей—немыслимо» [1]). Пруссія есть дѣло ея монарховъ. Современная Россія есть созданіе богатырской дѣятельности Петра Великаго и плодъ неустанныхъ его трудовъ на пользу подвластнаго ему русскаго народа. Дѣло Петра Великаго продолжала Екатерина II, какъ въ сферѣ внутренняго управленія, такъ и въ области международныхъ отношеній. Она совершенно перемѣнила политику Россіи въ отношеніи Пруссіи, преслѣдуемую императрицею Елисаветою Петровною и Петромъ III. Екатерина II возвратилась къ политическимъ началамъ, преподаннымъ великимъ преобразователемъ и вытекавшимъ изъ естественнаго взаимнаго положенія обоихъ государствъ.

Послѣ того какъ въ XVI ст. возникли первоначальныя дипломатическія сношенія между Россіей и Пруссіей, они не переставали отличаться сознаніемъ общности политическихъ интересовъ и необходимости соединенія для достиженія общихъ цѣлей. Союзные трактаты постоянно заключались и возобновлялись въ продолженіи трехъ столѣтій. Возобновляла такой союзный трактатъ также императрица Елисавета Петровна въ 1743 году. По мѣрѣ того, какъ въ царствованіе этой государыни графъ

[1]) *Treitschke*: Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert, Bd. I, S. 29.

А. П. Бестужевъ-Рюминъ получаетъ вліяніе на направленіе русской политики, измѣняются также отношенія Россіи къ Пруссіи.

Канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ былъ заклятый врагъ короля прусскаго Фридриха II, за которымъ онъ постоянно смотрѣлъ «недреманнымъ окомъ». «Сей король,—писалъ онъ, 11-го августа 1744 года, Воронцову,—будучи наиближайшимъ и наисильнѣйшимъ сосѣдомъ сей имперіи, потому натурально и наиопаснѣйшимъ, хотя бы онъ такого непостояннаго, захватчиваго, безпокойнаго и возмутительнаго характера не былъ, каковъ у него суще есть». «Коль болѣе сила короля умножайся, — заключилъ графъ,— толь болѣе для насъ опасности будетъ, и мы предвидѣть не можемъ, что отъ такого сильнаго, легкомысленнаго и непостояннаго сосѣда толь обширной имперіи приключиться не можетъ».

Графъ Бестужевъ-Рюминъ достигъ въ 1750 году своей желанной цѣли: всякія дипломатическія сношенія съ Пруссіей прекратились, и въ 1756 году началась первая и послѣдняя до сихъ поръ война между обоими государствами [1]).

Смерть императрицы Елисаветы Петровны и вступленіе императора Петра III на русскій престолъ спасли героя семилѣтней войны отъ неминуемой гибели. Петръ III не только заключилъ съ обожаемымъ имъ прусскимъ королемъ мирный трактатъ, но согласился также подписать условія союза, предписанныя русскому канцлеру прусскимъ посланникомъ барономъ Гольцомъ, который присвоилъ себѣ при русскомъ дворѣ роль совершенно несогласную съ честью и достоинствомъ русскаго народа. Въ инструкціи, отъ 25 декабря 1785 г., данной вновь назначенному въ Берлинъ, въ качествѣ русскаго посланника, графу Сергѣю Румянцеву, справедливо было сказано, что заключенный Петромъ III союзъ съ Пруссіей «подлежитъ по всей справедливости почитать сущимъ нашимъ порабощеніемъ».

Воцареніе императрицы Екатерины Алексѣевны совершенно измѣнило положеніе вещей. Готовый союзный трактатъ остался не ратификованнымъ, и императрица измѣнила направленіе русской политики, данное ей Петромъ III. Она считала себя обязанною посвятить прежде всего свои заботы водворенію порядка внутри страны и развитію благосостоянія своего народа. Поэтому не могло быть и рѣчи объ участіи Россіи наряду съ Пруссіей въ войнѣ противъ Австріи и Франціи. Россія, по убѣжденію императрицы, должна была преслѣдовать только одну цѣль: возста-

---

1) Срав. Мартенса, „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами“, т. V, трактаты съ Германіею, № 214 и № 216.

новленіе въ Европѣ всеобщаго мира, въ которомъ такъ нуждались всѣ европейскіе народы.

Согласно съ этою цѣлью поступила Екатерина II. Она предписала графу Чернышеву немедленно отдѣлиться съ своею арміею отъ прусскихъ войскъ и возвратиться въ Россію. Зная, что король прусскій всѣми силами готовъ былъ препятствовать исполненію этого рѣшенія, императрица предписала главнокомандующему русскими войсками князю Салтыкову соединиться съ австрійскими арміями въ случаѣ оказываемаго королемъ сопротивленія. Кромѣ того, 11-го іюля 1762 г., барону Гольцу была вручена министерская декларація слѣдующаго содержанія: во-первыхъ, «императрица желаетъ сохранить и сохранитъ дѣйствительнымъ образомъ (effectivement) миръ, если только король прусскій не дастъ ей повода его нарушить, въ особенности вслѣдствіе насильственнаго удержанія всей арміи, или части арміи графа Чернышева; и во-вторыхъ, въ надеждѣ, что свободно пропустятъ означенную армію въ Россію, генералъ-фельдмаршалу Салтыкову дано будетъ приказаніе совершенно возстановить прежнее положеніе вещей».

Король прусскій обнаружилъ весьма много хладнокровія, когда получилъ эти чрезвычайно важныя извѣстія изъ С.-Петербурга. Князь Н. В. Репнинъ, русскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, доносилъ, что когда онъ объявилъ королю о воцареніи Екатерины II, то взглядъ его «весьма былъ смутенъ» во все время разговора. Сверхъ того, Фридрихъ II обнаружилъ большое «безпокойство» насчетъ будущей русской политики и даже потребовалъ отъ Репнина письменнаго удостовѣренія въ томъ, что Россія сохранитъ дружескія съ Пруссіей сношенія. Но Репнинъ отказался дать подобнаго рода удостовѣреніе, не будучи на то уполномоченъ [1]).

Впрочемъ, весьма скоро убѣдился прусскій король, что если императрица не согласна участвовать въ семилѣтней войнѣ и рѣшилась отозвать русскія союзныя войска, то, съ другой стороны, она не желаетъ также перейти въ лагерь его враговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Фридрихъ Великій серьезно опасался возобновленія союзнаго трактата, заключеннаго въ 1747 году между Елисаветою Петровною и Маріей-Терезіей. Въ этомъ отношеніи, опасенія прусскаго короля оказались совершенно напрасными. Императрица твердо рѣшилась не участвовать въ семилѣтней войнѣ,—ни на сторонѣ Пруссіи, ни на сторонѣ Австріи. Эта

[1]) Донесенія князя Репнина, отъ 12 и 17-го іюля 1762 г.

ужасная война обнаружила въ полномъ блескѣ военный геній великаго прусскаго короля и утвердила за Пруссіей почетное мѣсто въ средѣ европейскихъ государствъ. Съ другой же стороны, Австрія доказала понесенными ею пораженіями, что ея жизненныя силы и политическое могущество явно шли на убыль, и что она должна отказаться отъ своей прежней первенствующей роли въ Германіи. При такихъ обстоятельствахъ, интересы Россіи не могли требовать исключительнаго союза съ Австріей. Напротивъ, если необходимо было сдѣлать выборъ между Австріею и Пруссіею, то благоразуміе требовало соединенія съ послѣднею державою, а не съ первою, которая больше могла противодѣйствовать, чѣмъ способствовать осуществленію національныхъ цѣлей русской политики.

И дѣйствительно, императрица рѣшилась вступить въ близкій оборонительный союзъ съ Фридрихомъ II и закрѣпить прочнымъ образомъ установившіяся уже съ XVI столѣтія дружескія отношенія между Россіей и владѣніями прусскаго короля. Но прежде окончательнаго сближенія съ берлинскимъ дворомъ въ 1764 г., дипломатическія съ нимъ сношенія неоднократно касались вопросовъ, относительно которыхъ не было между Россіей и Пруссіей ни одинаковаго пониманія, ни единства интересовъ. Необходимо было первоначально расчистить путь для полнаго соглашенія. Но такое соглашеніе состоялось весьма скоро, потому что Екатерина II и Фридрихъ II оба были проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости дружбы и союза между ихъ государствами.

Такъ, прусскому королю весьма не нравилось требованіе императрицы относительно увольненія изъ прусской службы русскихъ подданныхъ, которые большею частью насильственно удерживались въ рядахъ прусской арміи. Князь Репнинъ доносилъ, что не болѣе 500 русскихъ подданныхъ находится въ прусской службѣ, и что «славное дѣло» умиротворенія Европы, начатое императрицею, «требуетъ нѣкоторыхъ къ дворамъ уваженіевъ, дабы тому не воспрепятствовали». Императрица находила замѣчаніе князя основательнымъ, и требованіе о возвращеніи русскихъ подданныхъ изъ Пруссіи на время было забыто.

Относительно возвращенія въ Россію арміи графа Чернышева, король замѣтилъ князю Репнину, что, если императрица и не желаетъ соединиться съ его врагами,—все-таки послѣдніе, послѣ отзыва русскаго корпуса, болѣе заупрямятся и мира не заключать. На это посланникъ возразилъ, что русскія войска всегда могутъ возвратиться на поле сраженія «для сокращенія безразсудныхъ препятствіевъ къ спокойствію свѣта». Но король воз-

развилъ посланнику, что, «вышедъ изъ войны, непріятно опять въ нее вступить, а межъ тѣмъ могутъ быть войска въ отечествѣ нужны». «На это я ему донесъ,—продолжалъ князь Репнинъ въ депешѣ, отъ 21 августа (1 сентября) 1762 г., — что Россія не имѣетъ, кажется, причины чего предостерегаться, а хотя оное и было, то войска вашего императорскаго величества довольно для того многочисленны». Наконецъ, князь, указавъ на бодрость духа и твердость Фридриха II продолжать войну, не можетъ не воскликнуть: «Довольно надивиться не могу, какимъ образомъ при столь тягостной и истощенной войнѣ король такъ мало желанія къ миру показываетъ».

Но еще во многихъ другихъ случаяхъ русскому посланнику приходилось удивляться не только бодрости духа, но также смѣлости и уму великаго прусскаго короля. Императрица, между прочимъ, приказала князю Репнину требовать отъ прусскаго короля, чтобъ онъ вывелъ свои войска изъ Саксоніи, объявляя ему, что она усмотритъ въ исполненіи этого ея желанія особенное доказательство дружбы. Но Фридрихъ II категорически отвѣтилъ русскому посланнику, что Саксонія не можетъ быть признана нейтральною въ продолжающейся войнѣ, и что онъ войскъ своихъ вывести желанія не имѣетъ и согласиться на это никакъ не можетъ. Когда же князь Репнинъ въ другой разъ приставалъ къ королю съ требованіемъ относительно Саксоніи, король объявилъ, что онъ согласенъ вывести свои войска, если императрица убѣдитъ Францію оставить герцогства Клевское и Гельдернское и всѣ прусскія владѣнія на Рейнѣ, а Австрія графство Глацское. Но такое условіе было невыполнимо со стороны Россіи. Вообще князь Репнинъ пришелъ къ тому убѣжденію, что «король не токмо, чтобъ миру искать, но напротивъ еще нѣсколько убѣгать старается».

Такую рѣшимость не заключать мира иначе, какъ на условіяхъ имъ самимъ поставленныхъ, и не дѣлать Россіи никакихъ уступокъ, несогласныхъ съ интересами Пруссіи, обнаруживалъ также король въ продолженіе переговоровъ по самому важному вопросу, поставленному императрицею. Екатерина II, какъ въ собственноручныхъ письмахъ къ Фридриху Великому, такъ и въ инструкціяхъ своему представителю при берлинскомъ дворѣ, настоятельнѣйшимъ образомъ совѣтовала королю заключить миръ съ Австріей. Мало того, она даже предложила свое посредничество, будучи убѣждена, что миръ необходимъ для блага всѣхъ народовъ и «всего общества». Въ письмѣ, отъ 17-го ноября 1762 г., императрица заявляетъ королю, что ея политическая

система основана на трехъ принципахъ: на правосудіи, пользѣ своей имперіи и любви къ истинѣ (l'amour de la vérité). «Вслѣдствіе этихъ трехъ правилъ, однимъ изъ первыхъ моихъ дѣлъ съ восшествія на престолъ было—утвердить миръ и упрочить единомысліе, установившееся между нашими государствами». Между тѣмъ, она видитъ, что король нисколько не обнаруживаетъ желанія возстановить миръ. «Но пока миръ не заключенъ,—говоритъ императрица,—не можетъ быть и рѣчи о полномъ согласіи между нею и королемъ прусскимъ. Она не можетъ повѣрить тому, чтó говорятъ о немъ, будто онъ желаетъ только сѣчи, разоренія своей собственной страны и несчастья столькихъ милліоновъ людей». Но она этому и не вѣритъ; она сама пожертвовала дѣйствительными выгодами войны изъ любви къ миру, и надѣется, что король не желаетъ поддерживать разлада между ними.

Не менѣе категорически были инструкціи императрицы князю Репнину. «Мы, опредѣляя себя къ тому,—писала она 9-го іюля 1762 года,—чтобъ поспѣшествовать благосостоянію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, да и всего человѣчества, хотимъ еще воспріять на себя бремя представить всѣмъ воюющимъ державамъ, сколь нужно прекратить пролитіе невинной крови и возстановить общую тишину». Затѣмъ, въ августѣ князю Репнину сообщается, что Австрія согласна на заключеніе мира, если въ основаніе его будетъ положено состояніе uti possidetis. Императрица была бы рада, если «сія негоціація чрезъ нашъ каналъ идучи», приведетъ къ благополучному концу.

Однако, король одинъ желаетъ войны, и потому императрица заключаетъ: «Какъ напротивъ того желаніе наше и стараніе совсѣмъ иное есть, чтобъ скорымъ окончаніемъ войны установить въ Германіи столь нужное для интересовъ имперіи нашей равенство силъ и способствовать императрицѣ-королевѣ (Маріи-Терезіи) въ удержаніи того, чтó уже ею дѣйствительно завоевано», то она не можетъ относиться равнодушно къ воинственнымъ замысламъ прусскаго короля. Екатерина II признаетъ, что есть сходные интересы между Россіей и Пруссіей, но она не можетъ допустить уничтоженія Маріи-Терезіи. Репнинъ долженъ былъ узнать истинныя намѣренія короля, и если онъ окажется непримиримымъ, то подавать видъ, что Россія сблизится съ Австріей.

Прусскій король не могъ радоваться предложенію императрицы о посредничествѣ: онъ зналъ, что посредникъ любитъ навязывать свою волю той изъ спорящихъ сторонъ, которая менѣе уступчива и не имѣетъ права на особенную дружбу и участіе.

Фридрихъ II еще не имѣлъ никакихъ доказательствъ, что императрица скорѣе клонитъ на его сторону, нежели на сторону Маріи-Терезіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считалъ невозможнымъ, послѣ всѣхъ безчисленныхъ жертвъ, принесенныхъ во время семилѣтней войны прусскимъ народомъ, подписать миръ, нисколько не вознаграждающій народъ и лишающій его завоеваннаго имъ почетнаго мѣста въ средѣ европейскихъ народовъ. Русское же посредничество могло быть препятствіемъ для достиженія этой цѣли, и потому устранить его и покончить войну путемъ непосредственныхъ переговоровъ съ Австріей—такова была задача прусской политики. Имѣя же въ виду настоятельныя требованія императрицы, король долженъ былъ предупредить союзъ Россіи съ Австріей—заключеніемъ мира.

Этой цѣли Фридрихъ II достигъ весьма блестящимъ образомъ. Онъ принялъ съ благодарностью посредничество Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ вступилъ въ секретные переговоры съ Австріей для заключенія мира. Переговоры эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и въ 1763 году былъ заключенъ губертсбургскій мирный трактатъ. Князь Репнинъ ничего не зналъ объ этихъ переговорахъ, и когда прусскій министръ Финкенштейнъ ему предложилъ подписать мирный трактатъ, князь долженъ былъ отказаться, потому что не успѣлъ получить необходимое полномочіе.

Послѣ заключенія губертсбургскаго мира, императрица Екатерина II находила возможнымъ сблизиться съ королемъ прусскимъ и въ союзѣ съ нимъ рѣшать всѣ европейскія дѣла. Начиная съ 1763 года, обмѣнъ мыслей между императрицею и королемъ становится все болѣе частымъ и интимнымъ. Посредствомъ личной переписки рѣшались всѣ главнѣйшія дѣла и поддерживались согласіе и единство дѣйствія. Вновь назначенный въ Петербургъ, въ ноябрѣ 1762 г., прусскій посланникъ графъ Сольмсъ сдѣлался persona gratissima при русскомъ дворѣ и успѣлъ укрѣпить за собою на нѣсколько лѣтъ довѣріе и расположеніе императрицы. Между тѣмъ какъ преемникъ князя Н. В. Репнина при берлинскомъ дворѣ, князь В. С. Долгоруковъ, почти никакого участія въ дипломатическихъ переговорахъ не принималъ.

Первымъ дѣломъ, служившимъ основаніемъ прочнаго союза между Россіей и Пруссіей, было дѣло польское. Фридрихъ II согласился на предложеніе Екатерины II допустить на польскій престолъ только Пяста, и онъ обѣщалъ полное свое содѣйствіе во всѣхъ дѣлахъ относительно Польши, если только императрица согласится на трактатъ союза и дружбы. «Такой союзный трактатъ,

—сказалъ король прусскій князю Долгорукову,—не можетъ быть противенъ ея императорскому величеству для того, что, зная склонность, которую она имѣетъ къ миру и покою человѣческому, ничего къ тому столь поспѣшествовать не можетъ, какъ такой союзъ. Хотя вѣнскій дворъ нынѣ заключилъ мирный трактатъ, однако-жъ уповательно, что какъ скоро свои дѣла внутреннія поправитъ, то всегда вступитъ въ новую войну, чего не осмѣлится сдѣлать, когда узнаетъ союзъ состоящій между ея императорскимъ величествомъ и имъ». (Донесеніе князя Долгорукова отъ 3 (14) апрѣля 1763 года.)

Екатерина II охотно согласилась исполнить желаніе короля прусскаго, и 31-го марта 1764 года былъ подписанъ союзный трактатъ между Россіей и Пруссіей, который былъ возобновленъ въ 1769 и 1777 годахъ, и въ продолженіе многихъ лѣтъ служилъ прямымъ основаніемъ для взаимныхъ сношеній между обѣими державами.

II.

«Я съ радостью ратификовала сегодня союзъ, заключенный министромъ вашего величества съ моими министрами,—писала Екатерина II королю прусскому, 6-го апрѣля 1764 года,—но не хотѣла отправить извѣстія о немъ, не повторивъ вашему величеству увѣреній въ искренности своей дружбы и своихъ намѣреній». Еще больше была радость короля прусскаго, который видѣлъ въ союзномъ трактатѣ лучшій залогъ мира. «Я получилъ съ безконечнымъ удовольствіемъ договоръ,—пишетъ онъ императрицѣ, 12-го мая 1764 г.,—который вашему императорскому величеству угодно было ратификовать. Я смотрю на эту счастливую эпоху, какъ на основаніе и фундаментъ тѣснаго союза, который навсегда будетъ существовать, если того угодно Богу, между двумя націями. Что касается до меня, государыня, то я буду поддерживать этотъ счастливый союзъ со всѣмъ усердіемъ, на какое я способенъ, стараясь упреждать желанія вашего величества во всемъ, что̀ будетъ отъ меня зависѣть».

Нѣтъ сомнѣнія, что эта радость короля была совершенно искренняя. Онъ зналъ, что Пруссія была совершенно истощена многолѣтними войнами, и что народъ его жаждетъ мира и спокойствія для залечиванія нанесенныхъ ему ранъ. Въ признаніи законности этого желанія и въ твердомъ рѣшеніи посвятить осуществленію его всѣ послѣдніе годы своей жизни—въ этомъ

состояла великая и несомнѣнная заслуга короля прусскаго. «Я желаю сойти въ могилу, — писалъ онъ 5-го ноября 1763 г. императрицѣ, — безъ смутъ и войны, чтобъ оставить своимъ преемникамъ счастливую страну и упроченное положеніе».

Екатерина II не менѣе была убѣждена въ пользѣ этого союза для Россіи. Пока все ея вниманіе поглощали дѣла Польши, пока она не увлеклась своими великими планами насчетъ Турціи, — тѣсное соединеніе съ Пруссіей могло быть только полезнымъ ея политическимъ видамъ. Въ особенности былъ сторонникомъ этого союза вице-канцлеръ графъ Н. И. Панинъ, который усматривалъ въ своемъ «сѣверномъ акортѣ», долженствующемъ соединить Россію, Пруссію, Англію, Данію, Швецію и Польшу, лучшую гарантію мира и высшую политическую премудрость. Екатерина II позволяла своему вице-канцлеру увлекаться этимъ «сѣвернымъ акортомъ», но, съ другой стороны, она никогда не упускала изъ своихъ рукъ нити внѣшней политики. Сама императрица была душою русской политики, и отъ нея одной исходило ея направленіе; она одна рѣшала окончательно всѣ политическіе вопросы. Она знала, что при дворѣ ея была сильная партія, во главѣ которой стоялъ графъ А. А. Бестужевъ-Рюминъ, ненавидѣвшая Пруссію и доказывавшая, что «дружба между Пруссіею и Россіею, не будучи основана на естествѣ вещей, не можетъ инакова быть, какъ развѣ временная по стеченію обстоятельствъ» [1]; но Екатерина II не позволяла этой партіи и думать повліять, помимо ея и на собственную руку, на международную политику Россіи. Поэтому императрица оставалась союзницею короля прусскаго и посылала своему «союзнику и другу» въ подарокъ астраханскіе арбузы, виноградъ и другіе фрукты, и высказывала чрезвычайную радость, что они «совершенную короля апробацію заслуживаютъ». Только новыя политическія комбинаціи и въ частности восточный вопросъ могли повліять на крѣпость этого союза; но придворные происки не въ состояніи были заставить императрицу забыть хоть на минуту, что она одна рѣшаетъ судьбу Россіи и отъ нея одной зависитъ направленіе русской политики. Въ этой непоколебимой твердости Екатерины II и въ глубокомъ сознаніи нравственной своей обязанности въ отношеніи подвластнаго ей русскаго народа, лежитъ объясненіе ея великихъ успѣховъ на поприщѣ внѣшней политики.

Чувствуя въ своихъ рукахъ нити дипломатическихъ перего-

---

[1]) Изъ инструкціи, составленной графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ для графа С. Румянцева, отъ 23-го декабря 1785 г.

воровъ и зная, что никто изъ ея подданныхъ не дерзнетъ ни единымъ словомъ вторгнуться въ управляемую ею область международныхъ интересовъ и политики, Екатерина II могла предоставить своему министру иностранныхъ дѣлъ удовольствіе увлекаться хитроумными на первый взглядъ комбинаціями, которыя однако въ дѣйствительности никакого серьёзнаго значенія не имѣли. Сюда относится конёкъ графа Панина насчетъ «сѣвернаго акорта», которому онъ противоставилъ «южно-европейскій акортъ», съ «пассивными» и «активными» державами. Императрица понимала только пользу сѣвернаго союза въ смыслѣ тѣснаго соединенія Россіи съ Пруссіей, но доктринерство графа Панина, желавшее привести этотъ союзъ въ какіе-то шаблоны, было для императрицы совершенно недоступно, хотя она иногда и готова была потворствовать графу въ его комбинаціяхъ.

Такимъ же образомъ смотрѣлъ на теорію графа Никиты Ивановича самъ король прусскій. Весною 1766 года прибылъ въ Берлинъ, проѣздомъ въ Копенгагенъ, русскій дипломатъ Сальдернъ, на котораго Панинъ возложилъ порученіе объяснить Фридриху II все великое значеніе «сѣвернаго союза или акорта».

На аудіенціи, данной Сальдерну, король заявляетъ, что если Россія и Пруссія въ союзѣ, то имъ больше ничего не нужно и некого имъ бояться. Сальдернъ былъ другого мнѣнія и сталъ доказывать, что Россія и Пруссія еще нуждаются въ союзѣ другихъ государствъ, чтобъ основать «настоящій сѣверный союзъ», который долженъ обезопасить ихъ насчетъ Австріи и Франціи. Фридрихъ II немедленно прервалъ Сальдерна словами: «Я уже вамъ сказалъ, что намъ нечего бояться этого союза (Франціи съ Австріей), который вамъ кажется столь страшнымъ, такъ какъ обѣ державы нищіе (gueux), неимѣющіе денегъ». Но русскій дипломатъ все-таки продолжаетъ доказывать, что императрица желаетъ создать эту «сѣверную систему», состоящую, съ одной стороны, изъ «активныхъ», съ другой, изъ «пассивныхъ» державъ. Цѣль же этой системы—обезпечить всеобщій миръ и охранять прусскую монархію.

Фридрихъ В. все же не могъ понять смысла этой «сѣверной системы» и нетерпѣливо возразилъ Сальдерну: «Все это очень хорошо, но скажите, что значитъ «активная», и что значитъ «пассивная» держава?» Русскій дипломатъ отвѣчаетъ, что такими активными державами являются: Россія, Пруссія и Англія.

— «Ахъ,—возразилъ подсмѣиваясь король,—считайте Великобританію въ настоящее время за ничто. Король англійскій, человѣкъ чрезвычайно слабый, который мѣняетъ своихъ министровъ,

какъ свои сорочки». Но Сальдернъ, ничего не возражая, продолжаетъ исчислять «пассивныя» державы, къ которымъ онъ относитъ: Швецію, Данію, Гессенъ, Брауншвейгъ и Саксонію. Указаніе на Саксонію, какъ на будущую союзницу Пруссіи, вывело короля прусскаго изъ терпѣнія. «Саксонію!» —воскликнулъ онъ,—которая находится въ тѣсномъ союзѣ съ Австріей и всѣмъ бурбонскимъ домомъ? Возможно ли имѣть такую мысль?»

На второй аудіенціи, продолжавшейся три часа, Сальдерну все-таки не удалось объяснить Фридриху В. всю пользу «сѣвернаго союза». Когда представитель Россіи указалъ на Австрію, которая никогда не забудетъ потери Силезіи, и спросилъ, чтó король тогда сдѣлаетъ, когда Австрія опять совершитъ нападеніе?—«Тогда какъ тогда!» (Alors comme alors), живо возразилъ Фридрихъ В. Наконецъ, послѣ длинныхъ разсужденій о необходимости соединенія всѣхъ сѣверныхъ державъ въ выдуманный графомъ Панинымъ «сѣверный акортъ», король прусскій совсѣмъ огорчилъ Сальдерна слѣдующими словами: «Все это для меня слишкомъ сложно. Я только нуждаюсь въ союзѣ съ Россіей. Это я вамъ уже говорилъ. Другихъ союзовъ я не желаю». Но довѣренное лицо графа Панина все-таки не могло согласиться, что одного союза между Россіей и Пруссіей достаточно, чтобъ обезпечить сохраненіе европейскаго мира. Сальдернъ продолжалъ доказывать, что Австрія, Франція и Испанія составятъ систему южныхъ державъ. Къ нимъ присоединятся даже нѣкоторыя германскія державы. Когда Сальдернъ упомянулъ объ этой опасности со стороны второстепенныхъ германскихъ государей, король разсмѣялся и воскликнулъ: «Point d'argent, point d'Allemand!» [1]).

Итакъ, Фридрихъ II ничего не хотѣлъ слышать о «пассивныхъ» и «активныхъ» державахъ въ «сѣверномъ акортѣ» и искренно желалъ только одного: сохраненія союза съ Россіей, который онъ считалъ «самою драгоцѣнною частью наслѣдства», оставляемаго имъ своимъ преемникамъ.

Въ такомъ положеніи находились отношенія между Россіей и Пруссіей до 1770 года, когда окончательная побѣда Россіи надъ Оттоманскою имперіею уже не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію, и императрица Екатерина II считала себя въ правѣ предписывать Портѣ свои условія мира. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе блестящи были побѣды русскихъ войскъ, чѣмъ глубже проникали они въ нѣдра Турціи, тѣмъ сильнѣе становились

---

[1]) Любопытныя донесенія Сальдерна, отъ 9-го (20) и 18-го (29-го) мая 1776 года.

опасенія Австріи и тѣмъ болѣе крѣпло ея рѣшеніе противиться, въ случаѣ надобности, силою оружія осуществленію завоевательныхъ замысловъ «сѣверной Семирамиды». Уже въ концѣ 1769 года, вѣнскій кабинетъ рѣшилъ сосредоточить войска въ Трансильваніи и Венгріи, для того, чтобъ попасть русской арміи въ тылъ и заставить Россію заключить съ Турціей миръ, на условіяхъ, согласныхъ съ интересами Габсбургской монархіи. Князь Кауницъ категорически заявилъ представителю Россіи, что онъ во всякомъ случаѣ не допуститъ: во-первыхъ, признанія независимости Молдавіи и Валахіи, и, во-вторыхъ, провозглашенія независимости отъ султана крымскихъ татаръ. Между тѣмъ на этихъ именно двухъ пунктахъ съ особенною настойчивостью настаивала Екатерина II: она не хотѣла допустить даже мысли, что побѣдоносныя ея войска должны оставить двѣ турецкія придунайскія провинціи, населеніе которыхъ желало освобожденія изъ-подъ турецкаго ига.

Но несмотря на противодѣйствіе самой Маріи-Терезіи, искренно желавшей сохраненія добрыхъ отношеній съ Россіей и заявившей въ письмѣ своему сыну, что вѣдь «русскіе—христіане, и турки начали противъ нихъ несправедливую войну»,—все-таки партія войны при вѣнскомъ дворѣ одержала верхъ, и въ 1771 году между Австріей и Турціей была заключена конвенція оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Россіи. Душою этой партіи былъ молодой Іосифъ II, который только и мечталъ о новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ. При такихъ обстоятельствахъ война между Россіей и Австріей изъ-за восточнаго вопроса казалась въ 1771 году совершенно неизбѣжною, и эта война, силою обстоятельствъ, должна была принять размѣры общеевропейской войны.

Прежде всего въ ней долженъ былъ принять участіе король прусскій, въ качествѣ союзника Россіи. Между тѣмъ Фридрихъ II поставилъ себѣ завѣтною цѣлью послѣднихъ годовъ своего царствованія сохранить всѣми средствами миръ, въ которомъ дѣйствительно нуждался прусскій народъ. Поэтому король рѣшился во что бы ни стало предупредить окончательный разрывъ между Россіей и Австріей. Съ другой же стороны, онъ не менѣе опасался какого-нибудь отдѣльнаго секретнаго соглашенія между Петербургскимъ и Вѣнскимъ кабинетами, которое могло состояться, если оба будутъ согласны насчетъ своихъ интересовъ и претензій въ отношеніи Оттоманской имперіи. Фридрихъ II отлично понималъ характеръ молодого и честолюбиваго германскаго императора, котораго онъ считалъ способнымъ даже всту-

пить въ союзъ съ Россіей, если черезъ это увеличатся владѣнія Австріи. Слѣдовательно, задача короля прусскаго была весьма нелегкая: съ одной стороны, онъ долженъ былъ предупредить войну между Россіей и Австріей, и, съ другой—онъ не долженъ былъ допустить такого соглашенія между ними, изъ котораго онъ былъ бы исключенъ. Однимъ словомъ, нужно допустить только такое сближеніе между Россіей и Австріей, которое не подавало бы первой державѣ мысль думать, что безъ Пруссіи она лучше можетъ охранять свои международные интересы.

Вотъ, почему Фридрихъ II, въ продолженіе всей русско-турецкой войны, старался убѣждать императрицу въ великой пользѣ союза съ нимъ и въ необходимости его сохраненія. Графъ Сольмсъ, въ различныхъ бесѣдахъ съ императрицею и подаваемыхъ имъ запискахъ, неустанно повторялъ, что «Пруссія должна удерживать Австрію и цесаря», и что она такимъ образомъ освобождаетъ Россію «отъ врага, который можетъ выставить въ поле 160 тысячъ человѣкъ». Наконецъ, прусскій король предложилъ свое посредничество въ Константинополѣ для заключенія мира. Но въ виду угрожающаго тона, принятаго вѣнскимъ кабинетомъ въ отношеніи Россіи и въ виду открытыхъ приготовленій Австріи къ войнѣ, эти увѣренія въ дружбѣ со стороны Пруссіи мало имѣли цѣны въ глазахъ императрицы. Она предвидѣла войну съ Австріей и напоминала королю прусскому, черезъ графа Сольмса, что она разсчитываетъ на энергическую помощь Пруссіи.

Очевидно, нужно было найти новую комбинацію, которая удовлетворила бы вѣнскій кабинетъ, заставила бы его положить оружіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могла служить основаніемъ для прочнаго соединенія Россіи съ Австріей насчетъ и помимо Пруссіи. Фридрихъ II нашелъ эту удачную комбинацію—въ первомъ раздѣлѣ Польши.

III.

Начиная съ 1763 года, дѣла Польши были постояннымъ предметомъ обмѣна мыслей между Россіей и Пруссіей и послужили первымъ основаніемъ союза. Въ тотъ самый день, когда былъ подписанъ первый союзный трактатъ, былъ подписанъ актъ относительно кандидата на польскій престолъ. Вслѣдъ затѣмъ императрица и король прусскій постоянно обмѣнивались мыслями и заключали соглашенія относительно вопроса о диссидентахъ въ Польшѣ и вообще о внутреннихъ порядкахъ этой страны.

Съ какими чувствами относился король прусскій къ Польшѣ, можно видѣть, между прочимъ, изъ его разговора съ Сальдерномъ въ 1766 году. На первой же аудіенціи, Фридрихъ II началъ разговоръ съ польскихъ дѣлъ. Польша, говорилъ онъ, должна быть оставлена совершенно въ томъ же положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время; всякая перемѣна въ ея устройствѣ должна быть пагубна въ будущемъ. «Я хотѣлъ,—доноситъ Сальдернъ,—отвѣчать королю, какъ онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «A propos, что, еще думаютъ у васъ дозволить полякамъ отмѣнить liberum veto?»—«Я сознаюсь вашему превосходительству, что кровь у меня бросилась въ лицо, и я ему немедленно отвѣтилъ: «Ваше Величество, никогда объ этомъ и помину не было».—«Какъ же, никогда и не думали!» возразилъ король».

Впрочемъ Сальдернъ скоро успокоился и сказалъ королю, что онъ можетъ его увѣрить, какъ человѣкъ честный, что «ни императрица, ни ея министры никогда не думали серьезно объ отмѣнѣ для поляковъ этихъ знаменитыхъ словъ: liberum veto». Король также успокоился, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Когда Фридрихъ II убѣдился въ томъ, что его усилія, въ качествѣ посредника между Россіей и Турціей, нисколько не увѣнчаются успѣхомъ, когда онъ увидѣлъ, напротивъ, что вѣнскій дворъ, вмѣстѣ съ версальскимъ, заставляютъ Порту не подписывать предложенныхъ имъ отъ имени Россіи условій мира, онъ рѣшился воспользоваться политическимъ безсиліемъ Польши для того, чтобъ насчетъ польскаго народа устроить соглашеніе между Россіей и Австріей. Король отлично понималъ, что для князя Кауница «неприкосновенность Оттоманской имперіи» существуетъ до тѣхъ поръ, пока Австрія не въ состояніи нарушить ее безнаказаннымъ образомъ.

Для разрѣшенія этой задачи имѣло огромное значеніе путешествіе прусскаго принца Генриха, брата короля, въ Петербургъ. Сама императрица, узнавъ о намѣреніи принца навѣстить свою сестру, королеву шведскую, въ Стокгольмѣ, пригласила его въ Петербургъ погостить. Принцъ пріѣхалъ осенью 1770 года въ Петербургъ, и между нимъ, съ одной стороны, и императрицею и графомъ Панинымъ, съ другой, начался обмѣнъ мыслей по всѣмъ животрепещущимъ вопросамъ тогдашняго времени. Въ этихъ бесѣдахъ польскій вопросъ былъ поставленъ на первый планъ, и мысль о раздѣлѣ Польши получила осязательную форму и была одобрена, въ принципѣ, императрицею.

Здѣсь нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ: кому принадлежитъ первая мысль о раздѣлѣ? Для насъ сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что Фридрихъ В. предложилъ этотъ проектъ, князь Кауницъ раньше другихъ приступилъ къ его исполненію, а Екатерина II воспользовалась этимъ проектомъ для того, чтобъ окончательно уничтожить Польшу [1]).

Мы ограничимся здѣсь приведеніемъ только нѣсколькихъ любопытныхъ данныхъ касательно этого вопроса, до сихъ поръ не вполнѣ еще извѣстныхъ.

Въ этомъ отношеніи весьма любопытно собственноручное письмо принца Генриха графу Сольмсу, отъ 5-го апрѣля 1772 года. Письмо это весьма характеристично, и до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, еще нигдѣ не обнародовано, а потому мы приведемъ его почти цѣликомъ въ русскомъ переводѣ:

«Во всемъ этомъ дѣлѣ (о раздѣлѣ Польши),— пишетъ принцъ Генрихъ,—я никогда не думалъ ни о моей собственной выгодѣ, ни о моемъ положеніи (propre établissement). Если дѣло касается благоденствія государствъ, то не слѣдуетъ къ нимъ примѣшивать интересы частные. Я льщусь славою, что мнѣ удалось услуживать великой императрицѣ и быть полезнымъ королю и моему отечеству, и это меня болѣе льститъ, нежели полученіе для себя какого нибудь имѣнія—чего, можетъ быть, я могъ бы добиться, еслибъ того желалъ. По правдѣ, я могу сказать, что мое пребываніе въ С.-Петербургѣ было ознаменовано началомъ переговоровъ для наибольшаго сближенія между королемъ и Россіей. Я могу равнымъ образомъ, безъ самохвальства (sans prévention) — и я имѣю на это признаніе короля въ двадцати слишкомъ собственноручныхъ письмахъ — льстить себя, что я началъ дѣло, опредѣленное конвенціей (января 1772 г.). Но я не требую за все никакой награды, я не желаю ничего, кромѣ славы, и я признаюсь вамъ, что я былъ бы счастливъ получить ее отъ руки Ея И. Всероссійскаго Величества. Это я бы получилъ, еслибъ она меня удостоила, по случаю завладѣнія (польскими провинціями), открытаго письма съ заявленіемъ своего удовольствія, которое могло бы для меня служить доказательствомъ тому, что я участвовалъ въ этомъ великомъ дѣлѣ. Я вамъ откровенно говорю, что для меня такое письмо императрицы было бы лучшимъ памятникомъ моей славы».

---

[1]) Срав. *Ranke*, Die deutschen Mächte und der Fürstenbund, Lpz. 1871, Bd. I, S. 14, 16.—*Beer*, Die erste Theilung Polens, 1873, Bd. II, S. 354. Собраніе трактатовъ, Мартенса, т. II, стр. 12 и слѣд.

Въ виду этого письма прусскаго принца, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ Фридриха II, нельзя сомнѣваться, какую роль игралъ онъ самъ въ вопросѣ о раздѣлѣ Польши и берлинскій кабинетъ. Лѣтомъ 1771 года, прусскій посланникъ представилъ графу Панину проектъ конвенціи относительно раздѣла Польши. Русское правительство представило свой контръ-проектъ, на основаніи котораго Пруссія все-таки должна была гарантировать Россіи присоединеніе Молдавіи и Валахіи. Король прусскій пришелъ въ ужасъ отъ этого требованія и сталъ умолять императрицу отказаться отъ своего намѣренія. Императрица согласилась окончательно отказаться отъ своего задушевнаго желанія, и нотою, отъ 25 ноября 1771 года, объ этомъ формально заявила берлинскому кабинету. При этомъ она прибавила, что занятіе присужденныхъ другъ другу польскихъ владѣній не должно имѣть мѣсто раньше, пока не выяснятся отношенія къ этому дѣлу Австріи и Турціи. Фридрихъ II очень обрадовался отказу императрицы отъ дунайскихъ княжествъ, но никакъ не согласился отложить занятіе польскихъ областей до разъясненія поведенія вѣнскаго кабинета. Онъ доказывалъ, что князь Кауницъ будетъ всею силою интриговать противъ русско-прусскаго соглашенія, и что вѣнскій кабинетъ можно убѣдить только совершившимися фактами. Поэтому онъ предложилъ немедленно по подписаніи конвенціи о раздѣлѣ приступить къ занятію польскихъ провинцій русскими и прусскими войсками [1]).

Вслѣдствіе настояній короля, императрица согласилась подписать въ январѣ 1772 года два акта: въ силу перваго, Россія и Пруссія согласились занять и присоединить извѣстныя польскія области; на основаніи второго, онѣ опредѣлили условія содержанія вспомогательныхъ войскъ, въ случаѣ нападенія на нихъ со стороны Австріи.

Послѣ подписанія этихъ актовъ, обѣ державы должны были употребить всѣ усилія, чтобъ заставить Австрію сказать свое последнее слово на счетъ приступленія къ раздѣлу Польши. Съ начала 1772 года не было никакого сомнѣнія въ томъ, что вѣнскій дворъ готовъ присоединиться къ Россіи и Пруссіи и отказаться отъ своей настоятельной защиты неприкосновенности оттоманской имперіи. Австрійскій посланникъ въ Берлинѣ объявилъ королю уже въ январѣ 1772 года, что Австрія готова взять часть Польши, но она предпочла бы отнять отъ турокъ Сербію съ Бѣлградомъ. Фридрихъ II былъ крайне удивленъ,

[1]) Прусская депеша, отъ 8 декабря 1771 года.

услышавъ такое заявленіе отъ представителя «вѣрнаго союзника» Турціи, съ которою вѣнскій дворъ только нѣсколько мѣсяцевъ назадъ заключилъ союзную конвенцію (прусская депеша къ графу Сольмсу, отъ 5 февраля 1772 г.).

Впрочемъ, весьма скоро князь Кауницъ взялъ назадъ свое предложеніе насчетъ присоединенія Сербіи и вступилъ въ переговоры относительно слѣдующей Австріи части польскихъ владѣній. Король былъ возмущенъ «хищническимъ аппетитомъ» вѣнскаго двора и постоянно обращался къ императрицѣ съ просьбою не соглашаться на австрійскія претензіи и защищать интересы Пруссіи. Но князь Кауницъ не уступалъ. Когда однако время проходило и переговоры съ вѣнскимъ дворомъ угрожали окончиться разрывомъ, Фридрихъ II самъ просилъ Екатерину II сдѣлать новыя уступки Австріи, лишь бы только скорѣе покончить начатое дѣло. Возникновеніе генеральной войны,—писалъ графъ Сольмсъ графу Панину, 10 іюня 1772 года,—было бы величайшимъ бѣдствіемъ для Россіи и Пруссіи и снова бросило бы Австрію въ объятія Франціи. Императрица охотно согласилась исполнить желаніе короля, и въ іюлѣ мѣсяцѣ 1772 года Австрія приступила къ первому раздѣлу Польши, вмѣстѣ съ Пруссіей и Россіей.

Извѣстіе о заключеніи польской конвенціи сильно обрадовало прусскаго короля, который былъ убѣжденъ, что это соглашеніе насчетъ Польши сильно скрѣпитъ узы дружбы между Россіей и Пруссіей. «Вы скажете графу Панину,—писалъ король своему представителю при русскомъ дворѣ, 24 октября 1772 года,—что онъ можетъ увѣрить императрицу отъ моего имени, что сегодня, въ день торжества для Пруссіи (jour de l'hommage de la Prusse), я ее увѣряю, что она не обязала неблагодарнаго, но что я буду искать всякаго случая, чтобъ доказать ей и Россіи мою благодарность не только въ словахъ, но и на дѣлѣ».

Что касается императрицы, то она равнымъ образомъ знала цѣну состоявшейся насчетъ Польши сдѣлкѣ, и увѣряла короля, что «подданные наши будутъ вѣчно имѣть къ намъ о томъ существенныя одолженія (obligations éternelles)».

Но съ другой стороны, она также знала, что заключеніемъ іюльскихъ актовъ далеко еще не разрѣшены всѣ затрудненія. Напротивъ, эти акты положили зародышъ недоразумѣніямъ и ссорамъ между тремя раздѣлявшими Польшу державами. Прежде всего вѣнскій дворъ не переставалъ дѣлать захваты насчетъ польскихъ владѣній, и король не находилъ достаточно сильныхъ

словъ, чтобъ выразить свое озлобленіе противъ Австріи. «Я-де этотъ дворъ (вѣнскій) коротко знаю,—сказалъ Фридрихъ II въ августѣ графу Чернышеву, бывшему проѣздомъ въ Берлинѣ—и вамъ вкратцѣ его опишу: цесарь (Іосифъ II)—человѣкъ молодой, нетерпѣливъ, себя прославить желаетъ, но честный и твердый. Сію честь отдать ему должно. Мать (Марія-Терезія)—такая комедіантка, какой нѣтъ. Кауницъ не токмо double, triple, но quadruple» [1]). Съ другой же стороны, князь Кауницъ не переставалъ доказывать вѣроломство, двуличіе и своекорыстіе прусскаго короля.

Впрочемъ, какъ императрица Екатерина II, такъ и ея министръ графъ Панинъ также находили образъ дѣйствія вѣнскаго двора крайне безцеремоннымъ; но имъ нужно было, прежде всего, предупредить непріязненное вмѣшательство Австріи въ отношенія Россіи къ Турціи. Когда наконецъ былъ заключенъ въ 1774 году знаменитый Кучукъ-Кайнарджійскій миръ съ Турціей, императрица желала сохранить дружбу съ вѣнскимъ дворомъ для исполненія своихъ широкихъ политическихъ комбинацій, и потому скорѣе потворствовала ему въ захватахъ какъ насчетъ Польши, такъ и Турціи (присоединеніе Буковины). Это обстоятельство не могло ускользнуть отъ вниманія прусскаго короля: онъ сталъ уже въ 1776 году бояться за сохраненіе съ Россіей прежняго союза. Вотъ, почему онъ сталъ просить императрицу о новомъ возобновленіи союзнаго трактата и продолженіи обязательной силы его до 1790 года.

«Имѣя въ виду мою старость,—писалъ онъ графу Сольмсу, 6 августа 1776 года,—я не могу дѣйствительно разсчитывать еще долго продолжать мою жизнь, и въ самомъ дѣлѣ для меня будетъ весьма большимъ утѣшеніемъ и для моего племянника наилучшимъ наслѣдствомъ оставить ему продолженіе этого трактата дружбы и союза съ Россіей до 1790 года».

Это желаніе короля прусскаго было уважено императрицею, и 20 марта 1777 года былъ заключенъ новый союзный трактатъ, подтверждающій обязательную силу прежде заключенныхъ союзныхъ договоровъ.

---

[1]) Письмо графа Чернышева, отъ 7 августа 1773 г., графу Н. И. Панину

IV.

Съ 1781 года существенно измѣняются отношенія между Россіей и Пруссіей, вслѣдствіе заключенія Екатериною II союза съ Австріей. Переворотъ, совершившійся въ этомъ году, вполнѣ намъ объясняетъ то чрезвычайное вліяніе, которое Россія должна была имѣть на дѣла Германіи, пока существовалъ непримиримый антагонизмъ между Пруссіей и Австріей.

Стремленіе Пруссіи послужить центромъ тяжести для протестантской Германіи обнаруживается уже во времена великаго курфирста; цѣль ея сдѣлаться руководительницею всѣхъ германскихъ государствъ и защитницею національныхъ стремленій всей германской націи проявляется осязательнымъ образомъ въ царствованіе короля Фридриха Великаго. Безпощадныя и продолжительныя войны, которыя онъ велъ противъ Габсбургскаго дома, были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ положенія дѣлъ въ дряхлой и антикварной по своему устройству свящ. германской имперіи.

Фридрихъ II не могъ допустить прежняго исключительнаго вліянія Австріи при рѣшеніи германскихъ дѣлъ; онъ считалъ себя въ правѣ требовать для себя равнаго голоса, онъ настаивалъ, чтобъ вѣнское правительство отказалось отъ мысли распоряжаться въ Германіи по своему усмотрѣнію. Уже въ XVIII вѣкѣ можно было положительно сказать, что въ Германіи нѣтъ мѣста для Австріи и для Пруссіи. Одна изъ этихъ державъ должна была уступить свое мѣсто другой: соглашеніе между ними въ этомъ отношеніи было совершенно немыслимо. Точно также нельзя было сомнѣваться въ томъ, что одержитъ верхъ и получитъ исключительное первенство въ Германіи та держава, которая лучше съумѣетъ проникнуться національными стремленіями и идеалами германскаго народа. Этою державой оказалась Пруссія.

Между тѣмъ, непримиримая вражда, раздѣлявшая Пруссію и Австрію вплоть до 1866 года, очевидно парализовала политическое могущество обѣихъ и дѣлала ихъ жертвою всевозможныхъ заграничныхъ вліяній. Австрія, во всѣхъ своихъ политическихъ комбинаціяхъ, видѣла предъ собою, какъ Макбетъ тѣнь Банко, Пруссію и прусскіе происки. Всякій политическій вопросъ разсматривался вѣнскимъ дворомъ чрезъ призму его ненависти и вражды къ Гогенцоллернскому дому, и страсть его видѣть центръ своего международнаго могущества въ Германіи, приводила къ тому, что сама австрійская политика гораздо больше

опредѣлялась чувствами, нежели холоднымъ разсчетомъ и умомъ. Очевидно, что стоило только наигрывать на этой стрункѣ, чтобъ заставить вѣнскій дворъ совершать всевозможныя salto mortale. Съ другой стороны, понятно, что съ того времени, какъ Австрія отказалась отъ мысли играть роль въ Германіи и вмѣшиваться въ ея дѣла, уничтожается главная причина непріязни между ею и Пруссіею. Съ этого времени, напротивъ, союзъ между обѣими этими державами является естественнымъ основаніемъ ихъ взаимныхъ отношеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, политическаго могущества. Наконецъ, съ момента выхода Австріи изъ состава Германіи, она дожна была обратить всѣ свои стремленія на Востокъ и здѣсь искать поприща для своей культурной дѣятельности и политическаго вліянія.

Борьба съ Австріей изъ-за гегемоніи надъ Германіей поглощала равнымъ образомъ значительную часть жизненныхъ силъ Пруссіи и ставила ее неоднократно въ положеніе, несогласное ни съ политическимъ ея значеніемъ, ни съ нравственнымъ ея достоинствомъ. Берлинскій дворъ точно также былъ вынужденъ постоянно наблюдать за дѣйствіями вѣнскаго кабинета и, съ цѣлью парализовать ихъ, соглашаться на уступки и сдѣлки, которыя дѣлали его жертвою интригъ иностранной политики. Съ того времени, когда Пруссія въ состояніи, не опасаясь противодѣйствія Австріи, руководить дѣлами всей Германіи, ея роль, какъ могущественной центральной державы въ Европѣ, получила незыблемое основаніе.

Положеніе вещей, бывшее въ концѣ прошлаго столѣтія въ Германіи, отлично понимала Екатерина II. Она пользовалась самымъ искуснымъ образомъ антагонизмомъ между обѣими германскими державами для того, чтобъ заставить обѣ исполнить ея желанія и поступать согласно видамъ русской политики. Она въ состояніи была, посредствомъ поддержанія вражды между берлинскимъ и вѣнскимъ дворами, предупредить возможность соединенія ихъ противъ Россіи. О прочномъ союзѣ Австріи и Пруссіи противъ Россіи не могло быть рѣчи, ни въ прошломъ столѣтіи, ни въ нынѣшнемъ—до 1866 года. Императрица Екатерина II въ первый разъ сознательно указала цѣль прежней русской политики въ отношеніи Германіи: поддерживать рознь и ненависть между главными германскими державами, чтобъ заставить ихъ искать на перехватъ дружбы и благосклонности Россіи. Въ этомъ направленіи дѣйствовала императрица въ отношеніи обѣихъ соперничествующихъ германскихъ державъ, и по ея стопамъ пошли и всѣ ея ближайшіе преемники. Но понятно,

что съ того момента, когда прекратилась навсегда вѣковая ненависть между Австріей и Пруссіей, Россія должна была также измѣнить свой прежній образъ дѣйствія и прежніе свои политическіе виды, какъ въ отношеніи вѣнскаго, такъ и берлинскаго правительствъ.

Но положеніе императрицы Екатерины II было въ томъ отношеніи несравненно удобнѣе и проще: великая ея заслуга состоитъ въ томъ, что она немедленно поняла выгодныя условія дѣйствія русской политики и твердо держалась разъ принятой системы. Никакія отступленія и меньше всего какіе-нибудь политическіе экспромпты со стороны ея подданныхъ или даже министровъ, могущихъ повліять на ея политику, не были даже мыслимы въ ея царствованіе.

Весьма искусно воспользовалась Екатерина II ожесточеннымъ споромъ, возникшимъ въ 1778 году между Австріей и Пруссіей изъ-за баварскаго наслѣдства. Обѣ германскія державы на перерывъ обращались къ ней съ жалобами другъ на друга и съ просьбами рѣшить по справедливости споръ. Король прусскій, въ качествѣ союзника, старался убѣдить императрицу, что на сторонѣ Австріи не находится «ни право, ни справедливость, ни правосудіе, и что законы имперскіе, древнія постановленія и феодальные законы совокупно порицаютъ ея поступки». Вѣнскій дворъ, напротивъ, представлялъ въ Петербургѣ объемистые мемуары, доказывавшіе его неоспоримое право завладѣть Баваріею. Наконецъ, оба германскія правительства просили посредничества Россіи для предупрежденія новой войны.

Екатерина II исполнила это желаніе, и князю Н. В. Репнину, отправленному въ Тешенъ, въ качествѣ посредника, удалось уладить этотъ споръ и положить конецъ уже начатой въ Германіи войнѣ [1]). Фридрихъ В. поспѣшилъ выразить императрицѣ свою признательность за улаженіе этого спора въ самыхъ теплыхъ словахъ: «Вся Германія,—писалъ ей король, 17-го мая 1779 г.,—обязана вамъ миромъ, которымъ мы будемъ наслаждаться отнынѣ; нѣсколько словъ, государыня, изъ вашихъ устъ было достаточно для укрощенія австрійскаго честолюбія». Сама же императрица, давшая свою гарантію на трактаты, заключенные въ Тешенѣ и подробно опредѣлявшіе устройство всей Германіи, отлично понимала значеніе этихъ актовъ для Россіи. Они основали «россійскую инфлуенцію въ Германіи и дали намъ право безпосредственно уже по себѣ, а не черезъ третьяго, уча-

[1]) См. Собраніе трактатовъ, т. II, № 35.

ствовать въ политическихъ ея дѣлахъ». Такимъ образомъ опредѣлено значеніе Тешенскаго мира въ инструкціи графу С. П. Румянцеву, отъ 23-го декабря 1785 г.

Послѣ подписанія тешенскихъ договоровъ отношенія между Россіей и Пруссіей существенно измѣняются. Когда императоръ Іосифъ II и князь Кауницъ совершенно перемѣнили свой образъ дѣйствія и стали всѣми силами угождать императрицѣ Екатеринѣ II, когда послѣдней поставленъ былъ вопросъ: не выгоднѣе ли Россіи союзъ съ Австріей, вмѣсто Пруссіи,—русская политика открыто перешла на сторону вѣнскаго двора. Въ тѣ времена нельзя было быть въ одинаковой дружбѣ съ обѣими германскими державами; необходимо было сдѣлать между ними выборъ, и Екатерина II его сдѣлала въ пользу Австріи.

Она убѣдилась, что господствующіе въ Вѣнѣ взгляды насчетъ Турціи гораздо болѣе были согласны съ ея политическими стремленіями, нежели принципы ея союзника—короля прусскаго, который все-таки постоянно опасался слишкомъ большого усиленія могущества Россіи. Поэтому Фридрихъ II подъ рукою распространялъ опасенія насчетъ политическихъ захватовъ Россіи и далеко несочувственно поддерживалъ русскую политику въ Константинополѣ. Между тѣмъ, турки особенно уважали Фридриха II за его военные подвиги и послали въ Берлинъ въ 1763 г. небывало торжественное посольство съ богатыми подарками отъ султана.

Въ это же время, молодой римскій императоръ Іосифъ II высказывалъ особенную ревность къ планамъ императрицы въ отношеніи Турціи, и послѣ перваго своего путешествія въ 1780 году въ Россію, онъ возвратился въ Вѣну въ восторгѣ отъ «сѣверной Семирамиды», готовый вступить съ нею въ самый тѣсный союзъ противъ Турціи и кого бы то ни было. Замѣчательно, что когда императрица заявила о своемъ желаніи, чтобъ новый союзъ съ Австріей не отмѣнилъ заключаемыхъ ею союзныхъ договоровъ съ Пруссіей, князь Кауницъ находилъ такую статью договора невозможною, потому что Австрія не можетъ находиться въ одно время въ союзѣ съ Россіей и съ Пруссіей. Послѣ заключенія въ 1781 году союзнаго трактата между Россіей и Австріей, между императрицею Екатериною II и императоромъ Іосифомъ II начинается еще болѣе частая и любезная переписка, въ сравненіи съ тою, которую она вела съ королемъ прусскимъ.

Фридрихъ II не могъ никогда, до самой смерти своей, простить Екатеринѣ II, что она сблизилась съ Австріей и предпочла союзъ съ нею союзу Россіи съ Пруссіей. Онъ видѣлъ, что

всѣ его многолѣтнія старанія, всѣ его восторженныя письма все-таки не заставили императрицу жертвовать своими широкими политическими планами. Король не хотѣлъ понять, что Екатерина II сблизилась съ вѣнскимъ дворомъ только потому, что находила въ немъ больше средствъ и желанія помогать ей противъ Турціи. Онъ былъ убѣжденъ, что Австрія воспользуется дружбою съ Россіей, чтобъ подвинуть послѣднюю на общую войну противъ Пруссіи. Съ цѣлью предупредить заключеніе этого союза и, вмѣстѣ съ тѣмъ, парализовать планы императрицы насчетъ Оттоманской имперіи, онъ предложилъ ей въ 1779 году заключить тройной союзъ съ Пруссіей и Портою. Но Екатерина II нашла этотъ проектъ «вовсе себѣ неугоднымъ», въ виду уже того, «колико оскорбителенъ былъ бы для деликатности императрицы союзъ съ державою всей христіанской республикѣ непріязненною, ниже коль вредныя впечатлѣнія можетъ онъ произвести въ народахъ, подъ игомъ турецкимъ пребывающихъ и особливую къ намъ преданность и надежду питающихъ, коихъ вѣнскій дворъ вяще тогда отъ насъ отвращать и привязать къ себѣ не упуститъ» [1]).

Наконецъ, прибавляетъ графъ Безбородко, развѣ можно положиться на союзную помощь, или обѣщанія турокъ, у которыхъ нѣтъ ни твердой системы, ни опредѣленной политики, благодаря постоянной смѣнѣ министровъ.

Императрица неоднократно старалась успокоить короля прусскаго, увѣряя его, что вѣнскій дворъ не можетъ ее заставить начинать войну съ Пруссіей. Въ іюнѣ 1783 года, она предписала князю Долгорукову заявить графу Герцбергу, первому министру Фридриха II, что тешенскіе трактаты остались неприкосновенными, и что союзъ ея съ Австріей «главнымъ образомъ» (principalement) направленъ противъ Порты. Прусскій министръ выслушалъ заявленіе русскаго посланника и затѣмъ отвѣтилъ, что все-таки союзъ Россіи съ Австріей можетъ привести къ новой семилѣтней войнѣ. Это убѣжденіе прусскаго кабинета находило себѣ подтвержденіе въ различныхъ фактахъ, которые явно доказывали предпочтеніе, отдаваемое императрицею новому союзнику, Іосифу II.

Между тѣмъ, сама императрица нисколько не желала, чтобъ это убѣжденіе укрѣпилось въ Берлинѣ, и она старалась всѣми силами его уничтожить. Такъ, между прочимъ, назначая графа

---

[1]) Изъ Высочайше одобренной записки гр. А. А. Безбородко, отъ 18-го сентября 1779 г.

С. П. Румянцева въ 1785 году на мѣсто князя Долгорукова посланникомъ при берлинскомъ дворѣ, Екатерина ему категорически подтвердила, что Россія желаетъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ Пруссіей. «Какъ бы кто ни толковалъ, — говорится въ инструкціи графу,—но то истинно, что съ здѣшней стороны не было и нѣтъ намѣренія разрушать и уничтожать продолжающіяся и донынѣ съ королемъ прусскимъ обязательства, доколѣ онъ самъ ихъ свято соблюдать и въ покоѣ оставаться будетъ». Въ маѣ 1786 г., когда уже смерть престарѣлаго прусскаго короля была весьма близка, графу Румянцеву было внушено «стараться пріобрѣсть наслѣдника престола довѣренность и, пользуясь оною, дѣлать кстати внушенія, что нѣтъ у императрицы намѣренія ни ссориться съ королемъ прусскимъ, съ коимъ дружбу и доброе согласіе мы рады соблюдать доколѣ то ему угодно».

«Желательно,—прибавляетъ Екатерина II,—чтобъ правительство прусское вошло въ прямое свойство нашего положенія, и чтобъ въ совѣтахъ и дѣяніяхъ своихъ направлялось оно не желчію противъ австрійскаго дома, но умѣренностью и благоразуміемъ».

Наставленіе, данное императрицею новому посланнику при берлинскомъ дворѣ, было, однако, не совсѣмъ вѣрно имъ понято. Графъ Румянцевъ вывелъ изъ него убѣжденіе, что Екатерина II нисколько не дорожитъ дружбою съ Пруссіей и назначила его въ Берлинъ для того, чтобъ «третировать» прусскихъ министровъ, какъ канцелярскихъ чиновниковъ, и критиковать все, чтó дѣлаетъ прусскій король. Приказаніе императрицы «стараться пріобрѣсти довѣренность» будущаго короля и увѣрить его, что Россія не желаетъ ссориться съ Пруссіей, графъ Румянцевъ исполнялъ довольно своеобразнымъ образомъ: онъ отзывался въ своихъ депешахъ, попадавшихся въ руки прусскихъ министровъ, о королѣ и самихъ министрахъ такъ язвительно, что положеніе его въ Берлинѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Графъ Румянцевъ былъ бы при берлинскомъ дворѣ на своемъ мѣстѣ, еслибъ императрица желала войны съ Пруссіей. Но этого она на самомъ дѣлѣ нисколько не желала.

Впрочемъ, нельзя не сказать, что донесенія графа Румянцева были весьма любопытны. Сообщая о первой аудіенціи у тяжко больного Фридриха Великаго, у котораго «руки были подагрическими припадками изувѣчены», новый посланникъ прибавляетъ, что «все-таки зрѣлище государя сего и въ самомъ семъ состояніи имѣетъ еще нѣчто величественное» (донесеніе, отъ 16 (27)

іюня 1786 г.). Но что касается прусскихъ министровъ, то на первыхъ же порахъ графъ Румянцевъ убѣдился, что «отъ этихъ людей нечего ожидать. Герцбергъ—это педантъ, который займется еще большимъ скрѣпленіемъ германскаго союза, который онъ считаетъ прекраснѣйшимъ дѣломъ въ мірѣ». Этотъ же Герцбергъ—противъ сближенія съ Россіей и ищетъ союза съ Англіей, германскими государствами и Франціей. «Въ такомъ случаѣ,—спрашиваетъ графъ вице-канцлера графа Остермана,—не думаете ли вы, что мы еще болѣе можемъ обойтись безъ здѣшняго двора». Да, наконецъ, онъ полагаетъ, что ниже его достоинства оставаться въ Берлинѣ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія своего онъ проситъ отпуска, гдѣ на его мѣсто могъ бы быть назначенъ простой повѣренный въ дѣлахъ (донесеніе, отъ 2 (13) августа 1786 г.).

Не видно также, чтобъ графъ особенно старался попасть въ довѣренность наслѣдника прусскаго престола. Немедленно послѣ воцаренія Фридриха-Вильгельма II, онъ спѣшитъ сообщить свое мнѣніе о новомъ королѣ и его правительствѣ. «Изъ всѣхъ разговоровъ и поступковъ королевскихъ,—пишетъ гр. Румянцевъ 15 (26) августа 1786 г.,—можно съ надежностію заключить, что царство его будетъ весьма похоже на дѣдово. Въ военной части онъ соблюдетъ порядокъ, и можетъ быть удобренія какія-нибудь въ мелочахъ еще сдѣлаетъ; а что касается до политики, то, конечно, въ опекѣ всегда своихъ министровъ пребудетъ. Чѣмъ онъ еще сходствуетъ съ дѣдомъ, есть распаленіе къ благочестію. Много тому способствуетъ прилѣпленіе сего государя къ нынѣ въ нѣмецкой землѣ царствующимъ бреднямъ, и кои и до Россіи распространились».

Наконецъ, свое высокомѣрное отношеніе къ прусскому правительству графъ Румянцевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Положеніе наше таково,—пишетъ онъ вице-канцлеру, — что здѣшнему двору никогда противъ насъ отважиться не можно, а во всякомъ случаѣ скорѣе бояться отъ непріязни нашей крайнихъ послѣдствій; притомъ же я могу, кажется, ваше сіятельство точно увѣрить, что, противно россійской пословицѣ, здѣсь не токмо умерла щука, но и зубовъ ея не осталось».

Такія рѣзкія сужденія графа Румянцева о прусскихъ министрахъ и самомъ королѣ не были одобрены императрицею Екатериною II, которая напомнила ему долгъ его не уважать никакихъ «сплетней» и необходимость «вести служеніе съ достоинствомъ, министру нашему свойственнымъ», а увѣренія въ дружбѣ «производить безъ усилія и образомъ искреннимъ». Но графъ

Румянцевъ не могъ отказаться отъ своего права: онъ продолжалъ отзываться о Пруссіи въ своихъ депешахъ только съ пренебреженіемъ. До чего могла дойти откровенность графа, видно изъ весьма интереснаго его письма, отъ 22-го іюня 1787 года, въ которомъ онъ представляетъ подробную характеристику всего прусскаго двора временъ Фридриха-Вильгельма II. Самого молодого короля, графъ сознается, что еще мало знаетъ, но все-таки «явственно только для всѣхъ, что владѣющій государь никакихъ къ управленію дарованій не имѣетъ. Все, что онъ доселѣ ни дѣлалъ, да и собственное его такъ-сказать къ силамъ своимъ недовѣріе проповѣдываетъ утвердительно сію истину». При вступленіи его на престолъ, всѣ чего-то ожидали «отъ всѣхъ тѣхъ глубокихъ размышленій, въ которыхъ мнили быть его погруженнымъ во время долгаго ожиданія царства». Явилось вмѣсто того, «такое незнаніе самихъ основаній дѣлъ, что никто усумниться не могъ съ перваго шага о безпорядкѣ, имѣющемъ вскорѣ послѣдовать, а когда притомъ видѣли, что государь сей учрежденіемъ различныхъ коммиссій отряжалъ отъ особы своей всѣ дѣла, то и заключить легко могли, что и отъ трудолюбія ничего ожидать не оставалось».

«Вскорѣ затѣмъ,—продолжаетъ графъ,—«слабое сіе свѣтило и было ограждено тѣми спутниками, на коихъ все вниманіе обратилось. Герцбергъ въ части политической; Бишофсвердеръ во всемъ томъ, что до личнаго касаться могло расположенія; Вагнеръ и два брата Бейера, по дѣламъ внутреннимъ, явно предстали въ образѣ охранителей царскаго невѣжества».

Вслѣдъ затѣмъ, идетъ не менѣе рѣзкая характеристика прусскихъ министровъ. Герцбергъ, пока находился «въ единыхъ канцелярскихъ упражненіяхъ», былъ «въ равновѣсіи своихъ естественныхъ мыслей». Но теперь, имѣя возможность заниматься высшею политикою, онъ «большую часть времени провождаетъ въ преслѣдованіи того, что газеты и журналы всѣхъ государствъ представляютъ ему никого не занимающихъ пустошей». Румянцевъ сравниваетъ Герцберга съ Донъ-Кихотомъ!

Относительно Бишофсвердера, фаворита короля, графъ того мнѣнія, что онъ «человѣкъ свойствъ опасныхъ и видовъ онымъ соотвѣтствующихъ. Неоспоримымъ доказательствомъ тому служитъ мнимая искренность, съ коею онъ о возможности духопознанія проповѣдываетъ». Бишофсвердеръ—другъ Шрепфіера и «съ видомъ дѣйствительнаго убѣжденія чудеса сего скомороха провозноситъ». При этомъ графъ Румянцевъ разсказываетъ, что Бишофсвердеръ и принцъ Фридрихъ Брауншвейгскій «уговорили его

величество присутствовать при собесѣдованіи съ духомъ короля покойнаго» (Фридриха В.). Но король побоялся «страшнаго дѣйствія и, не дождавшись конца сеанса, ушелъ».

«Уповательно,—заключаетъ графъ Румянцевъ свой разсказъ,— что когда бы вышеупомянутое собесѣдованіе дѣйствительно воспослѣдовать могло, то бы изъ собесѣдователей нѣкоторые безъ увѣчья не остались. Многіе увѣряютъ, что причина, побудившая короля отдалиться, было предварительное явленіе трости грознаго его предмѣстника».

Такія неосторожныя и рѣзкія сужденія графа Румянцева не выкупались однако никакими его дипломатическими успѣхами, и онъ нисколько не содѣйствовалъ сближенію между Россіей и Пруссіей, но, напротивъ, привелъ еще къ большему охлажденію. Между тѣмъ, было безъ того достаточно причинъ для натянутыхъ отношеній между обѣими державами.

V.

Императрица Екатерина II наконецъ убѣдилась, что графъ Румянцевъ не можетъ оставаться при берлинскомъ дворѣ, и рескриптомъ, отъ 13 августа 1788 года, онъ былъ отозванъ «въ виду давно извѣстнаго его желанія». На мѣсто его былъ переведенъ изъ Лиссабона графъ Нессельроде.

Въ инструкціи графу Нессельроде, отъ 11-го августа 1788 года, императрица еще разъ выражаетъ свое сожалѣніе по поводу охлажденія отношеній между Россіей и Пруссіей. «Постояннымъ моимъ правиломъ въ отношеніи короля было дорожить и поддерживать дружбу съ нимъ, и я никогда не откажусь отъ него до тѣхъ поръ, пока я встрѣчу съ его стороны совершенно такое же взаимное расположеніе». Графу Нессельроде поручается «давать королю прусскому при всякомъ случаѣ самое положительное удостовѣреніе въ томъ, что близость императрицы съ вѣнскимъ дворомъ никогда не имѣла и не будетъ имѣть цѣлью нарушить какимъ-нибудь образомъ спокойствіе и преуспѣяніе царствованія его прусскаго величества».

Кромѣ того, въ собственноручномъ письмѣ къ графу Нессельроде, отъ 18-го октября 1788 года, императрица заявляетъ, что она все-таки вѣритъ въ дружескія чувства короля прусскаго, но не можетъ не удивляться образу дѣйствія его министровъ въ Варшавѣ и въ Копенгагенѣ. Въ Варшавѣ берлинскій кабинетъ протестовалъ противъ проекта союзнаго трактата между Россіей

и Польшею. Въ Копенгагенѣ онъ объявилъ, что если датскія войска будутъ дѣйствовать противъ Швеціи, воевавшей съ Россіей, то прусскія войска вступятъ въ Голштинію. Такого рода дѣйствія указываютъ на нежеланіе Пруссіи сохранить добрыя и мирныя сношенія съ Россіей. Но, прибавляетъ императрица, «умѣренность имѣетъ свои предѣлы, и ни въ какомъ случаѣ я не позволю, чтобъ мнѣ или моимъ союзникамъ были предписаны законы».

Наконецъ, графу Нессельроде вмѣняется въ обязанность изыскивать всѣ средства, которыя могли бы предупредить несчастія, являющіяся неминуемыми, если Пруссія пойдетъ по избранному ею теперь пути. Если графъ разрѣшитъ эту задачу, онъ окажетъ великую услугу человѣчеству.

Изъ этихъ любопытныхъ актовъ нельзя не убѣдиться, какъ сознательно относилась въ концѣ прошлаго столѣтія могущественная тогда Россія къ небольшой и бѣдной Пруссіи. Императрица отлично понимала ту серьёзную опасность, какая ей угрожала, и она не въ состояніи была отмѣнить враждебныя дѣйствія прусскаго правительства, которыми парализовалась союзная помощь Даніи и поляковъ. Графъ Румянцевъ, бывшій сторонникъ русской политики: «шапками закидаемъ»,—доказывалъ императрицѣ, что берлинскій дворъ одержимъ ужасною трусостью, что «трусость Пруссіи по теперишнимъ обстоятельствамъ въ разсужденіи насъ есть дѣйствительная». Поэтому онъ предложилъ отправить къ прусскимъ берегамъ нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ, и берлинское правительство немедленно попроситъ прощенія (донесеніе, отъ 11 (22) іюня 1788 г.).

Императрица Екатерина немедленно отправила въ Берлинъ повелѣніе графу Румянцеву возвратиться въ Россію. Она лучше понимала значеніе дружбы Пруссіи и лучше цѣнила политическое ея могущество.

Но весьма скоро Екатерина II убѣдилась, что графъ Нессельроде совсѣмъ не стоитъ на высотѣ своего положенія. Въ своихъ донесеніяхъ онъ слишкомъ довѣрчиво относился къ словамъ прусскихъ министровъ и совсѣмъ не хотѣлъ вѣрить въ двуличіе графа Герцберга. Наконецъ, онъ оказался и неспособнымъ разрѣшить чрезвычайно трудную задачу, на него возложенную. При такихъ обстоятельствахъ, отношенія между Россіей и Пруссіей должны были сдѣлаться еще болѣе натянутыми. Графъ Остерманъ откровенно сказалъ барону Келлеру, прусскому посланнику въ С.-Петербургѣ, что дѣйствія его короля совершенно противорѣчатъ его словамъ.

Когда, наконецъ, въ исходѣ 1788 года графъ Нессельроде доносилъ, что прусскому посланнику въ Варшавѣ поручено заключить союзный трактатъ съ Польшею, и что графъ Герцбергъ этого не отрицаетъ, такъ какъ война между Пруссіей и Австріей неизбѣжна,—императрица должна была знать, до какихъ предѣловъ простирается вражда берлинскаго двора, и она не могла желать, чтобъ къ врагамъ Россіи прибавилась еще Пруссія.

Потерявъ довѣріе къ дипломатическимъ способностямъ графа Нессельроде, она поручила Максиму Алопеусу отправиться въ Берлинъ, остановиться тамъ въ качествѣ простого «voyageur passager» и помимо Нессельроде вступить въ секретные переговоры съ генераломъ Бишофсвердеромъ и, можетъ быть, съ самимъ королемъ.

Въ инструкціи, отъ 28 августа 1789 года, Алопеусу поручалось во всякомъ случаѣ выяснить, представляется ли сближеніе съ Пруссіей еще возможнымъ, или же окончательный разрывъ съ нею неминуемъ. Самое порученіе, данное Алопеусу, должно служить въ глазахъ короля наилучшимъ доказательствомъ тому, насколько Екатерина II можетъ возстановить прежнія дружескія сношенія.

Впрочемъ, пишетъ императрица, состояніе дружбы и союза между Россіей и Пруссіей «до такой степени естественно и согласно съ дѣйствительнымъ благомъ обоихъ государствъ, что если оно можетъ быть нарушено на нѣкоторое время, то это можно объяснить только недоразумѣніями и подозрѣніями, вызванными стеченіемъ обстоятельствъ, которыя слѣдуетъ только хорошенько взвѣшивать и изслѣдовать, чтобъ устранить и тѣ и другія». Къ такимъ фактамъ, вызвавшимъ замѣтное охлажденіе, относятся: 1) союзъ съ вѣнскимъ дворомъ; 2) отказъ возобновить союзный трактатъ съ Пруссіей; 3) проектъ соединенія съ Польшею, и 4) затрудненія, сдѣланныя императрицею для принятія прусскаго предложенія о посредничествѣ. Подробный разборъ всѣхъ четырехъ пунктовъ приводитъ къ заключенію, что дѣйствительныхъ причинъ для взаимной вражды не имѣется. Союзъ Россіи съ Австріей нисколько не отмѣнилъ союзныхъ связей съ Пруссіей; отказъ же въ немедленномъ возобновленіи формальнаго союзнаго трактата только былъ выраженіемъ желанія императрицы повременить этимъ дѣломъ; сближеніе съ Польшею было вызвано желаніемъ успокоить легкомысленныхъ поляковъ; наконецъ, императрица не могла принять прусскаго предложенія о посредничествѣ, не желая дать королю шведскому возможности сказать, что она сама просила объ этомъ.

Съ назначенія М. М. Алопеуса въ Берлинъ, въ качествѣ «простого путешественника», весь интересъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Пруссіей сосредоточивается въ крайне интересныхъ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ секретнѣйшихъ свиданіяхъ и переговорахъ, которые Алопеусъ имѣлъ съ самимъ королемъ и съ его фаворитомъ, генераломъ Бишофсвердеромъ. Графъ Нессельроде оставался до 1794 года посланникомъ, но никто не обращался къ нему, и онъ ничего не зналъ о происходящихъ переговорахъ. Любопытно, что Герцбергъ, желая парализовать вліяніе Бишофсвердера, также вступилъ въ секретнѣйшіе переговоры съ Алопеусомъ, о которыхъ онъ ничего не сообщалъ другимъ министрамъ и, вѣроятно, даже и королю.

Въ іюлѣ 1789 года, когда Алопеусъ проѣздомъ въ С.-Петербургъ остановился въ Берлинѣ, король прусскій принялъ его и сталъ оправдывать свою политику въ отношеніи Россіи. Онъ остался совершенно одинъ, говорилъ король, и онъ не могъ допустить нападенія Даніи на Швецію, свою союзницу, имѣя въ виду, что отказъ императрицы заключить съ нимъ союзный трактакъ явно доказалъ существованіе особенныхъ обязательствъ между Россіей и Австріей противъ Пруссіи. Генералъ Бишофсвердеръ подтверждалъ эти слова короля письмомъ къ Алопеусу, отъ 13 іюля 1789 года, въ которомъ объявляется, что король нисколько не измѣнилъ своихъ чувствъ въ отношеніи императрицы, отъ которой зависитъ дружески и довѣрчиво объясниться съ королемъ, чтобъ устранить всякія недоразумѣнія. Король также радъ былъ бы начать съ императрицею личную переписку. Самъ онъ, Бишофсвердеръ, надѣется возстановить прежнія дружескія сношенія между обоими правительствами.

Общее впечатлѣніе, вынесенное Алопеусомъ изъ этихъ объясненій, было, что если императрица не исполнитъ желанія короля и не возобновитъ съ нимъ союза, то онъ заключитъ союзные трактаты съ Турціей и Швеціей. Поляки также рады сблизиться съ берлинскимъ дворомъ. Но «одного слова императрицы достаточно,—писалъ Алопеусъ 12 (23) іюля 1780 года,—чтобъ разрушить всѣ эти планы». Наконецъ, Алопеусъ доноситъ, что Бишофсвердеръ—большой охотникъ до казацкихъ лошадей, и онъ проситъ уступить ему за деньги пару. Императрица отдала приказаніе отправить въ Берлинъ нѣсколько казацкихъ лошадей въ подарокъ генералу.

Послѣ этихъ предварительныхъ переговоровъ, Алопеусъ отправился въ Петербургъ и уже осенью 1789 года возвратился въ Берлинъ съ формальнымъ порученіемъ устроить сближеніе между

Россіей и Пруссіей. Въ первое время всѣ старанія Алопеуса оказались совершенно тщетными. Въ началѣ 1790 года дѣла приняли весьма опасный оборотъ. Пруссія серьезно готовилась къ войнѣ, и Бишофсвердеръ объявилъ Алопеусу, что король вступилъ въ тѣсный союзъ съ Польшею и готовится къ войнѣ, потому что твердо рѣшился не допустить, ни въ какомъ случаѣ, присоединенія къ Австріи дунайскихъ княжествъ.

«Повѣрьте мнѣ,—сказалъ генералъ,—король искренно привязанъ къ Россіи и даже цѣною своей собственной крови готовъ содѣйствовать ея пользѣ; но король прусскій не осмѣливается слушаться личныхъ чувствъ Фридриха - Вильгельма». Поэтому Россія должна, прежде всего, отказаться помогать рискованнымъ предпріятіямъ императора Іосифа II и заключить съ Турціей отдѣльный миръ. Бишофсвердеръ увѣрялъ Алопеуса, что день, въ который онъ ему объявитъ о полученіи полномочія на заключеніе союза съ Пруссіей, будетъ лучшимъ днемъ его жизни [1]).

Но несмотря на всѣ приготовленія Пруссіи къ войнѣ, Алопеусъ былъ все-таки увѣренъ, что они не направлены противъ Россіи. Однако послѣ сближенія Пруссіи съ Австріей въ Рейхенбахѣ, Алопеусу измѣнила его увѣренность. Въ сентябрѣ 1790 года, онъ предупреждаетъ, что «ничего хорошаго нельзя ожидать отъ здѣшняго двора». Если Россія не заключитъ въ продолженіе текущаго года миръ съ Оттоманской имперіей, она должна быть готова на войну съ Пруссіей. Но сама императрица Екатерина II все-таки не вѣрила въ возможность войны, и ея увѣренность совершенно оправдалась обстоятельствами.

Прежде всего содѣйствовало охлажденію воинственнаго пыла прусскихъ министровъ поведеніе Англіи, которая оставила Пруссію одну. Графъ Герцбергъ, бывшій душею партіи войны, убѣдившись, что на Англію разсчитывать нельзя, и желая, съ другой стороны, парализовать вліяніе Бишофсвердера, также вступилъ въ секретнѣйшіе переговоры съ Алопеусомъ. Онъ сказалъ, что въ союзномъ трактатѣ Пруссіи съ Турціей, первая обязалась возвратить послѣдней всѣ земли, которыхъ та могла бы лишиться вслѣдствіе войны. Императрица требуетъ присоединенія Очакова съ окрестностью. Это немного, и Герцбергъ надѣется уговорить Порту согласиться на такую уступку. Но это онъ готовъ сдѣлать только въ томъ случаѣ, если императрица обяжется въ отношеніи Пруссіи повліять на Польшу, чтобъ она согласилась на присоединеніе къ прусскимъ владѣніямъ городовъ Данцига и

[1]) Депеша Алопеуса, отъ 5 января 1790 года.

Торна. Герцбергъ честнымъ словомъ увѣрялъ Алопеуса, что онъ дѣлаетъ это предложеніе вопреки положительному приказанію короля не затрогивать вопроса о Данцигѣ, о присоединеніи котораго давно уже мечтала Пруссія. Императрица дала весьма уклончивый отвѣтъ на хитрое предложеніе Герцберга, сказавъ, что она будетъ и впредь уважать пользу тѣхъ своихъ друзей, которые уважаютъ ея интересы.

Въ началѣ 1791 года, военныя приготовленія Пруссіи опять приняли угрожающій характеръ, и Бишофсвердеръ увѣрялъ Алопеуса, что онъ уже нѣсколько разъ останавливалъ отправленіе королевскихъ походныхъ экипажей въ Кенигсбергъ. Но не всегда онъ въ состояніи будетъ это сдѣлать. Поэтому онъ опять просилъ о немедленномъ заключеніи союзной секретной конвенціи, на основаніи которой Пруссія была бы готова, вопреки союзному трактату съ Турціей, даже оказать Россіи содѣйствіе въ присоединеніи Очакова. Императрица написала на донесеніи Алопеуса, отъ 6 (17) февраля 1791 года, съ этимъ предложеніемъ: «Кабалу на себя дать я не намѣрена. Очаковъ же также какъ (берегъ Днѣстра?) туркамъ отъ прусскаго двора гарантированный. Крымъ въ моихъ рукахъ находится безъ дозволенія его прусскаго величества. Угорѣлыя кошки всегда мечутся!»

Однако крайне необходимо было выяснить, наконецъ, какое рѣшеніе приняла Пруссія. Французская революція обращала на себя самое серьезное вниманіе императрицы; въ Польшѣ все готовилось къ открытому возстанію; война съ Турціей была еще не покончена, и преждевременная смерть ея друга и союзника, Іосифа II, лишила Россію австрійской помощи. Поэтому она рѣшилась прежде всего заключить миръ съ Турціей и поручила Алопеусу дать знать объ этомъ Бишофсвердеру.

Когда Алопеусъ сообщилъ, на секретномъ свиданіи въ деревнѣ Столпе, это извѣстіе Бишофсвердеру, послѣдній воскликнулъ: почему это извѣстіе приходитъ такъ поздно! Теперь король долженъ начать войну, вмѣстѣ съ Англіей, противъ Россіи; Герцбергу удалось уговорить короля. Но несмотря на такое рѣшеніе короля, онъ все-таки надѣется остановить его и немедленно отправится въ Потсдамъ.

Король созвалъ совѣтъ министровъ. На этомъ совѣтѣ Герцбергъ, къ общему удивленію присутствующихъ, сталъ доказывать, что война съ Россіей была бы слишкомъ разорительна, и Пруссія должна ея избѣжать. Эти слова раздражили короля, который ему сказалъ, что послѣ того, какъ онъ самъ запуталъ своими безсмысленными интригами дѣла и заключилъ союзы съ

Польшею и Турціей, крайне невыгодные для Пруссіи, онъ осмѣливается еще дѣлать предложенія, несогласныя съ честью и обязательствами короля. Послѣ этой сцены графъ Герцбергъ серьезно захворалъ и скоро долженъ былъ выйти въ отставку. Его мѣсто занялъ графъ Шуленбургъ, который былъ искренній сторонникъ союза съ Россіей и убѣждалъ короля, что на Англію полагаться ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ [1]).

По мѣрѣ того, какъ польская революція 1791 года стала принимать угрожающіе спокойствію сосѣднихъ державъ размѣры, обмѣнъ мыслей между петербургскимъ и берлинскимъ дворами становился дружественнѣе, и Екатерина II весьма скоро убѣдилась, что воззрѣнія короля прусскаго на Польшу гораздо больше соотвѣтствуютъ ея собственнымъ политическимъ видамъ, нежели взгляды вѣнскаго двора. И такъ какъ сама Австрія сблизилась съ Пруссіей и даже заключила съ нею союзный договоръ, то императрица теперь была совершенно свободна вовобновить прежнія обязательства съ берлинскимъ правительствомъ.

Дѣйствительно, въ іюлѣ 1792 года, былъ заключенъ новый союзный трактатъ между Россіей и Пруссіей.

Прусскій король былъ чрезвычайно радъ этому договору, и императрица точно также видѣла въ немъ удобный базисъ для своихъ широкихъ плановъ насчетъ Турціи и Польши. Прежде всего, вниманія ея требовали дѣла Польши, устроить которыя она приказала русскимъ войскамъ, возвращавшимся изъ Турціи и вступившимъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Берлинскій дворъ постоянно напоминалъ Алопеусу, что наступила минута для вознагражденія Пруссіи за издержки въ войнѣ противъ революціонной Франціи, и Гаугвицъ, занявшій мѣсто Шуленбурга, постоянно повторялъ, что онъ сочтетъ за «государственнаго измѣнника» того, который осмѣлится совѣтовать королю предпринять что-либо въ Польшѣ безъ согласія и одобренія Россіи. Екатерина II была того же мнѣнія, что «настало время положить конецъ безчисленнымъ препятствіямъ, которыя воздвигаются поляками противъ великодушныхъ ея намѣреній» [2]).

Въ январѣ 1793 года, была заключена въ С.-Петербургѣ секретная конвенція между Россіей и Пруссіей, опредѣлившая доли, слѣдовавшія обѣимъ договаривающимся сторонамъ на основаніи второго раздѣла Польши. Этотъ актъ былъ сообщенъ

---

[1]) Донесеніе Алопеуса, отъ 2 (13) апрѣля 1791 года.

[2]) Депеша графа Остермана къ Алопеусу, отъ 13 января 1793 года.

Австріи съ предложеніемъ приступить къ нему и взять также свою долю изъ польскихъ владѣній.

Заключивъ этотъ актъ отдѣльно съ Пруссіей, императрица Екатерина II нисколько не желала жертвовать Австріей въ угоду берлинскому двору. Она это сдѣлала, потому что опасалась выхода Пруссіи изъ коалиціи противъ Франціи. «Послѣ событія, столь полезнаго и выгоднаго для берлинскаго двора,—говорится въ инструкціи С. П. Колычеву, назначенному въ 1794 году на мѣсто гр. Нессельроде,—ожидали мы отъ него ревностныхъ и сильныхъ подвиговъ противъ общаго врага. Но вмѣсто того предъявилъ онъ извѣстныя вамъ требованія о платежѣ ему отъ содѣйствующихъ державъ знатныхъ пособій денежныхъ. Между тѣмъ, польза всей Европы и всего человѣческаго рода, кажется, требуетъ, чтобъ оставляя провидѣнію опредѣлить судьбу Франціи, когда порядокъ тамъ будетъ возстановленъ, теперь имѣли только въ виду уничтожить систему нынѣ тамъ существующую» [1]). Императрица всѣми силами доказывала королю прусскому, что война противъ Франціи и «французскихъ разбойниковъ» есть великое дѣло, и что онъ не можетъ оставить одну Австрію вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть военныхъ издержекъ и страданій. Она даже предложила свой планъ кампаніи прусскому правительству, на основаніи котораго стоило только поставить французскихъ королевскихъ принцевъ во главѣ 12 или 15-тысячъ человѣкъ хорошаго войска и послать ихъ во Францію, чтобъ «ancien régime» немедленно былъ возстановленъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Екатерина II отъ всей души ненавидѣла французскую революцію и ея дѣятелей. Но, съ другой стороны, нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что она чрезвычайно умно съумѣла воспользоваться французскою революцію, чтобъ занять Австрію и Пруссію, истощать ихъ силы и затѣмъ предписывать обѣимъ державамъ свою волю. «Je me casse la tête,—сказала императрица въ декабрѣ 1791 года,—чтобъ подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches. У меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали» [2]). Весьма энергично дѣйствовала императрица въ виду этой своей цѣли.

Но Екатеринѣ II не вполнѣ удалось ея достигнуть. Въ особенности мѣшала ей Пруссія, и, сверхъ того, императрица

---

[1]) Депеша къ Алопеусу, отъ 17 октября 1793 года.

[2]) Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 386.

хотѣла разрѣшить задачу неразрѣшимую: заставить Австрію и Пруссію дѣйствовать дружно вмѣстѣ. Постыдныя пораженія, нанесенныя французскими революціонными арміями войскамъ прусскимъ и австрійскимъ, не останавливали ни вѣнскій, ни берлинскій дворы ссориться между собою относительно тѣхъ пріобрѣтеній, которыя они должны сдѣлать насчетъ завоеванной Франціи. Австрія претендовала на присоединеніе всего Эльзаса и Лотарингіи. На это не изъявила согласія Пруссія, потому что, по мнѣнію прусскаго министра Гаугвица, Франція не можетъ существовать на будущее время, какъ великая держава, въ виду истощенія своихъ силъ, и безъ Эльзаса и Лотарингіи она будетъ совершенно безсильна. «Если,—сказалъ Гаугвицъ Алопеусу,—Франція совсѣмъ не исчезнетъ или, что еще хуже, если она сдѣлается австрійскою провинціей, къ чему стремится вѣнскій кабинетъ,—въ такомъ случаѣ европейское равновѣсіе явно будетъ нарушено [1]).

Екатерина II имѣла полное право сказать: «Послѣ великолѣпной кампаніи (belle campagne), сдѣланной обоими дворами, они еще осмѣливаются говорить о завоеваніяхъ» [2]).

Между тѣмъ, разногласіе между Австріей и Пруссіей принимало все большіе размѣры; всякія общія военныя дѣйствія австрійскихъ и прусскихъ войскъ сдѣлались невозможными; въ самой Пруссіи народъ все сильнѣе и сильнѣе сталъ роптать противъ этой разорительной и безплодной войны, и, наконецъ, богатая прусская казна, оставленная Фридрихомъ Великимъ, была скоро совершенно истощена. Прусскій же министръ финансовъ Струэнзе скорѣе былъ готовъ подать въ отставку, нежели согласиться на введеніе въ Пруссіи бумажныхъ денегъ.

Съ другой стороны, Пруссія не находила никакой серьезной помощи со стороны другихъ государствъ, и прусское правительство не могло не ставить себѣ вопроса: изъ-за чего оно расточаетъ средства своего народа на дѣло, въ которомъ заинтересованъ «весь родъ человѣческій». Въ особенности Пруссія не могла понять пассивной роли Россіи, которая самымъ энергическимъ образомъ толкала ее на войну, но сама держалась въ сторонѣ. Когда въ мартѣ 1793 года Гаугвицъ просилъ у императрицы, черезъ Алопеуса, только 2000 казаковъ, чтобъ навести страхъ на французскихъ революціонеровъ, онъ получилъ отказъ. Объ

[1]) Депеша Алопеуса, отъ 16 (27) апрѣля 1793 года.

[2]) Депеша Алопеуса, отъ 8 (19) октября 1792 года.

оказаніи помощи отрядомъ войскъ, или субсидіями, Екатерина II также слышать не хотѣла.

При такихъ обстоятельствахъ король прусскій рѣшился не продолжать принимать участія въ войнѣ противъ Франціи и, наконецъ, даже заключить съ «французскими разбойниками» секретный и отдѣльный миръ. Никакія представленія со стороны Алопеуса и Колычева, никакія письма императрицы не измѣнили рѣшенія берлинскаго двора, которое было вызвано силою самихъ обстоятельствъ. Но такое своеволіе Пруссіи должно было вызвать возмездіе со стороны. Новое польское возстаніе 1794 года, подъ предводительствомъ Костюшко, подставило вопросъ объ окончательномъ раздѣлѣ всей Польши между тремя сосѣдними державами.

На этотъ разъ императрица желала дать почувствовать Пруссіи, что она недовольна ея образомъ дѣйствій: она открыто стала на сторону Австріи, признала претензіи послѣдней на краковскую и сандомірскую области совершенно справедливыми, и когда берлинскій дворъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ, между Австріей и Россіей была подписана въ декабрѣ 1794 года секретная конвенція, на основаніи которой австрійскія претензіи формально были одобрены Екатериною II. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ берлинскій дворъ все еще велъ переговоры о раздѣлѣ, Колычевъ сообщилъ вмѣстѣ съ австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ заключенную въ С.-Петербургѣ конвенцію. Понятно, какое впечатлѣніе произвело это сообщеніе на прусскихъ министровъ и короля. Но въ виду совершившагося факта, Пруссіи ничего не оставалось, какъ приступить къ этому третьему раздѣлу и взять свою долю изъ Польши, или же, вступить открыто въ непріязненныя отношенія къ Россіи и Австріи. Выборъ могъ быть только въ первомъ смыслѣ: въ октябрѣ 1795 года, Пруссія приступила къ русско-австрійской конвенціи 1794 года. Послѣ окончанія этого дѣла, отношенія Россіи къ Австріи все-таки были болѣе близкія, нежели къ Пруссіи. Императрица никогда не могла простить Пруссіи, что она секретнымъ образомъ вступила въ переговоры съ Франціей и даже заключила въ 1795 году миръ съ нею въ Базелѣ, несмотря на объявленіе, сдѣланное Алопеусомъ, что Россія приметъ непосредственное участіе въ войнѣ противъ Франціи. Екатерина II даже стала подозрѣвать короля прусскаго въ увлеченіи республиканскимъ порядкомъ управленія, и Колычеву было поручено доказать всю фальшь этого режима.

«Съ нѣкотораго времени,—писала Екатерина II своему посланнику, 27-го ноября 1795 года,—имѣемъ мы причину по-

дозрѣвать, что Потсдамскій кабинетъ началъ исповѣдовать странныя правила, что будто республиканское правленіе во Франціи прочнѣе и постояннѣе, нежели монархическое, будетъ благопріятствовать его видамъ и желаніямъ, такъ какъ республиканскіе начальники не могутъ съ другими державами составлять такихъ связей, которыя могли бы ихъ, какъ государей и министровъ, отвлекать отъ той системы, которую они признаютъ полезною для отечества».

«Сіе предположеніе есть ложно само по себѣ, ибо мы знаемъ изъ многихъ опытовъ, что республиканцы, особливо каковы они быть могутъ въ нынѣшнее времи, не имѣя, во внутренности своей, къ устроенію своего личнаго благосостоянія тѣхъ способовъ, каковыми пользуются вѣрно и усердно служащіе своимъ государямъ, чаще и скорѣе внѣшнимъ прельщеніемъ совлекаются съ пути, нежели послѣдніе. Къ сему надлежитъ еще прибавить и то, что по собственному своему свойству республиканское правленіе въ области столь обширной и столь многолюдной, какова есть Франція, утвердиться никакъ не можетъ; слѣдовательно, и цѣль, отъ того предполагаемая, останется суетною и непостижимою, а потому здравый разсудокъ, совокупно съ истинною пользою каждаго регулярнаго правительства, пекущагося о частномъ и общественномъ покоѣ, предписуетъ стараться о прекращеніи настоящихъ неустройствъ, а не о довершеніи зданія, воздвигнутаго сумасбродствомъ и свирѣпостью французскаго народа и угрожаемаго своимъ паденіемъ въ самыхъ своихъ основаніяхъ».

Можно думать, что эти слова императрицы Екатерины II вполнѣ выразили самыя задушевныя ея мысли насчетъ французской революціи, и ей больно было думать, что Пруссія, бывшая всегда представительницею монархическаго принципа par excellence, могла вступить въ какія-нибудь сдѣлки съ людьми, которыхъ она считала за «исчадіе ада» и «враговъ всего общественнаго порядка». Но императрица въ то же время не могла не признать силу обстоятельствъ, заставившую Пруссію заключить миръ съ революціонною Франціею, и никогда она не думала, что вслѣдствіе заключенія Базельскаго трактата, король прусскій, вмѣстѣ со всѣми своими министрами, сдѣлались якобинцами [1]). Нѣтъ, Екатерина II продолжала, до конца своей жизни, дорожить союзомъ и дружбою съ Пруссіей; и лучшимъ свидѣтельствомъ

[1]) Въ депешѣ Алопеуса, отъ 18 (29) сентября 1795 г., сообщаются слова Гаугвица, сказанныя Алопеусу: „Au nom de Dieu, reflléchissez donc que ce serait le plus grand des désastres, que de nous pousser vers ces abominables Français qui font out au monde pour nous attirer dans leurs filets".

тому могутъ служить слѣдующія заключительныя слова изъ вышеупомянутой инструкціи 1795 года С. П, Колычеву:

«Не взирая на нашу тѣсную связь съ Австріей,—пишетъ императрица,—мы ни при какомъ случаѣ не пожертвуемъ ей дружбою нашею и добрымъ согласіемъ съ Пруссіею, ни пользами сей послѣдней, когда онѣ основаны будутъ на справедливости и на взаимныхъ выгодахъ»... Въ этомъ убѣжденіи Екатерина II умерла, 6 ноября 1796 года.

Таковъ очеркъ международныхъ отношеній между Россіей и Пруссіей въ царствованіе императрицы Екатерины II. Обстоятельства, обусловливавшія политику обѣихъ державъ въ прошломъ столѣтіи, существенно измѣнились на нашихъ глазахъ. Но положительно можно утверждать, что до разрѣшенія при Кёнигсгрецѣ вѣкового спора между Австріей и Пруссіей, политическіе принципы императрицы Екатерины II могли быть съ великою пользою примѣняемы русскою политикою также и въ XIX столѣтіи. Въ дѣйствительности, такъ оно и было. Не трудно было бы доказать положительными фактами, что императоры Александръ I и Николай I равнымъ образомъ эксплуатировали антагонизмъ между Австріей и Пруссіей, съ цѣлью предписывать свою волю обѣимъ державамъ. Равнымъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что устойчивость соединяющихъ Россію и Пруссію политическихъ интересовъ была прямо пропорціональна крѣпости внутренняго государственнаго порядка и прочности всей правительственной системы.

Стоитъ только вспомнить, какъ отнесся императоръ Николай I къ берлинской революціи 1848 года и къ намѣренію Фридриха-Вильгельма IV принять отъ «самозваннаго» франкфуртскаго парламента императорскую корону. Тогда угрожалъ Пруссіи дѣйствительный и серьёзный разрывъ съ Россіей; тогда императоръ Николай I не хотѣлъ допустить и мысли, чтобъ Пруссія, страна «строгой дисциплины и внутренняго порядка», могла сдѣлаться игрушкою революціонныхъ вспышекъ и уличныхъ безпорядковъ.

По своимъ историческимъ традиціямъ, устойчивость политическихъ цѣлей Россіи и Пруссіи только мыслима при условіи крѣпкой правительственной власти, ни на минуту не теряющей изъ своихъ рукъ нити дипломатическихъ переговоровъ. Стоитъ только лишить внѣшнюю политику Россіи или Пруссіи этого необходимаго основанія, чтобъ взаимныя между ними отношенія

сдѣлались предметомъ всевозможныхъ экспериментовъ и привели, наконецъ, къ катастрофѣ—войнѣ. Это *основное* условіе дружбы и согласія въ особенности важно въ отношеніи такихъ непосредственно соприкасающихся государствъ, какъ Россія и Пруссія, взаимныя сношенія и обороты между которыми должны силою вещей развиваться и усложняться. Чѣмъ больше сношеній, чѣмъ больше торговыхъ и соціальныхъ оборотовъ, тѣмъ чаще могутъ быть недоразумѣнія и столкновенія, которыя рѣдко приводятъ къ серьёзнымъ замѣшательствамъ, если сосѣднія правительства поддерживаютъ, при всѣхъ обстоятельствахъ и въ отношеніи всѣхъ лицъ, какого бы званія или общественнаго положенія они ни были, свой авторитетъ и свою власть.

Въ виду изложеннаго историческаго очерка, нѣтъ сомнѣнія, что послѣ уничтоженія антагонизма между Австріей и Пруссіей изъ-за гегемоніи въ Германіи, союзъ между этими двумя державами представляется естественнымъ и весьма прочнымъ. Съ другой стороны, отмѣна этого антагонизма должна была упростить задачи русской политики въ отношеніи Пруссіи или Германіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожить тѣ чувства непріязни и оскорбленнаго самолюбія, которыя вызывались въ Германіи вслѣдствіе *законнаго* вмѣшательства Россіи во внутреннія ея дѣла.

Другою причиною, вызывавшею охлажденія во взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей и Пруссіей, были постоянныя опасенія послѣдней насчетъ политическаго могущества и завоевательныхъ замысловъ русскаго народа. Фридрихъ В. указывалъ на общеевропейскую опасность отъ расширенія предѣловъ Россіи и старался пробудить въ другихъ западно-европейскихъ державахъ чувство солидарности въ отношеніи этого общаго врага и «варвара».

Съ другой стороны, графъ Бестужевъ-Рюминъ утверждалъ, что «коль болѣе сила короля прусскаго умножается, толь болѣе для насъ опасности будетъ», и онъ предупреждалъ уже въ 1774 году насчетъ опасности отъ сильнаго и «легкомысленнаго» (sic!) сосѣда—Пруссіи.

Понятно, что чѣмъ сильнѣе и могущественнѣе сдѣлалась Германія, тѣмъ меньше у нея могли быть опасенія насчетъ политическаго могущества Россіи, и тѣмъ меньше эта историческая причина вражды или недоразумѣній можетъ имѣть какое-нибудь практическое значеніе въ настоящее время. Возростаніе политическаго могущества Пруссіи имѣло бы такое именно значеніе въ томъ *единственномъ* случаѣ, если бы этимъ былъ положенъ тормазъ или воздвигнуто препятствіе всестороннему внутреннему

развитію русскаго народа на пути своей собственной гражданственности и культуры. Пока этого обстоятельства нѣтъ, пока на всемъ пространствѣ исторически сложившейся Россіи русскій народъ—полный хозяинъ, и отъ него самого зависитъ воспользоваться всѣми средствами для общественнаго и культурнаго своего развитія, до тѣхъ поръ опасенія графа Бестужева-Рюмина останутся плодомъ предвзятыхъ идей и результатомъ непониманія исторіи международныхъ отношеній и дѣйствующихъ въ ней причинъ.

Такимъ образомъ, единственное и наиболѣе надежное основаніе нормальныхъ отношеній между Россіей и Пруссіей въ наше время—твердый правительственный внутренній порядокъ, согласный съ законными стремленіями и правами народовъ. Исторія не указываетъ ни на существованіе національнаго антагонизма между обоими народами, ни на непримиримую противуположность цѣлей ихъ національной политики, ни на возможность поглощенія одного государства другимъ.

Но уничтожьте крѣпкій внутренній порядокъ въ Пруссіи, и политика ея въ отношеніи Россіи лишится всякой твердой почвы, сдѣлается предметомъ эксплуатаціи со стороны всевозможныхъ рыцарей «безъ страха и безъ упрека», и будетъ «случайная» въ полномъ смыслѣ этого слова.

Лишите русскую внѣшнюю политику незыблемаго ея основанія во внутреннемъ государственномъ порядкѣ, обязывающемъ къ безусловному уваженію власти и къ безусловному подчиненію для всѣхъ безъ исключенія одинаково обязательному закону,—и отношенія Россіи къ Пруссіи начнутъ становиться въ зависимость отъ того или другого мимолетнаго теченія «общественнаго мнѣнія», или личныхъ чувствъ, задора тѣхъ, или другихъ постороннихъ лицъ.

Словомъ, сохраненіе твердаго внутренняго порядка есть *международный* интересъ, соединяющій Россію и Пруссію. Таковъ урокъ, даваемый всѣмъ историческимъ развитіемъ отношеній Россіи къ Пруссіи.

Ф. Мартенсъ.

ВЕСНОЙ.

1.

Зимой, когда погружена
Природа въ сонъ—душа не внемлетъ
Призывнымъ звукамъ; лишена
Полета,—мысль устало дремлетъ.

Но съ первой вѣстью о веснѣ,
Чтὸ намъ несутъ шумливо воды,
Мысль окрыляется во мнѣ
И проситъ шири и свободы!

2.

Теплѣе воздухъ... Жгучѣй солнце,
И чаще въ тусклое оконце
Оно мнѣ шлетъ лучи свои,
Какъ будто манитъ на свободу...
Я всей душой люблю природу,
И эти солнечные дни!
Но не въ глухихъ стѣнахъ столицы,
Всю красоту весны-царицы
Понять,—та дивная краса
Понятна только на просторѣ,
Гдѣ, въ зеленѣющемъ уборѣ,
Шумятъ таинственно лѣса;
Озера, сбросивъ льда оковы,
Своей волной вступаютъ снова
Съ людьми въ старинный, грозный споръ,—

И гдѣ весна своей рукою,
Побѣду правя надъ зимою,
Цвѣтной раскинула коверъ,
А въ выси неба рѣютъ птицы,
И красотѣ весны-царицы
Гимнъ несмолкаемый звучитъ:—
Вотъ гдѣ поддаться чарамъ можно!
А здѣсь... все сѣро и ничтожно,
Здѣсь мыслитъ умъ, душа—молчитъ!

3.

Мечтой я тамъ—въ краю родномъ,
Гдѣ, наклонясь теперь надъ плугомъ,
Трудится пахарь съ вѣрнымъ другомъ—
Неизбалованнымъ конемъ.
Душой и сердцемъ простодушный,
Крестьянинъ—горькой муки чуждъ,
Къ волненьямъ нашимъ равнодушный,
Несетъ онъ бодро бремя нуждъ.
Онъ молчаливъ; языкъ рѣчей
Его не блещетъ красотою;
Онъ грубъ порой, но съ дѣтскихъ дней
Я сжился съ этой простотою.

Мечтой я тамъ—въ краю родномъ,
Гдѣ солнце въ выси ярко блещетъ,
Рѣка волною въ берегъ плещетъ,—
Шагаетъ пахарь за конемъ,
Глубоко борозды взрывая,
Надъ плугомъ низко наклонясь...
Среди ничтожныхъ и кичливыхъ,
Отъ лжи постыдной, фразъ красивыхъ,
Душой и сердцемъ утомясь,—
Лишь тамъ, гдѣ рѣчь звучитъ простая,
Да ручейки, съ холмовъ сбѣгая,
Журчатъ шумливо про весну,—
Я обновлюсь и отдохну.

А. К.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Спб. 1882.

Въ книгѣ г. Страхова я встрѣтилъ нѣсколько старыхъ пріятныхъ знакомыхъ. Этюды о Герценѣ, Ренанѣ, Штраусѣ и другихъ —написаны авторомъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда я читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Теперь перечелъ съ удовольствіемъ еще бо́льшимъ. Тогда каждая статья г. Страхова производила впечатлѣніе разсужденій человѣка независимаго, правдиваго и чуждаго всѣхъ тѣхъ «пріемовъ», которые понемножку загрязнили нашу литературу до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Теперь, перечитывая его этюды въ виду «борьбы», въ которой все считается дозволеннымъ, какъ-то отдыхаешь умомъ и душой. Объ этой книгѣ хотѣлось бы поговорить.

Къ сожалѣнію, книга заслонена предисловіемъ. Вообще предисловія въ книгахъ не важны: ихъ обыкновенно пропускаютъ, торопясь перейти къ содержимому. Но въ данномъ случаѣ оно имѣетъ другое значеніе. Авторъ постарался при помощи этого предисловія, пріурочить свою книгу къ одной изъ «злобъ дня», сдѣлать ее служебнымъ средствомъ одного, совершенно «особаго» направленія.

Авторъ старается показать, что его книга, составленная лѣтъ десять тому назадъ, написана ради уясненія и укрѣпленія теоріи нашей «самобытности» въ томъ видѣ, какъ она проповѣдуется теперь.

Въ то время, когда появлялись этюды г. Страхова, когда съ жаромъ изучались теоріи первыхъ славянофиловъ, когда подъ вліяніемъ освободительныхъ реформъ предшествующей эпохи возрождалось истинно національное чувство, нынѣшней теоріи «са-

мобытности» не было мѣста. Тогда, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, было мѣсто одному изъ здоровыхъ направленій нашей мысли, конечную цѣль котораго можно выразить въ двухъ словахъ: утвердить и сохранить свою народную личность въ трудномъ процессѣ воспріятія европейской культуры, которая должна сдѣлаться средствомъ развитія нашей нравственной личности и нашихъ творческихъ силъ. Эта задача всегда останется одною изъ очень плодотворныхъ.

При томъ огромномъ и вполнѣ естественномъ вліяніи, какое найдетъ западъ, съ его блестящею и вѣковою культурою, въ Россіи, о «культурѣ» которой можно говорить пока въ будущемъ —стремленіе завоевать и сохранить для русскихъ людей умственную свободу и духовную независимость всегда останется стремленіемъ плодотворнымъ русскому человѣку, который всегда долженъ будетъ пользоваться громаднымъ умственнымъ и духовнымъ достояніемъ запада (хотя-бы онъ и «погибъ», какъ погибъ Римъ), всегда будетъ предстоять трудная задача разсмотрѣть, чтó въ этой культурѣ есть истинно человѣческаго, плодотворнаго и необходимаго для развитія и обогащенія нашей *народности* и чтó является частнымъ, преходящимъ и даже ложнымъ. Въ особенности такая работа полезна теперь, когда современная намъ Европа переживаетъ страшный кризисъ и когда человѣкъ, вѣрящій Европѣ на слово, легко можетъ принять *болѣзненныя* явленія и патологическіе процессы за возникновеніе новыхъ, всечеловѣческихъ и зиждительныхъ началъ.

Но иное дѣло сказать, что главная и даже единственная причина всѣхъ нашихъ золъ *есть культъ запада;* провозгласить, что спасеніе наше состоитъ не только въ критическомъ отношеніи къ западу, но въ совершенномъ отъ него отреченіи и отчужденіи; что въ европейской культурѣ нѣтъ ничего всеобщаго и пребывающаго, что Европа все время шла ложнымъ путемъ и что мы должны искать этого всеобщаго, всечеловѣческаго исключительно въ своихъ «началахъ». Сказать все это—значитъ изъ представителя одного изъ важныхъ направленій нашей мысли, начавшихся чуть не съ Ломоносова, сдѣлаться служителемъ модныхъ тенденцій, вѣяній дня, начавшихся не съ Ломоносова, а съ московской рѣчи Достоевскаго, да съ передовыхъ статей «Руси».

Таковъ г. Страховъ, какъ авторъ *предисловія*. Ему хочется увѣрить читателя, что его книга, написана во исполненіе тѣхъ «задачъ», которыя были указаны Достоевскимъ и указуются «Русью». При всемъ нашемъ уваженіи къ г. Страхову, мы ему не вѣримъ. Нѣтъ, его очерки, въ свое время, были написаны *не* для этого,

какъ *не* для этого, въ свое время, издавались «День» и «Москва», *не* для этого писалъ Самаринъ, *не* надъ этимъ работалъ Хомяковъ. Задачи, поставленныя первыми славянофилами, и ихъ широкіе взгляды нельзя заколотить въ узенькія колодки нынѣшнихъ воззрѣній «Руси»; очерковъ г. Страхова нельзя пригнать къ его «предисловію». Первые останутся, второе пройдетъ вмѣстѣ съ дымомъ и угаромъ, напущеннымъ господами, которые относятся къ первымъ славянофиламъ такъ же, какъ Менцель и тайный совѣтникъ Кампцъ относятся къ Фихте старшему.

Тѣмъ не менѣе намъ приходится говорить только объ этомъ предисловіи. Такъ захотѣлъ самъ авторъ, пріурочившій свою книгу къ преходящему и уродливому направленію. Говоря объ немъ, мы будемъ говорить обо всей теоріи нашей «самобытности», въ томъ видѣ, какъ она поставлена въ наши дни. Не смотря на то, что въ предисловіи всего шесть страницъ, оно стоитъ многихъ широковѣщательныхъ и туманныхъ статей нынѣшней народничающей прессы. Самое важное въ этомъ предисловіи то, что оно представляетъ логическій и неизбѣжный выводъ изъ тѣхъ предпосылокъ, дѣлаемыхъ нынѣ въ такъ-называемой «борьбѣ съ западомъ». Г. Страховъ сказалъ дѣйствительно «послѣднее слово» и если слово это скажется не совсѣмъ ладнымъ — не его вина: онъ былъ только послѣдователенъ. Посмотримъ, въ чемъ дѣло, и для этого предоставимъ слово г. Страхову.

«Безъ сомнѣнія,—говоритъ онъ,—наше коренное зло состоитъ въ томъ, что мы не умѣемъ жить своимъ умомъ, что вся духовная работа, какая у насъ совершается, лишена главнаго качества, прямой связи съ нашею жизнью, съ нашими собственными духовными инстинктами. Наша мысль витаетъ въ *призрачномъ* мірѣ; она не есть настоящая живая мысль, а только подобіе мысли. Мы—*подражатели*, т.-е. думаемъ и дѣлаемъ не то, что̀ намъ хочется, а то, что̀ думаютъ и дѣлаютъ другіе. *Вліяніе Европы постоянно отрываетъ насъ отъ почвы*. Поэтому *все* наше историческое движеніе получило какой-то фантастическій видъ. Наши разсужденія не соотвѣтствуютъ нашей дѣйствительности; *наши желанія не вытекаютъ изъ нашихъ потребностей; наша злоба и любовь устремлены на призраки; наши жертвы и подвиги совершаются ради мнимыхъ цѣлей*. Понятно, почему такая дѣятельность безплодна, почему она только пожираетъ силы и расшатываетъ связи, а ничего добраго произвести не можетъ... Болѣзнь наша,—говоритъ авторъ нѣсколько ниже,—состоитъ въ томъ, что люди слѣпнутъ для дѣйствительности и

тратятъ свои силы и дѣятельность на погоню за *воображаемыми* благами и на борьбу противъ *воображаемаго* зла».

Вотъ что называемъ мы быть вполнѣ логичнымъ. До сихъ поръ «вредъ» европеизма находили въ томъ, что у насъ стараются рѣшить наши внутренніе и внѣшніе вопросы *средствами*, изобрѣтенными въ томъ или иномъ европейскомъ государствѣ. Но никто до сихъ поръ не отрицалъ реальности тѣхъ *задачъ*, надъ которыми работаетъ умъ русскаго человѣка; никто не говорилъ, что его «злоба и любовь направлены на *призраки* и что вся его работа совершается ради *мнимыхъ цѣлей*».

Это именно и сказалъ г. Страховъ. Сказалъ-ли онъ это въ видѣ философской бутады, по капризу ума? Нѣтъ, онъ слишкомъ серьезный мыслитель, чтобы давать волю капризамъ и бутадамъ. Онъ *договорилъ* то, чтó содержится въ самомъ существѣ нынѣшней «борьбы съ западомъ». Характеристическій признакъ этой борьбы состоитъ именно въ отрицательномъ отношеніи не только къ *отдѣльнымъ* культурнымъ типамъ западныхъ народовъ, не къ тому, чтó представляется фальшью и зломъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, но и къ *человѣческимъ* началамъ, выработаннымъ совокупными усиліями запада, наслѣдовавшаго цивилизаціи Греціи и Рима, и дающимъ этому западу силу и значеніе, не смотря на всѣ несовершенства конкретнаго выраженія этихъ началъ, не смотря, наконецъ, на то, что европейскія государства живутъ какъ-бы наканунѣ грозныхъ потрясеній.

Если отрицаніе идетъ такъ далеко, если западная культура не содержитъ въ себѣ извѣстныхъ всечеловѣческихъ началъ и фальшива въ самомъ корнѣ, то понятно само собою, что человѣкъ, увлекающійся западомъ, не только отрывается «отъ почвы» своего національнаго развитія, но вообще попадаетъ въ міръ призраковъ, ложныхъ цѣлей и стремленій, мнимыхъ страданій и надеждъ, слѣдовательно, самъ становится человѣкомъ мнимымъ, *химерою*.

Заговоритъ-ли онъ о томъ, что наше сельское хозяйство приходитъ въ упадокъ и что стоимость нашего рубля идетъ внизъ — мнимый вопросъ; скажетъ-ли онъ, что мы нуждаемся въ народныхъ школахъ, больницахъ, въ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ — гоньба за призракомъ; подумаетъ-ли онъ объ условіяхъ печатнаго слова и религіозной жизни — мысль мечтательная; задумается-ли онъ надъ разными несовершенствами нашихъ административныхъ порядковъ — фантазія. Словомъ, вопросовъ — никакихъ нѣтъ; всѣ они подсказаны нашему объевропеившемуся

обществу западомъ. Русскій европеецъ видитъ, что на западѣ суетятся и хлопочутъ изъ-за экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, изъ-за лучшаго устройства внутренняго управленія, изъ-за расширенія свободы слова и совѣсти, изъ-за народнаго образованія и т. д., и полагаетъ, что ему слѣдуетъ суетиться и хлопотать изъ-за того-же. Въ дѣйствительности же онъ любитъ какое-то мнимое образованіе и скорбитъ о какомъ-то мнимомъ невѣжествѣ; онъ борется противъ мнимаго неустройства и стремленій къ какому-то воображаемому благоустройству. Оторвавшись отъ народа и искусственно слившись съ Европой, онъ выдумываетъ себѣ бѣдствія и страданія и ищетъ измышленнаго, фантастическаго блага.

Вотъ выводъ очень серьёзный, ибо онъ въ самомъ дѣлѣ содержится во всѣхъ посылкахъ статей и рѣчей, написанныхъ и сказанныхъ по поводу «борьбы съ западомъ». Если все это справедливо, если жизнь значительнаго большинства русскихъ людей, заподозрѣнныхъ въ умѣстномъ употребленіи буквы *ѣ*, есть мечтаніе, вызывающее пустую и вредную трату силъ, то изъ этой ужасной болѣзни необходимо найти выходъ. Есть ли онъ?

Есть, — говоритъ г. Страховъ. Въ чемъ это — можно догадаться по началу; можно, но не совсѣмъ. Сначала г. Страховъ указываетъ на то, о чемъ такъ много говорятъ въ послѣднее время. «Намъ, — говоритъ онъ, — ненужно искать какихъ-нибудь новыхъ, еще небывалыхъ на свѣтѣ началъ; намъ слѣдуетъ только проникнуться тѣмъ духомъ, который искони живетъ въ нашемъ народѣ и содержитъ въ себѣ всю тайну роста, силы и развитія нашей земли». До сихъ поръ все идетъ согласно «Руси»; но читатель ошибется, подумавъ найти у г. Страхова призывъ «назадъ». Нѣтъ! къ ходячей формулѣ нашихъ «самобытниковъ» онъ дѣлаетъ огромную поправку. Именно, вотъ что онъ говоритъ: «эту *безсознательную* (т.-е. народную) жизнь, эту духовную силу, исполненную такого смиренія и такого могущества, намъ слѣдуетъ привести себѣ *къ сознанію* и ею одушевить наше просвѣщеніе». Мало того: средствомъ и побужденіемъ приведенія къ такому сознанію *должно быть* европейское просвѣщеніе, «этотъ могущественный раціонализмъ, это великое развитіе отвлеченной мысли».

Итакъ, отъ г. Страхова далека мысль, что наше спасеніе можетъ прійти отъ непосредственнаго, такъ сказать, воспріятія «народнаго духа». Духъ этотъ живетъ еще на степени безсознательнаго, на степени инстинкта. Онъ долженъ быть источникомъ, изъ коего должны быть, при помощи извѣстнаго умствен-

наго процесса, извлечены опредѣленныя начала, и главнымъ орудіемъ этой работы является тотъ же «могущественный европейскій раціонализмъ». Въ двухъ словахъ, вотъ рецептъ: овладѣйте формами и орудіями европейской мысли для того, чтобы провести къ сознанію духовные инстинкты, таящіеся въ нашемъ народѣ.

Не станемъ настаивать на томъ, что въ этомъ рецептѣ содержится нѣкоторый внѣшній разладъ съ нынѣшними славянофильскими мыслями. Но мы понимаемъ, чтó хотѣлъ сказать г. Страховъ, а потому останавливаемся не на рецептѣ, а на задачѣ, къ которой онъ относится.

Спасеніе мыслящей части нашего общества не можетъ, какъ мы видѣли, совершиться чрезъ простое воспріятіе народнаго духа; и въ самомъ дѣлѣ, нельзя воспринимать «безсознательной жизни» и «инстинкта». Нужно, слѣдовательно, *приведеніе къ сознанію*, а для этого нужна работа мысли, для которой европейское просвѣщеніе даетъ намъ средства и орудія.

Но если *результатъ* этой работы не будетъ соотвѣтствовать тѣмъ ожиданіямъ, какія нынѣ возлагаются на нее? Если народныя начала, раскрытыя и выведенныя при помощи «могущественнаго раціонализма», окажутся несогласными съ началами, которыя нынѣ *предполагаются* въ народѣ? «Отвлеченная работа мысли», сдѣлавшая своимъ объектомъ народный духъ и приводившая его къ сознанію, не будетъ какою-либо новостью. Во всѣхъ странахъ, жившихъ духовною и умственною жизнью, такая работа совершалась, и нельзя сказать, чтобы ея результаты были тождественны съ содержаніемъ «безсознательной» народной жизни и съ его «инстинктами».

Пиѳагора, Анаксагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Зенона и другихъ, конечно, слѣдуетъ признать *національными* греческими философами, національными и по главнымъ источникамъ ихъ философіи, и по ея духу. Они привели къ сознанію древне-греческую націю. Между тѣмъ, сколько въ этой «отвлеченной работѣ мысли», въ этой страшной лабораторіи ума растерялось того «безсознательнаго» и того «инстинктивнаго», чтó было такъ дорого, напримѣръ, Аристофану, осмѣивавшему Сократа? Не сомнѣваемся, далѣе, что у Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля никто не отниметъ правъ называться *національными* нѣмецкими философами. Они привели нѣмецкую націю «къ сознанію»; но въ этомъ «сознаніи» не было мѣста многому изъ того, чтó относилось къ эпохѣ «безсознательной» жизни нѣмецкаго народа и доселѣ живетъ въ низшихъ классахъ населенія. Обычай и пре-

даніе, выражающіе «безсознательное» и «инстинктъ», непремѣнно потрясаются, перерабатываются и теряютъ цвѣтъ почтенной старины, какъ только до нихъ дотронется «могущественный раціонализмъ». «Раціонализмъ» ищетъ общихъ началъ, и найдя ихъ, ставитъ ихъ какъ таковыя, освобождая это всеобщее отъ всего, что̀ ставитъ его въ зависимость отъ «безсознательнаго», отъ «инстинкта», отъ временнаго и случайнаго. Только при этомъ условіи «отвлеченная работа мысли» можетъ привести къ своей конечной цѣли, т.-е. уяснить человѣку его правильную и гармоническую связь со *всеобщимъ*. «Политика» Аристотеля выросла на почвѣ греческой политической жизни, но она есть, въ тоже время, теорія общихъ элементовъ государствъ, и *это* дало ей всемірно-историческое значеніе; отъ этого ее изучали и изучаютъ цѣлые вѣка; почти не проходитъ года, чтобы въ иностранной литературѣ не появилось изслѣдованіе объ этомъ мыслителѣ, который былъ бы давно забытъ, если бы его творенія выражали только «инстинктивное» и «безсознательное» греческаго народа. Напротивъ, «инстинктивное» и «безсознательное» въ греческомъ народѣ чрезъ работу великихъ умовъ Греціи было возведено на степень *эллинизма*, сдѣлавшагося великимъ факторомъ общечеловѣческаго развитія. И этотъ *эллинизмъ* должно отличать отъ того, что̀ составляло «особенности» разныхъ греческихъ націй. Точно также каждый, кто знакомъ съ дѣйствительною исторіею «Запада», съумѣетъ отличить *германизмъ*, какъ всемірно-культурную силу, отъ «пруссачества», «баварства», «мекленбургства» и т. д. Наконецъ, можно-ли смѣшивать *романизмъ*, какъ одинъ изъ элементовъ общечеловѣческой цивилизаціи съ бытовыми особенностями ново-латинскихъ народовъ? Вѣримъ, что содержаніе всемірной исторіи еще не исчерпано, и что *славянству* суждено занять мѣсто подлѣ другихъ факторовъ цивилизаціи: эллинизма, германизма и романизма. Но это славянство не будетъ «самобытностію» по «Руси», какъ эллинизмъ не былъ «самобытностію» какихъ-нибудь греческихъ старовѣровъ.

Начиная съ Ѳалеса и кончая послѣдними представителями греческой философіи, греческая мысль постепенно освобождается отъ «инстинктивнаго», конкретнаго, безсознательнаго, восходитъ въ область общихъ началъ и чрезъ это завоевываетъ себѣ господство надъ Европой. Историческій опытъ учитъ насъ, что каждый народъ только тогда пріобрѣтаетъ всемірно-культурное значеніе, когда онъ умѣетъ возвести свою духовную жизнь на степень общихъ началъ, въ силѣ и всеобъемлемости которыхъ уже исче-

ваетъ, въ извѣстной мѣрѣ, то, что̀ составляетъ его *особенность*, то что направляетъ его къ *исключительности*.

«Разумное,—говорилъ Гегель,—есть большая дорога (Landstrasse), по которой каждый идетъ и никто не отличается. Когда великіе художники выполняютъ какое-нибудь произведеніе, то мы можемъ сказать: *такъ должно быть*. Это значитъ, что особенность художника совершенно исчезла и въ его произведеніи не проявляется никакой «манеры». Фидій не имѣетъ никакой «манеры»; образъ самъ живетъ и выступаетъ впередъ. *Но чѣмъ хуже художникъ*, тѣмъ больше можно видѣть его особенность и произволъ».

Такое понятіе «разумнаго» есть, конечно, понятіе идеальное, но это не мѣшаетъ ему быть вѣрнымъ въ идеѣ и въ исторіи. Греція завоевала себѣ мѣсто во всемірной исторіи не «особенностями» быта безчисленныхъ «политій» своихъ, а именно тою долею всеобщаго и разумнаго, которую она указала человѣческой мысли какъ нѣкоторую «большую дорогу». Римъ остался въ памяти человѣчества, благодаря «разумному», осуществившемуся въ формулахъ его безсмертнаго права. Не всѣ народы и не во всякое время способны подняться на такую высоту; но у каждаго великаго историческаго народа бываютъ такіе героическіе моменты, когда онъ какъ бы поднимается самъ надъ собою, возвѣщаетъ другимъ народамъ откровенія всечеловѣческаго и дѣлается центромъ ихъ духовной жизни. Таково было значеніе Франціи въ XVIII вѣкѣ; такую роль играла Германія въ періодъ чудеснаго роста ея великихъ философскихъ системъ отъ Канта до Гегеля.

Во имя чего и чѣмъ, спрашивается, покоряли себѣ умы и сердца Декарты, Лейбницы, Монтескьё, Вольтеры, Канты, Шеллинги, Гегели? Тѣмъ ли, что ихъ умъ спускался въ глубины и мелочи «особенностей» ихъ народовъ и что эти «особенности» они старались выдать за всечеловѣческое, предавая въ тоже время анаѳемѣ другіе народы за то, что они не хотятъ признать этого партикулярнаго за всеобщее? Нѣтъ! Ихъ именами и ихъ ученіями отмѣчаются тѣ рѣдкія и счастливыя минуты всемірной исторіи, когда подготовленныя долгимъ и упорнымъ трудомъ понятія находили, наконецъ, себѣ выраженіе въ геніальныхъ представителяхъ эпохи, говорившихъ за эту эпоху, во имя ея надеждъ и стремленій, и смѣло предвозвѣщавшихъ будущее. Ихъ призывный кличъ не обращался къ какому-либо одному народу; они не знали различія между «призванными» и «отверженными»; въ ихъ писаніяхъ и рѣчахъ слышался призывъ ко всеобщей жизни, въ которой всѣмъ должно быть мѣсто. Вотъ почему въ такія

эпохи одно слово, въ обыкновенныя, тусклыя времена, въ періодъ жизни въ разсыпную, произносимое одними изъ холоднаго приличія, а другими съ презрѣніемъ и чуть не съ ненавистью, получаетъ реальный, живой смыслъ. Слово это—*человѣчество*. Да, въ тѣ великія, синтетическія, такъ сказать, эпохи, слово это получаетъ дѣйствительную жизнь, жжетъ сердца людей и подымаетъ самыхъ пошлыхъ на высоту недосягаемую.

Въ своей сѣренькой «дѣйствительности» мы смѣемся надъ этимъ словомъ. Мы готовы сказать, а подчасъ и говоримъ, что всѣ эти Монтескьё, Шиллеры, Канты, возглашая о человѣчествѣ, говорили безсмысленныя фразы, почти лгали себѣ и другимъ. Но позволительно сказать, что вопросъ о томъ, они ли лгали, или мы, затерявшись въ мірѣ «подробностей», опошлились — можно считать нерѣшеннымъ.

Изъ всего сказаннаго, должно, кажется намъ, сдѣлать одинъ выводъ: именно, что «отвлеченная работа мысли», поэтической фантазіи и художественнаго творчества надъ «духовнымъ содержаніемъ» даннаго народа только тогда даетъ истинные свои результаты, когда имъ удается вывести изъ этого содержанія такія начала, которыя для данной, по крайней мѣрѣ, эпохи могли быть признаны *общими* и могли бы быть восприняты другими народами какъ *таковыя*. Иначе «отвлеченная работа мысли» не имѣетъ смысла и цѣли. Для того, чтобы утвердить «особенности» и поддержать «самобытность», не нужно никакого «развитія отвлеченной мысли» и «могущественнаго раціонализма». Для этого нужно только *ничего не дѣлать* и безсознательно воспринимать окружающую насъ безсознательную жизнь.

«Отвлеченная работа мысли» и всяческій «раціонализмъ» начинаются именно съ того момента, какъ отдѣльные люди отрываются отъ обычая и начинаютъ допытываться основаній жизни и вещей, стремятся найти общія начала, дающія смыслъ явленіямъ жизни и установляютъ мѣрило для оцѣнки этихъ явленій. Первое основаніе «работы мысли» состоитъ именно въ томъ, что *нѣтъ явленій, которыя были бы понятны сами по себѣ* и разумны только потому, что они существуютъ.

Вслѣдствіе этого, какой бы матерьялъ ни сдѣлался объектомъ подобной умственной работы, никакъ нельзя поручиться, чтобы умъ возвелъ на степень «общаго начала» все то, что̀ существуетъ въ «безсознательной жизни» и на степени инстинкта. Въ силу разныхъ условій, умственная работа самого г. Страхова направлена на западъ. Къ нему онъ относится критически; надъ его учрежденіями онъ оперируетъ со всѣми «мощными орудіями ра-

ціонализма», которыми, нужно сказать, онъ владѣетъ какъ немногіе изъ нашихъ писателей. Онъ пришелъ къ отрицательному отношенію къ западу. Но позволительно спросить, что было бы въ томъ случаѣ, если бы онъ примѣнилъ тѣ же орудія критики къ разнымъ явленіямъ русской исторіи и дѣйствительности и пользовался этими орудіями съ тою же силою, съ какою онъ примѣняетъ ихъ къ западу? Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно, ибо г. Страховъ мало занимался русскими дѣлами, а славянофилы, останавливавшіеся преимущественно на общихъ и предварительныхъ соображеніяхъ, не могли дать ему обильнаго матерьяла. Тѣмъ не менѣе, можно предположить, что списокъ началъ, извлеченныхъ изъ «безсознательной жизни» и «духовныхъ инстинктовъ» и которыя можно бы возвести на степень *началъ всеобщихъ*, въ данную минуту не былъ бы особенно великъ.

Зачѣмъ же г. Страховъ ввелъ вышеупомянутую поправку къ обычной и очень удобной формулѣ нынѣшнихъ самобытниковъ? Почему онъ проповѣдуетъ не простое и пассивное воспріятіе народной истины, а требуетъ еще извѣстной работы мысли надъ этою «безсознательною» духовною жизнью? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ книга г. Страхова не заключаетъ. Но зная всю его литературную дѣятельность и его широкое философское образованіе, мы можемъ, кажется, найти отвѣтъ удовлетворительный.

Онъ поступилъ такъ, во-первыхъ, потому, что ему весьма хорошо извѣстно, что *начала* политическія, нравственныя и философскія не содержатся въ готовомъ видѣ въ сокровищницѣ народнаго духа и что для полученія ихъ недостаточно отправиться въ эту сокровищницу и взять ихъ, какъ достаютъ платье изъ сундука. Г. Страховъ не остановился на теоріи Достоевскаго, въ силу которой въ народѣ уже все готово, все рѣшено и утверждено, и задача всѣхъ насъ состоитъ въ воспріятіи этихъ *готовыхъ* началъ, которыя суть и начала *всечеловѣческія*. Г. Страховъ понимаетъ, что эти начала еще должны быть *раскрыты* и объяснены и провѣрены испытующимъ умомъ не одного и не двухъ, но многихъ и многихъ изслѣдователей, вооруженныхъ всѣми средствами и способами для такого изслѣдованія. Это первая причина. Вторая состоитъ въ томъ, что авторъ, вѣроятно, иначе разумѣетъ цѣль, для которой должны быть раскрыты указанныя начала, чѣмъ понимаютъ ее узкіе «самобытники». Послѣдніе видятъ въ «народныхъ началахъ» средство «отдѣлаться» отъ запада, поставить преграду между Россіею и Европой, уйти въ себя, возвратиться «домой», словомъ оставить Россію при однихъ «особенностяхъ», которыя должны быть строжайше предписаны къ исполненію

всѣмъ и каждому безъ разсужденія. Г. Страхову, вѣроятно, присуще сознаніе, что Россія есть великая держава и что русскій народъ призванъ къ всемірно-исторической роли и что роль эту онъ можетъ сыграть не внѣшнимъ расширеніемъ своихъ границъ, не военными подвигами, но обогащеніемъ сокровищницы всечеловѣческой цивилизаціи извѣстными духовными благами, которыя могли бы сдѣлаться общимъ достояніемъ. Но если вопросъ поставленъ на эту почву,—если Россія должна проявить всю силу своихъ духовныхъ началъ, не только не прерывая общенія съ другими народами, но постоянно пользуясь ихъ культурными средствами для вящшаго обогащенія своей собственной индивидуальности, то не время ли поставить вопросъ о томъ, чтó должно разумѣть подъ тѣмъ *европеизмомъ*, противъ котораго теперь зачинается борьба?

Должно ли разумѣть подъ нимъ тѣ общія человѣческія начала, то «великое развитіе отвлеченной мысли», тотъ могущественный раціонализмъ», о которомъ говоритъ г. Страховъ, рекомендуя ихъ какъ важнѣйшее пособіе для работы надъ самимъ собою? Должно ли понимать подъ этимъ словомъ безразборчивое заимствованіе бытовыхъ частностей разныхъ народовъ, слѣпое подражаніе *внѣшности* отдѣльныхъ странъ?

Если предметомъ «борьбы» является первое, то борьба, конечно, будетъ безплодна и безцѣльна. Она будетъ безплодна потому, что для раскрытія нашихъ собственныхъ народныхъ началъ мы не обойдемся безъ содѣйствія европейской мысли. Яркимъ образчикомъ тому служатъ сами славянофилы. Возможно ли было появленіе этой школы безъ того умственнаго возбужденія, какое произведено было въ Москвѣ изученіемъ философіи Шеллинга и Гегеля? Это очень хорошо знаютъ сами славянофилы.

Она будетъ безцѣльна потому, что, говоря по совѣсти, много ли у насъ умовъ, дѣйствительно проникнутыхъ *европейскою мыслью* и постигающихъ то, чтó въ ней заключается общечеловѣческаго? И эти ли немногіе люди представляютъ дѣйствительную опасность для нашей національной самостоятельности, въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова?

Остается заимствованіе «внѣшности» и «частностей», дѣйствительно непріятное и обидное. Остается неудовольствіе нѣмецкимъ формализмомъ, французско-нѣмецкой канцелярщиной, коверканьемъ дѣтей на иностранный ладъ, пошлостью салоновъ, воспитанныхъ на французскихъ бульварахъ, желаніемъ *снаружи* походить на иностранцевъ, торопливое увлеченіе всякимъ «но-

вѣйшимъ» и «послѣднимъ» словомъ, и т. д., и т. д.? *Но развѣ это актъ возмущенія противъ Европы?*

Это «возмущеніе» противъ самихъ себя. Европа широко раскинулась передъ нашими глазами; она вся доступна нашему изученію; она сама помогаетъ намъ въ этомъ, ибо, если ее можно упрекнуть въ невѣдѣніи Россіи, то *себя* во всякомъ случаѣ она изучила очень хорошо. Она себя изучила, раскрыла, прославила и раскритиковала. Всѣ наши судьи Европы (за исключеніемъ Герцена, который самъ ее позналъ) критикуютъ ее при помощи самихъ европейцевъ. Наши пророки ближайшей гибели Европы критикуютъ ея экономическій строй по Прудону и Марксу, по Лассалю и Родбертусу. Наши крики о «буржуазіи» суть крики, подхваченные изъ заграничныхъ листковъ; наши толки о всяческихъ язвахъ Европы опираются на свидѣтельство самихъ европейцевъ, бодро выставляющихъ всѣ эти язвы на всеобщій позоръ.

Кто же, спрашивается, помѣшалъ бы намъ взять изъ Европы то, что̀ въ ней есть всеобщаго и существенно-нужнаго, отбросивъ то, что̀ есть только преходящее, частное и внѣшнее? Кто помѣшалъ бы намъ овладѣть всѣми орудіями европейскаго просвѣщенія, всѣми истинно полезными условіями ея гражданской жизни, и воспользоваться ими для возведенія нашихъ духовныхъ зачатковъ въ перлъ созданія?

Прежде всего, *невѣжество*, изъ котораго мы не вышли и по сей день. Невѣжда, будь это отдѣльный человѣкъ, или цѣлый народъ, всегда схватывается только за *внѣшнее* и потому всегда начинаетъ съ *подражанія* внѣшнему. Это—первая и существенная причина.

Во-вторыхъ, ужъ если говорить о вредѣ «заимствованій» и «подражанія», то должно строго разслѣдовать, что̀ именно «заимствовалось» и чему «подражали». Можетъ быть, при такомъ разслѣдованіи окажется, что при «заимствованіяхъ» происходилъ нѣкоторый искусственный подборъ, составившій такую амальгаму, что настоящая Европа отражается въ насъ какъ въ кривомъ зеркалѣ. Можетъ быть окажется, что мы никогда не заимствовали самаго существа европейской культуры, ибо это «существо» не поработило бы насъ Европѣ, не сдѣлало бы изъ насъ «лакеевъ запада», а напротивъ содѣйствовало бы нашему *національному самосознанію*, а слѣдовательно и *освобожденію* отъ всяческаго духовнаго рабства. Но когда самое существо дѣла остается скрытымъ и не усвоеннымъ, когда «заимствованіе» со-

стоитъ въ выхватываніи частнаго и внѣшняго и подчасъ въ выхватываніи тенденціозномъ, то тутъ ничего иного и выйти не могло, кромѣ «рабства» и «лакейства». Но развѣ это *европеизмъ?* Это *древлянство,* отъ котораго можно отдѣлаться не «отрицаніемъ Европы», а упорной работой надъ самими собою при помощи европейскаго просвѣщенія.

Въ-третьихъ, для самосознанія, для самоопредѣленія, для истинной самобытности нужна самостоятельная работа мысли. Когда, съ какихъ поръ началась у насъ эта работа? При какихъ условіяхъ она совершалась? Если подумать хорошенько объ этомъ условіи, то оно явится условіемъ, смягчающимъ первыя два. Свою способность къ самостоятельной духовной работѣ русскій образованный человѣкъ проявилъ, гдѣ могъ. Ему была открыта область поэзіи, художественнаго творчества. И что же? Начавъ съ подражанія «Флакку» и «Рамлеру», образованная Россія дала своей родинѣ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевскаго (какъ художника); русское *художество* было *освобождено*; оно уже не подражательно; оно уже показало міру великія стороны нашего національнаго генія; оно уже возвело многое изъ нашего національнаго на степень всечеловѣческаго. Въ такомъ ли положеніи находился русскій «испытующій умъ» и его творчество относительно другихъ отраслей? Вотъ вопросъ, который должно рѣшить прежде, чѣмъ сыпать обвиненія на русское общество за то, что оно искало отвѣтовъ на разные волнующіе его вопросы въ западной литературѣ и въ западныхъ образцахъ. Нельзя же было требовать, чтобы человѣкъ сказалъ себѣ: «я не стану слушать иноземныхъ совѣтовъ и отвѣтовъ на волнующіе меня вопросы, а дождусь отвѣта національнаго». Національные отвѣты отсутствовали, а западъ предлагалъ ему ихъ въ фоліантахъ, въ брошюрахъ, въ журналахъ. Онъ бралъ ихъ и, лишенный всякаго противовѣса внутри, естественно подчинялся готовому рѣшенію. Это очень грустно, но что же тутъ удивительнаго?

Желательно, чтобы наши «самобытники» немного подумали объ этихъ вопросахъ. Быть можетъ, они увидятъ тогда, что раскрытіе народныхъ началъ и возведеніе ихъ на степень принциповъ, способныхъ управлять нашимъ умственнымъ, духовнымъ и общественнымъ движеніемъ, дѣло желательное, необходимое даже, но не такое легкое, чтобы къ нему можно было подходить съ пустыми руками. «Народныхъ началъ» нельзя взять съ разбѣгу и «на ура». Германія додумалась до своихъ національныхъ на-

чалъ, пройдя всю школу схоластики и возрожденія, продѣлавъ реформацію, выдержавъ тридцатилѣтнюю войну, вынесши всю тяжелую умственную работу XVIII вѣка и послѣ своего «бефрейюнгскрига» пройдя школу Шеллинговъ и Гегелей, да всевозможные общественные и политическіе опыты. А тутъ вдругъ, безъ труда и образованія, можно сказать—съ просонья, вдругъ обрѣсти себѣ духовную самостоятельность, да еще возвѣстить міру такія начала, во имя которыхъ должна пасть Европа и уничтожиться всякое ея вліяніе у насъ!

При такой необычайной спѣшности, нѣтъ ничего удивительнаго, если «народныя начала» считаются уже найденными и если это «найденное» оказывается соотвѣтствующимъ не столько народному духу, сколько *личнымъ* воззрѣніямъ писателя, возвѣщающаго эти «начала».

Это показываетъ примѣръ того же Герцена, которому посвященъ этюдъ г. Страхова, и нѣкоторыя слова котораго съ такою радостью цитированы «Русью». Что Герценъ былъ «отчаявшійся западникъ»—это не подлежитъ сомнѣнію, и прекрасно показано г. Страховымъ; что онъ во всѣ трудныя минуты возлагалъ надежды на будущее Россіи и вообще славянскаго міра, —это также вѣрно. Но *что́*, по его мнѣнію, давало Россіи и славянству *право на будущее*, объ этомъ не сказано въ статьѣ г. Страхова, опустившаго очень характерное мѣсто изъ знаменитаго письма къ Мишле. Позволяемъ себѣ привести его.

«Предположивъ,—говоритъ Герценъ,—что славянскій міръ можетъ надѣяться въ будущемъ на болѣе полное развитіе, чѣмъ Европа, нельзя не спросить, который изъ элементовъ, выразившихся въ его зародышномъ состояніи, *даетъ ему право на такую* надежду? Если славяне считаютъ, что ихъ время *пришло*, то этотъ элементъ долженъ соотвѣтствовать *революціонной* идеѣ Европы (совершенно по Гегелю).

«Вы (т.-е. Мишле) указали на этотъ элементъ, вы коснулись его, но онъ ускользнулъ отъ васъ... Вы говорите, что «основаніе жизни русскаго народа есть *коммунизмъ*», вы утверждаете, что его сила лежитъ «въ *аграрномъ законѣ*, въ постоянномъ дѣлежѣ земли».

«Какое страшное *Мане-Факелъ* вылетѣло изъ вашихъ устъ!.. Коммунизмъ въ основаніи! Сила, основанная на раздѣлѣ земель! И вы не испугались вашихъ собственныхъ словъ?.. Развѣ въ XIX столѣтіи есть какой-нибудь серьёзный интересъ, лежащій внѣ вопроса о коммунизмѣ, внѣ вопроса о раздѣлѣ земель?»

Итакъ, вотъ въ чемъ, по мнѣнію Герцена, состоитъ «право славянскаго племени на будущее», вотъ тó «зародышное начало», которое соотвѣтствуетъ «революціонному періоду» въ Европѣ и отъ котораго долженъ бы былъ дрогнуть ея историкъ—Мишле.

Существо Герценовскаго «отчаянія», въ двухъ словахъ, состояло въ слѣдующемъ: западъ безсиленъ осуществить соціальныя начала, а потому осужденъ на гибель; Россія и славянство содержатъ въ себѣ эти начала въ зародышномъ состояніи, а потому имъ принадлежитъ будущее. Входить въ разборъ этого взгляда мы не будемъ—и не въ этомъ дѣло.

Вышеприведенная выписка показываетъ только, что Герценъ—не совсѣмъ подходящій, для «Руси» напримѣръ, союзникъ для «борьбы съ западомъ» и что вообще нужно излагать теоріи людей въ ихъ истинномъ видѣ.

Нужно ли обращаться къ другимъ «взглядамъ» на народъ и перечислять все то, чтó выставлялось въ качествѣ «отличительныхъ признаковъ» этого народа, сообразно настроенію и стремленіямъ лицъ, принимавшихся за такую характеристику? Для этого намъ нужно бы воспроизвести въ своей памяти всю ту калейдоскопическую смѣну разныхъ вѣяній, которыя мы пережили и сообразно съ которыми мѣнялись и характеристики.

Сегодня, народъ—зачаточный и безсознательный коммунистъ и за это одними похваляется и приглашается на пиръ всемірной революціи, а другими порицается и выставляется какъ элементъ опасный, подлежащій строжайшей опекѣ. Завтра, онъ—главный государственный фундаментъ, носитель всѣхъ преданій и хранитель всей нашей «пошлины», которой грозитъ опасность отъ классовъ образованныхъ. Сегодня, онъ—Бабёфъ по природѣ и Марксъ по своимъ историческимъ стремленіямъ; завтра, мы похваляемся тѣмъ, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть соціальнаго вопроса. Сегодня его «зародышныя начала» приводятся въ связь съ «послѣднимъ революціоннымъ моментомъ въ Европѣ», а завтра онъ дѣлается противовѣсомъ не только-что революціонному, но и какому бы то ни было движенію. Бываютъ вещи и болѣе странныя. Находятся хитрецы, которые умѣютъ для цѣлей внутреннихъ окрасить народъ въ ультра-консервативный цвѣтъ, а для цѣлей внѣшнихъ пугнуть Европу идеею «надѣла», лежащею яко-бы въ основаніи нашей цивилизаціи. Не довольно ли фантазировать по поводу народа и выдавать свои собственныя «мысли» и даже *страсти* за начала народныя?

Въ сущности, во всей этой шумихѣ фразъ по поводу нашей

«самобытности», можно различить не «народныя начала», конечно, но вещи самыя простыя и противъ которыхъ едва ли кто будетъ спорить.

Вѣрно во всѣхъ этихъ взглядахъ, что русскій не удовлетворится тѣми рѣшеніями вопросовъ, какія предлагаются *отдѣльными* западными государствами и что ему тѣсно въ формахъ западной жизни. Но тоже можно сказать и про другіе народы. Французъ никогда не удовлетворится англійскимъ рѣшеніемъ вопроса и ему «тѣсно» въ Англіи; русскому «тѣсно» въ Англіи и во Франціи; но и Миллю, привезенному въ Россію, также было бы въ ней тѣсновато.

Вѣрно и то, что русскій стремится къ самому широкому рѣшенію всякихъ вопросовъ; размахъ его ума едва ли не самый широкій изо всѣхъ умовъ европейскихъ. Это ставится ему въ достоинство. Во всякомъ случаѣ это достоинство требуетъ провѣрки. Очень часто «широта взглядовъ» зависитъ отъ того, что человѣкъ практически не рѣшилъ ни одного вопроса. Всякій *рѣшенный* вопросъ кажется уже не рѣшеннаго, ибо вопросъ рѣшенный переводится въ явленіе *опредѣленное*, а потому *ограниченное*. Вотъ почему широта ума и взглядовъ часто является признакомъ человѣка, который еще ничего не рѣшалъ и ничего не дѣлалъ въ практической жизни, но весь находится въ стремленіяхъ и порываніяхъ. Въ такомъ случаѣ изъ «широты ума» для дѣйствительной жизни ничего не выйдетъ. «Мы,—говорилъ Герценъ,—можетъ быть, требуемъ слишкомъ много, и ничего не достигаемъ». Это дѣйствительно очень «можетъ быть», особенно если мы будемъ довольствоваться одною «шириной ума», да любоваться своими зачаточными качествами, пренебрегая всякимъ практическимъ дѣломъ, предоставляя эту «черную работу» лукавому западу, отъ котораго потомъ, морщась и бранясь, мы поневолѣ станемъ заимствовать плоды его трудовъ.

Итакъ, не состоитъ ли наше зло не въ томъ, что мы гоняемся за «призраками» и рѣшаемъ фантастическіе вопросы, а въ томъ, что мы очень мало дѣлаемъ и ничего не рѣшаемъ, а потому естественно идемъ во хвостѣ тѣхъ, кто *дѣлаетъ* и *рѣшаетъ?*

Два слова въ заключеніе. Я всегда былъ и буду сторонникомъ національныхъ началъ въ литературѣ, въ жизни общественной и государственной, во внутренней и внѣшней политикѣ. Вмѣстѣ съ славянофилами я готовъ подписать «актъ возмущенія» противъ Европы, когда какой-либо европейскій народъ и хотя бы вся западная Европа скажетъ, что она уже возвѣстила *по-*

слѣднее слово всечеловѣческой цивилизаціи, и что другіе народы, и особенно славянское племя, должны быть только пассивнымъ матерьяломъ *для* этой цивилизаціи и покорными слугами «призванныхъ» народовъ. Нѣтъ! Ни одинъ народъ не можетъ исчерпать все содержаніе духовныхъ силъ человѣчества и дать имъ окончательное выраженіе. Отдѣльнымъ народамъ выпадаетъ на долю быть представителями главныхъ человѣческихъ стремленій на время, для данной эпохи. Какъ и почему призываются они къ этой временно-всемірной роли—не наша тайна: она не разгадана еще исторіею, которая знаетъ *какъ*, но не *почему* это дѣлается. Но потомъ скипетръ выпадаетъ изъ рукъ міродержавнаго племени, и его подымаетъ тотъ народъ, который сохранилъ въ себѣ свѣжесть силъ вмѣстѣ съ охотою и привычкою къ упорному духовному труду.

Несомнѣнно также и то, что условіемъ для плодотворной исторической работы является развитіе народной индивидуальности, сознаніе своей собирательной личности, ибо только при этомъ сознаніи возможно *творчество*.

Но жизнь каждаго великаго *историческаго* народа слагается изъ двухъ элементовъ—индивидуальнаго, особнаго, и всеобщаго. Сознаніе народомъ своихъ особенностей, развитіе тѣхъ изъ нихъ, которыя крѣпко связаны съ его національнымъ существомъ, необходимо для того, чтобы народъ могъ сохранить себя *какъ личность*, т.-е. какъ творческую силу. Раскрытіе всечеловѣческаго изъ собственнаго духовнаго содержанія и усвоеніе всечеловѣческаго отъ другихъ народовъ необходимо для того, чтобы народъ могъ играть *всемірно-историческую роль*.

Народъ, живущій одними своими «особенностями», охраняющій ихъ безъ всякой критики, безъ всякаго разбора, не разсуждая, какая «особенность» есть существенное для его національнаго блага, и какая есть только предразсудокъ, что̀ въ немъ есть временнаго, пригоднаго только для извѣстной эпохи и что̀ нужно сохранить для грядущихъ его судебъ,—такой народъ не будетъ играть *всемірной* роли, ибо онъ самъ отъ нея отрекается, обрекая себя на *застой*. Это уже не историческій, а *противоисторическій* народъ, обреченный на вымираніе и претвореніе въ другую народность, болѣе сильную духовно.

Народъ, живущій однимъ «всечеловѣческимъ» (если таковой можетъ быть), также прошелъ бы безслѣдно въ исторіи; онъ былъ бы похожъ на человѣка, способнаго на одни общія соображенія и безсильнаго на всякое практическое дѣло.

Только при гармоническомъ сочетаніи этихъ двухъ элементовъ, другъ друга поддерживающихъ и питающихъ, возможна дѣйствительная историческая жизнь. Ея и желаю я отъ всей души моей родинѣ; я вѣрю въ возможность этой жизни потому, что вѣрю во всемірно-историческую роль Россіи. Вотъ почему мнѣ такъ больно смотрѣть на нынѣшнюю гоньбу за «самобытностью», конечно, не имѣющую ничего общаго съ здоровымъ *національнымъ* движеніемъ; послѣднее всегда исходитъ изъ великихъ *идей*, столь же національныхъ, сколько и всечеловѣческихъ. Успѣхъ же нынѣшняго «самобытничества» былъ бы не «актомъ возмущенія противъ Европы», но — *актомъ отреченія отъ всемірно-исторической роли Россіи.* Поэтому мы и не вѣримъ въ такой успѣхъ.

Александръ Градовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ИЗЪ СЫРОКОМЛИ.

I.

СЕЛЬСКІЙ СКРИПАЧЪ.

Сидитъ старичокъ подъ березой у хаты:
То сельскій скрипачъ; на одеждѣ заплаты,
    Но взглядъ его дышетъ умомъ.
Онъ скрипку беретъ въ свои дряхлыя руки,
Смычокъ поднимаетъ, и мягкіе звуки
    Поплыли, звеня серебромъ.
Взоръ старца блуждаетъ по синему небу,
По чистому полю, по спѣлому хлѣбу,
    Чтó стелется сизой волной.
Съ нимъ внукъ его, крошка живой и пригожій,
Двѣ палочки держитъ, какъ будто бы тоже
    На скрипкѣ играетъ другой.

Старикъ усмѣхнулся, смотря на внученка,
И молвилъ со вздохомъ: «Ужъ видно волченка!
    «Въ лѣсъ смотритъ по дѣда слѣдамъ.
«Шалишь! нѣтъ, отъ музыки прибыль плохая,
«И ждетъ тебя, вѣрно, дорожка иная;
    «Какъ выростешь, выберешь самъ.

«Кто съ скрипкою разъ породнился душою,
«Тотъ больше на свѣтѣ не знаетъ покою,
«Огонь не загаситъ въ груди.
«Въ душѣ день и ночь колыхаются звуки,
«Съ смычкомъ никогда-бъ не разстались руки...
«Нѣтъ, лучше въ солдаты иди!

«И въ правду—теперь поиграй-ка въ солдаты,
«И будто съ ружьемъ, маршируй мимо хаты;
«Вотъ палку возьми у меня.
«Какъ выростешь, хочешь быть бравымъ уланомъ?
«Въ мундирѣ, да въ киверѣ съ яркимъ султаномъ
«На борзаго сядешь коня.
«Отъ дѣвокъ отъ красныхъ не будетъ отбою;
«Онѣ побѣгутъ за красавцемъ толпою,
«Вѣдь дѣвки такой ужъ народъ;
«Мундиры красивые, глупыя, любятъ,
«Султаны и шпоры нерѣдко ихъ губятъ,
«Что дѣлать? Наука впередъ!

«Иль, можетъ быть, новой ты хочешь игрушки?
«Вотъ крестикъ изъ вѣтокъ—ходи вкругъ избушки
«Какъ ксёндзъ распѣвая псаломъ.
«Коль выростешь счастливъ, коль дастся наука,
«Пробраться въ ксёндзы—не мудреная штука.
«Эхъ, славная вещь быть попомъ!
«О хлѣбѣ насущномъ не мучитъ забота,
«Обѣдню пропѣть—вотъ и вся лишь работа,
«Отъ паствы—поклоны, почетъ.
«Въ селѣ урожай, иль народъ голодаетъ—
«Духовный исправно доходъ собираетъ
«И ухомъ себѣ не ведетъ.

«Такъ, внучекъ мой милый, дитя дорогое,
«Себѣ выбирай ремесло ты другое,
«Не музыку—горе лишь съ ней!
«Въ деревнѣ, сердечный, не часты вѣдь балы;
«Работы по горло, а праздниковъ мало;
«Не много сберешь тутъ грошей.»
Малютка-внученокъ вдругъ вымолвилъ смѣло:
—«Эй, дѣдъ, научу тебя умному дѣлу:
«Скорѣй изъ деревни уйди.

«Какой ужъ доходъ съ тѣхъ, что голодны сами!
«Ты лучше играй въ городахъ: богачами—
«Я слышалъ—хоть прудъ тамъ пруди.

«Какъ выросту вотъ, да играть навострюся,
«Увидишь—я скоро казной разживуся,
«Умно поведемъ мы дѣла!»
Старикъ покачалъ головою сурово:
—«Нѣтъ, лучше скитаться безъ хлѣба и крова,
«Душа лишь чиста бы была.
«На деньги не зарься, храни тебя Боже!
«Простое «спасибо» убогихъ дороже
«Ты барскихъ рублей почитай;
«Предъ тѣми, что слушаютъ пѣсни отъ скуки,
«Отъ сытости праздной—не пачкай ты руки,
«На скрипкѣ своей не играй.
«Когда пиръ свой рѣдкій крестьянинъ справляетъ,
«Какъ лучшаго гостя меня принимаетъ
«Бѣднякъ за семейнымъ столомъ.
«Тутъ пѣсня въ почетѣ, тутъ музыкѣ рады,
«И часто одной мнѣ довольно награды,
«Что всѣхъ веселю я смычкомъ.

«Не то у богатыхъ; извѣдалъ я это,—
«Въ роскошныхъ домахъ, не дождешься привѣта;
«Тамъ мѣсто пѣвца—у дверей.
«Хоть пѣсни ты пой, хоть родныя былины—
«Сердецъ не согрѣешь холодныхъ какъ льдины,
«Не вызовешь слезъ изъ очей.
«Прислуга обноситъ тебя угощеньемъ,
«Иль суетъ объѣдки съ холопскимъ презрѣньемъ,
Иди не доѣвши домой.
«Бываетъ и хуже, родной мой малютка!
«Безстыдную пѣсню пропѣть ради шутки
Заставитъ богатый порой»...

Тутъ старца глаза вдругъ блеснули слезами:
«Ну, будь скрипачемъ; Его воля надъ нами!
«Хоть много извѣдаешь мукъ
«Въ той жизни бродячей—и голодъ, и холодъ
«Сноси безъ роптанья, покуда ты молодъ,
«Но пѣсни твоей каждый звукъ

«Пусть бѣдности служитъ утѣхой святою,
«Не роскоши праздной игрушкой пустою,
«Попомни, дитя, мой завѣтъ!»
Ребенокъ все выслушалъ въ тихомъ молчаньѣ,
Блестящіе глазки свѣтились вниманьемъ.
Заплакавъ, обнялъ его дѣдъ.

II.

СЕРДЦЕ И РАЗУМЪ.

Сердце.

Хочу я побывать въ заоблачныхъ краяхъ,—
Отъ пошлости земной душа умчаться рада.

Разумъ.

Наука говоритъ, что холодно тамъ—страхъ;
Тулупомъ запастись тебѣ въ дорогу надо.

Сердце.

Оставь, пожалуйста, учительскій свой тонъ,
Отъ наставленій всѣхъ прошу меня уволить.

Полицейскій.

Почтенный господинъ! Забыли вы законъ—
Безъ паспорта летѣть не можемъ мы дозволить...

Сердце.

Увижу чудеса надзвѣздной стороны,
Въ восторгѣ обнимусь съ безплотными друзьями.

Ростовщикъ.

А шестьдесятъ рублей, что́ мнѣ, сударь, должны?!
Вѣдь я-жъ не полечу на облака за вами...

Сердце.

Нарву себѣ цвѣтовъ лилеи полевой,
Что́ снѣжной бѣлизной плѣняетъ взоръ поэта,
Съ серебряныхъ листковъ напьюся я росой...

Докторъ.

Діэта, сударь мой, строжайшая діэта!..

Сердце.

Узна́ю, возлетѣвъ въ небесные края, —
Горитъ моя звѣзда, или уже погасла.

Докторъ.

Овсянку жидкую вамъ разрѣшаю я,
Тарелку скушайте, но только лишь безъ масла.

Сердце.

Отдайте лошадямъ презрѣнный вашъ овесъ,
На снѣди грубыя смотрю я съ содроганьемъ;
Насыщусь я въ поляхъ благоуханьемъ розъ
И ландыша упьюсь плѣнительнымъ дыханьемъ.

Разумъ.

Предупрежу тебя, какъ вѣрный старый другъ:
О пищѣ неземной оставь пустыя грезы;
Поди-ка посмотри, какъ оголили лугъ:
На сѣно скошены всѣ ландыши и розы.

Сердце.

Вамъ не понять меня, презрѣнные скоты!
Толпа барышниковъ оцѣнитъ ли поэта?

Разумъ.

За дерзкія слова, смотри, заплатишь ты!

Докторъ.

Я крови цѣлый фунтъ вамъ выпущу за это.

Разумъ.

Не будешь у меня росы ты больше пить
И шляться въ облакахъ, спѣсивое созданье!

Ростовщикъ.

Мнѣ денежки мои извольте заплатить!
Я вексель подаю немедля—ко взысканью.

III.

АИСТЪ.

Кругомъ все такъ пусто... Природа угрюма!
Пришла бы зима поскорѣй!
Вотъ, аистъ поднялся съ гнѣзда и безъ шума
Слетѣлъ на жнивье, и все думаетъ думу
О дальней дорогѣ своей.
    О, да! хорошо побывать за морями,
    Въ землѣ той, гдѣ катится Нилъ,
    И въ воздухѣ знойномъ, махая крылами,
    Какъ вѣтеръ, нестись надъ его берегами
    Межъ царскихъ безмолвныхъ могилъ.
Вернусь-ли оттуда, и Нѣмана воды
Придется-ль мнѣ видѣть опять?
Богъ знаетъ, какія постигнутъ невзгоды
Тамъ нашу крылатую рать.
    Литва дорогая, о, край благодатный!
    Здѣсь все мнѣ о счастьѣ твердитъ,
    И пѣсни косцовъ, и просторъ необъятный
    Полей безконечныхъ, и шопотъ невнятный
    Березъ и зеленыхъ ракитъ.
О, лучше бы здѣсь мнѣ остаться, гдѣ счастья
Такъ много... смотрѣть за гнѣздомъ!
Но чую, что скоро нагрянетъ ненастье,
А тамъ и зима съ ея страшной напастью,
Съ морозомъ, мятелицей, льдомъ.
    И, можетъ быть, вьюгой сломаетъ шальною
    Съ гнѣздомъ моимъ царственный дубъ,
    И я, возвратясь сюда ранней весною,
    Найду его тлѣющій трупъ!
И аистъ, взглянувши на дубъ свой съ тоскою,
Широкими взмахами крылъ
Поднялся высоко и мчится стрѣлою
Въ ту землю, гдѣ катится Нилъ.

IV.

ВЪ ГЛУШИ.

Здѣсь славно я живу—спокойно, не скучая;
При домѣ пышный садъ, цвѣтутъ луга вокругъ,
Порою завернетъ ко мнѣ на чашку чая
Знакомый... старый другъ.
Да, хорошо здѣсь жить, въ глуши непроходимой,
Среди густыхъ дубовъ, въ дали отъ всѣхъ, въ тиши;
Лишь далъ бы мнѣ Господь свой даръ незамѣнимый,—
Спокойствіе души!
Лишь только-бъ кончился разладъ воображенья
Съ холоднымъ разумомъ—молю о томъ Творца...
Мысль, мысль! Какъ страшно мнѣ всегда твое движенье
Безъ пользы, безъ конца...

V.

СОНЕТЪ.

Я полемъ шелъ одинъ; изъ церкви недалекой
Въ вечернемъ воздухѣ дрожа пронесся звонъ,
И мнѣ казалося, что съ неба льется онъ,
Все наполняя вкругъ гармоніей широкой.

Въ моей душѣ больной, какъ бы въ пустомъ сосудѣ,
Отдался каждый звукъ со всею полнотой,—
И мой потухшій взоръ увлажился слезой,
Молитвы страстный вопль вдругъ вырвался изъ груди.

Ты, Господи Творецъ, благословилъ металлъ,
Бездушной мѣди далъ святое назначенье,
Чтобъ звонъ ея людей къ молитвѣ призывалъ,—

И пѣснямъ дай моимъ свое благословенье,
Чтобъ въ мірѣ голосъ ихъ какъ колоколъ звучалъ
И пробуждалъ въ сердцахъ высокія стремленья.

VI.

СТАРЫЙ ДУБЪ.

Отрывокъ.

Срубили старый дубъ... Суровый сынъ Литвы
Когда-то Перкуну́ подъ дубомъ тѣмъ молился;
На мѣсто дерева крестъ водрузили вы,
Но этотъ крестъ давно отъ бури повалился.
Зачѣмъ же вашъ Христосъ не защитилъ его?
Не разберешь теперь, что ложно и что свято...
Да, Перкуна̀ народъ утратилъ своего,
А вѣру новую еще пойметъ когда-то!
Толкуютъ многіе, что больно мудрена
Та вѣра новая для дикаго Литвина...
Охъ, воротить назадъ не худо-бъ Перкуна̀;
Съ перунами въ рукахъ намъ нужно властелина!
О кроткомъ мы Христѣ изъ вашихъ знаемъ словъ:
Нѣтъ мѣры и конца Его долготерпѣнью,
Онъ лютыхъ грѣшниковъ всегда прощать готовъ,
Лишь требуя отъ нихъ въ порокахъ исправленья.
Ну, было съ Перкуно́мъ у насъ совсѣмъ не то!
Вотъ молодецъ-то богъ! Судилъ онъ очень здраво:
Не броситъ человѣкъ порока ни за что,
Однажды повернувъ на путь грѣха лукавый.
И правда... На Литвѣ украдкой говорятъ:
Чудесно старый богъ нашъ управлялся съ нами.
Перкунъ не ждалъ—на мѣстѣ забивалъ громами,
У васъ же...—Эй, смотри, не богохульствуй, братъ...

II.

ИЗЪ АДАМА МИЦКЕВИЧА.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Завѣтный часъ пробилъ, и радужнымъ мечтамъ
Вновь предается міръ, годъ старый провожая.
Чего же для себя желаешь ты, Адамъ,
Когда весь свѣтъ живетъ, надѣясь и желая?

Минутъ веселыхъ?—Нѣтъ! мелькнутъ онѣ порой
Среди житейской тьмы, какъ молніи блистанье,
Погаснутъ—и вкругъ насъ все тотъ же мракъ густой,
Печали прежнія и прежнія страданья.

Любви ты хочешь?—Нѣтъ! блаженъ, кто райскихъ грезъ,
Кто пламенной любви не вѣдалъ упоенья.
Не расплатился тотъ потокомъ жгучихъ слезъ
И долгою тоской за сладкія мгновенья.

О, въ небесахъ парить не разъ случалось мнѣ
И падать на землю съ разбитыми мечтами;
Я розу чудную не разъ срывалъ во снѣ
И пробуждался, весь израненный шипами...

Что-жъ, дружбы, можетъ быть, ты просишь у судьбы?
Въ ней есть спокойная, глубокая отрада;
Такъ сладко отдохнуть отъ жизненной борьбы
На дружеской груди...—И дружбы мнѣ не надо!

Какъ вѣтви дерева, васъ, вѣрные друзья,
Невидимая связь въ одно соединяетъ,
Гдѣ вѣтка каждая, свое утративъ «я»,
Отдѣльныхъ радостей и горестей не знаетъ.

Да, хорошо вѣтвямъ, когда въ полдневный зной,
Ихъ дождикъ напоитъ прозрачными слезами.
Имъ хорошо, когда душистою весной
Играетъ вѣтерокъ съ ихъ свѣжими листами.

Но если налетитъ гроза на темный боръ,
Какъ вздрогнутъ вѣтви всѣ отъ страшнаго испуга;
Что буря оборветъ зеленый ихъ уборъ,
Что вихрь размечетъ ихъ далеко другъ отъ друга,

Боятся, бѣдныя... Не нужно мнѣ друзей!
Я жажду одного—молчанья и покоя;
Среди нѣмыхъ гробовъ хочу я лечь скорѣй,—
Гдѣ-бъ тѣни прошлаго носились надо мною,

Куда-бъ не проникалъ ни яркій свѣтъ дневной,
Ни плачъ моихъ друзей, ни недруговъ проклятья;
Тамъ—мирно я засну подъ сѣнью гробовой,
Послѣдній свой привѣтъ пославъ вамъ, люди-братья.

В. Н—ая.

ВОПРОСЪ
О
НАРОДНОМЪ ИСКУССТВѢ

III. Въ новѣйшее время *).

Жалобы на „двойственное и неправильное состояніе“, гдѣ съ одной стороны является образованное общество съ „довольно высоко развитымъ“ искусствомъ, недоступнымъ и „ненужнымъ“ простолюдину, а съ другой—многомилліонное мужичество съ „прежними“ художественными вкусами, но безъ всякихъ художественныхъ силъ и „безъ всякихъ попытокъ съ чьей либо стороны удовлетворить этимъ его законнымъ потребностямъ“,—эти жалобы представляютъ исторію русскаго искусства въ самомъ превратномъ видѣ.

Искусство, т.-е. собственно художества, какъ живопись, музыка и проч., и поэзія, проходили въ Европѣ и должны были пройти у насъ,—если только русскій народъ не долженъ былъ остаться азіатскимъ,—двѣ необходимыя ступени: первобытнаго, тѣсно-народнаго, грубаго состоянія и—высшаго развитія съ болѣе сложнымъ и тонкимъ развитіемъ техники, съ широкими порывами личнаго творчества, съ болѣе глубокимъ содержаніемъ теоретическихъ и нравственныхъ идей. Собственно „литература“ возникаетъ лишь на почвѣ личнаго творчества, обогащаемаго успѣхами просвѣщенія, умственной связью и солидарностью народовъ, работавшихъ для просвѣщенія. Народная поэзія—безлична, безъименна, и отвѣчаетъ лишь первобытнымъ ступенямъ національнаго быта; поэзія личная отвѣчаетъ

---

*) См. выше: мартъ, 329 стр.

вступленію народовъ на поприще исторической дѣятельности. Въ этой послѣдней и искусство выступаетъ изъ элементарныхъ начатковъ, и для его успѣховъ является необходимость въ новыхъ средствахъ образованія. Мы указывали образчики того, какъ въ самой древней Руси,—которую такъ фальшиво рисуютъ какимъ-то запертымъ отовсюду Китаемъ,—уже находило мѣсто вліяніе чужеземнаго искусства разнаго рода, заимствовались новыя формы, пріобрѣталась техника и т. д. Если только русскому искусству предстояло будущее, оно неизбѣжно должно было пройти *этотъ путь* усвоенія тѣхъ необходимыхъ средствъ, безъ которыхъ оно должно было остаться въ младенчествѣ.

Русское народное искусство старыхъ временъ не успѣло еще въ должной мѣрѣ усвоить этихъ средствъ и дѣйствительно оставалось въ младенчествѣ. Для архитектуры, при сколько-нибудь широкой задачѣ, требовался просто чужеземный мастеръ; живопись не подвинулась дальше иконописнаго мастерства и орнамента; музыка была одного только рода—народная пѣсня, безъ всякихъ попытокъ дальнѣйшаго развитія... Необходимость иныхъ формъ и темъ искусства почувствовалась ясно съ XVII вѣка, и отсюда—усилившіяся иноземныя вліянія, выросшія вскорѣ въ Петровскую реформу. Если потомъ, какъ жалуется г. Марковъ, „вся способность художественнаго изображенія жизни сосредоточилась въ литературѣ и искусствѣ высшихъ привиллегированныхъ классовъ общества", — то иначе и быть не могло. Надо поправить прежде всего: не именно „привиллегированныхъ", а „образованныхъ". Дѣло было не въ привиллегированности, а въ образованіи: Петръ именно и гналъ привилегированныхъ въ школу, безъ которой не хотѣлъ и признавать ихъ; сами по себѣ, „привиллегированные", съ тѣхъ поръ и донынѣ, слишкомъ часто бывали равнодушны къ народно-образовательнымъ интересамъ, а люди образованные, въ которыхъ и шло здоровое направленіе образованности, комплектовались, еще со временъ Ломоносова, вовсе не изъ одного привиллегированнаго класса. Иного пути не было для успѣховъ самого народнаго искусства: если ему должно было занять подобающее ему мѣсто въ національномъ образованіи, ему необходимо было пріобрѣсти *средства* для достиженія этой роли. Для того даже, чтобы развить наличное національное содержаніе, требовались эти средства, которыхъ въ старину не было. Искусство, развиваясь, растетъ и въ содержаніи поэтическаго творчества, и въ формѣ; кромѣ стороны идей, оно имѣетъ свою техническую сторону, и чтобы овладѣть основными орудіями искусства, нужны глубокія изученія: архитектура—если ставить себѣ задачу выше сарая и казармы—невозможна безъ изученія математики и механики; живопись и

скульптура—безъ знанія анатоміи и перспективы; музыка — безъ ея теоріи (древняя Русь не знала даже музыкальныхъ инструментовъ, болѣе совершенныхъ, чѣмъ домры и сопѣли, дудки и балалайки). Чтобы усвоить эти необходимѣйшія средства и орудія искусства, нужна была прежде всего общая, а потомъ и спеціальная школа, нужно было знакомство съ теоріями, разработанными—не у насъ, а на западѣ, и разумѣется, знакомство съ образцами, какіе были созданы искусствомъ другихъ народовъ. Не могло быть и рѣчи о сравненіи этихъ *степеней* художественнаго развитія на западѣ съ младенческимъ состояніемъ русскаго искусства: первые русскіе художники, увлекшіеся иностранными образцами, тѣмъ самымъ показали свое дарованіе къ искусству, воспріимчивость и способность къ его высшимъ задачамъ и техническому совершенству. Они были бы деревянные, бездарные люди, если бы при *первомъ* знакомствѣ съ западнымъ искусствомъ не увлекались ни глубокими теоретическими ученіями, ни его образцами, въ ряду которыхъ были произведенія великихъ, всемірныхъ умовъ и талантовъ. Впечатлѣніе было чрезвычайно сильное; неудивительно, что въ XVIII вѣкѣ и почти до послѣднихъ десятилѣтій нашего вѣка русское искусство двигалось въ рамкахъ искусства западнаго, какъ и все просвѣщеніе и литература развивались подъ могущественными западными вліяніями. Легко пустословить теперь о забвеніи народныхъ началъ, даже объ „измѣнѣ", но взглянувъ проще и правдивѣе на дѣло, очевидно, что наши дѣятели прошлаго вѣка и не могли идти иначе: „народныя начала" для искусства или совсѣмъ отсутствовали (какъ скульптура, отчасти и живопись), или они не были выражены древней Русью въ такихъ самостоятельныхъ произведеніяхъ, которыя бы перевѣшивали иностранные образцы (архитектура), или оставались на первобытной ступени (музыка, поэзія), и естественно, что иноземное искусство являлось съ подавляющимъ авторитетомъ невиданныхъ ученій и увлекательной красоты. Обвиненіе дѣятелей прошлаго вѣка въ „измѣнѣ" народности является не только легкомысленнымъ, но, по позорному значенію слова, скажемъ прямо,—нечестнымъ отношеніемъ къ нашимъ предшественникамъ: эти дѣятели, усвоявшіе намъ чужое искусство, не только бывали горячіе патріоты вообще, но въ своемъ дѣлѣ считавшіе (и справедливо) своей обязанностью переносить къ намъ „художества и науки", полагавшіе на это много искренняго и самоотверженнаго труда, по приказу и завѣту геніальнѣйшаго изъ вождей русскаго народа. Это было необходимо и по существу дѣла. Средства искусства, его теорія и техника, не были мыслимы безъ самыхъ произведеній, которыя были ихъ примѣненіемъ и представляли собой ихъ развитіе и совершенствованіе: нужно было изучить

ихъ, овладѣть ихъ содержаніемъ и пріемами, и было бы невозможно ожидать, чтобы усвоеніе результатовъ вѣкового труда западнаго искусства могло быть окончательно совершено однимъ-двумя поколѣніями и свое искусство стало вполнѣ самостоятельнымъ,—въ особенности, когда, собственно говоря, искусство и не было особенно поощряемо. Академія художествъ существуетъ лишь со временъ имп. Екатерины; первыя консерваторіи явились не далѣе прошлаго царствованія, лѣтъ двадцать тому назадъ... Въ государствахъ нашего склада, съ крайнимъ стѣсненіемъ общественной инціативы, съ низкимъ (не по винѣ общества) уровнемъ общей образованности, высшія учрежденія для науки и искусства могутъ быть основываемы только государствомъ, и нельзя сказать, чтобы эти учрежденія были у насъ и многочисленны, и богато обезпечены. Поддержки наукѣ и искусству было слишкомъ мало; — но общество поставило съ своей стороны не мало первостепенныхъ талантовъ, и нерѣдко совершенно внѣ и независимо отъ оффиціальныхъ учрежденій. Назовемъ Глинку, Верещагина: оба — могущественные, глубоко русскіе, но болѣе или менѣе—воспитанные чужой школой таланты, безъ содѣйствія оффиціальной академіи художествъ и до основанія консерваторій; назовемъ новую музыкальную школу, новую школу художественную, создавшую такіе успѣхи русской живописи—въ народномъ смыслѣ и въ разрывѣ съ оффиціальнымъ храмомъ художествъ; назовемъ возникшія, въ послѣднія десятилѣтія, богатыя, частныя художественныя собранія въ Москвѣ.

Эти факты указываютъ, что кромѣ оффиціальныхъ государственныхъ учрежденій, посвященныхъ искусству, въ послѣднія десятилѣтія энергически работали и силы чисто общественныя, что этимъ послѣднимъ именно и принадлежали наиболѣе важныя новѣйшія пріобрѣтенія для нашего искусства. Эти силы работали уже подъ вліяніемъ національныхъ стремленій, направляясь на изученіе народныхъ, бытовыхъ и художественныхъ элементовъ, обильно пользовались народнымъ матеріаломъ,—но ни одному здравомыслящему дарованію не пришло въ голову отвергать искусство западное и его высокую поучительность для русскаго художества.

Но, быть можетъ, это было все-таки „не народно"? Такъ дѣло и ставится новѣйшими народолюбцами, которые скорбятъ, что въ нашемъ искусствѣ, въ репертуарѣ нашей музыки и драмы, въ нашихъ академіяхъ художествъ, выставкахъ и музеяхъ — „почти ничего не понятно, *не нужно* и не доступно русскому простолюдину, ничего не дѣлалось и не предназначалось для русскаго народа". Удивительное разсужденіе, похожее на тѣ умныя заключенія людей того же стиля, что-де у насъ слишкомъ много высшаго образованія и

что университеты не нужны „народу". Удивительное народолюбіе, желающее какъ будто, чтобы народъ пребывалъ въ скотскомъ состояніи, въ которомъ дѣйствительно не требуются никакія науки. Но вѣдь и любой разсудительный мужикъ пойметъ очень хорошо, что если только допускается для „народа" низшая школа (а этого, кажется, не отвергаютъ и самые рьяные народолюбцы новаго фасона), то для ея осуществленія необходима высшая, которая приготовила бы для нея учителей и т. д., окажутся необходимы университеты и всякія высшія ученыя учрежденія. Въ разсужденіяхъ г. Маркова справедлива одна доля мысли, что для популярнаго художественнаго развитія дѣлалось очень мало, и мы вовсе не находимъ современнаго состоанія нашихъ высшихъ научно-художественныхъ учрежденій совершеннымъ; но вполнѣ безобразна другая, будто бы академіи, музеи и пр. *не нужны* для русскаго народа (!!): да какими же путями безъ всего этого образуются тѣ, кто могъ бы работать для популярнаго искусства? И гдѣ же высшія научно-художественныя учрежденія могли быть устроены для (совсѣмъ необразованныхъ) „простолюдиновъ"?

Вообще крайне несправедливо, будто бы въ области искусства *ничего* не дѣлалось и не предназначалось для русскаго народа. Напротивъ, всѣми живыми умами и талантами *все* предназначалось для пользы русскаго народа,—но не въ силахъ общества было создать бытовыя условія, гдѣ бы эти усилія достигали цѣли, т.-е. служили для непосредственнаго пользованія народнымъ массамъ. Рядъ этихъ усилій составляетъ именно лучшую страницу въ исторіи русскаго просвѣщенія, и удивительно, что народолюбцы оказываютъ въ этой исторіи такое невѣжество, что не знаютъ этихъ фактовъ. Ясно для всякаго здравомыслящаго человѣка, что прежде, чѣмъ хлопотать объ искусствѣ для „народа", надо было стремиться достигнуть для него первыхъ элементарныхъ условій человѣческаго существованія—личной свободы и школы. Вопросъ освобожденія сталъ издавна жизненнымъ вопросомъ для лучшихъ людей образованнаго общества: ими онъ поддерживался и выяснялся въ умахъ; въ этомъ обществѣ онъ имѣлъ и имѣетъ свои жертвы... Вопросъ народнаго образованія былъ и есть до сей минуты одинъ изъ тѣхъ, которымъ посвящаются самыя любящія и самоотверженныя заботы. Наконецъ, для развитія народнаго искусства, такъ же какъ для развитія народной школы, обществу необходима возможность иниціативы, и это послѣднее опять есть одно изъ горячихъ стремленій не сбѣсившейся отъ обскурантизма части русскаго общества.

Партизанъ народнаго искусства обнаруживаетъ относительно

всего этого младенческое невѣдѣніе—ничего такого не слыхалъ, ничего не понимаетъ... Или дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ?

Въ разсужденіяхъ этихъ, какъ вообще нерѣдко въ жалобахъ и обвиненіяхъ новѣйшихъ народолюбцевъ, остается или оставляется неяснымъ, къ кому же ближайшимъ образомъ относится все это? Козломъ отпущенія выставляется обыкновенно „образованное общество, лакействующее передъ Европой", „пошлая интеллигенція" и т. п. Но, какъ видимъ, этихъ суровыхъ обличителей приходится хватать за руку: „позвольте! не передергивайте! то, чтó вы говорите, не можетъ относиться къ интеллигенціи; такъ говорите правду, о комъ должна идти рѣчь?" Эта путаница до того въѣлась въ современную публицистику, щеголяющую въ маскѣ народолюбія, что разумный споръ становится часто совсѣмъ невозможнымъ.—Нашъ авторъ то взваливаетъ вину на высшіе образованные классы, то сейчасъ же приводитъ факты, показывающіе, что эти классы сдѣлали очень не мало для того, чтобы „народное искусство" нашло себѣ матеріалъ и опору въ ихъ трудахъ, и вина невниманія къ народному искусству должна, слѣдовательно, лечь на что-то другое...

Какъ замѣчено выше, забота о „народномъ искусствѣ" не могла стать серьёзнымъ вопросомъ для общества, пока было крѣпостное право. Участіе лучшихъ людей общества къ интересу народа, или любовь къ цѣлому отечеству выразились въ стремленіи возвышать уровень общественныхъ понятій, внушать человѣческія и гражданскія идеи, послѣ чего естественно возникалъ основной вопросъ—отмѣна крѣпостного права, освобожденіе народныхъ массъ. Это *дѣлалось* и въ XVIII вѣкѣ, и въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Не будемъ приводить тайныхъ желаній, намековъ и открытыхъ заявленій объ этомъ освобожденіи, какихъ цѣлый рядъ представили бы произведенія лучшихъ русскихъ писателей. Напомнимъ только ироническіе стихи Некрасова о филантропѣ (сороковыхъ годовъ), который старался „вразумить мужика объ электричествѣ". Ясно, что „вразумленіе" было бы напрасно, или было бы непозволительной шуткой надъ „мужикомъ",—ему было тогда не до электричества.

Но съ тѣхъ поръ, еще въ XVIII столѣтіи, когда въ русскомъ обществѣ стали зарождаться самостоятельныя стремленія въ эту сторону, они уже встрѣчали препятствія, часто неодолимыя. Правительственная власть, за рѣзкими исключеніями, не раздѣляла этихъ стремленій: она или не замѣчала ихъ, или воздерживала цензурою, или сурово подавляла, какъ „не своевременныя", или какъ „превратныя" и „вредныя". Она или была прямо подъ вліяніемъ обстановки, пропитанной крѣпостными идеями, или считала реформу преждевременной и опасной. Какъ мы сказали, исключенія были.

Таковы были первые годы царствованія Екатерины II, первые годы царствованія Александра I, но уже и въ эти царствованія благія начинанія первыхъ лѣтъ были смѣнены необузданной реакціей... Прогрессивныя идеи общества обыкновенно уходятъ впередъ отъ существующаго status quo, и такъ какъ, при самомъ благопріятномъ настроеніи времени, онѣ всегда бываютъ дѣломъ меньшинства общества, не говоря о массахъ, которыя или не знаютъ о нихъ, или не умѣютъ признать въ нихъ собственнаго вопроса, то правительственная власть обыкновенно отвергала ихъ, именно на томъ основаніи, что онѣ были дѣломъ меньшинства. Это была, разумѣется, чрезвычайная ошибка: во-первыхъ, меньшинство представляло обыкновенно долю общества образованнѣйшую и наиболѣе чуткую къ накопившимся требованіямъ національной жизни, какъ это несомнѣнно было, напр., въ крѣпостномъ вопросѣ; во вторыхъ, прогрессивная доля общества, высказывая (насколько позволяли вышеупомянутыя условія) свои теоретическія соображенія, на практикѣ довольствовалась бы даже самымъ скромнымъ удовлетвореніемъ своихъ желаній. Такъ, реформы первыхъ лѣтъ минувшаго царствованія были встрѣчены съ величайшимъ энтузіазмомъ и удержали бы общество въ состояніи глубокаго довольства, еслибы, къ великому прискорбію, реакціонные элементы общества не испортили реформъ, не внушили правительственной власти недовѣрія и подозрѣнія къ обществу, чтó и столкнуло жизнь съ правильной колеи его развитія.

Факты, здѣсь указываемые, извѣстны и начинаютъ все болѣе сознаваться обществомъ въ послѣдніе годы. О судьбѣ реформъ теперь, кажется, не существуетъ сомнѣній; о положеніи общественнаго мнѣнія и его прогрессивной доли свидѣтельствуетъ исторія нашей печати за послѣднія двадцать лѣтъ, также довольно извѣстная. Не знаемъ, возможно ли, съ какою-либо степенью исторической истины и простой человѣческой правдивости, обвинять общество, что оно сдѣлало то-то или не сдѣлало того-то. Его естественныя движенія были связаны.

Напомнимъ нѣсколько фактовъ. Около 1860-хъ годовъ, наканунѣ великой исторической реформы, въ обществѣ, и особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ, развился теплый интересъ къ народному дѣлу,— источникомъ его были самыя лучшія человѣчныя побужденія. Въ наше время, въ извѣстныхъ кругахъ общества и литературы, принято относиться къ тогдашнему движенію пренебрежительно и даже враждебно, усматривать въ немъ поверхностное легкомысліе или даже начатки „крамолы“. Нынѣшніе безсердечные судьи не могутъ представить себѣ общественнаго увлеченія, не подложивши ему какой-нибудь каверзной подкладки; на самомъ дѣлѣ, было искреннее

увлеченіе желаніемъ послужить народу, въ судьбѣ котораго готовилась такая великая историческая перемѣна. Легкомысліе могло быть только въ одномъ отношеніи: не приходило въ голову, что старая крѣпостная каверза все еще такъ могущественна, что можетъ извратить и оклеветать самое невинное дѣло. Интрига и исполнила это съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ... Быстро распространялись тогда воскресныя школы въ столицахъ и въ провинціи, явились безкорыстные энтузіасты школьнаго дѣла для народа [1]: но также быстро эти школы были повсюду закрыты...

Куда отнести этотъ фактъ?

Появленіе воскресныхъ школъ было однимъ изъ самыхъ отрадныхъ признаковъ общественнаго возбужденія, произведеннаго великой реформой. Не будь этого возбужденія по поводу освобожденія крестьянъ, можно было бы, напротивъ, отчаяться за русское общество: еслибы оно осталось безучастнымъ зрителемъ совершающагося историческаго событія, надо было бы подумать, что въ немъ окончательно замерли всѣ лучшіе нравственно-національные инстинкты и всякое пониманіе. Вина ли общества, что этому движенію былъ положенъ конецъ грубыми канцелярскими мѣрами, на основаніи закулисныхъ крѣпостническихъ извѣтовъ?

Въ тѣ же годы, подъ тѣмъ же нравственнымъ вліяніемъ крестьянской реформы, началось другое подобное движеніе, на этотъ разъ уже въ самой народной средѣ—появленіе и распространеніе обществъ трезвости. Извѣстно, съ какими искренними сочувствіями общества встрѣтилось это народное движеніе, и извѣстно также, какъ оно было кратковременно: общества трезвости, т. е. улучшеніе народной нравственности, оказались въ противорѣчіи—не съ желаніями общества, а съ фискальными соображеніями, которыя и повели къ уничтоженію—трезвости.

Въ это же время, въ томъ же настроеніи общества, основанъ былъ при вольномъ экономическомъ обществѣ комитетъ грамотности. Это была единственная форма учрежденія, въ которомъ общественныя силы могли содѣйствовать дѣлу народнаго образованія путемъ простой раздачи и разсылки элементарныхъ учебниковъ и книгъ для чтенія въ бѣдныя народныя школы. Возникъ и усиленно разработывался въ печати вопросъ о народной школѣ. Но на практикѣ, какъ извѣстно, дѣло народной школы шло очень туго; бюрократическое управленіе народной школой стало въ какое-то странное враждебное отношеніе къ народно-образовательнымъ стремле-

---

[1]) Объ одномъ изъ нихъ, Ѳ. Ѳ. Резенерѣ, была недавно рѣчь въ „некрологѣ“ „Вѣстн. Евр.“ 1881.

ніямъ земства. Комитетъ грамотности переносилъ свои невзгоды и не могъ думать о расширеніи програмны своей дѣятельности. Педагогическое общество, между прочимъ, работавшее надъ методами обученія въ элементарной школѣ, было совсѣмъ закрыто по распоряженію министерства гр. Толстого. Однимъ изъ послѣднихъ серьёзныхъ трудовъ, которые велись въ средѣ этого общества, былъ трудъ покойнаго А. С. Воронова объ обязательномъ обученіи. Отчасти въ связи съ этими учрежденіями совершенъ былъ рядъ замѣчательныхъ работъ по элементарной и народной школѣ, исходившихъ изъ частной педагогической иниціативы и внѣ министерства *народнаго* просвѣщенія: имена Ушинскаго, Резенера, барона Н. Корфа, гр. Л. Толстого и друг. будутъ нѣкогда съ почетомъ поминаться въ исторіи нашей народной школы за тѣ мрачные годы ея оффиціальнаго управленія.

Съ давнихъ поръ заведена была рѣчь о народномъ театрѣ, который давалъ бы народу болѣе содержательныя зрѣлища, чѣмъ балаганы на масляницу и пасху, и доставлялъ бы возможность болѣе изящнаго и здороваго развлеченія, нежели питейный домъ— единственное прибѣжище простолюдина. Къ основанію такого театра въ столицахъ оказывалось неодолимое препятствіе въ монополіи театральной дирекціи. Проба народнаго театра во время прежней московской выставки могла произойти лишь на самомъ стѣснительномъ условіи (чтобы не давались цѣльныя пьесы, а только отрывки), условіи, въ сущности уничтожавшемъ весь драматическій смыслъ зрѣлища. Лишь теперь г. Островскій, послѣ не малыхъ хлопотъ, получилъ разрѣшеніе на основаніе „народнаго" (собственно, купеческаго) театра въ Москвѣ.

Г. Марковъ, разбирая возможныя условія популярнаго искусства, которое должно бы быть создано для народа, самъ нашелъ, что многое уже и сдѣлано, и могло бы прямо служить для этой цѣли, напр., многое въ репертуарѣ Островскаго и т. п.

Ограничимся этими фактами. Можно ли же, наконецъ, сказать, что образованные классы, „оторвавшіеся" отъ народа, оставались чужды къ его умственнымъ и художественнымъ интересамъ? Совсѣмъ напротивъ: если кто-нибудь думалъ о нихъ, то именно эти классы, которые стремились работать для нихъ по своей собственной иниціативѣ, со всѣмъ самоотверженіемъ убѣжденныхъ людей, при всѣхъ препятствіяхъ и притѣсненіяхъ со стороны бюрократіи. Дурно воспитываютъ умы общества тѣ, кто забываетъ эти безкорыстные труды или, если не забываетъ, то бросаетъ въ нихъ враждой и клеветой.

Взамѣнъ того, что было цѣлью лучшихъ людей общества,—что̀ дѣлалось, напр., полицейской бюрократіей? Въ то время, какъ было

немыслимо основаніе театра для народа (подъ предлогомъ ущербовъ для монополіи дирекціи), въ Петербургѣ во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ особенно покровительствуемъ былъ театръ особаго рода, театръ-буффъ, съ канканной музыкой, съ оффенбаховскими оперетками, съ скабрезными пѣсенками; ими услаждалась публика, въ которой вскорѣ значительный контингентъ составило юношество корпусовъ, лицеевъ и гимназій... Прекрасное воспитательное средство для общества, не имѣвшаго ни свободы для литературы, ни народной школы, ни возможности народнаго театра и т. д.! Помнится, тогдашній „День" имѣлъ смѣлость возстать противъ этого безобразія, этого намѣреннаго развращенія общества, и въ этомъ случаѣ можно было сочувствовать вполнѣ изданію, мнѣній котораго вообще мы не раздѣляли. Канканъ и Оффенбахъ были, повидимому, употребляемы какъ тонкое политическое средство!—Средство, заимствованное изъ преданій меттерниховскихъ, изъ практики второй имперіи!

Для того, чтобы образованные классы могли отдаться народнымъ интересамъ, служить народному образованію и искусству, нужно прежде всего, чтобы они имѣли къ тому простую внѣшнюю возможность. Была ли она, можно судить по приведеннымъ фактамъ. Съ другой стороны, прежде, чѣмъ служить народному искусству, нужно было, чтобы сколько-нибудь обезпечено было гражданское положеніе народной массы. Оттого, съ конца пятидесятыхъ годовъ и донынѣ крестьянскій вопросъ, съ его многоразличныхъ сторонъ, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ нашей литературы. Достаточно извѣстно, что даже теоретическое его изученіе становилось временами невозможнымъ, подъ гнетомъ реакціонной бюрократіи. Въ самомъ народномъ быту, въ селахъ и деревняхъ, усердіе опеки и надзора дошло до того, что „институтъ" урядниковъ началъ наконецъ запрещать даже обыкновенное пѣніе пѣсенъ, видя въ этомъ „безпорядокъ". Факты этого рода бывали не однажды сообщаемы въ газетахъ. Деревенское одичаніе, подъ такими вліяніями, дошло до того, что въ практикѣ волостныхъ судовъ, раскрытой „Трудами" извѣстной коммиссіи, сами крестьянскіе суды сѣкли бабъ за пѣніе пѣсенъ въ день 19 февраля, день освобожденія! [1]).

Молчать объ *этомъ* положеніи вещей и корить „образованные классы" за равнодушіе къ развитію „народнаго искусства"—болѣе, чѣмъ странно со стороны его усерднаго партизана...

Кромѣ внѣшнихъ условій для возможности развитія „народнаго искусства", необходимы и внутреннія. Нужна опять школа и школа,

---

[1]) Эпизодъ этого рода былъ недавно приведенъ въ „Вѣстн. Евр." въ статьѣ о „Сельскомъ правосудіи".

нуженъ подъемъ понятій. Возможенъ, конечно, и теперь концертъ изъ народныхъ пѣсенъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ могутъ найтись люди, способные обучить хоръ и вести или завести оркестръ. А дальше? Чтобы нашлись и въ другихъ мѣстахъ люди, знакомые съ музыкой, владѣющіе инструментомъ, умѣющіе пѣть, вѣдь надо же, чтобы кто-нибудь и гдѣ-нибудь могъ обучить этихъ людей... Г. Марковъ вспоминаетъ нашихъ братьевъ-чеховъ и поляковъ: „въ богемской деревнѣ музыкальныя общества, концерты и другія подобныя развлеченія—самое обычное дѣло въ жизни простыхъ крестьянъ“. Вѣрно; но что же это означаетъ? То, что въ Богеміи вообще высоко стоитъ образовательный уровень простыхъ крестьянъ, что ихъ гражданскій бытъ допускаетъ свободное составленіе музыкальныхъ и другихъ подобныхъ (напр. литературныхъ) обществъ,—для чего не считается необходимымъ разрѣшеніе, идущее отъ самой высшей административной власти; что люди болѣе образованные („интеллигенція“) могутъ прямо вносить сюда свой опытъ и знаніе, не опасаясь обвиненія въ злоумышленіи отъ какого-либо члена „института“ урядниковъ.

У тѣхъ же чеховъ, даже деревня можетъ имѣть театральныя зрѣлища, исполняемыя странствующими труппами. Не знаемъ, какъ это было бы возможно у насъ? Если въ дѣлѣ элементарнѣйшей народной школы стоимость одного надзора отняла важную долю всего бюджета этой школы, то не потребуется ли опять многосложный надзоръ за подобнымъ театромъ, и не уничтожитъ ли надзоръ самую возможность существованія театра, какъ, бывало, отъ усердія „инспекціи“ погибали иныя земскія школы?

Далѣе. Какой видъ могло бы имѣть „*народное* искусство“, театръ, музыка и т. п. напримѣръ, въ Малороссіи, если, какъ было до послѣдняго времени, народный языкъ не былъ дозволенъ въ концертахъ и театрахъ даже большихъ городовъ въ Малороссіи? Если удержится запрещеніе,—не отмѣненное оффиціально и до сихъ поръ,—мы и вообразить не можемъ, каково можетъ быть *народное* искусство въ этомъ обширномъ краѣ нашего отечества, гдѣ народъ, не смотря на всю ревность враговъ „украинофильства“ (т.-е. любви тамошнихъ жителей къ своей родинѣ), все-таки говоритъ по-малорусски.

Нѣтъ сомнѣнія, что было бы чрезвычайно желательно развитіе народнаго искусства, какъ вообще желательно возвышеніе умственнаго и нравственнаго уровня народной жизни. Г. Евг. Марковъ заговорилъ объ этомъ очень кстати, когда шла рѣчь о народномъ пьянствѣ. Но важность вопроса требуетъ, чтобы къ нему отнеслись со всей необходимой серьезностью. „Народное искусство“, это не какая-нибудь механическая прибавка къ народному быту; это—образовательное, нравственное начало, и нужно же понимать, что̀ оно

означаетъ, чтобы слова о немъ не остались звонкой, мнимо-патріотической, но совершенно пустой фразой: нужно сознать, какія нужны условія, чтобы это начало могло осуществиться въ жизни, сознать, въ чемъ состоитъ его содержаніе, изъ какихъ источниковъ оно можетъ и должно вырости. „Народное искусство"—въ томъ смыслѣ, въ какомъ только можетъ идти о немъ рѣчь, т.-е. искусство для народной массы, ей понятное и ей служащее,—очевидно, есть не простое повтореніе тѣхъ художественныхъ зачатковъ, какіе есть въ народномъ быту, но отчасти ихъ развитіе, отчасти привнесеніе въ обиходъ народнаго вкуса новыхъ формъ и содержанія, доселѣ ему неизвѣстныхъ. Искомое „народное искусство" можетъ, напр., прямо воспользоваться въ *музыкѣ* мотивами народной пѣсни; но народный *театръ* долженъ быть созданъ, потому что его не было и нѣтъ, и онъ можетъ и долженъ быть созданъ на основаніи того театра, который уже выработанъ для классовъ образованныхъ. Этотъ послѣдній театръ (какъ замѣчаетъ и г. Марковъ относительно Островскаго) отчасти можетъ уже прямо служить для народа; но отчасти долженъ быть для народа пополненъ, бо́льшимъ, чѣмъ теперь есть, числомъ драматическихъ изображеній народной жизни, отчасти популяризованъ и упрощенъ. Для успѣха той и другой отрасли искусства (въ его народной формѣ и на его народной ступени) необходимъ, однако, подъемъ народнаго образованія. Если народная музыка не должна остаться повтореніемъ одного и того же матеріала народной пѣсни, и пойти дальше, то, очевидно, потребуется распространеніе въ народѣ музыкальныхъ знаній—на подобіе того, какъ г. Марковъ указываетъ у чеховъ и поляковъ. Если популярный театръ долженъ пріобрѣсти художественно-воспитательное значеніе, быть проводникомъ нравственныхъ идей, то очевидно, что для каждаго новаго шага въ этомъ направленіи будетъ требоваться нѣсколько бо́льшая степень пониманія, т.-е. все больше и больше школы. Та же школа опять нужна, если будетъ идти рѣчь о другихъ отрасляхъ искусства, какъ живопись, скульптура (напр. хотя бы въ прикладномъ, ремесленномъ размѣрѣ). Наконецъ, въ область „народнаго искусства" входитъ обширнѣйшая изъ его отраслей—поэзія. Чѣмъ можетъ быть поэзія, какъ народное (въ тѣсномъ смыслѣ, какъ мы здѣсь говорили) искусство? Наличный матеріалъ собственно народной поэзіи, въ данную минуту, представляется обильнымъ, но разбросаннымъ запасомъ пѣсенъ весьма различнаго состава: есть еще много очень старыхъ, которыя вступили уже въ процессъ вымиранія (эпосъ былины, напр., бо́льшею частію уже вымеръ, сохранившись только кое-гдѣ въ самыхъ захолустныхъ краяхъ, — или превратился въ сказку, т.-е., по мнѣнію народа, въ небылицу; вымираютъ обрядо-

выя пѣсни и т. д.), и между ними есть много прекрасныхъ и по содержанію, и по художественному складу; взамѣнъ ихъ являются, все больше распространяясь, пѣсни новой формаціи—городскія, фабричныя, солдатскія, романсы (до „Стрѣлка" включительно) и т. п.,—этотъ матеріалъ, сравнительно съ старо-народнымъ, единогласно считается порчей и упадкомъ народной поэзіи. Эта порча и не подлежитъ сомнѣнію, потому что въ такого рода пѣсняхъ грубость формы сопровождается обыкновенно и грубостью, иногда цинизмомъ содержанія (старой поэзіи обыкновенно почти неизвѣстнымъ); но если такая пѣсня нарождается, это во всякомъ случаѣ означаетъ, что старая перестаетъ удовлетворять—въ томъ смыслѣ, что она становится уже архаизмомъ, не обнимаетъ новыхъ складывающихся и сложившихся фактовъ и явленій народнаго быта. Это паденіе, вымираніе пѣсни, идетъ вообще съ вымираніемъ стараго бытового обычая и обряда. Весь народный бытъ видимо измѣняется, и въ послѣднее время быстрѣе, чѣмъ когда-нибудь. Старая непосредственная патріархальность падаетъ; въ бытъ проникаютъ новыя стихіи—изъ крѣпостной реформы; изъ новыхъ, напримѣръ земскихъ и судебныхъ, учрежденій, коснувшихся крестьянства; изъ новыхъ экономическихъ отношеній, сильнѣе связывающихъ деревню съ городомъ; изъ новыхъ ускоренныхъ средствъ передвиженія и т. д. Крестьянинъ несомнѣнно задаетъ себѣ больше вопросовъ о своей дѣйствительности, чѣмъ было прежде, и преданіе становится недостаточно для направленія этого быта. Какъ все это должно сказаться на искомомъ „народномъ искусствѣ" (въ поэзіи)? Какіе пути предстоятъ друзьямъ этого искусства въ виду измѣняющагося быта и наростающихъ потребностей народа?

Романтики при этомъ обыкновенно скорбятъ объ утратѣ древней Аркадіи (увы! къ ихъ сожалѣніямъ присоединяется нерѣдко и скорбь крѣпостниковъ о добрыхъ старыхъ временахъ), сурово обличаютъ за это „духъ вѣка", тупоумно его не понимая; въ настоящее время обличаютъ „интеллигенцію" и думаютъ при этомъ, что Аркадія можетъ быть возвращена. Но „интеллигенція", конечно, здѣсь не при чемъ: она такъ малочисленна, такъ мало имѣетъ вліянія на ходъ „деревни", что винить ее въ утратѣ Аркадіи и въ порчѣ народнаго быта можно только по реакціонному разсчету. „Духъ вѣка" дѣйствительно виноватъ; но „духъ вѣка" есть вся сложность государственныхъ, экономическихъ, умственныхъ вліяній времени, надъ которыми безсильны частные вкусы и личныя пожеланія. „Духъ вѣка" есть вся сложность національной жизни, и съ нимъ надо считаться. Исторія можетъ подать здѣсь свой совѣтъ: она указываетъ, что пережитые вѣка патріархальнаго быта уже не возвращаются,

преданіе теряетъ свое значеніе потому, что дѣйствительность перерастаетъ его и уничтожаетъ его смыслъ. Исторія самого преданія указываетъ, что даже уцѣлѣвшее, повидимому, преданіе съ вѣками теряетъ первоначальный смыслъ: выраженіе священныхъ нѣкогда молитвъ и языческихъ заклятій становится безразличной поговоркой; обрядъ дѣлается игрой; языческая пѣсня — дѣтской сказкой. —Искусственная реставрація и подогрѣваніе падающаго преданія всегда будутъ поддѣлкой и фальшью. Неодолимая судьба относитъ старину въ прошедшее даже въ такихъ, отдѣленныхъ отъ всего свѣта захолустьяхъ, куда, повидимому, совсѣмъ не проникаетъ „духъ вѣка", —и этого процесса ничѣмъ остановить нельзя: отысканную въ олонецкомъ краѣ былину уже нельзя возродить вновь тамъ, гдѣ былина уже забыта, —ее можно внести снова уже только какъ вещь литературную.

Такимъ образомъ, поэтическое „народное искусство" не можетъ быть вполнѣ достигнуто однимъ книжнымъ закрѣпленіемъ той пѣсни, какая еще цѣла въ настоящую минуту. — Сохранить и закрѣпить эту пѣсню необходимо, — не только для научныхъ цѣлей, но и въ интересахъ самого „народнаго искусства"; мы хотимъ только сказать, что это одно не наполнитъ поэтическихъ потребностей народа въ переживаемомъ имъ переходѣ въ какое-то новое будущее. Запросъ на новыя поэтическое содержаніе и формы останется. Чѣмъ же отвѣтить на него?

Всѣ любители народной поэзіи, и уже не одни романтики, съ сожалѣніемъ смотрятъ на то извращеніе поэтическаго вкуса, которое такимъ вопіющимъ образомъ сказывается въ новѣйшихъ фабричныхъ, солдатскихъ, дворовыхъ и подобныхъ пѣсняхъ, которыя давно стали проникать въ деревни и вытѣснять старыя пѣсни. Ослабить эту извращенность и дать болѣе здоровую пищу этимъ исканіямъ новой пѣсни можно только однимъ путемъ—связавши народно-поэтическія стремленія съ поэзіей литературной, съ поэзіей, выросшей въ образованныхъ классахъ, провести въ народъ Пушкина и его преемниковъ, — разумѣя, конечно, лучшее и наиболѣе доступное и интересное народу по содержанію и формѣ.

У фарисеевъ народности поднимется, пожалуй, вопль: какъ, въ народъ, въ эту храмину чистѣйшихъ началъ, внести язву „интеллигенціи"! и т. д., и т. д. Вопль возможенъ, — всего еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ изданіи такого фарисейско-народнаго характера новые русскіе писатели, начиная съ Пушкина и Лермонтова, были прямо трактованы какъ „отступники". Теперь, съ пушкинскаго праздника, гдѣ и фарисеи признали въ Пушкинѣ народнаго и національнаго поэта, и даже „все-человѣка", можно по крайней мѣрѣ не опа-

саться за Пушкина. Быть можетъ, что-нибудь разрѣшать еще изъ Лермонтова, Кольцова, Крылова, Гоголя? О Тургеневѣ и Некрасовѣ, вѣроятно, нельзя и заикнуться.

Говоря безъ шутокъ, поэтическая литература со временъ Пушкина именно и должна стать достояніемъ народа, и своими лучшими произведеніями доставить ему и матеріалъ художественнаго воспитанія, и содержаніе нравственныхъ идей, выработанныхъ поколѣніями образованнаго общества. Это уже и дѣлается въ настоящее время. Первоначальныя книжки для народной школы извлекаютъ отсюда образчики поэтическаго и воспитательнаго чтенія; безъ нихъ не могутъ обойтись даже „Пчелы" и „Золотыя грамоты" (кажется, такъ называлась книжонка славянофила Ливанова), которыя хотѣли быть самыми народными. Множество отдѣльныхъ пьесъ, стихотвореній и разсказовъ разошлось въ небольшихъ дешевыхъ изданіяхъ и распространено комитетомъ грамотности. Правда, все еще мало въ сравненіи со всѣмъ числомъ русскаго народа, какъ мало еще и самихъ народныхъ школъ, — но впереди предстоитъ все больше распространеніе литературы образованнаго класса въ народѣ. И она по праву займетъ въ его средѣ свое мѣсто. Отличительная черта всего ея развитія въ послѣдніе два вѣка, и съ Пушкина въ особенности, заключается въ стремленіи къ народу, въ страстномъ желаніи изучить и изображать его, служить его образованію и защищать его нравственно-общественное право. Само собою разумѣется, что далеко не все ея содержаніе можетъ быть доступно народу — при нынѣшнемъ состояніи его грамотности; съ распространеніемъ народной школы, и возвышеніемъ ея уровня, будетъ возростать и эта доступность литературы народу. Разумѣется также само собою, что когда, съ успѣхомъ народной школы, замѣтно увеличится число народныхъ читателей, это отразится и на литературѣ бо́льшимъ количествомъ сочиненій популярныхъ, разсчитанныхъ на народную публику.

Сколько бы мнимые друзья народа ни говорили о розни „интеллигенціи" и народа, и сколько бы ни употребляли безумныхъ стараній создать и раздуть эту рознь, народъ—какъ и естественно для людей здравомыслящихъ— не имѣетъ никакого предубѣжденія къ „интеллигенціи", когда она получаетъ возможность передавать ему нѣкоторыя элементарныя доли своего знанія. Доказательство—величайшій интересъ *народной* публики къ чтеніямъ, какія стали теперь устроиваться для нея въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Это любопытство къ знанію, доступно передаваемому, такъ естественно, что только лгунамъ и фанатикамъ можетъ представляться враждебная противоположность между народомъ и „интеллигенціей", т.-е. знаніемъ. Нынѣшнія

чтенія для народа, какъ извѣстно, пока очень незамысловаты; но еслибы программа ихъ была расширена, больше приближена къ занимающимъ народъ вопросамъ, къ его житейскимъ и промысловымъ потребностямъ, то нѣтъ сомнѣнія, что возросло бы еще болѣе стремленіе народа къ этому знанію.

Если подобнымъ путемъ, или путемъ популярной литературы, или путемъ школы, образованность „интеллигенціи" можетъ становиться и уже становится въ прямую и нравственно-близкую связь съ народомъ, то такимъ же образомъ „интеллигенція" или образованность верхняго слоя связывается съ народомъ и въ области искусства. Самая мысль о народномъ искусствѣ могла возникнуть благодаря тяготѣнію образованности верхняго слоя къ народу; матеріалъ, на основаніи котораго предполагается построеніе народнаго искусства (напр., музыка народной пѣсни), изученъ благодаря изысканіямъ этнографовъ и ученыхъ представителей искусства; чтобы воспользоваться этимъ матеріаломъ и развивать дальше это народное искусство, нужны уже средства высшей школы. Окажется, что и Бетховенъ, и Шуманъ, и Шопенъ (художественный авторитетъ которыхъ какъ будто обижаетъ г. Евг. Маркова) въ музыкѣ, и другіе авторитетныя европейскія силы въ другихъ областяхъ искусства необходимы для тѣхъ самыхъ заботъ о нашемъ народномъ искусствѣ, которыя рекомендуются романтиками народности.

Въ наукѣ и искусствѣ сословныхъ раздѣловъ нѣтъ, если только не употребляются спеціальныя старанія къ тому, чтобы держать науку и искусство недоступными для массъ. Сказать, чтобы въ этомъ послѣднемъ надо винить образованные классы, значитъ сказать вопіющую неправду, историческую и современную. Сказать, что верхніе слои измѣнили „народному искусству" со временъ Петра, значитъ опять сказать большую историческую неточность, потому что многихъ отраслей искусства вовсе не существовало въ древней Руси, и онѣ впервые создавались подъ вліяніемъ европейскимъ (театръ; живопись—внѣ иконописи; скульптура; музыка—дальше народной пѣсни; личная поэзія): въ дѣйствительности, образованные классы, принимая изъ европейскихъ образцовъ формы литературы и искусства, впервые вступали въ школу поэзіи и художества, которая была неизбѣжно необходима для того, чтобы могли развиться національные таланты и содержаніе. Непосредственно народные зачатки художества естественно были заслонены богатствомъ европейскаго искусства, до его античныхъ корней; но образованные классы, въ цѣломъ, вовсе не забывали своей народности и, напротивъ, всячески съ нею связанные, съ самаго начала старались соединить чужія формы съ русскимъ содержаніемъ, сперва неумѣло и поверхностно, потомъ

все болѣе глубоко и серьёзно. Съ Петра Великаго идутъ и первыя попытки опредѣлить и сознать самую сущность народности, которая въ древней Россіи понималась только въ крайне исключительномъ, китайски обособленномъ смыслѣ, а теперь, вступивши въ кругъ европейской политической и культурной жизни, должна была вызвать новыя, болѣе сложныя опредѣленія. Такъ, съ XVIII вѣка впервые является истинно научное собираніе и освѣщеніе самой русской исторіи.

Къ нашему времени этотъ трудъ русской образованности далъ уже видимые результаты. Общественная мысль, литература и искусство усиленно направлены къ изученію народа и всѣхъ элементовъ его прошлаго и настоящаго: не были забыты и интересы „народнаго искусства", и попеченіе о немъ должно состоять только въ томъ, чтобы путемъ школы и гражданскаго обычая сдѣлать болѣе и болѣе доступными народу тѣ пріобрѣтенія въ наукѣ и художествѣ, какія сдѣланы двухъ-вѣковымъ трудомъ нашей образованности. Что выйдетъ въ результатѣ, есть, конечно, дѣло будущаго; но во всякомъ случаѣ, въ результатѣ будетъ не отрицаніе работы образованныхъ классовъ, а ея новое расширеніе и утвержденіе ея въ народной массѣ, которая будетъ къ этому приготовлена, получивъ наконецъ на свою долю давно ожидаемое „народное просвѣщеніе".

А. В—нъ.

ОБЗОРЪ
ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КОММИССІИ

ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНАГО ДѢЛА.

Извѣстная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ графа Баранова, для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, съ самаго начала своей дѣятельности возбудила къ себѣ общій интересъ. Интересъ этотъ вполнѣ понятенъ. Желѣзныя дороги играютъ самую видную роль среди факторовъ, опредѣляющихъ направленіе нашей экономической жизни; тою или иною постановкою желѣзно-дорожнаго дѣла затрогиваются самые существенные интересы и цѣлаго общества, и отдѣльныхъ классовъ населенія. Не мудрено поэтому, что общественное мнѣніе не могло оставаться безучастнымъ къ тѣмъ неустройствамъ, которыя замѣчались въ желѣзно-дорожной эксплуатаціи. И въ печати, и въ заявленіяхъ земствъ, городовъ и представителей торговаго класса, высказывалось не мало жалобъ на желѣзныя дороги и желѣзно-дорожную администрацію. Быть можетъ, во многихъ случаяхъ жалобы эти были преувеличены; но онѣ несомнѣнно указывали на существованіе въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ крупныхъ ненормальностей, вызывающихъ неотложную потребность въ исправленіи.

Учрежденіе высшей коммиссіи, снабженной широкими средствами и большими полномочіями, для *всесторонняго* изслѣдованія желѣзно-дорожной сѣти, служило указаніемъ, что правительство сознало эту потребность и обратило серьёзное вниманіе на положеніе желѣзныхъ дорогъ. Мѣра эта встрѣчена была поэтому со всеобщимъ сочувствіемъ. На коммиссію возлагались большія надежды. Надежды эти нѣсколько ослабли впослѣдствіи, когда въ продолженіе до-

вольно значительнаго времени въ публику не проникало почти никакихъ извѣстій о дѣятельности коммиссіи. Опубликованный впослѣдствіи отчетъ коммиссіи („Прав. Вѣстн." 1880 г., № 147) и доклады подкомиссій, ею образованныхъ, дали въ первый разъ возможность составить довольно полное понятіе о работахъ коммиссіи и о результатахъ ею достигнутыхъ.

Не безъинтересно поэтому бросить общій взглядъ на то, въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ эти результаты ожиданіямъ, возлагавшимся на коммиссію.

Разъясненіе этого вопроса составляетъ задачу настоящаго очерка.

Напомнимъ прежде всего въ двухъ словахъ историческій ходъ дѣла.

Высочайше учрежденная коммиссія для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи образована еще въ 1876 г., по всеподданнѣйшему докладу министра путей сообщенія.

Кругъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію коммиссіи, опредѣленъ былъ преподанной ей съ высочайшаго одобренія программою такимъ образомъ:

1) Въ какой мѣрѣ открытая для движенія сѣть желѣзныхъ дорогъ (паровыхъ) въ имперіи отвѣчаетъ экономическимъ, политическимъ и стратегическимъ потребностямъ государства; 2) если не отвѣчаетъ, то въ чемъ именно заключается неудовлетворительное ихъ состояніе; 3) причины этого неудовлетворительнаго состоянія; 4) мѣры потребныя къ приведенію эксплуатаціи дорогъ въ положеніе, соотвѣтствующее потребностямъ торговымъ, промышленнымъ, административнымъ и стратегическимъ; 5) какія необходимы преобразованія въ системѣ управленія открытыхъ уже для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ со стороны желѣзно-дорожныхъ компаній; 6) въ какой мѣрѣ нуженъ правительственный контроль за хозяйственностью распоряженій желѣзно-дорожныхъ компаній; 7) въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считать открытыя для эксплуатаціи желѣзныя дороги состоятельными въ финансовомъ отношеніи; 8) въ чьемъ вѣдѣніи должна быть желѣзно-дорожная полиція, и каковъ долженъ быть составъ ея; 9) какими мѣрами слѣдуетъ усилить правительственное вліяніе на эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ; 10) удовлетворяетъ ли интересамъ правительства, частныхъ лицъ и желѣзнодорожныхъ предпринимателей нынѣ практикуемый порядокъ административнаго и судебнаго разбирательства право-нарушеній, возникающихъ на желѣзныхъ дорогахъ; 11) не слѣдуетъ ли въ законодательномъ порядкѣ пополнить уставы путей сообщенія (XII т. св. зак.) внесеніемъ въ оные законовъ о желѣзныхъ дорогахъ. Не менѣе важнымъ представляется и пересмотръ подлежащихъ статей

1 ч., X т. св. зак. гр.; 12) достаточно ли полны и цѣлесообразны выработанные за послѣднее время уставы желѣзнодорожныхъ обществъ.

Такимъ образомъ, коммиссіи предстояла троякая задача.

Она должна была: во-первыхъ, выяснить *настоящее положеніе* у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла; во-вторыхъ, опредѣлить *причины*, обусловливающія неудовлетворительность тѣхъ или другихъ его сторонъ, и, наконецъ, въ третьихъ, указать тѣ способы, какими могли бы быть *устранены* замѣченныя неустройства и безпорядки.

Нѣтъ надобности пояснять существенно важное значеніе каждой изъ указанныхъ задачъ. При столь широко поставленной программѣ своей дѣятельности коммиссія могла оказать большія услуги не только для исправленія недостатковъ въ эксплуатаціи существующей сѣти. Всестороннее изслѣдованіе состоянія желѣзныхъ дорогъ и *причинъ* его неудовлетворительности, безпристрастное, фактическое выясненіе результатовъ тѣхъ мѣръ, которыя принимались доселѣ правительствомъ по отношенію къ желѣзно-дорожному дѣлу, могло и должно было доставить матеріалы для постановки на твердыхъ, раціональныхъ началахъ общей *желѣзнодорожной политики правительства.*

Если прослѣдить отношенія государства къ желѣзно-дорожной операціи съ возникновенія сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ до послѣдняго времени, то одною изъ характеристическихъ чертъ этихъ отношеній явится отсутствіе твердо опредѣленныхъ, постоянныхъ принциповъ, регулирующихъ правительственныя мѣропріятія. Колебанія и измѣненія взгляда замѣчаются даже въ такихъ существенныхъ пунктахъ, какъ выборъ правительственной или частной системы постройки и эксплуатаціи дорогъ, не говоря уже о второстепенныхъ, менѣе важныхъ сторонахъ дѣла. Вообще какъ при опредѣленіи направленія и послѣдовательности сооруженія сѣти не было общей системы и плана, такъ точно и по отношенію ко всѣмъ прочимъ условіямъ желѣзно-дорожнаго дѣла *частныя* мѣры имѣли рѣшительное преобладаніе надъ *общими.*

Причинъ такой недостаточной принципіальности въ желѣзнодорожной политикѣ слѣдуетъ, конечно, искать не въ личныхъ свойствахъ ея руководителей, а въ обстоятельствахъ болѣе общаго характера. Укажемъ только на главнѣйшія изъ нихъ. Съ желѣзно-дорожнымъ дѣломъ связано множество самыхъ разнообразныхъ и самыхъ важныхъ интересовъ,—интересовъ общественныхъ и интересовъ частныхъ. Немудрено поэтому, что правительство было осаждаемо цѣлою массою исканій и ходатайствъ, преслѣдующихъ и общія, и личныя, корыстныя цѣли. Насколько сильно было давленіе, настолько

слабо могло быть противодѣйствіе. Желѣзно-дорожная операція представляла собою явленіе совершенно новое; ни основныя особенности экономіи желѣзныхъ дорогъ, ни характеръ и степень того вліянія, которое оказывается ими на государственное и народное хозяйство, не были еще вполнѣ ясны въ эпоху усиленнаго сооруженія сѣти. Какъ трудно было предвидѣть впередъ будущее развитіе желѣзно-дорожнаго дѣла, доказывается полною ошибочностью тѣхъ разсчетовъ и ожиданій относительно размѣровъ и характера движенія по желѣзнымъ дорогамъ, которые имѣли мѣсто при началѣ сѣти не только у насъ, но и въ государствахъ западной Европы, гораздо болѣе насъ развитыхъ въ экономическомъ отношеніи.

Въ настоящее время наша желѣзно-дорожная сѣть достигла уже значительныхъ размѣровъ; опытъ доставляетъ достаточно данныхъ для оцѣнки достоинствъ и недостатковъ принятыхъ у насъ системъ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ; точно также теперь возможно уже опредѣлить въ главныхъ чертахъ то вліяніе, которое оказывается существующею сѣтью на ходъ экономической и государственной жизни, и то направленіе, въ которомъ должно происходить дальнѣйшее развитіе желѣзно-дорожнаго дѣла, для того, чтобы оно отвѣчало экономическимъ и политическимъ потребностямъ страны.

Поэтому широкое и всестороннее изслѣдованіе положенія нашихъ желѣзныхъ дорогъ,—изслѣдованіе, которое сгруппировало и освѣтило бы всѣ указанія предшествовавшаго опыта, представлялось самою насущною необходимостью.

Насколько подобное изслѣдованіе могло способствовать уясненію особенностей желѣзно-дорожнаго дѣла и правильной его постановкѣ, показываютъ примѣры англійскихъ парламентскихъ коммиссій, въ особенности коммиссіи 1872 г., посвященной спеціально разсмотрѣнію вопроса о „сліяніи" (amalgamation) желѣзно-дорожныхъ предпріятій въ нѣсколько большихъ группъ, но затронувшей и многія другія стороны желѣзно-дорожнаго хозяйства. Нѣкоторыя существенные вопросы экономіи желѣзныхъ дорогъ впервые получили правильное и *научное* освѣщеніе въ трудахъ этой коммиссіи.

Наравнѣ съ Англіею и въ другихъ государствахъ Европы, желѣзныя дороги составляли предметъ многостороннихъ правительственныхъ изслѣдованій (enquêtes). Изслѣдованіями этими собрано много данныхъ, которыя могли служить полезными указаніями и для русской коммиссіи. Многіе общіе вопросы желѣзно-дорожной экономіи являлись уже достаточно выясненными въ предшествовавшихъ работахъ; по отношенію къ нимъ главнѣйшею задачею представлялось только опредѣленіе значенія тѣхъ особенностей, которыя вы-

текали изъ своеобразнаго положенія, принятаго у насъ по отношенію къ желѣзно-дорожному дѣлу государствомъ.

Обратимся къ дѣятельности коммиссіи.

Планъ своихъ работъ коммиссія намѣтила такимъ образомъ: вся сѣть желѣзныхъ дорогъ раздѣлена была ею на 7 отдѣльныхъ районовъ. Изслѣдованіе дорогъ каждаго района было поручено особой подкоммиссіи. На подкоммиссіи возлагался *осмотръ на мѣстѣ* всѣхъ линій, опросъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ и собраніе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и матеріаловъ. Вообще въ трудахъ подкоммиссій долженъ былъ лежать центръ тяжести всей дѣятельности коммиссіи. На долю высшей, центральной коммиссіи оставалось: 1) выработка программы и инструкціи для подкоммиссіи, и 2) общій сводъ матеріаловъ, собранныхъ подкоммиссіями, и тѣхъ заключеній, къ которымъ онѣ придутъ.

Внѣшнія обстоятельства сложились очень неблагопріятно для выполненія этого плана. Въ 1877 г. началась, какъ извѣстно, война съ Турціею. Мѣстныя, фактическія изслѣдованія желѣзныхъ дорогъ въ военное время, когда все вниманіе было обращено на выполненіе экстренныхъ потребностей, созданныхъ мобилизаціею войскъ и искусственнымъ направленіемъ грузовъ къ сѣвернымъ портамъ, являлись крайне затруднительными. Тѣмъ не менѣе коммиссія, не отступая отъ первоначально намѣченной программы, рѣшила только отложить ея осуществленіе. Подкоммиссіи отправились на мѣста лишь въ январѣ 1879 г. До тѣхъ поръ въ продолженіе 2½ лѣтъ, коммиссія занималась составленіемъ подробной инструкціи и программы вопросовъ (questionnaires) для подкоммиссій, собраніемъ матеріаловъ статистическихъ, техническихъ и административныхъ, которые могли бы облегчить работы подкоммиссій и, наконецъ, обсужденіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ.

Судя по опубликованнымъ даннымъ, нельзя сказать, чтобы въ этотъ первый, подготовительный періодъ дѣятельность коммиссіи была особенно плодотворна.

Самымъ главнымъ результатомъ этой дѣятельности является инструкція подкоммиссіямъ. Что касается до матеріаловъ, собранныхъ коммиссіею, то между ними мы не находимъ такихъ, которые имѣли бы особо цѣнный характеръ; по крайней мѣрѣ изъ докладовъ подкоммиссій не видно, чтобы онѣ могли много воспользоваться собранными для ихъ облегченія высшею коммиссіею матеріалами. Наконецъ, отдѣльные вопросы, обсуждавшіеся коммиссіею, носятъ на себѣ характеръ совершенно случайный и отрывочный. Вообще во

всѣхъ первоначальныхъ работахъ коммиссіи замѣчается не вполнѣ ясное представленіе о главныхъ, существенныхъ сторонахъ задачи ей подлежащей; второстепенныя менѣе важныя части этой задачи не достаточно строго отличаются отъ имѣющихъ первостепенное значеніе.

Этотъ недостатокъ отразился и на инструкціи подкоммиссіямъ (напечатанной въ 1 вып. „Трудовъ" коммиссіи). Инструкція эта съ одной стороны *съуживаетъ* кругъ вопросовъ, изслѣдованіе которыхъ возложено на коммиссію общею ея программою, съ другой—грѣшитъ излишнею подробностью и мелочностью. Въ инструкціи преобладающею стороною изслѣдованія является техническая часть дѣла и вопросъ о провозной способности дорогъ. Другія части программы остаются въ тѣни. Вмѣстѣ съ тѣмъ инструкція загромождена массою частныхъ, спеціальныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ при ограниченности времени отведеннаго для работъ подкоммиссій являлось почти не выполнимымъ. При составленіи инструкціи коммиссія видимо имѣла образцомъ программу французской коммиссіи 1861 г., состоявшей подъ предсѣдательствомъ министра публ. раб. Руэра. Но въ то время какъ questionnaire руэровской коммиссіи ограничивался 103 вопросами, инструкція подкоммиссіямъ обнимаетъ собою многія сотни пунктовъ.

Вообще, какъ уже замѣчено выше, подготовительныя работы коммиссіи едва ли достигли своей цѣли: „облегчить" дѣятельность подкоммиссій. Программа, данная имъ въ руководство, напротивъ того могла скорѣе затруднить подкоммиссіи, чѣмъ служить подспорьемъ для ихъ трудовъ. Если отъ работъ подкоммиссій можно было тѣмъ не менѣе ожидать цѣнныхъ результатовъ, то главнымъ образомъ благодаря двумъ, благопріятнымъ для ихъ дѣятельности условіямъ: во 1-хъ, фактическое изслѣдованіе ставило подкоммиссіи въ непосредственное соприкосновеніе съ массою лицъ, интересы которыхъ прямо затрогивались желѣзными дорогами, и давало имъ возможность воспользоваться заявленіями этихъ лицъ, основанными на непосредственномъ, ближайшемъ опытѣ; и во 2-хъ, выборъ персонала подкоммиссій, къ участію въ коихъ приглашено было много лицъ теоретически и практически знакомыхъ съ дѣломъ, былъ сдѣланъ вообще очень удачно.

И на самомъ дѣлѣ въ работахъ подкоммиссій заключается очень много интересныхъ и цѣнныхъ данныхъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

Матеріалами для сужденія о дѣятельности подкоммиссій могутъ служить:

а) опубликованное въ № 147 „Правительственнаго Вѣстника", за 1880 г., извлеченіе изъ докладовъ съѣзда председателей подкомиссій;

б) отдѣльные, напечатанные доклады подкомиссій по различнымъ вопросамъ.

Первый изъ упомянутыхъ документовъ содержитъ въ себѣ сводъ общихъ заключеній и выводовъ подкомиссій. Отдѣльные доклады служатъ разъясненіемъ и развитіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ этого свода.

Сверхъ того, подкомиссіями собрана масса статистическихъ матеріаловъ и свѣдѣній о разныхъ сторонахъ желѣзно-дорожнаго дѣла; но матеріалы эти еще не опубликованы, и потому составить опредѣленное понятіе о ихъ значеніи пока невозможно.

Объѣздъ линій и изслѣдованія на мѣстахъ производились подкомиссіями въ 1879 году. Въ мартѣ 1880 года въ Петербургѣ собранъ былъ съѣздъ председателей подкомиссій, на которомъ были подвергнуты обсужденію общіе выводы, сдѣланные подкомиссіями изъ своихъ наблюденій и изъ разсмотрѣніи заявленій, поступившихъ отъ лицъ, заинтересованныхъ въ перевозкѣ.

Извлеченіе изъ докладовъ этого съѣзда высшей комиссіи и напечатано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

„Изслѣдованіе, произведенное подкомиссіями, — говорится въ упомянутомъ „извлеченіи",—вполнѣ подтвердило тотъ несомнѣнный фактъ, который еще ранѣе сознавался и даже явился мотивомъ для учрежденія комиссіи,—именно: *неудовлетворительность у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла*, представляющаго весьма серьезное препятствіе къ развитію экономическаго благосостоянія страны".

„До сихъ поръ,—объясняетъ далѣе цитируемое нами извлеченіе,— неудовлетворительное состояніе той или другой желѣзной дороги и происходящій оттого ущербъ той или другой отрасли промышленности приписывались въ большинствѣ случаевъ причинамъ случайнымъ, а потому будто бы легко устранимымъ нѣкоторыми частными улучшеніями дорогъ или перемѣнами въ личномъ составѣ ихъ управленія.

„Произведенныя (подкомиссіями) изслѣдованія, напротивъ того, приводятъ къ убѣжденію, что, независимо отъ случайныхъ причинъ, зло коренится гораздо глубже, а именно: въ недостаточномъ изученіи 1) экономическихъ условій мѣстностей, чрезъ которыя проводились нѣкоторыя желѣзныя дороги; 2) техническихъ условій при ихъ постройкѣ, обусловливающихъ ихъ дальнѣйшую эксплуатацію; 3) въ недостаточной строгости при пріемѣ вновь отстроенныхъ дорогъ, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ, такъ сказать, достройку дорогъ за

счетъ особыхъ правительственныхъ ссудъ и доходовъ эксплуатаціи; 4) въ неудовлетворительности и неполнотѣ уставовъ нѣкоторыхъ дорогъ, и наконецъ 5) въ недостаточной провозоспособности нѣкоторыхъ линій".

Все перечисленное—по мнѣнію подкоммиссій—„представляется *органическими недостатками* желѣзныхъ дорогъ, которые вѣроятно на долгое время будутъ тяготѣть надъ нашимъ желѣзно-дорожнымъ дѣломъ во вредъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ".

Что касается самой *эксплуатаціи*, то причину неудовлетворительности ея „слѣдуетъ искать не столько въ личностяхъ, сколько *въ полномъ отсутствіи законодательной организаціи желѣзно-дорожнаго дѣла* и въ отсутствіи послѣдовательнаго, систематическаго надъ нимъ надзора и контроля со стороны правительства".

Близко познакомившись съ дѣломъ на мѣстахъ, подкоммиссіи „пришли къ тому заключенію, что ни перемѣнами личностей въ управленіи дорогами, ни какими бы то ни было циркулярами, ни даже правительственными субсидіями нельзя существенно и основательно исправить настоящаго положенія нашего желѣзно-дорожнаго дѣла. Эта цѣль можетъ быть достигнута лишь послѣ того какъ дѣлу будетъ дано твердое основаніе, что съ своей стороны можетъ быть достигнуто только *изданіемъ желѣзно-дорожнаго закона*, ограждающаго какъ интересы публики, такъ и самихъ желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ *утвержденіемъ надъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ правильнаго систематическаго надзора*".

Закономъ должны быть регулированы какъ отношенія желѣзныхъ дорогъ къ грузоотправителямъ и пассажирамъ, такъ равно отношенія ихъ между собою и къ государству.

„Желѣзныя дороги, будучи по существу своему предпріятіемъ общественно-государственнымъ, тѣмъ не менѣе почти исключительно составляютъ достоянія частныхъ обществъ, въ которыхъ не могутъ не преобладать частные интересы; съ другой стороны, всякое желѣзно-дорожное предпріятіе въ дѣйствительности есть предпріятіе монопольное. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ каждое частное лицо, нуждающееся въ услугахъ желѣзной дороги, подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя эта послѣдняя ему предписываетъ". При такомъ характерѣ желѣзно-дорожныхъ предпріятій и при отсутствіи закона, опредѣляющаго отношенія желѣзныхъ дорогъ къ лицамъ, пользующимся ихъ услугами, и отвѣтственность ихъ за неисполненіе своихъ обязанностей,—весьма понятно, что интересы публики страдаютъ каждый разъ, когда они приходятъ въ столкновеніе съ интересами желѣзныхъ дорогъ. Въ особенности это имѣетъ мѣсто по отношенію къ товарному движенію. И въ существующихъ правилахъ

перевозки грузовъ, и въ тарифномъ дѣлѣ, подкоммиссіями замѣчены многіе существенные недостатки, происходящіе главнымъ образомъ оттого, что дѣло предоставлено почти вполнѣ произволу желѣзно-дорожныхъ обществъ. „Въ значительномъ большинствѣ случаевъ *фактическое безправіе товароотправителей*—вотъ то общее впечатлѣніе, которое подкоммиссіи вынесли, какъ изъ своей поѣздки, такъ и изъ разбора безчисленнаго множества заявленій и претензій, которыя были ими провѣрены".

Какъ главное средство для исправленія этого зла подкоммиссіи указываютъ на *желѣзно-дорожный законъ*. „Но однимъ законодательствомъ не исчерпывается задача. При ясныхъ постановленіяхъ закона и доступности судовъ суды эти, безъ сомнѣнія, могутъ быть обезпеченіемъ для товарохозяевъ. Есть однако многочисленные случаи, когда судебное разбирательство затруднительно, а обезпеченіе необходимо. Товарохозяева прямо заинтересованы въ правильности вѣсовъ, въ соблюденіи очередей, въ устройствѣ частныхъ складовъ и амбаровъ, въ разнаго рода экспертизахъ, которыя должны производиться непосредственно на мѣстахъ и т. п. Все это дѣла, которыя вызываютъ потребность *чисто мѣстныхъ учрежденій съ участіемъ лицъ заинтересованныхъ въ перевозкѣ*".

Недостаточность законодательнаго регулированія желѣзно-дорожнаго дѣла даетъ себя чувствовать не только въ отношеніяхъ желѣзныхъ дорогъ къ товароотправителямъ и пассажирамъ, но также и въ *отношеніяхъ дорогъ между собою*. „Въ силу преслѣдованія каждою желѣзною дорогою своихъ частныхъ интересовъ, ни одна мѣра, какъ бы она ни была цѣлесообразна съ точки зрѣнія экономической пользы цѣлаго государства, какъ бы она ни была полезна для цѣлой группы желѣзныхъ дорогъ—не можетъ быть осуществлена, если тому противится хоть одна изъ заинтересованныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, частный интересъ одной дороги не рѣдко становится препятствіемъ къ осуществленію мѣры, весьма важной съ точки зрѣнія общаго интереса, и на которую соглашалось большинство дорогъ извѣстной группы".

Ненормальность такого положенія вещей не подлежитъ спору, и уже сдѣланы нѣкоторые шаги для выхода изъ него.

„Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 15 февраля 1879 г. разрѣшился фактъ обязательности для желѣзныхъ дорогъ вступать въ прямое сообщеніе съ примыкающими сосѣдними дорогами. Но этотъ законъ далеко еще не исчерпываетъ всего вопроса. Въ связи съ вопросомъ о прямомъ сообщеніи является цѣлый рядъ второстепенныхъ конвенціонныхъ вопросовъ о тарифныхъ постановленіяхъ, перекартировкѣ и перегрузкѣ, о различіи взиманія платы за пробѣгъ вагоновъ, о

штрафахъ за несвоевременный обмѣнъ ихъ, требующихъ также соотвѣтственнаго распоряженія,—однимъ словомъ, необходимо придать болѣе совершенную организацію всему тому во взаимныхъ отношеніяхъ желѣзныхъ дорогъ между собою, отчего непосредственно и въ значительной степени зависитъ успѣхъ развитія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи.

„Полезнымъ органомъ для этого могутъ явиться нынѣ существующіе съѣзды, на которыхъ представляется для правительства возможность совмѣстнаго съ представителями желѣзныхъ дорогъ и съ грузоотправителями обсужденія вышеуказанныхъ вопросовъ, но только требуется организовать съѣзды болѣе цѣлесообразно".

Независимо отъ *установленія законодательныхъ нормъ* для желѣзно-дорожнаго дѣла необходима также и *организація* систематическаго *надзора правительства* за соблюденіемъ этихъ нормъ и вообще за ходомъ желѣзно-дорожной эксплуатаціи.

„По самому свойству желѣзно-дорожнаго хозяйства и управленія желѣзно-дорожныя предпріятія у насъ должны подлежать со стороны правительства троякому контролю: техническому, административно-хозяйственному и финансовому, вытекающему изъ особыхъ отношеній въ Россіи государственной казны къ желѣзно-дорожнымъ обществамъ.

„На самомъ же дѣлѣ—по мнѣнію съѣзда предсѣдателей подкоммиссій—всѣ означенные виды правительственнаго надзора надъ дѣятельностью желѣзныхъ дорогъ находятся у насъ въ неудовлетворительномъ состояніи.

„Между тѣмъ не только въ Россіи, гдѣ, строго говоря, дороги почти полностію принадлежатъ государству, но и за-границей сознано вполнѣ, что правительство должно имѣть значительное вліяніе на желѣзно-дорожное дѣло, такъ какъ, будучи по существу предпріятіемъ монопольнымъ, желѣзная дорога не можетъ не ставить на первый планъ своихъ интересовъ, которые очень часто не совпадаютъ съ интересами страны".

Въ большей части европейскихъ государствъ существуютъ въ настоящее время спеціальныя учрежденія для завѣдыванія желѣзно-дорожнымъ дѣломъ. По мнѣнію съѣзда предсѣдателей подкоммиссій, было бы полезно и у насъ учрежденіе особаго *центральнаго органа* для высшаго надзора надъ желѣзными дорогами. Роль такого центральнаго органа могъ бы выполнять совѣтъ, образованный по образцу прусскаго совѣта желѣзныхъ дорогъ (Landes-Eisenbahnrath) изъ представителей трехъ элементовъ: правительственнаго, желѣзно-дорожнаго и лицъ, заинтересованныхъ въ перевозкѣ. Совѣтъ этотъ могъ бы состоять изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, между которыми могли

бы быть распредѣлены дѣла эксплуатаціонныя, хозяйственно-административныя и надзоръ за расходованіемъ обществами желѣзныхъ дорогъ суммъ, находящихся въ ихъ распоряженіи".

Рядомъ съ устройствомъ центральнаго желѣзно-дорожнаго учрежденія должно идти преобразованіе существующихъ мѣстныхъ учрежденій для надзора за желѣзными дорогами: именно необходимо: 1) чтобы кругъ обязанностей инспекторовъ былъ опредѣленъ точнѣе, чѣмъ нынѣ; 2) необходимо, чтобы и права инспекторовъ были опредѣлены съ большею точностію, и чтобы ихъ голосу было придано дѣйствительное вліяніе; наконецъ 3) для этого же необходимо усиленіе ихъ значенія присоединеніемъ къ нимъ выборныхъ отъ лицъ, заинтересованныхъ въ перевозкѣ, которыя бы вмѣстѣ съ ними и подъ ихъ предсѣдательствомъ составляли мѣстныя инспекціонныя коммиссіи.

Таковы въ существенныхъ чертахъ тѣ общіе выводы, къ которымъ пришли подкоммиссіи.

Обратимся теперь къ докладамъ подкоммиссій по отдѣльнымъ вопросамъ, и посмотримъ, какія данныя заключаются въ нихъ въ подтвержденіе и развитіе этихъ выводовъ.

Начнемъ съ констатируемыхъ подкоммиссіями „органическихъ недостатковъ" нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Къ сожалѣнію въ опубликованныхъ до нынѣ трудахъ коммиссіи находится очень мало указаній по настоящему предмету. Только вопросъ о недостаточной провозоспособности желѣзныхъ дорогъ подробно разбирается въ нѣкоторыхъ докладахъ; затѣмъ, мы встрѣчаемъ нѣсколько довольно существенныхъ замѣчаній о недостаткахъ техническаго устройства дорогъ. Изслѣдованій, выясняющихъ несоотвѣтствіе направленія дорогъ съ экономическими потребностями страны среди напечатаннахъ докладовъ, мы не имѣемъ. Точно также и относительно недостатковъ въ уставахъ желѣзныхъ дорогъ мы находимъ только бѣглыя, отрывочныя замѣтки.

Замѣчанія о неустройствѣ дорогъ въ техническомъ отношеніи касаются главнымъ образомъ: 1) недостаточности подвижного состава; 2) неудовлетворительнаго устройства желѣзно-дорожныхъ станцій.

Въ какой мѣрѣ наличный паркъ подвижного состава долженъ считаться, по изслѣдованіямъ подкоммиссій, неотвѣчающимъ потребности въ движеніи, мы будемъ имѣть случай говорить ниже при разсмотрѣніи докладовъ о провозной способности желѣзныхъ дорогъ. Теперь же коснемся только второго изъ упомянутыхъ выше техническихъ недостатковъ нашихъ дорогъ—дурного устройства станцій.

Жалобы на неудовлетворительное состояніе станцій, въ особен-

ности на недостаточность и нецѣлесообразное размѣщеніе станціонныхъ путей, встрѣчаются въ докладахъ почти всѣхъ подкоммиссій. Всего подробнѣе касается этого пункта петербургская подкоммиссія (въ докладѣ по „техническому движенію").

Пользуясь тою особенностью дорогъ петербургскаго района, что въ числѣ ихъ заключаются какъ дороги первоначальной постройки, какъ напр. царскосельская, такъ и дороги позднѣйшія, напр. уральская, подкоммиссія задалась цѣлью „замѣтить и изучить указанныя практикою неудобства въ техническомъ устройствѣ дорогъ первоначальной постройки, и которыя могли бы быть устранены при устройствѣ дорогъ позднѣе построенныхъ".

Изученіе даннаго предмета привело подкоммиссію къ выводамъ, далеко неутѣшительнымъ. „Оказывается, что обнаружившіяся на опытѣ разныя техническія неудобства въ устройствѣ станцій, въ расположеніи станціонныхъ стрѣлокъ и т. п., не только не устранены на дорогахъ позднѣйшей постройки, но что даже эти неудобства на позднѣйшихъ дорогахъ встрѣчаются въ болѣе значительной мѣрѣ. Примѣромъ тому можетъ служить уральско-горнозаводская дорога, которая, спустя только нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего открытія для движенія, оказывается несостоятельною и требуетъ немедленнаго переустройства многихъ станцій, безъ чего дорога эта не можетъ удовлетворять настоящимъ, еще не вполнѣ развившимся потребностямъ".

По поводу переустройства станцій, коммиссія замѣчаетъ, что такое переустройство „встрѣчаетъ иногда серьезныя затрудненія, которыя являются прямымъ результатомъ того, что при выборѣ мѣстъ для расположенія станцій и при составленіи плановъ ихъ не только не предвидѣлось развитіе станцій въ будущемъ, но упускались даже изъ виду удобства, необходимыя для правильнаго и своевременнаго движенія". Какъ на доказательство этого подкоммиссія указываетъ на станцію Пермь, уральской дороги.

„Станція эта,—говорится въ докладѣ подкоммиссіи,—выстроена на весьма тѣсномъ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны рѣкою Камою, а съ другой — большою горою съ плывущимъ грунтомъ. Вслѣдствіе такого положенія станціи, увеличеніе на ней числа запасныхъ и разъѣздныхъ путей тамъ, гдѣ это нужно, не можетъ осуществиться. Всякія же пристройки путей въ неподлежащихъ мѣстахъ въ весьма незначительной мѣрѣ улучшаютъ движеніе. Поэтому станція Пермь въ настоящемъ ея видѣ никакъ не можетъ развиваться. Между тѣмъ количество грузовъ, прибывающихъ къ означенной станціи, уже теперь настолько значительно, что спустя очень не много времени послѣ открытія эксплуатаціи является не-

обходимость приступить къ значительному расширенію станціи; для этого придется производить большія работы по засыпкѣ берега рѣки Камы, или же избрать другое мѣсто и выстроить новую станцію. Строители, создавъ такія неудобства для эксплуатаціи, не оставили ей никакихъ средствъ для устраненія этихъ неудобствъ".

„Приведенный примѣръ неудачнаго выбора мѣста для станціи дороги, имѣющей весьма большую будущность, — замѣчаетъ далѣе подкоммиссія,—не есть примѣръ единичный. Въ лѣтописяхъ постройки желѣзныхъ дорогъ такія явленія встрѣчались и раньше. Станцій, не представляющихъ удобствъ для своего развитія, много: напр. Ковровъ, нижегородской дор., Боровичи, боровичской дор., Вильно и Ковно, с.-петербургско-варшавской дороги, и другія".

Доклады прочихъ подкоммиссій точно также указываютъ на неудовлетворительность многихъ желѣзно-дорожныхъ станцій. Въ особенности подкоммиссіи настаиваютъ на необходимости расширенія станціонныхъ путей и размѣщенія ихъ такимъ образомъ, чтобы они болѣе способствовали безопасности и удобству при скрещиваніи поѣздовъ и при станціонныхъ маневрахъ.

Переходимъ къ вопросу о провозоспособности желѣзныхъ дорогъ.

Вопросу этому посвящены спеціальные доклады подкоммиссій: с.-петербургской, московской, риго-царицынской и харьковской.

Для того, чтобы рѣшить достаточна ли перевозочная способность сѣти, необходимо выяснить: 1) maximum возможнаго по техническимъ условіямъ дорогъ движенія, и 2) размѣры тѣхъ требованій на перевозку, которыя могутъ быть предъявлены дорогамъ.

Первый изъ приведенныхъ вопросовъ есть вопросъ техническій; для рѣшенія его существуютъ опредѣленные пріемы и всегда могутъ быть собраны точныя данныя. Поэтому онъ не можетъ представлять особыхъ затрудненій.

Гораздо болѣе сложнымъ представляется второй вопросъ. *Дѣйствительное* движеніе, происходившее на дорогѣ, не можетъ еще служить точнымъ показателемъ *потребности* въ перевозкѣ, такъ какъ размѣры этого движенія вполнѣ обусловливаются перевозочною способностью дорогъ. Нѣкоторое косвенное указаніе даетъ степень *исправности* движенія, количество и продолжительность залежей грузовъ; но и это указаніе нельзя считать достаточнымъ. Не говоря уже о томъ, что неисправность въ движеніи можетъ быть вызвана не недостаточностью перевозочныхъ средствъ, а неудовлетворительнымъ пользованіемъ ими; во всякомъ случаѣ фактъ скопленія грузовъ служитъ лишь доказательствомъ, что между средствами дорогъ

и требованіями имъ предъявляемыми существуетъ извѣстное несоотвѣтствіе. Степень этого несоотвѣтствія мы еще не можемъ опредѣлить сколько-нибудь точно: она можетъ быть и гораздо выше, чѣмъ это можно предполагать по количеству скопившихся грузовъ, такъ какъ неисправность дороги можетъ имѣть послѣдствіемъ, что извѣстное количество грузовъ вовсе не поступитъ на нее. Наконецъ, при развивающемся движеніи необходимо принять въ соображеніе вѣроятное увеличеніе перевозокъ въ ближайшемъ будущемъ. Опредѣленіе коэффиціента такого увеличенія сопряжено съ немалыми затрудненіями. Извѣстно, что развитіе движенія имѣетъ свой предѣлъ и идетъ далеко не равномѣрно, сильнѣе въ началѣ, слабѣе съ теченіемъ времени. Конечно подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ это отношеніе можетъ измѣниться; но за то при прекращеніи дѣйствія чрезвычайныхъ условій размѣръ движенія, ненормально высокій, можетъ сразу упасть.

Изъ сказаннаго видно, что вопросъ о провозоспособности желѣзныхъ дорогъ уже по самому существу своему требуетъ весьма внимательнаго изслѣдованія. Въ примѣненіи къ нашей сѣти онъ еще болѣе осложняется двумя условіями: во-1-хъ, всякое серьезное расширеніе провозоспособности должно совершаться на счетъ казны, и безъ того обремененной массою расходовъ на желѣзно-дорожное дѣло; и во-2-хъ, благодаря той щедрости, съ которою вообще давались правительственныя пособія, въ средѣ желѣзно-дорожныхъ обществъ развивалось стремленіе пользоваться ими и безъ крайней нужды, и проектировать дорого стоющія работы тамъ, гдѣ можно бы обойтись и безъ нихъ.

Обращаясь къ предположеніямъ подкоммиссій, мы должны сказать, что вообще подкоммиссіи отнеслись къ настоящему вопросу довольно осторожно и внимательно. При всемъ различіи во взглядахъ и пріемахъ, доклады ихъ построены бо̀льшею частію на фактической, реальной почвѣ и заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ данныхъ. Конечно, предположенія подкоммиссій не могутъ считаться послѣднимъ словомъ по данному вопросу и требуютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тщательной провѣрки прежде приведенія въ исполненіе проектируемыхъ подкоммиссіями мѣръ.

Резюмируемъ вкратцѣ сущность выводовъ подкоммиссій.

Наиболѣе значительныя мѣры по расширенію провозной способности жел. дор. предполагаются *риго-царицынскою* подкоммиссiею. По заключенію подкоммиссіи настоящее состояніе желѣзныхъ дорогъ, составляющихъ риго-царицынскій путь, далеко не удовлетворяетъ тому запросу на движеніе, который предъявляется промышленностью края. Неудовлетворительность эта всего чувствительнѣе отзывается

на восточномъ концѣ линіи, особенно на дорогѣ грязе-царицынской; наоборотъ на двухъ западныхъ дорогахъ — динабурго-витебской и риго-динабургской—задержекъ въ движеніи почти не встрѣчается. Главныхъ причинъ этого явленія слѣдуетъ однако искать не столько въ неисправности грязе-царицынской дороги, сколько въ недостаточной пропускной силѣ срединной дороги пути — орловско-витебской. Провозная способность этой дороги регулируетъ въ настоящее время правильность движенія по всей риго-царицынской линія.

По заключенію подкоммиссіи, для приведенія дорогъ, составляющихъ риго-царицынскую линію, въ положеніе, соотвѣтствующее требованіямъ торговли и промышленности, движеніе на нихъ должно быть увеличено въ такихъ размѣрахъ, чтобы грязе-царицынская дорога могла грузить на 50 вагоновъ въ сутки болѣе противъ настоящаго, орловско-грязская на 30, и орловско-витебская на 50; такимъ образомъ, пропускная сила всей линіи должна быть увеличена на 130 вагоновъ въ сутки.

Для достиженія этого результата представляются необходимыми слѣдующія мѣры:

Пропускная сила *грязе-царицынской дороги* вполнѣ допускаетъ движеніе въ исчисленномъ размѣрѣ, и для осуществленія его потребуется лишь нѣкоторое усиленіе подвижного состава, а именно на 200 тов. вагоновъ, пріобрѣтеніе которыхъ вмѣстѣ съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ и оборудованіемъ мастерскихъ потребуетъ расхода до 350 т. р.

Орловско-грязская дорога (на которой движеніе должно усилиться на 80 вагоновъ ежедневно: 50 добавочныхъ съ грязе-царицынской, 10 съ ливенской и 20 для мѣстныхъ грузовъ) нуждается уже въ болѣе серьезныхъ мѣрахъ для приведенія своей провозной способности въ надлежащее состояніе; именно, кромѣ увеличенія подвижного состава (на 6 паровозовъ) необходимо проложить второй путь, по крайней мѣрѣ на разстояніи 47 верстъ (между станціями: Архангельскъ, Туровка, Казаки, Елецъ). Все это обойдется приблизительно въ 900 т. р.

Орловско-витебская дорога, какъ объяснено выше, составляетъ больное мѣсто всей линіи. Подкоммиссія полагаетъ, что пропускная ея сила должна быть увеличена настолько, чтобы допустить передачу: 1) съ орловско-грязской дороги ежедневно до 225 вагон., вмѣсто 145 нынѣшнихъ; 2) съ московско-курской до 80 (вмѣсто 60); 3) съ московско-брестской, въ Смоленскѣ, 15 вагоновъ ряжско-вяземскихъ, которые теперь высокими тарифными ставками насильственно отклоняются отъ естественнаго пути на Ригу къ Петербургу и Ревелю. Наконецъ, мѣстная погрузка должна быть увеличена по крайней

мѣрѣ на 15 вагоновъ ежедневно; такъ что общая потребность въ движеніи выразится цифрою *375 вагоновъ въ сутки.* Потребность эта можетъ быть удовлетворена только при условіи: а) проложенія второго пути между Смоленскомъ и Витебскомъ (на 128 верстъ); б) устройства 8 разъѣздовъ съ телеграфными столбами между станціями съ наибольшими подъемами, и в) усиленіемъ подвижного состава на 8 паровозовъ съ принадлежностями. Расходъ, потребный на всѣ эти устройства, исчисляется подкоммиссіею въ размѣрѣ до 2.920,000 р.

Пропускная сила *динабурго-витебской* дороги достаточна для существующихъ размѣровъ движенія. Но съ увеличеніемъ провозной способности примыкающихъ дорогъ размѣръ передачи съ нихъ грузовъ естественно усилится, и движеніе по динабурго-витебской дорогѣ явится затрудненнымъ. Для того, чтобы можно было перевозить ежедневно отъ 350 до 400 ваг. въ сутки (норма, до которой по исчисленіямъ подкомм. должно дойти движеніе) необходимо *усиленіе тяги* (пріобрѣтеніемъ 9 новыхъ сильныхъ паровозовъ) и *увеличеніе числа поѣздовъ.* Возможность такого увеличенія съ наибольшею безопасностію могло бы быть достигнуто *укладкою второго пути* на всемъ протяженіи дороги, на что потребовалось бы до 7.236,000 р. кр. Затрата эта, по мнѣнію подкоммиссіи, была бы вполнѣ производительною. „Послѣ укладки второго пути, динабурго-витебская дорога получила бы возможность принимать безъ всякой задержки и остановки все количество грузовъ, которые орловско-витебская дорога могла бы предъявлять ей даже въ самое горячее время. Подкоммиссія считаетъ поэтому необходимымъ предложить въ настоящемъ случаѣ сплошную укладку второго пути“.

„Если же, говорится далѣе въ докладѣ подкоммиссіи, въ видахъ государственной экономіи оказалось бы затруднительнымъ открытіе одному обществу столь значительнаго кредита, то можно бы предложить еще слѣдующее средство, которое обойдется гораздо дешевле, но за то далеко и не дастъ тѣхъ же удовлетворительныхъ результатовъ. Вмѣсто сплошной укладки второго пути по всей линіи—можно бы ограничиться на первое время укладкой таковаго только на 90 верстахъ для сокращенія наибольшей длины перегоновъ между станціями, имѣющими до 14 вер. разстоянія. Это дало бы тоже возможность, хотя и съ меньшею безопасностію, увеличить трафикъ на 2 или на 3 поѣзда, что оказалось бы достаточнымъ для безпрепятственнаго передвиженія 350—400 вагоновъ; но это составило бы уже крайнюю границу провозоспособности дороги“.

Наконецъ, для приведенія провозоспособности *риго-динабургской* дор. въ состояніе, соотвѣтствующее предполагаемому развитію дви-

женія по линіи, по заключенію подкоммиссіи, достаточно расширенія вагоннаго парка на 200 ваг. и переустройства рижской станціи.

Общая сумма всѣхъ расходовъ на устройство риго-царицынской линіи, предположенное подкоммиссіею, простирается отъ *7.615,000 р.* (при условіи проложенія второго пути на 90 в. по динабурго-витебской дорогѣ) до *11.881,000 р.* кр. (при укладкѣ второго пути на всемъ протяженіи динабурго-витебской дороги).

Осуществленіе всѣхъ упомянутыхъ улучшеній въ провозной способности жел. дорогъ риго-царицынскаго района подкоммиссія считаетъ настоятельно необходимымъ. Уже и въ настоящее время, говоритъ она, дороги эти не могутъ перевозить исправно доставляемаго имъ матеріала, а при увеличеніи потребности въ движеніи сдѣлаются совсѣмъ несостоятельными. Недостаточность пропускной силы риго-царицынскаго пути для настоящихъ требованій доказывается тѣмъ, что дорога грязе-царицынская, орловско-грязская и орловско-витебская принуждены во время особенно сильнаго наплыва грузовъ прибѣгать къ т.-наз. „очереди"; товары залеживаются на станціяхъ недѣлями, а иногда и мѣсяцами, срочность доставки дѣлается невозможною, что до крайности затрудняетъ торговые разсчеты. Но настоящіе размѣры движенія не могутъ еще считаться нормальными. Перевозка на всѣхъ дорогахъ риго-царицынскаго пути значительно возростаетъ въ послѣдніе годы. Фактъ этого роста, по мнѣнію подкоммиссіи, даетъ право разсчитывать, что въ будущемъ, въ особенности при устраненіи препятствій, представляемыхъ неудовлетворительнымъ состояніемъ дорогъ, потребность въ перевозкѣ будетъ развиваться еще въ большей прогрессіи.

Московская подкоммиссія представила соображенія о провозоспособности желѣзныхъ дорогъ: московско-курской, курско-харьково-азовской, лозово-севастопольской, константиновской, донецкой. Особенность докладовъ московской подкоммиссіи представляютъ приложенныя къ нимъ подробныя таблицы, опредѣляющія провозную силу каждой изъ названныхъ дорогъ. Нельзя не пожалѣть, что такія же таблицы не введены и во всѣ прочіе доклады, такъ какъ собранныя подкоммиссіями данныя могутъ имѣть значеніе и независимо отъ той непосредственной цѣли, для которой онѣ назначались.

По заключенію московской подкоммиссіи расширеніе провозной способности требуется на трехъ дорогахъ ея района: курско-харьково-азовской, московско-курской и лозово-севастопольской.

На *курско-харьково-азовской* дорогѣ наиболѣе настоятельно нужнымъ представляется, по мнѣнію подкоммиссіи, усиленіе провозоспособности участка: Лозово-Краматоровка, такъ какъ недостаточною пропускною силою именно этого участка задерживается доставка

угля изъ донецкаго бассейна на дороги, примыкающія къ курско-харьково-азовской. Потребность въ угольномъ движеніи исчисляется подкоммиссіею (на основаніи предположеній съѣзда углепромышленниковъ) въ 58 милліоновъ пуд. въ годъ; для того, чтобы привести желѣзную дорогу въ состояніе перевозить это количество угля вмѣстѣ съ прочими грузами, по заключенію подкоммиссіи, необходимо *проложеніе второго пути* на участкѣ между Лозовой и Краматоровкой. Пропускная сила остальной части дороги достаточна для предположенной массы грузовъ, въ случаѣ же, если бы угольное движеніе возросло въ еще большихъ размѣрахъ, потребуется только увеличеніе подвижного состава дороги. Поэтому подкоммиссія рѣшительно высказывается *противъ* ходатайства общества курско-харьково-азовской дороги о немедленномъ разрѣшеніи укладки второго пути отъ Горловки до Харькова. По мнѣнію подкоммиссіи, такое капитальное улучшеніе дороги (стоющее болѣе $6^1/_2$ милл. р.) потребовалось бы только въ томъ случаѣ, если бы вывозъ угля къ сѣверу достигъ размѣровъ свыше 74 милл. пуд. Но разсчитывать на это въ близкомъ будущемъ невозможно.

Московско-курская дорога имѣетъ, какъ извѣстно, двойной путь на участкѣ отъ Москвы до Сергіева, и одиночный отъ Сергіева до Курска. Провозная способность перваго изъ этихъ участковъ достаточна не только для существующихъ размѣровъ движенія, но можетъ удовлетворить и гораздо болѣе развившейся потребности въ перевозкѣ; но нельзя сказать того же о второмъ. Правда, пропускная его сила соотвѣтствуетъ *среднему* настоящему движенію, но въ тѣ мѣсяцы, когда оно достигаетъ maximum'а, неизбѣжно образуются застои грузовъ. Затѣмъ дальнѣйшее развитіе перевозки при теперешнемъ состояніи южнаго участка невозможно. Между тѣмъ количество, какъ собственнаго, такъ и принимаемаго съ другихъ дорогъ груза ежегодно ростетъ. Кромѣ того, нельзя не принять въ соображеніе, что вслѣдствіе важности московско-курской дороги въ стратегическомъ отношеніи, „она должна въ случаѣ усиленія перевозки войскъ, сокращать и даже вовсе прекращать перевозку частныхъ грузовъ на участки одиночнаго пути, какъ это имѣло мѣсто въ прошлую войну; а подобныя прекращенія въ виду того, что московско-курская дорога составляетъ главный соединительный путь между Москвой и югомъ Россіи, весьма тяжело отзываются на торговлѣ и промышленности".

По всѣмъ этимъ основаніямъ подкоммиссія полагаетъ, что для усиленія пропускной способности московско-курской дороги необходима немедленная укладка 2-го пути между станціей Сергіево и Курскомъ. „Требованіе это—замѣчаетъ подкоммиссія—подкрѣпляется также и тѣмъ, что доходъ дороги уже превысилъ тотъ предѣлъ,

при которомъ общество обязано, по высочайше утвержденному уставу, уложить второй путь". Одновременно съ проведеніемъ второго пути потребуется нѣкоторое увеличеніе подвижного состава и расширеніе главныхъ станцій (Москва товарная, Орелъ и Курскъ).

Для увеличенія перевозочныхъ средствъ *Лозово-севастопольской* дороги, какъ извѣстно, въ послѣднее время уже приняты мѣры; именно, правительствомъ разрѣшено пріобрѣтеніе 60 товарныхъ паровозовъ и 680 товарныхъ вагоновъ, и сверхъ того въ распоряженіе дороги предоставлено изъ правительственнаго запаса 300 вагоновъ. Сопоставляя провозную силу дороги съ размѣрами *настоящаго* движенія, московская подкоммиссія находитъ, что собственно существующая потребность въ перевозкѣ удовлетворялась и прежнимъ подвижнымъ составомъ. Затѣмъ разрѣшенное расширеніе этого состава имѣетъ въ виду поставить дорогу въ такое положеніе, чтобы оно не препятствовало: во-первыхъ, усиленію перевозки каменнаго угля до 8½ милл. пуд., во-вторыхъ, увеличенію отпуска изъ севастопольскаго порта, потребность въ которомъ особенно выяснилась въ зиму 1878—1879 гг. Для достиженія тѣхъ же цѣлей правленіемъ дороги предположено капитальное ея переустройство, съ увеличеніемъ облигаціоннаго капитала на 19½ милл. р.

Подкоммиссія съ своей стороны находитъ исчисленія правленія дороги крайне преувеличенными. По заключенію ея, приведеніе Лозово-севастопольской дороги въ состояніе, соотвѣтствующее *выяснившимся* потребностямъ, можетъ быть достигнуто съ относительно небольшими затратами. Основываясь на заявленіяхъ хлѣбныхъ торговцевъ Севастополя и на другихъ данныхъ, подкоммиссія полагаетъ, что въ ближайшемъ будущемъ, при улучшеніи севастопольскаго порта и усиленіи средствъ дороги, высшимъ предѣломъ отпуска хлѣба изъ Севастополя слѣдуетъ принять 15 милл. пуд. въ годъ. Для доставленія дорогѣ возможности подвозить къ порту это количество хлѣбныхъ грузовъ и для перевозки 8½ милл. п. угля достаточно *устройства 3 полустанцій и приведенія въ надлежащее состояніе водоснабженія* на дорогѣ. Затѣмъ одновременно съ усиленіемъ провозной способности лозово-севастопольской дороги надлежало бы увеличить длину набережныхъ въ Севастополѣ и расширить *пріемную способность* порта устройствомъ амбаровъ для хлѣба.

По заключенію *С.-Петербургской* подкоммиссіи, изъ числа входящихъ въ районъ ея изслѣдованій дорогъ, двѣ—Балтійская и Уральская—„совершенно не удовлетворяютъ потребностямъ торговли, промышленности и земледѣлія тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя онѣ проходятъ, или продукты которыхъ перевозятъ". Провозная сила этихъ дорогъ должна быть немедленно доведена до надлежащаго

уровня; въ противномъ случаѣ, не удовлетворяя торговымъ и промышленнымъ интересамъ, онѣ будутъ постоянно ложиться тяжелымъ бременемъ на государственное казначейство, требуя постоянныхъ и притомъ весьма значительныхъ приплатъ по гарантіи". Обѣ названныя дороги не могутъ сдѣлать необходимыхъ улучшеній на счетъ капитала эксплуатаціи, и потому „нуждаются въ правительственномъ пособіи, въ формѣ ли выдачи денежной ссуды или же субсидіи".

Остальныя дороги петербургскаго района являются или вполнѣ удовлетворительными въ отношеніи перевозной способности (нижегородская и рыбинско-бологовская), или требуютъ такихъ улучшеній, которыя могутъ быть произведены постепенно на счетъ эксплуатаціонныхъ доходовъ.

Недостаточность пропускной силы *балтійской* дороги опредѣляется подкоммиссіею такимъ образомъ: наибольшая часть грузовъ поступаетъ на балтійскую желѣзную дорогу въ прямомъ сообщеніи чрезъ станцію Тосна; всѣ эти грузы назначаются въ Ревель и Балтійскій портъ. Для сужденія о провозоспособности дороги имѣютъ значеніе именно эти грузы, такъ какъ удовлетвореніе потребностей мѣстнаго движенія не встрѣчаетъ препятствій. Въ настоящее время наибольшая суточная передача между николаевскою и балтійскою дорогами въ Тоснѣ назначена въ 250 вагоновъ, „и въ означенномъ числѣ обмѣнъ въ нѣкоторыя дни мѣсяцевъ наибольшаго движенія дѣйствительно совершается. Этимъ количествомъ обмѣна дороги второй группы не удовлетворяются, и, по мнѣнію правленія балтійской дороги, суточный обмѣнъ долженъ быть увеличенъ до 350 вагоновъ". Но движеніе въ такихъ размѣрахъ не можетъ быть выполнено балтійскою дорогою, какъ вслѣдствіе недостатка въ пропускной способности, такъ и вслѣдствіе недостатка въ перевозочныхъ средствахъ.

Разбирая тѣ средства, которыми перевозочная сила балтійской дороги могла бы быть доведена до надлежащихъ размѣровъ, подкоммиссія останавливается, какъ на самомъ цѣлесообразномъ изъ нихъ, на замѣнѣ малосильныхъ паровозовъ паровозами бóльшей силы. „Замѣна эта можетъ быть сдѣлана частью покупкою новыхъ паровозовъ въ числѣ, недостающемъ до необходимаго, а именно 27; затѣмъ посредствомъ временного найма нѣсколькихъ паровозовъ въ помощь своимъ при отправленіи нѣкоторыхъ поѣздовъ двойною тягою". Кромѣ того необходимо расширеніе нѣкоторыхъ станцій, увеличеніе количества разъѣздовъ путей и доведеніе водоснабженія до надлежащихъ размѣровъ.

Всѣ приведенные разсчеты основаны на предположеніи размѣровъ суточнаго обмѣна въ Тоснѣ съ дорогами 2-й группы въ 350 вагоновъ. Но сама подкоммиссія замѣчаетъ, что предположеніе это не можетъ

быть принято безусловно. „Передача можетъ достигнуть указанныхъ размѣровъ—объясняетъ подкоммиссія—только въ томъ случаѣ, если не прекратятся тѣ ненормальности въ тарифномъ дѣлѣ и въ порядкѣ назначенія размѣровъ наибольшей суточной передачи вагоновъ, благодаря которымъ въ настоящее время извѣстная, значительная часть грузовъ съ саратовско-козловской и ряжско-вяземской дороги искусственно направляется къ Ревелю и Балтійскому порту".

Дѣло въ томъ, что „спеціальные тарифы II группы всѣ установлены съ цѣлью конкурренціи съ Волгой, и при этомъ въ тарифахъ, назначенныхъ для грузовъ, идущихъ къ Балтійскому морю, отдано явное преимущество Ревелю предъ Ригою. Съ другой стороны, направленію значительной части грузовъ съ тамбово-саратовской, рязанско-козловской и ряжско-вяземской дороги на балтійскую дорогу, способствуетъ недостаточный размѣръ передачи въ Смоленскѣ, между московско-брестскою дорогою и орловско-витебской. Благодаря этому обстоятельству, только очень небольшая часть грузовъ ряжско-вяземской дороги попадаетъ на риго-царицынскую линію, составляющую для нихъ естественный, кратчайшій путь къ балтійскому морю, большинство же грузовъ идетъ на николаевскую и балтійскую дороги".

Съ устраненіемъ обоихъ упомянутыхъ ненормальныхъ условій, движеніе на балтійской дороги должно ослабѣть, и въ увеличеніи размѣровъ суточной передачи въ Тоснѣ потребности можетъ и не встрѣтиться.

„Несостоятельность *уральской* дороги — говорится въ докладѣ С.-Петербургской подкоммиссіи — была замѣчена еще до открытія движенія. Еще въ началѣ 1878 г. правленіе дороги, на основаніи произведенныхъ на мѣстѣ изслѣдованій о движеніи грузовъ, какъ заводскихъ, такъ и другихъ, между Пермью и Екатеринбургомъ въ оба направленія, пришло, какъ оно говоритъ само, къ полному убѣжденію въ недостаточности путевыхъ и станціонныхъ сооруженій и подвижного состава для перевозки груза, долженствующаго въ самомъ скоромъ времени направиться по уральской дорогѣ".

Обстоятельство это подкоммиссія приводитъ „какъ фактъ подтверждающій, что какъ проектированіе, такъ и первоначальное устройство желѣзныхъ дорогъ производится безъ тщательнаго изученія тѣхъ потребностей края, которыя могутъ быть предъявлены къ строющейся дорогѣ".

Въ 1879 г. размѣръ перевозки по уральской дорогѣ достигалъ до 15 м. п. въ годъ, а въ мѣсяцъ наибольшаго движенія около 2 м. пуд.; въ январѣ 1880 г. цифра эта увеличилась уже до $3^1/_2$ м. п. По предположеніямъ правленія дороги, основаннымъ на данныхъ министерства внутреннихъ дѣлъ, количество ожидаемыхъ къ пере-

возкѣ грузовъ, съ сокращеніемъ сплава по р. Чусовой и гужевого движенія между Пермью и Екатеринбургомъ, слѣдуетъ считать свыше 40 м. п. въ годъ. Соображеніе это подтверждается заявленіями земствъ, городовъ и заводчиковъ, поданными подкоммиссіи при осмотрѣ дороги въ августѣ 1879 г.

Подкоммиссія съ своей стороны считаетъ и приведенную цифру—40 милліоновъ пудовъ—недостаточною.

„Усилившись въ январѣ 1880 г. (почти до $3^1/_2$ мил. пуд.)—объясняетъ она—товарное движеніе указываетъ уже на то, что многіе грузы, перевозившіеся сплавомъ по Чусовой, частью стали уже направляться по желѣзной дорогѣ. Принимая же во вниманіе то, что Уральская дорога составляетъ пока единственный рельсовый путь, переходящій черезъ Уралъ, и что при удобствѣ этого пути, независимо отъ развитія горнозаводскаго дѣла, долженъ увеличиться уже и нынѣ значительный обмѣнъ произведеній между Европейскою Россіею и Сибирью, нельзя не придти къ заключенію, что выше означенная годовая цифра 40 мил. пуд. груза не представляетъ крайняго предѣла, которымъ должно ограничиться развитіе грузового движенія. Даже въ настоящемъ своемъ видѣ, имѣя Екатеринбургъ конечнымъ пунктомъ, Уральская дорога настолько приблизила хлѣбородные зауральскіе уѣзды—Шадринскій, Камышловскій и Челябинскій, что кромѣ хлѣба, идущаго для продовольствія жителей расположенныхъ по линіи дороги заводовъ, нѣкоторый избытокъ его (пшеница) въ первый же годъ эксплуатаціи перевезенъ былъ для отпуска черезъ петербургскій портъ за-границу, а въ настоящее время хлѣбъ изъ этихъ же мѣстностей (до 600 тыс. пуд.) направился отъ Екатеринбурга до ст. Чусовой и по Луньевской вѣтви до Березняковъ, откуда онъ по Камѣ будетъ доставленъ для продовольствія жителей сѣверной части Соликамскаго уѣзда и на Печору. Изъ этого видно, что зауральскій хлѣбъ по своему обилію и дешевизнѣ можетъ и при болѣе дальней перевозкѣ по желѣзной дорогѣ конкуррировать съ среднекамскимъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ, Луньевская вѣтвь получаетъ значеніе не только углевозной дороги, но и удобнаго пути для снабженія продовольствіемъ цѣлой области нехлѣбороднаго сѣвера".

По всѣмъ этимъ соображеніямъ подкоммиссія опредѣляетъ размѣръ годовой перевозки по Уральской дорогѣ, на который можно разсчитывать въ близкомъ будущемъ, въ 60 милл. пуд. въ годъ, или по 5 милл. пуд. ежемѣсячно.

Для того, чтобы провозная способность дороги отвѣчала этому размѣру движенія, необходимы нѣкоторыя капитальныя работы. Именно, по исчисленіямъ подкоммиссіи для этого потребуется: 1) устроить

4 полустанціи; 2) увеличить разъѣздные и вообще станціонные пути, доведя ихъ среднимъ числомъ до 20 саж. на каждый вагонъ или паровозъ; 3) пріобрѣсть 66 паровозовъ и 750 товарныхъ вагоновъ; 4) сообразно съ прибавкою подвижного состава увеличить число имѣющихся на дорогѣ паровозныхъ стойлъ и расширить мастерскія до соотвѣтствующихъ размѣровъ. Кромѣ того, по заключенію подкоммиссіи, было бы необходимо переустроить конечныя станціи: Пермь и Екатеринбургъ, совершенно не удовлетворяющія потребностямъ движенія; расширить нѣсколько промежуточныхъ станцій и устроить пристани на ст. Левшино и Березняки.

Доклады *харьковской* подкоммиссіи, касающіеся вопроса о провозоспособности дорогъ, носятъ совершенно особый характеръ, нежели сейчасъ изложенные доклады другихъ подкоммиссій. Харьковская подкоммиссія высказывается категорически *противъ* проектовъ капитальнаго улучшенія провозоспособности дорогъ ея раіона и рекомендуетъ вообще крайнюю осторожность въ дѣлѣ такихъ улучшеній, сопряженныхъ съ крупными затратами.

Причины задержекъ въ отправленіи грузовъ—объясняетъ подкоммиссія—очень часто слѣдуетъ искать не въ недостаткѣ подвижного состава и не въ слабой пропускной способности дорогъ, а въ несовершенствѣ *способовъ пользованія* наличными перевозочными средствами. „Во всякомъ случаѣ нельзя указывать на залежи грузовъ, какъ на основаніе для новыхъ и значительныхъ затратъ на разныя улучшенія по усиленію провозной способности той или другой дороги, такъ какъ накопленіе этихъ залежей вызывается собственно временнымъ только, хотя и періодически повторяющимся ежегодно усиленіемь подвоза грузовъ, такъ что тѣ усиленные способы перевозки, которые давали бы возможность вывозить безостановочно грузы“, прибывающіе массами въ теченіе короткаго времени, оставались бы безъ полезнаго примѣненія въ остальное время года“. Нельзя не принять во вниманіе—говоритъ далѣе подкоммиссія—что „отправители, и именно хлѣбные торговцы, видятъ поводъ къ жалобамъ не столько въ медленномъ вывозѣ грузовъ со станцій, сколько въ томъ, что желѣзнодорожное управленіе не отвѣчаетъ за ихъ цѣлость въ промежутокъ времени между ввозомъ ихъ на станцію и нагрузкой въ вагонъ, что они вслѣдствіе того подвергаются расхищенію на станціяхъ, что при недостаткѣ крытыхъ помѣщеній для хлѣбныхъ грузовъ они страдаютъ отъ подмочекъ и т. д. Такимъ образомъ, устройство крытыхъ пакгаузовъ для храненія всѣхъ вообще грузовъ на станціяхъ принесло бы существенную пользу по отношенію къ грузамъ, наичаще подвергающимся задержкамъ въ отправленіи со станцій, и не только не потребовало бы тѣхъ большихъ за-

тратъ, какія необходимы для дорого стоющихъ улучшеній въ родѣ укладки второго пути, усиленія подвижного состава, который значительную часть года оставался бы безъ полнаго употребленія и т. д., но служило бы еще для желѣзныхъ дорогъ источникомъ новаго дохода".

Что касается до ожидаемаго вообще усиленія грузового движенія на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, особенно по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ, въ предположеніи прогрессивнаго развитія земледѣльческой производительности, то относительно этого предмета—по мнѣнію подкоммиссіи—„слѣдуетъ остерегаться предположеній гадательныхъ и съ большою осторожностью предлагать мѣры улучшеній желѣзнодорожнаго дѣла, которыя потребовали бы новыхъ большихъ жертвъ со стороны правительства. На чрезвычайное усиленіе сбыта земледѣльческихъ продуктовъ въ послѣдніе годы нельзя не смотрѣть какъ на явленіе временное, вызванное, съ одной стороны, случайнымъ усиленіемъ требованія хлѣба на заграничные рынки, съ другой, перешедшимъ всякую мѣру развитіемъ спекулятивнаго направленія въ земледѣльческой промышленности южнаго края, увлекшаго большинство производителей хлѣба къ хищническому эксплуатированію производительной способности почвы. Въ значительной части хлѣбородной полосы уже замѣчается истощеніе чернозема, въ неограниченное плодородіе котораго еще недавно такъ простодушно вѣрили. Мысль о необходимости удобренія начинаетъ уже проникать въ убѣжденіе не только землевладѣльцевъ, но и крестьянъ; а разъ она проникнетъ въ сознаніе земледѣльческаго класса, усиленіе скотоводства и сокращеніе, соотвѣтственно этому, хлѣбныхъ посѣвовъ будетъ необходимымъ ея результатомъ; съ другой стороны, усиленное производство хлѣба на вывозъ должно найти себѣ ограниченіе въ разрѣшеніи неотложнаго вопроса о предоставленіи крестьянамъ права свободнаго переселенія и объ увеличеніи крестьянскихъ надѣловъ. Уменьшеніе рабочихъ рукъ сократитъ культуру и дастъ ей новое направленіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя теперь наводняютъ хлѣбный рынокъ своими продуктами. Наконецъ, вообще улучшеніе быта крестьянъ разовьетъ потребленіе ими самими продуктовъ ихъ труда: они не будутъ, какъ теперь, везти на базаръ послѣднюю мѣру хлѣба, отнимая ее у своей полуголодной семьи, у своего тощаго скота. Съ другой стороны, сбытъ нашего хлѣба за-границу встрѣчаетъ уже и теперь сильную конкурренцію въ наводняющихъ Европу продуктахъ земледѣлія сѣверной Америки, ввозъ которыхъ съ каждымъ годомъ усиливается; борьба съ этою конкурренціею становится для насъ все труднѣе и труднѣе". Все это вмѣстѣ, по заключенію коммиссіи,

не можетъ не привести къ убѣжденію, что по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ разсчитывать на усиленіе хлѣбнаго вывоза и на увеличеніе перевозки хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ едва ли возможно.

Въ подтвержденіе и развитіе изложенныхъ выше общихъ соображеній подкоммиссіею представленъ особый докладъ, посвященный разъясненію причинъ неудовлетворительной перевозки грузовъ по харьково-николаевской желѣзной дорогѣ.

Вопреки мнѣнію правленія дороги, подкоммиссія усматриваетъ эти причины не въ недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, слабой пропускной способности и ошибочномъ первоначальномъ устройствѣ, а главнымъ образомъ въ недостаткахъ эксплуатаціи. Къ самымъ крупнымъ изъ этихъ недостатковъ, на которыхъ останавливается подкоммиссія, слѣдуетъ отнести: 1) неудовлетворительное состояніе мастерскихъ, небрежную починку подвижного состава и небрежное съ нимъ обращеніе; 2) простой вагоновъ на станціяхъ слишкомъ частый и слишкомъ продолжительный; 3) принятый порядокъ въ распредѣленіи поѣздовъ и вагоновъ, при которомъ администрація не вполнѣ пользуется провозною и пропускною способностью дороги и ея средствами; наконецъ, 4) нераціональность средствъ, принимаемыхъ желѣзно-дорожнымъ обществомъ для усиленія доходности дороги: съ одной стороны, оно стремится къ чрезмѣрной экономіи въ содержаніи своихъ агентовъ, особенно низшихъ, съ другой обременяетъ отправителей несправедливыми тарифами и разными поборами въ видѣ платы за нагрузку, выгрузку, полежалое, простой вагоновъ и т. п. Въ общемъ выводѣ подкоммиссія приходитъ къ заключенію, что „общество харьково-николаевской дороги не имѣетъ характера коммерческаго и хозяйственнаго учрежденія. Оно не заботится о развитіи своего дѣла и привлеченіи грузовъ, объ усиленіи оборотовъ; повидимому, ему не нужны запросы на его промыслъ, такъ какъ оно слишкомъ безцеремонно обращается съ товаро-отправителями и еще хуже съ ихъ товаромъ. Дѣло поставлено такъ, что агенты общества должны тяготиться усиленнымъ подвозомъ грузовъ, въ которыхъ они видятъ лишь увеличеніе своего труда, безъ увеличенія вознагражденія. Они не ищутъ отправителей, но отправители сами должны ихъ заискивать и просить. Желѣзно-дорожное общество не дорожитъ ни своею фирмою, ни общественнымъ мнѣніемъ, даже ему не нуженъ никакой кредитъ, кромѣ правительственнаго. Оно не имѣетъ признаковъ хозяйственнаго учрежденія, у него были строители, были и есть подрядчики и множество агентовъ, но хозяина не было. Доходъ оно извлекаетъ не изъ своего труда, не изъ сво-

ихъ средствъ, но изъ правъ своихъ и своего исключительнаго, монопольнаго положенія. Вѣрнѣе, можно считать общество харьково-николаевской желѣзной дороги, какъ и многія другія желѣзно-дорожныя общества въ Россіи, за привилегированнаго долгосрочнаго арендатора, которому предоставлено полное право распоряжаться имуществомъ хозяина, по своему усмотрѣнію, съ условіемъ, что содержаніе и усиленіе всего инвентаря должно быть на счетъ хозяина, за доходность этотъ арендаторъ не отвѣчаетъ, и вмѣсто уплаты аренды онъ требуетъ обезпеченія своего дохода. Наши желѣзно-дорожныя общества не имѣютъ даже характера общественнаго, правильнѣе будетъ назвать ихъ бюрократическими учрежденіями, гдѣ съ одной стороны видны право и власть автономныя, а съ другой—неизбѣжная подчиненность".

Устраненіе указанныхъ выше неудовлетворительныхъ сторонъ эксплуатаціи подкоммиссія считаетъ главнѣйшею мѣрою для приведенія въ порядокъ движенія по дорогѣ. Что касается собственно техническаго устройства, то, не отрицая нѣкоторыхъ недостатковъ въ немъ, подкоммиссія находитъ, однако, преждевременнымъ и не вызываемымъ необходимостью, предположенное капитальное переустройство дороги и проложеніе 2-го пути. Разрѣшенное уже министерствомъ путей сообщенія и отчасти осуществленное усиленіе наличныхъ средствъ дороги (на счетъ правительственной ссуды въ $1^1/_2$ млл. р.) вполнѣ достаточно для удовлетворенія спросу, который можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ. Проложеніе второго пути было бы цѣлесообразнымъ, если бы можно было разсчитывать на значительное усиленіе движенія по дорогѣ. Но подобные разсчеты крайне шатки. Главный грузъ харьково-николаевской дороги составляетъ хлѣбъ. Размѣръ перевозки хлѣба, какъ подробно объяснено выше, едва ли можетъ значительно возвыситься въ ближайшемъ будущемъ. Затѣмъ можно предвидѣть усиленіе движенія угля; но уголь вообще не составляетъ выгоднаго предмета перевозки для желѣзной дороги. По мнѣнію подкоммиссіи было бы раціональнѣе озаботиться облегченіемъ *водной перевозки* угля. „Судоходная рѣка—говорится въ докладѣ подкоммиссіи—можетъ замѣнить любую желѣзную дорогу. Перевозка воданымъ путемъ обходится дешевле, особенно же судоходство имѣетъ преимущество для громоздкихъ и тяжеловѣсныхъ грузовъ, невыносящихъ высокой платы за извозъ, къ какимъ можно причислить и уголь". Поэтому вмѣсто расширенія провозной способности харьково-николаевской дороги, въ видахъ усиленія перевозки угля, слѣдовало бы обратить вниманіе на *утилизированіе для этой цѣли Днѣпра*.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о заключеніяхъ *кіевской* подкоммиссіи по вопросу о расширеніи провозной способности дорогъ.

Въ докладѣ о техническомъ устройствѣ дорогъ подкоммиссія указываетъ на серьёзные недостатки юго-западной дороги, мѣшающіе правильному по ней движенію. По заключенію подкоммиссіи, приведеніе названной дороги въ исправность потребовало бы затраты до 15 м. р. Тѣмъ не менѣе кіевская подкоммиссія, также какъ и харьковская, не рекомендуетъ производства теперь же какихъ-либо капитальныхъ улучшеній провозной силы дорогъ своего раіона; но при этомъ она исходитъ изъ особыхъ соображеній. По заключенію подкоммиссіи вообще *никакія значительныя сооруженія*, какъ по устройству новыхъ линій, такъ и по достройкѣ и капитальному ремонту существующихъ дорогъ, не должны быть предпринимаемы впредь до выработки новыхъ правилъ относительно желѣзно-дорожныхъ сооруженій и организаціи самаго строгого контроля надъ дѣятельностью желѣзнодорожныхъ обществъ. „При нынѣшней безконтрольности и безотвѣтственности желѣзнодорожныхъ обществъ— говоритъ она—можно опасаться, что всѣ сооруженія обойдутся въ 3 — 4 раза дороже ихъ дѣйствительной стоимости, и что они не только не улучшатъ сѣти желѣзныхъ дорогъ и не поднимутъ ея доходности, но напротивъ падутъ новымъ тяжкимъ бременемъ на государственное казначейство и на экономическое благосостояніе страны вообще. Наконецъ, при крайне неудовлетворительной отчетности желѣзныхъ дорогъ — по мнѣнію подкоммиссіи—нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что ассигнованныя на исправленіе дорогъ суммы получатъ надлежащее назначеніе, такъ какъ отдѣлить эксплуатаціонные расходы отъ строительныхъ не представляется возможнымъ".

Для удовлетворенія теперь же нѣкоторыхъ самыхъ настоятельныхъ и не терпящихъ отлагательства нуждъ по исправленію дорогъ, по мнѣнію кіевской подкоммиссіи, было бы полезно открыть возможно широкій просторъ дѣятельности частныхъ лицъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она прямо не идетъ въ разрѣзъ съ условіями желѣзнодорожнаго дѣла. Такъ, слѣдовало бы предоставить частнымъ лицамъ, на возможно льготныхъ условіяхъ, постройку амбаровъ и пакгаузовъ для храненія грузовъ, элеваторовъ, устройство подъѣздныхъ вѣтвей къ заводамъ и фабрикамъ и т. п.

Приведенныя подробности могутъ, какъ намъ кажется, служить подтвержденіемъ той общей характеристики предположеній подкоммиссій объ усиленіи перевозочной способности желѣзныхъ дорогъ, которая была сдѣлана выше.

Если смотрѣть на доклады подкоммиссій какъ на *одинъ изъ ма-*

теріаловъ для рѣшенія вопроса о томъ, какія мѣры нужны для приведенія провозоспособности сѣти въ положеніе, соотвѣтствующее существующимъ потребностямъ, ихъ нельзя не признать матеріаломъ весьма цѣннымъ; но какъ *окончательный проектъ* такихъ мѣръ, они являются далеко недостаточными. Въ *совокупности*, пополняя взаимно другъ друга, доклады подкоммиссій затрогиваютъ всѣ стороны даннаго вопроса, но нельзя сказать того же о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Не касаясь техническихъ соображеній подкоммиссій и останавливаясь только на экономической сторонѣ дѣла, мы видимъ, что не во всѣхъ докладахъ оно разработано съ одинаковою полнотою и обстоятельностью. Такъ напр., нельзя не признать, что заключенія С.-Петербургской подкоммиссіи о необходимости *немедленнаго* расширенія, на счетъ казны, въ указываемыхъ подкоммиссіею размѣрахъ, провозной способности балтійской и уральской дорогъ, вызываютъ нѣкоторыя довольно серьёзныя замѣчанія. Мы видѣли выше, что по изслѣдованіямъ подкоммиссіи настоящіе размѣры движенія по балтійской дорогѣ поддерживаются нѣкоторыми ненормальными условіями, искусственно привлекающими къ Ревелю часть грузовъ съ приволжскихъ дорогъ. Поэтому казалось бы осторожнѣе, выждать результатовъ отъ устраненія помянутыхъ ненормальностей, такъ какъ только тогда можно судить о *дѣйствительной* потребности въ увеличеніи провозной силы дороги. Равнымъ образомъ, едва ли можно считать достаточными тѣ основанія, по которымъ подкоммиссія увеличиваетъ въ $1^1/_2$ раза норму движенія по уральской дорогѣ, исчисленную по показаніямъ отправителей и мѣстныхъ земствъ.

Припомнимъ затѣмъ подробно изложенныя выше общія соображенія харьковской подкоммиссіи. Подкоммиссія, какъ мы видѣли, настаиваетъ на необходимости, предварительно проектированія какихъ-либо мѣръ по улучшенію провозной способности дорогъ, тщательнаго каждый разъ изслѣдованія: не вызывается ли неисправность движенія недостатками эксплуатаціи? Мы не можемъ судить по докладамъ подкоммиссій, во всѣхъ ли случаяхъ ими было обращено достаточное вниманіе на эту сторону дѣла. Точно также существенное значеніе имѣетъ замѣчаніе харьковской подкоммиссіи, что главныя жалобы отправителей, въ особенности хлѣбныхъ торговцевъ, направлены не столько противъ самыхъ задержекъ въ отправленіи грузовъ, сколько противъ необезпеченности цѣлости и сохранности грузовъ во время этихъ задержекъ. Если признать это замѣчаніе харьковской подкоммиссіи справедливымъ, то выполненіе многихъ изъ предположенныхъ мѣръ къ расширенію провозной способности желѣзныхъ дорогъ могло бы быть отложено или вовсе отмѣнено.

Въ сводѣ заключеній подкоммиссій, указывается, что съѣздъ предсѣдателей подкоммиссій „посвятилъ нѣсколько засѣданій подробной разработкѣ вопроса объ опредѣленіи потребностей промышленности, торговли и земледѣлія въ извѣстномъ раіонѣ и въ зависимости отъ этого объ усиленіи провозоспособности дорогъ съ наименьшею при этомъ затратою со стороны государственнаго казначейства и самихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ“.

По всей вѣроятности, при этомъ были восполнены указанные пробѣлы въ докладахъ подкоммиссій и устранены всѣ замѣчаемыя между ними противорѣчія. Къ сожалѣнію, результаты совѣщаній съѣзда по настоящему предмету намъ неизвѣстны.

А—ій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е мая, 1882.

По поводу коммиссіи статсъ-секретаря Каханова.—„Народный опросъ“ и различныя его формы. — „Властная забота“ и „показаніе пути“.—Споръ о посреднической власти.—Наша подушная система, и историческій очеркъ ея до настоящаго дня. — Школа грамотности, и новое административное распоряженіе.—Ограниченіе свободы рѣчи для служащихъ. — Еще нѣсколько словъ о „самобытности“ и о „либеральной программѣ“.

I.

Программа занятій, составленная коммиссіей М. С. Каханова, утверждена, въ началѣ апрѣля, комитетомъ министровъ. Первый фазисъ работы, продолжавшійся почти полгода, наконецъ оконченъ; ничто не мѣшаетъ болѣе коммиссіи приступить къ исполненію своей задачи. Чѣмъ дальше подвигается дѣло, тѣмъ больше появляется въ печати и въ обществѣ связанныхъ съ нимъ слуховъ, толковъ, предположеній. Рядомъ съ всесословной волостью, на сцену выступаетъ всесословная община, всесословный — а можетъ быть, и сословный—приходъ; къ приглашенію или избранію свѣдущихъ людей, къ созыву губернскихъ комитетовъ присоединяется мысль о „народномъ опросѣ“, заявленная еще покойнымъ Ѳ. М. Достоевскимъ и пріурочиваемая теперь его поклонниками къ очередной реформѣ. „Народный опросъ“ — понятіе весьма обширное и неопредѣленное; оно обнимаетъ или можетъ обнимать собою самые различные способы обращенія къ народу, начиная съ частныхъ разговоровъ и оканчивая торжественнымъ совѣщаніемъ, начиная съ циркулярнаго предложенія волостнымъ или сельскимъ сходамъ цѣлаго ряда письменныхъ вопросовъ, и оканчивая свободною рѣчью лицъ, уполномоченныхъ говорить отъ имени народа. Все дѣло заключается здѣсь въ выборѣ средствъ; сочувствовать, или не сочувствовать, можно лишь извѣстной формѣ „народнаго опроса“, а не громкому слову, допу-

скающему массу разнообразныхъ и даже противуположныхъ толкованій. Чтó именно понимаютъ подъ этимъ словомъ наши „націоналы“ — это пока остается загадкой. Какимъ же образомъ могло оказаться, что „либеральный“ лагерь въ сущности не желаетъ „народнаго опроса“, боится народнаго мнѣнія и готовъ выслушать его только „застраховавъ себя отъ всѣхъ возможныхъ послѣдствій отповѣди народной“ („Русь“, № 14)? Прежде чѣмъ убояться и обратиться вспять, „либералы“ должны же по меньшей мѣрѣ знать, чтò составляетъ предметъ ихъ страха; паники безпричинной, болѣзненной, неудержимой въ „либеральномъ лагерѣ“, разсматриваемомъ какъ одно цѣлое, мы что-то не припомнимъ, несмотря на всѣ страшныя слова, употребляемыя нашими противниками. Мы знаемъ по опыту, что меньше всего можно ожидать отъ нихъ простого, яснаго выраженія ихъ мысли; попробуемъ поэтому опредѣлить собственными силами главнѣйшіе виды „народнаго опроса“ и установить наше отношеніе къ каждому изъ нихъ.

Простѣйшею формою „народнаго опроса“ является бесѣда съ отдѣльными людьми изъ среды народа, чуждая всякаго оффиціальнаго характера, по возможности искренняя и непринужденная. Эта форма такъ же стара, какъ и самая мысль о необходимости знакомства съ народной жизнью; она практикуется издавна беллетристами, публицистами, учеными, да и государственными людьми, не замкнувшимися безповоротно въ область канцелярскихъ бумагъ и докладовъ. Рекомендовать ее, какъ это дѣлаетъ „Русь“, членамъ коммиссіи М. С. Каханова—по меньшей мѣрѣ наивно; столь же наивно носиться и няньчиться съ словами *одного* крестьянина, какъ съ откровеніемъ, чуть ли не разрѣшающимъ все дѣло. Изъ числа „либераловъ“ многіе стоятъ къ народу такъ же близко, какъ и любой изъ „націоналовъ“, изучаютъ не только его потребности, но и его взгляды, стараются узнать его мнѣнія о спорныхъ вопросахъ минуты. Каждому изъ нихъ случалось, безъ сомнѣнія, встрѣтить въ сужденіяхъ крестьянина неожиданное созвучіе съ собственною задушевною мыслью, желанное подтвержденіе собственнаго вывода; но никому не приходило въ голову объявить во всеуслышаніе: „я правъ, потому что со мною согласенъ такой-то крестьянинъ такого-то уѣзда, такой-то волости“. Спѣшить подобнымъ объявленіемъ могутъ только тѣ, которые, привыкнувъ говорить отъ лица народа, на самомъ дѣлѣ не знаютъ и не хотятъ знать его, для которыхъ тождество реальнаго народа съ народомъ, ими сочиненнымъ,—аксіома, разъ навсегда признанная и не подлежащая пересмотру. Замѣтимъ, далѣе, что опросу путемъ частныхъ бесѣдъ свойственны неудобства, устранить которыя, и то не вполнѣ, удается далеко не всякому. Не говоримъ уже о недовѣріи,

съ которымъ крестьяне почти всегда относятся къ лицу другого общественнаго класса, о недоразумѣніяхъ, зависящихъ отъ способа выраженій, отъ употребленія однихъ и тѣхъ же словъ не въ одномъ и томъ же смыслѣ; положимъ, что собесѣдники вполнѣ понимаютъ другъ друга, что опрашивающій пользуется безграничнымъ довѣріемъ опрашиваемыхъ. Для полноты и для серьёзнаго значенія отвѣтовъ недостаточно еще и этихъ, рѣдко встрѣчающихся условій. Нужно, чтобы въ вопросахъ не просвѣчивало предвзятой мысли, чтобы они не имѣли наводящаго характера; нужно, чтобы они исчерпывали всѣ стороны предмета, не ограничиваясь тѣми, о которыхъ крестьяне уже составили себѣ опредѣленное мнѣніе. Спросите крестьянъ, какого управленія они бы для себя желали—и вы рѣдко услышите указаніе на всесословную волость; но это еще не значитъ, чтобы они сознательно ее отвергали, чтобы она „не вмѣщалась въ ихъ понятіяхъ". О всесословной волости громадное большинство крестьянъ просто ничего не слыхало; предложить ея устройство—имъ, конечно, не можетъ придти въ голову. Скажите крестьянамъ, что рѣчь идетъ о замѣнѣ крестьянскаго сумоуправленія общимъ, въ которомъ участвовали бы и которому бы подчинялись лица всѣхъ сословій; первое впечатлѣніе вашихъ собесѣдниковъ почти навѣрное будетъ враждебно реформѣ, въ которой они увидятъ возвращеніе къ прошлому, частное возстановленіе помѣщичьей власти. Тѣ немногіе крестьяне, которымъ знакомо, по старой памяти, слово: „всесословная волость", испугаются еще больше другихъ—и испугъ ихъ будетъ совершенно понятенъ, такъ какъ лѣтъ семь или восемь тому назадъ съ представленіемъ о всесословной волости дѣйствительно соединялось нѣчто крайне опасное для народа. Въ этомъ страхѣ, въ этомъ недовѣріи нѣтъ, однако, ничего безусловно непобѣдимаго; объясните крестьянамъ, что въ всесословномъ волостномъ сходѣ за ними можетъ быть обезпечено большинство, что во главѣ управленія всесословною волостью могутъ стоять лица, выбранныя изъ ихъ среды, что многіе сборы, теперь лежащіе исключительно на крестьянствѣ, могутъ быть распредѣлены между всѣми землевладѣльцами и жителями данной мѣстности — и вы получите отъ нихъ, по всей вѣроятности, совершенно другой отзывъ о напугавшемъ ихъ сначала проектѣ. Мы основываемъ наше убѣжденіе не на однихъ только догадкахъ, а на личномъ опытѣ, неоднократно повторенномъ. Осенью прошедшаго года однимъ изъ уѣздныхъ земскихъ собраній С.-Петербургской губерніи была выбрана коммиссія для выработки отвѣта на извѣстный декабрьскій циркуляръ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Въ составъ коммиссіи вошло двое гласныхъ изъ числа крестьянъ. Когда въ коммиссіи былъ въ первый разъ поднятъ вопросъ о все-

сословной волости, одинъ изъ крестьянъ замѣтилъ, что, подавъ за нее голосъ, онъ не могъ бы смотрѣть прямо въ глаза односельцамъ, которыхъ бы онъ такимъ образомъ вновь предалъ въ руки „господъ". При дальнѣйшемъ разъясненіи дѣла, тотъ же крестьянинъ—человѣкъ самостоятельный и умный—вполнѣ убѣдился доводами защитниковъ всесословной волости, за введеніе которой (въ формѣ наиболѣе благопріятной для крестьянскаго населенія) и высказалось единогласно земское собраніе.

Опросъ, оффиціально обращенный къ волостнымъ или сельскимъ сходамъ, тѣмъ болѣе—къ волостнымъ или сельскимъ властямъ, соединяетъ въ себѣ всѣ неудобства частнаго разспроса, безъ представляемыхъ имъ иногда преимуществъ. О всестороннемъ обсужденіи предмета, объ искреннемъ отвѣтѣ, дѣйствительно выражающемъ собою мнѣніе массы, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Если вопросы будутъ предложены письменно, разрѣшеніе ихъ попадетъ въ руки писаря, или другого добровольца-грамотѣя; хорошо еще, если отвѣтъ не будетъ заранѣе продиктованъ закулиснымъ предписаніемъ мѣстнаго начальства, или внушеніемъ вліятельныхъ міроѣдовъ. Если опросъ будетъ порученъ командированнымъ ad hoc должностнымъ лицамъ, или хотя бы земскимъ дѣятелямъ, то отвѣты, за немногими исключеніями, будутъ получены неполные, неточные, случайные. Ничего лучшаго нельзя ожидать и отъ спроса произвольно выхваченныхъ изъ крестьянской среды „стариковъ" или „свѣдущихъ людей", внезапно поставленныхъ лицомъ къ лицу съ тою или другою опрашивающею властью. Единственной разумной и правильной формой „народнаго опроса" кажется намъ обращеніе къ уполномоченнымъ, свободно избраннымъ крестьянами, и притомъ обращеніе не къ каждому изъ нихъ отдѣльно, а ко всей совокупности ихъ или, по крайней мѣрѣ, къ группамъ, соединеннымъ съ представителями другихъ классовъ или сословій. Само собою разумѣется, что отвѣту должно предшествовать *совѣщаніе*, долженъ предшествовать ничѣмъ не стѣсненный обмѣнъ мыслей. „Народный опросъ" сводится, такимъ образомъ, къ тому, о чемъ давно говоритъ, къ чему постоянно стремится „либеральная" печать. Какъ организовать упомянутыя нами группы, какъ упрочить единеніе между ними—это другой вопросъ; съ точки зрѣнія, занимающей насъ теперь, важно только то, чтобы меньшинство не заслоняло собою большинства, чтобы голосъ массы ничѣмъ не былъ заглушаемъ, чтобы число ея уполномоченныхъ соотвѣтствовало значенію ея въ государствѣ, чтобы рядомъ съ нею могли найти мѣсто всѣ элементы населенія, и чтобы путемъ взаимодѣйствія ихъ достигалось полное, всестороннее освѣщеніе каждаго вопроса. На очереди, въ настоящую минуту, стоятъ бо́льшею частью такія задачи,

въ правильномъ разрѣшеніи которыхъ всего больше заинтересована именно масса народа; но съ степенью интереса не всегда строго соразмѣрна степень пониманія и знанія. Найти путь, ведущій къ желанной цѣли, невозможно безъ содѣйствія массы—но столь же невозможно при содѣйствіи *ея одной*. Вполнѣ плодотворной будетъ только та работа, которая соединитъ разнородныя силы, пополнитъ недостатки каждой изъ нихъ, взятой отдѣльно отъ прочихъ, осуществитъ старинный девизъ: „Viribus unitis“. Односторонній, поверхностный „народный опросъ“ — это Харибда сравнительно съ тою Сциллой, которую мы много разъ старались освѣтить въ нашихъ прежнихъ обозрѣніяхъ, т.-е. съ опросомъ однихъ губернскихъ земскихъ собраній. Пойти послѣдней дорогой, значило бы пренебречь, можетъ быть, самыми насущными потребностями народа, подвергнуть опасности наиболѣе дорогіе ему обычаи и порядки (напримѣръ, общинное землевладѣніе); руководиться одними отрывочными мнѣніями, только потому, что они высказаны крестьянами, значило бы рисковать цѣлымъ рядомъ ошибокъ въ выборѣ средствъ—ошибокъ, иногда не менѣе опасныхъ, чѣмъ ошибки въ выборѣ цѣли. Одновременное обращеніе къ массѣ и къ интеллигенціи, къ народу и къ обществу — вотъ средній путь, одинаково далекій отъ обоихъ подводныхъ камней. Повторяемъ еще разъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній: первая роль въ „опросѣ“, направленномъ ко благу народа, пускай принадлежитъ народу,—но народу, не бродящему во тьмѣ, народу, ясно понимающему вопросъ и могущему взвѣсить *всѣ* допускаемыя имъ рѣшенія. Страшнымъ для „либераловъ“ *народный опросъ* могъ бы быть только тогда, еслибы онъ былъ устроенъ по образцу наполеоновскихъ плебисцитовъ, предрѣшавшихъ отвѣтъ и почти исключавшихъ возможность разногласія.

Если вѣрить тѣмъ господамъ, которымъ заранѣе извѣстенъ результатъ „народнаго опроса“,—желанія народа, въ сферѣ управленія или самоуправленія, сводятся къ установленію новаго или возстановленію стараго, власть имѣющаго начальства. „*Властная забота*“ о крестьянскомъ благосостояніи и *благонравіи* (!)—таковъ, увѣряютъ насъ, идеалъ народа, идеалъ, къ которому всего ближе подходитъ прежній мировой посредникъ или нынѣшній мировой судья. Доказательствъ этому покамѣсть имѣется два: бесѣда редактора „Руси“ съ крестьяниномъ Горбачевымъ и письмо крестьянина, напечатанное въ № 3 „Отечественныхъ Записокъ“. По мнѣнію „Руси“, оба крестьянина вполнѣ согласны между собою въ стремленіи къ живой, *показующей путь*, единоличной власти, какъ къ единственному спасенію для народа. Таковъ ли былъ смыслъ рѣчей Горбачева — объ этомъ мы, конечно, судить не можемъ; но мнѣніе другого крестьянина не-

сомнѣнно извращено или невѣрно понято „Русью". *Нѣтъ показателя пути!*—вотъ слова, толкуемыя ею какъ воздыханіе о власти, о „властной заботѣ". Авторъ письма, названнаго нами выше, очевидно соединяетъ съ этими словами совершенно другое представленіе. О потерѣ пути и исканіи показателя онъ говоритъ въ связи съ церковными распоряженіями, содѣйствующими упадку религіи въ народѣ. „Я прошу,—восклицаетъ онъ,—написать книжки въ познаніе вѣры христовой, откликнуться заблудшимъ и вывести изъ пропасти, и *показать путь истинный*. Неужели у насъ нѣтъ тѣхъ людей, *которые знаютъ путь истинный?*"—„Въ томъ наша бѣда,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, письма вслѣдъ за горькими жалобами па архіереевъ, священниковъ и „исполнителей закона",—что мы живемъ безъ пастыря, какъ овцы заблудшія! *Намъ некому показать путь!* Никто не напомнитъ о прежнемъ и не скажетъ заблудшему народу, куда онъ идетъ". Не ясно ли, что авторъ письма скорбитъ о недостаткѣ духовнаго руководительства, а вовсе не о недостаткѣ „властной заботы"? Судя по тому, какъ онъ отзывается о мѣстныхъ властяхъ—въ томъ числѣ и о мировыхъ судьяхъ—никакъ нельзя предположить, чтобы онъ возлагалъ какія-либо надежды на иную организацію *власти*. Прекращеніе всякой эксплуатаціи, въ томъ числѣ и еврейской, огражденіе народа отъ новыхъ посягательствъ на его свободу, поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня массы путемъ развитія и духовнаго просвѣщенія —вотъ программа крестьянина, несравненно болѣе широкая, чѣмъ навязываемая ему программа „Руси". Мы вполнѣ убѣждены, что на вопросъ о возстановленіи посреднической власти авторъ письма отвѣчалъ бы отрицательно,—убѣждены потому, что все письмо проникнуто полнѣйшимъ недовѣріемъ къ начальству. Да и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же гарантіи, что въ рукахъ мировыхъ посредниковъ, или вообще „властныхъ показателей пути", носителей „властной заботы", власть служила бы для народа источникомъ однихъ только благъ, залогомъ „благосостоянія и благонравія"? Происхожденіе власти не имѣетъ, съ этой точки зрѣнія, рѣшающаго вліянія; назначенію, какъ и избранію, свойственны и сильныя, и слабыя стороны. Близко зная дѣятельность чиновъ полиціи, народъ уже по этому одному не можетъ приписывать *назначенію* какой-то чудотворной силы. Это видно даже изъ словъ крестьянина Горбачева, на авторитетъ котораго съ такимъ апломбомъ опирается „Русь". „Намъ нужна,—говоритъ Горбачевъ,—власть отъ короны, а не отъ земства—ну вотъ, какъ были мировые посредники"; но нѣсколькими строками ниже мы узнаемъ, что народъ не дѣлаетъ различія между бывшими мировыми посредниками и нынѣшними мировыми судьями, *хотя послѣдніе и выбираются земствомъ*. Итакъ, дѣло не въ источникѣ власти, а въ самой

власти. Но такъ ли пользовались властью мировые посредники, такъ ли пользуются ею мировые судьи, чтобы къ ней могло тяготѣть непосредственное народное чувство? Поклонники мировыхъ посредниковъ слишкомъ расположены вспоминать о первомъ, короткомъ періодѣ жизни этого института и приписывать учрежденію то, что̀ было достигнуто чрезвычайнымъ подъемомъ характеровъ и умовъ, соотвѣтствовавшимъ величію минуты. Не только въ началѣ семидесятыхъ, но уже въ концѣ или срединѣ шестидесятыхъ годовъ громадное большинство мировыхъ посредниковъ ничѣмъ не отличалось отъ остальныхъ, власть имѣющихъ лицъ; губерніи, въ которыхъ они до сихъ поръ сохранились, благоденствують ничуть не больше—или, лучше сказать, страдаютъ ничуть не меньше, — чѣмъ другія. Мы знаемъ, что быстрому упадку института много способствовали неблагопріятныя условія, наступившія почти вслѣдъ за призывомъ его къ жизни; но еслибы въ немъ самомъ заключалась та сила дѣйствія и противудѣйствія, въ которую вѣруютъ наши „націоналы", то онъ лучше и дольше бы устоялъ противъ внѣшней невзгоды. За благопріятную обстановку его, притомъ, и теперь нельзя было бы поручиться. Что касается до мировыхъ судебныхъ учрежденій, то, разсматриваемыя какъ одно цѣлое, они не пали такъ низко, какъ институтъ мировыхъ посредниковъ; но цвѣтущая эпоха и для нихъ давно миновала. Умственная и нравственная ихъ сила далеко не такъ велика, чтобы къ старой ихъ задачѣ можно было присоединить новую, еще болѣе важную и трудную.

Когда, въ 1861 г., были учреждены мировые посредники, потребность въ особой власти для завѣдыванія спеціально-крестьянскими дѣлами была очевидна и несомнѣнна. Устройство поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами требовало массы труда; только-что созданное крестьянское самоуправленіе не могло быть предоставлено самому себѣ; мировыхъ судей еще не было, и на посредниковъ нельзя было не возложить нѣкоторыхъ судебныхъ функцій. Ничего подобнаго мы не видимъ въ настоящее время. Власть на мѣстѣ, конечно, необходима, но необходима одинаково для всѣхъ сословій; особая, да въ добавокъ еще *властная* забота о благонравіи крестьянъ представляется совершенно излишней. Чѣмъ могъ бы заниматься въ настоящее время возстановленный подъ тѣмъ или другимъ именемъ мировой посредникъ? Временно-обязанныхъ крестьянъ, начиная съ будущаго года, въ Россіи больше не будетъ; не будетъ, слѣдовательно, и новыхъ выкупныхъ сдѣлокъ. Волостное управленіе, по всей вѣроятности, перестанетъ быть спеціально крестьянскимъ и войдетъ въ составъ общей земско-административной системы; о̀рганы этого управленія будутъ поставлены подъ тотъ же контроль, какъ и дру-

гія должностныя лица. Сельское самоуправленіе должно быть поставлено въ опредѣленныя рамки, но для надзора за неприкосновенностью этихъ рамокъ нѣтъ надобности учреждать особыхъ чиновниковъ. Утвержденіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, общественныхъ приговоровъ и разсмотрѣніе вызываемыхъ ими жалобъ можетъ быть предоставлено безъ всякаго неудобства волостному управленію, съ присоединеніемъ къ нему уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ, или, чтó въ сущности то же самое, особому коллегіальному учрежденію, составленному почти исключительно изъ крестьянъ и облеченному скорѣе судебною, чѣмъ административною властью. Только такимъ путемъ можно сохранить сельскую автономію и вмѣстѣ съ тѣмъ положить конецъ злоупотребленіямъ, совершаемымъ теперь подъ ея покровомъ. Не слѣдуетъ забывать, что со времени упраздненія мировыхъ посредниковъ прошло восемь лѣтъ, а со времени фактическаго прекращенія ихъ дѣятельности—лѣтъ двѣнадцать, что крестьяне успѣли отвыкнуть отъ вмѣшательства власти въ ихъ внутренніе распорядки, что возстановленіе этого вмѣшательства было бы не естественнымъ продолженіемъ никогда не прерывавшагося дѣла, а искусственнымъ поворотомъ назадъ, къ полузабытому прошедшему. Мѣра, которая могла бы быть своевременною въ 1872 г., въ 1882 г. оказывается устарѣлой, и уже по тому одному безсильной привести къ желанному результату. Напрасно было бы утѣшать себя надеждой, что вновь организованная власть будетъ только „показателемъ пути", и притомъ пути „дѣйствительно годнаго", что народъ пойдетъ по этому пути „своими ногами", что тащить его не будетъ нужно. *Власть*, по самому своему свойству, нигдѣ и никогда не можетъ ограничиваться указаніями, совѣтами, нигдѣ и никогда не можетъ разсчитывать *только* на добровольное послушаніе; меньше всего такая роль мыслима для нея у насъ, въ переживаемое нами время. Чѣмъ меньше у нея будетъ настоящаго дѣла, тѣмъ больше она будетъ расположена *тащить* народъ къ излюбленнымъ ею цѣлямъ, *толкать* его на избранные ею пути. Всегда ли, вездѣ ли эти пути будутъ „дѣйствительно годные"—угадать не трудно; а покорнаго слѣдованія по путямъ негоднымъ не берутся обѣщать и наши „національны". Представимъ себѣ, что „властная" рука будетъ *показывать путь* въ сторону расторженія общины, запрещенія семейныхъ раздѣловъ, обязательнаго введенія общественныхъ запашекъ, безотлагательной перемѣны сѣвооборота, немедленнаго перехода къ интенсивному хозяйству, и т. п.; къ какой категоріи отнести всѣ эти пути, и въ какой степени вѣроятно *непринужденное* вступленіе на нихъ крестьянской массы? Мы ничего не имѣемъ противъ всевозможныхъ *показываній пути*, лишь бы только при этомъ была ограж-

дена свобода выбора—другими словами, лишь бы только показыванье не переходило въ приказыванье. Власть пускай остается властью, совѣтъ—совѣтомъ; смѣшивать два эти ремесла есть тьма охотниковъ, но тѣмъ болѣе опасно поощрять такое смѣшеніе. Не замѣчательно ли, что рекомендуютъ „властную заботу" именно наши „націоналы", столько разъ громившіе бюрократію; что въ чисто внѣшнемъ врачеваніи ищутъ спасенья именно тѣ, которые столько разъ провозглашали необходимость внутренняго обновленія; что поставить народъ подъ начальство личныхъ землевладѣльцевъ, людей образованнаго класса, хотятъ именно тѣ, которые считаютъ интеллигентное меньшинство отрѣшившимся отъ народа, отступившимъ отъ народнаго міросозерцанія и народныхъ идеаловъ? „Либералы", становясь на точку зрѣнія народа, зная недовѣріе его къ бывшему помѣщичьему классу, возстаютъ противъ возстановленія мировыхъ посредниковъ, противъ облеченія мировыхъ судей административною властью, противъ октроированія сверху (хотя бы и земствомъ) участковыхъ начальниковъ или волостныхъ старшинъ, потому что все это было бы равносильно *сосредоточенію мѣстнаго управленія въ рукахъ одного класса*, одной общественной группы; „націоналы" добиваются именно господства меньшинства надъ большинствомъ, едва прикрытаго фразами о „показаніи пути" и о „ходьбѣ своими ногами". Болѣе рѣзкой характеристики обѣихъ партій нельзя и придумать; антинародное направленіе никогда еще не выступало на видъ такъ ярко и такъ рельефно изъ-подъ національной костюмировки.

II.

Нынѣшній годъ, судя по извѣстіямъ и слухамъ проникшимъ въ общество и печать, можно будетъ назвать кануномъ, если не полной отмѣны *подушной подати*, то — начала постепенной ея отмѣны, при помощи замѣны другими налогами. Въ нынѣшнемъ же году исполнилось ровно 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда въ первый разъ былъ не только поднятъ вопросъ о преобразованіи подушной системы, въ смыслѣ уничтоженія такого различія сословій платящихъ и не платящихъ,—но и образована спеціальная коммиссія для пересмотра всей системы податей и сборовъ. Это было въ 1862 году. Чѣмъ болѣе подвигались впередъ реформы, начиная съ 1861 года, тѣмъ болѣе становилась ясною ненормальность прежней податной системы: крѣпостное право было уничтожено; земство, судъ присяжныхъ, наконецъ, воинская повинность—почти сгладили и послѣднія черты, отдѣлявшія крестьянское населеніе отъ прочаго; а подушная

подать оставалась одна какимъ-то забытымъ слѣдомъ прежняго, уже не существующаго порядка вещей, историческимъ преданіемъ о той эпохѣ, когда въ одномъ государствѣ жили какъ будто два народа, обставленные въ своей жизни весьма различными условіями. При всемъ томъ, подушная система, хотя и представляла собою археологическое значеніе, но въ народномъ обиходѣ не утратила реальности, въ смыслѣ тяжкаго бремени; народная масса, раскрѣпощенная во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, оставалась до сихъ поръ, въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи—закрѣпощенною такъ, какъ будто бы въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ не было совершено никакой реформы—въ смыслѣ уничтоженія всѣхъ источниковъ сословной розни. Однимъ словомъ, въ настоящее время подушная подать является какою-то заплатою на новой одеждѣ, и притомъ не того цвѣта и не той крѣпости, сравнительно съ остальнымъ ея новымъ матеріаломъ.

Между тѣмъ, въ свое время, при первомъ своемъ введеніи въ практику, подушная система была шагомъ впередъ, или по крайней мѣрѣ,—одною изъ первыхъ попытокъ къ упорядоченію нашихъ финансовъ. Но это и было зато сдѣлано слишкомъ полтораста лѣтъ тому назадъ, а слѣдовательно, сообразно съ общимъ порядкомъ вещей, который господствовалъ въ то время. Основателемъ подушной системы былъ Петръ Великій; цѣль законодателя состояла тогда въ облегченіи крестьянскаго сословія, несшаго на себѣ всѣ тягости по содержанію военныхъ силъ, безъ всякаго порядка, безъ всякой равномѣрности, а потому нерѣдко съ полнѣйшимъ разореніемъ, какое обыкновенно влечетъ за собою произволъ. Въ концѣ 1718 года появился впервые указъ, вводившій подушную систему, съ цѣлью „расписать полки по крестьянамъ", а именно—„росписать, на сколько душъ солдатъ рядовый съ долею на него роты и полкового штаба, положа средній окладъ,—или *чего болѣе невозможно* и *чего меньше не надлежитъ* (т.-е. maximum и minimum),—въ такой надеждѣ, что съ нихъ болѣе податей и работъ не будетъ, развѣ какое нечаемое нападеніе непріятельское, или домашнее какое замѣшаніе". Для осуществленія такой реформы, тогда же предписано было произвести ревизію, а указъ начала 1719 года пояснилъ, какія именно сословія должны быть занесены въ „сказки". Ревизія должна была окончиться въ одинъ годъ, но въ дѣйствительности, это, и теперь трудное, дѣло было окончено въ 1723 году, такъ что подушный сборъ начался только съ 1724 года. Первый окладъ былъ опредѣленъ въ 80 коп. съ души („по восьми гривенъ съ персоны"), въ ожиданіи 5 милліоновъ ревизскихъ душъ, т.-е. съ разсчетомъ получить подушныхъ 4 милліона рублей; но по этой первой ревизіи оказалось на дѣлѣ слишкомъ 5.400,000, а потому и окладъ былъ, соотвѣтственно тому,

пониженъ до 74 копѣекъ. Для уравненія помѣщичьихъ крестьянъ съ государственными, предписано было съ послѣднихъ взыскать еще дополнительный сборъ въ 40 копѣекъ и, собравъ его особо, „употреблять на ландмилицію". Съ городскихъ жителей, т.-е. съ мѣщанъ, подушная подать была опредѣлена въ 40 алтынъ съ души. Такова была первобытная форма и спеціальная цѣль введенія подушной системы Петромъ Великимъ. Сравнительно съ предшествовавшимъ ей полнѣйшимъ безпорядкомъ и неопредѣленностью этой повинности, она была, какъ мы замѣтили, улучшеніемъ; но затѣмъ, почти не измѣняясь до настоящаго времени,—кромѣ, разумѣется, цифры первоначальнаго оклада,—она превратилась въ совершенный анахронизмъ, сдѣлавшись столь же вредною для народнаго хозяйства, сколько была сравнительно полезна при первомъ своемъ введеніи.

Сто лѣтъ спустя, послѣ отечественной войны, подушный окладъ, возросшій уже къ тому времени до 3 рублей съ души, былъ еще повышенъ, вслѣдъ за седьмою ревизіею 1816 года,—спеціальнымъ подушнымъ сборомъ въ 25 коп. съ души на починку и содержаніе большихъ путей, и по 5 коп.—на водяныя сообщенія. При Николаѣ Павловичѣ, повышеніе податей остановилось; въ 1839 г. было совершено одно переложеніе подушнаго оклада на серебро, но по разсчету 3 р. 50 к. ассигнаціонныхъ за рубль серебряный, а потому новый окладъ былъ выраженъ общею суммою—95 коп. сер. съ души. Въ послѣднее царствованіе, вслѣдствіе дополнительныхъ сборовъ а также и вслѣдствіе присоединенія къ чисто-подушной подати двухъ другихъ сборовъ той же системы, а именно, государственнаго земскаго и общественнаго, — размѣръ оклада поднялся до современной нормы; но такъ какъ добавочные сборы были различны, въ соотвѣтствіи со средствами той или другой губерніи, то современный размѣръ оклада можно выразить только въ среднемъ числѣ. Такъ, на текущій 1882 годъ, среднее обложеніе ревизской души вычислено: 1) для бывшихъ государственныхъ крестьянъ—2 р. 56 к.; 2) бывшихъ помѣщичьихъ—2 р. 27 к. (колеблется отъ 58 коп. до 2 р. 96 к.); 3) удѣльныхъ и другихъ вѣдомствъ—2 р. 22 к.; 4) остзейскихъ—2 р. 12 к.; 5) бывшихъ колонистовъ—2 р. 67 к.; 6) ссыльныхъ поселенцевъ—76 к.; 7) евреевъ-земледѣльцевъ—2 р. 32 к.; 8) осѣдлыхъ инородцевъ—1 р. 41 к.

Всѣхъ податныхъ душъ, въ настоящее время, считается свыше 26.300,000, а общая сумма подушной подати достигаетъ почти 59 милліоновъ кредитныхъ рублей; при Петрѣ Великомъ, какъ мы видѣли, было около $5^1/_2$ милл. податныхъ душъ, и сбора съ нихъ было сдѣлано 4 милліона рублей.

Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, съ того времени, когда, въ первый разъ, былъ поставленъ вопросъ о преобразованіи, т.-е. объ уничтоженіи подушной системы сборовъ, сдѣлано было и нѣсколько шаговъ на практикѣ къ его разрѣшенію: такъ, уже въ 1863 г. была отмѣнена подушная подать съ мѣщанъ, а въ 1870 г. одна четвертая часть государственныхъ земскихъ повинностей, лежавшая прежде на одномъ податномъ сословіи, была возложена на земли всѣхъ сословій. Между тѣмъ, податная коммиссія составила въ 1869 г. новый проектъ замѣны подушныхъ сборовъ—поземельнымъ и подворнымъ налогомъ, причемъ податная тягость хотя и могла быть распредѣленною равномѣрнѣе, но оставалась на тѣхъ же самыхъ прежнихъ плательщикахъ. Этотъ проектъ предоставлено было разсмотрѣть въ земскихъ собраніяхъ, и значительное большинство ихъ, оставаясь неудовлетвореннымъ подобною формальною перемѣною, высказалось почти единодушно за необходимость привлеченія всѣхъ сословій къ равномѣрному отбыванію государственныхъ повинностей. Земство указывало при этомъ на установленіе налога съ дохода всѣхъ родовъ, какъ на лучшій способъ сборовъ.

Ровно 10 лѣтъ тому назадъ, въ 1872 г. особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря П. А. Валуева, разсмотрѣла всѣ тѣ отзывы земствъ; а другая, финансовая коммиссія составила, на основаніи заключеній первой, проектъ о замѣнѣ подушныхъ сборовъ—подворнымъ и разряднымъ подоходнымъ налогами: первымъ—на 22 милл. р., а вторымъ—на 33 милл.; на крестьянахъ въ такомъ случаѣ остался бы платёжъ 21 милл. подворнаго, и 19 милл. разряднаго налога. Но тогдашнее министерство финансовъ (въ 1876 г.) полагало, что вообще отмѣна подушныхъ сборовъ возможна безъ опасенія для государственнаго казначейства только въ такомъ случаѣ, если будетъ допущено значительное обложеніе не-крестьянскихъ земель; кромѣ того, министерство думало—и весьма основательно, что, во всякомъ случаѣ, необходимо прежде всего произвести новую народную перепись. Въ томъ же 1876 г., такое мнѣніе министерства было передано въ новую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича; но вскорѣ затѣмъ началась война съ Турціею,—и дѣло оставалось безъ движенія вплоть до 1879 г., когда, по представленію новаго министерства финансовъ и въ силу Высочайшаго повелѣнія 23 марта, была составлена и новая коммиссія изъ чиновъ различныхъ министерствъ, съ участіемъ могущихъ быть приглашенными свѣдущихъ людей. Вотъ, эта-то послѣдняя коммиссія, раздѣленная на 3 отдѣла, составила проектъ о трехъ видахъ замѣны подушной подати: 1) *подоходнымъ* налогомъ на 35 милл. рублей—съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, тор-

говли, промысловъ и личнаго труда; 2) *личнымъ* на 16 милл. рублей—съ лицъ рабочаго возраста; 3) *усадебнымъ* на 18 милл. рублей, безъ различія сословій. По этому проекту крестьянскіе платежи уменьшились бы значительно—болѣе, чѣмъ на 30 милліоновъ рублей.

Новое и предпослѣднее министерство финансовъ (1880 г.), какъ извѣстно, сосредоточило все свое вниманіе на пониженіи выкупныхъ платежей, какъ необходимомъ введеніи къ замѣнѣ подушной подати; притомъ, оно было кратковременно;—такимъ образомъ, исполненіе Высочайшаго повелѣнія 23 марта 1879 г. и окончательный пересмотръ послѣдняго проекта, составленнаго коммисcіею того же года, выпали на долю нынѣшняго министерства, и какъ слышно, приведены къ концу, такъ что теперь ничего не остается какъ пустить этотъ проектъ, въ его новомъ пересмотрѣнномъ видѣ, обычнымъ законодательнымъ путемъ для пріобрѣтенія окончательной санкціи закона.

По слухамъ, проектъ послѣдней коммиссіи 1879 года не нашелъ себѣ поддержки въ нынѣшнемъ министерствѣ финансовъ; оно приняло въ основу *постепенность* замѣны подушной подати, съ цѣлью постепеннаго повышенія прежнихъ налоговъ и прінсканія новыхъ источниковъ для государственнаго дохода, но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе падали не на мелкіе промыслы, а на крупныя предпріятія. Изъ этого видно, что къ числу недостатковъ прежняго проекта коммиссіи отнесено и то обстоятельство, что его осуществленіе требовало *одновременности* совершенія всей реформы, что̀, вѣроятно, было сочтено непреодолимо-труднымъ дѣломъ. Министерство потому полагаетъ разверстать всю операцію замѣны подушной подати на *восемь* лѣтъ, считая на этотъ предметъ, въ средней сложности, по 6 милл. рублей въ годъ. Такимъ образомъ, операція замѣны начнется въ 1883 г. и закончится въ 1890 г.

Постепенность, конечно, представляетъ большія выгоды, говоря вообще, и эти выгоды столь общеизвѣстны, что напрасно было бы ихъ исчислять, или о нихъ распространяться. Но постепенность, особенно въ нѣкоторыхъ данныхъ случаяхъ, можетъ представлять и большія невыгоды—болѣе, чѣмъ затрудненія; она можетъ являться иногда самостоятельнымъ источникомъ новыхъ неудобствъ. Потому нельзя не обратить вниманія на специфическое значеніе „постепенности" именно въ такомъ вопросѣ, какъ замѣна подушной подати. Нѣтъ сомнѣнія, что и сами сторонники постепенной ея замѣны считаютъ старую податную систему крупнымъ поводомъ къ розни у насъ между сословіями, большимъ зломъ въ виду настоящаго экономическаго положенія народа, тормазомъ къ отмѣнѣ различныхъ препятствій, въ родѣ паспортной системы, къ прінсканію прибыльныхъ занятій и вообще къ усиленію производительности своего труда; благодаря подушной системѣ сборовъ,

рабочая сила должна именно здѣсь добывать себѣ копѣйку, между тѣмъ, какъ въ другомъ мѣстѣ она добыла бы себѣ рубль. Признавать все это зломъ и вмѣстѣ думать о постепенности его устраненія,—значило бы, съ одной стороны, стать въ противорѣчіе съ самимъ собою, а съ другой—сдѣлать неудобство еще болѣе чувствительнымъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ придется ждать очереди, въ виду сосѣдей, освобожденныхъ отъ неудобства. Намъ скажутъ, что по этой системѣ постепенности вводились и вводятся еще до сихъ поръ у насъ земскія и судебныя учрежденія; но во-первыхъ, никто не считаетъ такой постепенности какимъ-нибудь преимуществомъ; а во-вторыхъ,—и это самое главное—самая природа этихъ двухъ реформъ такова, что ихъ нельзя никакъ сравнивать съ отмѣною подушной системы сборовъ; другое дѣло, напримѣръ, воинская повинность: ее нельзя было бы вводить постепенно,—ее потому и ввели одновременно повсюду, по той самой причинѣ, по которой слѣдуетъ поступить точно также и съ податной.

Но и помимо вопроса о выгодахъ и невыгодахъ постепенности, проектъ нынѣшняго министерства, если слухи окажутся вѣрными, представляетъ еще и ту особенность, что онъ обходитъ самую важную сторону дѣла, а именно, не распространяетъ платежной повинности на всѣ сословія государства, какъ то уже сдѣлано въ отношеніи земскаго и судебнаго дѣла, а также и въ отношеніи воинской повинности. Между тѣмъ, въ такомъ равномѣрномъ участіи всѣхъ безъ различія въ несеніи податныхъ тягостей и лежитъ ключъ къ разрѣшенію задачи; такъ, именно и предполагалось сдѣлать это въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, и на что̀ выражало единогласно полнѣйшую готовность все наше земство.

Наконецъ, сторонники постепенной замѣны подушныхъ сборовъ должны согласиться, что такая операція во всякомъ случаѣ можетъ быть совершена безъ особыхъ затрудненій, не иначе, какъ при предположеніи вполнѣ нормальнаго хода дѣлъ; но кто въ наше время поручится за то, и притомъ на пространствѣ 8 лѣтъ, назначенныхъ министерствомъ, что, говоря словами Петра Великаго, не случится за все это время „нечаемаго нападенія непріятельскаго, или домашняго какого замѣшанія", въ родѣ безденежья, или неурожая. Собственно говоря, проектъ не предлагаетъ притомъ чего-нибудь новаго, избирая постепенность; вся исторія вопроса объ отмѣнѣ подушной системы до сихъ поръ велась именно по системѣ постепенности, и при томъ эта система была, такъ сказать, еще постепеннѣе, такъ какъ она тянулась не 8, а 20 лѣтъ, съ 1862 года: въ теченіе 20 лѣтъ, сдѣлано было два-три шага, какъ то мы видѣли выше, въ сторону отмѣны подушныхъ сборовъ; но результатъ этой постепенности теперь предъ нами, и никто, ко-

нечно, не будетъ имъ доволенъ. Зло можетъ рости въ геометрической прогрессіи, а постепенное искорененіе зла—въ ариѳметической, и въ такомъ случаѣ, результатъ будетъ непремѣнно отрицательный. Какъ бы то ни было, но сдѣлать что-нибудь не ранѣе, какъ въ восьмилѣтній срокъ, никакъ не значитъ—*поторопиться* облегченіемъ податного бремени и *обезпеченіемъ*, за дальнѣйшимъ развитіемъ производительныхъ силъ народа, *свободы отъ подушной крѣпости*; а того и другого, нѣтъ сомнѣнія, желаютъ и сами сторонники постепенности отмѣны подушныхъ сборовъ.

III.

Годъ тому назадъ мы говорили о необходимости устраненія условій, стѣсняющихъ развитіе простѣйшаго типа начальной школы, — такъ-называемой школы грамотности, обучающей своихъ учениковъ только чтенію, письму и счету. Состоявшееся недавно административное распоряженіе можетъ быть разсматриваемо какъ первый шагъ къ достиженію этой цѣли. Министерство народнаго просвѣщенія (еще при баронѣ А. П. Николаи), по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, признало нужнымъ разъяснить, что отъ лицъ, занимающихся домашнимъ обученіемъ грамотѣ въ селахъ, не требуется учительскаго званія. Наблюденіе за тѣмъ, чтобы обученіемъ грамотѣ не занимались лица неблагонадежныя въ политическомъ или нравственномъ отношеніи, возложено на приходскихъ священниковъ и на мѣстныя полицейскія власти. Воспрещать неблагонадежнымъ лицамъ дальнѣйшее обученіе предоставлено уѣздному исправнику. Значеніе этой мѣры сдѣлается вполнѣ понятнымъ, если припомнить, что до настоящаго времени сельскіе учителя, изъ числа отставныхъ солдатъ, дьячковъ, грамотныхъ крестьянъ и т. п., стояли внѣ всякой защиты и охраны закона, что занятія ихъ въ каждую данную минуту могли быть прерваны приказомъ станового пристава, урядника, волостного старшины, что незаконное преподаваніе могло даже послужить поводомъ къ уголовному обвиненію. Съ другой стороны, потребность народа въ грамотности очевидно неудовлетворяется существующими земскими и правительственными сельскими школами, доступными лишь для меньшинства населенія. Сразу увеличить число такихъ школъ до цифры, соотвѣтствующей числу дѣтей школьнаго возраста, не позволяютъ средства. Свѣдѣнія, сообщаемыя школой грамотности, въ большинствѣ случаевъ крайне скудны, педагогическіе пріемы самоучекъ-учителей крайне несовершенны; но при настоящемъ положеніи массы даже полу-грамотность

лучше полной безграмотности. На самомъ дѣлѣ, школы грамотности появлялись повсемѣстно, несмотря на непризнаніе ихъ закономъ, несмотря на противодѣйствіе общей и учебной администраціи; узаконить существующій фактъ давно было пора, хотя бы только потому, что школа, открыто дѣйствующая, легче и удобнѣе можетъ быть подчинена правительственному надзору. Въ земской средѣ, какъ и въ литературѣ, движеніе въ пользу школы грамотности началось много лѣтъ тому назадъ и продолжалось непрерывно; не дальше, какъ въ январѣ нынѣшняго года, петербургское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи открывать повсемѣстно простыя школы грамотности безъ особаго каждый разъ дозволенія, предусмотрѣннаго ст. 10 Положенія 25 мая 1874 года, и безъ требованія отъ лица, преподающаго въ школѣ, особаго свидѣтельства на право преподаванія, но съ подчиненіемъ этихъ школъ надзору правительственной инспекціи и училищныхъ совѣтовъ. Въ виду распоряженія, упомянутаго нами выше, можно ли считать ходатайство петербургскаго земства вполнѣ удовлетвореннымъ? Намъ кажется, что нѣтъ, по слѣдующимъ причинамъ.

Учительское званіе, по разъясненію министерства народнаго просвѣщенія, не требуется отъ лицъ, занимающихся *въ селахъ домашнимъ обученіемъ грамотѣ*. Изъ числа трехъ ограничительныхъ условій, заключающихся въ подчеркнутыхъ нами словахъ, мы не придаемъ большого значенія послѣднему, потому что не ожидаемъ, чтобы обученіе, вмѣстѣ съ грамотой, и счету встрѣтило какія-либо препятствія на практикѣ. Во избѣжаніе сомнѣній, впрочемъ, конечно, лучше было бы прямо разрѣшить обученіе счету, наравнѣ съ обученіемъ грамотѣ Гораздо важнѣе два другія условія. Понятіе *о домашнемъ обученіи* весьма эластично и неопредѣленно. Въ обыкновенномъ значеніи своемъ оно примѣнимо только къ такому преподаванію, которое происходитъ на дому у учащихся, за плату, получаемую отъ хозяина дома. Можно допустить, безъ натяжки, присоединеніе къ дѣтямъ одного семейства еще немногихъ другихъ изъ той же деревни; но идти дальше, значитъ распространять понятіе о домашнемъ обученіи за естественные его предѣлы. Преподаваніе въ особомъ школьномъ помѣщеніи, дѣтямъ разныхъ семействъ или даже разныхъ селеній, за плату, взимаемую не съ учащихся, а съ цѣлаго общества, очевидно, не можетъ быть названо *домашнимъ* обученіемъ. Между тѣмъ, школа грамотности въ деревнѣ часто устраивается именно по послѣднему образцу, какъ *школа* въ полномъ смыслѣ слова. Допустить или не допустить такую школу—будетъ зависѣть отъ произвола полиціи или волостного начальства; чтобы закрыть ее или помѣшать ея открытію, не нужно

будетъ даже обвинить учителя въ неблагонадежности — достаточно будетъ объявить, что онъ занимается или хочетъ заняться не домашнимъ, а школьнымъ обученіемъ. Существованіе школы грамотности, въ большинствѣ случаевъ, по прежнему будетъ висѣть на волоскѣ, по прежнему будетъ основано на снисхожденіи, а не на правѣ, на *усмотрѣніи*, а не на законѣ.

Лицамъ, не имѣющимъ учительскаго званія, домашнее обученіе дозволено только *въ селахъ*. Здѣсь, конечно, школа грамотности наиболѣе необходима; но потребность въ ней сильно чувствуется и въ городахъ. Число городскихъ начальныхъ школъ, правильно организованныхъ, почти нигдѣ нельзя назвать достаточнымъ; большіе города не могутъ собраться съ средствами, необходимыми для открытія надлежащаго числа школъ, маленькіе города далеко не всегда считаютъ себя обязанными заботиться о народномъ образованіи. Къ числу городовъ, всего больше сдѣлавшихъ для начальнаго обученія, принадлежитъ, напримѣръ, Саратовъ; онъ имѣлъ, въ 1880—81 г., двадцать городскихъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ училось около трехъ тысячъ дѣтей — и все-таки 265 дѣтямъ было отказано въ пріемѣ, за недостаткомъ вакансій. Пропорціонально къ населенію Саратова, дѣтей школьнаго возраста должно быть въ немъ не менѣе десяти тысячъ. Возьмемъ, съ другой стороны, небольшой городъ петербургской губерніи, Лугу; *начальнаго* училища онъ не имѣетъ вовсе. Мальчики могутъ еще обучаться грамотѣ въ младшемъ классѣ городского трехкласснаго училища, но для дѣвочекъ не остается ничего, кромѣ домашняго обученія или простой школы грамотности [1]). Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ никакого основанія отказывать городамъ въ льготѣ, предоставляемой селамъ. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на школы, заводимыя раскольниками какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ. Учителями въ этихъ школахъ, по самому ихъ свойству, могутъ быть—за рѣдкими исключеніями—только лица, не имѣющія учительскаго званія; единственное средство узаконить ихъ — разрѣшить *повсемѣстно* открытіе школъ грамотности. Намъ извѣстенъ губернскій городъ, въ которомъ было оффиціально открыто старообрядческое начальное училище, съ учителемъ изъ числа лицъ, не имѣющихъ учительскаго званія; но намъ извѣстно также, что существованію этого училища угрожала опасность, именно вслѣдствіе неполноты и неопредѣленности закона. Напрасно было бы думать,

[1]) Въ Лугѣ есть женская прогимназія, но она недоступна для бѣднѣйшаго класса городского населенія; мы говоримъ здѣсь, притомъ, не о среднемъ, а о начальномъ обученіи.

что стѣсненіемъ раскольническихъ училищъ можно привлечь бо́льшее число раскольническихъ дѣтей въ общія, правильно организованныя начальныя школы; къ этому результату скорѣе приведетъ противуположное средство. Въ городѣ, о которомъ мы только-что упомянули, раскольники начали посылать своихъ дѣтей въ общія городскія школы, именно потому, что могли убѣдиться наглядно въ превосходствѣ послѣднихъ передъ старообрядческимъ училищемъ, недостатки котораго не скрашивались въ ихъ глазахъ ореоломъ гоненія и запрещенія.

Признавая за лицами, не имѣющими учительскаго званія, право на домашнее обученіе грамотѣ въ селахъ, министерское распоряженіе ставитъ ихъ исключительно подъ надзоръ полиціи и духовенства, не установляя никакой связи между ними и училищными совѣтами. *Педагогическое наблюденіе* училищныхъ совѣтовъ за преподаваніемъ въ школахъ грамотности и мы считаемъ излишнимъ, по соображеніямъ, подробно изложеннымъ въ одномъ изъ прошлогоднихъ внутреннихъ обозрѣній (1881 г., № 5); но совершенное изолированіе школъ грамотности отъ общаго учебнаго управленія кажется намъ крайне нежелательнымъ. Запрещеніе преподаванія занимающемуся имъ лицу—мѣра весьма серьёзная, затрогивающая не одни только личные его интересы; во многихъ случаяхъ она равносильна закрытію училища, т.-е. возвращенію цѣлой деревни въ то безпомощное состояніе, изъ котораго она пыталась выйти приглашеніемъ учителя. Гарантіей противъ неправильнаго или по меньшей мѣрѣ легкомысленнаго пользованія властью можетъ служить здѣсь только рѣшеніе *коллегіи*, т.-е. училищнаго совѣта. Съ другой стороны, призвать училищные совѣты къ попеченію о школахъ грамотности, значило бы открыть для послѣднихъ доступъ къ земской поддержкѣ, возможность обращенія въ правильно организованныя земскія или земско-общественныя училища. Члены училищныхъ совѣтовъ, посѣщая школы грамотности, могли бы опредѣлять, какія изъ нихъ отличаются особенно успѣшнымъ веденіемъ дѣла, въ какихъ учебныхъ пособіяхъ всего больше чувствуется недостатокъ, въ какой формѣ всего удобнѣе и цѣлесообразнѣе могла бы быть оказана помощь бѣднѣйшимъ сельскимъ обществамъ, собственными средствами организовавшимъ и поддерживающимъ у себя школу. Само собою разумѣется, что все это возможно и при настоящемъ кругѣ дѣйствій училищныхъ совѣтовъ; намъ извѣстны и теперь училища, въ сущности ничѣмъ не отличающіяся отъ школъ грамотности [1]), но при-

---

[1]) Въ одномъ изъ такихъ училищъ преподаетъ крестьянинъ, окончившій курсъ только въ начальной школѣ и получающій отъ сельскаго общества лишь 35 руб. въ годъ.

нятыя въ завѣдываніе училищнаго совѣта и получающія пособіе изъ земскихъ средствъ. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что расширеніе оффиціальныхъ полномочій училищнаго совѣта облегчило бы для него исполненіе намѣченной нами задачи; то, что̀ является теперь исключеніемъ, стало бы тогда общимъ правиломъ, и школы грамотности перестали бы быть жалкими пасынками учебнаго дѣла.

Путемъ административнаго распоряженія трудно было сдѣлать для школы грамотности больше, чѣмъ сдѣлано въ настоящее время. Упрочить ея положеніе, связать ее съ правильно устроенной народной школой, ввести ее въ общую систему начальнаго обученія можно только посредствомъ новаго закона, т.-е. посредствомъ пересмотра Положенія 25-го мая 1874 года. Орудіе, созданное въ видахъ предупрежденія и стѣсненія, не легко обратить въ способъ содѣйствія и поощренія. Отъ намѣренія исполнителей зависитъ многое, но не все; опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ доказалъ это съ достаточною ясностью. Чего можно было достигнуть разъясненіями, циркулярами, инструкціями, то достигнуто уже въ управленіе А. А. Сабурова и барона А. П. Николаи; теперь пора вступить на болѣе широкую дорогу. Организація школы грамотности — только одна изъ задачъ, обусловливающихъ будущность начальной школы; всѣ остальныя — безпрепятственное возростаніе числа училищъ, привлеченіе къ нимъ и обезпеченіе за ними хорошаго учительскаго персонала, болѣе правильное устройство школьной инспекціи и училищныхъ совѣтовъ, расширеніе учебныхъ программъ—требуютъ точно также коренныхъ перемѣнъ въ дѣйствующемъ законѣ.

IV.

Состоявшійся недавно приказъ по военному вѣдомству, ограничивающій для военно-служащихъ безъ того уже крайне ограниченную у насъ свободу рѣчи и свободу пользованія печатнымъ словомъ, возбуждаетъ нѣсколько вопросовъ, не лишенныхъ интереса. Первый пунктъ приказа воспрещаетъ военно-служащимъ публичное произнесеніе рѣчей и сужденій *политическаго* содержанія. Что̀ послужило поводомъ къ этому запрещенію—понять нетрудно; труднѣе опредѣлить границы его примѣненія. *Политическимъ*, въ обширномъ смыслѣ слова, слѣдуетъ считать все то, что̀ касается управленія государствомъ, законодательства, внѣшней и внутренней политики. Содержаніе рѣчей, произносимыхъ въ земскихъ собраніяхъ, въ городскихъ думахъ, съ этой точки зрѣнія часто бываетъ несомнѣнно политиче-

скимъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить недавнія постановленія нѣсколькихъ губернскихъ земскихъ собраній. Сохраняютъ-ли гласные, изъ числа военно-служащихъ, право высказывать свое мнѣніе по всѣмъ вопросамъ, возникающимъ въ собраніи? Скажемъ болѣе: сохраняютъ ли они право участвовать въ голосованіи, когда предметъ его не чуждъ политическаго оттѣнка? Подать голосъ въ пользу или противъ извѣстной цѣли, значитъ произнести *сужденіе* о ней—а подача голосовъ у насъ большею частью происходитъ открыто, т.-е. *публично*. Не лучше ли было бы, во избѣжаніе недоразумѣній, запретить военно-служащимъ высказываться публично только о предметахъ, касающихся военной службы, военнаго вѣдомства, положенія арміи или флота? Говоря о такихъ предметахъ, военно-служащій является человѣкомъ своей профессіи, связаннымъ спеціальными ея условіями, обязаннымъ хранить тайны, извѣстныя ему именно какъ военно-служащему; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ является просто гражданиномъ, частнымъ лицомъ, подчиненнымъ общему для всѣхъ закону. Второй пунктъ приказа напоминаетъ военно-служащимъ о существованіи закона, по которому состоящимъ на государственной службѣ воспрещается издавать въ свѣтъ, безъ дозволенія начальства, сочиненія, заключающія въ себѣ что-либо касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній россійскаго государства. Основываясь на происхожденіи закона, цитируемаго приказомъ (ст. 529 т. III Св. Зак. Гражд.), въ газетахъ полагаютъ, что цѣль напоминанія ограничивается соблюденіемъ канцелярской тайны. Такое толкованіе было бы весьма желательно, но оно прямо противурѣчитъ тексту приказа и самаго закона. Толковать законъ по источникамъ, какъ извѣстно всякому юристу, можно только тогда, когда буквальный его смыслъ представляетъ какое-либо важное сомнѣніе. Въ ст. 529-й есть много неяснаго; можно недоумѣвать, чтó такое *внутреннія отношенія* россійскаго государства, понимаются ли подъ именемъ *сочиненій* и журнальныя или газетныя статьи, или лишь издаваемыя отдѣльно книги – но для примѣненія ея только къ случаямъ разглашенія свѣдѣній, доступныхъ автору, какъ должностному лицу, не представляется рѣшительно никакихъ основаній. Должностное лицо, по буквальному смыслу ст. 529-й, не должно издавать, безъ разрѣшенія своего начальства, сочиненій о внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ Россіи, хотя бы *отношенія*, составляющія предметъ сочиненія, не имѣли ровно ничего общаго съ служебными обязанностями автора, съ вѣдомствомъ, въ которомъ онъ служитъ. Задумаетъ ли офицеръ высказать свое мнѣніе о новомъ обмундированіи или вооруженіи войскъ, о восточномъ вопросѣ или о всесословной волости—это, по буквальному смыслу приказа, совершенно без-

различно. Что касается до формы выраженія мнѣній, то по общему юридическому правилу, въ силу котораго всякое ограниченіе понимается въ узкомъ, рестриктивномъ смыслѣ, дѣйствіе приказа не должно распространяться на статьи, печатаемыя въ газетахъ и журналахъ; но при такомъ толкованіи его, можетъ ли онъ достигнуть какой бы то ни было цѣли? Журналы и газеты читаются, вообще говоря, гораздо больше, чѣмъ книги, допускаютъ болѣе легкое отношеніе къ вопросу, болѣе поверхностную его разработку; почему же запрету подвергаются именно книги, и только онѣ однѣ? Если неудобнымъ признается не самое оглашеніе мнѣнія, а оглашеніе его отъ имени военно-служащаго, то центръ тяжести заключается, очевидно, *въ подписи* автора—а это обстоятельство ничуть не зависитъ отъ формы, въ которой выражено мнѣніе. Неподписанныя или подписанныя вымышленнымъ именемъ книги столь же возможны, какъ и журнальныя или газетныя статьи, подписанныя настоящимъ именемъ автора. Намъ кажется, поэтому, что ст. 529-я или вовсе не должна быть примѣняема, или должна быть распространена на всѣ произведенія печати. Пробужденная отъ сна, которымъ она спала нѣсколько десятковъ лѣтъ, статья не можетъ, притомъ, быть возстановлена для однихъ военно-служащихъ; подъ дѣйствіе ея должны подойти—и несомнѣнно подходятъ—всѣ лица, состоящія на государственной службѣ. Приказъ, разбираемый нами, касается только военно-служащихъ по той простой причинѣ, что онъ состоялся по военному вѣдомству; разсуждая логически, слѣдуетъ предполагать, что точно такое же напоминаніе будетъ въ скоромъ времени обращено и къ гражданскимъ чиновникамъ. Устарѣлый законъ можетъ оставаться вовсе безъ примѣненія; но разъ что онъ пересталъ быть забытымъ, онъ неминуемо долженъ вступить во всѣ права свои. Разрѣшеніе начальства на изданіе сочиненія могло быть испрашиваемо въ тѣ времена, когда книга была рѣдкостью, когда журналистика едва существовала; теперь оно представляется немыслимымъ, особенно если съ *сочиненіями* будутъ уравнены журнальныя и газетныя статьи. Начальники не могутъ обратиться въ цензоровъ, съ утра до вечера занятыхъ чтеніемъ литературныхъ трудовъ своихъ подчиненныхъ. Въ послѣднемъ выводѣ приказъ, распубликованный 8-го апрѣля, можетъ имѣть, такимъ образомъ, только одинъ логическій результатъ: невозможность совмѣщенія литературной дѣятельности съ служебною, за исключеніемъ тѣхъ, сравнительно немногихъ случаевъ, когда писатель ни прямо, ни косвенно не касается „внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній“ россійскаго государства. Само собою разумѣется, что наша литература отъ этого не погибнетъ; но такъ ли она богата, чтобы уменьшеніе числа работниковъ могло пройти для нея совершенно безслѣдно? Не

слѣдуетъ забывать, что къ числу лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, принадлежатъ всѣ профессора нашихъ университетовъ. Мы склоняемся къ мысли, что на самомъ дѣлѣ новая туча, нависшая надъ литературой, окажется не столь страшной, какою она представляется съ перваго взгляда. Весьма вѣроятно, что жизнь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, возьметъ верхъ надъ логикой, что ст. 529 попрежнему сдѣлается мертвой буквой, впредь до исключенія ея изъ кодекса.

„Либеральная" программа, изложенная въ нашемъ предъидущемъ внутреннемъ обозрѣніи, не заключала въ себѣ ничего существенно новаго; она только напоминала, повторяла еще разъ, въ систематической формѣ, давнишнюю profession de foi русскаго „либерализма". Чтобы увидѣть въ ней какой-то поворотъ, какое-то „примиреніе съ русской самобытностью" или „приближеніе къ русской національной программѣ", нужно было имѣть весьма короткую память; нужно было забыть все то, о чемъ такъ часто шла рѣчь въ нашемъ журналѣ и въ другихъ органахъ „либеральной" печати. Попытка выяснить положеніе дѣлъ, ярко обозначить демаркаціонную черту между противуположными началами привела, такимъ образомъ, къ новымъ недоразумѣніямъ. Отвѣтственности за неожиданный результатъ мы на себя не принимаемъ; отъ перетолкованій не обезпеченъ даже самый ясный способъ выраженій —а къ перетолкованіямъ всегда расположены стоящіе на распутьѣ, не принадлежащіе ни къ одному лагерю или принадлежащіе, смотря по обстоятельствамъ, то къ тому, то къ другому. Неопредѣленность, удобную для нихъ, они склонны видѣть всюду — даже тамъ, гдѣ идетъ борьба именно за опредѣленность.

Уступкой нашимъ противникамъ признается въ особенности то мѣсто предъидущаго обозрѣнія, въ которомъ констатируется невозможность *перенесенія къ намъ цѣликомъ* чужихъ порядковъ, необходимость соотвѣтствія между государственнымъ строемъ и условіями времени и мѣста. Но гдѣ же, когда и кто именно изъ русскихъ „либераловъ" высказывался за безусловное подражаніе тому или другому иностранному образцу? Гдѣ и когда проповѣдывалось ученіе, отъ котораго мы будто бы только теперь отступили? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что всего ближе къ подражанію былъ „Русскій Вѣстникъ" въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ эпоху преклоненія его передъ Англіей; но было бы явною несправедливостью утверждать, что г. Катковъ, въ это отдаленное время, хотѣлъ немедленнаго и полнаго водворенія въ Россіи *всѣхъ* англійскихъ порядковъ. Простое списываніе съ европейскихъ учрежденій не предлагалось либералами даже тогда, когда на очереди стояли частныя

реформы. Гласность и устность процесса, состязательное начало, судъ присяжныхъ, адвокатуру, равноправность обвиненія и защиты можно было заимствовать съ Запада, *какъ идеи*; но необходимость переработки этихъ идей, прежде примѣненія ихъ на русской почвѣ, никѣмъ не отвергалась; — никто, сколько намъ извѣстно, не считалъ возможнымъ удовольствоваться переводомъ на русскій языкъ французскаго или какого-нибудь другого кодекса уголовнаго или гражданскаго судопроизводства. Необходимость принимать въ разсчетъ условія времени и мѣста—азбука политики, какъ науки, политики, какъ искусства; строителями воздушныхъ за́мковъ русскіе „либералы“ никогда не были, хотя ихъ и упрекали въ „оторванности отъ почвы“. Если мы нашли нужнымъ заявить еще разъ, что ни о какомъ „перенесеніи цѣликомъ“ мы не мечтаемъ, то исключительно въ виду политическаго пріема, излюбленнаго нашими противниками,—пріема, смѣшивающаго стремленіе къ „правовому порядку“ съ рабскимъ подражаніемъ Европѣ.

Самобытность, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее допускаемъ — простой историческій фактъ, не имѣющій ничего общаго съ догматомъ нашихъ противниковъ. Самые крайніе западники никогда не сомнѣвались въ томъ, что русскій народъ, въ настоящемъ фазисѣ своей исторической жизни, многимъ отличается отъ своихъ западно-европейскихъ сосѣдей; споръ всегда происходилъ и происходитъ теперь только о томъ, какъ смотрѣть на эти особенности, какъ относиться къ нимъ—поддерживать ли ихъ во что бы то ни стало, считать ли ихъ народной святыней или же охранять изъ нихъ только заслуживающее охраненія. Въ глазахъ націоналовъ, народныя особенности—маіоратъ, получаемый каждымъ поколѣніемъ подъ условіемъ передачи его слѣдующему во всей его неприкосновенности, развѣ съ приростомъ; въ глазахъ „либераловъ“ — это обыкновенное наслѣдство, подлежащее не только приращенію, но и уменьшенію, и видоизмѣненію. *Абсолютная* косность въ государственной и общественной жизни столь же немыслима, какъ и въ природѣ, и мы не утверждаемъ, чтобы она составляла идеалъ нашихъ націоналовъ; мы указываемъ только на тѣсноту и замкнутость рамки, въ которой они хотятъ удержать движеніе. Націоналы, говорятъ намъ, хотятъ развитія народныхъ особенностей; это совершенно справедливо—но именно въ этомъ и заключается различіе между ними и ихъ противниками. По мнѣнію послѣднихъ, развитію подлежатъ далеко не всѣ черты „русской самобытности“, а только тѣ, которыя составляютъ залогъ лучшаго будущаго, которымъ суждено, можетъ быть, сдѣлаться общимъ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ (напр., общинное землевладѣніе, артельное начало). Дорожатъ завѣщаннымъ отъ

предковъ они лишь на столько, на сколько оно дѣйствительно цѣнно, и цѣнно именно для настоящей эпохи; все остальное можетъ отойти, мало-по-малу, въ область воспоминаній. Общіе законы движенія одинаковы для всѣхъ народовъ; если будущее Россіи исчерпывается „развитіемъ народныхъ особенностей", то ничего другого нельзя предсказать и западной Европѣ. Развивая свои особенности, каждый народъ очевидно отдаляется все больше и больше отъ всѣхъ остальныхъ. Если наши противники хотятъ быть послѣдовательными, они должны, поэтому, признать, что различіе между народами будетъ постоянно возростать,—т.-е. должны придти къ такому выводу, который опровергается всѣмъ ходомъ событій.

„Особенности", зависящія исключительно отъ „условій времени и мѣста", не могутъ не измѣняться, какъ измѣняются и производящія ихъ условія. „Особенности", выводимыя изъ призванія народа, изъ провиденціальной миссіи его, должны, наоборотъ, оставаться неизмѣнными, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ основахъ. Такова, въ короткихъ словахъ, существенная разница между обоими взглядами на „самобытность". Практическіе ихъ результаты столь же несходны между собою, какъ теоретическія формулы. Положимъ, что народу до сихъ поръ было чуждо извѣстное учрежденіе. Защитники *мистической*, разъ на всегда предопредѣленной, самобытности выводятъ отсюда, что оно и на будущее время должно оставаться ему чуждымъ, что оно противно его природѣ, несовмѣстно съ его характеромъ и міросозерцаніемъ. Защитники противоположнаго мнѣнія разсуждаютъ совершенно иначе; они стараются опредѣлить, чѣмъ обусловливалось отсутствіе учрежденія, измѣнились ли обстоятельства, устранявшія его возможность, въ какой формѣ оно было бы осуществимо, какой пользы или какого вреда слѣдуетъ ожидать отъ его осуществленія. Они могутъ признать, что время для нововведенія еще не настало, но не могутъ отвергнуть его безусловно *только* потому, что это — нововведеніе. Понятно, что одна точка зрѣнія исключаетъ другую, что о примиреніи ихъ не можетъ быть и рѣчи. „Націоналы" и „либералы" могли бы дѣйствовать сообща по многимъ важнымъ вопросамъ—но это былъ бы только временной союзъ, съ точно опредѣленною цѣлью, а не сліяніе программъ, не отступленіе одной изъ нихъ передъ другою.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Варшава.—Апрѣль, 1882.

Многія явленія въ жизни общественной или въ народной жизни часто остаются непонятными для сторонняго наблюдателя до тѣхъ поръ, пока въ сознаніи его не выяснятся достаточно ихъ дѣйствительныя причины; но правильное уразумѣніе этихъ причинъ требуетъ полнѣйшаго отсутствія политическихъ страстей и предубѣжденій, особенно же—отсутствія ложно-понимаемаго племенного эгоизма, составляющаго главный источникъ печальныхъ ошибокъ и заблужденій, сознательныхъ или безсознательныхъ; а результатомъ ихъ обыкновенно являются, раньше или позже, серьезныя политическія затрудненія. Хуже всего, конечно, быть политическимъ пророкомъ, и мы далеки отъ мысли принимать на себя эту неблагодарную роль. Мы смотримъ только на настоящее и стараемся уяснить себѣ истинныя причины многихъ явленій въ жизни наблюдаемаго нами общества. Избѣгая какихъ бы то ни было инкриминацій, совершенно неумѣстныхъ и нелѣпыхъ по отношенію къ обществу, жизнь котораго сложилась исторически, мы желали бы только опредѣлить существенный смыслъ самыхъ ея явленій и фактовъ. Задача, по отношенію къ современному польскому обществу, не трудная—для наблюдателя безпристрастнаго. Оказывается, что польское племя также „хочетъ жить" и находится въ неизмѣнномъ состояніи „самообороны", стараясь отстоять свою культуру, языкъ, вѣру, все свое, все родное. Оно сосредоточивается въ самомъ себѣ, уходитъ въ себя, когда грозитъ ему какая-либо опасность; но когда пригрѣетъ солнце и опасности ближайшей и непосредственной не предвидится, оно опять выглядываетъ на свѣтъ Божій. Въ первомъ случаѣ, наши политики и публицисты говорятъ, что „поляки притихли"; а въ послѣднемъ—что они „подняли голову"; первое—„что-нибудь да значитъ и требуетъ осторожности", а послѣднее—„возмутительно и требуетъ репрессалій"... Но не въ этомъ дѣло; намъ желалось только охарактеризовать дѣйствительное состояніе современнаго польскаго общества и уяснить ту истину, что всѣ явленія его жизни обусловливаются именно самымъ его состояніемъ, т.-е. состояніемъ бдительной, ревнивой, невѣроятно чуткой „самообороны". Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на важнѣйшіе факты и явленія жизни польскаго общества, и тогда они будутъ вполнѣ понятны.

Мы имѣемъ возможность наблюдать эту жизнь только въ одномъ ея пунктѣ, именно—въ Варшавѣ; но этотъ пунктъ можно назвать мозгомъ польскаго общественнаго организма, главнымъ узломъ всей его нервной системы. Жизнь самого этого города сложилась вполнѣ самостоятельно и вполнѣ сообразно съ польскимъ племеннымъ характеромъ: большое оживленіе, постоянное движеніе, не безъ примѣси легкомыслія и беззавѣтной веселости,—таковы внѣшнія особенности варшавской жизни; но на днѣ ея идетъ упорная работа, неутомимый трудъ, зрѣютъ серьезныя мысли, разработываются знаніе и наука, и все это направлено къ единственной цѣли—къ „самооборонѣ". Самая кипучая дѣятельность, литературная, научная, промышленная, торговая и всякая иная, происходитъ въ Варшавѣ въ осенніе и зимніе мѣсяцы. Съ наступленіемъ весны, съ появленіемъ ясныхъ и теплыхъ лучей солнца, Варшава живетъ на улицѣ, въ садахъ и скверахъ, половина ея жителей разъѣзжается по деревнямъ, селамъ и за границу, трудовая жизнь теряетъ свою напряженность, серьёзные интересы стушевываются передъ фактами обыденной и ежедневной житейской прозы. Общій характеръ положенія, конечно, нисколько не измѣняется, но для группировки характеризующихъ его фактовъ невозможно ограничиться настоящею минутою, и необходимо бросить ретроспективный взглядъ на ближайшее прошлое. Такъ я и сдѣлаю. Начну съ фактовъ, болѣе выдающихся.

Въ газетахъ сообщено было, въ свое время, о проѣздѣ черезъ Варшаву генерала Скобелева, на возвратномъ пути его изъ-за границы и о выраженномъ имъ, въ случайной и частной рѣчи, сочувствіи къ полякамъ вообще, и къ полякамъ-военнымъ—въ частности. Въ заграничныхъ газетахъ рѣчь эта была сильно раздута; она вовсе не имѣла того значенія, какое было ей приписано. Имя генерала Скобелева пользуется даже симпатіями въ польскомъ обществѣ, благодаря нѣкоторымъ свойствамъ его именно характера, какъ онъ проявляется во внѣшности. Но,—замѣчательное дѣло,—къ словамъ столь высоко поставленной личности поляки отнеслись очень равнодушно, принявъ ихъ, если не за простой lapsus linguae, то за простую любезность, не имѣющую никакого серьезнаго значенія. Это тѣмъ удивительнѣе, что „фраза" все еще очень сильно дѣйствуетъ иногда на поляковъ. Фактъ этотъ доказываетъ, что политическія воззрѣнія польскаго общества, за послѣднее время, сдѣлались трезвѣе, и что поляки чужды, въ настоящее время, склонности къ тѣмъ дѣтскимъ иллюзіямъ, которыми они грѣшили такъ часто и такъ долго. Однако, буря, поднятая въ европейской публицистикѣ парижскою рѣчью генерала Скобелева, отразилась и въ польской печати; но на возмож-

ныя или на неизбѣжныя въ будущемъ политическія событія, осложненія и катаклизмы поляки все-таки смотрятъ только съ точки зрѣнія „самообороны“ и „самосохраненія“, стараясь разгадать въ будущихъ судьбахъ центральной Европы судьбу своего племени. Вся польская печать выражаетъ то убѣжденіе, что столкновеніе между Россіею съ одной стороны, и Германіею и Австріею съ другой—въ такой же мѣрѣ неизбѣжно, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, въ какой мѣрѣ неизбѣжно столкновеніе двухъ поѣздовъ, пущенныхъ съ противоположныхъ сторонъ по однимъ и тѣмъ-же рельсамъ. „Къ этому столкновенію ведетъ исторія,—говоритъ, между прочимъ, одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ,—оно составляетъ неизбѣжный и естественный результатъ положенія дѣлъ. Рѣчи генерала Скобелева могутъ вовсе не указывать на неизбѣжность близкой войны, но въ нихъ высказано то, чтó лежитъ въ основаніи положенія. Быть можетъ, мужественный покоритель Геокъ-Тепе не дождется, при самой продолжительной жизни, исполненія своихъ предсказаній; но народы, имѣющіе будущее, дождутся того времени, *если европейскій міръ пойдетъ дальше тѣмъ же путемъ*“. Существенный вопросъ, связанный съ этими соображеніями и разсужденіями, не высказывается, но онъ понятенъ самъ по себѣ, онъ подразумѣвается и въ умѣ, и сердцѣ каждаго мыслящаго поляка, формулируется такимъ образомъ: „Что скрываетъ за собою темная завѣса будущаго? Что будетъ и что станется съ нашимъ племенемъ?“... „Конечный результатъ и исходъ неизбѣжнаго катаклизма,—говоритъ тотъ же журналъ,—зависитъ не отъ количества штыковъ и орудій, а отъ нравственнаго и матеріальнаго богатства, отъ внутренняго благоустройства, свободы и благосостоянія тѣхъ государствъ, которыя будутъ вовлечены въ это роковое столкновеніе. Австро-германская армія, по вычисленію военныхъ статистиковъ, можетъ простираться до двухъ съ половиною милліоновъ штыковъ,—это такая сила, которая должна сокрушить всякое сопротивленіе; но цифра ничего не значитъ, и всякой арміи въ концѣ-концовъ грозитъ пораженіе, если за нею не стоитъ народъ, съ его просвѣщеніемъ и свободою, составляющими источникъ несокрушимой силы и энергіи“... Во всякомъ случаѣ, судьба польскаго племени тѣсно связана съ результатами предполагаемаго катаклизма. Въ настоящее время, польское племя въ Австріи пользуется значительною свободою и многими политическими правами; но, благодаря разноплеменному составу монархіи Габсбурговъ, политика ея направлена, главнымъ образомъ, къ поддержанію равновѣсія между разными племенами и народностями, которыя обязаны удовлетворяться взаимными политическими компромиссами и вѣчно жить какою-то половинною жизнію. Австрія

24*

—олицетвореніе политическаго эгоизма. Это доказывается уже и тѣмъ, что всякое проявленіе примирительныхъ отношеній русскаго правительства и народа къ полякамъ возбуждаетъ въ Австріи сильнѣйшее безпокойство... „Одни слухи о томъ, что въ царствѣ польскомъ вѣроисповѣдно-церковный вопросъ принимаетъ будто-бы благопріятное для мѣстнаго населенія направленіе, и что въ варшавскомъ университетѣ предположено открыть каѳедру польской литературы,—одни слухи объ этомъ заставили поблѣднѣть вѣнскія газеты"... Это фактъ. Само собою разумѣется, что о Пруссіи нечего уже и говорить. Она дѣйствуетъ прямо и открыто, и уничтоженіе славянскихъ элементовъ въ своихъ предѣлахъ считаетъ, повидимому, одною изъ существеннѣйшихъ своихъ миссій. Пруссія можетъ войти въ компромиссъ съ венграми и даже съ чехами, но съ поляками—никогда, ни теперь, ни въ будущемъ времени. Польская мысль ищетъ выхода изъ этого положенія и—останавливается на братскомъ русскомъ народѣ.

Это не фраза. Мысль о неизбѣжности примиренія съ Россіею глубоко сознается многими мыслящими поляками и высказывается даже за границею. Между прочимъ, недавно появилась во Львовѣ политическая брошюра неизвѣстнаго автора, обратившая на себя общее вниманіе. Благодаря цензурнымъ затрудненіямъ, брошюра эта не получена еще въ Варшавѣ; но вотъ что пишетъ о ней львовскій корреспондентъ одного изъ здѣшнихъ журналовъ: „У насъ вышло на дняхъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Aspiracye porozbiorowe narodu polskiego" (Стремленія польскаго народа, послѣ окончательнаго раздѣла Польши). Сводя итоги прошлаго, авторъ ищетъ новыхъ путей и основъ для будущей дѣятельности. Особенно интересна историческая часть брошюры. Взгляды автора отличаются оригинальностью и мѣткостью, сужденія объ историческихъ дѣятеляхъ—объективностью. Онъ не казнитъ прошлыя поколѣнія, но далекъ также и отъ всякаго шовинизма. Исполненную иллюзій и горькихъ разочарованій Наполеоновскую эпоху онъ обрисовываетъ тоже вполнѣ объективно; врагъ всякихъ конспирацій, онъ очень холодно относится къ возстанію 1831 года. Изъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ 1863 году, особенно удачна характеристика гр. Андрея Замойскаго, но сужденія о маркизѣ Велёпольскомъ поверхностны. Обвиненіе послѣдняго въ томъ, что онъ дѣйствовалъ безъ полномочія со стороны народа—не убѣдительно. Маркизъ дѣйствовалъ въ силу полномочія, даннаго ему государемъ, которое было важнѣе того полномочія, какимъ могло снабдить его варшавское „Земледѣльческое общество"... Политикъ реальный измѣряетъ достоинство и силу полномочія возможностью дѣйствовать въ его имя. Историческій обзоръ прошлаго приводитъ автора къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ и соображеніямъ по отно-

шенію къ будущему. Онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что всякія возстанія и безсильные порывы къ вооруженной борьбѣ въ разсчетѣ на стороннее содѣйствіе разъ навсегда исключены изъ сферы практическаго польскаго патріотизма. Историческая необходимость должна была ограничить политическія стремленія польскаго народа, оказавшіяся недостижимыми, несмотря на величайшую его самоотверженность и на неслыханныя усилія. На новомъ знамени польскаго народа слѣдуетъ написать, какъ единственный идеалъ его стремленій: „сохраненіе національно-племенной жизни". Стремленіе къ этому идеалу составляетъ существенную задачу настоящаго и будущаго и, повидимому, логически ведетъ къ необходимости компромисса съ каждымъ изъ государствъ, въ составъ которыхъ входитъ польское племя. Но такой разсчетъ былъ бы не вѣренъ. Только въ единеніи съ одною Россіею возможно для поляковъ сохранить свою національно-племенную индивидуальность, хотя такому единенію всегда старались бы противодѣйствовать интриги, зависть и опасенія Пруссіи и Австріи. Одна мысль о возможности сближенія поляковъ съ Россіею уже и теперь тревожитъ и безпокоитъ берлинскую и вѣнскую прессу. Старая вѣнская „Presse" предостерегаетъ поляковъ, чтобы они не смѣли и помышлять объ отдѣленіи отъ Пруссіи, въ каковомъ намѣреніи обвинялъ ихъ недавно прусскій министръ народнаго просвѣщенія Госслеръ. Берлинская „Kreuz-Zeitung" предсказываетъ печальнѣйшія для Россіи послѣдствія, къ которымъ должно повести открытіе въ варшавскомъ университетѣ каѳедры польской литературы!.. „Фоссова газета" утѣшаетъ себя тѣмъ, что союзъ славянскихъ племенъ будто-бы невозможенъ... Нашъ вѣнскій „централъ", г. Менгеръ, нападая на правительство и на правую, сознается, однако, что въ *интересахъ государства* желанія галиційскихъ поляковъ и русиновъ должны быть удовлетворены, а въ Берлинѣ самъ министръ Госслеръ, отвѣчая въ парламентѣ на жалобы познанскаго депутата, ксендза Жджевскаго, признаетъ существованіе поляковъ въ предѣлахъ прусской монархіи, разрѣшаетъ имъ трудиться въ пользу своей народности и только предостерегаетъ ихъ отъ малѣйшей мысли о государственной самостоятельности".

Мы сочли не лишнимъ привести цѣликомъ эту тираду изъ львовской корреспонденціи варшавскаго журнала, какъ довольно мѣтко характеризующую современное направленіе польской политической мысли.

Тѣ же самыя задачи, которыя поляки стараются рѣшить опредѣленіемъ своихъ отношеній къ Россіи, Австріи и Пруссіи, во имя своего національнаго самосохраненія въ будущемъ—преслѣдуютъ они и въ направленіи внутренней своей дѣятельности. Нравственное раз-

витіе и матеріальное благосостояніе страны, какъ результатъ усиленнаго общественнаго труда, служатъ одною изъ главныхъ темъ, развиваемыхъ въ литературѣ и прессѣ. Та вѣрная истина, что знаніе и наука составляютъ реальную силу, проникаетъ глубоко въ общее сознаніе. И точно, всѣ завоеванія европейскаго знанія и науки немедленно усвоиваются польскою научною литературою; даже художественная литература видимо утрачиваетъ свой идеалистическій характеръ и принимаетъ направленіе раціонально-реальное. Короче, польское общество живо сознаетъ необходимость самообразованія и саморазвитія, стараясь стоять на уровнѣ обще-европейской культуры и просвѣщенія. Ежегодно, въ зимніе мѣсяцы, устраиваются въ Варшавѣ публичныя лекціи, читаемыя какъ мѣстными учеными, такъ и пріѣзжими литераторами и профессорами львовскаго и краковскаго университетовъ. Лекціи эти можно бы назвать переносными или подвижными университетскими каѳедрами, съ которыхъ сообщаются послѣдніе результаты европейскаго знанія многочисленнымъ обыкновенно слушателямъ, на родномъ ихъ языкѣ. Привыкшіе къ свободѣ слова, галиційскіе литераторы и ученые охотно подчиняются требованіямъ здѣшней цензуры, съ разрѣшенія которой только и могутъ быть читаемы эти лекціи. Доставляемый ими доходъ обращается обыкновенно на разныя благотворительныя цѣли; между прочимъ, одной „земледѣльческой колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ“, основанной неподалеку Варшавы на частныя пожертвованія, лекціи эти приносятъ ежегодно по нѣскольку тысячъ рублей. О развитіи періодической польской печати много разъ сообщаемо было въ нашихъ газетахъ. Не будемъ говорить также о торговлѣ, промышленности, земледѣліи и т. п., весьма успѣшно развивающихся, благодаря особенно благопріятному географическому положенію страны и въ частности Варшавы.

Общій выводъ изъ сказаннаго таковъ: усматривая въ единеніи съ Россіею надежнѣйшую гарантію въ будущемъ для своего національно-племенного существованія, польское общество кладетъ въ основу его, съ другой стороны, внутреннюю работу, направленную къ развитію нравственныхъ и матеріальныхъ силъ и средствъ страны. На результаты внутренней своей работы, внутренняго развитія, моральнаго и матеріальнаго, оно можетъ, конечно, положиться во всякомъ случаѣ и въ виду всякихъ случайностей; но о политическихъ его разсчетахъ и надеждахъ, къ сожалѣнію, никакъ нельзя сказать то же самое, покрайней мѣрѣ—въ виду фактовъ настоящаго. Напротивъ, все теперь дѣлается, повидимому, съ тою цѣлью, чтобы надежды поляковъ на Россію были отнесены ими къ числу тѣхъ иллюзій, которыхъ ихъ такъ часто упрекаютъ... Въ приведенной выше

выдержкѣ изъ львовской корреспонденціи сказано, что нѣмцы съ тревогой смотрять на малѣйшее проявленіе примирительныхъ отношеній русскаго правительства и общества къ полякамъ и ихъ національнымъ особенностямъ. Но опасенія нѣмцевъ столько же напрасны, сколько напрасны и надежды поляковъ: нѣмецкая политика имѣетъ въ иныхъ изъ русскихъ „дѣятелей" въ здѣшнемъ краѣ вполнѣ надежныхъ и солидныхъ споспѣшниковъ и сотрудниковъ, проникнутыхъ истинно нѣмецкою нетерпимостью къ польскому племени и могущихъ съ честью занять мѣсто даже въ прусскомъ парламентѣ.

Нетерпимость эта съ особенною рѣзкостью проявляется въ здѣшней административно-учебной системѣ, о чемъ уже сообщалось въ нашихъ столичныхъ газетахъ, и обнаруживается во всемъ—въ серьёзныхъ вещахъ и даже въ мелочахъ. Фактическому открытію, напр., каѳедры польской литературы въ здѣшнемъ университетѣ, столь сильно обезпокоившему нѣмцевъ, противопоставляется множество мелкихъ бюрократическихъ препятствій, напоминающихъ времена старо-московской волокиты. Въ газетахъ сообщалось также, что учебное начальство, въ видахъ обрусенія, ввело въ здѣшнія учебныя заведенія старый календарь, и этою странною мѣрою, не имѣющею ничего общаго съ педагогіею, внесло большой хаосъ и путаницу въ мѣстныя общественныя отношенія. Дѣйствительно, трудно передать словами крайне гнетущее впечатлѣніе, произведенное этимъ непонятнымъ распоряженіемъ на здѣшнее общество. Оно недоумѣваетъ и спрашиваетъ: къ чему все это и для чего?—и неужели такое серьёзное дѣло, какъ измѣненіе календаря, хотя бы только въ примѣненіи къ школѣ, не нуждается даже въ разсмотрѣніи и утвержденіи законодательнымъ путемъ и подлежитъ произволу и простому административному распоряженію второстепенныхъ правительственныхъ органовъ?.. Явный протестъ противъ этого непонятнаго распоряженія выразила уже, между прочимъ, келецкая депутація, являвшаяся въ Кельцахъ къ попечителю варшавскаго учебнаго округа, г. Апухтину. Объ этой депутаціи мѣстная „Gazeta Kielecka" передаетъ слѣдующее въ нумерѣ отъ 12-го числа прошлаго марта: „На прошлой недѣлѣ, воспользовавшись прибытіемъ въ г. Кельцы попечителя варшавскаго учебнаго округа, г. Апухтина, для обзора мѣстныхъ учебныхъ заведеній, явилась къ нему депутація, состоявшая изъ пяти представителей келецкаго общества, съ просьбою объ отмѣнѣ недавняго распоряженія учебнаго начальства относительно празднованія на будущее время здѣшними учебными заведеніями праздниковъ по юліанскому календарю. Наши депутаты старались разъяснить г. попечителю, какое важное значеніе въ здѣшнемъ краѣ имѣютъ праздники Рождества Христова и св. Пасхи, будучи праздниками не только

религіозными, но и семейными; депутаты представляли на усмотрѣніе г. попечителя то обстоятельство, что, по мѣстному и освященному временемъ обычаю, праздники эти должны проводить вмѣстѣ, у домашняго очага, всѣ члены семьи, что такой традиціонный обычай нигдѣ съ такою точностью не соблюдается, какъ въ польскомъ обществѣ, что обычай этотъ имѣетъ связующее и нравственно-воспитательное вліяніе на семью, а на семейномъ началѣ, по смыслу неоднократныхъ заявленій того же учебнаго начальства, зиждется весь общественный порядокъ. Но послѣднее распоряженіе учебнаго начальства устраняетъ учащуюся молодежь отъ участія въ религіозно-семейныхъ праздникахъ, такъ какъ громадное большинство учащихся, родители которыхъ живутъ по деревнямъ и селамъ, иногда въ значительномъ разстояніи отъ школы, лишены возможности поспѣть къ празднику домой, получивъ отпускъ въ самый день праздника (напр., рождественскаго сочельника, празднуемаго здѣсь съ особенною торжественностью и имѣющаго по преимуществу семейный характеръ); что проведя дома три дня, дѣти должны возвращаться въ школу, чтобы по истеченіи недѣли опять отправляться домой, для празднованія тѣхъ же праздниковъ по старому стилю, когда въ здѣшнемъ краѣ нѣтъ уже никакихъ праздниковъ. Въ заключеніе своей просьбы, депутаты обратили вниманіе г. попечителя на тотъ фактъ, что въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ не только цифра учащихся, но и цифра учащихъ вѣроисповѣданія не-католическаго—крайне не значительна". Просьба эта осталась, конечно, безъ всякихъ послѣдствій.

Еще одинъ фактъ, не нуждающійся въ комментаріяхъ. Пинчовскій корреспондентъ той же „Gazeta Kielecka" сообщаетъ, что въ пинчовской прогимназіи уже нѣсколько лѣтъ воспитанники не обучаются пѣнію духовныхъ гимновъ, хотя въ штатѣ прогимназіи положено жалованье учителю „церковнаго пѣнія". Правда, они учатся пѣнію, только не церковному. По этому поводу, корреспондентъ предлагаетъ слѣдующіе два вопроса: 1) „Могутъ ли простонародныя и бурлацкія русскія пѣсни: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ" и „Эй, дубинушка, ухнемъ", замѣнить собою для польскаго мальчика пѣніе религіозныхъ пѣснопѣній, долженствующихъ нравственно вліять на учащуюся молодежь? 2) Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, необходимо еще спросить: бо́льшую ли силу долженъ имѣть законъ, заботящійся о нравственно-религіозномъ воспитаніи юношества, или капризъ и произволъ одного лица, усматривающаго воспитательное значеніе въ пѣніи бурлацкихъ пѣсенъ?.." Польское общество само готово охотно изучать и знакомиться съ родственною ему славяно-русскою народною музыкою и мелодіею, но отнюдь не подъ условіемъ насилія и принужденія, которыя способны повести только къ резуль-

татамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, какихъ отъ нихъ ожидаютъ. Въ заключеніе корреспондентъ говоритъ: „Вопросы эти мы ставимъ прямо и открыто и требуемъ на нихъ отвѣта, опираясь на циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія, разрѣшающій и даже приглашающій общество интересоваться школьнымъ дѣломъ“.

Эти и имъ подобные факты сами ясно говорятъ за себя, и по поводу ихъ мы не станемъ вдаваться ни въ какія разсужденія, а только замѣтимъ, что выраженное нами выше опасеніе, чтобы поляки, въ виду фактовъ настоящаго, не отнесли своихъ надеждъ на Россію къ числу простыхъ иллюзій,—не лишено серьёзнаго основанія.

Если бы необходимо было констатировать извѣстные симптомы, составляющіе результатъ нашихъ отношеній къ польской народности, то мы указали бы на несомнѣнный фактъ сближенія поляковъ съ чехами,—сближенія, изо дня въ день видимо усиливающагося. Фактъ этотъ, впрочемъ, понятенъ и съ психической, и съ общественно-политической точки зрѣнія: къ сближенію поляковъ съ чехами ведетъ не только единство вѣры и культуры, но и отчасти единство политическаго положенія. Сближеніе это обнаруживается особенно въ чешской и польской письменности. Въ чешскихъ журналахъ, въ послѣднее время, стали появляться въ значительномъ количествѣ переводы произведеній лучшихъ польскихъ писателей, свидѣтельствующіе о томъ, что чешская публика сильно интересуется польскою письменностью; съ другой стороны, въ польскихъ періодическихъ изданіяхъ очень часто появляются переводы съ чешскаго языка и выражаются живѣйшія симпатіи къ произведеніямъ родственной литературы. Лучшіе органы чешской и польской прессы имѣютъ постоянныхъ своихъ корреспондентовъ,—одни въ Прагѣ, другіе въ Варшавѣ, Львовѣ и Краковѣ. Но съ особенною наглядностью сближеніе это выразилось недавно въ слѣдующемъ фактѣ. Во второй половинѣ прошлаго февраля, во Львовѣ устроены были публичныя лекціи въ пользу фонда на памятникъ Мицкевичу, который предполагается поставить въ Краковѣ, на общественныя пожертвованія. Лучшія польскія литературныя силы приняли участіе въ этихъ лекціяхъ,— это понятно и естественно; но принять участіе въ нихъ выразилъ желаніе и чешскій депутатъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ, профессоръ Эммануилъ Тоннеръ, избравъ для своего чтенія знаменательный тезисъ: „Объ упадкѣ чешскаго народа и о возрожденіи его посредствомъ труда“. Многочисленная публика собралась на эту лекцію въ залѣ ратуши. Встрѣченный оглушительными рукоплесканіями, желанный гость взошелъ на трибуну и обратился къ публикѣ съ слѣдующими словами: „Эти рукоплесканія радуютъ меня и печалятъ. Радуютъ,— потому что служатъ доказательствомъ вашихъ братскихъ чувствъ по

отношенію къ моему народу; печалятъ,—потому что сознаю, что принятая мною на себя задача превышаетъ мои силы: я не на столько свободно владѣю вашимъ языкомъ, чтобы вполнѣ васъ удовлетворить. Надѣюсь на ваше снисхожденіе". Послѣ этого обращенія,—говоритъ львовскій корреспондентъ одной изъ варшавскихъ газетъ,—г. Тоннеръ началъ свое чтеніе, изъ котораго мы убѣдились, чтъ „онъ отлично владѣетъ нашимъ языкомъ; самое же чтеніе его можно было назвать блистательнымъ, исполненнымъ глубокихъ мыслей. Ученый лекторъ сдѣлалъ обзоръ жизни чешскаго народа, отъ временъ Любуши и Пржемысла, и съ особенною подробностью и силою говорилъ затѣмъ объ эпохѣ ожесточенной германизаціи чешскаго народа, наступившей послѣ Бѣлогорскаго пораженія въ 1620 году. „Памятно еще то время,—говорилъ лекторъ,—когда казалось, что несчастный славянскій народъ погибъ окончательно подъ тяжестью и жестокостью нанесенныхъ ему ударовъ. Даже тѣ, которые трудились надъ возрожденіемъ и обработкою чешскаго языка, полагали, что исполняютъ только свой долгъ, не надѣясь на какіе бы то ни было результаты своихъ трудовъ". Лекторъ говорилъ о безсмертныхъ заслугахъ Юнгмана, Шафарика и Палацкаго. Каждое изъ этихъ именъ привѣтствуемо было оглушительными рукоплесканіями со стороны публики. Возрожденіе чешскаго народа лекторъ приписываетъ стойкости сельскаго населенія, общему труду и просвѣщенію. „И знаете ли, мм. гг., какимъ образомъ мы встали на ноги и достигли значительнаго развитія народнаго образованія?—спросилъ лекторъ. Очень простымъ: наши апостолы были не декламаторы и не фразёры, не писали для народа и о народѣ сказокъ и небылицъ, очень мало даже, на первыхъ порахъ, предавались историческимъ изслѣдованіямъ; они писали для народа, на родномъ языкѣ, о вещахъ практическихъ, о земледѣліи, садоводствѣ, пчеловодствѣ, о ремеслахъ, соединяя реальное знаніе съ цѣлями національными". По окончаніи чтенія, присутствовавшая въ массѣ публики извѣстная польская писательница-поэтъ Деотима (г-жа Лущевская) подошла къ г. Тоннеру и поднесла ему скромный букетъ изъ „братковъ" (извѣстный цвѣтокъ „Иванъ-да-Марья"—melampyrum nemorosum) и въ прекрасныхъ стихахъ благодарила его, отъ имени польскаго общества, за его пріѣздъ во Львовъ и за выраженное имъ, принятіемъ участія въ публичныхъ чтеніяхъ, уваженіе къ памяти великаго славянскаго поэта. Вотъ заключительная строфа этого стихотворенія, въ вѣрномъ прозаическомъ переводѣ: „Пусть путь твой къ намъ устланъ будетъ цвѣтами, а эти цвѣты подаетъ тебѣ польская рука: скромны они, но говорятъ много, потому что названіе имъ—„братки". И пусть они будутъ эмблемой всегдашняго братскаго союза нашего, которому не страшны

никакія бури, и пусть цвѣты эти говорятъ вамъ о братствѣ нашихъ народовъ".

Какъ комментарій ко всему этому, можно привести еще слѣдующій фактъ: 27-го числа мая мѣсяца, въ чешской Прагѣ состоится съѣздъ естествоиспытателей и врачей, которыми устроены будутъ публичныя чтенія. Со стороны распорядителей съѣзда послѣдовало уже въ газетахъ заявленіе, что чтенія эти будутъ происходить на языкѣ чешскомъ и—польскомъ.

Въ средѣ галиційскихъ поляковъ, къ слову сказать, происходитъ также сильное движеніе въ пользу тѣснѣйшаго сближенія съ русинами, на основаніи полной равноправности обѣихъ народностей. Извѣстно, что во всѣхъ народныхъ русинскихъ школахъ преподаваніе ведется на русинскомъ языкѣ, а въ восточной Галиціи существуютъ самостоятельныя русинскія гимназіи; во львовскомъ университетѣ нѣкоторые предметы излагаются тоже на русинскомъ языкѣ; наконецъ, высшій административно-представительный постъ, именно маршальское кресло въ галиційскомъ сеймѣ, занимаетъ г. Зыбликевичъ, русинъ по происхожденію и вѣроисповѣданію. Во Львовѣ организовался недавно комитетъ для изданія народныхъ книгъ. Недавно комитетомъ объявленъ конкурсъ на лучшее оригинальное сочиненіе для народнаго чтенія: сочиненіе это должно быть написано *на польскомъ, или русинскомъ языкѣ.*

Въ заключеніе нѣсколько фактовъ изъ варшавской жизни, изъ которыхъ иные представляютъ очень важное значеніе для Варшавы. Между прочимъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ на дняхъ окончательно, составленный англійскимъ инженеромъ Линдлеемъ, планъ канализаціи гор. Варшавы. Работы начаты будутъ немедленно, подъ руководствомъ г. Линдлея и подъ наблюденіемъ особаго канализаціоннаго комитета. Стоимость работъ простираться будетъ до нѣскольких милліоновъ рублей и должна быть покрыта средствами самого города. Лишнее было бы говорить, какъ много выиграетъ Варшава, во всѣхъ отношеніяхъ, съ осуществленіемъ этого громаднаго предпріятія, которымъ она обязана почти исключительно неутомимой энергіи нынѣшняго президента г. Варшавы, генерала Старынкевича, пользующагося полнымъ сочувствіемъ мѣстнаго общества и всегдашнею поддержкою со стороны г. главнаго начальника здѣшняго края. Съ другой стороны, варшавяне сильно озабочены въ настоящее время вопросомъ о помѣщеніи постоянной художественной выставки, которой грозитъ изгнаніе изъ казеннаго помѣщенія, получающаго какое-то другое назначеніе. Эта выставка—любимое и лелѣемое дѣтище варшавянъ. Комитетъ выставки не нашелъ иного средства помочь горю, какъ испросить правительствен-

ное разрѣшеніе на открытіе въ предѣлахъ царства Польскаго подписки, простирающейся до ста тысячъ рублей. На эту сумму предполагается построить новое зданіе, спеціально назначенное подъ помѣщеніе постоянной художественной выставки. Испрашиваемое разрѣшеніе уже дано; но удастся ли собрать столь значительную сумму изъ добровольнаго пожертвованія? Трудно предрѣшать этотъ вопро́съ, но варшавяне не отчаяваются.

Мѣстное общество, дѣйствительно, охотно, постоянно и очень много жертвуетъ на разныя общественныя и общеполезныя цѣли; но готовность его къ пожертвованіямъ обусловливается разумностью и раціональностью цѣлей, что̀ очень выгодно свидѣтельствуетъ въ пользу его гражданской зрѣлости. Въ прошлую зиму, въ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ газетъ поднята была сильная агитація въ пользу ученой экспедиціи въ центральную Африку, предпринятой г. Шольцъ-Рогозинскимъ, офицеромъ русской морской службы. Экспедиція должна была получить названіе *польской*. Не располагая собственными достаточными средствами для снаряженія такой экспедиціи, г. Шольцъ-Рогозинскій обратился было къ варшавянамъ, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ и, въ то же время, испрашивалъ разрѣшенія прочесть въ Варшавѣ публичную лекцію, съ цѣлью познакомить слушателей съ задачами, назначеніемъ и характеромъ предполагаемой экспедиціи и указать тѣ результаты, какихъ отъ нея можно ожидать. Но мѣстная власть не дала разрѣшенія г. Шольцъ-Рогозинскому, какъ русскому офицеру, читать лекцію на польскомъ языкѣ. Энергическій морякъ отправился въ Петербургъ и выхлопоталъ тамъ себѣ разрѣшеніе прочесть въ Варшавѣ по-польски свою лекцію, на которую собралась довольно многочисленная публика. Прослушать лекцію—она прослушала и даже похвалила, но денегъ на предпріятіе не дала,—и вотъ почему. Одновременно поднялась сильная агитація въ газетахъ; впрочемъ, мнѣнія варшавской печати сразу раздѣлились: одни о̀рганы поддерживали предпріятіе г. Шольцъ-Рогозинскаго и приглашали публику къ пожертвованіямъ, другіе—высказывались рѣшительно противъ какихъ бы то ни было общественныхъ пожертвованій въ пользу предпріятія, не сулящаго польскому обществу никакой существенной пользы. Лучшій изъ варшавскихъ журналовъ, редактируемый даровитѣйшимъ польскимъ публицистомъ, именно журналъ „Prawda", первый возсталъ противъ общественныхъ пожертвованій на сказанное предпріятіе и прямо заявилъ, что „если бы онъ располагалъ и могъ пожертвовать сотни милліоновъ на общеполезныя цѣли, то и въ такомъ случаѣ на предпріятіе г. Шольцъ-Рогозинскаго онъ не далъ бы даже и полтинника, въ виду множества другихъ мѣстныхъ и очень важныхъ общественныхъ нуждъ,

требующихъ удовлетворенія"... Въ концѣ концовъ, мнѣніе это, поддержанное нѣкоторыми другими органами восторжествовало, что не помѣшало, однако, г. Шольцъ-Рогозинскому собрать нужныя средства изъ другихъ источниковъ и снарядить для сказанной экспедиціи парусное судно „Марія-Луиза", которое вскорѣ выйдетъ въ море, кажется, изъ Гамбурга или изъ Гавра. Составъ экипажа и общество ученыхъ натуралистовъ, заявившихъ желаніе принять участіе въ этой экспедиціи—разноплеменные.

О новостяхъ изъ области литературы и журналистики я намѣренъ поговорить въ другой разъ; теперь считаю нужнымъ сказать только, что количество органовъ варшавской періодической печати увеличилось, въ нынѣшнемъ году, нѣсколькими новыми, въ томъ числѣ однимъ научнымъ журналомъ, носящимъ нѣсколько притязательное названіе „Wszechswiat" (Вселенная); журналъ посвященъ разработкѣ и популяризаціи вопросовъ изъ области естествознанія, и издается и редактируется лучшими мѣстными научными силами, принадлежащими къ молодому поколѣнію польскихъ ученыхъ.

Аѳ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ВѢНЫ.

12 (24) апрѣля, 1882.

Австрія и балканскіе славяне.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда только-что начиналось возстаніе балканскихъ славянъ, положеніе русской публицистики относительно этого вопроса было довольно затруднительно. Дипломатическіе и военные интересы Россіи, сочувствіе къ славянскимъ народностямъ, традиціонная вражда вообще къ Австріи, — все это было смѣшано въ одну кучу, гдѣ обыкновенному смертному не было возможности разобраться. Даже болѣе спокойные люди, для которыхъ вопросъ былъ ясенъ и тогда, не имѣли возможности высказаться, не навлекая на себя упрековъ въ недостаткѣ патріотизма и симпатіи къ славянамъ. Но теперь, можно сказать, вполнѣ выяснилась точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на борьбу австрійской имперіи съ балканскими славянами. Точно также ясна и главная цѣль, которую должно имѣть въ виду при обсужденіи возстанія и положенія

славянъ въ Австріи; необходимо, прежде всего, изслѣдовать наиболѣе существенные національные и соціальные интересы самихъ славянскихъ народностей. Потомъ уже, когда эти интересы вполнѣ для насъ выяснятся, можетъ выступить вопросъ и о томъ, какъ лучше всего связать ихъ съ русскими интересами.

Мнѣ кажется совершенно лишнимъ вдаваться въ опроверженіе такихъ ошибочныхъ мнѣній, что, напримѣръ, австрійское государство не обладаетъ достаточной жизнеспособностью, что оно не сегодня, завтра неминуемо должно распасться, что вся политика современной Австріи построена на угнетеніи славянъ и т. п. Кто слѣдилъ за новѣйшей исторіей Австріи, могъ легко убѣдиться, что старая абсолютистская и централистская Австрія безвозвратно погибла въ 48 году, и что всѣ позднѣйшія попытки возстановить ее не удавались; что послѣ пораженій при Садовой и Кенигсгрецѣ окончательно рухнуло господство нѣмцевъ въ Австріи, и вмѣсто того, чтобы держаться политическимъ угнетеніемъ входящихъ въ составъ ея національностей, Австрія роковымъ историческимъ процессомъ принуждена основывать теперь свое существованіе на интересахъ этихъ національностей; всѣ же безъ исключенія факты изъ позднѣйшей исторіи, противурѣчащіе этому основному положенію, составляютъ не австрійскую политику, но погрѣшности и ошибки австрійскаго правительства, за которыя страна платилась и платится весьма дорого.

Не стану также анализировать вопроса, имѣетъ ли Австрія какія-либо права на балканскихъ славянъ; это слѣдовало сдѣлать европейскимъ дипломатамъ до и во время берлинскаго конгресса. Фактъ тотъ, что колея, по которой должна идти современная исторія Австріи, была рѣзко намѣчена событіями 67 и 70 годовъ. Съ того времени мы замѣчаемъ въ Австріи: 1) постепенное и неуклонное развитіе федералистическаго принципа во внутренней политикѣ, и 2) стремленіе распространить свое вліяніе на востокъ. Австро-венгерское соглашеніе, соглашеніе съ поляками, съ чехами, оккупація Босніи и Герцеговины, наконецъ, вся внутренняя политика министерства гр. Таафе — все это не больше какъ постепенные шаги по тому пути, по которому, въ силу историческаго процесса, должна идти Австрія.

Исходя изъ только-что поставленныхъ положеній и руководствуясь однимъ сочувствіемъ къ австрійскимъ славянамъ, нельзя даже желать распаденія Австріи: гораздо выгоднѣе для славянъ правильное развитіе ея, но въ томъ направленіи, которое мы указали выше. Между тѣмъ, исторія Австріи представляетъ цѣлый рядъ весьма крупныхъ ошибокъ, особенно за послѣднее время. Нѣкоторыя изъ нихъ являлись слѣдствіемъ сознательнаго стремленія правительства идти противъ историческаго теченія, во что бы то ни стало сохранять и усиливать

старый до-конституціонный порядокъ, и гдѣ возможно тормозить или останавливать развитіе федеративнаго принципа въ жизни государства; въ еще бо́льшей степени ошибки Австріи зависятъ отъ устарѣвшаго бюрократическаго механизма, съ которымъ правительству приходится работать, и который достался въ наслѣдство отъ централистской Австріи 60-хъ и 70-хъ годовъ. Этотъ централистскій бюрократизмъ глубоко внѣдрился во всѣ отрасли управленія и продолжаетъ существовать и вліять на жизнь и политику еще долго послѣ того, какъ породившіе его государственный строй и политическіе принципы исчезли и замѣнились новыми.

Постараюсь разобрать самыя существенныя изъ ошибокъ австрійскаго правительства, которыя могли и могутъ имѣть весьма роковыя послѣдствія какъ для самой Австріи, такъ и для всей восточной Европы. Я говорю объ ошибкахъ, которыя надѣлало правительство въ Босніи и Герцеговинѣ за три года управленія этими провинціями.

Разъясненіе этого вопроса весьма важно для опредѣленія истинныхъ причинъ возстанія, такъ какъ оба эти явленія находятся въ тѣснѣйшей связи. Помимо этого, исторія управленія занятымъ краемъ весьма поучительна еще и въ практическомъ смыслѣ, какъ горькій историческій урокъ, которымъ Австрія должна будетъ воспользоваться послѣ подавленія возстанія.

Берлинскій конгрессъ передалъ управленіе Босніей и Герцеговиной въ руки Австріи, не опредѣливъ ни срока оккупаціи, ни способовъ управленія страной. Австро-турецкое соглашеніе въ апрѣлѣ 1879 г. тоже не касалось какихъ-нибудь практическихъ вопросовъ, а имѣло въ виду лишь признаніе въ принципѣ верховной власти султана надъ этими провинціями. Такимъ образомъ, съ правовой стороны австрійское правительство очутилось полновластнымъ господиномъ этихъ провинцій, не ограниченнымъ ни со стороны народнаго представительства, ни со стороны европейскихъ державъ. Для правительства конституціонной страны такая неограниченная власть надъ одной какой-нибудь провинціей сама-по-себѣ уже заключаетъ много опаснаго. Управленіе страной не сообразуется въ этомъ случаѣ съ истинными потребностями ея, но зависитъ отъ политическаго такта и благоусмотрѣнія стоящихъ во главѣ управленія, а въ худшемъ случаѣ отъ произвола и каприза ихъ. Милитаризмъ и бюрократизмъ, стѣсненные и контролируемые во всей Австріи представительными учрежденіями, нашли въ Босніи и Герцеговинѣ совершенно свободное поприще для примѣненія разныхъ административныхъ опытовъ, которые можно было производить, не опасаясь ничьего контроля, ничьего вмѣшательства. Единственное, что́ при подобныхъ условіяхъ могло бы спасти, это—строго опредѣленная, администра-

тивная система, основанная на ясномъ знаніи условій страны и пониманіи нуждъ ея, и сильная, умѣлая рука, способная умно и энергично провести эту систему. Къ сожалѣнію, не оказалось ни того, ни другого. Въ теченіе трехъ лѣтъ, главное управленіе оккупированнымъ краемъ послѣдовательно переходило черезъ руки трехъ генераловъ. Въ 1879 г., генералъ Филипповичъ былъ замѣненъ герцогомъ Вюртембергскимъ, который, въ свою очередь, въ прошломъ году смѣнился генераломъ Даленомъ, который, какъ сообщаютъ, тоже подаетъ въ отставку и будетъ замѣненъ генераломъ Іовановичемъ. Каждый изъ этихъ администраторовъ являлся въ страну съ различнымъ, чисто теоретическимъ, взглядомъ на потребности страны, съ готовой системой администраціи и новымъ штатомъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ. Такая быстрая перемѣна администраторовъ и административныхъ системъ, изъ которыхъ каждую можно было назвать скорѣе опытомъ, сдѣланнымъ наугадъ, конечно, меньше всего могла способствовать удачному исходу дѣла и внушить довѣріе къ австрійскому правительству въ самомъ населеніи края.

Когда въ 1878 году австрійскія войска заняли Боснію и Герцеговину, у правительства не было ни опредѣленнаго плана, ни необходимыхъ органовъ администраціи. Самая главная забота его заключалась въ подавленіи возстанія. Немногочисленные гражданскіе коммисары, прикомандированные къ военнымъ корпусамъ, не были въ состояніи внести какой-нибудь порядокъ въ административный хаосъ; ихъ, во-первыхъ, было слишкомъ мало, а во-вторыхъ, они занимали положеніе, зависимое отъ начальниковъ штаба. Кругъ ихъ дѣйствій былъ ограниченъ, съ одной стороны, стратегическими соображеніями главнаго штаба, и съ другой—абсолютнымъ незнаніемъ страны. Отъ такой примитивной администраціи нельзя было ожидать какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ.

Подавленіе возстанія происходило постепенно. Въ умиротворенныхъ мѣстностяхъ тѣ изъ турецкихъ чиновниковъ, которые во время возстанія не были явно на сторонѣ инсургентовъ, утверждались въ своихъ прежнихъ должностяхъ; другіе, враждебные Австріи, чиновники смѣнялись и бо́льшей частью замѣнялись воинскими начальниками. Только съ половины 1879 г. воинскихъ начальниковъ стали постепенно замѣнять чиновниками, переведенными изъ Австріи, но въ весьма многихъ округахъ администрація была еще въ концѣ 1880 г. въ рукахъ начальниковъ мѣстныхъ военныхъ командъ. Даже въ концѣ прошлаго года, во время засѣданій делегацій, въ 5 боснійскихъ округахъ военная администрація не была еще замѣнена гражданскими чиновниками. Такимъ образомъ, получилась разношерстная администрація, состоявшая отчасти изъ старыхъ турецкихъ чинов-

никовъ, отчасти изъ переведенныхъ изъ Австріи чиновниковъ, и бо́льшей частью изъ военныхъ. Всѣ мѣстные о̀рганы управленія стояли до половины 1879 года подъ начальствомъ дивизіонныхъ и бригадныхъ командировъ, но и послѣ того, какъ организовано было главное управленіе въ Сераевѣ, вліяніе корпусныхъ генераловъ на нѣкоторыя части управленія оставалось огромное.

Въ западно-европейской печати господствуетъ весьма хорошее мнѣніе о дисциплинированности, относительной гуманности австрійской арміи, въ особенности офицеровъ. Въ о̀рганахъ русской и сербской печати мы за послѣдніе мѣсяцы встрѣчали мнѣнія совершенно противуположнаго свойства. Намъ незачѣмъ вдаваться въ разборъ справедливости тѣхъ или другихъ мнѣній; предполагая даже, что австрійскіе офицеры одарены всевозможными добродѣтелями, и что австрійская армія лучшая въ Европѣ,—мы тѣмъ не менѣе должны признать, что управленіе только-что завоеванной страны, переданное въ руки этихъ идеальныхъ офицеровъ, никуда не годится. Офицеръ прежде всего—солдатъ, т.-е. безпрекословный исполнитель приказаній начальника, отъ него нельзя требовать политическаго такта, способности приноравливаться къ политическимъ условіямъ страны, руководствоваться потребностями населенія и его желаніями, или по крайней мѣрѣ принимать ихъ во вниманіе. Чѣмъ лучше офицеръ въ военномъ смыслѣ, чѣмъ онъ усерднѣе и дѣятельнѣе, тѣмъ онъ менѣе способенъ отправлять самостоятельную функцію гражданскаго управленія, особенно при такихъ затруднительныхъ условіяхъ, какія существовали въ занятомъ краѣ. Въ результатѣ получилось то, что каждый командиръ военнаго поста дѣлался въ своемъ округѣ маленькимъ неограниченнымъ пашой, велъ свою собственную политику, истолковывая по своему приказанія начальства и не заботясь о томъ, что дѣлаетъ воинскій начальникъ сосѣдняго района. Въ зворницкомъ участкѣ покровительствовали мусульманамъ, въ сосѣднемъ съ нимъ Вышеградѣ—православнымъ, а въ Фочѣ воинскій начальникъ не упускалъ случая притѣснять мусульманъ. Въ одномъ уѣздѣ покровительствовали кметамъ (крестьянамъ), въ другомъ ихъ притѣсняли и оказывали всевозможныя любезности бегамъ (мусульманскимъ помѣщикамъ). Въ Коньицѣ воинскій начальникъ затѣвалъ преслѣдованіе за недозволенное ношеніе оружія, за порубку нѣсколькихъ жердей, и превращалъ подобные пустяки въ дѣла первостепенной важности; нѣсколько десятковъ верстъ выше, по Неретвѣ, вооруженныя шайки разгуливали среди бѣла дня и безнаказанно угоняли скотъ турецкихъ агъ. Множество процессовъ изъ-за владѣнія земли были затѣяны по иниціативѣ усердныхъ воинскихъ начальниковъ.

Этотъ сумбуръ нисколько не уменьшился, когда правительство

стало переводить въ Боснію и Герцеговину гражданскихъ чиновниковъ: возникла масса недоразумѣній и противурѣчій между распоряженіями военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, масса жалобъ однихъ на другихъ, которыя большей частью рѣшались въ Сераевѣ въ пользу военныхъ властей. Для пополненія картины административной безурядицы прибавимъ, что личный составъ чиновниковъ постоянно смѣнялся новымъ; такъ напримѣръ, въ 47 административныхъ участкахъ (Bezirke), на которые раздѣлены Боснія и Герцеговина, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ перебывало около 225 участковыхъ управителей (Bezirksleiter—соотвѣтствуетъ нашему исправнику), т.-е. среднимъ числомъ въ каждомъ участкѣ перебывало по 4 управителя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за три года перемѣнилось по 6 чиновниковъ, ни одинъ изъ этихъ Bezirksleiter'овъ не пробылъ на своемъ мѣстѣ болѣе года. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что всякій новоназначенный чиновникъ являлся съ своимъ готовымъ планомъ и прежде всего старался уничтожить то, чтò было сдѣлано его предшественникомъ. Такіе порядки господствовали не только въ сферѣ политической администраціи, но и судебной, школьной, финансовой и пр.

Мы, такимъ образомъ, видѣли, какая безсистемность, какой полнѣйшій хаосъ господствовали въ периферическихъ òрганахъ управленія занятаго края. Но и въ центральныхъ òрганахъ дѣло было нисколько не лучше. Такъ-называемая „боснійская канцелярія", центральный òрганъ управленія, была передана имперскому министру финансовъ г. Слави, какъ говорятъ, хорошему финансисту, но не обладающему никакими выдающимися качествами политика и администратора.

Впрочемъ, онъ не особенно и занимался дѣлами занятаго края; тонъ задавали начальникъ генеральнаго штаба, генералъ Бекъ и графъ Андраши, которые, какъ извѣстно, имѣютъ весьма значительное вліяніе на императора Франца-Іосифа. Въ придворныхъ сферахъ гр. Андраши пользуется почему-то репутаціей самороднаго генія, и въ особенности знатока по дѣламъ Балканскаго полуострова. Подъ вліяніемъ этихъ „спеціалистовъ" правительство выработывало планы и системы управленія, которые передавались для выполненія управляющимъ занятымъ краемъ. Тотчасъ же послѣ подавленія возстанія, въ Вѣнѣ рѣшили, что не слѣдуетъ запугивать населенія, что необходимо пріобрѣсти расположеніе его мягкимъ отношеніемъ даже къ бывшимъ начальникамъ возстанія. Приказъ въ этомъ смыслѣ былъ данъ генералу Филипповичу, который, въ свою очередь, циркуляромъ предписалъ своимъ подчиненнымъ мягкое обращеніе. Тогда началось усиленное задобриванье всѣхъ почти клас-

совъ населенія: болѣе вліятельныхъ, главарей и беговъ, не исключая прежнихъ предводителей возстанія, всячески отличали, имъ давали денежныя награды и знаки отличія, крестьянамъ же надавали цѣлую кучу обѣщаній. Но политическая цѣль, имѣвшаяся при этомъ въ виду, не была достигнута: какъ сами облагодѣтельствованные главари, такъ и все населеніе увидѣло въ этой мягкости—безсиліе австрійскаго правительства, боязнь его передъ населеніемъ, и вліяніе бывшихъ предводителей возстанія еще болѣе усилилось. Изъ нихъ составился, такъ сказать, привилегированный классъ, который, несмотря на всѣ заискиванія правительства, оставался такъ же враждебнымъ ему, какъ и прежде, во время возстанія.

Реформаторская дѣятельность боснійскаго бюро въ гражданскомъ законодательствѣ проявилась въ выработкѣ массы законовъ, не имѣющихъ рѣшительно никакого значенія для страны; такъ, напримѣръ, былъ выработанъ подробный законъ о патентахъ и привилегіяхъ на изобрѣтенія, объ охранѣ фабричныхъ и промышленныхъ клеймъ и т. п. Въ гражданскомъ судопроизводствѣ былъ отмѣненъ существовавшій раньше устный способъ и замѣненъ сложнымъ канцелярскимъ судопроизводствомъ, перенесеннымъ изъ Австріи. Но при этомъ изъ политическихъ соображеній многіе изъ прежнихъ *кади* (судьи), совершенно незнакомыхъ съ письменнымъ судопроизводствомъ и бо̀льшей частью даже безграмотныхъ, были оставлены на своихъ мѣстахъ. Подобныя мѣры вызывали не мало неудовольствія какъ со стороны чиновниковъ, такъ и со стороны населенія.

Самая крупная ошибка правительства заключалась въ его половинчатомъ, нерѣшительномъ отношеніи къ аграрному вопросу,—несомнѣнно самому важному вопросу, не допускавшему производства административныхъ опытовъ. Считаю нужнымъ остановиться подольше на немъ, такъ какъ въ неудачномъ рѣшеніи или, вѣрнѣе, нерѣшеніи его австрійскимъ правительствомъ слѣдуетъ искать главную причину настоящаго возстанія.

Читателю, вѣроятно, извѣстно, что причина прежнихъ возстаній православнаго населенія Босніи и Герцеговины противъ турецкаго правительства заключалась не столько въ политическомъ и религіозномъ гнётѣ мусульманъ, сколько въ неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи страны и въ феодальной формѣ землевладѣнія, поддерживаемой турецкимъ правительствомъ. Крѣпостное право, господствовавшее въ Босніи и Герцеговинѣ въ средніе вѣка, измѣнилось подъ вліяніемъ турецкаго режима лишь въ томъ отношеніи, что ленными владѣльцами могли быть только вѣрные мусульмане и надежные приверженцы султана. За исключеніемъ той части территоріи, которая считалось собственностью султана, вся остальная

земля принадлежала отдѣльнымъ ленным владѣльцамъ, *агамъ*. Такія ленныя помѣстья называются *чифтликами*. Крестьянскія общины безвозмездно пользовались небольшими участками лѣса и выгонами. Пахатной землей не владѣли ни православные, ни мусульманскіе крестьяне (кметы). Даже изба и огородъ кмета составляли часть чифтлика и считались принадлежностью аги. Кметы не имѣли права свободно переходить съ одного чифтлика на другой безъ согласія аги и административныхъ властей. Однимъ словомъ, крѣпостное право господствовало и до сихъ поръ господствуетъ какъ съ юридической, такъ и съ фактической точки зрѣнія.

Крѣпостная зависимость въ Босніи и Герцеговинѣ была связана съ такими непомѣрными тяжестями для кметовъ, что приходится удивляться не тому, что они такъ часто возставали противъ турокъ и эксплуатировавшихъ ихъ беговъ, но тому, какъ они были въ состояніи нести эти страшныя тяжести въ долгіе промежутки отъ одного возстанія до другого. Кметы, жившіе на земляхъ, зачисленныхъ въ разрядъ чифтликовъ, обязаны были доставлять землевладѣльцамъ отъ $1/4$ до $1/2$ жатвы и отъ $1/3$ до $1/2$ скошеннаго сѣна; эта оброчная плата (кэшимъ) должна была быть доставлена ему на домъ и ссыпана въ амбары, а въ случаѣ порчи кметъ отвѣчалъ своимъ имуществомъ. Затѣмъ, на кметѣ лежала еще барщинная повинность, которую онъ долженъ былъ исполнять въ теченіе 2-3 дней въ недѣлю; кромѣ того, существовали еще разныя натуральныя повинности, какъ напр., доставленіе бегу извѣстнаго количества овецъ, куръ, сыру, масла, топлива и т. д. Кметы постоянно жаловались турецкимъ пашамъ на противузаконныя вымогательства со стороны беговъ, ссылаясь на старые законы и граматы; беги въ свою очередь ссылались на „обычное право“ и съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе расширяли это „обычное право“ въ свою пользу. Турецкое правительство не имѣло достаточно силы, чтобы ввести сколько-нибудь сносный порядокъ въ отношенія кметовъ и ленныхъ владѣльцевъ, такъ что средневѣковыя экономическія отношенія съ каждымъ годомъ ухудшались. Правительство могло только отъ времени до времени издать законъ, болѣе или менѣе утверждающій это невыносимое для кмета „обычное право“. Турецкое аграрное законодательство могло еще сколько-нибудь упорядочить отношенія въ мѣстностяхъ съ сплошнымъ мусульманскимъ населеніемъ, но въ тѣхъ частяхъ, гдѣ населеніе было смѣшанное, напр., въ южной и средней Герцеговинѣ, оно только усиливало въ населеніи ненависть къ турецкимъ порядкамъ и къ покровительствуемымъ правительствомъ бегамъ. Это обстоятельство придавало всѣмъ прежнимъ возстаніямъ герцеговинцевъ противъ турецкаго правительства рели-

гіозно-національный оттѣнокъ, хотя въ сущности они были аграрными возстаніями, бунтами крестьянъ противъ землевладѣльцевъ.

Возстаніе 1878 года не имѣло такого характера, оно было чисто религіозное и національное возстаніе мусульманъ противъ австрійскихъ войскъ. Православное населеніе держалось совершенно пассивно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., въ сраженіяхъ при Горицѣ и Клобукѣ) даже помогало австрійскимъ войскамъ. Это пассивное отношеніе православнаго населенія къ возстанію было для правительства чрезвычайно счастливымъ обстоятельствомъ; оно старалось расположить въ свою пользу кметовъ, распуская слухи о томъ, что послѣ усмиренія возстанія положеніе кметовъ значительно облегчится, аграрные законы будутъ подвергнуты коренному измѣненію въ смыслѣ благопріятномъ для кметовъ. Эти слухи нашли себѣ оффиціальное подтвержденіе въ извѣстномъ манифестѣ генерала Филипповича, обнародованномъ вскорѣ послѣ взятія Сераева. Въ этомъ манифестѣ главнокомандующій, отъ имени правительства, обѣщалъ скорую реформу аграрныхъ законовъ и немедленное облегченіе тяжестей, лежавшихъ на массѣ кметовъ. И дѣйствительно, въ первое время оккупаціи нѣкоторые воинскіе начальники, согласно полученнымъ инструкціямъ, приказали владѣльцамъ чифтликовъ сбавить кэшимъ съ $1/2$ жатвы до $1/3$, съ $1/3$ до $1/4$ и съ $1/4$ до $1/5$. Это и было проведено въ нѣкоторыхъ частяхъ Герцеговины, въ Корытскомъ, Мостарскомъ, Столацкомъ и Пачительскомъ участкахъ, гдѣ аги продолжали еще жить въ своихъ помѣстьяхъ, и турецкія власти дѣйствовали до самой австрійской оккупаціи. Нѣсколько иначе было положеніе дѣлъ въ нижней Герцеговинѣ, въ Любиньскомъ, Метохійскомъ, Билецкомъ и Требиньскомъ участкахъ, т.-е. въ мѣстностяхъ, гдѣ, главнымъ образомъ, сосредоточивалось возстаніе 1875 года. Тутъ кметы съ 1875 года фактически владѣли землей; мусульманскіе аги были прогнаны и спаслись въ Боснію, турецкіе чиновники существовали только въ городахъ, ихъ власть не распространялась даже на ближайшія окрестности городовъ, христіанскіе кметы преспокойно обработывали земли изгнанныхъ беговъ, они считали эти земли своей собственностью, пріобрѣтенной цѣною кровопролитной борьбы. Правительство съ самаго начала сдѣлало важную ошибку, не высказавшись категорически относительно правъ кметовъ на владѣніе земельныхъ участковъ въ южной Герцеговинѣ. Кметы оставались на этихъ участкахъ, и правительство ничѣмъ не заявило, что оно считаетъ ихъ владѣнія незаконной узурпаціей. Это заставило кметовъ укрѣпиться въ мысли, что и правительство признаетъ ихъ права на земли прогнанныхъ владѣльцевъ.

Такъ стояло дѣло до тѣхъ поръ, пока вѣнскіе „спеціалисты“

по балканскимъ дѣламъ, гр. Андраши, Слави и ген. Бекъ, не подумали, что правительству необходимо создать себѣ прочную опору въ странѣ, заручившись сочувствіемъ болѣе вліятельной части населенія. Придумана была громкая фраза, что „въ Босніи и Герцеговинѣ австрійская власть не упрочится, пока она не будетъ опираться на консервативные элементы населенія". Спрашивается, какіе элементы считать консервативными въ странѣ съ первобытной культурой, съ средневѣковымъ экономическимъ строемъ, съ массой противуположныхъ политическихъ и соціальныхъ интересовъ? Очевидно, что, австрійскому правительству немыслимо было вести *консервативную* политику, т.-е. стремиться къ сохраненію существовавшаго прежде строя; вѣдь этотъ-то строй и создалъ главнымъ образомъ тѣ ужасныя аномаліи, которыя разорили страну въ конецъ и вызвали рядъ кровопролитныхъ возстаній. Преслѣдовать консервативную политику значило продолжать прежнее турецкое хозяйство и такимъ образомъ дѣйствовать въ направленіи, противуположномъ тому, которое имѣлось въ виду на берлинскомъ конгрессѣ. Смѣшно было бы приписывать австрійскому правительству такія намѣренія: для него не могло быть тайной, что продолженіе турецкаго режима à la longue невозможно, и что единственно мыслимая политика, это—политика реформъ. Въ этомъ смыслѣ само правительство высказывалось не одинъ разъ. Тѣмъ не менѣе фраза необходимости снисканія расположенія консервативныхъ элементовъ была пущена въ ходъ и повторялась на разные лады всѣми ȯрганами правительства, начиная съ министровъ и кончая оффиціальными ȯрганами печати.

Теперь для насъ очевидно, что консерватизмъ тутъ былъ не причемъ. Вся сила была въ томъ, что „спеціалисты" по боснійскому вопросу, Андраши, Слави, Каллай и Бекъ, отчасти изъ свойственной этимъ мадьярскимъ политикамъ антипатіи и недовѣрія къ славянамъ, отчасти изъ дѣйствительной боязни панславистскаго призрака, рѣшили вести *анти-славянскую* политику, которая въ данномъ случаѣ должна была идти въ разрѣзъ съ интересами крестьянскаго населенія. „Консервативнымъ" или, вѣрнѣе, анти-народнымъ элементомъ въ занятомъ краѣ оказались никто иные, какъ мусульманскіе землевладѣльцы, тѣ же аги, которые больше всего тяготѣли къ Турціи. Но чтȯ изображали они изъ себя? Лѣнивые, изнѣженные, развращенные вѣковой политической и экономической властью надъ трудящимися массами, меньше всего способные къ развитію и къ болѣе или менѣе разумной соціальной организаціи,—этотъ классъ населенія (настаиваю на словѣ классъ, потому что тутъ играла роль не національная и религіозная рознь между бегомъ и кметомъ, но именно ихъ соціальное положеніе) могъ держаться и сохранять свои

политическіе и экономическіе прерогативы, только благодаря поддержкѣ турецкаго правительства,—поэтому онъ больше какой-нибудь другой части населенія имѣлъ причины ненавидѣть Австрію. Правительство очутилось въ безвыходномъ противурѣчіи: съ одной стороны, невозможно сохранить старый status quo, потому что этого не потерпитъ ни масса христіанскаго населенія, ни европейскія державы, а съ другой, приходится опереться на часть населенія, больше всего заинтересованную въ сохраненіи этихъ порядковъ.

Съ такой невыполнимой миссіей прибылъ въ Сераево новый начальникъ края, герцогъ Вюртембергскій, и съ его прибытіемъ началась курьёзнѣйшая въ мірѣ „внутренняя политика", которая была ничѣмъ инымъ, какъ длиннымъ рядомъ водевильныхъ недоразумѣній. За туркофильскими бегами и предводителями только-что подавленнаго возстанія стали ухаживать безъ мѣры, ихъ осыпали подарками и милостями, назначали на мѣста судей, въ члены только-что организованнаго „административнаго земскаго совѣта" (Landesverwaltungsrath) въ Сераевѣ,—единственнаго учрежденія, имѣвшаго отдаленное сходство съ представительнымъ собраніемъ. Полиція и жандармерія были организованы большей частью изъ бывшихъ турецкихъ заптіевъ и пандуровъ. Но всѣ эти заигрыванія, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, не приводили къ желанной цѣли: вліятельные мусульмане видѣли въ этой политикѣ признакъ страха передъ ними, и хотя осаждали всѣ австрійскія канцеляріи просьбами о денежныхъ вознагражденіяхъ, доходныхъ мѣстахъ и разнаго рода льготахъ, но нисколько не сдѣлались болѣе расположенными къ австрійскому режиму. Когда же ихъ требованія становились уже абсолютно неудобоисполнимыми, и администрація была поставлена въ необходимость отказывать имъ въ требуемомъ, они, нисколько не скрываясь, становились въ явно-враждебныя отношенія къ правительству.

Въ сферѣ аграрныхъ отношеній новое „консервативное" направленіе австрійской политики внесло невообразимый сумбуръ, особенно въ нижней Герцеговинѣ. Подъ защитой и покровительствомъ австрійской администраціи, мусульманскіе аги возвратились въ свои имѣнія и стали требовать отъ кметовъ захваченныхъ послѣдними чифтликовъ и уплаты кэшима за три года безоброчнаго пользованія землей ихъ. Крестьяне почти вездѣ отвѣтили отказомъ, ссылаясь на то, что земля теперь принадлежитъ имъ, что они отвоевали ее. Аги обратились за помощью къ австрійскимъ воинскимъ начальникамъ и гражданскимъ чиновникамъ, которые по своему усмотрѣнію или отказывали имъ, или при помощи пандуровъ и военныхъ командъ водворяли ихъ въ прежнихъ имѣніяхъ. Это подало поводъ къ безчисленному множеству процессовъ изъ-за правъ владѣнія землей и

кэшима. Благодаря медленности австрійскаго гражданскаго судопроизводства и пристрастному отношенію къ дѣлу *кади*, процессы тянулись безконечно долго, къ обоюдному неудовольствію тяжущихся сторонъ.

Послѣ долгихъ колебаній, правительство рѣшилось и въ аграрномъ вопросѣ держаться своей „консервативной" политики, и поэтому лѣтомъ прошлаго года издало циркуляръ, подтверждающій старый турецкій законъ отъ 14 сефера 1276 г. (1859 г.) о чифтликахъ. На основаніи этого закона чифтлики признаются собственностью ленныхъ владѣльцевъ, а съ кметовъ взыскивается вся неуплаченная ими арендная плата. Во многихъ мѣстностяхъ нижней Герцеговины выполнить этотъ законъ оказалось совершенно невозможнымъ: въ Метохійскомъ и Билецкомъ округахъ, кметы не платили кэшима въ теченіе 3 лѣтъ, теперь имъ, слѣдовательно, приходилось бы платить $^3/_4$ до $1^1/_2$ жатвъ недоимочнаго кэшима. Поэтому законъ 14 сефера во многихъ случаяхъ не примѣнялся, въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ черезчуръ усердные чиновники и воинскіе начальники принуждали крестьянъ къ выполненію закона, послѣдніе бросали землю, уходили въ горы и присоединялись къ шайкамъ ускоковъ, которыя къ тому времени уже стали принимать характеръ инсургентскихъ отрядовъ. И въ другихъ мѣстностяхъ обнародованіе турецкаго закона 1859 г. нисколько не уменьшило количества процессовъ и ни мало не упорядочило аграрныхъ отношеній. О томъ, въ какой степени увеличилось число аграрныхъ процессовъ въ 1880 году, т.-е. послѣ того, какъ австрійское правительство принялось за выполненіе своей консервативной системы, можно судить по цифрамъ, приводимымъ въ оффиціальномъ отчетѣ Слави объ управленіи занятымъ краемъ [1]).—Въ 1879 году все количество гражданскихъ дѣлъ, разбиравшихся во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ Босніи и Герцеговины, не превышало 23,000. Въ 1880 году это количество почти утроилось. Отчетъ Слави признаетъ, что большинство этихъ процессовъ происходило изъ-за аграрныхъ недоразумѣній (любопытно то, что Слави видитъ въ этомъ обстоятельствѣ доказательство развитія въ населеніи понятія о правѣ).

Тяжбы велись не только изъ-за правъ владѣнія, но и изъ-за границъ чифтликовъ, такъ какъ вся страна еще не размежевана, и во время неурядицы многіе межевые знаки были передвинуты или затерялись, такъ что приходилось возстановлять старыя границы.

---

[1]) Zur Orientirung über den gegenwärtigen Stand der Bosnischen Verwaltung. Wien, 1881 (стр. 7). Это между прочимъ первый и единственный оффиціальный документъ, изданный со времени начала оккупаціи.

Это оказалось, однако, невозможнымъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не окончены работы по производству общаго кадастра (до сихъ поръ едва сдѣлана 1/5 этихъ работъ). Въ прежнее время, до австрійской оккупаціи, введеніе жестокаго аграрнаго закона могло вызвать волненіе среди кметовъ, которое не преминуло бы обрушиться, въ болѣе или менѣе внушительной формѣ, на турецкія власти и мусульманскихъ землевладѣльцевъ. Теперь одинаково недовольны и озлоблены были какъ крестьяне, такъ и землевладѣльцы, какъ православные, такъ и мусульмане; они не думали враждовать другъ съ другомъ, но вся ненависть и озлобленіе ихъ обрушились на австрійцевъ. Таковы были результаты „консервативной" системы гр. Андраши въ сферѣ аграрныхъ отношеній.

Прибавимъ еще, что кромѣ тѣхъ ошибокъ, которыя являлись естественнымъ результатомъ этой злополучной „системы", не мало промаховъ было сдѣлано, благодаря неумѣлости и неопытности отдѣльныхъ органовъ администраціи. Такъ напр., въ февралѣ 1879 года былъ обнародованъ какой-то старый турецкій законъ, которымъ опредѣляется зависимость крестьянъ отъ ленныхъ владѣльцевъ. Законъ былъ изданъ въ сербскомъ и нѣмецкомъ переводахъ, при чемъ одинъ изъ параграфовъ его, касающійся спеціально аграрныхъ отношеній въ Верхней Герцеговинѣ, былъ искаженъ переводчикомъ. Тѣмъ не менѣе законъ вошелъ въ силу, на основаніи его были совершены новые контракты между бегами и кметами, и, повидимому, всѣ стороны остались довольны. Вдругъ въ августѣ 1880 года, т.-е. черезъ полтора года послѣ обнародованія закона, какимъ-то образомъ открылось, что переводъ былъ сдѣланъ невѣрный. Главное управленіе въ Сераевѣ издаетъ новое постановленіе, заключавшее, между прочимъ, и слѣдующій курьёзный пунктъ: „Условія, заключенныя на основаніи невѣрнаго перевода закона, и на основаніи которыхъ ленные владѣльцы принуждены были дѣлать своимъ кметамъ недобровольныя уступки, должны считаться недѣйствительными". Такого рода промахъ администраціи не могъ не возбудить сильнаго неудовольствія въ населеніи, и усложнялъ и безъ того запутанныя аграрныя отношенія. Беги, сдѣлавшіе въ началѣ оккупаціи кой-какія облегченія своимъ кметамъ, основываясь на исправленномъ текстѣ закона, оспаривали дѣйствительность заключенныхъ условій, и мѣстная администрація принуждена была соглашаться на ихъ требованія.

Отношенія между кметами и землевладѣльцами составляютъ самое больное мѣсто соціальной жизни занятаго края и играютъ тутъ не менѣе важную роль, чѣмъ отношенія лэндлордовъ и фермеровъ въ Ирландіи. Для насъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что положеніе, занятое правительствомъ по этому вопросу, послужило глав-

ной причиной настоящаго возстанія. Но и кромѣ этого коренного вопроса, было еще много второстепенныхъ обстоятельствъ, гдѣ „консервативная система“ совершенно ненужнымъ образомъ вызывала недовольство и раздраженіе въ массѣ населенія. Къ этимъ второстепеннымъ обстоятельствамъ слѣдуетъ причислить возстановленіе цѣлаго ряда старыхъ турецкихъ законовъ, сильно обременявшихъ и безъ того разоренное крестьянское населеніе и не примѣнявшихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ 1875 года. Такъ напр., администрація сочла нужнымъ возстановить крайне непопулярный законъ 7-го джемазіулъ-эвеля 1280 г. (1863), на основаніи котораго каждый взрослый мужчина обязанъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ году безвозмездно чинить и строить дороги. Эта дорожная повинность была особенно непопулярна потому, что крестьянину приходилось тратить время и деньги не только на прокормъ во время работы, но и на проѣздъ до мѣста ея, которое нерѣдко отстояло на разстояніи 3—4 дней пути отъ мѣста жительства его. Возстановленіе этого закона было въ матеріальномъ отношеніи почти безполезно для администраціи, такъ какъ результаты отъ даровой и обязательной работы получались ничтожные. Такія же послѣдствія имѣло объявленіе новаго закона, налагавшаго чрезвычайно высокіе штрафы и наказанія за лѣсныя порубки, особенно въ безлѣсной Герцеговинѣ. Прежній турецкій законъ предоставлялъ отдѣльнымъ крестьянскимъ общинамъ право пользованія извѣстными лѣсными участками; кромѣ того, крестьяне могли брать дрова для топлива изъ казеннаго лѣса. Австрійская администрація отмѣнила старый законъ, отняла у общинъ ихъ лѣсные участки и причислила къ категоріи лѣсныхъ мѣстностей даже такіе участки, гдѣ росъ одинъ только кустарникъ. Подобныя же ограниченія сдѣланы были австрійской администраціей относительно правъ крестьянъ на свободныя пастбища.—Тоже самое слѣдуетъ сказать о возстановленіи въ 1880 г. стараго турецкаго налога на овецъ и рогатый скотъ, который не взимался съ 1877, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ 1875 года. Правда, администрація до извѣстной степени измѣняла нѣкоторые тяжелые пункты аграрныхъ законовъ, но вслѣдствіе того, что она была гораздо требовательнѣе турецкихъ чиновниковъ, населеніе вовсе не чувствовало этихъ облегченій. При турецкой администраціи вышеприведенные аграрные законы не соблюдались вовсе въ Герцеговинѣ, такъ какъ это оказалось невозможнымъ; австрійская же военно-бюрократическая администрація, дѣйствуя съ неумолимостью и безсознательностью автомата, не принимала во вниманіе существующихъ обстоятельствъ и требовала соблюденія такихъ законовъ, которые не въ состояніи были провести на практикѣ даже турецкіе паши.

Въ засѣданіяхъ послѣднихъ экстренныхъ делегацій въ началѣ февраля имперскій министръ Слави и гр. Кальноки оправдывали неудовлетворительность аграрныхъ отношеній тѣмъ, что правительство не имѣло ни достаточно времени, ни средствъ для проведенія радикальныхъ реформъ, въ которыхъ нуждается страна. Что касается недостатка средствъ, то я позволю себѣ къ этому вернуться ниже; времени же съ подавленія возстанія прошло больше трехъ лѣтъ, и правительство даже не приступило къ тѣмъ реформамъ, на необходимость которыхъ оно само указывало еще въ 1859 и 1875 годахъ въ дипломатическихъ нотахъ къ турецкому правительству и затѣмъ въ манифестѣ Филипповича.—Самой насущной, справедливой, а главное, единственно возможной реформой въ области аграрныхъ отношеній было бы *уничтоженіе крѣпостного права и надѣленіе кметовъ землею;* быть можетъ, для этой цѣли потребовалось бы произвести кредитную операцію, или денежныя затраты для вознагражденія мусульманскихъ владѣльцевъ. Но во всякомъ случаѣ это былъ единственный путь, по которому реформаторская дѣятельность правительства должна была быть направлена. Стоитъ только припомнить аналогическіе случаи изъ новѣйшей исторіи, гдѣ рѣшеніе аграрныхъ отношеній вліяло благотворнымъ образомъ и на всѣ политическія затрудненія, несмотря на кажущуюся трудность и неразрѣшимость послѣднихъ. Стоитъ вспомнить, напр., вліяніе освобожденія крестьянъ въ Россіи на ходъ польскаго возстанія 1863 года, чтобы ясно увидѣть, что Австрія могла прочно связать Боснію и Герцеговину съ имперіей одной только отмѣной крѣпостного права. Улучшенія администраціи, законодательства, народнаго образованія и пр. являются лишь второстепенными вопросами, рѣшеніе которыхъ правительство могло отложить на цѣлые года,—но рѣшеніе аграрнаго вопроса не терпѣло отлагательства. Правительство, конечно, знало, что аграрная реформа должна составлять краеугольный камень всей цивилизаторской дѣятельности его въ занятомъ краѣ, но, оставаясь вѣрнымъ своей консервативной политикѣ, или вѣрнѣе, не находя въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы сразу рѣшить поставленный исторіей вопросъ, оно цѣлые три года медлило, раздумывало, колебалось, надавало обѣщаній; на практикѣ же только и дѣлало, что чинило, возстановляло и охраняло старо-турецкое аграрное законодательство, уничтоженное и сдѣлавшееся окончательно невозможнымъ послѣ удачнаго исхода возстанія 1875 года.

Было бы ошибкой думать, что жертвою консервативной системы, принятой австрійскимъ правительствомъ, была исключительно одна православная райя; въ Верхней Герцеговинѣ и Босніи мусульманскіе кметы играли такую же незавидную роль; даже „консерватив-

ное“ сословіе, аги, тоже оказались въ накладѣ, не получивъ того, на что они разсчитывали. Этимъ объясняется, что въ настоящемъ возстаніи приняли участіе какъ мусульмане, такъ и православные, и что въ числѣ предводителей инсургентовъ фигурируютъ какъ вожаки возстанія 1875 года, такъ и многіе беги, предводительствовавшіе во время возстанія 1878 года.

Этими крупными промахами австрійскаго правительства далеко не исчерпываются грѣхи его по управленію занятымъ краемъ. Цѣлый рядъ не менѣе крупныхъ ошибокъ былъ совершенъ Австріей подъ вліяніемъ другой исторической иллюзіи, унаслѣдованной современнымъ правительствомъ отъ прежнихъ абсолютистскихъ временъ.

Вслѣдствіе разнороднаго этнографическаго состава и особенныхъ историческихъ условій, вліявшихъ на образованіе Австріи, правительству австрійскому во всѣ времена приходилось чаще, чѣмъ правительству какого-нибудь другого европейскаго государства, имѣть дѣло съ частными неудовольствіями, бунтами и возстаніями въ той или другой части государства. То возставали итальянскія провинціи, то Чехія, то Венгрія, то южно-славянскія земли. Въ до-конституціонный періодъ австрійской имперіи почти не проходило пятилѣтія безъ того, чтобы въ той или другой части имперіи правительству не приходилось подавлять народныя возстанія. Универсальнымъ средствомъ противъ народнаго недовольства въ то время считались штыки, которые и были пускаемы въ ходъ въ весьма щедрой мѣрѣ. Политическій эмпиризмъ того времени не зналъ другихъ средствъ противъ народныхъ волненій, кромѣ грубаго насилія, и выработалъ цѣлую систему насилія, подобно тому, какъ медицинскій эмпиризмъ выработалъ прежде систему кровопусканій, а педагогическій эмпиризмъ —теорію розги. Наука о подавленіи народныхъ волненій сдѣлалась почти такой же оформленной частью военно-политическихъ наукъ, какъ тактика или военное право. Основнымъ принципомъ этой науки была теорія о необходимости „властной руки“ для управленія странами, гдѣ населеніе выказываетъ склонность къ возстаніямъ; подъ „властной рукой“ всегда понималась военщина, штыкъ, и чѣмъ штыкъ и палка дѣйствовали неумолимѣе, чѣмъ безжалостнѣе они сокрушали политическую самодѣятельность народа, тѣмъ рука администраціи считалась сильнѣе. Явились, конечно, практики спеціалисты по части усмиренія возстаній; такими считались эрцгерцогъ Альбрехтъ, ген. Радецкій, Коллеръ и др. Къ этимъ спеціалистамъ обращались всякій разъ, какъ въ той или другой части имперіи начинались народныя волненія, и они вездѣ, повидимому, съ большимъ успѣхомъ примѣняли свою систему.

Революція 1848 года пробила первую крупную брешь въ этой теоріи, а военныя пораженія 1859 и 1867 годовъ окончательно разрушили вѣру въ непогрѣшимыя цѣлебныя свойства „властной руки“. Государство стало перестроиваться на новыхъ началахъ, и на народныя волненія стали смотрѣть, въ теоріи по крайней мѣрѣ, съ совсѣмъ другой точки зрѣнія. Конечно, открытыя возстанія продолжали по прежнему усмирять силой оружія (да врядъ ли современное государство можетъ иначе дѣйствовать),—но хорошо уже то, что благополучіе страны перестали измѣрять количествомъ разстрѣлянныхъ, повѣшенныхъ, согнутыхъ въ бараній рогъ людей, протестующихъ противъ даннаго политическаго строя. Хорошо уже и то, что здѣшнее правительство перестало видѣть въ народныхъ волненіяхъ проявленіе „злой воли и мятежнаго духа“ народовъ и старалось изучить причины его. Этотъ новый взглядъ правительства на законность требованій народныхъ видѣнъ былъ въ Кнезлакскомъ мирѣ 1870 года, заключенномъ съ инсургентами въ южной Далмаціи, и въ неоднократныхъ попыткахъ правительства устроить политическій компромиссъ съ чехами, державшимися въ то время пассивной политики.

Но, не смотря на фіаско, которое, im Ganzen und Grossen genommen, потерпѣла теорія „властной руки“, она слишкомъ вошла въ плоть и кровь австрійскаго правительства, ея непогрѣшимость слишкомъ долго признавалась неоспоримой, чтобы она могла исчезнуть безъ остатка. Эрцъ-герцогъ Альбрехтъ еще живъ и пользуется вліяніемъ, и вѣроятно не безъ сожалѣнія вспоминаетъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда онъ съ успѣхомъ усмирялъ Ломбардію, и когда никому не приходило въ голову оспаривать цѣлесообразность штыковъ. Генералы Коллеръ, Кельнеръ, Росбахеръ, Лихтенштейнъ все еще благоденствуютъ и хранятъ традиціи о своихъ славныхъ побѣдахъ надъ ломбардскими, венгерскими и чешскими бунтовщиками. Эти и имъ подобные представители старой австрійской школы до сихъ поръ пользуются вліяніемъ въ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ, и, конечно, не пропускаютъ случая, гдѣ представляется возможность снова примѣнить старую систему. Такіе случаи дѣлаются теперь все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ конституціонныя формы политической жизни проникаютъ глубже и шире, какъ въ массу населенія, такъ и въ правительственные кружки. Такъ, въ прошломъ году, во время уличныхъ безпорядковъ въ Прагѣ, министерство, вопреки мнѣнію эрцгерцога Альбрехта и старой партіи, отказалось на отрѣзъ употребить военную силу для укрощенія пражскихъ чеховъ. Во время многочисленныхъ стачекъ въ богемскихъ угольныхъ копяхъ, случавшихся въ теченіе послѣднихъ 3-хъ лѣтъ, правительство къ великому неудовольствію военной партіи,

тоже старалось обойтись безъ репрессивныхъ мѣръ,—и во всѣхъ случаяхъ получались удовлетворительные результаты.

Но если политика укрощенія и застращиванія перестала примѣняться въ широкихъ размѣрахъ, когда дѣло идетъ о населеніи австрійскихъ коронныхъ земель, то нельзя того же сказать въ примѣненіи къ оккупаціонной странѣ. Тутъ произволъ военщины и политика „властной руки" были съ самаго начала положены въ основаніе администраціи. Я уже раньше указалъ на двѣ главныя причины этого факта: 1) неопредѣленность условій, на основаніи которыхъ берлинскій конгрессъ передалъ эти провинціи въ руки Австріи; и 2) возстаніе мусульманскаго населенія, послѣдовавшее непосредственно послѣ вступленія австрійскихъ войскъ. Но не менѣе важной причиной было абсолютное незнакомство правительства съ краемъ и его населеніемъ. О боснякахъ и герцеговинцахъ въ правительственныхъ сферахъ имѣлись самыя нелѣпыя понятія. Если послушать, что̀ за послѣднія два года говорили австрійскіе министры о населеніи Босніи и Герцеговины, то, право, можно подумать, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь племени ашантіевъ или вотокудовъ. Въ коммиссіи австрійской делегаціи, Слави самымъ серьезнымъ образомъ увѣрялъ, что у герцеговинцевъ существуютъ коммунистическія тенденціи (эта фраза повторяется и въ оффиціальномъ отчетѣ Слави [1]); въ венгерской делегаціи Кальноки говоритъ слѣдующее: „Въ этой странѣ за послѣднія десятилѣтія успѣлъ развиться особый многочисленный классъ людей, который занимается политикой и политической агитаціей, какъ ремесломъ, доставляющимъ ему возможность жить не трудясь: эти революціонеры по профессіи агитируютъ и будутъ агитировать противъ всякаго правительства, все равно какого,—турецкаго, австрійскаго или какого-нибудь другого: они—противники всякаго гражданскаго порядка, потому что съ наступленіемъ порядка прекращается возможность ихъ пагубной дѣятельности" и т. д. Еще любопытнѣе то, что̀ говорилъ въ австрійской делегаціи имперскій военный министръ, гр. Биландтъ-Рейдтъ: „Восточные народы,—заявлялъ онъ,—не признаютъ авторитета государства надъ страной, если она не была завоевана силой оружія. Въ той части Герцеговины, гдѣ теперь происходитъ возстаніе, населеніе незнакомо съ австрійскимъ оружіемъ, такъ какъ возстаніе 1878 года не распространилось на эту часть страны. Южной Герцеговинѣ недоставало „крещенія кровью" (dem südlichen Theile der Herzegowina fehlte bis jetzt die Bluttaufe); отсюда вытекаетъ настоящее возстаніе" и т. п. Не менѣе преувеличенное мнѣніе высказывало правительство о дѣятельности

---

[1]) Zur Orientirung etc. (стр. 3).

иностранныхъ агитаторовъ, наемныхъ или добровольныхъ, которые только и дѣлали, что рыскали по странѣ и подстрекали населеніе къ смутамъ и неповиновеніе властямъ; графъ Биландтъ-Рейдтъ видитъ въ дѣятельности этихъ иностранныхъ „эмиссаровъ“ одну изъ главныхъ причинъ настоящаго возстанія. Не берусь рѣшить, были ли имперскіе министры дѣйствительно убѣждены въ справедливости высказываемыхъ ими мнѣній о населеніи Босніи и Герцеговины, или же завѣдомо искажали и преувеличивали факты. Какъ бы то ни было, фактъ—тотъ, что въ правительственныхъ сферахъ составилось убѣжденіе, что для оккупаціоннаго края необходима иная политика, чѣмъ для остальной имперіи, необходима политика, которая могла бы обуздать политическую агитацію, укротить иностранныхъ эмиссаровъ, искоренить коммунистическія тенденціи крестьянъ и т. под. Разъ, правительство стало на такую точку зрѣнія, ему оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы вернуться къ традиціямъ до-конституціонной Австріи, къ ученію о необходимости „властной руки“. Оно и сдѣлало этотъ шагъ,—и что всего удивительнѣе, ни въ парламентѣ, ни въ печати не нашлось никого, кто бы хотя съ принципіальной стороны поднялъ голосъ противъ этого. Всѣ партіи, и либеральная, и клерикальная, и чешская, и польская, повидимому, соглашались a priori, что для водворенія порядка въ оккупаціонномъ краѣ необходимы тѣ же средства, которыми старая Австрія напрасно старалась укрощать, то либераловъ, то чеховъ, то поляковъ. Партіи расходились во взглядахъ на всю восточную политику Австріи, на цѣлесообразность оккупаціи, на необходимость искать опору въ той или другой части населенія,—но никто не сомнѣвался въ необходимости и цѣлесообразности политики „властной руки“.

Это несчастное заблужденіе, которое почти въ одинаковой степени раздѣляли, какъ правительство, такъ и общество, повело къ цѣлому ряду крупныхъ и трудно поправимыхъ промаховъ. Практики старой, до-конституціонной школы вытащили на свѣтъ цѣлый сводъ правилъ, необходимыхъ для примѣненія старой системы. „Властная“ администрація будетъ лишь такая, которая будетъ объединена въ рукахъ одного военнаго генерала, которая не будетъ стѣснена ни мѣстнымъ самоуправленіемъ, ни парламентомъ, которая будетъ ограждена отъ критики общественнаго мнѣнія и печати, и т. д. И всѣ эти давно отжившія свой вѣкъ правила снова ожили и сдѣлались ходячими фразами, принимаемыми безъ анализа, какъ нѣчто само собой понятное.

Не разбирая всѣхъ ошибокъ австрійскаго правительства въ дѣлѣ управленія краемъ, ошибокъ, послужившихъ главной причиной возстанія, скажемъ однако, что было бы несправедливо, вообще, возлагать всю отвѣтственность за эти ошибки на одно правительство; часть вины несомнѣнно должна пасть, какъ мы уже замѣтили, на парламентъ и парламентскія партіи, которыя въ вопросахъ, касавшихся оккупаціоннаго края, держались или пассивной или отрицательной точки зрѣнія. Вообще, вліяніе парламента на внѣшнія дѣла Австріи крайне ограничено. Но за то оккупація Босніи и Герцеговины не была фактомъ касающимся исключительно внѣшней политики Австріи. Самая неопредѣленность и ненормальность положенія занятаго края съ точки зрѣнія международнаго права доставляли австрійскому и венгерскому парламентамъ достаточно причинъ и поводовъ, чтобъ своимъ активнымъ вмѣшательствомъ вліять на правительственную политику и контролировать администрацію. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы которая нибудь изъ парламентскихъ партій, будь это даже какая-либо изъ оппозиціонныхъ партій, серьезно стала отстаивать интересы населенія Босніи и Герцеговины, этотъ край не могъ бы сдѣлаться безправнымъ, безотвѣтнымъ объектомъ административныхъ экспериментовъ правительства. Но всѣ партіи парламента были слишкомъ заняты своей исключительной политикой и дрязгами, и ни одна не сочла себя призванной отстаивать интересы босняковъ и герцеговинцевъ. Партіи большинства не пытались вовсе входить въ разборъ вопросовъ, касавшихся управленія занятаго края; для нихъ важно было поддерживать министерство, отъ котораго онѣ ожидали извѣстныхъ политическихъ уступокъ. Стоило ли изъ-за „какой-нибудь“ Герцеговины ссориться съ министерствомъ и ставить ему затрудненія? Онѣ поэтому заранѣе дали правительству полное отпущеніе въ грѣхахъ, смотрѣли съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ на положеніе края и расхваливали искусство Слави, съумѣвшаго организовать администрацію Босніи и Герцеговины, не тратя ни крейцера изъ имперскихъ средствъ.

Теперь только, послѣ трехлѣтняго индифферентизма и молчанія, послѣ безконтрольнаго хозяйничанья правительства въ Босніи и Герцеговинѣ, только теперь заговорили объ ошибкахъ правительства, какъ партіи парламентскаго большинства, такъ и оппозиція. Посыпались благожелательные совѣты отъ первыхъ, упреки со стороны послѣдней. Но какъ тѣ, такъ и другіе, явились слишкомъ поздно, чтобъ поправить прошлыя ошибки. Впрочемъ, Босніи и Герцеговинѣ нечего ждать спасенія отъ австрійскаго парламента, пока въ немъ не будутъ находиться, или на него не будутъ непосредственно вліять представители отъ самой Босніи и Герцеговины. Въ какой бы формѣ

это представительство ни явилось, какъ бы слаба ни была его численность, къ какой бы парламентской сторонѣ оно ни принадлежало, —оно могло бы оказать благотворное вліяніе на положеніе оккупаціоннаго края уже тѣмъ однимъ, что напомнило бы о его нуждахъ и потребностяхъ.

Теперь, когда въ исходѣ герцеговинскаго возстанія нельзя почти сомнѣваться, и окончательное подавленіе его предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ,—снова поднятъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ этими двумя провинціями. Въ австрійскихъ политическихъ кружкахъ считаютъ окончательное присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи мѣрой необходимой; нѣкоторые выдающіеся органы русской и англійской печати предлагаютъ созвать новый европейскій конгрессъ для рѣшенія этого вопроса; наконецъ, существуетъ еще мнѣніе, что лучше всего оставить все по старому, не рискуя расшевелить восточный вопросъ со всѣми его сложными и разнообразными интересами. Въ какой бы формѣ ни рѣшился поставленный вопросъ, австрійскому правительству придется и въ будущемъ оказывать немалое вліяніе на Боснію и Герцеговину. Отъ его будущей политики будутъ зависѣть, какъ экономическое, культурное и политическое состояніе самого оккупаціоннаго края, такъ и—едва-ли не въ бо̀льшей степени—положеніе Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, т.-е. участь австрійскаго „Drang nach Osten“.

Продолженіе старой правительственной системы сдѣлалось абсолютно невозможнымъ; требуется поэтому, чтобъ правительство рѣшилось въ ближайшемъ будущемъ отказаться: 1) отъ такъ-называемой консервативной политики, т.-е. туркофильства и угнетенія православныхъ; и 2) отъ политики „властной руки“, со всѣми ея гибельными послѣдствіями. Но прежде всего и больше всего необходимо *уничтоженіе крѣпостного права* въ Босніи и Герцеговинѣ; одна эта мѣра способна упрочить положеніе Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, безъ вреда для славянъ, и удовлетворить милліонъ кметовъ—сельскаго населенія.

Въ противномъ случаѣ, наша власть надъ Босніей и Герцеговиной и ихъ оккупація будутъ служить вѣчной причиной кровопролитій и вѣчной опасностью для европейскаго мира,—и въ концѣ-концовъ сдѣлаются менѣе возможной, чѣмъ было само турецкое господство.

С. К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

12/24 апрѣля, 1882.

ОБЗОРЪ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СЕССІИ И ИРЛАНДСКІЯ ДѢЛА.

Англійскій парламентъ пришелъ къ заключенію, что пора пересмотрѣть правила парламентскихъ преній. Правда, мнѣніе это еще далеко не всѣми раздѣляется, но только потому, что вопросъ этотъ, какъ и всякій другой, получилъ партійный характеръ. Многіе изъ консерваторовъ, въ душѣ совершенно согласные съ тѣмъ, что пора положить какіе-нибудь предѣлы парламентскому словоизверженію, не хотятъ, однако, сознаться въ этомъ только оттого, что предложеніе исходитъ отъ кабинета Гладстона. Впрочемъ, не мало есть и такихъ, которые искренно сознаютъ опасность всякой мѣры, имѣющей видъ стѣсненія личной свободы мнѣній силою большинства, или, что̀ еще опаснѣе, властью спикера (предсѣдателя), который можетъ быть и не вполнѣ добросовѣстнымъ. Съ самой той минуты, какъ правительство заявило о своемъ намѣреніи поставить этотъ вопросъ первымъ на очередь при открытіи сессіи, — печать и публика не переставали заниматься имъ, и не было такого аргумента за или противъ, который не былъ бы взвѣшенъ и разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ. Трудно согласиться съ мнѣніемъ, будто закрытіе преній могло бы помѣшать палатѣ въ иныхъ случаяхъ знакомиться съ фактами, способными повліять на исходъ голосованія. Всѣмъ извѣстно, что въ палату приходятъ не за полученіемъ свѣдѣній: онѣ получаются изъ газетъ, которыя, задолго до того вечера, когда долженъ обсуждаться какой-нибудь животрепещущій вопросъ, знакомятъ депутатовъ и публику со всѣми сторонами его, со всѣми относящимися къ дѣлу фактами. Самому блестящему изъ ораторовъ остается только группировать эти всѣмъ извѣстные факты и освѣтить ихъ извѣстнымъ образомъ, чтобы произвести желаемый эффектъ. Періодическая печать играетъ важную роль въ настоящихъ парламентскихъ затрудненіяхъ. Въ прежнія времена, когда еще не было электрическихъ телеграфовъ, противъ ограниченія парламентскихъ преній можно было бы возражать на основаніи вышеуказанной причины; но въ тѣ времена не ощущалось никакой надобности ограничивать пренія: тогда, какъ бы по взаимному соглашенію между членами, въ палатѣ говорили только тѣ, кто по своему положенію могъ сообщить вѣрныя свѣдѣнія о занимающемъ всѣхъ вопросѣ, или чье мнѣніе имѣло личный, всѣми

признанный авторитетъ, дававшій право на совѣщательный голосъ. Но при томъ развитіи свободной печати, какое мы видимъ въ настоящее время въ Англіи, парламентъ могъ бы быть въ значительной мѣрѣ облегченъ отъ необходимости много говорить. Одна изъ палатъ даже подаетъ примѣръ въ этомъ отношеніи: въ палатѣ лордовъ, на которыхъ законодательство вообще не слишкомъ тяготѣетъ, пренія отличаются сравнительною сжатостью. Къ сожалѣнію, лордовъ нельзя безусловно ставить въ этомъ отношеніи въ примѣръ палатѣ общинъ. Умѣренность, съ которою они пользуются своимъ правомъ голоса, объясняется въ большинствѣ случаевъ просто-на-просто равнодушіемъ и лѣнью. Ихъ мѣста за ними обезпечены, они не живутъ въ постоянномъ страхѣ передъ своими избирателями и рѣдкаго изъ нихъ подстрекаетъ къ дѣлу что-нибудь въ родѣ политическаго честолюбія. Будь наши пэры поставлены въ такія же условія, въ какихъ находятся депутаты,—едва ли бы и они отличались такою сдержанностью.

Относительно палаты общинъ, которую иные называютъ въ настоящее время не совсѣмъ безъ основанія „говорильней",—главное зло заключается въ томъ, что каждый изъ ея членовъ, хотя бы самый незначительный, старается выставиться и блеснуть въ преніяхъ. Иному даже все равно—слушаютъ его, или нѣтъ: лишь бы рѣчь его появилась въ мѣстной газетѣ его округа и была прочитана его избирателями, и лишь бы не заслужить отъ нихъ упрека въ безгласности. Избиратели не любятъ, чтобы представитель ихъ оставался безгласнымъ, и каждое мѣстечко внимательно слѣдитъ съ помощью газетъ за ролью, которую депутатъ его играетъ въ палатѣ общинъ, не принимая въ разсчетъ того, что при настоящихъ условіяхъ физически невозможно, чтобы каждый изъ членовъ говорилъ по поводу каждаго, даже значительнаго вопроса. Впрочемъ, зло коренится еще глубже. Задача, которую взяла на себя палата общинъ, была бы не подъ силу ей и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; люди, думающіе, что настоящему застою въ законодательствѣ можно пособить какою-нибудь системой ограниченія преній, очевидно, заблуждаются. Нужно замѣтить, что въ послѣдніе года палата общинъ приняла на себя слишкомъ много дѣлъ, совершенно не отвѣчающихъ ея назначенію. Она, какъ будто, перестала считать своею спеціальностью изданіе законовъ, и вдалась въ подробное обсужденіе административнаго примѣненія ихъ. Лекарствомъ противъ этого зла можетъ быть только тщательнѣйшій выборъ людей для каждаго дѣла, и строгая отвѣтственность ихъ за принятыя на себя обязанности. Избиратели должны перестать цѣнить своихъ представителей только по говорливому участію ихъ въ преніяхъ, и надзоръ надъ администраціей долженъ

быть, тѣмъ или другимъ способомъ, совершенно отдѣленъ отъ законодательныхъ обязанностей палаты.

Парламентъ сошелся на нынѣшнюю сессію съ полнымъ сознаніемъ того, что реформа его собственнаго устава должна предшествовать всѣмъ другимъ дѣламъ. Безъ этой реформы нечего было бы и приступать къ другимъ дѣламъ: все равно, не вышло бы ничего существеннаго. Парламентъ сошелся при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ: законодательство въ застоѣ; дѣлъ накопилась масса; въ Ирландіи соціальная революція, и, наконецъ, само правительство, популярность котораго остается во всей силѣ, рѣшилось сдѣлать изъ вопроса о реформѣ вопросъ кабинетный. Стало быть, медлить невозможно. Но, что же мы видимъ? Послѣ долгихъ преній, занявшихъ нѣсколько недѣль, послѣ безконечныхъ рѣчей, палата разошлась, только одобривъ въ принципѣ парламентскую реформу. Всѣ же подробности проекта Гладстона еще ждутъ обсужденія, и дай Богъ, чтобы оно кончилось къ Троицѣ.

Попытаюсь разобраться въ той путаницѣ, которую представляла первая часть сессіи. Открылась она 7-го февраля (26-го января), какъ водится, тронною рѣчью. Но въ послѣдніе года тронныя рѣчи получили у насъ какой-то ироническій смыслъ, и слушая ихъ, невольно улыбаешься. Въ каждой тронной рѣчи обѣщается внесеніе длиннаго ряда мѣръ самой неотложной необходимости, между тѣмъ какъ всякому слушающему напередъ извѣстно, что изъ этихъ мѣръ получатъ законодательную силу въ продолженіе сессіи не болѣе одной или двухъ. Если бы рѣчи эти писались самою королевой, то можно было бы только удивляться ея несокрушимой вѣрѣ въ лучшее будущее; но такъ какъ онѣ пишутся первымъ министромъ,—человѣкомъ, слишкомъ опытнымъ, чтобы обманывать себя пріятными иллюзіями, то въ этихъ рѣчахъ приходится видѣть не болѣе, какъ милый юморъ. Нынѣшняя тронная рѣчь была довольно длинна и полна радостныхъ надеждъ, впрочемъ, омрачаемыхъ нѣсколько ирландскими дѣлами. Обѣщались въ ней слѣдующія мѣры: законопроектъ о самоуправленіи сельскихъ округовъ, по образцу того, которымъ давно пользуются города; облегченіе мѣстныхъ налоговъ; реформа старинной корпораціи лондонской Сити; затѣмъ, воспроизведеніе тѣхъ биллей, которые были уже внесены въ прошлую сессію, но которыхъ палата не успѣла разсмотрѣть. Упоминалось также и о реформѣ уголовнаго кодекса. Излишне и говорить, что отвѣтный адресъ на тронную рѣчь послужилъ поводомъ къ безконечнымъ и совершенно безплоднымъ преніямъ; но и послѣ того, прежде чѣмъ перейти къ чему-нибудь существенному, пришлось преодолѣть цѣлый рядъ затрудненій. Во-первыхъ, явился неизбѣжный мистеръ Брэдло, прибли-

зившійся къ президентскому столу съ явнымъ намѣреніемъ принесть присягу и занять свое мѣсто въ качествѣ члена отъ Нортгэмптона. Вся эта сцена была, разумѣется, подготовлена съ обѣихъ сторонъ. Прежде, чѣмъ Брэдло успѣлъ добраться до президентскаго стола, Стаффордъ Норскотъ предложилъ резолюцію о лишеніи Брэдло права принесть присягу, на основаніи резолюцій палаты общинъ отъ 22-го іюня 1880 г. и 26-го апрѣля 1881 г. Случайно или нѣтъ, Гладстонъ въ этотъ день отсутствовалъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ предварительный запросъ. Правительство утверждало, что у мистера Брэдло нельзя отнимать права давать присягу, установленную законодательнымъ порядкомъ, и по поводу этого вопроса завязались пренія, если только можно назвать преніями шумные возгласы кипятящихся и прерывающихъ другъ друга ораторовъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Ньюдгэтъ, грозилъ палатѣ самыми страшными послѣдствіями, если она изгонитъ религіозную присягу. Онъ указывалъ на Америку, перенесшую страшную междоусобную войну и потерявшую двухъ президентовъ, павшихъ отъ руки убійцы,—все за то, что „власть не основана у нея на словѣ Божіемъ“. Брэдло предложилъ вполнѣ разумную сдѣлку: онъ изъявилъ готовность—если будетъ внесенъ билль о признаніи простого обязательства равносильнымъ присягѣ—сложить съ себя свои полномочія и вновь выставить свою кандидатуру въ Нортгэмптонѣ, чтобы быть избраннымъ при дѣйствіи новаго закона. Такимъ образомъ, онъ отдѣлилъ бы свое имя отъ упомянутаго билля, который пересталъ бы носить характеръ „брэдловскаго увольнительнаго билля“, какъ его иные прозвали. При этомъ онъ еще разъ подтвердилъ, что считаетъ присягу обязательною, и что онъ никогда не отрицалъ этого.

Во время преній вошелъ Гладстонъ, который предложилъ пересмотрѣть вопросъ, напомнивъ, что онъ имѣетъ чисто юридическій характеръ, и что палата, при данномъ настроеніи ея, не можетъ быть компетентнымъ судьею въ немъ. Послѣдовало голосованіе, и правительство потерпѣло пораженіе большинствомъ пятидесяти голосовъ. Палата зашла въ этомъ дѣлѣ слишкомъ далеко, чтобы согласиться на пересмотръ. Брэдло возвратился къ своей прежней тактикѣ и отказался повиноваться, когда спикеръ велѣлъ ему удалиться изъ залы засѣданій. Брэдло отрицалъ, что палата въ правѣ не принимать отъ него присяги. Спикеръ воззвалъ къ палатѣ, и та приняла резолюцію объ удаленіи Брэдло, который, наконецъ, покорился, желая, какъ онъ пояснилъ, избавить палату отъ повторенія позорной сцены, когда онъ былъ силой выведенъ на улицу.

Спикеръ объявилъ послѣ того объ арестѣ Парнелля, Диллона, Секстона и О'Келли, и о послѣдовавшемъ затѣмъ освобожденіи Сек-

стона. Одинъ изъ ирландскихъ членовъ назвалъ это нарушеніемъ парламентскихъ привилегій и потребовалъ назначенія слѣдственной коммиссіи по этому дѣлу; но предложеніе его было отклонено сильнымъ большинствомъ.

Во время преній объ отвѣтномъ адрессѣ на тронную рѣчь, одинъ изъ ирландскихъ членовъ предложилъ поправку, требовавшую „исправленія" политическихъ отношеній между Ирландіей и Англіей. Предложеніе вызвало жаркія пренія. Гладстонъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній; оппозиція подхватила ихъ и тотчасъ перетолковала въ самомъ преувеличенномъ смыслѣ. Первый министръ выразилъ надежду, что предложеніе будетъ взято назадъ, но не потому, что онъ считаетъ его нежелательнымъ, а потому, что въ настоящее время обсужденіе его не могло бы принести никакихъ результатовъ. „Правительство, прибавилъ министръ, придаетъ величайшую важность расширенію принципа самоуправленія Ирландіи, но оно убѣждено, что палата общинъ никогда не согласится ни на какую мѣру, способную ослабить центральную власть, необходимую для поддержанія союза. Тѣ,—прибавилъ министръ,—кто желаетъ, чтобы ирландскія дѣла управлялись ирландцами, обязаны, прежде всего, ясно опредѣлить способъ, какимъ это можетъ быть сдѣлано; между тѣмъ ирландскіе „гомрулеры" не даютъ намъ на этотъ счетъ никакого опредѣленнаго плана. Правительство не можетъ сдѣлать перваго шага въ этомъ направленіи, пока ему не предложатъ какого-нибудь опредѣленнаго плана, въ которомъ не была бы ясно проведена черта между мѣстными и общегосударственными дѣлами,—проведена такимъ образомъ, чтобы она могла удовлетворить тѣхъ, кто считаетъ своимъ первымъ долгомъ поддерживать неприкосновенность императорской власти". Эти слова возбудили неизобразимое волненіе въ рядахъ оппозиціи. Какъ! первый министръ самъ вызываетъ планъ, о которомъ не должно бы быть и рѣчи! Вѣроятно, слова Гладстона не надѣлали бы такого шума, если бы они не встрѣтили одобренія со стороны нѣкоторыхъ изъ членовъ ирландской группы. Спустя нѣсколько дней, Гладстонъ объяснился, сказавъ, что онъ вообще противникъ чрезмѣрной централизаціи и желалъ бы, какъ для Ирландіи, такъ и для Англіи, децентрализаціи парламентской власти въ той мѣрѣ, какая возможна безъ вреда для единства имперіи. Второстепенныя мѣстныя правительства служатъ источникомъ великой силы. Онъ энергически возражалъ противъ мнѣнія, будто предоставленіе ирландцамъ контроля надъ ихъ собственными дѣлами было бы шагомъ къ полному отпаденію Ирландіи. Никто изъ гомрулеровъ не истолковывалъ до сихъ поръ этого вопроса такимъ образомъ. Гладстонъ прибавилъ, что въ словахъ его нѣтъ ничего новаго, и что онъ уже не разъ

заявлялъ то же самое мнѣніе, которое теперь высказалъ. Буря улеглась, не оставивъ никакихъ послѣдствій.

20-го (8-го) февраля Гладстонъ внесъ, наконецъ, свой обѣщанный билль о парламентской реформѣ, и палата приступила къ обсужденію его. Но мы повременимъ съ разборомъ этихъ преній, которые не дали пока никакого удовлетворительнаго результата. За два дня передъ тѣмъ палата лордовъ приняла резолюцію, потребовавшую немедленнаго вниманія правительства. Этой резолюціей рѣшено было назначить коммиссію для изслѣдованія дѣйствія ирландскаго земельнаго закона. Въ виду того, что законъ этотъ дѣйствуетъ не болѣе шести мѣсяцевъ и въ виду настоящаго состоянія умовъ въ Ирландіи, ирландцы не могли не усмотрѣть въ этой резолюціи враждебнаго имъ духа, и правительству не оставалось другого выбора, какъ высказать опредѣленно свое мнѣніе на счетъ этой мѣры. Ясно, что она была внушена пэрамъ единственно эгоизмомъ. Видя значительное уменьшеніе рентъ въ Ирландіи, они раскаялись въ томъ, что утвердили земельный законъ и задумали парализировать его дѣйствіе назначеніемъ слѣдственной коммиссіи, забывая, что въ результатѣ эта мѣра должна была обратиться противъ нихъ же самихъ. Парламентское изслѣдованіе можетъ только констатировать тотъ фактъ, что земельный судъ въ его настоящемъ составѣ совершенно не въ состояніи справиться съ массой дѣлъ, которыми онъ заваленъ, и поэтому трудно предсказать, сколько пройдетъ времени, прежде чѣмъ дѣятельность этого суда приведетъ къ замиренію Ирландіи. Вдобавокъ коммиссіи пришлось бы обратить должное вниманіе и на важный вопросъ о недоимкахъ. По точнымъ справкамъ въ Ирландіи находится въ настоящее время около 100,000 арендаторовъ, на которыхъ лежатъ недоимки, и которые подлежатъ или уже подверглись выселенію. Съ этой точки зрѣнія, назначеніе слѣдственной коммиссіи должно было принесть свою пользу, но только въ смыслѣ обратномъ тому, который имѣлся въ виду пэрами.

Коммиссія была составлена изъ пятнадцати членовъ, которые всѣ землевладѣльцы (частью ирландскіе) и консерваторы. Не мѣшаетъ замѣтить, что рента, получаемая этими почтенными членами, составляетъ въ сложности сумму около 700,000 фунт. стерл. и взимается съ 500,000 акровъ земли. Даже среди самой палаты лордовъ раздались голоса противъ этой странной мѣры. Въ особенности горячо возсталъ противъ нея лордъ Дерби, напомнившій своимъ товарищамъ, что не слѣдуетъ ослаблять правительство передъ такимъ порядкомъ вещей, какой мы видимъ теперь въ Ирландіи—порядкомъ, граничащимъ съ соціальною революціей. Онъ указалъ и на

несообразность состава комиссіи изъ людей, заинтересованныхъ въ приговорахъ земельнаго суда.

Правительство, не желая возобновлять преній о земельномъ законѣ, послѣдствій которыхъ нельзя было предугадать, рѣшилось пойти на уступки и согласилось на назначеніе слѣдственной комиссіи подъ условіемъ, чтобы дѣятельность ея не вредила дѣятельности земельнаго суда, членамъ котораго было бы окончательно невозможно справиться со своими дѣлами, еслибы еще имъ пришлось давать отвѣтъ передъ коммиссіею пэровъ. Но палата лордовъ отвергла это условіе.

Нечего было дѣлать, пришлось обсудить предложеніе лордовъ въ палатѣ общинъ, другими словами:—выразить неодобреніе этой мѣры правительствомъ. Консерваторы громко протестовали противъ такой траты драгоцѣннаго времени въ такую минуту, когда столько мѣръ, первой важности, дожидались своей очереди. Стаффордъ Норскотъ заявилъ, что опасенія, будто дѣятельность коммиссіи можетъ повредить дѣйствію земельнаго суда, лишено всякаго основанія; но если бы даже и было какое-нибудь основаніе опасаться этого, то довольно было бы „попросить членовъ коммиссіи частнымъ образомъ, чтобы они не отвлекали судъ отъ его занятій, и они, какъ благовоспитанные джентльмены, навѣрное уважили бы эту просьбу". На это первый министръ основательно возразилъ, что правительство уронило бы свое достоинство, если бы поставило себя въ зависимость отъ снисходительности милордовъ. Когда дошла очередь до голосованія, то правительство получило 300 голосовъ противъ 167. Ирландцы, разумѣется, принадлежали къ оппозиціи, какъ ни мало отвѣчало это ихъ интересамъ. Въ настоящую минуту, дѣло стоитъ такимъ образомъ: въ палатѣ лордовъ, торіи, вопреки здравому смыслу нѣкоторой части ихъ, позволили увлечь себя ирландскимъ лэндлордамъ; а въ палатѣ общинъ консерваторы пользуются ирландской аграрной лигой, какъ орудіемъ для пораженія правительства; словомъ, происходитъ нѣчто чудовищное: союзъ ирландскихъ лэндлордовъ съ ирландской аграрной лигой!

Внося въ палату свою резолюцію о неодобреніи рѣшенія палаты лордовъ, Гладстонъ не скрылъ, что онъ связываетъ съ нею вопросъ о довѣріи къ правительству. Резолюція была формулирована въ слѣдующихъ словахъ: „Парламентское слѣдствіе надъ дѣйствіями ирландскаго земельнаго суда, могло бы стѣснить дѣйствія означеннаго суда и повредить хорошему управленію Ирландіею". Первый министръ защищалъ свое предложеніе въ длинной и горячей рѣчи. Вмѣшиваться въ настоящую минуту въ дѣла земельнаго суда, имѣющія именно теперь исключительно юридическій характеръ, было бы про-

тивно всѣмъ цѣлямъ правительства и всѣмъ интересамъ общества. Палата лордовъ не несетъ на себѣ отвѣтственности за политическіе кризисы, это тяжкое бремя лежитъ всецѣло на палатѣ общинъ. Гладстонъ напомнилъ при этомъ, что парламентъ спеціально имѣлъ въ виду предупредить вмѣшательство палаты лордовъ въ дѣла земельнаго суда, исключивъ абсолютное право апеллировать противъ его рѣшеній. Коммиссары суда могутъ отказывать въ правѣ апеллировать, если не признаютъ апелляціи основательной. Не будь этихъ преградъ, ирландскія дѣла во множествѣ доходили бы до высшей апелляціонной инстанціи—до палаты лордовъ. Слѣдственная коммиссія, составленная изъ людей, не чуждыхъ предразсудковъ, постарается связать руки коммиссаровъ земельнаго суда. Мы видимъ, какъ подѣйствовалъ на ирландскихъ лэндлордовъ одинъ проектъ этой коммиссіи: многіе изъ нихъ, которые были уже готовы вступить въ сдѣлку со своими арендаторами, вдругъ дали знать своимъ управляющимъ, чтобы они пріостановили дѣло. „Мы желаемъ,—заключилъ Гладстонъ,—положить конецъ возмутительной сословной борьбѣ и заложить прочныя основанія соціальнаго порядка. Цѣли этой можно достигнуть только съ содѣйствіемъ народа, и мы увѣрены, что тѣ разумныя и справедливыя уступки, которыя сдѣланы земельнымъ закономъ, приведутъ, хотя и не вдругъ, къ общему удовлетворенію. Мы ни минуты долѣе не могли бы нести на себѣ отвѣтственности за ирландскія дѣла, если бы законодательная власть лишила насъ тѣхъ орудій, которыя она дала намъ въ руки“.

Пренія были отложены дня на два, а тѣмъ временемъ коммиссія организовалась и приступила къ дѣлу. Она начала съ того, что пригласила Форстера къ дачѣ показаній; но это приглашеніе, послѣ внимательнаго обсужденія его совѣтомъ министровъ, было почтительно отклонено. При окончательномъ голосованіи въ палатѣ общинъ о резолюціи, предложенной первымъ министромъ, за нее было подано 303 голоса, а противъ нея—235;—побѣда, какъ видите, не блистательная, но все же побѣда, которая расчистила путь для дальнѣйшей дѣятельности правительства. Пренія объ этомъ предметѣ бросили любопытный свѣтъ на положеніе палаты лордовъ, и заставили даже такой умѣренный органъ, какъ „Times“, сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „Нельзя не видѣть, что политическая власть ускользаетъ изъ рукъ палаты лордовъ. Это становится съ каждымъ годомъ замѣтнѣе, какъ при либеральныхъ, такъ и при консервативныхъ кабинетахъ. Въ этомъ виноваты обѣ палаты. Палата общинъ не хочетъ покоряться никакимъ ограниченіямъ ея власти, а палата лордовъ роняетъ себя въ общественномъ мнѣніи своею явною апатичностью и бездѣйствіемъ. Нельзя сказать, чтобы между англій-

скимъ народомъ и палатой лордовъ коренился глубокій антагонизмъ: настоящее недовольство этой палатой имѣетъ, такъ-сказать, спазмодическій характеръ; но никто не заботится болѣе объ ея прерогативахъ, и англичане смотрятъ совершенно равнодушно на то, что власть ускользаетъ изъ рукъ пэровъ. Опасность не въ томъ, что палату лордовъ могутъ возненавидѣть, а въ томъ, что о ней могутъ позабыть, когда дѣло дойдетъ до какого-нибудь крупнаго рѣшенія. И нельзя сказать, чтобы недовѣріе, внушаемое этой палатой, было незаслуженнымъ". По этимъ словамъ не трудно составить себѣ понятіе о томъ, какъ относится нація вообще къ своимъ пэрамъ.

Мы уже сказали, что Гладстонъ внесъ въ палату первый изъ своихъ обѣщанныхъ биллей, но не станемъ пока подробно разбирать его, предпочитая сдѣлать это черезъ три мѣсяца, когда можно будетъ отдать отчетъ и объ обсужденіи его парламентомъ. Но то самый важный изъ ожидаемыхъ биллей, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ проектъ основныхъ правилъ новаго парламентскаго устава. Оппозиціонныя газеты возстаютъ противъ этого проекта, считая авторомъ его одного Гладстона и увѣряя, что онъ навязалъ его своимъ товарищамъ. Эти газеты рисуютъ перваго министра человѣкомъ заносчивымъ, ничего не уважающимъ, кромѣ своей собственной воли. Отчасти это обвиненіе объясняется манерами Гладстона, котораго даже члены его собственной партіи считаютъ человѣкомъ несговорчивымъ; онъ обращаетъ слишкомъ мало вниманія на человѣческія слабости, на мелочное самолюбіе, и вообще пренебрегаетъ тѣми ухищреніями, которыми достигается популярность. Въ спорѣ съ противниками онъ нерѣдко принимаетъ тонъ авторитета, граничащій съ рѣзкостью. Какъ ни ничтожны сами по себѣ эти подробности, однако въ политикѣ онѣ играютъ не маловажную роль. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ едвали нужно напоминать, что мысль объ ограниченіи парламентскаго „говоренія" принадлежитъ не одному Гладстону. Первымъ подалъ эту мысль въ палатѣ общинъ лордъ Гартингтонъ еще въ февралѣ 1880 г., и мысль его встрѣтила тогда поддержку со стороны самого Стаффорда Норскота. „Единственная мѣра, сказалъ послѣдній, которая могла бы помѣшать затягиванью преній, это право прекращать ихъ". Стало быть, мысль о прекращеніи преній исходитъ не отъ Гладстона, котораго вообще нельзя назвать человѣкомъ почина. Но когда начинается какое-нибудь движеніе умовъ, когда сказывается потребность въ какой-нибудь реформѣ, то нѣтъ человѣка, который умѣлъ бы такъ хорошо, какъ Гладстонъ, схватить всѣ стороны этой потребности, подперетъ ее солидными аргументами и воплотить желанія большинства въ широкой законодательной мѣрѣ. Въ этой способности съ нимъ не срав-

нится никто изъ нашихъ государственныхъ людей. У насъ никакая реформа не является прежде, чѣмъ о ней не прокричать газеты и ораторы митинговъ. Точно такъ же и потребность въ парламентской реформѣ сознавалась уже давно, уже за нѣсколько лѣтъ назадъ, но не выискивалось государственнаго человѣка, который рѣшился бы наложить святотатственную руку на наши вѣковыя традиціи. Наконецъ, когда несообразности нашего парламентскаго устава выказались въ полной очевидности, когда дѣло дошло до положительнаго скандала, и палата оказалась неспособной поддержать даже свое внѣшнее достоинство,—такой человѣкъ нашелся въ Гладстонѣ. Первая часть внесеннаго имъ предложенія формулирована въ слѣдующихъ словахъ: „Если спикеръ, или предсѣдатель коммиссіи палаты, замѣтятъ во время преній, что палата или коммиссія желаютъ, чтобы былъ поставленъ очередной вопросъ или, если внесено предложеніе въ этомъ смыслѣ, то спикеръ или предсѣдатель спрашиваютъ желаетъ ли собраніе, чтобы вопросъ былъ поставленъ; въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, очередной вопросъ тотчасъ же ставится. Рѣшеніе не можетъ считаться утвердительнымъ, если, при сборѣ голосовъ, за него подано не свыше 200 голосовъ, или противъ него—не меньше 40". Гладстонъ подробно мотивировалъ свое предложеніе, прибавивъ, что онъ намѣренъ исправить численныя отношенія такимъ образомъ: „Предложеніе считается принятымъ, если за него подано болѣе 200 голосовъ, или, если противъ него высказалось менѣе 40 голосовъ, а въ пользу его—болѣе 100".

Въ общемъ, реформа дѣлится на двѣ части; одна часть клонится къ ускоренію парламентской процедуры, другая—къ раздѣленію парламентскихъ трудовъ. Послѣднюю Гладстонъ признаетъ наиболѣе важною. Дѣйствительно, у палаты общинъ слишкомъ много дѣла, и, стараясь сдѣлать все, она, по необходимости, должна откладывать многое, что не терпитъ отлагательства. Во всѣхъ другихъ странахъ давно признано необходимымъ ввести правила о прекращеніи преній; и не только въ иностранныхъ странахъ, но и въ англійскихъ колоніяхъ, существуютъ такія правила. Въ прежнія времена англійскій парламентъ имѣлъ достаточный контроль надъ каждымъ изъ своихъ членовъ; теперь же мы видимъ совсѣмъ другое: члены не руководствуются уваженіемъ къ общему настроенію палаты и пренія затягиваются рѣчами, которыхъ она вовсе не желаетъ слушать. На всѣ эти обстоятельства Гладстонъ указалъ, мотивируя свое предложеніе. Вмѣсто убѣжденія доводами, меньшинство, нерѣдко даже отдѣльныя личности—стали прибѣгать къ системѣ давленія на большинство. Въ прошломъ году система эта приняла такіе размѣры, что спикеръ нашелся вынужденнымъ вмѣшаться и лишить ирланд-

скую партію права голоса вопреки всѣмъ парламентскимъ правиламъ и обычаямъ. Но даже и послѣ того понадобилось 29 дней на обсужденіе исключительныхъ ирландскихъ законовъ, и 58 дней на обсужденіе земельнаго закона, тогда какъ безъ умышленнаго затягиванья преній было бы достаточно половины этого времени. При такихъ обстоятельствахъ, ничего болѣе не остается, какъ прибѣгнуть къ радикальной мѣрѣ: дать право большинству палаты прекращать пренія по иниціативѣ спикера. Въ заключеніе, первый министръ сказалъ нѣсколько словъ о своемъ личномъ отношеніи къ вопросу. Жизнь его склоняется къ концу, и ему, вѣроятно, не суждено видѣть плодовъ тѣхъ правилъ, которыя онъ старается ввести; но ему было бы слишкомъ тяжело умирать, оставляя палату въ ея настоящемъ, парализованномъ состояніи, „въ которомъ она напоминаетъ благородное животное, которое бьется въ опутавшихъ его сѣтяхъ“.

Многіе изъ вліятельныхъ членовъ, хотя и признаютъ необходимость какого-нибудь правила противъ затягиванья преній, но не желаютъ признавать права прекращать ихъ за простымъ большинствомъ, требуя для этого большинства не менѣе двухъ третей. Между тѣмъ, было бы гораздо полезнѣе вовсе не опредѣлять въ этомъ случаѣ численной силы большинства. Если достаточно одного голоса большинства для отклоненія даже самой важной законодательной мѣры, даже когда отъ этого зависитъ существованіе министерства, то конечно, этого достаточно и для рѣшенія вопроса, прекратить ли или продолжать пренія. Соединенные Штаты и англійскія колоніи поступаютъ гораздо логичнѣе, предоставляя власть простому большинству; отрицать право простого большинства прекращать пренія, значитъ предоставлять меньшинству право veto во всѣхъ законодательныхъ мѣрахъ и признавать за безотвѣтственнымъ предводителемъ меньшинства одинаковую власть съ отвѣтственными совѣтниками короны. Притомъ же, извѣстно, что всѣ великія реформы предлагаются сначала самымъ малымъ меньшинствомъ, поэтому большинство одного голоса служитъ такою же гарантіей противъ нихъ, какъ и большинство двухъ третей. Одинъ изъ либеральныхъ членовъ предложилъ слѣдующую поправку къ резолюціи Гладстона: „Никакія правила парламентскихъ преній не могутъ достигать цѣли, если право прекращать пренія будетъ предоставлено простому большинству“.

Начавшееся обсужденіе этой поправки было прервано на продолжительное время по слѣдующей причинѣ: Лабушеръ, товарищъ Брэдло по представительству Нортгэмптона, спросилъ палату, не слѣдуетъ ли признать одного изъ моихъ нортгэмптонскихъ депутатовъ вакантнымъ, въ виду того, что Брэдло не дозволяютъ исполнять его депу-

татскихъ обязанностей. Несмотря на отрицательный отвѣтъ генеральнаго атторнея, Лабушеръ внесъ предложеніе о призывѣ нортгэмптонскихъ избирателей къ новымъ выборамъ. Предложеніе это получило всего 18 голосовъ противъ 307. Едва успѣло кончиться голосованіе, какъ произошла слѣдующая сцена: Брэдло, поднявшись со своего мѣста за барьеромъ, приблизился къ президентскому столу, держа въ рукахъ какую-то книгу. Книга эта оказалась библіей, и прежде чѣмъ собраніе успѣло сообразить въ чемъ дѣло, Брэдло произнесъ надъ нею формулу присяги, которую прочелъ съ бумаги; а затѣмъ, подписавъ эту бумагу, положилъ ее на президентскій столъ. Тутъ только палата поняла, въ чемъ дѣло. Спикеръ поднялся съ мѣста и пригласилъ Брэдло удалиться за барьеръ. Сначала, тотъ повиновался, но вслѣдъ затѣмъ снова вошелъ въ среду депутатовъ и занялъ свое мѣсто. Спикеръ тотчасъ снова всталъ и повторилъ приглашеніе удалиться. Брэдло ушелъ за барьеръ. Нѣсколько минутъ всѣ оставались въ недоумѣніи, не зная, на что рѣшиться. На выручку явился лордъ Рэндольфъ Чорчилль, внесшій то самое предложеніе, которое только-что было внесено Лабушеромъ и отклонено палатой: — предложеніе призвать нортгэмптонскихъ избирателей къ новымъ выборамъ въ виду того, что Брэдло занялъ свое мѣсто въ палатѣ, не принеся присяги въ установленной формѣ. Генеральный атторней напомнилъ, что подобной карѣ членъ подвергается лишь въ томъ случаѣ, если онъ принялъ участіе въ голосованіи или занималъ свое депутатское мѣсто во время преній. Брэдло же не провинился ни въ томъ, ни въ другомъ. Пришлось еще разъ обсудить вопросъ, прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе. Въ слѣдующемъ засѣданіи первый министръ объявилъ, что онъ съ самаго начала не одобрялъ образъ дѣйствій палаты въ дѣлѣ Брэдло, находя, что она превысила въ этомъ случаѣ свои полномочія, и, что вслѣдствіе этого онъ поставленъ въ странное положеніе, не будучи въ состояніи идти противъ своей совѣсти и исполнить свой долгъ, какъ предводителя палаты, настоявъ на исполненіи воли большинства. Онъ признаетъ, что Брэдло виновенъ въ явномъ неповиновеніи этой волѣ, но въ нарушеніи парламентскаго устава юридически его нельзя обвинить, такъ какъ въ уставѣ не сказано, что присяга должна быть снята первоприсутствующими въ палатѣ, а сказано только, что при данныхъ условіяхъ должна быть принесена присяга. Онъ, министръ, съ сожалѣніемъ видитъ, что это дѣло готовитъ еще палатѣ много затрудненій. Еслибы онъ могъ указать исходъ изъ нихъ, то онъ сдѣлалъ бы это, но онъ не видитъ исхода и поэтому слагаетъ съ себя отвѣтственность на тѣхъ, кто поднялъ это дѣло. Стаффордъ Норскотъ, очутившійся въ неловкомъ положеніи, съ не-

годованіемъ вскричалъ, что палата имѣетъ много поводовъ къ жалобамъ на своего вождя. Каково бы ни было его личное мнѣніе въ данномъ случаѣ, но онъ обязанъ былъ помочь палатѣ, не только совѣтомъ, но и дѣломъ, въ поддержаніи порядка. Въ заключеніе Норскотъ предложилъ предписать сержантамъ, чтобы они не впускали Брэдло въ зданіе парламента. Это было не совсѣмъ то же, что и прошлогодняя резолюція, которою запрещалось впускать Брэдло въ залу засѣданій, и такъ какъ ближайшимъ на очереди стояло предложеніе Рэндольфа Чорчилля, то Стаффордъ Норскортъ предложилъ свою резолюцію въ видѣ поправки къ нему.

Лордъ Рэндольфъ съ негодованіемъ вскочилъ съ мѣста, удивляясь, что глава оппозиціи не понимаетъ всей нелѣпости подобной поправки. Палата,—прибавилъ Рэндольфъ,—должна болѣе внушительно выразить свое неодобреніе „пошлому фарсу", играемому мистеромъ Брэдло.

Палата, понявъ смѣшную сторону этого эпизода, поощрительно засмѣялась. Тѣмъ не менѣе, предложеніе Рэндольфа было забраковано, и палата перешла къ предложенію Норскота, которое было исправлено авторомъ и получило слѣдующую форму: „Чарльсъ Брэдло, эсквайръ, за неповиновеніе волѣ палаты и презрѣніе къ ея власти, выразившееся въ неправильномъ принесеніи требуемой закономъ присяги, изгоняется изъ палаты". Громкое одобреніе привѣтствовало это предложеніе, противъ котораго не встрѣтилось возраженій и со стороны Гладстона. Послѣдовало голосованіе, въ которомъ 297 голосовъ было подано за изгнаніе Брэдло и 80 голосовъ—противъ него. Брэдло также подалъ голосъ,—разумѣется, противъ изгнанія; но палата не обратила на это вниманія. Друзья его потребовали, чтобы палата выслушала его защиту изъ-за барьера; поднялся шумъ, среди котораго выдавались крики: „да!" и „нѣтъ!" Спикеръ рѣшилъ на основаніи этихъ криковъ, что палата не желаетъ слушать защиты. Двое или трое изъ министровъ подали голоса противъ исключенія. Гладстонъ въ голосованіи не участвовалъ. Норскоту оставалось только внести предложеніе о созывѣ избирателей для замѣщенія Брэдло, которое было тотчасъ же внесено и принято безъ голосованія.

Во всемъ этомъ дѣлѣ палата общинъ вела себя съ позорнымъ лицемѣріемъ. Большая часть консерваторовъ ополчилась противъ Брэдло единственно потому, что онъ представитель радикальной партіи, человѣкъ, вышедшій изъ народа и воплощающій въ себѣ демократическія стремленія. Мало того: Брэдло напередъ объявилъ, что первымъ дѣломъ его по вступленіи въ палату будетъ предложеніе о прекращеніи пенсій, издавна выплачиваемыхъ изъ народнаго кармана нѣкоторымъ фамиліямъ и заслуженныхъ невсегда хорошими дѣлами! Опасеніе его успѣха въ этой демонстраціи противъ злоупотребленій

настроило противъ него многихъ, въ томъ числѣ и Рэндольфа Чорчилля. Изъ 297 противниковъ Брэдло весьма немногіе дѣйствовали подъ вліяніемъ религіознаго ханжества, возмущавшагося при мысли о допущеніи въ парламентъ атеиста. Разскажемъ въ видѣ иллюстраціи къ истиннымъ чувствамъ палаты на этотъ счетъ слѣдующій эпизодъ. Въ началѣ исторіи съ Брэдло одинъ изъ радикальныхъ членовъ, Лаусонъ, иронически предложилъ проэкзаменовать въ катехизисѣ до принесенія присяги вступившаго въ ту пору новаго члена Коллинза. Само собою разумѣется, что на это предложеніе не обратили вниманія, однако шутка не прошла даромъ для бѣднаго Коллинза. Его начали осаждать газетные репортеры, освѣдомляясь, дѣйствительно ли онъ раздѣляетъ атеистическія мнѣнія Брэдло и пр. Коллинзъ счелъ своимъ долгомъ торжественно заявить, что онъ готовъ выдержать любой экзаменъ въ исповѣданіи англиканской церкви, какому пожелаетъ подвергнуть его палата. Это заявленіе было встрѣчено въ палатѣ гомерическимъ хохотомъ. Будь хотя капля религіозной нетерпимости въ мотивахъ дѣйствій палаты въ отношеніи Брэдло, она отнеслась бы къ шуткѣ Лаусона нѣсколько иначе.

Такимъ образомъ, Брэдло вновь выступилъ передъ своими нортгэмптонскими избирателями. Многіе сомнѣвались въ его успѣхѣ, такъ какъ это было уже третьимъ испытаніемъ радикализма его избирателей. Однако, хотя рвеніе ихъ съ каждымъ разомъ понижалось въ градусѣ, но Брэдло вышелъ побѣдителемъ и на этотъ разъ. Во время всеобщихъ выборовъ 1880 г. онъ получилъ 700 голосовъ большинства; въ 1881 г.—132 голоса, а нынче, 2-го марта—уже только 108 голосовъ. Онъ еще не являлся въ палату послѣ новыхъ выборовъ; но, въ предвидѣніи возобновленія прежнихъ сценъ, Норскотъ предложилъ подтвердить резолюцію о недопущеніи его къ присягѣ. Къ резолюціи была предложена поправка, требующая пересмотра закона въ смыслѣ допущенія вмѣсто клятвы простого обязательства, смотря по желанію присягающаго. Поправка эта, поддержанная Гладстономъ, была отклонена, но—большинствомъ всего 15 голосовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, палатѣ еще придется вернуться къ ней.

Палата вновь перешла къ резолюціи Гладстона, вѣрнѣе, къ предложенной поправкѣ къ этой резолюціи. Послѣ десятидневныхъ преній, во время которыхъ обрисовались отношенія парламентскихъ группъ къ предлагаемой правительствомъ парламентской реформѣ, поправка была отклонена. Большинство ирландской партіи вотировало со стороны оппозиціи. Правительство должно было удовольствоваться пока этой побѣдой, такъ какъ дальнѣйшія пренія были отложены по случаю наступленія Пасхи. 2-го марта, въ парламентѣ было объявлено о покушеніи на жизнь королевы. Виновный, Роде-

рикъ Маклинъ, какъ извѣстно, оказался помѣшаннымъ.—6-го марта происходили любопытныя пренія по поводу принятія Англіею подъ свое покровительство компаніи Сѣвернаго Борнео. Въ этомъ фактѣ усматриваютъ ни больше, ни меньше, какъ присоединеніе Борнео—величайшаго изъ острововъ земного шара, послѣ Австраліи—къ англійскимъ владѣніямъ. Правительство отрицало, что упомянутая компанія имѣетъ политическій характеръ, и что дарованная ей хартія можетъ вовлечь Англію въ столкновенія съ Испаніей, Голландіей и Соединенными Штатами. Оппозиція предложила просить королеву объ исключеніи хотя той части хартіи, которою, какъ будто, освящается невольничество. Правительство истолковываетъ, наоборотъ, этотъ пунктъ въ смыслѣ обязательства компаніи безотлагательно положить конецъ невольничеству. Однако, несмотря на то, что доводы оппозиціи были въ этомъ случаѣ вполнѣ основательны, предложеніе ея было подавлено большинствомъ.—Бракъ младшаго сына королевы, принца Леопольда, съ принцессой Вальдекской также далъ поводъ къ преніямъ. Правительство внесло предложеніе объ увеличеніи на 10,000 получаемой принцемъ ежегодной пенсіи въ 15,000 фунт. стер., и о назначеніи сверхъ того 6000 вдовьей пенсіи принцессѣ, на случай, если бы она пережила своего мужа. Одинъ Лабушеръ внесъ мнѣніе противъ этого предложенія, но, само собою разумѣется, безъ всякой надежды на успѣхъ. Однако принципъ, который онъ защищалъ, дѣлаетъ замѣтные успѣхи въ палатѣ общинъ: двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, всего одинъ членъ осмѣлился подать голосъ противъ правительственнаго предложенія въ подобномъ случаѣ; теперь же противъ него было подано 42 голоса. Главнымъ доводомъ защитниковъ предложенія былъ тотъ, что братья принца Леопольда получили такую же пенсію изъ народной казны, и большинство удовлетворилось этимъ доводомъ.

Пока палата пробирается тихими шагами сквозь массу накопившихся дѣлъ, положеніе Ирландіи становится все хуже и хуже. Это ясно видно изъ рѣчи Форстера, произнесенной во время преній о парламентской реформѣ, въ отвѣтъ на требованіе освободить заключенныхъ ирландскихъ депутатовъ, чтобы дать имъ возможность участвовать въ этихъ преніяхъ. Охранительный билль не принесъ тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидало отъ него правительство; оно слишкомъ низко, по сознанію Форстера, оцѣнило силы своихъ противниковъ, не предусмотрѣвъ, что оно будетъ имѣть дѣло, не съ одними деревенскими буянами, а также—и главнымъ образомъ—съ людьми, которые по своему положенію пользуются неоспоримымъ авторите-

томъ и которые стали во главѣ движенія. Впрочемъ, прибавилъ секретарь по ирландскимъ дѣламъ, охранительный законъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, то, что правительственная власть въ Ирландіи не перешла въ руки тѣхъ людей, которые находятся въ настоящее время въ тюрьмахъ. Въ Ирландіи несомнѣнно существуютъ тайныя общества, которыя поощряютъ покушенія на жизнь и собственность. Борьба между порядкомъ и анархіей не прекращается и положеніе дѣлъ, по сознанію Форстера, ужасно. Но все же манифестъ о неплатежѣ рентъ не достигъ своей цѣли: фермеры платятъ ренту исправнѣй прежняго. Представитель правительства прибавилъ, что оно рѣшилось во что бы то ни стало положить конецъ анархіи и испросить для этого у парламента новыхъ полномочій.

Дѣйствительно, пора принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры. Какъ бы ни былъ полезенъ въ будущемъ земельный законъ, но при настоящемъ анархическомъ положеніи Ирландіи плоды его не могутъ быть ощутительны. Покушенія принимаютъ все болѣе и болѣе серьёзный характеръ. Не далѣе, какъ на дняхъ, получено извѣстіе о двухъ новыхъ убійствахъ. Одною изъ жертвъ былъ нѣкто Гербертъ, мировой судья, жившій въ одной изъ отдаленныхъ частей Керрійскаго графства. Онъ сдѣлалъ на судѣ какія-то замѣчанія, раздражившія мѣстныхъ крестьянъ, и поэтому рѣшено было убить его для примѣра другимъ судьямъ. Возвращаясь однажды вечеромъ изъ суда, онъ былъ убитъ на повалъ выстрѣломъ изъ ружья. Но этимъ месть не ограничилась: тринадцать овецъ, принадлежавшихъ покойному судьѣ, были переколоты, и только двѣ изъ нихъ остались въ живыхъ. Второе убійство совершилось дня черезъ два послѣ перваго и имѣло еще болѣе ужасный характеръ. Одинъ лэндлордъ, по имени Смитъ, возвращавшійся въ своемъ экипажѣ изъ церкви съ двумя дамами, подвергся нападенію; но сдѣланный по немъ выстрѣлъ, миновавъ его, раздробилъ черепъ сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамѣ, его свояченицѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ убійца не былъ открытъ. Смитъ написалъ послѣ того къ первому министру письмо, въ которомъ онъ объявляетъ „предъ лицомъ всего міра", что кровь жертвъ должна пасть на совѣсть настоящаго министерства, подписавшаго на своемъ знамени, что „сила—не лекарство", и называетъ ирландскую силу, ея печать и нѣкоторыхъ изъ ирландскихъ епископовъ союзниками правительства въ этомъ отношеніи. Лэндлордъ прибавляетъ, что онъ лично не чувствуетъ за собой никакой вины. Это возможно; но дѣло въ томъ, что онъ принадлежитъ къ тому классу, противъ котораго направлена соціальная революція въ Ирландіи, а чѣмъ же нибудь да вызвалъ этотъ классъ такое движеніе. „Чего еще нужно фермерамъ?—спрашиваетъ Смитъ въ своемъ

письмѣ.—Имъ данъ земельный судъ; ихъ ренты уменьшаются невѣроятно. Допустимъ, что прежде они страдали; но теперь-то на что имъ жаловаться"? Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ слишкомъ односторонненъ.

При всей своей разумности и благонамѣренности, даже извѣстная рѣчь Форстера въ Дублинѣ не могла оказать большого дѣйствія, потому что между ораторомъ и слушателями не было ни малѣйшаго взаимнаго сочувствія, котораго и не можетъ быть между ирландскими крестьянами и представителемъ англійскаго правительства; могутъ ли ирландцы вѣрить словамъ, которыя такъ явно противорѣчатъ дѣйствіямъ? Съ другой стороны, и вопросъ о заключенныхъ служитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ соглашенію. „Освободите заключенныхъ,—говорятъ ирландцы,—тогда, быть можетъ, все перемѣнится къ лучшему".—„Пускай прежде произойдетъ перемѣна къ лучшему, и тогда уже мы освободимъ заключенныхъ",—отвѣчаетъ правительство. Словомъ, это заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Въ послѣднее время явилась, правда, одна брошюра, Мэтью Арнольда, подъ заглавіемъ „Irish Essays", авторъ которой дѣлаетъ попытку къ разрѣшенію ирландскаго вопроса. Впрочемъ, брошюра его болѣе интересна тѣмъ, что авторъ пытается указать корни той розни, которая раздѣляетъ Ирландію съ Англіей. „Если мы желаемъ примирить съ собою ирландцевъ,—говоритъ онъ между прочимъ,—то мы должны сдѣлать нашу цивилизацію сколько-нибудь привлекательною для нихъ". До сихъ поръ этого не было. Представителями англійской цивилизаціи въ Ирландіи служатъ средніе классы, о которыхъ Арнольдъ вообще не высокаго мнѣнія: „Они полны предразсудковъ; взгляды ихъ узки, знаніе ограничено; у нихъ ложное пониманіе религіи; они лишены даже чувства изящнаго, а, главное, исполнены нетерпимости ко всему, что порывается выйти изъ ихъ узкой и пошлой колеи". Какое же сочувствіе можетъ существовать между подобными людьми и чуткимъ, впечатлительнымъ, подвижнымъ, какъ ртуть, ирландскимъ народомъ? Арнольдъ указываетъ, впрочемъ, два средства противъ зла: во-первыхъ, изгнаніе всѣхъ дурныхъ лэндлордовъ; во-вторыхъ, допущеніе національной религіи, т.-е. католицизма, въ образовательныхъ и политическихъ учрежденіяхъ страны. Послѣдняя мѣра, безспорно, практична; но о первой никакъ нельзя сказать того же. Во всякомъ случаѣ, намъ, англичанамъ, не мѣшаетъ вдуматься въ эти вопросы, въ которыхъ мы слишкомъ привыкли придерживаться рутины.

G. R. G.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е мая, 1882.

— *В. В.* Судьбы капитализма въ Россіи. Спб., 1882.

Книга г. В. В. принадлежитъ къ числу выдающихся явленій нашей текущей литературы. Значеніе ея ничуть не уменьшается тѣмъ, что составныя ея части были уже напечатаны въ разныхъ журналахъ; онѣ образуютъ стройное цѣлое, проникнутое одною основною мыслью. Взятыя вмѣстѣ, онѣ производятъ, поэтому, впечатлѣніе еще болѣе сильное, чѣмъ каждое изъ нихъ отдѣльно. Вопросъ, которому онѣ посвящены, имѣетъ громадную важность для настоящаго и будущаго Россіи. Рѣчь идетъ о томъ, неизбѣжно ли предстоятъ Россіи всѣ тѣ фазисы экономической жизни, черезъ которые прошла и проходитъ западная Европа, неизбѣжно ли у насъ господство капиталистическаго производства,—или же обобществленіе труда, въ Европѣ водворяемое „желѣзнымъ управленіемъ“ капитала, можетъ быть достигнуто у насъ другимъ путемъ, болѣе прямымъ и сопряженнымъ съ меньшими жертвами. Изученіе нашей промышленности, крупной и мелкой, нашего земледѣлія, нашей торговли приводитъ автора къ убѣжденію, что для процвѣтанія капиталистическаго производства у насъ нѣтъ почвы, что искусственное поощреніе его, тяжело отзываясь на благосостояніи народа, все-таки не приводитъ къ цѣли, что настала пора измѣнить систему и направить въ другую сторону усилія государственной власти. Не имѣя ничего общаго съ московскими „самобытниками“, не приписывая русскому народу ни особой „исторической миссіи“, ни прирожденныхъ свойствъ, возвышающихъ его надъ другими, г. В. В. доказываетъ лишь существованіе такихъ реальныхъ условій, въ силу которыхъ экономическое развитіе Россіи не можетъ, а слѣдовательно и не должно идти обычнымъ путемъ—обычнымъ, но не единственнымъ возможнымъ. Полемическая сторона книги

г. В. В. направлена не только противъ приверженцевъ старой экономической школы, видящихъ въ господствѣ капитала послѣднее слово прогресса, но и противъ тѣхъ, которые считаютъ его необходимою переходною ступенью къ лучшей организаціи труда, и противъ тѣхъ, которые, желая помѣшать побѣдѣ капиталистическаго производства, признаютъ, однако, наличность въ Россіи всѣхъ данныхъ, нужныхъ для такой побѣды. Трудная задача, которую поставилъ себѣ авторъ, исполнена имъ во многихъ отношеніяхъ блистательно. Заключенія его подтверждены массой фактовъ, освѣщенныхъ съ большимъ искусствомъ. Сочиненіе г. В. В. должно сдѣлаться настольной книгой для всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависитъ направленіе нашей экономической политики; оно можетъ облегчить движеніе ея по новымъ путямъ или, по крайней мѣрѣ, способствовать предупрежденію новыхъ ошибокъ.

Раздѣляя, въ главныхъ чертахъ, взглядъ г. В. В. на прошедшее и будущее капитализма въ Россіи, мы не можемъ согласиться съ политическими выводами, дѣлаемыми имъ мимоходомъ изъ этого взгляда. „Вмѣстѣ съ невозможностью развитія въ Россіи капиталистическаго производства,—говоритъ онъ въ предисловіи,—теряетъ свои корни и подражаніе исторіи политическаго развитія запада; послѣднее должно пойти у насъ много отличнымъ путемъ. На западѣ борцомъ за свободныя учрежденія явилась просвѣщенная и экономически сильная буржуазія. Эти два свойства ея находились во взаимной зависимости: буржуазія получила экономическое значеніе, опираясь на науку, которая помогла ей организовать крупную форму промышленности; благодаря такому союзнику, она выросла образованной и либеральной... Если въ Россіи нѣтъ господствующаго капиталистическаго производства, то нѣтъ и класса, подобнаго европейской либеральной буржуазіи, нѣтъ естественной опоры политической свободѣ“. У насъ можетъ образоваться классъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, кулаковъ-скупщиковъ; но экономическое его вліяніе будетъ основано на *грубой* эксплуатаціи народа, политическое развитіе его никогда не возвысится надъ общимъ уровнемъ страны, некритическая мысль его не будетъ поражаться отсталыми формами дѣйствительности. „Существующая власть не будетъ имѣть въ обществѣ противника, который бы вынуждалъ ее на уступки либерализму; эти уступки власть можетъ сдѣлать добровольно, но свобода общества и въ этомъ случаѣ будетъ фиктивна, ибо такъ же легко изорвать клокъ бумаги, какъ и подарить его... Итакъ, намъ кажется, что, благодаря невозможности развитія въ Россіи капиталистическаго производства, европейскій конституціонный либерализмъ теряетъ у насъ свое значеніе, и что прогрессивные дѣятели, выставляющіе на своемъ зна-

мени принципы послѣдняго, явились у насъ вслѣдствіе невыработанности экономическаго міросозерцанія, вслѣдствіе того, что требующій своего отысканія законъ экономическаго развитія нашей родины былъ à priori принятъ тождественнымъ съ закономъ развитія западныхъ обществъ".

Нетрудно угадать, какою партіей или группой будутъ прочитаны съ особымъ удовольствіемъ вышеприведенныя строки. Слишкомъ поспѣшивъ разрѣшеніемъ вопроса, только отчасти связаннаго съ главной темой книги, авторъ близко подошелъ къ такимъ взглядамъ, съ которыми у него нѣтъ, въ сущности, ничего общаго. Чтобы избѣжать ошибки, ему стоило бы только вспомнить о послѣднихъ результатахъ его экономической теоріи. Конечную цѣль экономическаго развитія онъ видитъ въ такомъ обобществленіи труда, которое обезпечивало бы за каждымъ отдѣльнымъ работникомъ возможно бо́льшую сумму матеріальнаго и нравственнаго блага. Эту цѣль онъ, безъ сомнѣнія, считаетъ достижимой и для Россіи, и для западной Европы не смотря на все различіе ихъ прошедшаго, ихъ настоящаго, ихъ вѣроятнаго будущаго. Пути, повидимому крайне отдаленные одинъ отъ другого, рано или поздно должны сойтись; но и прежде наступленія этого момента, соприкосновеніе между идущими по обѣимъ дорогамъ возможно, даже неизбѣжно. Машины, напримѣръ, играютъ и будутъ играть роль въ русской экономической жизни, хотя эта роль и не будетъ совпадать съ тою, какая принадлежала и принадлежитъ имъ въ западной Европѣ. Въ политической жизни разница условій точно также не исключаетъ ни сходства цѣлей, ни сходства нѣкоторыхъ средствъ—сходства, отъ котораго конечно еще весьма далеко до тождества. Отсутствіе буржуазіи, сложившейся по западно-европейскому образцу, не можетъ не вліять на ходъ событій, но не предрѣшаетъ еще, само по себѣ, ихъ направленія; одинъ элементъ можетъ быть замѣненъ другимъ, мѣсто недостающей силы можетъ занять другая. Въ извѣстный моментъ западно-европейской исторіи интеллигенція и буржуазія составляли какъ бы одно цѣлое; у насъ онѣ разъединены—но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и ту, и другую слѣдовало скинуть со счетовъ. Объяснять появленіе у насъ либерализма, сходнаго съ западно-европейскимъ, однимъ только недоразумѣніемъ или недомысліемъ въ области экономическихъ ученій, значитъ впадать въ крайнюю односторонность, значитъ забывать, что въ основаніи движенія всегда лежитъ *потребность*. Пока потребность не удовлетворена, не могутъ исчезнуть и соотвѣтствующія ей стремленія. Способъ удовлетворенія ея вовсе не пріуроченъ къ тѣмъ или другимъ неподвижнымъ формамъ. Одни и тѣ же результаты и на западѣ Европы были достигнуты разными путями;

мы не видимъ причины, почему къ числу этихъ путей не могъ бы присоединиться еще одинъ, наиболѣе подходящій къ даннымъ русской жизни. Мнѣніе о непрочности добровольныхъ уступокъ было уже нѣсколько разъ опровергнуто въ нашей литературѣ; чтобы убѣдиться въ его ошибочности, стоитъ только вспомнить новѣйшую исторію Италіи, начиная съ сороковыхъ годовъ. Невозможность безусловнаго подражанія западной Европѣ, въ смыслѣ перенесенія къ намъ цѣликомъ тѣхъ или другихъ западно-европейскихъ либеральныхъ учрежденій, книга г. В. В. доказываетъ какъ нельзя лучше; русскаго „либерализма", не выродившагося въ доктринерство, она не поколеблетъ, точно такъ же, какъ не могутъ поколебать его нападенія, идущія изъ противуположнаго лагеря.

— *Ѳ. Мищенко.* Опытъ по исторіи раціонализма въ древней Греціи. Раціонализмъ Ѳукидида въ исторіи пелопоннесской войны. Часть первая. Кіевъ, 1881.

— *Буше-Леклеркъ.* Истолкованіе чудеснаго (вѣдовство) въ античномъ мірѣ. Томъ первый. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Ѳ. Мищенко. Кіевъ, 1881.

— *В. Зайцевъ.* Руководство всемірной исторіи. Древняя исторія запада. Томъ I. Эллинская эпоха. Спб., 1882.

Лѣтъ тридцать тому назадъ монографіи по исторіи древней Греціи были у насъ въ довольно большомъ ходу; въ ту эпоху былъ основанъ даже спеціальный органъ, „Пропилеи"—посвященный исключительно всестороннему изученію древняго міра и его культуры. И все это развилось у насъ тогда безъ всякихъ преувеличенныхъ требованій со стороны преподаванія древнихъ языковъ, а главное—безъ всякаго вмѣшательства политики въ дѣло школы. Теперь же, когда слѣдовало бы ожидать цѣлой массы изслѣдованій въ области древняго міра, такіе труды, какъ изслѣдованіе г. Ѳ. Мищенко, молодого кіевскаго ученаго, о раціонализмѣ Ѳукидида — встрѣчаются, какъ довольно рѣдкія и одинокія явленія въ общемъ ходѣ нашей литературы. Тема, на которой остановился г. Мищенко, выбрана имъ удачно; развитіе раціонализма въ древней Греціи—вопросъ вѣчно юный, полный значенія не для однихъ только спеціалистовъ. О переводномъ сочиненіи французскаго ученаго, Буше-Леклерка, изданномъ подъ редакціею г. Мищенко, нельзя сказать того же самаго. Краткій очеркъ древняго вѣдовства, опредѣляющій его роль въ античномъ мірѣ, былъ бы хорошимъ пріобрѣтеніемъ для нашей исторической литературы; но четырехтомное сочиненіе, разсматривающее подробно всѣ роды и виды греческаго и италійскаго гаданья, кажется намъ роскошью, безъ которой можно было бы и обойтись. Такія изслѣдо-

ванія понятны и умѣстны въ литературахъ старыхъ, богатыхъ, давно снабженныхъ всѣмъ необходимымъ—а у насъ чувствуется еще недостатокъ именно въ необходимомъ. Содержаніе книги Буше-Леклерка не представляетъ, притомъ, ничего такого, чѣмъ оправдывался бы выборъ переводчика. Самъ г. Мищенко, какъ видно изъ предисловія, предпосланнаго имъ переводу, расходится съ французскимъ писателемъ по многимъ и весьма существеннымъ вопросамъ; онъ не раздѣляетъ, напримѣръ, его мнѣнія о происхожденіи вѣдовства (Буше-Леклеркъ обусловливаетъ вѣдовство вѣрою въ провидѣніе), справедливо замѣчая, что понять вѣдовство можно только путемъ изученія его у первобытныхъ народовъ. Въ введеніи, заключающемъ въ себѣ общій взглядъ автора на вѣдовство, мы встрѣчаемъ много парадоксальныхъ, ничѣмъ не доказанныхъ положеній. „Безъ вѣдовства,—говоритъ Буше-Леклеркъ,—греко-италійскія религіи, поддерживаемыя только создавшимъ ихъ воображеніемъ, рано исчезли бы въ пустотѣ своихъ ученій. Онѣ подверглись бы участи тѣхъ воззрѣній, которыя вызываютъ нужды, не удовлетворяя ихъ, и гибнутъ подъ тяжестью собственной практической безполезности. Вѣдовство составляло величайшее благо, которое могли извлечь изъ религіи столь гордые и энергичные народы, какъ греки и римляне“. Слабость этихъ разсужденій бросается въ глаза; исходная ихъ точка—созданіе религіи исключительно однимъ воображеніемъ, т.-е. свободнымъ творчествомъ фантазіи, давно опровергнута наукой, а вмѣстѣ съ нею падаетъ и все остальное. Религіи грековъ и римлянъ, какъ и другія, отвѣчали извѣстнымъ потребностямъ души, извѣстнымъ представленіямъ ума, только-что вступившаго на путь развитія; существованіе ихъ было обезпечено надолго и безъ вѣдовства, составлявшаго, по отношенію къ нимъ, скорѣе результатъ, чѣмъ точку опоры. Главы, посвященныя отдѣльнымъ видамъ мантики, переполнены деталями, лишенными всякаго общаго интереса.

Въ оригинальномъ трудѣ своемъ г. Мищенко доводитъ исторію греческаго раціонализма до временъ Ѳукидида, останавливаясь съ особенною подробностью на поэмахъ Гомера и на аѳинской трагедіи. Подъ именемъ раціонализма авторъ понимаетъ работу критической, свободной, самостоятельной мысли не въ одной только религіозной области, но и во всѣхъ другихъ; онъ изслѣдуетъ перемѣны, производимыя ею въ государственной, въ общественной, въ семейной жизни. Сличая, съ этой точки зрѣнія, Грецію временъ Гомера съ Греціей временъ пелопоннесской войны, онъ находитъ между ними много точекъ соприкосновенія, не допускаемыхъ, будто бы, общепринятымъ взглядомъ. Въ гомеровскомъ обществѣ задатки самоуправленія и умственной свободы были такъ многочисленны и такъ

сильны, что блестящій вѣкъ Клисѳена и Перикла можетъ быть разсматриваемъ какъ продолженіе движенія, пріостановленнаго неблагопріятными условіями промежуточной эпохи, какъ „возвращеніе къ подлинно-народнымъ началамъ общественной жизни". Поддерживая это основное положеніе, въ сущности вполнѣ правильное, г. Мищенко не всегда соблюдаетъ справедливость относительно своихъ предшественниковъ; онъ приписываетъ имъ мнѣнія, которыхъ они не выражали, или, по меньшей мѣрѣ, преувеличиваетъ односторонность ихъ взглядовъ. Онъ доказываетъ, напримѣръ, что понятія древнихъ грековъ о царской власти не имѣли ничего общаго съ теоріями англиканской или галликанской церкви, съ ученіемъ Фильмера о безусловномъ повиновеніи королю, какъ отцу государства; но кто же утверждалъ, что такая аналогія существуетъ, кто проводилъ невозможную параллель между неопредѣленными, колеблющимися представленіями первобытнаго народа и искусственной системой ученаго богослова? Къ числу писателей, ошибающихся въ своихъ взглядахъ на древне-греческую царскую власть, г. Мищенко относитъ Курціуса; нѣмецкій историкъ, по словамъ русскаго, считаетъ политическое устройство грековъ временъ Гомера чѣмъ-то существенно-противуположнымъ аѳинской демократіи пятаго вѣка, значеніе Агамемнона—равнымъ отеческой, абсолютной, правильно наслѣдственной власти деспота. На самомъ дѣлѣ мы видимъ у Курціуса совсѣмъ другое. Въ томъ мѣстѣ, которое цитируетъ г. Мищенко, объ *абсолютной* власти не говорится ни слова; нѣсколько дальше мы читаемъ, что „Агамемнонъ у Гомера не соотвѣтствуетъ представленію о царскомъ величіи, которое возбуждаютъ въ насъ микенскіе памятники и поддерживаютъ преданія о божественномъ происхожденіи древнихъ властителей. *Этотъ* Агамемнонъ всюду встрѣчаетъ противудѣйствіе и неповиновеніе, такъ что трудно понять, какимъ образомъ онъ могъ собрать подъ своимъ знаменемъ столь пестрое войско. *Центральная сила героической эпохи потрясена*; рядомъ съ царской властью возвысилась другая власть—аристократія, безъ которой уже не можетъ обойтись царь въ дѣлѣ суда и управленія... Движеніе замѣтно и въ темной массѣ народа; площадь, которая при неослабленной еще царской власти не могла имѣть значенія, становится постепенно средоточіемъ общественной жизни" [1]). Этой выписки достаточно, чтобы показать, что въ принципѣ между мнѣніями г. Мищенко и Курціуса нѣтъ существеннаго разногласія.

Придавая развитію раціонализма большое значеніе не только въ умственной, но и въ политической жизни Греціи, г. Мищенко замѣ-

[1]) *Curtius*, Griechische Geschichte, erster Band, S. 123—4 (Berlin, 1858).

чаетъ, что „послѣднія три четверти пятаго вѣка передъ нашей эрой могли бы быть названы вѣкомъ Анаксагоры или софистовъ съ гораздо меньшею натяжкой, нежели вѣкомъ Перикла; и въ древней Греціи, и почти до послѣдняго времени въ новой Европѣ философія, какъ особая вѣтвь общаго умственнаго движенія, оказывалась способною, болѣе прочихъ отраслей знанія и болѣе всякихъ политическихъ мѣръ, направлять общественную мысль въ опредѣленномъ смыслѣ, сообщать одинаковый цвѣтъ всѣмъ ея проявленіямъ" (стр. 43). Не возражая противъ этого положенія, мы желали бы знать, какъ согласить его съ слѣдующимъ замѣчаніемъ, дѣлаемымъ г. Мищенко въ другомъ мѣстѣ (стр. 189): „Необходимо остерегаться дѣлать прямыя заключенія объ общественномъ мнѣніи по образу мыслей философовъ: первое легче и быстрѣе уступало новымъ понятіямъ и формамъ, нежели послѣдніе, болѣе удаленные отъ теченій дѣйствительной жизни и болѣе привязанные къ старымъ отношеніямъ и началамъ". Итакъ, философія является въ одно и то же время и направляющею общественную мысль, и отстающею отъ нея, и накладывающею свою печать на эпоху, и едва поспѣвающею за ея движеніемъ. *Оба* тезиса г. Мищенко никакъ не могутъ быть правильными. Противорѣчіе, въ которое онъ впадаетъ здѣсь съ самимъ собою, зависитъ, какъ намъ кажется, отъ наклонности къ слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніямъ, недостаточно провѣреннымъ и обдуманнымъ. Сюда же можно отнести попутное нападеніе на обычное дѣленіе исторіи (стр. 42), ничѣмъ не вызванную вылазку противъ Спенсера, въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній (стр. 221), болѣе чѣмъ спорное разсужденіе, въ силу котораго распространеніе вѣры въ вѣдовство является признакомъ соціальнаго подъема народныхъ массъ (предисловіе къ переводу сочиненія Буше-Леклерка, стр. 27). Указанные нами недостатки не мѣшаютъ г. Мищенко занимать весьма почетное мѣсто между нашими молодыми историками.

Книга г. Зайцева (недавно умершаго) есть продолженіе полезнаго труда, о первой части котораго—„Древней Исторіи Востока"—мы говорили года три назадъ [1]). Возражая, въ предисловіи, противъ замѣчаній, сдѣланныхъ ему критикою, Зайцевъ не оставилъ ихъ, однако, вовсе безъ вниманія; его изложеніе сдѣлалось менѣе догматичнымъ, исторіи культуры отведено нѣсколько больше мѣста, чѣмъ прежде. Именъ, годовъ и мелкихъ фактовъ все еще слишкомъ много; объемъ книги могъ бы быть значительно уменьшенъ безъ всякаго ущерба для внутренней полноты ея. Мнѣнія автора не всегда достаточно мотивированы; они выражаютъ иногда только личную симпатію или

1) „Вѣстникъ Европы", 1879, № 3, литературное обозрѣніе.

антипатію его, нисколько не знакомя читателей съ самымъ предметомъ. Какое значеніе можетъ имѣть, напримѣръ, слѣдующій „критическій" отзывъ: „о произведеніяхъ Анакреона принято говорить чуть не съ благоговѣніемъ, но они вполнѣ достойны своего автора, лизоблюда двухъ тирановъ". Можетъ быть, авторъ и правъ, но нельзя же вѣрить ему на слово; основанія презрительнаго отношенія его къ поэзіи Анакреона такъ и остаются загадкой. Приведенными нами двумя строчками и замѣчаніемъ, что „Анакреонъ былъ пѣвцомъ любви по преимуществу", исчерпывается вся оцѣнка поэта, во всякомъ случаѣ занимающаго видное мѣсто въ греческой литературѣ. О такихъ трагедіяхъ Софокла, какъ „Филоктетъ" и „Эдипъ въ Колонахъ", авторъ упомянулъ только то, что онѣ „были написаны поэтомъ въ глубокой старости, когда сыновья его требовали уже отдачи его подъ опеку по ослабленію умственныхъ способностей". Итакъ, сыновья Софокла были правы, и предметомъ удивленія многихъ столѣтій служили произведенія старика, впавшаго въ дѣтство? Мотивовъ своего приговора авторъ и здѣсь не объяснилъ. Строгій къ Софоклу и Анакреону, г. Зайцевъ не отличается снисходительностью и къ новѣйшимъ писателямъ по древней исторіи. Въ предисловіи къ первой части своего труда онъ отозвался крайне несправедливо о Дункерѣ; теперь очередь дошла до Курціуса, сочиненіе котораго „никакъ не можетъ способствовать разсѣянію убѣжденія большинства публики, что исторія древней Греціи есть усыпительнѣйшая въ мірѣ матерія". Не знаемъ, существуетъ ли такое убѣжденіе у большинства публики; но если оно существуетъ, то поколебать его книга Курціуса можетъ во всякомъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ книга г. Зайцева.

Гг. Мищенко и Зайцевъ, каждый по своему, отступаютъ отъ общепринятаго у насъ способа передачи греческихъ именъ. Первый вводитъ букву ѳ даже туда, гдѣ она обыкновенно не употреблялась, пишетъ, напримѣръ, *Промеѳей*, *Ѳезей*, *Ѳерситъ*, вмѣсто: Прометей, Тезей, Терситъ; второй, наоборотъ, изгоняетъ ѳ совершенно, и пишетъ: *Темистоклъ*, *Клистенъ*, *Трасибулъ*. У перваго острова Хіосъ, Самосъ, Тазосъ являются переименованными въ Хій, Самъ, Ѳасъ; Анаксагоръ, Гиппій, Фидій—въ Анаксагору, Гиппію, Фидію. Второй пишетъ вмѣсто Гомеръ, Гиппій, Геродотъ—Г'омеръ, Г'иппій, Г'еродотъ. Всѣ эти нововведенія кажутся намъ совершенно излишними, тѣмъ болѣе, что провести ихъ послѣдовательно авторамъ все таки не удается. Чтобы остаться вѣрнымъ однажды принятому началу, г. Зайцеву слѣдовало бы писать не Аѳины, а *Атены*, не Ѳивы, а *Тебы;* онъ этого не дѣлалъ потому, что находилъ здѣсь обычай слишкомъ укорененнымъ. Къ чему же, въ такомъ случаѣ, предпринимать ничѣмъ не вызываемую и ни для чего не нужную реформу?

— *К. Н. Ярошъ*. Исторія идеи естественнаго права. Часть первая. Естественное право у Грековъ и Римлянъ. Спб., 1881.

Задумавъ написать исторію идеи естественнаго права, г. Ярошъ счелъ нужнымъ доказать прежде всего важность избранной имъ задачи; а такъ какъ она находится въ связи съ философіей права, составляющей, въ свою очередь, отрасль философіи, то предисловіе автора обратилось въ апологію философіи вообще, философіи права въ особенности, и, наконецъ, естественнаго права. Защита философіи едва ли представлялась необходимой; время отрицательнаго отношенія къ ней прошло, право ея на существованіе, а слѣдовательно и на изученіе, не подвергается болѣе серьёзному спору. Другое дѣло— естественное право; вопросъ о его значеніи не могъ быть обойденъ авторомъ уже потому, что оно до сихъ поръ остается предметомъ болѣе или менѣе ожесточенныхъ нападеній. Для правильной оцѣнки этихъ нападеній необходимо опредѣлить, противъ чего именно они направлены—другими словами, что̀ понималось въ разное время и что̀ понимается теперь подъ именемъ естественнаго права. Вполнѣ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ мы у г. Яроша не находимъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторъ вовсе не разсматриваетъ естественное право какъ нѣчто существующее отъ вѣка, предвзятое, неизмѣнное, предшествующее положительному закону; между тѣмъ, изъ числа противниковъ естественнаго права многіе отрицали его именно и только въ этомъ смыслѣ. Опровергая Бентама, г. Ярошъ сражается, въ сущности, съ вѣтреными мельницами; мнѣніе англійскаго философа несовмѣстно только съ прежними взглядами на естественное право, а отнюдь не со взглядомъ нашего автора. Еслибы этотъ взглядъ былъ опредѣленъ съ бо̀льшею точностью, цѣлесообразность труда, предпринятаго г. Ярошемъ, не нуждалась бы въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Естественное право, по мысли г. Яроша —это, повидимому, совокупность естественныхъ законовъ, опредѣляющихъ взаимодѣйствіе и сочетаніе тѣхъ жизненныхъ явленій, которыя входятъ въ область права, въ область регулируемыхъ закономъ человѣческихъ отношеній; исторія идеи естественнаго права—это исторія попытокъ найти и установить только-что упомянутые законы. Понимаемая такимъ образомъ, исторія идеи естественнаго права имѣетъ несомнѣнную raison d'être, наравнѣ съ исторіей всякаго другого движенія человѣческой мысли. Естественное право перестаетъ быть метафизическою абстракціей, абсолютной идеей, противъ которой боролись болѣе трезвые умы; оно становится наименованіемъ, формой, въ которую укладывается самое разнородное содержаніе. „Идея есте-

ственнаго права имѣетъ славное прошедшее", говоритъ г. Ярошъ; съ этимъ нельзя не согласиться, и это вполнѣ достаточное основаніе для ея изученія. „Идея естественнаго права имѣетъ будущее", продолжаетъ авторъ; да, если понимать естественное право совсѣмъ не такъ, какъ оно бо̀льшею частью понималось до сихъ поръ, если смотрѣть на него, какъ на научную критику юридическихъ нормъ, руководимую съ одной стороны знаніемъ прошедшаго и настоящаго, съ другой—идеальными представленіями о будущемъ.

Въ той части книги, которая посвящена исторіи естественнаго права у Грековъ, мы находимъ множество данныхъ, не имѣющихъ почти никакого отношенія къ основной темѣ автора; цѣлыя главы, съ этой точки зрѣнія, представляются совершенно излишними. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о картинѣ упадка римскаго общества, занимающей не мало мѣста въ послѣдней части сочиненія г. Яроша. Всего интереснѣе тѣ главы, въ которыхъ идетъ рѣчь о римскихъ стоикахъ и римскихъ юристахъ, такъ какъ здѣсь въ первый разъ является въ опредѣленной формѣ идея естественнаго права. Тѣсная связь между философіей и юриспруденціей, между Сенекой, Эпиктетомъ, М. Авреліемъ и Ульпіаномъ, Гаемъ, Папиніаномъ выставлена на видъ весьма рельефно. „Стоицизмъ,—говоритъ г. Ярошъ,—горячо атаковалъ твердыни замкнутой римской жизни, утвердившись въ сознаніи общности природы людей и самостоятельнаго, безотносительнаго достоинства человѣческой личности. Юристы подвигаютъ впередъ соглашеніе противуположныхъ нормъ путемъ постепеннаго введенія въ жизнь смягченій дѣйствующаго права, путемъ постояннаго истолкованія всѣхъ сомнѣній текущей юридической жизни въ пользу твердо сознаннаго идеала... Идея естественнаго права широко распахнула передъ римскою юриспруденціей двери дѣйствительной жизни; она дала возможность видѣть и изучать въ *субъектѣ права*—живого человѣка; она сдѣлала римскихъ правовѣдовъ юристами въ истинномъ смыслѣ этого слова; она обусловила своимъ вліяніемъ и дѣйствіемъ то, что римское право стало не только правомъ римскаго народа и государства, но правомъ общимъ, *писаннымъ ра̀зумомъ*".

— *Николай Алышевскій.* Что такое истинно-русская государственная программа? Спб., 1882.

Содержаніе этой брошюры не соотвѣтствуетъ ея громкому названію; общія мѣста, изложенныя расплывчато и неопредѣленно, занимаютъ въ ней слишкомъ много мѣста. Въ хорошихъ намѣреніяхъ автору, впрочемъ, отказать нельзя. Возражая противъ „заимствованій", требуя для Россіи „самобытнаго" развитія, онъ соприкасается

съ славянофильской фразеологіей, но не раздѣляетъ славянофильскаго ожесточенія противъ интеллигенціи. Онъ пріискиваетъ средства къ устраненію малоземелья, т.-е. лучше нео-славянофиловъ понимаетъ потребности народа. Проповѣдь интенсивной культуры, какъ главнаго лекарства отъ всѣхъ народныхъ бѣдствій, онъ прямо называетъ „совѣтомъ нелѣпымъ или фарисейскимъ“. Нѣтъ у него и недовѣрія къ обществу, къ молодежи, нѣтъ стремленія возстановить, въ видѣ административной опеки, власть меньшинства надъ большинствомъ. Можно улыбнуться оптимизму автора, заставляющему его надѣяться, что въ скоромъ времени „Россія будетъ имѣть въ каждомъ своемъ гражданинѣ и Катона, и Аристида, и Цинцинната“; можно недоумѣвать, что это за „непосредственно-наивная, мистически-инстинктивная и самоувѣренная философія“, которой въ настоящее время недостаетъ русскому обществу; но это не мѣшаетъ признать, что въ „истинно-государственной“ политикѣ г. Алышевскаго больше народнаго, чѣмъ въ патентованной „народной политикѣ“ нашихъ націоналовъ.

— *Georg Brandes*, Moderne Geister. Literarische Bildnisse aus dem XIX Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1882.

Георгъ Брандесъ — одинъ изъ немногихъ датскихъ писателей, извѣстность которыхъ не ограничивается тѣснымъ кругомъ скандинавскихъ народовъ. Его имя знакомо и нашей публикѣ; въ нашихъ журналахъ печатались извлеченія изъ главнаго сочиненія его—исторіи литературы XIX-го вѣка. Его талантъ—по преимуществу критическій; этимъ объясняется его популярность въ Германіи, такъ давно уже ожидающей новаго Лессинга или Бёрне и принужденной довольствоваться, въ области литературной критики, посредственностями въ родѣ Рудольфа Готтшалля или Поля Линдау. Названіе, избранное Брандесомъ для послѣдней его книги, вполнѣ примѣнимо къ нему самому; онъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу „moderne Geister“. Умственное движеніе эпохи охватило его всецѣло; онъ понимаетъ его въ другихъ, потому что самъ испытываетъ его радости, его сомнѣнія, его муки. Ближе всего онъ подходитъ къ Тэну, изучая, по его примѣру, вліянія времени, мѣста, расы, политическихъ условій, отыскивая въ писателѣ—человѣка, во внѣшнемъ разнообразіи творчества—внутреннее его единство. Въ одной изъ статей Брандеса (объ Андерсенѣ) встрѣчается страница, почти повторяющая извѣстное разсужденіе Тэна о степени долговѣчности литературныхъ произведеній, смотря по степени важности созданныхъ ими характеровъ или типовъ; но мы видимъ въ этомъ не литературный

плагіатъ,—Брандесъ слишкомъ силенъ, чтобы въ немъ нуждаться,— а только доказательство духовнаго родства, соединяющаго обоихъ критиковъ. Отъ такого родства до полнаго сходства, конечно, еще весьма далеко; Брандесъ идетъ по той же дорогѣ, по которой раньше его шелъ Тэнъ,—но идетъ по ней совершенно самостоятельно. Въ натурѣ Тэна есть сухость, чуждая Брандесу; поэтическая струна звучитъ въ послѣднемъ гораздо чаще и сильнѣе, чѣмъ въ первомъ. Говоря о поэтѣ, Брандесъ самъ иногда становится поэтомъ, прибѣгаетъ къ ббразамъ, соединяющимъ съ вѣрностью мысли красоту формы, вызываетъ въ читателяхъ, безъ усилія и труда, то настроеніе, въ которомъ всего лучше можетъ быть оцѣнено поэтическое произведеніе и понятъ его авторъ. Андерсенъ долго пробовалъ свои силы, прежде чѣмъ найти настоящее свое призваніе. „Послѣ многолѣтнихъ скитаній — читаемъ мы у Брандеса — онъ очутился однажды вечеромъ передъ низенькою, невзрачною, но таинственною дверью — передъ дверью, ведущею въ міръ сказки. Онъ тронулъ ее, она растворилась —и онъ увидѣлъ передъ собою въ темнотѣ слабый блескъ небольшого *огнива* (нужно замѣтить, что первая сказка, написанная Андерсеномъ, называлась: „Огниво"), которому суждено было сдѣлаться его аладдиновой лампой. Онъ добылъ огня; духи лампы—собаки съ глазами величиной въ чайную чашку, въ мельничное колесо, въ копенгагенскую „круглую башню"—явились по его зову и принесли ему три громадные сундука, полные мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ сокровищъ сказки. Первая сказка была готова и проложила путь для всѣхъ остальныхъ. Благо тому, кто нашелъ свое *огниво!*" Овладѣвъ, какъ знакомымъ достояніемъ своимъ, дѣтьми, животными, растеніями, фантазія Андерсена „присвоиваетъ себѣ неодушевленное, присоединяетъ къ своему царству и колонизируетъ рѣшительно все —крупное и мелкое, старый домъ и старый шкафъ, волчокъ и мячикъ, иголку, воротничекъ и пряничныя фигуры съ сердцами изъ горькаго миндалю. Постигнувъ безжизненное, она отождествляется, далѣе, съ безформеннымъ, плыветъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ по небу, свиститъ вмѣстѣ съ вѣтромъ, олицетворяетъ снѣгъ и ночь, смерть и сновидѣніе". Поэтическая жилка въ дарованіи Брандеса помогаетъ ему не только въ характеристикѣ писателей; она раздвигаетъ иногда рамки изучаемой имъ картины, освѣщаетъ ее съ такой стороны, съ которой, быть можетъ, не смотрѣлъ на нее самъ живописецъ. У Бьорнсона есть сказка, повѣствующая объ усиліяхъ травъ и деревьевъ покрыть растительностью голую скалу—усиліяхъ долго безуспѣшныхъ, наконецъ торжествующихъ; растенія, достигшія вершины по одному склону, встрѣчаются тамъ съ растеніями, одолѣвшими

крутизну другого склона. Брандесъ видитъ въ этомъ символъ умственной работы, совершающейся одновременно въ Даніи и Норвегіи—работы, исходящей и тамъ, и здѣсь изъ однихъ и тѣхъ же побужденій и ведущей къ одной и той же цѣли. Королевскій сынъ и бѣднякъ, подающіе другъ другу руку въ сказкѣ Андерсена: „Колоколъ“ — это искусство и наука, соединяемыя общимъ чувствомъ благоговѣнія передъ природой. Герой поэмы Тегнера, Фритіофъ, сначала сожигаетъ, потомъ возстановляетъ храмъ Бальдера. „Молодость, не умѣющая сдерживать свои силы, штурмуетъ храмы“ —говоритъ по этому поводу Брандесъ: „зрѣлому возрасту свойственна честная попытка изгладить слѣды разрушенія, произведеннаго юношескою страстью. Мы всѣ, по мѣрѣ силъ, стараемся построить храмъ болѣе обширный, прочный и прекрасный, чѣмъ тотъ, который мы видѣли передъ собою, вступая въ жизнь“. Въ своеобразномъ юморѣ у Брандеса также нѣтъ недостатка. Въ поэмѣ Бьорнсона „Злой Сигурдъ“, скандинавскіе вожди, приговаривающіе Сигурда къ колесованію и наслаждающіеся его мученьями, разсуждаютъ объ отвлеченныхъ предметахъ философскимъ языкомъ XIX-го вѣка. „Кто такъ изысканно выражается—замѣчаетъ Брандесъ — тотъ мститъ своему врагу не колесованіемъ, а клеветою“. Одна изъ сказокъ Андерсена страдаетъ отсутствіемъ гармоніи между содержаніемъ, самымъ обыкновеннымъ, и слогомъ, слишкомъ высокимъ. Чтобы ярче выставить на видъ это противорѣчіе, Брандесъ сравниваетъ мысль и выраженіе ея съ влюбленной парой. „Мысль можетъ быть нѣсколько больше, нѣсколько выше облекающей ее формы, какъ мужчина — нѣсколько выше идущей рука объ руку съ нимъ женщины; противоположное отношеніе ни тамъ, ни здѣсь нельзя назвать красивымъ“.

Сборникъ, озаглавленный: „Moderne Geister“, заключаетъ въ себѣ восемь отдѣльныхъ статей. Двѣ изъ нихъ не имѣютъ критическаго характера; это личныя воспоминанія и впечатлѣнія Брандеса, résumé его бесѣдъ съ Ренаномъ и Миллемъ. Четыре статьи посвящены писателямъ, пользующимся общеевропейскою извѣстностью—Тегнеру, Андерсену, Флоберу и Гейзе; остальныя двѣ знакомятъ насъ съ крупными дарованіями Палюданъ-Мюллера и Бьорнсона [1]), слава которыхъ не распространилась еще за предѣлы скандинавскаго міра. Наименѣе удачной показалась намъ статья о Флоберѣ, почти совершенно игнорирующая его недостатки (извлеченіе изъ нея было напечатано недавно въ „Заграничномъ Вѣстникѣ“). Статьи объ Андер-

[1]) Если мы не ошибаемся, нѣкоторые разсказы Бьорнсона были недавно переведены на русскій языкъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.

сенѣ, Гейзе и Бьорнсонѣ могутъ быть названы образцами тонкой, всесторонней, широкой критики. Тѣ статьи Брандеса, которыя имѣютъ предметомъ скандинавскую литературу, интересны для насъ— помимо внутренняго своего достоинства — еще тѣмъ, что вводятъ насъ въ область, близкую къ намъ и все-таки почти вовсе намъ чуждую. Внутренняя жизнь нашихъ сѣверныхъ сосѣдей намъ едва знакома—а между тѣмъ, мы могли бы найти въ ней немало поучительнаго. Въ скандинавскихъ государствахъ совершалась и совершается до сихъ поръ умственная работа, имѣющая много общаго съ нашимъ прошедшимъ и настоящимъ. Тамъ были и есть свои западники, свои націоналы, свои народники, исторія которыхъ для насъ далеко не безразлична. Въ скандинавскихъ государствахъ, особенно въ Даніи, любителямъ и поклонникамъ старины удалось, на короткое время, то изолированіе умовъ, о которомъ у насъ напрасно мечтаютъ славянофилы. Соединительнымъ звеномъ между скандинавскимъ міромъ и общеевропейскою мыслью долго служила Германія. Отшатнувшись отъ нея, вслѣдствіе политическихъ причинъ (шлезвигъ-голштинской войны 1848 и 1864 года), Данія — а вслѣдъ за нею и Норвегія — осталась внѣ духовнаго общенія съ остальною Европой. Французской культуры скандинавскіе патріоты боялись, какъ источника нравственной порчи (замѣтимъ, что это была эпоха второй имперіи); незнаніе англійскаго языка мѣшало имъ пользоваться сокровищами англійской науки и англійскаго искусства. Національное самомнѣніе достигло колоссальныхъ размѣровъ; „скандинавофилы“ считали себя солью земли, призванною обновить и поднять другіе, низко упавшіе народы. На самомъ дѣлѣ, однако, это было для скандинавскихъ народовъ временемъ прозябанія и застоя, прекратившагося лишь тогда, когда группа молодыхъ писателей — сначала въ Даніи, а затѣмъ и по ту сторону Зунда — возстановила порванную связь и стала искать идеаловъ не въ одномъ только давно прошедшемъ. Пока ничто не угрожало преобладанію скандинавофиловъ, они называли, а можетъ быть и считали, себя друзьями народа, видѣли въ немъ хранителя здоровыхъ преданій, прямого наслѣдника древнихъ богатырей, хвалили его на всѣ лады, рукоплескали писателямъ, его возвеличивавшимъ и прославлявшимъ. „Крестьянинъ“, какъ абстрактное понятіе, былъ крайне популяренъ; дѣйствительнаго, реальнаго крестьянина еще не знали. Крестьянству только-что были даны политическія права; господствовавшая партія разсчитывала на его благодарность и была убѣждена, что оно всегда и всюду будетъ слѣдовать за нею. Разочарованіе наступило весьма скоро; руководительство крестьянами уже теперь пере-

ходитъ въ руки „молодой Скандинавіи". Бьорнсонъ, начавшій съ скандинавофильства, но присоединившійся къ партіи движенія, остался любимцемъ норвежскаго народа; вліяніе его никогда не было такъ велико, какъ именно въ послѣдніе годы, не смотря на яростныя нападки старовѣровъ. Счастливыя политическія условія Норвегіи позволяютъ лучшему ея поэту быть вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ вождемъ, мирнымъ агитаторомъ, одинаково успѣшно служащимъ народу и перомъ, и словомъ. При другомъ положеніи дѣлъ, менѣе благопріятномъ для свободнаго выраженія мнѣній, Бьорнсону приходилось бы, можетъ быть, безмолвно подвергаться обвиненіямъ въ измѣнѣ народнымъ идеямъ, въ оплеваніи народной святыни; противники его могли бы льстить себя мыслью, что на ихъ сторонѣ, и *только* на ихъ сторонѣ, сочувствіе народа и пониманіе народныхъ нуждъ, народныхъ взглядовъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ДЕ-ПУЛЕ

въ „Русскомъ Вѣстникѣ" объ украинофильствѣ.

> Аще бысте слѣпи были не бысте имѣли грѣха, нынѣ же глаголете яко видимъ, грѣхъ оубо вашъ пребываетъ. (Еванг. отъ Іоанна, IX, ст. 44).

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ", какъ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", давно уже привыкъ я встрѣчать всякія выходки противъ себя по поводу украинофильства. Но никакъ не надѣялся я подъ статьею въ подобномъ родѣ увидѣть подпись г. де-Пуле. До сихъ поръ онъ былъ въ литературѣ извѣстенъ, какъ почтенный и трудолюбивый изслѣдователь по отечественной исторіи и по исторіи литературы. Теперь онъ во всеоружіи журнальной полемики выступаетъ на ратоборство съ пригнутымъ, прибитымъ, заклеваннымъ украинофильствомъ. Вотъ уже вторую статью помѣщаетъ онъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и въ послѣдней, въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника", объявляетъ, что она есть „вызовъ, обращенный къ гг. Пыпину и Костомарову; для нихъ—говоритъ авторъ—невозможно молчаніе... Отъ насъ (т.-е. отъ г. де-Пуле) неудобно и даже неблаговидно отдѣлываться однимъ молчаніемъ". Онъ недоволенъ, что прежняя его статья, напечатанная еще въ мартѣ прошлаго года, осталась съ нашей стороны безъ отвѣта. „Какъ ни скромна—выражается онъ—напечатанная нами статья по этому вопросу, но уже по одному своему содержанію она не могла по настоящему оставаться безъ отвѣта". Какое изъ ряда выступающее самомнѣніе! Ну, а еслибы кто-нибудь (уже никакъ не я) замѣтилъ автору, что его выходки не считаются слишкомъ вѣскими и самъ г. де-Пуле не настолько авторитетенъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы съ нимъ обязательно пускаться въ печатныя объясненія? Судя по скромности автора, о которой онъ самъ намъ всѣмъ объявляетъ, казалось бы, такая именно мысль должна была бы прійти ему въ голову. У меня, однако, была совсѣмъ иная причина оставлять безъ вниманія выходки г. де-Пуле. Причина эта—что я уже считалъ себя достаточно сказавшимъ разомъ всѣмъ, кому о томъ угодно было вѣдать, все, что могъ и какъ умѣлъ, въ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" прошлаго года и въ февральскихъ книжкахъ „Вѣстника Европы"

1881 и текущаго 1882 года. Ничего другого по вопросу о малорусскомъ словѣ я не могу сообщить ни г. де-Пуле, ни кому-либо иному.

И теперь не стану повторять задовъ. Но если г-ну де-Пуле такъ хочется отъ меня слышать слово, то я попрошу его вникнуть въ смыслъ приведеннаго нами здѣсь эпиграфа и примѣнить его къ себѣ. Если бы написалъ то же какой-нибудь уроженецъ вологодской, либо костромской губерніи, никогда не видавшій близко малоруссовъ и не имѣвшій возможности ни прислушаться къ ихъ рѣчи, ни изучить ихъ нравовъ и обычаевъ, такому сказать можно было бы: вы разсуждаете какъ слѣпой о цвѣтахъ. Но о г. де-Пуле этого сказать нельзя. Онъ—уроженецъ края, гдѣ народъ говоритъ по-малорусски; онъ учился въ Харьковѣ, гдѣ въ молодости я самъ лично имѣлъ честь знать его; затѣмъ онъ провелъ значительную часть жизни въ Малороссіи, и слѣдовательно, достаточно знаетъ и малорусскій народъ, и его рѣчь, чтобъ не рѣшаться заявлять, какъ онъ позволяетъ себѣ, якобы для пониманія русской рѣчи, культурнаго языка, усвоеннаго интеллигенціею, малорусскій народъ находится въ такихъ же условіяхъ, какъ и великорусскій въ сѣверныхъ и внутреннихъ губерніяхъ. Конечно, г. де-Пуле правъ, говоря, что образованный человѣкъ, будучи уроженцемъ юга, считаетъ себя русскимъ и только для отличія отъ прочихъ называетъ себя харьковцемъ, полтавцемъ и т. д. То же говорилъ въ своихъ статьяхъ и я, и вообще это такая общеизвѣстная избитая истина, что едва ли требуется писать собственно объ этомъ статьи. Но когда рѣчь шла о малорусскомъ народномъ языкѣ, то при этомъ обращалось вниманіе только на простолюдиновъ, которыхъ языкъ и строй всей жизни и быта представляютъ черты совершенно самобытныя и отличныя въ малорусскомъ краѣ отъ тѣхъ, какія составляютъ качества простонародія великорусскаго. Г. де-Пуле это хорошо знаетъ и, однако, увѣряетъ, будто языкъ культуры, языкъ интеллигенціи, доступенъ всему малорусскому народу и будто самъ народъ „не промѣняетъ его на языкъ теперешнихъ и будущихъ Шевченокъ“ („Русскій Вѣстникъ“, февраль 1882 г., стр. 855). „Принявъ за фактъ существующій малорусскій литературный языкъ и существующую малорусскую литературу въ твореніяхъ такихъ талантовъ какъ Квитка и Шевченко, мы отвергаемъ (говоритъ г. де-Пуле) всякое національное значеніе этого языка для 14-ти-милліоннаго малорусскаго племени“. Г. де-Пуле говоритъ здѣсь то, чего самъ въ глубинѣ души не признаетъ, говоритъ умышленно неправду. И къ чему толки о какомъ-то украинофильскомъ измышленномъ языкѣ, которымъ кто-то хочетъ замѣнять существующій обще-русскій культурный языкъ интеллигенціи? Никто этого не добивается, никто этого не желаетъ; многіе изъ такъ называемыхъ украино-

филовъ сами пишутъ и печатаютъ на этомъ существующемъ языкѣ интеллигенціи. Вопросъ о малорусскомъ языкѣ касается въ настоящее время малорусскаго простонародія и тѣсно связывается съ мыслью объ умственномъ развитіи этого простонародія, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ потребностью этнографіи изслѣдовать и изучить исторію, духовный и матеріальный бытъ малорусскаго племени, а вовсе не ведетъ за собою замѣны обще-русскаго культурнаго языка какимъ-то инымъ, искусственнымъ. Кромѣ этой капитальной неправды, г. де-Пуле дозволяетъ себѣ неправдиво передавать нѣкоторыя извѣстія о лицахъ, причастныхъ къ разбираемому вопросу. Такъ (стр. 856) онъ говоритъ: „Если этотъ языкъ милъ и любезенъ г. Костомарову и петербургскимъ украйнолюбцамъ изъ великоруссовъ, то отсюда отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы къ нему относились точно также такіе, напримѣръ, малоруссы, какъ покойные О. М. Бодянскій, В. И. Григоровичъ и М. А. Максимовичъ. Не зная лично двухъ послѣднихъ, о первомъ мы можемъ съ полною увѣренностію сказать, что къ украинофильству онъ относился съ полною антипатіей" (стр. 856). Всѣхъ трехъ этихъ покойниковъ зналъ я очень близко и могу засвидѣтельствовать, по чистой совѣсти, что все сказанное о нихъ г-мъ де-Пуле—вопіющая неправда. Всѣ трое относились съ большимъ сочувствіемъ къ идеѣ развитія малорусской рѣчи и къ изученію народной малорусской жизни. В. И. Григоровичъ, правда, не писалъ ничего по-малорусски, но признавалъ себя малоруссомъ, оттѣняя свою національную особность. М. А. Максимовичъ перевелъ по-малорусски Слово о Полку Игоря. О. М. Бодянскій издалъ по-малорусски въ стихахъ „Наськи украинськи казкы", подъ псевдонимомъ Иська Матырынкы. Послѣдній особенно отличался привязанностью ко всему малорусскому и до такой степени не былъ чуждъ украинскому патріотизму, что я самъ вступалъ съ нимъ по нѣкоторымъ вопросамъ въ горячіе споры: это было даже въ годъ его кончины. Покойнаго Аѳанасьева-Чужбинскаго г. де-Пуле называетъ великоруссомъ, уроженцемъ воронежской губерніи, тогда какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ былъ уроженецъ лубенскаго уѣзда, полтавской губерніи. И обо мнѣ допущены неточности: такъ, между прочимъ, г. де-Пуле говоритъ, будто я по-малорусски не написалъ ничего, кромы „Саввы Чалаго", тогда какъ, кромѣ этого произведенія, я издалъ „Украинскія Баллады" (1839), сборникъ стихотвореній „Вітка" (1840) и нѣсколько сочиненій въ стихахъ и прозѣ въ сборникѣ г. Корсуна „Сніпъ" (1841), въ сборникѣ г. Вецкаго „Молодикъ" (1843), въ журналѣ „Основа" (1861—1862 годовъ), въ „Саратовскомъ сборникѣ" г. Мордовцева (1858).

При всякаго рода неправдѣ, г. де-Пуле противорѣчитъ себѣ са-

мому. Онъ говоритъ, что „не призываетъ на главу украинскихъ писателей каръ и прещеній“. „Мы—пишетъ онъ — желаемъ украинофиламъ полной свободы, но только въ словѣ, а не на дѣлѣ. На дѣлѣ же какъ за вредными раскольниками за ними долженъ быть самый строгій контроль со стороны государства и общества. Не книжки ихъ надобно преслѣдовать, не сочиненный ими языкъ, а дерзкія попытки ихъ придать послѣднему неподобающее значеніе и провести его туда, гдѣ ему быть совсѣмъ неподобаетъ, гдѣ стоятъ не его сани, куда садиться онъ не долженъ и не смѣетъ“ (стр. 855). Выше я сказалъ, что никакого сочиненнаго языка никто не пытается вводить куда бы то ни было, да и такого сочиненнаго языка нѣтъ, а если бы вздумали его сочинять, то никто бы его не принялъ, и онъ бы исчезъ безъ пользы и безъ вреда. Г. де-Пуле знаетъ это и называетъ сочиненнымъ языкомъ простонародное малорусское нарѣчіе, на которомъ писали Квитка, Шевченко и другіе. Онъ говоритъ, что не хочетъ надъ всѣми такими писателями ни каръ, ни прещеній, желаетъ предоставить имъ свободу... Прекрасную свободу сулитъ имъ г. де-Пуле! Книжекъ ихъ преслѣдовать не надобно, а слѣдуетъ преслѣдовать дерзкія попытки авторовъ. Такимъ образомъ, если бы совѣтъ г. де-Пуле былъ принятъ властями, то малорусскія книжки оставлялись бы въ обращеніи, а ихъ сочинителей высылали бы въ мѣста не столь отдаленныя! Какой же со стороны государства и общества можетъ быть иной контроль, котораго такъ добивается г. де-Пуле?

Остается пожалѣть, что г. де-Пуле поставилъ свое ничѣмъ не замаранное писательское имя въ рядъ такихъ полицействующихъ писакъ, отъ которыхъ долженъ отвернуться всякій честный человѣкъ!

Н. Костомаровъ.

КЪ СПОРАМЪ ОБЪ УКРАИНОФИЛЬСТВѢ.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Русскаго Вѣстника“ (№ 2, стр. 846 и слѣд.) г. де-Пуле помѣстилъ статью „Къ вопросу объ украинофильствѣ“, о которой выражается, что она есть ни чтб иное какъ „вызовъ“, обращенный имъ къ г. Костомарову и ко мнѣ, и замѣчаетъ притомъ: „какъ *людямъ* науки, *для нихъ* невозможно ни молчаніе, ни устарѣвшіе полемическіе пріемы“.—Имѣя взглядъ на украинофильство, противоположный тому, чтò онъ вычиталъ въ моихъ статьяхъ, г. де-Пуле не довольствуется заявленіемъ своего противорѣчія, но требуетъ меня къ отвѣту, такъ, какъ бы его поставили судебнымъ слѣдователемъ по этому предмету. Упомянувъ о томъ, что защитники украинофильства отдѣлываются отъ полемики бу́дто бы недостаточностью для нихъ простора, нужнаго для спора съ противниками, „щедрыми на доносы и инсинуаціи“, г. де-Пуле отвергаетъ это, утверждая, что не ставитъ вопроса на политическую почву. „Уклоненіе (отъ отвѣта) будетъ сочтено нами не опасеніемъ „доносовъ и инсинуацій“, а сознаніемъ своей неправоты и признаніемъ лживости самаго вопроса“ (жалѣемъ о стилистической безпорядочности автора, которая дѣлаетъ двусмысленными его слова о „лживости вопроса“). „Смѣемъ выразиться, что *отъ насъ* (курсивъ автора) неудобно и даже неблаговидно отдѣлаться однимъ молчаніемъ“.

Въ статьѣ идетъ разбирательство мнѣній, высказанныхъ объ украинофильствѣ въ послѣднее время г. Костомаровымъ и мною, а также приводятся цитаты изъ фельетоновъ „Голоса“. Не получивъ отвѣта на свою первую статью (въ „Русск. Вѣстникѣ“, 1881, № 3) и встрѣтивъ, взамѣнъ, статью въ „Голосѣ“, сочувственную малорусской литературѣ, г. де-Пуле прибавляетъ: „Нельзя имъ (т.-е. г. Костомарову и мнѣ) теперь довольствоваться и *порученіемъ защиты* любимаго имъ дѣла такимъ адвокатамъ, какъ нѣкоторые петербургскіе фельетонисты, невѣжество которыхъ въ вопросѣ для нихъ должно быть болѣе чѣмъ для кого-либо очевидно“.

Всѣ эти предостереженія даны г. Костомарову и мнѣ на первыхъ же страницахъ.

Удивительная полемика! У добрыхъ людей водится, что если писатели не сходятся во взглядахъ на какой-либо научный или литературный вопросъ, они довольствуются тѣмъ, что высказываютъ эти взгляды, спорятъ, даже очень рѣзко, но споръ все-таки предостав-

ляется доброй волѣ обѣихъ сторонъ. Здѣсь нѣчто обратное: г. де-Пуле, не дождавшись отвѣта на старую статью, *черезъ годъ* снова возвращается къ предмету и съ какимъ-то страннымъ наянствомъ требуетъ, чтобы съ нимъ препирались тѣ, кто, повидимому, не имѣлъ къ этому никакого желанія. Появленіе отвѣта на полемическій вопросъ опредѣляется очень просто: внутреннимъ достоинствомъ аргументаціи. Если высказанныя мнѣнія имѣютъ внутреннюю силу, противная сторона не можетъ миновать ихъ безъ ущерба для доказательности собственнаго взгляда; если въ запросахъ этой внутренней силы не имѣется, то они часто и не получаютъ отвѣта. Пусть же авторъ имѣетъ нѣсколько скромности, чтобы вызывать отвѣтъ спокойной дѣльностью своихъ вопросовъ, а не базарнымъ крикомъ.

Дальше, г. де-Пуле ставитъ дѣло еще болѣе категорически. Онъ считаетъ (стр. 855), что „стремленіе украинофиловъ создать *новый* малороссійскій литературный языкъ есть явленіе искусственное и положительно вредное, какъ литературный расколъ... Мы желаемъ украинофиламъ полной свободы, *но только въ словѣ,* а не на дѣлѣ. *На дѣлѣ же, какъ за вредными раскольниками, за ними долженъ быть самый строгій контроль со стороны государства и общества*" (курсивъ автора). Недоумѣваемъ, какъ распредѣлить въ этомъ случаѣ слова и дѣла:—по старинному изреченію, „слова́ писателя суть его дѣла". Но черезъ нѣсколько страницъ авторъ спохватился—благое желаніе дать украинофильству свободу въ словѣ, смѣняется истребительнымъ настроеніемъ: ссылаясь на мнимый „примѣръ поляковъ", которые будто бы „не хотятъ и не позволятъ" создать особыя литературныя нарѣчія для Познани и Кракова (тамъ въ этомъ нѣтъ никакой надобности; но есть особая литература въ польской Силезіи, гдѣ есть особенности въ языкѣ), г. де-Пуле рѣшаетъ (стр. 866): „мы также, то-есть все русское образованное общество (а не цензура, не административныя власти) *должны не хотѣть, не должны позволять выдѣленія малорусскаго литературнаго языка изъ обще-русскаго*" (курсивъ автора). Какъ могла бы съ этимъ не-позволеніемъ соединиться „свобода въ словѣ", остается неизвѣстно. Но въ этомъ настроеніи, которому авторъ не позаботился дать хотя бы приличнаго выраженія (напр. говоря о г. Костомаровѣ), г. де-Пуле и принимается самъ за „разоблаченіе украинофильской лжи", выдаетъ аттестаты благонамѣренности участникамъ „Основы", поступившимъ на службу въ Варшаву и „очень скоро, говорятъ, отрезвившимся",—но за то тѣмъ суровѣе обличаетъ другихъ, упорствующихъ. Какъ легко однако „слова" обращать въ „дѣла", за которымъ долженъ быть строжайшій контроль,—видно изъ всѣхъ разсужденій г. де-Пуле.

Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, онъ возстаетъ противъ кіевскаго *историческаго* „общества лѣтописца Нестора“, гдѣ одно засѣданіе было посвящено памяти Шевченка. По мнѣнію г. де-Пуле, это было такъ же странно, какъ если бы московское общество исторіи и древностей посвятило засѣданіе памяти Кольцова... Признаемся: ни въ томъ, ни другомъ случаѣ мы не увидѣли бы ничего такого страннаго, на что̀ необходимо было бы указывать пальцемъ „самому строгому контролю со стороны государства и общества“;—а въ виду упоминаемаго самимъ г. де-Пуле обстоятельства, что въ югозападномъ краѣ „исключительное положеніе вынуждаетъ администрацію ограничивать всякаго рода права“, это указаніе и составляетъ самую настоящую „инсинуацію“. Составляетъ потому, что нѣтъ никакого преступленія—въ историческомъ обществѣ говорить о замѣчательномъ поэтѣ, который уже отошелъ въ исторію; какъ не было бы никакой бѣды, если бы и московское историческое общество разъ заинтересовалось новыми писателями, отошедшими также въ исторію: неужели же „исторія“ должна имѣть дѣло только съ тѣмъ, что̀ было не ближе двухъ сотъ лѣтъ назадъ? Московское общество дѣлало даже больше: оно занималось прямо современными дѣлами. Припомнимъ, что въ разгаръ московскихъ университетскихъ споровъ оно напечатало знаменитую „Трилогію“. Ужъ если казнить—по г. де-Пуле,—то надо бы казнить и почтенное московское общество.

Прибавлю еще нѣсколько замѣчаній о способѣ полемики г. де-Пуле. На стр. 855 онъ вычеркиваетъ изъ числа малорусскихъ писателей Аѳанасьева-Чужбинскаго—„урожденнаго великорусса“: я не справлялся съ паспортомъ Аѳанасьева, но зналъ литературные факты, что онъ составлялъ малорусскій словарь, печатавшійся въ изданіи II Отдѣленія Академіи Наукъ, — и издалъ цѣлую книжку своихъ малорусскихъ стихотвореній. „Авторитетнымъ“ я его никогда не называлъ,—это собственное добавленіе г. де-Пуле.

О Бодянскомъ г. де-Пуле говоритъ „съ полною увѣренностію“ (стр. 856), что къ украинофильству онъ относился съ полною антипатіей. Возможно, что Бодянскій—человѣкъ вообще очень исключительнаго характера — могъ враждовать къ тому или другому лицу, тѣмъ или другимъ произведеніямъ; но очень немногіе писатели сдѣлали такъ много для интересовъ малорусской литературы, въ которой онъ прежде и самъ принималъ прямое участіе [1]).

[1]) Для образчика его взглядовъ первой поры его дѣятельности (послѣ, его труды были почти только издательскіе) приведемъ нѣсколько словъ изъ одной его статьи гдѣ, кстати, роль малорусской литературы поставлена въ тѣхъ самыхъ „между-славянскихъ“ отношеніяхъ, указаніе которыхъ г. де-Пуле считаетъ за мной какъ провинность.

Г. де-Пуле въ осужденіе мнѣ ставитъ замѣчаніе мое, что труды нашихъ ученыхъ „малорусскаго происхожденія" способствовали галицкому литературному возрожденію, и изумительнымъ образомъ поправляетъ меня, что и Погодинъ, и Соловьевъ, и *Бодянскій*, и пр. *также* способствовали. Приходится растолковывать, что и Бодянскаго я естественно считалъ въ ряду ученыхъ малорусскаго происхожденія; а почему указывалъ особенно на такихъ ученыхъ, такъ потому, что именно они особенно занимались малорусской стариной и народностью, собирали пѣсни, преданья, обычаи и т. д., которыя часто совсѣмъ тождественны съ галицкими. „И какой смыслъ имѣетъ здѣсь вопросъ о происхожденіи" (ученыхъ)? спрашиваетъ г. де-Пуле. Я объясняю, какой; но удивительно, что этотъ вопросъ дѣлаетъ человѣкъ, справляющійся по своему въ паспортахъ Аѳанасьева, Костомарова, г-жи Марко-Вовчокъ и видящій въ этихъ справкахъ литературный аргументъ.

Если все это составляетъ „строгій контроль", который г. де-Пуле воображаетъ исполнять вмѣстѣ съ „государствомъ", то, смѣемъ выразиться, онъ долженъ быть добросовѣстнѣе.

И зачѣмъ понадобилось привлекать меня къ отвѣту? Хотя разъ г. де-Пуле дѣлаетъ мнѣ честь называть меня „такимъ ученымъ" (стр. 865) и признать меня „знакомымъ съ исторіей нашего вопроса" (стр. 848), но въ другомъ мѣстѣ поправляется и находитъ, что я, „какъ видно, мало свѣдущъ въ исторіи нашего украйнофильства" (стр. 863). Такъ стóитъ ли и зазывать въ полемику? — обличить и оставить въ покоѣ: „пусть себѣ говорятъ", какъ однажды онъ самъ

„Съ нѣкотораго времени, — начинаетъ Бодянскій, — на нашемъ русскомъ югѣ замѣтна особенная литературная дѣятельность".—Онъ упоминаетъ о планѣ Срезневскаго издавать „Запорожскую Старину", объ ожидаемомъ выходѣ „Утренней Зари" на русскомъ и малорусскомъ языкѣ, о малорусскихъ повѣстяхъ Квитки, о трудахъ Максимовича, своихъ собственныхъ и проч. „Кто же теперь скажетъ,—продолжаетъ онъ,—что Южная Русь коснѣетъ на пути просвѣщенія, небрежетъ о *своей національной словесности?*" Далѣе: „Поучителенъ ходъ сей юной *словесности*: она начинаетъ съ того, къ чему другіе, израсходовавъ понапрасно нѣсколько десятковъ лѣтъ на безполезное, вредное подражаніе, теперь лишь только обращаются, она начинаетъ разработкою богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ національнаго. Одна часть ея зиждителей посвящаетъ свои труды собранію, объясненію и изданію всего народнаго, заботясь сколько можно сдѣлать оное доступнымъ всѣмъ и каждому; другая посвящаетъ свое время на знакомство съ прочими славянскими языками и ихъ литературою, изучаетъ оные и такимъ образомъ старается уяснить для себя то *отношеніе*, въ какомъ должна находиться *ихъ собственная словесность и языкъ* къ *прочимъ* родственнымъ съ нимъ *языкамъ славянскимъ*".—Г. де-Пуле, который говоритъ о Бодянскомъ „съ полною увѣренностію", безъ сомнѣнія знаетъ эту статью; но какъ же онъ въ такомъ случаѣ не понялъ, что въ ней говоритъ чистѣйшій „украинофилъ", употребляя нынѣшнее выраженіе?

выражается. Намеки о „порученіи защиты петербургскимъ фельетонистамъ" и лживы, и неприличны: у меня нѣтъ фельетонистовъ въ распоряженіи. Неупотребительно также въ серьёзной полемикѣ доспрашиваться,—какъ дѣлаетъ г. де-Пуле,—раздѣляю ли я такія-то мнѣнія фельетоновъ „Голоса" 1880 г.; да какое дѣло г-ну де-Пуле до того, что̀ я объ нихъ думаю? Я могъ бы отвѣчать только за свои мнѣнія, а не за чужія.

На этомъ мы и кончимъ. Но я ничего не „отвѣтилъ" о сущности дѣла?—По тону полемики г. де-Пуле, я и не могу имѣть къ этому никакого желанія, какъ вѣроятно согласится всякій безпристрастный читатель. Я изучалъ вопросъ съ литературной стороны, а не съ точки зрѣнія, возможной въ полицейскомъ вѣдомствѣ. Въ литературномъ отношеніи г. де-Пуле, кромѣ многихъ ошибокъ, не прибавилъ ничего къ тому, что̀ уже было высказано противниками украинофильства, и относительно моихъ взглядовъ на сущность дѣла мнѣ остается только совѣтовать полемисту добросовѣстнѣе понять то, что̀ было мною говорено (напр. хотя бы просто не смѣшивать моихъ мнѣній съ тѣмъ, чего я не говорилъ), а также познакомиться ближе съ литературой нашихъ единоплеменниковъ галицкихъ, которую онъ, видимо, знаетъ очень мало; а я исправлять его ошибки и недоброжелательныя перевиранья не обязанъ.

А. Пыпинъ.

ДИСПУТЪ г. В. И. СЕМЕВСКАГО ВЪ МОСКВѢ.

Стародавняя поговорка, гласящая, что у книгъ бываетъ совершенно особенная судьба, нашла полное свое примѣненіе въ сложной исторіи того цѣннаго труда, съ которымъ г. В. Семевскій выступилъ на диспутѣ 17-го февраля въ московскомъ университетѣ. Предшествующая судьба книги и странность представленія *петербургской* диссертаціи въ Москвѣ усиливали въ публикѣ живой интересъ, возбужденный затронутыми авторомъ вопросами о недавнемъ прошломъ русскаго крестьянства;—вотъ почему на этотъ разъ диспутъ имѣлъ необычное значеніе и привлекъ массу публики, наполнившую большую актовую залу, въ послѣднее время очень рѣдко отводимую для диспутовъ. Всѣмъ хотѣлось ближе познакомиться съ содержаніемъ

книги и провѣрить по собственнымъ показаніямъ автора справедливость вздорныхъ слуховъ, усердно пущенныхъ въ обращеніе.

Слишкомъ девять лѣтъ употребить на предварительныя работы къ *одному* только труду, ставшему подъ конецъ неразлучнымъ спутникомъ писателя,—явленіе въ высшей степени рѣдкое въ наше время. Но положеніе исторіи нашего крестьянства таково, что безъ такой разработки необозримыхъ массъ сырого матеріала невозможно и шагу ступить. И г. Семевскій отважно принялся за эту безконечную работу группировки и разслѣдованія мелкихъ данныхъ, разсѣянныхъ въ архивныхъ документахъ всякаго рода,—и въ Москвѣ, гдѣ на глазахъ у мѣстныхъ спеціалистовъ шла эта работа, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, умѣли цѣнить ее по достоинству и удивляться выносливости молодого ученаго. Видя, какъ подъ его руками голые факты и цифры превращались мало-по-малу въ подробную картину общественнаго положенія и экономическаго быта крестьянъ, установилось убѣжденіе, что обширный, разсчитанный на три тома, трудъ г. Семевскаго долженъ будетъ занять почетное мѣсто въ новѣйшей нашей исторической литературѣ.

Уже отдѣльныя части его помѣщались, въ видѣ статей, въ теченіи четырехъ лѣтъ въ различныхъ журналахъ, и выходъ перваго тома былъ уже близокъ,—когда неожиданно все перемѣнилось. Печатаніе этого тома, заявленнаго въ качествѣ диссертаціи, въ Запискахъ петербургскаго историко-филологическаго факультета шло безпрепятственно до прошлой весны, и профессоръ-спеціалистъ, обязательно просматривавшій корректурные листы, не дѣлалъ никакихъ измѣненій; уже прочелъ онъ часть введенія,—какъ вдругъ имъ овладѣлъ паническій ужасъ, очевидно навѣянный тревогами дня, и онъ пошелъ въ разрѣзъ со всѣми своими прежними отзывами о книгѣ; введеніе въ особенности показалось ему чудовищнымъ. Сначала пошла рѣчь объ его измѣненіи, затѣмъ было отказано и въ этомъ соглашеніи, и вся книга подвергнута была неумолимому осужденію. Напрасны были ссылки на то, что введеніе тоже было въ свое время напечатано въ одномъ журналѣ и не вызвало никакихъ репрессалій; сличеніе положенія крестьянъ въ настоящее время съ ихъ обстановкой при Екатеринѣ, и въ особенности сопоставленіе возростающаго безземелья крестьянъ съ большими надѣлами (до 29 десятинъ на душу) въ прошломъ столѣтіи, казалось уже верхомъ вольнодумства; горячо написанныя страницы введенія, гдѣ авторъ, почти поэтизируя важность работъ по исторіи народа, взываетъ къ молодымъ силамъ, стараясь заохотить ихъ къ этому, съ виду неблагодарному труду, приняли оттѣнокъ политически-опасный. Отдѣльныя выраже-

нія, даже слова показались страшными,—и запретъ былъ крѣпко наложенъ.

Сочлены встревоженнаго спеціалиста (за немногими исключеніями) не отважились разубѣдить его; частныя попытки не привели ни къ чему, книга, признанная хорошею, солидною работой, страдала изъ-за своего *направленія*; свобода научнаго изслѣдованія не признавалась вовсе; а сочувствіе народу, должно быть, показалось факультету, имѣющему въ своей средѣ нѣсколькихъ славянофиловъ, чѣмъ-то непозволительнымъ. Со стороны автора сдѣлана была уступка, и маломальски неудобныя мѣста, указанныя ему факультетомъ, были исключены. Но и это не помогло. То, что свободно говорилось въ ту пору въ „Отечественныхъ Запискахъ“, обсуждалось въ засѣданіяхъ Вольнаго экономическаго общества, на что указывала даже газета „Русь“, казалось непозволительнымъ въ пространномъ фактическомъ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе книга была уже вся напечатана въ факультетскихъ Запискахъ, отвратить ея появленіе въ отдѣльномъ изданіи невозможно было, и непринятіе ея, въ качествѣ диссертаціи, становилось тѣмъ страннѣе.

Но такова спасительная сторона самоуправленія, что для отдѣльныхъ случаевъ нарушенія справедливости всегда можетъ найтись и противоядіе. При одноформенной регламентаціи университетской жизни, для такого почтеннаго труда, какъ изслѣдованіе г. Семевскаго, первое столкновеніе съ предубѣжденной критикой было бы рѣшающимъ: никакой апелляціи, никакого пересмотра не нашелъ бы онъ нигдѣ. Совсѣмъ иное случилось, благодаря уцѣлѣвшей еще полноправности университетскихъ коллегій. Въ Москвѣ отнеслись къ книгѣ, какъ къ серьёзной научной работѣ, основанной на фактахъ, не захотѣли доискиваться тайниковъ *направленія* и безъ труда допустили автора къ публичной защитѣ.

Таковъ былъ поучительный прологъ къ диспуту, быстро ставшій извѣстнымъ въ кругахъ, интересующихся вопросами науки. Съ большимъ вниманіемъ прослушано было вступительное слово диспутанта, въ сжатыхъ чертахъ и съ очевидно глубокой симпатіей къ дѣлу изложившее главные выводы и наблюденія, добытые авторомъ. Онъ характеризовалъ сначала трудности, встрѣчаемыя по сю пору изслѣдователемъ подобныхъ вопросовъ: всѣ немногочисленныя работы по исторіи крестьянства основаны на печатныхъ источникахъ, и часто касаются лишь отдѣльныхъ эпизодовъ или обособленныхъ мѣстностей, тогда какъ рядомъ остаются нетронутыми большіе и важные отдѣлы крестьянскаго сословія. Огромная масса архивнаго матеріала почти вовсе не разработана; необходимыя данныя для опредѣленія экономическаго положенія крестьянъ въ ту или другую эпоху едва со-

браны. Остановившись на разработкѣ законченнаго періода крестьянской исторіи, именно поры Екатерины II, и предположивъ представить полную картину деревенскаго быта, авторъ долженъ былъ прежде всего совладать съ необыкновеннымъ разнообразіемъ формъ, отличающимъ этотъ бытъ въ прошломъ столѣтіи отъ современной намъ однородности главной массы крестьянскаго населенія. Совершенно свободные, дворцовые, духовные, горнозаводскіе, поссессіонные, обѣльные крестьяне, ямщики и т. д.,—какое множество подраздѣленій и какія типическія черты каждаго изъ этихъ классовъ населенія! Приходится постепенно обозрѣвать особенности бытовыя и экономическія, намѣчая ихъ по показаніямъ документальнымъ, не имѣя въ то же время въ своемъ распоряженіи достовѣрной статистики и считая цифры ревизій лишь отчасти точными.

Въ настоящемъ трудѣ обработана лишь исторія двухъ обширныхъ отдѣловъ стараго крестьянства,—такъ-называемыхъ поссессіонныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ, которые составляли значительно болѣе половины всего сельскаго населенія. Имъ не суждено было воспользоваться такою льготой, какою была для монастырскихъ крестьянъ секуляризація церковныхъ имѣній, быстро поднявшая ихъ благосостояніе. Они страдали или отъ тягости обязательныхъ работъ, или отъ произвола помѣщика, доходившаго въ прошломъ вѣкѣ до крайнихъ предѣловъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, законодательство прошлаго вѣка признавало за ними извѣстныя личныя права или, по крайней мѣрѣ, облегчало имъ пользованіе землею. Поссессіонныхъ крестьянъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрикъ, опредѣлена была та часть, которую можно заставить работать; они имѣли право жалобы; дѣвушки могли выходить замужъ за постороннихъ. У крѣпостныхъ не видимъ льготъ такого рода, но за то оброчные изъ нихъ, 44 процента, пользовались *всѣмъ количествомъ земли*, причемъ, приходилось на душу—отъ пяти десятинъ въ тульской губерніи до 29 въ вологодской (въ томъ числѣ одной пахотной земли до 6 десятинъ). Случаи обезземеленія были рѣдки. Для барщины полагалось три дня. Разсматривая вопросъ въ крупныхъ его чертахъ, видимъ, что благопріятными условіями въ жизни крѣпостного были тогда: сильное развитіе оброчной системы, большое количество земли, значительная степень имущественнаго равенства. Наоборотъ, дѣйствовали неблагопріятно: неограниченность повинностей по закону, право помѣщика отрывать отъ земли, неограниченность вотчинной расправы; вся эта сумма произвола вела къ накопленію недовольства, волненіямъ, пугачевщинѣ.

Правительство имп. Екатерины мало сдѣлало для улучшенія положенія крестьянъ; освобожденіе монастырскихъ крестьянъ изъ-подъ

церковной власти, предоставленіе свободнымъ крестьянамъ права прислать депутатовъ въ коммиссію для составленія уложенія, уравненіе правъ однодворцевъ, — вотъ почти и все существенное; да и то, что̀ сдѣлано было, вызвано здраво понятой необходимостью: секуляризаціи предшествовали волненія церковныхъ крестьянъ въ одиннадцати губерніяхъ. Тѣмъ не менѣе въ условіяхъ быта сельскаго населенія въ прошломъ вѣкѣ, съ такою подробностью выступающихъ въ трудѣ г. Семевскаго, кромѣ прямого историческаго интереса, ярко выдается и поучительная, прикладная сторона. Сравненіе положенія дѣлъ при Екатеринѣ съ тѣми измѣненіями, которыя послѣдовали при ея преемникахъ, вплоть до 1861 года, богато историческими уроками. Сначала постепенное паденіе оброчной системы, потомъ, послѣ освобожденія, значительное уменьшеніе количества земли, особенно въ бывшихъ оброчныхъ имѣніяхъ, тяжесть выкупныхъ платежей и т. д. повернули жизнь народа въ другое направленіе.

Авторъ историческаго изслѣдованія, какъ выразился диспутантъ, не призванъ вязать и рѣшать, но онъ долженъ принести на помощь реформѣ, необходимость которой уже сознана, весь запасъ указаній, которыя даетъ прошлая исторія крестьянства. „Пусть тѣ, кому дороги народные интересы (говорилъ приблизительно г. Семевскій), поймутъ, что знакомство съ прошлымъ не менѣе необходимо, чѣмъ изученіе современной жизни, что настоящее правильно понимается только при яркомъ свѣтѣ исторіи, и что хорошее будущее создается лишь какъ результатъ внимательной критики и прошлаго, и настоящаго". Вызывомъ къ дружной работѣ надъ прошлымъ закончилъ свое слово г. Семевскій, обращаясь въ особенности къ молодымъ дѣятелямъ ищущимъ, на чемъ примѣнить свое сочувствіе къ положенію народному.

Первымъ возражалъ Н. А. Поповъ. Его замѣчанія почти вовсе не касались самаго текста книги,—значеніе которой, какъ рѣдкой у насъ обработки необъятнаго матерьяла, онъ признавалъ, — и обращены были главнымъ образомъ на введеніе, но не въ томъ инквизиторскомъ духѣ, который постарался бы доискиваться „направленія", а въ чисто библіографическихъ видахъ. Пересматривая списокъ источниковъ, сопровождаемый ихъ оцѣнкой, онъ не находилъ той или другой статьи или брошюры,—причемъ оказывалось, что эти источники уже указаны авторомъ въ тѣхъ частяхъ *втораго* тома, которыя уже появляются въ различныхъ журналахъ. Горячо отстаивалъ оппонентъ память С. М. Соловьева, къ которому г. Семевскій примѣнилъ замѣчаніе К. Аксакова, что въ его исторіи не видать жизни русскаго народа. Но хотя г. Поповъ и указывалъ на соотвѣтствующее число

страницъ, отведенное въ каждомъ томѣ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" крестьянству, диспутантъ считалъ возможнымъ утверждать, что эти ссылки нисколько не мѣняютъ дѣла и что въ основныхъ чертахъ Соловьеву была ближе внѣшняя, государственная, дипломатическая исторія, чѣмъ судьбы народныхъ массъ. На указаніе недостаточности сравнительныхъ сближеній русскихъ порядковъ съ западно-европейскими и польскими, диспутантъ замѣтилъ, что его цѣлью было изложеніе исторіи отдѣльнаго періода, а не общее изученіе бытовыхъ формъ за цѣлый рядъ вѣковъ, когда дѣйствительно необходимо было бы широкое примѣненіе сравнительнаго метода.

Затѣмъ возражалъ профессоръ Ключевскій. Сначала онъ указалъ на неточное, по его мнѣнію, обособленіе крѣпостныхъ крестьянъ, къ которымъ авторъ относитъ лишь крестьянъ помѣщичьихъ, тогда какъ оно могло бы быть съ одинаковымъ основаніемъ приложено и къ остальнымъ группамъ. Въ такомъ случаѣ многія изъ заключеній автора пришлось-бы измѣнить, и дѣлаемое имъ сравненіе численности крѣпостныхъ въ Россіи прошлаго вѣка и въ западной Европѣ, выгодное для русскихъ порядковъ, существенно извратилось бы. Г. Семевскій, въ отвѣтъ на это, еще подробнѣе разъяснилъ только-что приведенное нами изъ его рѣчи различіе между помѣщичьими, монастырскими и фабричными крестьянами, настаивая въ особенности на правахъ послѣднихъ изъ нихъ подавать жалобы на притѣсненія, что было формально запрещено уже въ 1767 году крестьянамъ помѣщичьимъ. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній относительно принимаемой г. Семевскимъ неподвижности крѣпостного сословія во второй половинѣ XVIII вѣка (оппонентъ находилъ, что упущены частые случаи перевода крестьянъ помѣщиками въ Новороссійскія степи, начинавшія заселяться, и что поэтому неподвижность ревизскихъ цифръ имѣетъ совершенно другое объясненіе), г. Ключевскій перешелъ къ провѣркѣ сложныхъ цифровыхъ выкладокъ, предпринятыхъ авторомъ книги для опредѣленія взаимнаго отношенія оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ; онъ находилъ что выводъ основанъ на недостаточномъ количествѣ данныхъ, и предположилъ, что, еслибъ обнаружено было болѣе цифръ, недостающихъ пока для нѣкоторыхъ мѣстностей, отношеніе существенно измѣнилось бы. Но и оппонентъ, и самъ авторъ диссертаціи должны были согласиться въ томъ, что, располагая такимъ далеко ненадежнымъ матеріаломъ, какъ старинныя ревизскія сказки, межевые и иные документы, на получаемые выводы нужно смотрѣть, какъ на приблизительные, — солидная же степень близости къ истинѣ подтверждается уже тѣмъ, что г. Семевскій располагалъ указаніями относительно 73% всего населенія.

Наконецъ, указанное авторомъ разнообразіе въ степени густоты крѣпостного населенія въ центральныхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно было слабѣе, въ слѣдующей затѣмъ полосѣ, гдѣ оно особенно сосредоточено, и на окраинѣ, гдѣ оно опять нѣсколько ослабѣваетъ,—дало г. Ключевскому поводъ высказать блестящую догадку о связи этого явленія съ историческими условіями обороны стараго московскаго государства, выдвигавшаго какъ бы два оборонительныхъ фронта или концентрическихъ круга, на встрѣчу непріятелю, и искусственно заселявшаго ихъ, раздавая помѣстья служилымъ людямъ и поселяя тамъ, въ лицѣ крѣпостныхъ, готовую армію. Эта догадка должна была бы, конечно, занять мѣсто въ книгѣ г. Семевскаго, еслибъ она охватывала собою всю исторію *происхожденія* крѣпостной зависимости,—для частнаго же вопроса о бытѣ деревни при Екатеринѣ, она явилась бы роскошью.

Въ заключеніе профессоръ Чупровъ, предпославъ своимъ замѣчаніямъ чрезвычайно сочувственный отзывъ о книгѣ, указалъ на извѣстное уже читателю сравненіе количества надѣльной земли при Екатеринѣ съ существующимъ нынѣ, и замѣтилъ, что при опредѣленіи и оцѣнкѣ величины надѣла не принято было въ разсчетъ разнообразіе сельско-хозяйственныхъ системъ, господствующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и что въ частности размѣры распространенія оброчной системы указаны на основаніи немногихъ лишь источниковъ. Съ первою частью замѣчанія диспутантъ согласился, для второй же привелъ нѣсколько новыхъ авторитетныхъ показаній.

Такимъ чисто-научнымъ эпилогомъ завершилась судьба этого почтеннаго, хотя и многострадальнаго труда. Необыкновенно продолжительный диспутъ кончился при дружныхъ рукоплесканіяхъ публики, долго провожавшихъ г. Семевскаго.

Z.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е мая, 1882.

Современные отзывы о свободѣ печати изъ оффиціальнаго міра: лекція преосвящ. Амвросія и рѣчь кн. Дондукова-Корсакова.—Смерть Дарвина и отношеніе къ ней русскаго общества.—Эволюціонизмъ и теорія невмѣшательства.—Ученыя предсказанія, незаконно ищущія точки опоры въ дарвинизмѣ.—„Бездѣйствіе" русскаго общества, и „бездѣйствіе" кн. А. И. Васильчикова въ особенности.

Нашему читающему обществу давно уже извѣстно почти наизусть все, чтó было до сихъ поръ въ печати сказано, пересказано, хотя и не всегда притомъ досказано, не только о необходимости, но и о пользѣ свободы печати. Благодаря возможности изучать такой вопросъ болѣе широкимъ образомъ въ эпохахъ, отъ которыхъ теперь отдѣляетъ насъ одинъ-другой десятокъ лѣтъ, мы можемъ прислушаться и къ голосу прежняго оффиціальнаго міра по тому же вопросу. Помѣщенная нами, напримѣръ, статья о нашей цензурной реформѣ, совершённой двадцать лѣтъ тому назадъ, знакомитъ насъ достаточно съ тѣми трудностями, какія могло встрѣчать тогда разрѣшеніе вопроса о свободѣ печати на практикѣ, и съ тѣми взглядами, которые клались въ прежнія времена, при этомъ, въ основаніе, и которыми руководились при установленіи возможныхъ границъ для свободы печатнаго слова. Но все это времена давно прошедшія, изъ эпохи теперь вполнѣ законченной; они сдѣлались достояніемъ исторіи, и любопытны настолько, насколько справедливо исторія называется — наставницею нашей жизни. Со всѣмъ этимъ мы знакомимся потому не иначе, какъ „заднимъ числомъ"; голосъ же оффиціальнаго міра, современнаго намъ, мнѣнія, господствующія въ немъ относительно свободы печати— выводятся нами, и быть можетъ, иногда ошибочно, изъ однихъ административныхъ распоряженій по дѣламъ печати, которыя дѣлаются на нашихъ глазахъ: повторяются чаще преслѣдованія, и общество заключаетъ о болѣе стѣснительномъ положеніи свободы печати,—и наоборотъ. Однимъ словомъ, современники, по этому важному вопросу, судятъ на основаніи одной, такъ-сказать, статистики преступленій печати, но не имѣютъ предъ собою никакой другой болѣе надежной руководящей нити. Вотъ, почему нельзя не обратить самаго серьезнаго вниманія на тотъ голосъ, который не далѣе какъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ раздался, по вопросу о свободѣ печати, изъ среды оффиціальнаго міра, и притомъ со стороны лицъ, занимающихъ въ немъ весьма высокое мѣсто. Мы разумѣемъ, во-первыхъ, чрезвычайно

интересную брошюру преосвященнаго Амвросія, епископа Дмитровскаго, подъ заглавіемъ: „Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати, съ точки зрѣнія православной церкви“ (Москва, 1882),—и во-вторыхъ, газетный текстъ тифлисской рѣчи кн. Дондукова-Корсакова, новаго начальника края, обращенной къ редакторамъ мѣстныхъ изданій.

Во главѣ двухъ своихъ публичныхъ чтеній высокопочтенный ораторъ ставитъ полнѣйшее признаніе всей важности, не только вопроса о свободѣ печати, но и той высоты мѣста въ судьбахъ человѣчества, какую занимаетъ „этотъ великій двигатель современной жизни“, называемый печатью. Далѣе, указывается на то, что вопросъ этотъ успѣлъ вызвать собою „множество воззрѣній и ученій“; но ораторъ намѣренъ остановиться, изъ всего этого множества, „на *одномъ*, и по нашему мнѣнію,—прибавляетъ онъ—самомъ важномъ; это—ученіе *о безусловной, неограниченной свободѣ печати*, ученіе любимое и непрестанно проповѣдуемое писателями послѣдняго времени и новѣйшихъ направленій, какъ за границею, такъ и у насъ; горячность,—продолжаетъ ораторъ,—съ какою защищается ими это ученіе, и настойчивость въ требованіяхъ безусловнаго освобожденія печати отъ надзора цензуръ и *правительствъ* ставятъ послѣднія въ великія затрудненія, и возбуждаютъ въ нихъ очень естественное безпокойство и опасенія за послѣдствія *такой свободы для слова, какой не имѣетъ ни одинъ видъ человѣческой дѣятельности*“.

Все это вступленіе, положенное, такъ - сказать, краеугольнымъ камнемъ всего изслѣдованія вопроса о свободѣ печати, служитъ, по нашему мнѣнію, только новымъ доказательствомъ того, какія могутъ у насъ порождаться этимъ вопросомъ недоумѣнія даже въ средѣ самыхъ просвѣщенныхъ людей нашего времени и несомнѣнно проникнутыхъ сознаніемъ всей важности значенія свободы печати для дальнѣйшихъ успѣховъ общественной жизни. Ораторъ избираетъ, какъ мы видимъ, предметомъ своего изслѣдованія—„ученіе о безусловной, неограниченной свободѣ печати“, которое притомъ онъ считаетъ „любимымъ и непрестанно проповѣдуемымъ писателями послѣдняго времени“. Но вѣдь такого ученія нигдѣ не существуетъ, никѣмъ оно не поддерживается, а главное,—нигдѣ такое ученіе не практикуется; въ этомъ можно легко убѣдиться, безъ дальнѣйшихъ справокъ, уже изъ одного того, что время отъ времени встрѣчаются памятныя всѣмъ извѣстія о судебныхъ процессахъ по преступленіямъ въ формѣ печатнаго слова, не только въ Германіи, во Франціи, но и въ такихъ странахъ, какъ Англія или С.-Американскіе Штаты. Разъ, вездѣ существуетъ возможность преслѣдовать нарушеніе печатью чужого права или совершеніе ею того или другого нарушенія закона,—

нельзя уже послѣ того говорить, что есть гдѣ-нибудь такая страна, гдѣ господствуетъ ученіе о „*безусловной, неограниченной*“ свободѣ печати.

Далѣе, мы встрѣчаемъ въ брошюрѣ соединеніе такихъ понятій, которыя обыкновенно строго отличаются одно отъ другого: авторъ говоритъ о „требованіяхъ безусловнаго освобожденія печати отъ надзора *цензуръ* и *правительствъ*“; дѣйствительно, есть страны, гдѣ вовсе не существуетъ цензуры, но нѣтъ такой страны, гдѣ бы не было правительства, а потому этихъ двухъ понятій смѣшивать нельзя; разъ, вездѣ есть правительство,—не можетъ быть и рѣчи о „безусловномъ“ освобожденіи печати, гдѣ бы то ни было, не только отъ его надзора, но и отъ преслѣдованія, такъ какъ судъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ того же самого правительства; все это не можетъ не быть признано авторомъ; а потому онъ не можетъ одновременно съ тѣмъ не признать, что нѣтъ такой страны, гдѣ практиковалось бы „безусловное освобожденіе“ печати отъ надзора правительства, путемъ органа самого же правительства, а именно, суда. Но утверждая противное, авторъ только засвидѣтельствовалъ, хотя и tacite, что у насъ зависимость печати только отъ суда, хотя бы и правительственнаго учрежденія, приравнивается многими къ „безусловной“ ея свободѣ. Это—просто ошибка.

Въ заключеніе, авторъ находитъ естественнымъ „безпокойство и опасенія правительствъ за послѣдствія *такой* (т.-е. безусловной) свободы для слова, какой не имѣетъ ни одинъ видъ человѣческой дѣятельности“. И мы нашли бы все это естественнымъ, если бы на дѣлѣ гдѣ-нибудь существовала подобная свобода печати слова. Мы думаемъ, съ своей стороны,—да и самъ авторъ, если хочетъ быть послѣдовательнымъ, присоединится къ нашему мнѣнію,—что не менѣе естественны безпокойство и опасенія за послѣдствія такого положенія печати и ея свободы, при которомъ „всѣ виды человѣческой дѣятельности“, *кромѣ печати*, преслѣдуются и наказуются однимъ закономъ и по суду. Если авторъ справедливо полагаетъ, что не можетъ же одна печать стоять выше закона и суда—чего, впрочемъ, нигдѣ и нѣтъ,—то въ такомъ случаѣ онъ долженъ утверждать, что печать, какъ одинъ изъ видовъ человѣческой дѣятельности, должна раздѣлять судьбу всѣхъ другихъ видовъ этой дѣятельности, т.-е. быть, какъ и другіе ея виды, подъ охраною закона, съ одной стороны, и съ другой—вмѣстѣ со всѣми видами человѣческой дѣятельности, испытать на себѣ кару за нарушеніе закона, по суду.

Послѣ всѣхъ такихъ общихъ соображеній, которыя мы затрудняемся раздѣлять вполнѣ, по высказаннымъ нами основаніямъ,—авторъ приступаетъ прямо къ дѣлу, и, естественно, старается прежде всего

выяснить подробнѣе самый вопросъ: „что такое печать?“ Отвѣчая на такой вопросъ, онъ вполнѣ справедливо утверждаетъ, что печать есть та же человѣческая мысль и чувство, а потому разсуждать о свободѣ печати значитъ то же, что говорить о свободѣ мысли, чувства и воли,—этомъ, по выраженію автора, „величайшемъ преимуществѣ человѣка надъ всѣмъ земнымъ міромъ живыхъ существъ“,— другими словами, о томъ, что̀ дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, въ отличіе отъ всего остальнаго животнаго міра. Но,—продолжаетъ авторъ —свободою слова, мысли и воли можно также злоупотребить, какъ и всякою другою свободою; воля можетъ быть также и испорчена, можетъ быть и злою волею, а потому—заключаетъ авторъ ссылаясь на высшій авторитетъ—„намъ дано право отъ апостоловъ пустословамъ и лжецамъ „заграждать уста“ (ап. Павелъ къ Титу, I, 11), кому— присоединяетъ авторъ уже отъ себя—убѣжденіемъ, кому—обличеніемъ, а кому—и властью“. Правда, ап. Павелъ съ точностью опредѣляетъ, какимъ именно пустословамъ и лжецамъ необходимо „заграждать уста“, а именно, тѣмъ, которые пустословятъ и лгутъ „сквернаго ради прибытка“; но прибытокъ можетъ быть не одинъ денежный, а потому авторъ брошюры былъ въ правѣ обобщить то средство противъ всякой злой или испорченной воли. При всей, однако, ясности указанія средства противъ испорченности человѣческой воли, затрудненіе воспользоваться имъ оказывается почти непреодолимымъ, и именно съ точки зрѣнія самого автора. И авторъ, и мы, и всѣ вмѣстѣ съ нами должны допустить и допускаемъ полную возможность злоупотреблять свободою мысли и воли, — но для всѣхъ людей безъ различія, въ силу одной общей имъ всѣмъ природы. Между тѣмъ, философу и теологу приходится, въ настоящемъ случаѣ, имѣть дѣло не съ одною свободою выражать мысли, но и съ свободою „заграждать“ уста. Итакъ, существуютъ на дѣлѣ двѣ свободы, а не одна; та и другая практикуется людьми одной и той же природы, представляющей имъ одинаковую возможность злоупотреблять своею свободою. Нельзя же однихъ поставить подъ вліяніе закона человѣческой природы, а другихъ—исключить, не допуская для нихъ возможности погрѣшать въ выраженіи своей мысли и воли. Вотъ, на эту-то сторону дѣла, почтенный авторъ, справедливо свидѣтельствующій о грѣховной природѣ *всѣхъ* людей, а не однихъ только пишущихъ,—не обратилъ вниманія, а потому и намъ ничего не остается дѣлать до тѣхъ поръ, пока намъ не будетъ разъясненъ этотъ пунктъ, какъ довольствоваться тѣмъ, что̀ выработала по этому трудному философскому вопросу практика человѣческихъ обществъ, а именно: она предоставила суду, какъ третьему, не заинтересованному ни въ той, ни въ другой свободѣ, рѣшать возникающія противорѣчія

между двумя вышеупомянутыми свободами—свободою высказывать мысль, и свободою—заграждать уста.

Освѣтимъ нашу мысль примѣромъ, заимствованнымъ изъ брошюры автора, и мы увидимъ тогда, какъ трудно самому быть судьею въ собственномъ дѣлѣ. Дѣлая обзоръ главнѣйшихъ родовъ современной литературы, онъ начинаетъ съ „сочиненій религіознаго характера", и по поводу ихъ находитъ, что въ наше время этотъ отдѣлъ литературы представляетъ „три неблагопріятныя особенности, *прилипшія* отъ направленія вѣка", т.-е. такія качества, которыя даютъ поводъ къ загражденію устъ: 1) „*богословствующая мысль*"—„для меня—говоритъ авторъ—это выраженіе звучитъ равносильно слову: мысль, блуждающая въ области богословія и склонная уклониться въ лютеранскую свободу воззрѣній"; 2) „*нѣмецкая критика* происхожденія первоисточниковъ православной вѣры и слишкомъ свободное обращеніе съ церковными преданіями"; 3) „*безконечные толки* духовныхъ журналовъ объ улучшеніи быта духовенства, толки безплодные, только подрывающіе довѣріе православнаго народа къ духовной ревности ихъ пастырей относительно исполненія своихъ обязанностей". Мы не касаемся, по нашей некомпетентности, первыхъ двухъ богословскихъ недостатковъ нашей духовной литературы, а также и потому, что противъ нихъ авторъ, вѣроятно, допуститъ только двѣ изъ трехъ вышепредписанныхъ мѣръ, а именно, убѣжденіе и обличеніе; но мы не можемъ пройти молчаніемъ послѣдняго недостатка—безконечныхъ толковъ объ улучшеніи быта духовенства, такъ какъ противъ нихъ можетъ оказаться дѣйствительною одна третья мѣра, а именно „загражденіе устъ", или недопущеніе цензурою подобныхъ толковъ. Легко себѣ представить послѣдствія такой мѣры, если право цензуры будетъ предоставлено тѣмъ лицамъ изъ духовенства, которые сами дѣйствительно не нуждаются въ улучшеніи своего быта, вслѣдствіе полнѣйшей его удовлетворительности; но предоставленіе безусловной свободы „загражденія устъ" можетъ привести въ этомъ случаѣ къ гораздо худшимъ послѣдствіямъ, нежели самая свобода толковъ, такъ какъ это можетъ *укрыть* истину и, слѣдовательно, содѣйствовать и въ будущемъ къ подрыву довѣрія православнаго народа къ духовной ревности его пастырей.

Мы приводимъ все это только какъ примѣръ тѣхъ затрудненій, какія могутъ встрѣтиться на практикѣ, вслѣдствіе трудности—ограничить одновременно не одну свободу выраженія мысли, а также и другую свободу — преграждения ея. Что же касается лично до самого автора, то онъ не одинъ разъ свидѣтельствуетъ, какъ истинный христіанинъ, что „запретъ—не церковное оружіе противъ вра-

товъ истины", — и даже преподаетъ намъ такой высокій примѣръ свободы слова:

„Какой завѣтъ—вопрошаетъ онъ—получили апостолы отъ Іисуса Христа, пославшаго ихъ на проповѣдь Евангелія Царствія Божія?—Безбоязненно проповѣдывать его предъ всѣмъ міромъ, предъ царями и владыками. Что встрѣтили они при первыхъ опытахъ этой проповѣди по вознесеніи Господа отъ властей іудейскихъ?—Повелѣніе молчать объ имени Іисуса, сопровождаемое побоями (Дѣян. 5, 28, 40). Что встрѣтили они въ мірѣ языческомъ?—Гоненія, истязанія и всѣ роды смерти. Ничто однако и нигдѣ не остановило ихъ отъ проповѣди. И вотъ, ап. Павелъ, когда Евангеліе распространилось уже въ трехъ частяхъ Свѣта, находясь въ темницѣ, съ торжествомъ побѣды пишетъ ученику своему Тимоѳею: „за благовѣствованіе я страдаю даже до узъ, какъ злодѣй, но для слова Божія нѣтъ узъ" (Тим. 2, 9). Вотъ свобода слова!"—восклицаетъ въ заключеніе авторъ.

Мы находимъ, съ своей стороны, необходимымъ по этому поводу замѣтить только одно, а именно, что было бы преувеличенно требовать отъ обыкновенныхъ, среднихъ качествъ человѣка того, что̀ могутъ совершать во имя свободы слова немногія избранныя натуры,—и притомъ въ нашемъ вопросѣ о свободѣ слова дѣло идетъ объ истинахъ самыхъ обыденныхъ, хотя бы въ родѣ вышеприведеннаго примѣра „толковъ объ улучшеніи быта духовенства".

Рѣчь о печати князя Дондукова-Корсакова не касается такихъ общихъ положеній, какія затронуты лекціями преосвящ. Амвросія: она сводитъ вопросъ на практическую почву, допускающую компромиссы, и прежде всего служитъ выраженіемъ индивидуальныхъ взглядовъ говорящаго лица: „Какъ по моимъ личнымъ убѣжденіямъ, такъ и за все время моей дѣятельности—началъ князь Дондуковъ-Корсаковъ—я никогда не былъ врагомъ печати; напротивъ, мои сочувствія всегда были и будутъ на сторонѣ *честной*, *разумной прессы*, которая несомнѣнно можетъ оказывать весьма полезное содѣйствіе администраціи";—если князь не прибавилъ къ этому: „также честной и разумной,"—то, конечно, только потому, что это подразумѣвается само собою. Но князь, какъ лицо вполнѣ откровенное, самъ поспѣшилъ сдѣлать поправку къ первому своему положенію, и тѣмъ устранилъ всякое возраженіе. Все-таки оказывается, что на практикѣ такія качества, какъ *честность* и *разумъ*, для печати недостаточны для того, чтобы заслужить сочувствіе администраціи: „Я очень хорошо сознаю, что положеніе печати (т.-е. вмѣстѣ и честной, и разумной) бываетъ нерѣдко довольно *щекотливо*... Не менѣе *деликат-*

ны и отношенія печати къ высшей администраціи въ краѣ". Вотъ, два новые элемента: „щекотливость и деликатность", которыя могутъ даже ослабить дѣйствіе первыхъ двухъ требованій, а именно честности и разума, такъ какъ они могутъ вынудить молчать даже и тогда, когда и честность, и разумъ требуютъ откровеннаго слова, безъ малѣйшаго размышленія о томъ, „удобно или неудобно", какъ выразился князь, затрогивать тотъ или другой вопросъ „преждевременно", и своевременно ли оглашать тотъ или другой фактъ,—другими словами, угождать, или не угождать тому или другому лицу, и т. д. Разъ, отдѣльный человѣкъ, или органъ печати, поставленъ на послѣднюю дорогу,—онъ ослабляетъ свое нравственное бытіе, и слѣдовательно, для него теряется способность быть честнымъ, а въ отношеніи разума, онъ дѣлается даже слишкомъ разумнымъ; въ самомъ обществѣ начинаютъ тогда все больше и больше обращаться такія истины, какъ „своя рубашка ближе къ тѣлу"—чѣмъ всякое общественное дѣло. Если такія истины торжествуютъ десятками лѣтъ, то общество мало-по-малу впадаетъ въ худосочіе; это, конечно, дѣлаетъ его на первое время весьма „удобнымъ", но неудобство обнаруживается тотчасъ, какъ только является необходимость для администраціи искать содѣйствія общества, уже пріученнаго къ бездѣйствію. Но оставимъ почву такихъ общихъ вопросовъ; притомъ, въ этомъ отношеніи мы высказались уже достаточно, по поводу лекцій преосвящ. Амвросія, и потому рискуемъ только впасть въ повторенія. Рѣчь князя Дондукова-Корсакова, при ея чисто практическомъ направленіи, коснулась одного спеціальнаго и вмѣстѣ самаго больного мѣста нашей печати. Какъ извѣстно, у насъ печать раздѣляется не въ топографическомъ отношеніи, а въ юридическомъ — на столичную и провинціальную; обѣ онѣ принадлежатъ одной странѣ, а различіе ихъ положенія и правъ таково, что нельзя и догадаться о томъ. Въ пользу такого оригинальнаго и нигдѣ не встрѣчающагося факта, обыкновенно приводили и приводятъ то, что нельзя найти такого количества администраторовъ на всю Россію, которые съумѣли бы стать въ надлежащія отношенія къ печати, опираясь не на одну власть и чрезвычайныя полномочія. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, дѣйствительно извѣстный личнымъ расположеніемъ къ печати, имѣлъ потому основаніе выразить надежду на то, что ему не придется на Кавказѣ измѣнять то убѣжденіе, которое онъ имѣлъ относительно пользы печати для администраціи, въ Харьковѣ, въ Одессѣ и въ Болгаріи, —но не придется только „при установленіи, какъ выразился онъ, между нами *взаимнаго* довѣрія; не всѣ администраторы поставятъ такое условіе, какъ „взаимное довѣріе". При этомъ, князь торжественно объявилъ, что „въ настоящее время идетъ рѣчь объ измѣ-

ненія положенія кавказской цензуры—о подчиненіи ея непосредственно министерству внутреннихъ дѣлъ"; но не всякій начальникъ края могъ бы при этомъ сознаться въ томъ, въ чемъ могъ признаться князь Дондуковъ-Корсаковъ: „Не скрою отъ васъ—говорилъ онъ собравшимся мѣстнымъ редакторамъ—что осуществленіе такого предположенія значительно *облегчитъ* лежащую на мнѣ отвѣтственность по управленію краемъ". Для многихъ такое приравненіе провинціальной печати къ столичной усугубитъ ихъ отвѣтственность, и рѣшеніе вопроса: почему?—могло бы быть вмѣстѣ и новымъ побужденіемъ поспѣшить распространеніемъ закона 5 апрѣля 1865 г. на всю провинціальную печать: по крайней мѣрѣ, мы желали бы такъ понимать предположеніе о подчиненіи кавказской печати центральному вѣдомству имперіи.

Когда, слишкомъ сто пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вѣсть о смерти Ньютона дошла, черепашьимъ шагомъ, до Москвы и Петербурга, число русскихъ, способныхъ понять ея значеніе, едва ли доходило тогда и до десятковъ. Вѣсть о смерти Дарвина облетѣла, въ нѣсколько дней, все образованное русское общество; громадная потеря, понесенная наукой, оцѣнена въ Россіи, какъ и за границей, сотнями лицъ, изучавшихъ сочиненія великаго ученаго, тысячами лицъ, знакомыхъ съ ними по журнальнымъ статьямъ или по наслышкѣ. Полтора столѣтія, такимъ образомъ, прошли не даромъ; насколько желѣзныя дороги и телеграфы придвинули Россію къ Европѣ матеріально, настолько же распространеніе знаній сблизило ту и другую умственно. Духовное родство между Востокомъ и Западомъ, такъ часто игнорируемое, или отрицаемое, чувствуется въ подобныя минуты съ особенною силой. Не станемъ, однако, обманывать самихъ себя; не станемъ утверждать, что передъ лицомъ такого событія, какъ смерть Дарвина, положеніе русскаго образованнаго человѣка ничѣмъ не отличается отъ положенія образованнаго англичанина, нѣмца или француза. Послѣднимъ нѣтъ причины умалчивать о той или другой сторонѣ ученія Дарвина, говорить иносказательно о той или другой его гипотезѣ; они могутъ принимать или отвергать его выводы, дополнять или ограничивать ихъ, не стѣсняясь ничѣмъ инымъ, кромѣ собственнаго убѣжденія. Само собою разумѣется, что убѣжденіе это далеко не всегда свободно отъ вліянія традицій, предразсудковъ, застывшихъ до неподвижности взглядовъ; но оно всегда можетъ быть выражено цѣликомъ, безъ вынужденныхъ урѣзокъ и оговорокъ. Для русскаго писателя такая возможность ограничена; стѣсненія, тяготѣющія надъ нимъ въ области текущей политики, преслѣдуютъ его иногда

и въ области чистой науки. „Классическое сочиненіе Дарвина—восклицаетъ патетически одинъ изъ русскихъ ученыхъ въ статьѣ, посвященной памяти геніальнаго естествоиспытателя—сняло древнія, заповѣдныя печати съ научной мысли человѣка, и онъ съ изумленіемъ остановился, пораженный той необозримой, великой далью, которая раскрылась передъ его міросозерцаніемъ. Онъ не только увидалъ прошедшее—передъ нимъ раскрылось будущее, раскрылась безконечная перспектива развитія". Въ этой характеристикѣ „эволюціонизма" нѣтъ ничего преувеличеннаго; но „заповѣдныя печати", снятыя съ *мысли*—съ русской научной мысли, какъ и со всякой другой—у насъ продолжаютъ еще сдерживать *слово*. „Необозримая великая даль" не можетъ быть освѣщена достойнымъ ея свѣтомъ, „безконечная перспектива" можетъ быть показываема лишь украдкой, можетъ быть видна только посвященному глазу, привыкшему разбирать предметы въ полу-тьмѣ, сквозь полу-прозрачныя покрывала. Недостаточныя для того, чтобы совершенно скрыть сущность новой доктрины, эти покрывала часто заставляютъ видѣть въ ней то, чего въ ней вовсе нѣтъ, сосредоточиваться исключительно на тѣхъ сторонахъ ея, которыя признаются наиболѣе опасными. Приверженцы старины любятъ обвинять своихъ противниковъ въ рабскомъ поклоненіи передъ „послѣднимъ словомъ науки"; но тѣ немногіе факты, которые можно привести въ подтвержденіе этого обвиненія, объясняются именно тѣмъ, что „послѣднее слово науки" слишкомъ часто является у насъ запретнымъ или полу-запретнымъ плодомъ, со всею его притягательною силой. Гипотеза, подлежащая безпрепятственному, всестороннему обсужденію, остается гипотезой,—и только; изъятая же изъ обращенія, она, къ сожалѣнію, пріобрѣтаетъ, для большинства послѣдователей ея, характеръ аксіомы.

Примѣненіе эволюціонизма къ соціологіи, къ прошедшему и будущему человѣчества—одна изъ тѣхъ задачъ, на которыхъ всего чаще останавливается современная мысль. Надъ разработкой ея потрудилась немало и русская литература. Господствующимъ у насъ, въ этомъ отношеніи, взглядомъ слѣдуетъ признать тотъ, который не допускаетъ полной аналогіи между борьбой за существованіе въ природѣ и борьбой за существованіе въ человѣческомъ обществѣ. Мысль, чувство, сознательное измѣненіе данныхъ извнѣ условій,—вотъ элементы, съ которыми необходимо считаться, какъ только мы переходимъ отъ органическаго къ тому, что̀ Спенсеръ называетъ сверхъ-органическимъ или надъ-органическимъ. Для теоріи невмѣшательства здѣсь нѣтъ мѣста—нѣтъ, слѣдовательно, мѣста и для сравнительно простого отношенія между сильнымъ и слабымъ, наблюдаемаго нами въ природѣ. Возможность искусственной охраны для

всего слабаго—вотъ характеристическая черта общественнаго устройства, общественной жизни. Весьма часто такая охрана достается на долю того, чтó не заслуживаетъ или не требуетъ охраненія, весьма часто она еще болѣе наклоняетъ вѣсы въ ту сторону, въ которую они не наклонились бы сами собою; но въ такомъ распредѣленіи точекъ опоры нѣтъ ничего фатальнаго и неизбѣжнаго. Однажды признанное несправедливымъ, оно должно подлежать измѣненію, составляющему только вопросъ времени. Чѣмъ больше обостряется въ современномъ обществѣ борьба за существованіе, тѣмъ понятнѣе стремленіе примѣнить къ ней цѣликомъ законы, управляющіе тою же борьбою въ природѣ,—но стремленіе это носитъ въ себѣ самомъ залогъ неудачи. „Быть можетъ,—говоритъ г. Вагнеръ (въ статьѣ, на которую мы уже ссылались),—безчеловѣчное перенесеніе принципа борьбы за жизнь изъ природы въ людскія общества имѣло бы смыслъ и результаты такіе же, какъ въ природѣ,—но для этого необходимо, чтобы точно такъ же, какъ въ природѣ ничего внѣшняго, придуманнаго и искусственнаго не вмѣшивалось въ жизнь общества, въ эту битву жизни. Пусть общественныя учрежденія и привилегіи охраняютъ физически слабое, но крѣпкое умомъ или талантомъ, или пусть они примутъ подъ свою защиту слабое умомъ, но кроткое физической, мускульной силой,—потому что и эта сила можетъ погибнуть отъ чрезмѣрнаго напряженія и надрыва. Но пусть они не покровительствуютъ тому, чтó не имѣетъ ни умственной, ни физической силы, а одну только силу наслѣдственнаго капитала". Въ этихъ словахъ заключается очевидное противорѣчіе. Если учрежденія „берутъ подъ свою защиту слабое умомъ или физической силой", то „внѣшнее, искусственное вмѣшательство" имѣется уже на лицо, и „битва жизни" происходитъ уже не при тѣхъ же точно условіяхъ, какъ битва природныхъ силъ. А слабое *и* умомъ, *и* физической силой—развѣ оно можетъ быть оставлено внѣ покровительства общественныхъ учрежденій! Вполнѣ послѣдовательными въ этомъ отношеніи не рѣшаются быть и самые крайніе дарвинисты, увлеченія которыхъ находили мало отголосковъ на русской почвѣ. Попытка вообразить себѣ „битву жизни" безъ „вмѣшательства общественныхъ учрежденій" обратилась у г. Вагнера въ признаніе одной, въ отрицаніе другой формы вмѣшательства, сообразно съ личными симпатіями автора,—и это совершенно естественно, потому что полное равнодушіе къ борьбѣ, полное безучастіе въ битвѣ жизни несовмѣстно съ самымъ существованіемъ общественныхъ учрежденій.

Приложеніе эволюціонизма къ соціологіи—дѣло новое, не допускающее еще большой точности частныхъ выводовъ, большой вѣрности предсказаній. Напрасно г. Вагнеръ берется рѣшать, кому доста-

нется побѣда въ битвѣ жизни, кому суждено пораженіе; въ его догадкахъ нѣтъ ровно ничего научнаго, хотя онъ и связываетъ ихъ съ именемъ Дарвина. „Побѣда—говоритъ онъ — достанется той бродячей, кочующей націи, не имѣющей отечества, которой цѣпкая, тягучая живучесть выработывалась вѣковымъ гнетомъ и гоненіями. Это самые крѣпкіе и опытные борцы въ битвѣ жизни, въ борьбѣ за существованіе... Они на все способны и все умѣютъ взять оборотливостью, терпѣніемъ, обманомъ, беззастѣнчивой наглостью или просто нахальствомъ... Давно уже они поняли, что сила не въ альтрюизмѣ, а въ экономическомъ принципѣ, давно догадались, что деньги—единственная сила, которая можетъ покорить міръ,—и теперь владѣютъ уже полъ-міромъ, если не болѣе... Въ теченіи многихъ вѣковъ подъ вліяніемъ гоненія выработывался въ этой націи подборъ производителей, болѣе ловкихъ, находчивыхъ, которые умѣли скрыться во время, увернуться или откупиться отъ преслѣдованій. Потомство этихъ производителей, цѣлый длинный рядъ поколѣній существовалъ при тѣхъ же условіяхъ борьбы, которая вошла въ плоть и кровь націи, сдѣлалась потребностью организма,—и *теперь только грубая физическая сила можетъ остановить ея дальнѣйшія стремленія къ эксплуатаціи другихъ національностей*". Такова будущность, ожидающая евреевъ; но по теоріи самого автора слѣдуетъ, что новая „грубая, физическая сила" можетъ только вызвать новыя усилія изворотливости и пріисканіе новыхъ путей къ эксплуатаціи.

На долю насъ, русскихъ, выпадаетъ политическій гороскопъ самаго неутѣшительнаго свойства: „Уничтожаетъ цивилизацію тотъ нравственный маразмъ, которымъ теперь, какъ кажется, уже заразилось наше современное общество. Мы дремлемъ въ нашей неподвижности, стремимся къ развитію антиобщественныхъ явленій, стремимся къ наслажденію жизнью и горько жалуемся и въ тайнѣ бранимъ нашъ политическій режимъ, какъ будто этотъ режимъ въ состояніи замѣнить тѣ внутреннія силы саморазвитія, которыя гибнутъ отъ нашего собственнаго бездѣйствія... Наше нравственное худосочіе передается нашимъ будущимъ поколѣніямъ... Въ безумной скачкѣ къ наслажденію, къ захвату, уцѣлѣютъ и выживутъ безчеловѣчные хищники, цивилизованные кулаки и міроѣды. Все богатое альтрюизмомъ, любовью къ меньшему брату будетъ мало-по-малу удалено, задушено въ его весеннемъ цвѣту. Что же останется? Изъ какихъ силъ будетъ сложено будущее русское общество? Вотъ тяжелый вопросъ, который самъ собою выходитъ изъ принциповъ Дарвина".

Нѣтъ, отвѣтимъ мы ученому пессимисту; вопросы, которые онъ ставитъ, и въ особенности рѣшенія, которыя онъ предлагаетъ, вытекаютъ вовсе не изъ принциповъ Дарвина, а изъ личныхъ наблюде-

ній, не всегда правильныхъ, надъ нѣкоторыми печальными явленіями современной жизни. Деньги и теперь—не единственная сила, управляющая міромъ; но если бы даже и можно было признать за ними исключительное господство въ данную минуту, то гдѣ же ручательство въ томъ, что онѣ сохранятъ эту роль навсегда, что имъ, и имъ однѣмъ,—принадлежитъ будущее? Могущество денегъ имѣетъ начало, можетъ имѣть и конецъ, или по крайней мѣрѣ предѣлъ. Мы можемъ прослѣдить его происхожденіе, его развитіе, его успѣхи,—но именно потому мы не въ правѣ утверждать, что оно будетъ рости безгранично и непрерывно. Значеніе евреевъ, до крайности преувеличенное г. Вагнеромъ въ настоящемъ, болѣе чѣмъ проблематично въ будущемъ. Новыя комбинаціи общественныхъ и народныхъ силъ, точно опредѣлить которыя еще нельзя, но можно смутно предвидѣть, могутъ измѣнить не только положеніе еврейскаго племени, но и его свойства, которыя уже и теперь далеко не одни и тѣ же въ Англіи и въ Германіи, во Франціи и въ Россіи. Вѣковой гнетъ выработалъ въ евреяхъ типическія черты, устойчивыя и глубокія,—но отсутствіе гнета, когда и оно въ свою очередь продлится нѣсколько вѣковъ, столь же неизбѣжно должно искоренить эти черты, или сгладить ихъ до неузнаваемости. Сдѣлаемъ еще одну уступку; допустимъ, что евреи никогда не перестанутъ быть евреями въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, что они останутся неподвижными среди всеобщаго движенія. Отношеніе ихъ ко всему окружающему тѣмъ не менѣе будетъ постоянно измѣняться помимо ихъ участія, ихъ воли,—просто въ силу измѣненія обстановки. Настанетъ же время, когда вообще „обманъ, беззастѣнчивость, нахальство“ сдѣлаются плохими орудіями борьбы, негодными средствами нападенія и даже защиты. Замѣчательно, что самъ г. Вагнеръ вводитъ въ свое пророчество такой элементъ, который подрываетъ его въ самомъ корнѣ. Съ увѣренностью можно обѣщать торжество только *непобѣдимой* силѣ — непобѣдимой, по меньшей мѣрѣ для тѣхъ противниковъ, борьба съ которыми принимается въ разсчетъ, входитъ въ составъ предсказанія. Такою силой еврейское племя, съ точки зрѣнія г. Вагнера, названо быть не можетъ; ему противупоставляется уже теперь, какъ нѣчто равное или высшее, *грубая физическая сила*, способная „остановить его стремленіе къ эксплуатаціи другихъ національностей“. Если это такъ, то на какомъ же основаніи г. Вагнеръ предвѣщаетъ евреямъ „побѣду въ неравной борьбѣ“? Грубая физическая сила теперь, какъ и всегда, имѣется на лицо, пустить ее въ ходъ не трудно; чтобы одолѣть врага этимъ первобытнымъ способомъ, не нужно выжидать успѣховъ цивилизаціи, коренныхъ преобразованій въ условіяхъ общественной жизни. Въ заключительномъ выводѣ г. Вагнера кроется, впрочемъ, нѣчто большее, чѣмъ

простая логическая ошибка; этотъ выводъ можетъ быть обращенъ въ точку опоры для такихъ стремленій, съ которыми, безъ сомнѣнія, вовсе не солидаренъ самъ авторъ. Если бороться съ евреями нельзя иначе, какъ посредствомъ „грубой физической силы“, если это орудіе борьбы—единственно возможное не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, то не слѣдуетъ ли отказаться разъ навсегда отъ всякой мысли о мирномъ разрѣшеніи „еврейскаго вопроса“? Не слѣдуетъ ли провозгласить не только законность, но и необходимость насильственныхъ мѣръ противъ евреевъ? Затруднительнымъ можетъ оказаться только опредѣленіе самого свойства этихъ мѣръ. Опасность, сопряженная съ побѣдой еврейскаго племени, угрожаетъ—съ псевдо-научной точки зрѣнія г. Вагнера—не одной только Россіи, но и всѣмъ государствамъ, въ которыхъ живутъ евреи. Простымъ выселеніемъ евреевъ за границу (если только столь радикальное средство можно назвать простымъ) „еврейскаго вопроса“, вслѣдствіе этого, порѣшить нельзя; наши сосѣди, предупрежденные г. Вагнеромъ, поспѣшатъ сдѣлать изъ ученія Дарвина тотъ же теоретическій выводъ, то же практическое заключеніе, и наложатъ свое veto на всякій новый наплывъ зловреднаго элемента. Остается, затѣмъ, только одинъ исходъ: заблаговременно отыскать страну, куда не успѣлъ еще проникнуть дарвинизмъ, и направить туда евреевъ со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра, употребивъ для того, въ случаѣ надобности, „грубую физическую силу“. Говоря серьёзно, нельзя не пожалѣть, что наука, въ лицѣ уважаемаго профессора, является на помощь нѣкоторымъ газетнымъ стремленіямъ, не имѣющимъ съ наукою ничего общаго.

Менѣе опасенъ, но не болѣе наученъ взглядъ г. Вагнера на „нравственное худосочіе“ современнаго русскаго общества. Сѣтованія этого рода мы слыхали весьма часто, какъ слыхали ихъ и наши отцы, какъ услышатъ ихъ, по всей вѣроятности, и наши дѣти; онѣ имѣютъ свой raison d'être, свое основаніе,—но главнымъ источникомъ ихъ всегда служило и служитъ субъективное настроеніе сѣтующаго, и отъ ссылки на Дарвина авторитетность ихъ не увеличивается ни на одну іоту. Всѣ недуги, констатируемые г. Вагнеромъ, несомнѣнно существуютъ; есть и стремленіе къ наслажденію, къ хищничеству, къ захвату, есть и развитіе анти-общественныхъ явленій, есть и бездѣйствіе, и нравственный маразмъ; но авторъ даже не попытался опредѣлить степень распространенія этихъ недуговъ, сравнительное отношеніе легко и тяжко больныхъ, здоровыхъ и зараженныхъ элементовъ. Всѣ мрачныя предсказанія его оказываются, такимъ образомъ, построенными на пескѣ, страшными только для тѣхъ, кто заранѣе раздѣляетъ пессимизмъ предсказателя. Привычка обращаться въ мірѣ науки не предохранила г. Вагнера отъ двухъ ошибокъ, въ

которыя обыкновенно впадають жалующіеся на упадокъ нравственности, на порчу нравовъ. Онъ не сличилъ данныхъ, представляемыхъ настоящимъ, съ ближайшимъ и болѣе отдаленнымъ прошедшимъ; онъ поспѣшилъ признать характеристической чертой нашего времени то, что̀ вовсе не составляетъ его исключительной принадлежности. О „коснѣніи", о „маразмѣ" русскаго общества говорилось много разъ, говорилось съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ въ переживаемую нами минуту; это не мѣшало, однако, осужденному на смерть проявлять признаки жизни, какъ только исчезали условія, вызвавшія и поддерживавшія летаргію. Съ другой стороны, наблюденія г. Вагнера не идутъ дальше поверхности общества, понимаемаго притомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова; они не обнимаютъ собою ни того, что̀ происходитъ въ народѣ, ни того, что̀ совершается внѣ обычныхъ заурядныхъ рамокъ общественной жизни. Забудьте на минуту, что вы читаете статью, написанную по поводу смерти Дарвина, и вы услышите въ словахъ г. Вагнера отголосокъ мнѣнія, давно повторяемаго на всѣ лады, но повторяемаго обыкновенно въ болѣе простой формѣ безъ ученаго аппарата. Въ противуположность ходячему французскому взгляду, всегда и во всемъ обвиняющему правительство, это мнѣніе все взваливаетъ на общество, исходя изъ убѣжденія, что „tout peuple a le régime qu'il mérite d'avoir". Бездѣйствіе общества—вотъ, въ глазахъ г. Вагнера, настоящій корень зла; жалобы на политическій режимъ онъ готовъ, повидимому, отнести къ числу доказательствъ нашего маразма. Весьма досадно, что объемъ газетной статьи помѣшалъ автору указать подробно средства нарушить это бездѣйствіе. Полагаетъ ли онъ, что русское общество недостаточно пользуется предоставленной ему свободой мысли, свободой печати, свободой преній? Считаетъ ли онъ возможнымъ, при существующихъ условіяхъ, болѣе активное участіе общества въ мѣстномъ самоуправленіи, въ поднятіи благосостоянія и развитія народа? Убѣжденъ ли онъ, что только вслѣдствіе апатіи общества Россія не покрывается цѣлою сѣтью ассоціацій съ общеполезною цѣлью? Внутреннія силы саморазвитія въ русскомъ обществѣ есть, это признаетъ самъ г. Вагнеръ; что же мѣшаетъ имъ заявлять о своемъ существованіи? Сила и бездѣйствіе, если оно не вынужденное—развѣ это не логическое противорѣчіе? Общество, разсматриваемое, какъ одно цѣлое, несомнѣнно терпитъ отъ хищничества, отъ міроѣдства; почему же оно не реагируетъ противъ нихъ? Неужели и здѣсь бездѣйствіе дорого ему, какъ dolce far niente—для традиціоннаго неаполитанскаго лаццароне—говоримъ: *традиціоннаго*, потому что лаццароне реальный оказывается вовсе не лѣнивымъ?

Хорошей иллюстраціей къ мнѣнію г. Вагнера о „бездѣйствіи“ русскаго общества можетъ служить біографія кн. А. И. Васильчикова, недавно появившаяся въ печати [1]. Чтò мы узнаёмъ изъ нея?—Вся жизнь покойнаго писателя, какъ то оказывается теперь несомнѣнно, наполнена борьбою—борьбой негромкой, мало замѣтной, но тѣмъ болѣе тяжелой. Привычки и требованія аристократической среды, провинціальные нравы временъ цвѣтущаго крѣпостничества, предубѣжденія высшей администраціи, обычное недовѣріе къ земству, къ литературѣ, къ независимому слову—вотъ тѣ условія, съ которыми постоянно долженъ былъ считаться кн. Васильчиковъ, которыя не переставали тяготѣть надъ нимъ до самой его смерти. Онъ хочетъ работать въ провинціи—къ этому относятся чуть не какъ къ признаку неблагонамѣренности; онъ хочетъ ограничить хоть сколько-нибудь злоупотребленія помѣщичьею властью—и долженъ оставить избранную имъ службу, съ репутаціей подозрительнаго человѣка; онъ хочетъ возразить противъ той или другой системы, признаваемой имъ, и вполнѣ правильно, крайне опасной для Россіи—и долженъ два раза обращаться для этого къ заграничному типографскому станку; онъ хочетъ быть земскимъ дѣятелемъ, достойнымъ этого имени—и долженъ выдти изъ рядовъ земства; онъ хочетъ основать газету—но оказывается для этого недостаточно благонадежнымъ. Изъ его книги вырываются цѣлыя страницы; его административныя способности находятъ примѣненіе только въ тѣсной сферѣ комитета ссудо-сберегательныхъ товариществъ; включенный однажды въ число „свѣдущихъ людей“, онъ не получаетъ вторичнаго призыва. Несмотря на все это, кн. Васильчиковъ не кладетъ пера, не отказывается отъ работы, гдѣ только она является возможной; онъ работаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ самимъ собою, открыто сознается въ своихъ ошибкахъ, исключаетъ изъ второго изданія „Землевладѣнія и земледѣлія“ возраженія противъ крестьянскаго малоземелья, измѣняетъ свой взглядъ и на другой жгучій вопросъ современной жизни. Въ послѣднемъ произведеніи своемъ: „Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи“ онъ высказался за отсрочку политическихъ реформъ до окончанія экономическихъ, за „укрощеніе порывовъ къ гражданскому устройству, пока не обезпечено и не упрочено народное благосостояніе“. Судя по словамъ г. Голубева, на этомъ мнѣніи кн. Васильчиковъ не остановился: „Его интересовала правильная постановка призыва „свѣдущихъ людей“, опредѣленіе тѣхъ общественныхъ единицъ, гдѣ бы долженъ былъ происходить выборъ такихъ общественныхъ представителей,

[1] „Князь А. И. Васильчиковъ“. Біографическій очеркъ, составленный А. Голубевымъ. Спб., 1882.

опредѣленіе ихъ роли, ихъ правъ и т. д. Если кн. Александру Иларіоновичу удалось занести на бумагу все, что онъ думалъ въ этомъ направленіи, и если когда-либо его рукописи суждено быть изданной, то она засвидѣтельствуетъ, какъ близко онъ принималъ къ сердцу общественное дѣло, какъ вѣрно понималъ задачи времени, и какъ честно отказывался отъ нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ мнѣній, не выдерживавшихъ критики передъ лицомъ совершившихся событій. Мнѣнія его о значеніи общественнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ останутся памятниками прогрессивнаго развитія его мысли".

Если кн. Васильчиковъ не сдѣлалъ всего того, на что позволяли разсчитывать его силы, то неужели причиной этому была апатія, „коснѣніе", „маразмъ"? Намъ могутъ возразить, что такихъ людей, какъ кн. Васильчиковъ, въ нашемъ обществѣ немного; но на чемъ же основана такая увѣренность? Если бы кн. Васильчиковъ не нашелъ въ себѣ достаточно рѣшимости и литературнаго таланта, чтобы сдѣлаться писателемъ—и сдѣлаться имъ въ такомъ возрастѣ, когда чаще перестаютъ, чѣмъ начинаютъ писать—то многимъ ли, въ настоящую минуту, было бы извѣстно его имя? А между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что кн. Васильчиковъ могъ бы быть не только писателемъ, и главнымъ его призваніемъ была не литературная дѣятельность. Вмѣстѣ съ именемъ Ю. Ѳ. Самарина и нѣкоторыми другими, имя кн. Васильчикова останется живымъ доказательствомъ того, что „внутреннія силы саморазвитія" не всегда гибнутъ у насъ отъ „нашего собственнаго бездѣйствія", какъ то думаетъ г. Вагнеръ.

Издатель и редакторъ М. Стасюлевичъ.